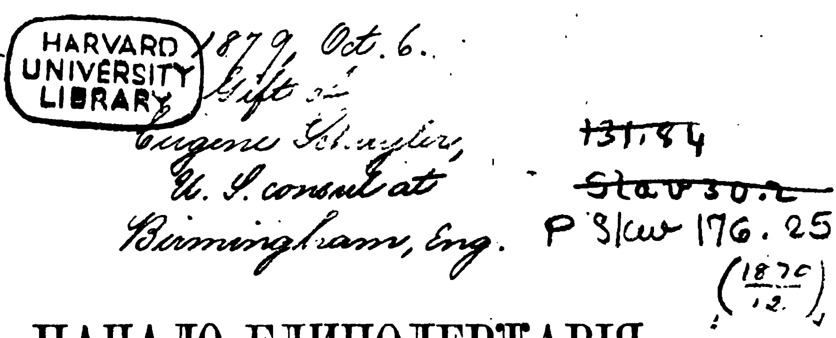


Въ типографіи Ф. Сущинскаго. Могилевская, 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 12-ая. — ДЕКАБРЬ, 1870.



НАЧАЛО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

VI*).

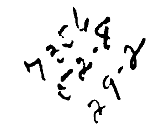
Татарское нашествіе совершилось внезапно. Неволя охватила свободолюбивую Русь вдругъ; никто не предвидѣлъ, никто не предчувствовалъ этого удара. Вліяніе, которое это событіе имѣло на послѣдующую жизнь Руси, зависитъ не столько отъ свойствъ и характера завоевателей, сколько отъ способа самаго завоеванія и отъ обстоятельствъ, его сопровождавшихъ. Кто бы ни завоевалъ Русь—для нея важно было именно то, что она была завоевана.

Размышляя о нашествіи татаръ, слѣдуетъ не упускать изъ виду важнаго обстоятельства. Русь, раздробленная и заранѣе растратившая въ междоусобіяхъ свои средства къ защитѣ, не могла собраться на отпоръ невѣдомому и нежданному врагу; въ ней не оказалось ни ума, ни разсчета — царствовала поголовная безтолковщина. Князья и ихъ земскіе совѣтники пренебрегли новою силою, безразсудно раздражили ее, не приготовившись, смѣло вышли противъ нее въ степь и тамъ погибли. Вслѣдъ затѣмъ не предпринималось никакихъ мѣръ къ оборонѣ; кто не ожидалъ возвращенія враговъ; русскіе продолжали заниться своими дрязгами. Прошло 13 лѣтъ, и враги въ другой разъ появились также нежданно, какъ и въ первый; и теперь,

*) См. выше: нояб. 5 стр.

послѣ даннаго урока Русь не поумнѣла; за то ея энергія и мужество были изумительны: вездѣ русскіе защищали свою свободу съ истиннымъ геройствомъ. Ни одинъ городъ не сдался татарамъ. У монгольскихъ завоевателей было такое правило: если побѣжденные покоряются — щадить ихъ, и чѣмъ они покорнѣе, тѣмъ милостивѣе съ ними обходиться; русское правило: лежачаго не бьютъ, вполнѣ примѣнялось къ политикѣ монголовъ; за то, если покоряемые упорно защищаются—слѣдуетъ истреблять ихъ безъ разбора отъ мала до велика. Такъ разсчитывали монголы, и разсчетъ варваровъ былъ вѣренъ. Меньше останется людей— нельзя имъ будетъ поднять оружіе, и будутъ они покорны по неволѣ, хотя бы и не хотѣли покориться добровольно. Русь показала себя передъ ними крайне упорною, и потому была опустошена до крайней степени. Завоеватели принуждены были брать города приступомъ; жители погибали въ отчаянной рѣзнѣ; враги въ неистовствѣ убивали малыхъ и престарѣлыхъ, только немногія женщины попадались въ плѣнъ, а иныя спасались отъ плѣна самоубійствомъ. Тѣ изъ русскихъ, которые были потрусливѣе, разбѣгались по лѣсамъ, но, спасаясь отъ непріятельскаго меча, умирали отъ голода и холода. Исключая Новгорода, Смоленска и Бѣлорусскихъ княженій, куда не заходили завоеватели,— въ остальной Руси едвали осталась десятая часть прежняго населенія, и притомъ, остались въ живыхъ, конечно, только тѣ, которые способнѣе были приладиться ко всякой перемѣнѣ въ общественной жизни. Дорожившіе свободой предпочли рабству смерть: лучше быть потяту, чѣмъ полонену, — говорилъ не даромъ древній пѣвецъ; и завѣщаніе Святослава:—мертвые срама не имутъ,—глубоко лежало въ русскомъ сердцѣ. Меньшинство, оставшееся въ живыхъ, уже не въ силахъ было помышлять о возстаніи: приходилось дрожать за жалкую жизнь, приходилось сживаться съ новыми условіями. Поколѣнія, смѣняя одно другое, возрастали и старѣлись въ этихъ условіяхъ. Измѣнялись понятія, измѣнялся строй общественной жизни и самый народный характеръ. Конечно, безъ колебанія не обходилось; старыя начала не разъ высказывались, но всегда были подавляемы и послѣ каждаго подавленія слабѣли и таяли. Вѣча умолкли. Только въ Новгородѣ и Псковѣ долго еще раздавался ихъ звонъ, но и тамъ старыя жизненныя начала только прозябали, а уже не развивались, и не давали новыхъ формъ.

Условія, въ которыя стали завоеватели къ покореннымъ, должны были неизбѣжно сразу парализовать вѣчевую жизнь. Прежде надъ Русью не было единаго господина,—теперь онъ явился впервые въ особѣ грознаго завоевателя, хана. Русь, по-



коренная его оружіемъ, стала его военною добычею, его собственностью; всѣ русскіе отъ князя до холопа стали его рабами безъ исключенія. Въ этомъ-то рабствѣ Русь нашла свое единство, до котораго не додумалась въ періодъ свободы.

Періодъ порабощенія Руси подъ властью монголовъ разбивается на двѣ половины: въ первой—образуются изъ прежнихъ земель княжескія владѣнія,—рядъ князей и государей съ старѣйшимъ княземъ на челѣ ихъ—всѣ въ безусловной зависимости отъ верховнаго государя, татарскаго хана, истиннаго собственника русской земли; во второй половинѣ — усиливается власть старѣйшаго князя, а власть хана слабѣетъ, и наконецъ старѣйшій князь замѣняетъ собою хана со всѣми его аттрибутами верховнаго государя и собственника русской земли.

Въ первой половинѣ Русь начала представлять изъ себя подобіе съ феодальнымъ порядкомъ, чего прежде не было. Вскорѣ послѣ завоеванія, уцѣлѣвшіе отъ бойни князья стали ѣздить къ хану на поклонъ, и ханъ отдавалъ имъ ихъ княженія въ вотчину. Князья сразу поняли, что теперь ихъ княженія зависятъ отъ воли хана, ихъ государя, какъ прежде зависѣли отъ согласія земли или отъ собственной силы и ловкости. И ходили они въ Орду «про свою вотчину». Здѣсь-то начался великій переворотъ въ русской исторіи. Прежде князь не считалъ и не могъ считать своего княженія вотчиною, т.-е. собственностью; политическій складъ Руси былъ таковъ, что ему и въ голову не могло придти подобнаго стремленія; онъ правилъ землею, какъ правитель: если подчасъ, пользуясь своимъ положеніемъ, онъ дозволялъ себѣ и произволъ, и насиліе, то это все-таки дѣлалось въ качествѣ правителя земли, а не въ значеніи государя, не собственника. Земля ему не принадлежала, земля была сама себѣ государь, а князь—господинъ, которому она сама себя довѣряла и отдавала на рядъ и управу. Если князь произвольно распоряжался землею, то онъ былъ въ такомъ значеніи, въ какомъ, напримѣръ, можетъ быть въ монархическомъ государствѣ, при слабомъ государѣ, ловкій министръ, безусловно властвующій надъ государствомъ: онъ силенъ, но онъ все-таки не государь. Теперь земля перестала быть самостоятельною единицею; мѣсто ея заступилъ князь; она спустилась до значенія вещественной принадлежности. Такъ было въ порядкѣ вещей. Иначе и быть не могло. Монголы не имѣли задачи истреблять вѣру, обычаи и нравы покоренныхъ народовъ; непокорныхъ они избивали, и тогда вѣра, обычаи и нравы пропадали сами собою вмѣстѣ съ людьми, но пока живы были монголамъ принадлежащіе люди, оставались съ ними живы и ихъ признаки

настолько, насколько сами люди покорялись. Монголы застали на Руси—земли и князей. Съ землями имъ нельзя было входить въ непосредственныя сношенія и сдѣлки: нельзя же было вѣчамъ являться къ хану для принятія отъ нихъ милостей и закона. То было физически невозможно. Ханы могли имѣть дѣло только съ отдѣльными личностями, которые бы отвѣчали за земли, а такими личностями были князья. Для удержанія господства надъ страной, ханамъ не представлялось иного средства, какъ возложить на этихъ князей отвѣтственность за покорность, а это возможно было только при расширеніи власти князей, при отдачѣ имъ въ собственность земель, которыми они управляли. Монгольскіе завоеватели поступали съ побѣжденною страною въ извѣстномъ смыслѣ льготнѣе, чѣмъ, напримѣръ, варвары, завоевавшіе провинціи западной римской имперіи: послѣдніе раздавали земли во владѣніе своимъ людямъ; монголы почти не дѣлали этого и, вмѣсто своихъ, жаловали чужихъ, требуя отъ нихъ того, чтó другіе возлагали на своихъ. Ханы принимали покорныхъ князей радушно, милостиво, требовали отъ нихъ только безусловной покорности; кто показывалъ духъ неповиновенія, съ тѣмъ расправлялись жестоко: черниговскій князь поплатился жизнью, отказавшись исполнить обрядъ, который счелъ за нарушеніе своей религіи, но который былъ только знàкомъ покорности. Князь Данило Романовичъ попытался-было медлить поѣздкою къ хану, и за то его волость потерпѣла разоренія, а князь спасся только тѣмъ, что, скрѣпя сердце, долженъ былъ ѣхать къ своему владыкѣ и подвергнуться у него чести, которая злѣе зла показалась современному русскому лѣтописцу, еще не утратившему свободной души предковъ.

Ханы хорошо понимали, что покорность князей невольная. Надъ князьями нуженъ былъ надзоръ, и монголы въ этомъ случаѣ воспользовались тѣмъ, чтó нашли въ обычаяхъ страны. Существовало званіе старѣйшаго князя, званіе неопредѣленное, въ послѣднее время не принадлежавшее никому по какому-либо порядку и даваемое другими тому, кто былъ сильнѣе другихъ и внушалъ къ себѣ уваженіе. Ханы подняли его, дали ему власть, почетъ и силу. За этимъ званіемъ стали гоняться князья, какъ за цѣлью высшаго честолюбія, а оно получалось однимъ путемъ—поклонами и угодничествомъ владыкѣ. Прежде существовало первенство старѣйшихъ городовъ земли надъ пригородами; въ старѣйшихъ городахъ и въ пригородахъ были князья; теперь и тѣ и другіе князья сдѣлались собственниками и отношенія городовъ перешли на нихъ: князья низшіе стали находиться въ болѣе опредѣленной зависимости отъ высшихъ. Князь въ старѣйшемъ городѣ былъ

выше того, кто сдѣлался собственникомъ бывшаго пригорода. Монголы воспользовались и другимъ понятіемъ о старѣйшинствѣ—родовомъ: по умершемъ братѣ старѣйшимъ былъ братъ, слѣдовавшій за умершимъ по времени рожденія, за нимъ другой братъ, третій и т. д., а потомъ уже дѣти, племянники и т. д. Меньшой долженъ былъ почитать старшаго и по нравственному чувству уступать ему, но прежде это было только нравственное семейное понятіе, а не юридическое право, и, какъ мы видѣли, не всегда такъ дѣлалось и отнюдь не считалось необходимымъ, чтобы такъ было. Монголы уважали этотъ нравственный обычай, когда только это имъ было выгодно, и князь, на основаніи такого старшинства получившій власть, былъ крѣпче, чѣмъ былъ бы прежде, когда зависѣлъ отъ произвола земли. Но тѣже монголы не стѣснялись нарушать этотъ нравственный обычай, точно также, какъ въ былое время дѣлали земли, оказывавшія этому нравственному понятію уваженіе до извѣстной степени, но не настолько, чтобы стѣснять имъ свои выгоды; въ этомъ отношеніи то, что принадлежало землямъ, перешло теперь къ ханамъ. Все это были элементы, послужившіе къ неравенству между князьями при одинаковомъ порабощеніи всѣхъ верховному государю—хану.

Князья скоро испытали, что чѣмъ покорнѣе они будутъ вести себя передъ ханомъ, тѣмъ безопаснѣе усидятъ на своемъ княженіи, и ихъ волости будутъ ограждены отъ разоренія. Раболѣпство передъ завоевателемъ служило единственнымъ ручательствомъ за спокойствіе страны. Всѣхъ лучше понялъ это Александръ Невскій—этотъ первообразъ своихъ правнуковъ и праправнуковъ московскихъ князей. Новгородъ не хотѣлъ-было допустить ханскихъ численниковъ, и князь, оказавшій передъ тѣмъ великія услуги Новгороду, выкалывалъ глаза и поролъ носы тѣмъ новгородцамъ, которые подущали народъ не повиноваться завоевателямъ. За это онъ вошелъ въ большую милость у хана и впослѣдствіи могъ быть полезнымъ заступникомъ за Русь. Въ Ростовской области тяжело стало отъ татарскихъ даней: онѣ были на откупу, и сами русскіе не считали предосудительнымъ нагрѣвать себѣ руки отъ народной бѣды. Народъ не могъ скоро измѣнить своихъ привычекъ; зазвонили вѣча, стали бить сборщиковъ. По примѣру Ростова тоже произошло во Владимирѣ, Суздалѣ, Ярославлѣ, Переяславлѣ, Угличѣ и отдаленномъ Устюгѣ. Александръ Невскій тотчасъ же поспѣшилъ въ Орду и успѣлъ утишить гнѣвъ хана. Его вся дѣятельность клонилась къ тому, чтобы охранить русскій народъ отъ печальныхъ слѣдствій, которыя могла на него навести татарская месть за вспышки не-

повиновенія. Онъ умѣлъ подладиться къ завоевателямъ; ему довѣряли, ради его прощали другимъ. Такая ловкость и умѣнье уживаться съ завоевателями не только укрѣпили его власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ подняли и возвысили значеніе старѣйшаго князя, которое потомъ проложило путь къ единодержавію.

Власть старѣйшаго или великаго князя усилилась отъ подчиненія Новгорода. До сихъ поръ Новгородъ не признавалъ своими князьями такихъ, которые, сдѣлавшись новгородскими князьями, могли бы княжить еще и въ другомъ мѣстѣ. Князь долженъ быть выбранъ въ Новгородѣ, жить въ Новгородѣ и служить ему одному. Но съ татарскимъ завоеваніемъ порядокъ и тамъ сталъ измѣняться. Въ XIII-мъ вѣкѣ Новгородъ сдѣлался какъ бы прикованнымъ къ особѣ великаго князя. Призвавъ, по обычаю, къ себѣ въ князья Димитрія Александровича изъ Переяславля, Новгородъ долженъ былъ отказать ему и подчиниться костромскому князю Василію, котораго ханъ призналъ великимъ: онъ этого требовалъ, а за него были татары. Съ этихъ поръ новгородское княженіе остается какъ бы принадлежностью великаго княженія. Великій Новгородъ удерживаетъ внутри себя свой старый вѣчевой строй, но уже не можетъ, какъ прежде, безопасно выбирать князей: онъ долженъ признавать своимъ княземъ великаго, и такъ какъ великій князь не можетъ постоянно жить въ Новгородѣ, то оставляетъ вмѣсто себя намѣстника на Городищѣ. Съ тѣхъ поръ Новгородъ постоянно заботится сколько возможно обезопасить свою свободу отъ великокняжескихъ покушеній. Отсюда рядъ договоровъ съ великими князьями: главною цѣлью ихъ раздѣлить кругъ власти и дѣятельности великаго князя отъ круга земскихъ дѣйствій. Великій Новгородъ и великій князь становятся лицомъ къ лицу въ борьбу между собою. Великій князь хочетъ наложить руку на новгородскую свободу; Великій Новгородъ хочетъ избавиться отъ великаго князя. Долго ни тотъ, ни другой не достигаютъ цѣли. Но власть великаго князя возрастаетъ, и Великій Новгородъ мало-по-малу принужденъ подаваться въ этой борьбѣ.

Значеніе великаго князя не подвергалось уже разнымъ колебаніямъ и зависѣло исключительно отъ благоволенія ордынскаго. Кто рѣшится ослушаться воли хана и называться великимъ безъ его согласія, тотъ платится за это жестоко, и земли, которыя станутъ за такого ослушника, подвергаются разоренію. Такъ случилось въ спорѣ двухъ братьевъ Димитрія и Андрея, сыновей Невскаго. Димитрій, сначала утвержденный въ великокняжескомъ достоинствѣ Ордою, а потомъ, по волѣ Орды, долженствовавшій уступить это достоинство меньшому брату Андрею, вздумалъ-

было сопротивляться, и за это татары, помогая Андрею, два раза страшнымъ образомъ разорили окрестности Ростова, Торжка, Твери, Владимиръ, Суздаль, Муромъ, Переяславль и кромѣ того четырнадцать другихъ городовъ. Можно себѣ представить ужасъ этого событія, послѣдствія усобицы между родными братьями, которые не затрудняются одолѣвать другъ друга, при пособіи поработителей своего отечества, отдавая имъ на съѣденіе истощенное, обнищалое, запуганное населеніе русскихъ земель: а между тѣмъ это событіе было одно изъ важныхъ, подготовлявшихъ Русь къ будущему единодержавію; оно укрѣпляло въ народѣ мысль, что его судьба зависитъ отъ верховнаго единаго владыки; кого назначитъ этотъ владыка—тотъ народу и господинъ; всѣ— и князья, и бояре, и простые поселяне, всѣ равны передъ этимъ владыкою, а за непослушаніе его волѣ придется страшно отвѣчать не только виновнымъ, но и десяткамъ тысячъ невиннаго народа.

Сборъ дани былъ главнѣйшимъ признакомъ порабощенія и самымъ важнѣйшимъ путемъ къ измѣненію понятій и нравственныхъ взглядовъ русскаго народа. Сначала завоеватели посылали за этимъ дѣломъ въ Русь своихъ баскаковъ, потомъ сочли удобнѣе отдавать сборъ дани на откупъ, а потомъ—стали довѣрять его князьямъ, первоначально тамъ, гдѣ князья покорностію и угодничествомъ заслуживали такое довѣріе. Къ концу XIII-го вѣка уже перестали посылать баскаковъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ, и сборъ дани былъ вездѣ возложенъ на князей. Самый размѣръ дани былъ неравенъ и зависѣлъ отъ сдѣлки, заключенной княземъ въ Ордѣ. Понятно, какъ должна была подняться и усилиться власть князя надъ народомъ: отъ него зависѣло распредѣлить дань, назначить, сколько должна была платить та и другая волость; онъ, во имя той непреоборимой верховной силы, которая тяготѣла надъ всѣми равно, онъ требовалъ себѣ покорности и казнилъ непокорныхъ; онъ всегда могъ ихъ устрашить именемъ татаръ, когда только въ этомъ оказывалась нужда. И такой примѣръ мы видимъ на Волыни въ Берестьѣ. Горожане не хотѣли повиноваться распоряженію покойнаго своего князя и признать княземъ его сына, а призвали другого князя: поступокъ ихъ былъ совершенно въ духѣ прежняго времени; но сынъ прежняго князя объявилъ, что онъ призоветъ татаръ, и это такъ устрашило противную ему сторону, что и берестяне покорились, и князь, ими приглашенный, отказался отъ княженія самъ, а берестянъ за ихъ непослушаніе обложили тяжелою данью. Такимъ образомъ, князьямъ стали нужны татары, потому что, въ случаѣ столкновенія съ прежними вѣчевыми началами, могли подать

имъ помощь противъ народа. Князья входили въ дружескія сношенія съ завоевателями, женились на ханскихъ дочеряхъ, служили ханамъ противъ ихъ непріятелей и испрашивали татарской помощи въ своихъ междоусобіяхъ. Въ Ордѣ все можно было купить, иногда и отъ всего откупиться; крѣпость князя на его княжескомъ столѣ измѣрялась подарками, расточаемыми въ Ордѣ ханскимъ любимцамъ, и низкопоклонничествомъ предъ всѣми тѣми, кто имѣлъ на то время въ Ордѣ силу и вѣсъ. То, что̀ князь истрачивалъ въ Ордѣ для своего удержанія на столѣ, выбиралось съ народа съ полнымъ произволомъ. Какъ въ Ордѣ князь покупалъ свои права и вымаливалъ поклонами благосклонность высшихъ себя, такъ его намѣстникамъ и волостелямъ нужно было у своего князя покупать и вымаливать должности и милости. Бояре опирались на князя, какъ князь па Орду; какъ князь получалъ свое княжество отъ хана, такъ и владѣніе имѣніями бояръ обезпечивалось милостію князя; бояринъ пріучался въ случаѣ нужды ползать передъ княземъ, какъ князь передъ ханомъ, и за то могъ распоряжаться съ произволомъ надъ низшимъ или чернымъ народомъ. Необузданный способъ обращенія бояръ съ черными людьми не разъ вызывалъ въ разныхъ мѣстахъ вспышки еще тлѣвшей въ русскихъ сердцахъ искры вѣчевой старины. Въ 1304 году, въ Костромѣ народъ собрался на вѣче и побилъ бояръ. Въ слѣдующемъ 1305 году тоже явленіе было въ Нижнемъ-Новгородѣ: черные люди возстали на бояръ и побили ихъ. Но такія вспышки не могли быть продолжительны и по неудачному исходу не могли увлекать своимъ примѣромъ другихъ. Послѣ нижегородскаго возмущенія, бывшій тогда въ Ордѣ нижегородскій князь воротился домой съ татарами и перебилъ «вѣчниковъ». Слово «вѣче» потеряло прежнее священное значеніе совѣщательнаго собранія свободной земли: оно стало синонимомъ скопища, заговора, бунта и слово «вѣчникъ» значило тоже, что бунтовщикъ. Исчезло чувство свободы, чести, сознанія личнаго достоинства; раболѣпство предъ высшими, деспотизмъ надъ низшими — стали качествами русской души. Паденію свободнаго духа и отупѣнію народа способствовало то, что Русь постоянно была въ разореніи, нищетѣ и малолюдствѣ. Князья, сдѣлавшись государями своихъ волостей, продолжали вести усобицы, но онѣ отзывались гораздо тяжелѣе для русскаго народа, чѣмъ въ прежнія времена, потому что у князей входило къ обычай приглашать татарскія полчища на земли своихъ противниковъ. Едва сѣверная Русь успѣла позабыть страшную эпоху междоусобій сыновей Невскаго, какъ возникъ столь же страшный рядъ усобицъ между Москвою и Тверью, въ которыхъ

по неволѣ принимали участіе и другія русскія земли. Московскіе князья менѣе всѣхъ были разборчивы въ средствахъ. Во время борьбы Юрія съ Михаиломъ нѣсколько разъ проходили по владимірской и тверской землямъ помогавшія Юрію татарскія орды. Послѣ трагической кончины двухъ тверскихъ князей, третій изъ нихъ купилъ себѣ великое княженіе условіемъ, черезъ-чуръ тяжелымъ для разореннаго и безъ того уже народа — дозволить брать двойную дань съ своей волости. По такому договору нахлынули татары въ тверскую землю. Князь приказывалъ народу терпѣть, но у народа не стало человѣческаго терпѣнія. Народъ принялся избивать недобрыхъ гостей, и князь, наконецъ, принужденъ былъ стать за-одно съ народомъ. Соперникъ Александра, московскій князь, какъ только услыхалъ о томъ, что́ случилось въ Твери, тотчасъ поспѣшилъ въ Орду, получилъ тамъ, вмѣсто опальнаго Александра, великое княженіе и пятьдесятъ тысячъ татаръ для наказанія непокорнаго тверского князя. Другіе князья русскіе, исполняя долгъ рабскаго послушанія хану, также должны были идти на Александра. Тогда тверская земля была опустошена до того, что казалась безлюдною, и остатки уцѣлѣвшихъ отъ погрома долго послѣ того, по замѣчанію лѣтописцевъ, пребывали въ крайней нищетѣ и убожествѣ. Но тверскою землею не ограничился разгромъ: опустошены были земли ростовская и переяславская,—и вообще, куда только ни проходили татары, повсюду они сожигали человѣческія жилища и умерщвляли жителей. Досталось и рязанской землѣ, гдѣ былъ тогда умерщвленъ князь Иванъ Ярославичъ: и эта земля послѣ того долго оставалась въ нищетѣ. Пощажены были земли московскаго князя и это обстоятельство было тогда многознаменательно въ русской исторіи. Московское владѣніе естественно стало богаче остальной сосѣдней Руси: тамъ и жить было безопаснѣе; туда приливало населеніе; увеличивались силы московскаго князя, возрастало его значеніе.

VII.

Понятно, что при періодическихъ посѣщеніяхъ татаръ, при нерѣдкихъ набѣгахъ литовцевъ, да въ добавокъ, при частыхъ княжескихъ усобицахъ, русское народонаселеніе было малочисленно, бѣдно и пріучено къ вѣчному страху за свое существованіе, а потому сдѣлалось способнымъ къ безгласному и безсмысленному повиновенію грозѣ и силѣ и составляло готовый матеріалъ для единодержавія, какъ только обстоятельства могли сложиться удобно для его возникновенія.

Несмотря на всеобщее порабощеніе политической жизни, русская страна была слишкомъ обширна и наполнена труднопроходимыми дебрями и болотами. При этихъ качествахъ въ ней сохранялись нѣкоторые признаки древняго быта, признаки личной свободы человѣка до извѣстной степени. Бояре и слуги (прежняя дружина) назывались вольными людьми, могли оставлять службу одному князю и переходить къ другому, и даже ихъ имѣнія оставались нетронутыми, находясь во владѣніяхъ прежняго князя. Такое условіе мы встрѣчаемъ въ договорныхъ грамотахъ между князьями. Но не слѣдуетъ слишкомъ обольщаться этимъ и воображать, чтобъ свободное положеніе этихъ вольныхъ людей было очень прочно и ограждено отъ произвола. Дѣйствительно, бояре и вольные слуги могли свободно переходить отъ князя къ князю, когда ихъ князья, заключавшіе между собою договоры, жили въ мирѣ; когда при этомъ договоры заключались между сильнѣйшимъ и слабѣйшимъ, такое условіе было выгодно для сильнѣйшаго: отъ слабаго будутъ перебѣгать вольные люди къ сильному, потому что у сильнаго окажется лучше служить, и это право, какъ скажемъ послѣ, очень помогло усиленію московскихъ князей. Но тамъ, гдѣ князья не жили въ ладахъ между собою, такое право было непримѣняемо, особенно когда князья надѣялись на милость Орды. Само собою разумѣется, что князь, не затруднявшійся съ татарскими полчищами разорять земли своего соперника и истреблять его подданныхъ за то, что эти люди не по своему выбору, а по приговору судьбы, признаютъ власть послѣдняго, не стѣснился бы отнять имѣніе у боярина, который, прежде служивши ему, перешелъ на службу къ его врагу. Впрочемъ, въ литературѣ того времени есть признаки, показывающіе, что переходы бояръ и вольныхъ слугъ отъ князя къ князю стали считаться уже несправедливымъ дѣломъ, и нравоучители вооружались противъ *отъѣзда*, какъ противъ измѣны. Это по крайней мѣрѣ говорилось въ московскомъ княженіи по отношенію къ тамошнимъ князьямъ; московскіе князья не любили, чтобъ отъ нихъ отъѣзжали бояре, а чужихъ къ себѣ принимали охотно. Другой признакъ личной свободы существовалъ для низшаго класса, крестьянъ или черныхъ людей, и состоялъ въ правѣ земледѣльцевъ оставлять земли одного боярина и переходить на земли другого. Обычай этотъ былъ полезенъ для народа тѣмъ, что землевладѣльцы, нуждаясь въ работникахъ, естественно должны были привлекать ихъ льготами и вообще предоставленіемъ хорошихъ условій жизни. Но и тутъ, какъ въ дѣлѣ бояръ и вольныхъ слугъ, не должно представлять себѣ, чтобы отъ этого всѣ крестьяне на самомъ дѣлѣ пользовались

во всякое время правами, обезпечивающими за ними свободу и благосостояніе. Не всѣ, не всегда и не вездѣ крестьяне сохраняли за собою право вольнаго перехода. Князья прежде всего лишили этого права крестьянъ, жившихъ на тяглыхъ княжескихъ земляхъ; въ тягло могли прибывать свѣжія рабочія силы, а изъ тягла убывать не смѣли; такого порядка, по крайней мѣрѣ, какъ намъ извѣстно, держались московскіе князья, начиная съ Калиты, по отношенію къ своимъ тяглымъ (т.-е. обязаннымъ доставлять имъ разные доходы) людямъ и, давая грамоты на земли монастырямъ и частнымъ владѣльцамъ, ставили условіе, чтобъ и получившіе грамоты не принимали къ себѣ на земли княжескихъ тяглыхъ волостныхъ людей, за то позволяли имъ преимущественно принимать переселенцевъ изъ иныхъ княженій. Князья другихъ княженій слѣдовали естественно тому же правилу и позволяли землевладѣльцамъ перезывать людей изъ иныхъ княженій, а не изъ своей отчины (А. Э. I. 19). Кромѣ того, по особой милости, князья давали землевладѣльцамъ, особенно монастырямъ, право, по которому принадлежащіе имъ крестьяне не могли переходить съ занимаемыхъ ими земель. Такимъ образомъ, во времена господства крестьянскихъ переходовъ, уже многіе изъ крестьянъ лишены были права перехода и, слѣдовательно, по закону были крѣпки землѣ. Кромѣ крестьянъ, по особеннымъ распоряженіямъ потерявшихъ право перехода и, слѣдовательно, въ сущности личную свободу, были еще на Руси холопы: люди полные (рожденные отъ рабовъ), люди купленные, люди кабальные (сами себя запродавшіе). Всѣ такіе люди находились подъ произволомъ господъ до такой степени, что не допускался никакой доносъ или жалоба холопа на своего «государя». Если бы случилось, что государь поколотилъ холопа такъ сильно, что холопъ отъ побоевъ умеръ — государь не отвѣчалъ за это. Такіе невольные люди не только наполняли боярскіе и княжескіе домы въ качествѣ слугъ, но были поселены на земляхъ, работали на своихъ государей по волѣ послѣднихъ и составляли значительную часть сельскаго населенія. Хотя церковь не переставала оказывать свое благотворное вліяніе, и многіе изъ князей и бояръ, ради спасенія души, предъ смертью отпускали на волю всѣхъ своихъ рабовъ, но рабство отъ этого не уменьшалось, по причинѣ частой продажи самихъ себя въ неволю свободными людьми: состояніе свободнаго человѣка нерѣдко было до того несносно, что онъ, для своего облегченія, шелъ въ рабство, и чувство свободы до такой степени изсякло, что отпущенные на волю пользовались милостію господина для того только, чтобы снова продать себя въ холопы.

Крестьяне свободные, имѣвшіе право перехода съ земли на землю, назывались сиротами и могли пользоваться своимъ правомъ только съ ограниченіями. Такимъ образомъ, только однажды въ годъ дозволено было уходить (отказываться), именно за недѣлю до Юрьева осенняго дня и въ продолженіи недѣли послѣ этого дня. Кто, почему-нибудь, не успѣвалъ воспользоваться этими двумя недѣлями, тотъ обязанъ былъ оставаться у прежняго помѣщика цѣлый годъ безъ прекословія. Принявъ въ соображеніе тогдашнюю многоземельность и сравнительное малолюдство, что̀ можно усматривать въ такомъ явленіи, каково шатаніе безземельнаго народа изъ одного чужого владѣнія въ другое чужое же? Конечно, нищету, утѣсненія, всеобщую тягость, ничѣмъ неограждённое горькое положеніе народа. Почему, въ самомъ дѣлѣ, эти сироты, вмѣсто того, чтобъ, сиротствуя, ходить отъ одного владѣльца къ другому, не селились гдѣ-нибудь на пустопорожнихъ земляхъ и не жили либо общинами, либо въ качествѣ мелкихъ частныхъ собственниковъ? Оттого, что вся земля, какого бы она ни была свойства—заселенная или пустопорожная, удобная или неудобная, пашня, сѣнокосъ, лѣсъ, болото — вся была въ распоряженіи у князя, ибо она дарована была ему отъ хана, истиннаго государя, владѣтеля, собственника всѣхъ покоренныхъ русскихъ земель. Гдѣ земля была пуста и не приносила никакихъ доходовъ, тамъ она въ дѣйствительности никому не принадлежала, но какъ скоро на ней поселялись, какъ скоро ее начинали обработывать люди, такъ князь тотчасъ покажетъ надъ нею право, потянетъ новопоселенныхъ въ тягло или утвердитъ за монастыремъ, либо за частнымъ лицомъ. Всякое поземельное владѣніе, находясь въ области княженія такого или другого князя, давалось или держалось по милости князя и отъ него зависѣло — будь это многоземельная боярская вотчина или десять четей надѣла бѣднаго крестьянина черной общины. Князь налагалъ на жителей своего княженія какіе хотѣлъ дани и поборы и освобождалъ отъ нихъ тѣхъ, кого ему угодно было освободить и пожаловать льготою. Давать земли и оставить ихъ во владѣніи и пользованіи онъ могъ и хотѣлъ только такъ, чтобъ отъ этого происходила выгода ему самому; поэтому, кромѣ монастырскихъ и церковныхъ имѣній, которыя давались князьями въ видахъ спасенія собственныхъ ихъ душъ, слѣдовательно, въ ожиданіи выгодъ не на семъ, а на томъ свѣтѣ, — все остальное давалось съ обязанностію либо служить князю ратнымъ дѣломъ, либо доставлять князю выгоду работами и даньми. Отсюда вытекало, что бояре, дѣти боярскія и вообще вольные владѣльцы земли, получая отъ князя право на позе-

жельную собственность, обязаны были за то служить ему и потому они дѣлались исключительно служилымъ сословіемъ именно потому, что были землевладѣльцы. За услуги или въ видахъ выгодъ, ожидаемыхъ отъ ихъ службы, князь нѣкоторыхъ изъ нихъ освобождалъ отъ тѣхъ повинностей и даней, которыя оставались лежащими на другихъ: то было, однако, не право, не какая-либо постоянная сословная привилегія, а единственно проявленіе воли и милости князя, такъ точно, какъ и обложить тѣхъ или другихъ данями и повинностями зависѣло отъ княжескаго произвола. Бояре имѣли право продавать, закладывать, завѣщать свои вотчины; существовали основанныя на древнихъ обычаяхъ правила, опредѣлявшія отношенія этихъ вотчинъ къ роду владѣльцевъ, но все это не придавало боярскому сословію полной свободы и независимости отъ княжескаго произвола. Будучи недоволенъ за дурную службу себѣ или за неповиновеніе, князь всегда могъ отнять у боярина его вотчину и распорядиться ею по желанію. На тѣхъ земляхъ, которыя не составляли частной собственности и не были раздаваемы никому во владѣніе, князь держалъ упомянутыхъ выше черныхъ, или тяглыхъ волостныхъ людей. То были, вѣроятно, потомки древнихъ свободныхъ сельскихъ общинъ, съ постоянными отливами и приливами населенія въ это сословіе; со времени татарскаго завоеванія на нихъ-то преимущественно легла тягость дани, которую должна была нести порабощенная Русь. Въ XIII-мъ вѣкѣ, по татарскомъ завоеваніи, они были подвергаемы поголовной переписи или «числу» и назывались поэтому численными людьми. Но такъ какъ переписи впослѣдствіи не повторялись, между тѣмъ населеніе возрастало, особенно въ московской землѣ, куда, вслѣдствіе невзгодъ, обуревавшихъ сосѣднія русскія земли, приливало народонаселеніе изъ послѣднихъ, то образовались и умножались тяглые люди, не подвергнутые перечисленію, а численные люди сдѣлались только отдѣломъ или частію всего сословія тяглыхъ волостныхъ людей. Нѣкоторое время они отличались тѣмъ, что князья, при дѣлежѣ своихъ княженій, не полагали въ раздѣлъ численныхъ людей, а завѣщали послѣдующимъ князьямъ блюсти ихъ за-одно, но впослѣдствіи это было утрачено и численные люди пошли въ раздѣлъ за урядъ съ остальными тяглыми и потеряли свое особенное наименованіе.

Тяглые волостные крестьяне съ землями составляли какъ бы зародышъ государственнаго достоянія, въ отличіе отъ княжескаго, именно потому, что доходы, получаемые отъ нихъ, назначались на дань татарамъ, слѣдовательно на такой предметъ, котораго существованіе не зависѣло отъ князя. Но такъ какъ ханы пору-

чили собраніе дани самимъ князьямъ, и послѣдніе платили дань въ разныхъ размѣрахъ, опредѣляемыхъ огуломъ, а раскладка дани на подданныхъ предоставлялась князю, то, чрезъ то самое, тяглые люди попали въ безусловную зависимость отъ князей. Они платили уже дань не хану, а своему князю, а князья, въ своихъ договорахъ между собою, говорили, что въ случаѣ, когда Богъ перемѣнитъ Орду, то-есть когда они освободятся изъ-подъ власти завоевателей, дань, которая платилась хану, должна сдѣлаться достояніемъ князей. Отсюда понятно, какъ свои собственные князья заступали для народа мѣсто иноплеменныхъ завоевателей. Князья брали съ тяглыхъ людей дань уже не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ нужно было имъ самимъ заплатить хану, а по произволу, наблюдая свои собственныя выгоды. Кромѣ дани, тяглые волостные люди были обложены работами, производимыми по размету подъ надзоромъ сотскихъ и старостъ, да еще облагались множествомъ разнообразныхъ поборовъ; названія ихъ извѣстны намъ преимущественно изъ грамотъ, даваемыхъ князьями тѣмъ, которые, по особой княжеской милости, освобождались отъ наборовъ. Таковы были писчая бѣлка, мыто, тамга, восьминичье, костки, ямъ, подводы, явленное, закосное, ставленіе княжескихъ дворовъ, кормленіе княжескихъ коней и пр. и пр. Были еще, сверхъ того, опредѣленные княземъ поборы въ пользу княжескихъ намѣстниковъ, волостелей, доводчиковъ и праветчиковъ, а въ случаѣ суднаго дѣла они платили князю, по старинѣ, судныя пошлины. Всѣ эти поборы простирались и на боярскія и на всякія имѣнія, если они не были освобождены особыми льготными княжескими грамотами. Что такіе разнообразные поборы и повинности вели не къ благосостоянію, а къ утѣсненію народа, показываетъ, во-первыхъ, уже то, что князья, изъ желанія облегчить нѣкоторыхъ, къ кому особенно благоволили, избавляли ихъ отъ этихъ поборовъ и повинностей; во-вторыхъ, то, что жители, не вынося тягостей, не рѣдко разбѣгались, а иные, чтобъ избѣжать тягла, отдавались противозаконно въ холопство; въ-третьихъ, наконецъ, то, что, впослѣдствіи, въ XVI-мъ вѣкѣ разнообразные поборы были замѣняемы огульною платою и при этомъ правительство само высказывало, что при прежнихъ порядкахъ, которые оно тогда устраняло, народъ сильно былъ угнетенъ и особенно терпѣлъ отъ злоупотребленій со стороны намѣстниковъ, волостелей и ихъ подручниковъ. Много вѣковъ несъ народъ такой горькій для него строй тягла безъ исхода. Частыя разоренія, которыя постигали его и отъ татарскихъ нашествій, и отъ набѣговъ Литвы и отъ междоусобныхъ распрей собственныхъ князей, довершали

его бѣдственное положеніе. Не быть въ зависимости отъ землевладѣльца для русскаго крестьянина значило нести тягло и подвергаться тяжелымъ поборамъ и работамъ, да еще быть прикованнымъ къ мѣсту. Конечно, лучше было въ качествѣ «сироты» ходить отъ владѣльца къ владѣльцу. Сирота все-таки лично былъ свободнѣе тяглаго человѣка; тягло, въ древности, было истинное подобіе той неволи, которую впослѣдствіи называли крѣпостнымъ правомъ и во многомъ было тяжелѣе послѣдняго, испытаннаго народомъ при другихъ условіяхъ жизни и нравовъ.

Но и положеніе «сироты», въ сущности, несмотря на видимую личную свободу, было очень часто не лучше, а иногда и хуже положенія не только тяглаго человѣка, но настоящаго раба: объ этомъ, къ-счастію для исторіи, сохранились любопытныя свидѣтельства духовныхъ, вопіявшихъ за горькую участь какъ рабовъ, такъ и сиротъ, называемыхъ въ этихъ свидѣтельствахъ подручными. Обыкновенно крестьянинъ приходилъ къ землевладѣльцу въ нищетѣ и нуждѣ; условія, которыя предлагалъ ему землевладѣлецъ, вначалѣ могли быть необременительны: крестьянинъ могъ обязываться платить хозяину только оброкъ за пользованіе землею и болѣе никакихъ обязанностей на себя не принимать; но будучи въ стѣснительномъ положеніи, онъ, для своего обзаведенія, принужденъ бывалъ дѣлать долги и имѣлъ неосторожность сдѣлать заемъ у владѣльца той земли, на которой поселялся на срокъ за проценты (ростъ), очень высокіе по обычаю того времени, поддерживавшемуся рѣдкостію и дороговизною серебра. Срокъ платежа приходилъ, и крестьянинъ не въ состояніи былъ выплатить. Тогда онъ долженъ былъ согласиться работать владѣльцу за долгъ; иногда же онъ съ перваго дня займа условливался платить владѣльцу ростъ работою; и тогда, при достиженіи срока платежа, не въ силахъ будучи заплатить капитала, крестьянинъ долженъ былъ подвергаться новымъ, болѣе стѣснительнымъ условіямъ. Работу, въ такомъ случаѣ, оцѣнивалъ владѣлецъ: крестьянинъ, находясь по отношенію къ нему въ состояніи неоплатнаго должника, во всемъ ему уступалъ; владѣлецъ, естественно соблюдая свои выгоды, оцѣнивалъ крестьянскую работу елико возможно низко. Крестьянскій долгъ не могъ покрыться этою работою. Новый ростъ увеличалъ долгъ; крестьянинъ, обремененный работою на владѣльца, имѣлъ слишкомъ мало свободнаго времени на работу для себя и не въ силахъ былъ выплатить положеннаго въ началѣ по условію оброка за землю; и вотъ на сумму этого невыплаченнаго оброка насчитывался новый ростъ, и владѣлецъ, при

невозможности получить его съ крестьянина деньгами, обременяетъ за него крестьянина еще новою работою. Наконецъ — приходитъ къ тому, что крестьянинъ все свое время тратитъ на работу владѣльцу, и владѣлецъ помыкаетъ имъ и его семьею какъ невольниками, хотя и оставляетъ за ними званіе свободныхъ людей. Но это званіе для бѣдняковъ уже не преимущество, а тягость. Чтобъ избавиться отъ безвыходнаго положенія неоплатнаго должника, крестьянинъ съ своею семьею часто шелъ въ холопство иногда къ кому-нибудь другому, а иногда къ тому же самому владѣльцу, у котораго состоялъ въ неоплатномъ долгу: въ томъ и другомъ случаяхъ его положеніе временно казалось выгоднымъ; въ первомъ—онъ избавлялся отъ заимодавца и могъ получить отъ покупщика его свободы еще какую-нибудь надбавку сверхъ суммы, покрывавшей его прежній долгъ; въ послѣднемъ — господинъ, пріобрѣтая юридически въ рабы того, кого онъ уже держалъ въ рабствѣ въ дѣйствительности, давалъ ему нѣкоторое облегченіе за это. Но случалось и такъ, что господинъ, за слѣдуемый ему долгъ высосавши всю силу крестьянина и не нуждаясь въ юридическомъ его порабощеніи, прогонялъ его вонъ, чуть не голаго. Тѣмъ крестьянамъ, которые первоначально, приставая къ владѣльцу, заключали съ нимъ болѣе выгодныя для себя условія, и главное, могли обходиться безъ того, чтобъ дѣлаться должниками владѣльца земли, шло, разумѣется, лучше, но и тогда сильнѣйшій всегда имѣлъ возможность притѣснить слабѣйшаго, а на такомъ судѣ, гдѣ все было продажно, сильнѣйшій скорѣе оказывался правъ, чѣмъ его слабый соперникъ. Вообще же, лучшимъ доказательствомъ печальнаго состоянія сиротъ служитъ то, что они повсемѣстно и охотно «закладывались», шли въ законное рабство и мало дорожили своей свободой. Льготнѣе было тѣмъ сиротамъ, которые селились на княжескихъ не-тяглыхъ земляхъ, въ селахъ, не входившихъ въ разрядъ тяглыхъ волостей. Кромѣ послѣднихъ, князья, особенно московскіе, пріобрѣтали себѣ имѣнія, которыми владѣли въ качествѣ такихъ же собственниковъ-вотчинниковъ, какими были и бояре: эти имѣнія назывались селами и слободами, въ отличіе отъ тяглыхъ, именуемыхъ волостями; онѣ-то послужили началомъ того разряда имѣній, которыя, впослѣдствіи, назывались подклѣтными, дворцовыми, а въ болѣе позднее время—удѣльными. Ихъ накопленіе было одною изъ важнѣйшихъ причинъ обогащенія, а черезъ то самое и возвышенія московскихъ великихъ князей. Пріобрѣтая повсюду земли, они называли на нихъ сиротъ и предоставляли имъ значительныя временныя льготы: оттого эти княжескія села и слободы процвѣ-

тали болѣе другихъ населенныхъ мѣстностей Руси, но за то въ нихъ скорѣе и прочнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь ограничивалась свобода перехода. Уже въ XV-мъ в., жалуя частнымъ лицамъ имѣнія, князья ставили условіемъ, чтобы владѣльцы не принимали къ себѣ людей ни изъ волостей, ни изъ княжескихъ селъ, дозволяя, впрочемъ, самимъ себѣ принимать людей изъ волостей и имѣній другихъ князей. Мало-по-малу жители этихъ селъ подпадали всякаго рода поборамъ, которымъ подвергались тяглыя волости и отличались отъ послѣднихъ болѣе по имени и по нѣкоторымъ формамъ управленія, чѣмъ по житейскому быту крестьянъ.

Городовъ въ смыслѣ корпорацій особаго сословія съ особыми правами, кромѣ сѣверныхъ народоправныхъ, въ татарской Руси не существовало; торговля и промышленность до такой степени были ничтожны и отличались первобытными пріемами, что занимавшіеся ими не могли подняться до значенія и правъ, высшихъ надъ крестьянскими. Посады, какъ называлось тогда то, что мы теперь называемъ городами, гдѣ преимущественно сосредоточивались торговля и промыслы, причислялись къ тяглымъ волостямъ; промышленный или торговый человѣкъ отличался отъ пашеннаго только тѣмъ, что участіе его въ таглѣ измѣрялось не землею, а промыслами.

VIII.

Мы представили этотъ бѣглый очеркъ состоянія народа для того, чтобы показать, что въ татарскій періодъ сложились и установились нравственныя и экономическія условія, подготовившія народную громаду къ тому, чтобъ сдѣлаться превосходнымъ матеріаломъ для такого государства, какимъ явилась въ XVI-мъ в. московская монархія. Татарское завоеваніе дало Руси толчокъ и крутой поворотъ къ такой монархіи, но она не могла возникнуть скоро; Русь съ половины XIII-го вѣка до конца XV-го пережила періодъ феодализма.

Употребляя это выраженіе, мы не думаемъ сказать, чтобъ у насъ существовали всѣ тѣ условія, которыя на Западѣ устроили порядокъ, извѣстный подъ именемъ феодальнаго. Но въ человѣческомъ мірѣ не все подобное одинаково. Мы принимаемъ слово *феодализмъ* въ значеніи его общихъ признаковъ и разумѣемъ подъ нимъ такой политическій строй, когда весь край находится въ рукахъ владѣтелей, образующихъ изъ себя низшія и высшія ступени съ извѣстнаго рода подчиненностью низшихъ

высшимъ и съ верховнымъ главою выше всѣхъ. Такой строй существовалъ на Руси вполнѣ. Не допуская важности раздѣла въ русской жизни между до-татарскимъ и послѣ-татарскимъ періодами русской исторіи, нѣкоторые наши мыслители хотѣли видѣть феодальный строй до татаръ, другіе не хотѣли его видѣть и послѣ татаръ. Два эти противоположныя заблужденія исходили изъ одного и того же невѣрнаго взгляда, искавшаго единства тамъ, гдѣ существовало громаднѣйшее различіе. До татаръ у насъ не было феодализма, если только не отыскивать нѣкотораго далекаго съ нимъ подобія въ отношеніяхъ старшихъ и младшихъ городовъ между собою; но съ татаръ онъ дѣйствительно начинается. Верховный владыка, завоеватель и собственникъ Руси, ханъ, называемый правильно русскими царемъ, раздалъ князьямъ земли въ вотчины и по этимъ землямъ они естественно очутились въ неровномъ между собою отношеніи: одни, владѣвшіе прежними пригородами, были ниже, другіе — сидѣвшіе въ главныхъ городахъ — выше. Надъ всѣми ими былъ старѣйшій или великій князь. Вначалѣ это званіе безусловно зависѣло отъ воли хана, давалось князьямъ безъ всякаго вниманія къ какому-либо старшинству земель, владѣемыхъ князьями. Поэтому, бывали старѣйшими князья: Владимирскіе, Костромскіе, Переяславскіе, Тверскіе, Городецкіе, Нижегородскіе; только на городъ Владимиръ показывали они, получивъ санъ старѣйшаго, притязаніе, какъ по воспоминаніямъ силы и значенія этого города, такъ и потому, что сами они происходили отъ предковъ, княжившихъ во Владимирѣ, съ нѣкоторыми признаками старѣйшинства по причинѣ ихъ случайной силы между другими князьями. Съ легкой руки хана Узбека, въ первой половинѣ XIV-го в., званіе старѣйшаго великаго князя утвердилось за московскими князьями, постоянно переходя отъ отца къ сыну, съ ханскимъ утвержденіемъ, и такъ было до тѣхъ поръ, пока не пала и не разложилась Орда и московскіе князья не усилились до возможности замѣстить собою хановъ, и сдѣлаться такими же владыками и собственниками русскихъ земель, какими, по праву завоеванія, при азіатскомъ складѣ понятій, были и считали себя ханы. Только однажды, въ малолѣтство Димитрія Донского, произошло уклоненіе отъ обычнаго перехода званія старѣйшаго великаго князя отъ одного московскаго князя къ другому, его прямому наслѣднику, но и то не надолго. Москва скоро успѣла возвратить себѣ свое право, уже освященное бывшими передъ тѣмъ тремя поставленіями въ великокняжеское достоинство князей московской линіи. Кромѣ старѣйшаго великаго князя московскаго были еще по землямъ князья главные

по отношенію къ низшимъ, и назывались также великими, находясь подъ началомъ великаго, старѣйшаго. За исключеніемъ Новагорода и Пскова, находившихся, съ своими старыми вѣчевыми формами, подъ началомъ или въ полузависимости отъ старѣйшаго великаго князя,—въ другихъ русскихъ земляхъ носили названіе великихъ князей въ XIV-мъ в. суздальскіе и нижегородскіе, рязанскіе, тверскіе, смоленскіе; по временамъ пытались называться великими и другіе, но не удержали за собою этого титула, не имѣя соотвѣтствующаго значенія на дѣлѣ. Подъ началомъ у великихъ князей, въ ихъ областяхъ, находились меньшіе князья. Отношенія между великими и меньшими выражались родственными признаками: меньшіе должны были относиться къ великимъ, какъ дѣти къ отцамъ и племянники къ дядямъ, то-есть съ уваженіемъ, какое подобало оказывать родственникамъ по восходящей линіи. То была одна изъ чертъ различія между феодализмомъ у насъ и на Западѣ Европы. Наши князья всѣ были изъ одного рода, да притомъ часто линіи, ближайшія къ великому князю, оттѣсняли болѣе отдалённыя, и князь, владѣвшій вотчиною въ землѣ великаго, былъ въ самомъ дѣлѣ близкій родственникъ послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, меньшіе князья были въ такой зависимости у великихъ, которая напоминаетъ намъ феодальную лѣстницу на Западѣ. Обязанные взносить великому князю слѣдуемую съ нихъ татарскую дань для передачи по принадлежности, они также обязаны были быть готовыми на ратную помощь великому князю по его призыву. Въ договорахъ между собою, великіе князья говорили меньшимъ: «гдѣ всяду самъ на конь, и вамъ со мною пойти, и гдѣ ми послати васъ пригоже, и вамъ пойти безъ ослушанія, а гдѣ пошлю своихъ воеводъ, и вамъ послати своихъ воеводъ съ нами». Но меньшіе князья управляли своими вотчинами невозбранно и великіе не мѣшались въ ихъ внутренніе порядки. Князья у себя во владѣніяхъ раздавали земли боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, съ обязанностью служить. Было три вида земельныхъ раздачъ: въ вотчину, кормленье и введенье. Отдача въ вотчину значила потомственное право владѣнія—его давали князья за заслуги; но и тѣ старинные владѣльцы, которыхъ родъ съ давнихъ временъ считалъ своею принадлежностью извѣстныя вотчины, стали пользоваться этими имуществами уже на новыхъ основаніяхъ — въ качествѣ вознагражденія за службу, и князь могъ лишать ихъ достоянія за неповиновеніе и измѣну, какъ и тѣхъ, которыхъ надѣлилъ вотчинами вновь. Отдача въ кормленье было пожизненное право пользоваться доходами и владѣть имѣніями, также за обязанность служить за нихъ: то былъ первообразъ помѣст-

наго права, впослѣдствіи широко распространеннаго на Руси. Боярину, называемому введеннымъ, князь поручалъ управленіе и судъ надъ какою-нибудь изъ своихъ волостей, съ удѣленіемъ боярину изъ получаемыхъ доходовъ нѣкоторой части въ качествѣ вознагражденія за управленіе.

Такой феодальный строй могъ существовать и быть крѣпокъ только до тѣхъ поръ, пока была крѣпка и дѣятельна власть Орды. Но сами ханы, вмѣсто того, чтобы, какъ дѣлалось сначала, давать званіе старѣйшаго великаго князя то князю одной, то другой земли и не допускать преемства въ одной линіи, чтобы тѣмъ не допустить одному изъ княженій слишкомъ усилиться надъ другими,—подняли и возвысили московскихъ князей, давая имъ званіе старѣйшаго великаго князя одному за другимъ. Права за московскими князьями не было никакого, кромѣ ханскаго произвола и они именно тѣмъ и пріобрѣтали благосклонность хановъ, что не искали великаго княженія на основаніи какихъ бы то ни было правъ и преданій, а просили только ханской милости, и кромѣ этой верховной милости никакого права знать не хотѣли. Это рѣзко выразилось при соискательствѣ великаго княженія предъ ханомъ, въ 1432 г., Юріемъ Шемякою и Василіемъ Васильевичемъ московскимъ. Когда Юрій думалъ выиграть свое дѣло, ссылаясь на старыхъ лѣтописцевъ и разные старые списки, бояринъ Иванъ Дмитріевичъ, хлопотавшій за Василія, бывшаго еще малолѣтнымъ, указалъ хану, что его князь ищетъ великокняжескаго стола по царскому жалованью: «ты — выразился онъ — вольный царь, воленъ въ своемъ улусѣ кого восхощешь жаловать на твоей волѣ»? Такой аргументъ тогда же понравился хану, и Василій московскій признанъ великимъ княземъ. Съ такимъ презрѣніемъ ко всякимъ историческимъ правамъ, съ такимъ уваженіемъ паче всего къ силѣ и дѣйствительному могуществу, относились всѣ московскіе князья, льстили, раболѣпствовали предъ ханами, между тѣмъ сами усиливались, обогащались, увеличивали свою территорію, а тѣмъ временемъ въ Ордѣ произошли смуты, нестроенія: царство, основанное силою оружія, почти безъ всякихъ гражданскихъ зачатковъ, скоро стало разрываться и, соотвѣтственно этому явленію, феодализмъ на Руси падалъ и уступалъ мѣсто монархическому началу. Московскій князь, утвердившій за собою и за своимъ потомствомъ привилегію званія великаго князя надъ всею Русью, подвластною Ордѣ, Иванъ Калита, былъ безспорно человѣкъ великаго ума и чрезвычайно ловкій. Въ продолженіи какихъ-нибудь тринадцати лѣтъ онъ упрочилъ за собою обширное, по своему времени, владѣніе. Изъ его духовнаго завѣщанія видно, что онъ владѣлъ простран-

ствомъ, занимаемымъ теперь уѣздами рузскимъ, звенигородскимъ, подольскимъ, коломенскимъ, серпуховскимъ, можайскимъ, бронницкимъ, боровскимъ, перемышльскимъ. Изъ духовнаго завѣщанія его внука видно, что онъ же купилъ себѣ Галичъ, Бѣлозеро и Угличъ съ ихъ волостями. Кромѣ того, онъ въ разныхъ мѣстахъ пріобрѣталъ себѣ села, копилъ съ нихъ доходы и употреблялъ на покупку новыхъ селъ, имѣя въ виду сколько возможно болѣе расширять территорію своихъ владѣній. Владимиръ подаренъ былъ ему ханомъ. Ярославскіе и ростовскіе князья были его подручниками. Тверская земля была унижена и до крайности разорена; тверскіе князья принуждены были признавать себя подъ началомъ московскихъ. На Новгородъ, который помогалъ Калитѣ, онъ уже наложилъ тяжелую руку, въ благодарность за содѣйствіе къ достиженію своего могущества.

Его преемники продолжали закупать себѣ села и накоплять богатства. Внукъ его, Димитрій, пользуясь нестроеніями въ Ордѣ, покусился на открытую брань съ завоевателями Руси. Это событіе сильно подняло и на будущія времена утвердило нравственное значеніе великаго князя, послѣ того, какъ онъ явился предводителемъ русскихъ князей въ первый разъ уже не по ханскому приказанію, а по свободному стремленію доставить русской землѣ независимость отъ иноплеменниковъ. Послѣдовавшія затѣмъ неудачи показали, что еще не пришла пора вести борьбу, что завоеватели, несмотря на начавшееся распаденіе ихъ державы, еще настолько сильны, чтобъ показать Руси пагубные плоды ея неповиновенія, что еще придется московскимъ князьямъ поддерживать себя искательствомъ милостей у хановъ, а не борьбою съ ними; но эти неудачи, отсрочивъ дѣло освобожденія, были, по причинѣ того же нестроенія въ Ордѣ, поправимы и потому не подорвали нравственнаго значенія главенства надъ Русью, показаннаго московскимъ княземъ въ смѣломъ предпріятіи противъ Мамая. Преемникъ Димитрія, Василій, совершилъ важный подвигъ: онъ овладѣлъ суздальскимъ и нижегородскимъ княженіемъ, городами Муромомъ, Тарусою, Мещерою, Городцемъ, и этого достигъ онъ уже не по милости хана, а собственными силами и ловкостью.

Не видно, однако, чтобъ московскіе великіе князья, постепенно и послѣдовательно усиливаясь, имѣли ясное сознаніе о созданіи единодержавнаго государства. Судьба вела ихъ къ этому, но сами они, сообразно понятіямъ, наслѣдованнымъ отъ прародителей, долго смотрѣли на свои владѣнія, какъ на вотчину, покупали, а подчасъ и насиліемъ отнимали у другихъ волости, но потомъ дѣлили ихъ между сыновьями, назначая одного изъ

нихъ, старшаго, старѣйшимъ надъ другими, и такимъ образомъ продолжали феодальный порядокъ. Изъ этого могло выходить только то, что линіи отдаленныя замѣщались бы—ближайшими къ великому князю, и только; сказать иначе — сильнѣйшій грабилъ бы слабѣйшаго, при возможности грабить, и надѣлялъ бы ограбленнымъ своихъ присныхъ. Отъ такого состоянія дѣлъ до государственности не близко. Но на счастье русскому государству княжескій московскій родъ не слишкомъ распложался, и великій московскій князь часто оставался при небольшомъ количествѣ родственниковъ, имѣющихъ владѣнія въ его великокняжеской московской волости. У Калиты старшій сынъ Симеонъ умеръ бездѣтнымъ, второй оставилъ единственнаго сына, бывшаго великимъ княземъ, и только отъ третьяго,—Андрея, осталось потомство, образовавшее линію удѣльныхъ князей, имѣвшихъ владѣнія внутри московской области и подначальныхъ непосредственно великому московскому князю. У Димитрія Донского было пять сыновей, но кромѣ великокняжеской линіи, послѣдовавшей отъ старшаго сына Василія, изъ остальныхъ сыновей Донского только у одного, Юрія, осталось потомство. Междоусобіе Димитріевыхъ внуковъ, великаго князя Василія Васильевича и сыновей Юрія, выбросило потомство послѣдняго изъ рода владѣтельныхъ князей; вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожились удѣлы и потомковъ Андрея, сына Калиты, кромѣ удѣла верейскаго князя, находившагося въ полной зависимости отъ великаго князя. Такимъ образомъ, московская земля была сосредоточена въ однихъ рукахъ и въ такомъ видѣ доставалась сыну Василія Васильевича Темнаго, тому великому умомъ и дѣятельностію Ивану, который принялъ на себя историческое призваніе введенія монархизма.

Ему, обладателю всего московскаго великаго княженія, предстояло исполнить слѣдующія задачи: окончательно освободиться отъ всякой зависимости въ отношеніи къ Ордѣ; не допустить своихъ братьевъ быть такими князьями-государями въ своихъ вотчинахъ, какими бывали прежніе братья великаго князя; подчинить сѣверныя народоправныя земли, уничтоживъ ихъ вѣчевой строй и автономію; присоединить къ Москвѣ два великія княженія, тверское и рязанское, и такимъ образомъ уничтожить совершенно феодальный порядокъ и сдѣлаться полнымъ государемъ-собственникомъ Руси, замѣнивъ для нея татарскаго хана.

Историческія обстоятельства сложились превосходно для разрѣшенія этихъ задачъ, и Иванъ совершилъ свое призваніе; только немногое, какъ, напр., окончательное уничтоженіе вѣчевыхъ формъ во Псковѣ и слитіе съ московскимъ великимъ княженіемъ рязанскаго, уже и безъ того потерявшаго свою самостоятельность, осталось довершить его преемнику.

IX.

Но отчего же борьба возникшаго монархизма съ феодализмомъ пошла такъ успѣшно и послѣдній оказалъ такъ мало упорнаго дѣятельнаго сопротивленія?

Чтò создало у насъ феодализмъ, то и держало его существованіе. Слабость создавшей его стихіи ослабила невольно и свое созданіе. Феодализмъ, какъ мы уже показали, былъ произведеніе татарскаго завоеванія. Татарскіе ханы сдѣлали князей изъ правителей земель вотчинниками земель; только при защитѣ со стороны хановъ и могли князья держаться, а это могло быть только до тѣхъ поръ, пока ханы были сильны: только тогда князь, слабый въ сравненіи съ сильнымъ, могъ находить противъ покушеній послѣдняго силу въ томъ, кто былъ равнымъ образомъ владыка и слабаго и сильнаго на Руси. Но какъ только Орда стала разлагаться, какъ только ханы перестали поддерживать созданный ими строй русской земли, стали довольствоваться одною данью, предоставивъ судьбѣ внутреннее теченіе политической и общественной жизни,—мелкіе князья очутились безъ внѣшней подпоры противъ крупныхъ и сильныхъ. Много ихъ погибло въ междоусобіяхъ;—нравы до того огрубѣли, что случаи самаго безцеремоннаго истребленія другъ другомъ были нерѣдки между князьями, и тогдашняя Русь не возмущалась такими случаями, какъ бывало въ прежнія времена, въ до-татарскій періодъ; тѣ князья, которые остались цѣлы съ потомствомъ, потеряли не только внѣшнихъ защитниковъ въ ханахъ, но и ту внутреннюю или домашнюю силу, на которую могли опираться для защиты и охраненія своихъ правъ и владѣній. Эту внутреннюю силу составлялъ для нихъ служилый классъ—прежняя дружина, раздѣлявшаяся на высшую и низшую степени, на бояръ и вольныхъ слугъ, иначе дѣтей боярскихъ. Хотя люди эти, получая отъ князей кормленья и вотчины и за то обязанные князьямъ службою, тѣмъ самымъ зависѣли отъ князей; хотя князь, какъ вотчинникъ своего княженія и господинъ въ своемъ княженіи, могъ непослушнаго лишить имущества и имѣлъ право даже казнить его, но такъ какъ служилые составляли для него ратную силу, то князь только съ ихъ помощію и могъ охранять себя, и потому выходило, что насколько они зависѣли отъ князя, настолько и князь зависѣлъ отъ нихъ. Это, по крайней мѣрѣ, вполнѣ можно сказать о боярахъ — лицахъ первостепенныхъ въ служиломъ сословіи. Князь долженъ былъ ласкать ихъ, совѣтоваться съ ними, называть ихъ своими думцами, а не рѣдко и

поступать по ихъ желанію, ограничивая свои собственныя стремленія имъ въ угоду. Но бояре не могли привязаться къ князю болѣе, чѣмъ къ своимъ собственнымъ выгодамъ. Это свойство лежало въ нравахъ и привычкахъ служилаго сословія, наслѣдованныхъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Издавна бояринъ и вольный слуга считалъ себя вправѣ отъѣзжать отъ одного князя къ другому, изъ одной земли въ другую; ничего не могло быть естественнѣе этого обычая въ такомъ краѣ, гдѣ, при всевозможномъ и разнообразномъ раздробленіи, никогда не терялось понятія о единствѣ всей страны, при какихъ бы то ни было условіяхъ и перемѣнахъ. Если гдѣ служилые этого не дѣлали, то единственно тамъ, гдѣ имъ было выгодно оставаться постоянно на одномъ мѣстѣ или гдѣ, въ данное время, было опасно раздражать князя. Пока могучая рука хановъ охранительно почивала на феодальномъ строѣ Руси, пока князь, владѣтель небольшой вотчины, могъ найти себѣ защиту и опору въ милости общаго для всѣхъ владыки, до тѣхъ поръ бояре и вольные слуги служили такимъ князьямъ, соединяя свои интересы съ княжескими; но по мѣрѣ того, какъ вліяніе верховной власти хановъ на внутреннія отношенія князей между собою ослабѣвало и крупные князья стали усиливаться, бояре и вольные слуги почувствовали, что имъ не выгодно держаться слабыхъ и переходили къ сильнѣйшимъ, сообщая послѣднимъ еще болѣе силы своею службою. Бояре какихъ-нибудь князей елецкихъ или козельскихъ переходили къ великому князю рязанскому, бояре князей микулинскихъ или дорогобужскихъ—къ великому князю тверскому; но такъ какъ скоро всѣхъ крупнѣе, выше и сильнѣе оказалось московское великое княженіе, то они болѣе всего стали переходить къ великому князю московскому и всякій успѣхъ послѣдняго привлекалъ къ нему толпу служилыхъ людей. Такимъ образомъ, счастливый исходъ борьбы съ тверскими, суздальскими и рязанскими князьями привлекалъ на сторону великихъ московскихъ князей тѣхъ бояръ, которые служили ихъ противникамъ. Въ XIV-мъ в. во время борьбы съ Тверью, какъ только Москва стала брать перевѣсъ, тверскіе бояре покинули своего князя и отъѣхали къ московскому. Тоже случилось въ Твери и въ эпоху послѣдней катастрофы, лишившей Тверь окончательно самобытности: тверскіе бояре, коромольники, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, покинули своего князя Михаила Борисовича въ самомъ стѣсненномъ положеніи и передались на сторону московскаго. Извѣстно, что измѣна бояръ доставила Москвѣ, при великомъ князѣ Василіѣ Димитріевичѣ, суздальское и нижегородское княженіе. Бояре, на челѣ которыхъ былъ Румянецъ, предательски подвели

своихъ князей въ бѣду и выдали ихъ великому московскому князю. Подобное произошло и съ Рязанью. Подобное происходило, безъ сомнѣнія и вездѣ, хотя мы не имѣемъ подробностей объ упадкѣ разныхъ княженій, которыхъ владѣтели вдругъ появляются служебниками великаго московскаго князя. Москва, со времени Калиты до полнаго образованія въ ней монархіи, была обѣтованнымъ средоточіемъ, куда стекались отовсюду бояре и служилые люди не только изъ княженій сѣверныхъ и восточныхъ, но изъ тѣхъ русскихъ земель, которыя уже не состояли съ сѣверными и восточными въ такой тѣсной связи, какъ прежде, — изъ Кіева, Волыни, Бѣлой Руси, Литвы; въ число московскихъ бояръ поступали пришельцы и не изъ русскихъ странъ; много было фамилій, впослѣдствіи знатныхъ, о которыхъ родословныя книги гласили, что предки ихъ пришли изъ нѣмецъ или изъ Орды: потомству двухъ такихъ чужеземныхъ родоначальниковъ—Мурзы Чета и Андрея Кобылы суждено было потомъ сидѣть на упраздненномъ тронѣ Рюриковичей по выбору земли русской. Всѣ эти служилые люди, какъ перешедшіе въ московское княженіе изъ иныхъ русскихъ земель, такъ пришельцы изъ чужихъ краевъ, надѣлялись отъ великихъ московскихъ князей землями правами по ихъ достоинству и службѣ. Московскіе великіе князья цѣнили боярство и ратную силу, потому что съ ними получали перевѣсъ на Руси и расширяли свои владѣнія. Но и боярству и вообще служилымъ людямъ было выгодно держаться великаго московскаго князя—ни у кого на Руси не могло быть имъ такъ хорошо. Они помогали московскимъ князьямъ подчинять другихъ князей, пріобрѣтать земли, за то и московскіе князья со всякимъ успѣхомъ и пріобрѣтеніемъ награждали ихъ. Понятно, что, при такой связи посредствомъ обоюдныхъ равносильныхъ выгодъ, бояре, будучи слугами московскаго великаго князя, были его совѣтниками и онъ, властвуя надъ ними, дѣлалъ все съ ихъ совѣта и ничего не предпринималъ безъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ лѣтопись, описывая кончину Димитрія Донского, влагаетъ ему такое обращеніе къ своимъ боярамъ: «подъ вами грады держахъ и великія власти; вы же не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моей»; такъ естественно было до тѣхъ поръ, пока великіе московскіе князья не усилились до того, что могли уже поступать самовластнѣе.

Съ переходомъ бояръ и служилыхъ людей на сторону сильнѣйшую, что̀ оставалось дѣлать слабымъ князьямъ, потерявшимъ силу совѣта и рати? Составлять новую силу, поднимать изъ громады простого народа способныхъ и возводить ихъ въ служилые и въ бояре? Но это не такъ-то было легко: пока обра-

зовалось бы новое боярство, новое служилое сословіе — нужно было время, а исторія не ждала; пока слабый могъ усилиться, сильнѣйшій задавилъ бы его, пользуясь періодомъ слабости. Да если бы даже были возможность и время образовать новое боярство и новый служилый классъ—новые все таки поступили бы какъ поступали старые: выгоды склонили бы ихъ перейти на сторону сильнѣйшаго и предать своихъ благодѣтелей. Самобытность слабаго удѣльнаго князя дѣлалась для него бременемъ. Ее нужно было охранять, а охранять ее было нечѣмъ. Пытаясь охранять ее, онъ долженъ былъ раздражать сильнѣйшаго, а сильнѣйшій всегда могъ за то лишить его не только владѣнія, но и куска хлѣба. Притомъ такое владѣніе мелкаго удѣльнаго князя не было въ безопасности отъ безпрестанныхъ внѣшнихъ ударовъ; съ разложеніемъ Орды образовывались въ татарскомъ мірѣ чисто разбойничьи, наѣздническія общества, жившія грабежомъ и набѣгами; русскія земли, переставая чувствовать деспотизмъ иноземной завоевательной власти, стали страдать, едва ли не хуже прежняго, отъ иноземныхъ опустошеній и разореній; мелкіе князья не въ силахъ были оборониться и отъ нихъ. Имъ отовсюду грозила бѣда и ни откуда не было спасенія. Чтожъ оставалось имъ? Единственный исходъ для нихъ былъ—пожертвовать своею независимостью, добровольно отказаться отъ самобытности, покориться сильнѣйшимъ, поступить въ число подвластныхъ, идти по пути, указанному боярами и стать наравнѣ съ боярами. Такъ и поступили удѣльные князья. Одни за другими они вступали въ службу великаго московскаго князя и за то получали обезпеченіе владѣнія своими вотчинами. Еще когда московское величіе было въ зародышѣ, при князѣ Юріи Даниловичѣ были у московскаго князя служилые князья, число ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось, а при Иванѣ III была ихъ уже большая толпа между боярами. По своему происхожденію, они пользовались почетомъ въ боярскомъ сословіи, къ которому стали принадлежать, но нолучили и важное ограниченіе противъ другихъ: великіе князья не дозволяли имъ продавать своихъ старинныхъ княжескихъ вотчинъ. Это запрещеніе возникло изъ прежнихъ условій и было очень естественно. Княжескія вотчины, имѣвшія значеніе самобытныхъ владѣній, какъ бы мелкихъ государствъ, уже по этому въ старину не подлежали продажѣ. Но въ феодальномъ строѣ мелкіе князья въ извѣстной степени подчинялись великимъ, обязаны будучи доставлять имъ ордынскую дань и выходить въ поле съ своею ратью по ихъ призыву, слѣдовательно, хотя они и управляли своими владѣніями самобытно, но въ тоже время, по причинѣ обязанности, лежавшей на нихъ къ великимъ

князьямъ по отношенію къ своимъ владѣніямъ, эти ихъ самобытныя владѣнія составляли часть волости, или области великаго князя. Если бы князь, владѣтель такого княженія, перешелъ въ службу къ иному великому князю съ своимъ владѣніемъ, то тѣмъ самымъ и владѣніе его перешло бы къ землѣ того, къ кому онъ перешелъ, это было бы къ ущербу того великаго князя, подъ началомъ котораго владѣлецъ съ своимъ княженіемъ состоялъ прежде. Понятно, что послѣдній ни за что этого не могъ допустить, и потому великіе князья ставили по отношенію къ младшимъ условіемъ, что если князь, подвѣдомый великому, перейдетъ къ иному, то онъ лишится своей вотчины, находящейся въ землѣ, принадлежащей къ области того великаго, у котораго онъ находился подъ началомъ. Тоже прилагалось и къ продажѣ. Продажа влекла за собою передачу права владѣнія. Княженіемъ могъ владѣть только князь, слѣдовательно князь могъ продать свое княженіе только другому такому же, какъ и онъ князю. Но въ такомъ случаѣ князь могъ продать свое княженіе иному великому князю или же равному себѣ, но состоящему подъ началомъ иного великаго князя, и это имѣло бы значеніе, равное тому, еслибъ онъ самъ, съ своимъ княженіемъ, перешелъ подъ началомъ иного великаго князя. Эти условія, стѣснявшія права мелкихъ князей, перешли и къ Москвѣ, когда мелкіе князья одни за другимъ дѣлались служебниками великаго московскаго князя. Сначала онѣ наблюдались по необходимости, пока кромѣ московскаго великаго князя существовали другіе великіе князья, а потомъ правило, возникшее изъ обстоятельствъ, переживши произведшія ихъ обстоятельства, долго существовало какъ обычай, оправдываемый, впрочемъ, укоренившимся взглядомъ на значеніе князей и ихъ княженій. Князь отдавался великому князю и получалъ отъ него свое княженіе уже какъ вотчину, разъ имъ же уступленную; великій князь жаловалъ ею прежняго владѣльца; такимъ образомъ, послѣдній получалъ отъ великаго князя собственность своего рода уже какъ собственность великаго князя, уступаемую ему и его потомкамъ въ пользованіе. Такимъ образомъ, княжескія старинныя вотчины стали чѣмъ-то среднимъ между вотчиной и кормленьемъ или помѣстьемъ; то были скорѣе помѣстья, отличавшіяся отъ прочихъ помѣстьевъ тѣмъ, что давались не пожизненно лицу, а роду, до тѣхъ поръ, пока этотъ родъ не прекращался; въ послѣднемъ случаѣ княжеская вотчина шла на великаго государя.

Періодъ отъ смерти Димитрія Донского былъ временемъ укрѣпленія великокняжеской власти, постепеннаго возвышенія ея до полнаго самодержавія и столь же постепеннаго упадка

боярскаго вліянія на власть. Къ сожалѣнію очень трудно, по недостатку данныхъ, прослѣдить явленія этого многозначительнаго періода. Димитрій поручалъ сыновьямъ своимъ совѣтоваться съ боярами, и безъ нихъ ничего не начинать. При взаимной поддержкѣ великаго князя боярами и бояръ великимъ княземъ, при соглашеніи ихъ интересовъ, это было вполнѣ естественно, и казалось бы, съ паденіемъ удѣловъ, съ уничтоженіемъ феодальнаго строя, на Руси должна была образоваться монархія, въ которой власть монарха была бы раздѣлена съ боярами. Но такъ кажется только съ одной стороны. Разсмотрѣвъ вопросъ съ другой, мы увидимъ, что великіе князья поставлены были въ такія счастливыя условія, что ихъ власть должна была возрасти до полнаго самодержавія, и оппозиція со стороны боярства могла явиться не сильною, а страдательною.

Великіе князья не очень щедро жаловали вотчинами, и гораздо щедрѣе были на кормленья. Пожалованье вотчиною или обращеніе помѣстья въ вотчину было явленіемъ особеннаго довѣрія и расположенія; обыкновенно бояръ награждали кормленьями или помѣстьями; это ставило ихъ въ такое положеніе, что они особенно нуждались въ расположеніи князя. Помѣстья давались пожизненно, но могли быть даны и дѣтямъ того, кто владѣлъ ими прежде; сверхъ того, если дѣтей было много, то имъ давались еще и новыя помѣстья кромѣ отцовскихъ: все это зависѣло отъ воли и благорасположенія великаго князя. Чтобы пріобрѣсть и поддержать доброе вниманіе къ себѣ со стороны великаго князя и тѣмъ дать обезпеченіе своему семейству, бояринъ долженъ былъ угождать великому князю и заискивать его милости. Но система кормленій давала послѣднему еще и другую толпу слугъ, которыхъ прямая выгода была держаться великаго князя и охранять его власть: то были дѣти боярскіе, которые, за службу свою, получали въ кормленье помѣстья въ небольшихъ участкахъ. Они вообще были люди небогатые, существовали одною только службою; каждый изъ нихъ былъ неровенъ по достоинству боярину, но всѣ вмѣстѣ составляли силу, которая, по повелѣнію великаго князя, готова была стоять за его интересы и въ случаѣ, еслибы могло дойти дѣло до столкновенія верховной власти съ боярствомъ, они, какъ нахлѣбники первой, конечно, не замедлили бы стать для нея орудіемъ противъ боярскаго сопротивленія. Наконецъ, едва ли не важнѣе для успѣховъ самодержавія и безопасности его отъ боярской оппозиціи было то, что боярство, какъ по свойству своего состава, такъ и по сложившимся въ немъ нравственнымъ взглядамъ, не имѣло задатковъ для корпоративнаго сплоченія членовъ за интересы сословія противъ вер-

ховной власти. Бояре не были люди связанные ни узами происхожденія, ни преданіями одинакихъ свободныхъ гражданскихъ правъ; одинъ изъ нихъ пришелъ оттуда, другой отсюда; каждый искалъ своей выгоды въ службѣ московскому великому князю; только служба ихъ соединяла и болѣе ничто; каждый зналъ только себя и своихъ ближнихъ по роду, да великаго князя, которому служилъ; къ интересамъ другихъ, подобныхъ ему бояръ, у него не только не лежало сердце, но они постоянно сталкивались съ его интересами. Бояринъ или боялся, чтобъ другой не «заѣхалъ» его, то-есть не сталъ къ великому князю ближе и слѣдовательно выше его, или же самъ пытался заѣхать другого товарища. Отсюда обычай мѣстничества, обычай древній, котораго господство мы встрѣчаемъ уже въ XIV-мъ вѣкѣ изъ спора бояръ Ивана Калиты, Родіона Нестеровича съ Акинѳомъ Гавриловичемъ. Первый заѣхалъ послѣдняго, и потомъ, послѣ того, какъ послѣдній отъѣхалъ въ Тверь, убилъ въ бою и принесъ на копьѣ великому князю голову великокняжескаго измѣнника, а своего мѣстника. Съ тѣхъ поръ мы видимъ мѣстничество непрерывно до конца XVII-го вѣка. Хотя этотъ обычай нерѣдко вредилъ государственнымъ дѣламъ, но въ тоже время былъ полезенъ для успѣховъ самодержавія, потому что не давалъ боярамъ сплотиться, образовать между собою общіе сословные интересы и постоять за нихъ. Родовая честь — существенный признакъ всякой родовой аристократіи, измѣрялась у бояръ только службою государю; дѣти и внуки могли гордиться заслугами отцовъ и дѣдовъ единственно въ сферѣ службы. Съ теченіемъ времени случаи службы умножались и мѣстничество усложнилось и запуталось; каждый только того и глядѣлъ, чтобъ беречь честь свою и своего рода противъ другого, чтобъ другой не сѣлъ и не сталъ выше его, когда—не то что предокъ этого другого занималъ на великокняжеской службѣ обязанность или порученіе выше его предка,—а совершенно посторонній человѣкъ, стоявшій на служебной лѣстницѣ ниже его предка, былъ въ тоже время выше такого лица, которое было вравнѣ съ предкомъ того другого, котораго возвышеніе предъ собою онъ считалъ оскорбленіемъ для себя. Такія понятія дѣлали невозможнымъ никакое сплоченіе боярскаго сословія за свои интересы и противодѣйствіе верховной власти. Но мѣстничанье не было исключительно принадлежностію боярства: оно распространялось и на всѣхъ вообще служилыхъ людей; всѣ мѣстничали другъ съ другомъ; всякій хотѣлъ быть выше другого въ служебномъ дѣлѣ или по крайней мѣрѣ обнаруживалъ склонность находить предлогъ, чтобъ не допускать другого стать выше себя.

Этотъ-то эгоизмъ служиваго сословія, эта служебная привязанность каждаго къ волѣ великаго князя, это отсутствіе сословныхъ интересовъ—были важнѣйшими средствами къ укрѣпленію самодержавной власти. Надобно замѣтить, что московскіе великіе князья благоразумно не вооружали противъ себя ни бояръ, ни служилыхъ людей въ ихъ массѣ, и не давали повода пробудиться у нихъ какимъ-нибудь такого рода побужденіямъ, которыя бы направлялись къ сознанію правъ сословія и охраненію ихъ. Великій князь совѣтовался съ боярами, ласкалъ ихъ, повѣрялъ имъ служебныя обязанности, но если кто-нибудь изъ бояръ навлекалъ на себя гнѣвъ великаго князя, послѣдній не страшился наказать его; такъ, Василій Димитріевичъ отнялъ у знатнаго боярина Свиблы его вотчины, тоже сдѣлалъ Василій Васильевичъ съ бояриномъ Иваномъ Дмитріевичемъ, а Иванъ Васильевичъ, по своей волѣ, казнилъ ихъ, постригалъ въ монахи и даже подвергалъ тѣлесному наказанію. Суровый поступокъ великаго князя съ бояриномъ не раздражалъ другихъ бояръ: они смотрѣли на него, какъ на дѣло, относящееся только до того, кого постигала опала, а никакъ не до другихъ; напротивъ, опала какого-нибудь боярина доставляла другимъ пріятность, потому что эти другіе были недовольны его возвышеніемъ и съ его паденіемъ надѣялись сами подняться. По мѣрѣ паденія удѣловъ и соединенія русскихъ земель во единое московское государство, боярство болѣе и болѣе теряло свое значеніе совѣта великокняжескаго и ниспускалось къ холопству. Окончательное уничтоженіе права отъѣзда сдѣлало бояръ совсѣмъ служилымъ сословіемъ, холопами.

Не даромъ въ древней Руси существовало правило, вошедшее въ Русскую Правду, что кто привяжетъ къ себѣ ключъ безъ ряда, того считать холопомъ;—иначе, кто станетъ служить другому безъ предварительныхъ условій, которыми ограждалась его свобода, тотъ въ глазахъ всего общества тѣмъ самымъ уже налагаетъ на себя званіе холопа или несвободнаго человѣка. Ясно, что понятіе о службѣ другому лицу совпадало съ понятіемъ о холопствѣ или неволѣ. Древняя дружина никакъ не была толпою слугъ князя; слово служба не имѣло того значенія, какое получило послѣ, а названіе дружина явно указываетъ, что дружинники были друзья, товарищи, сопутники, помощники князя, а не слуги его. Сначала, какъ мы указали, они составляли вольную шайку подъ начальствомъ князя, какъ бы атамана; впослѣдствіи, подъ вліяніемъ христіанства, когда дружинная стихія сливалась съ земскою, они, будучи нерѣдко членами той же земли, которою управлялъ князь, были вообще его помощниками, его силою, необхо-

димою ему какъ правителю, избранному землею, и во всякомъ случаѣ, служа князю, служили землѣ, потому что, въ обширномъ смыслѣ этого слова и самъ князь служилъ землѣ. Но когда земское или вѣчевое начало подавлено было татарскимъ завоеваніемъ, когда князь, по ханскому изволенію, сталъ вотчинникомъ, тогда дружинникамъ приходилось служить одному лицу князя, уже не зная земли, и такимъ образомъ они изъ княжескихъ дружинниковъ обращались въ княжескихъ слугъ. Такъ какъ князей было много, а Русь, находясь подъ единою властію хана, при своемъ раздробленіи, не переставала быть единымъ тѣломъ, то эти слуги сохраняли древнее право переходить изъ земли въ землю, отъ князя къ князю и потому назывались вольными: въ этомъ правѣ перехода состояла ихъ воля и съ такимъ правомъ поступали они на службу къ московскимъ великимъ князьямъ. Право это постоянно сдерживалось выгодами служить у сильнѣйшаго изъ князей и опасностію раздражить его, но несмотря на очень частую невозможность имъ пользоваться, все-таки продолжало существовать до уничтоженія удѣловъ, то-есть до тѣхъ поръ, пока переходить или отъѣзжать было уже невуда — развѣ въ чужія земли, что́ считалось уже измѣною. Такимъ образомъ, мы видимъ прекращеніе этого права при Иванѣ III, а окончательное уничтоженіе уже при его сынѣ. Тогда всѣ служилые люди, не исключая и князей, стали называться холопами государевыми. Это вполнѣ согласовалось съ древними, неумиравшими еще, понятіями русскими. Всякій человѣкъ, служащій другому человѣку, былъ или вольный человѣкъ — наймитъ, или холопъ. Воля выражалась правомъ служащаго оставить того, кому онъ служитъ; кто терялъ это право, тотъ дѣлался холопомъ; иначе—холопство въ томъ и состояло, что слуга не могъ оставить господина, и отсюда уже истекали разныя правила, расширявшія власть господина и стѣснявщія гражданское положеніе раба. Пока крестьянинъ, живя на землѣ господина, сохранялъ право «отказа», то-есть право перейти на иную землю, до тѣхъ поръ онъ назывался крестьяниномъ; если же онъ, вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ, какъ часто бывало, лишалъ себя этого права, по взаимному соглашенію съ господиномъ — онъ изъ крестьянина дѣлался холопомъ, хотя продолжалъ жить тамъ же, гдѣ жилъ до того времени. Въ подобномъ положеніи очутились и служилые люди по отношенію къ великому князю, съ тою разницею, что они не по своей охотѣ лишились этого права, а вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ. До тѣхъ поръ, пока они могли отъѣзжать — они были вольные слуги, служилые люди великаго князя, а когда это право пре-

кратилось, они стали его холопами. Тогда они стали крѣпки ему, его государству, крѣпки не только сами лично, но и со всѣмъ своимъ потомствомъ. Не только бояре и служилые князья, но самые родные братья великаго князя стали именоваться его холопами. Въ частномъ быту издавна хозяинъ, по отношенію къ своему невольному человѣку, назывался государемъ, а тотъ—его холопомъ; тоже сдѣлалось и въ быту государственномъ: великій князь, называвшійся прежде господиномъ или господаремъ, сталъ называться государемъ, а его служилые люди—его холопами. Но слово холопъ, нераздѣльное съ понятіемъ о службѣ, по отношенію къ государю, осталось только принадлежностію служилаго человѣка; духовное лицо не было холопомъ государя, а богомольцемъ; посадской или волостной человѣкъ не былъ также холопъ, а сирота.

Такимъ образомъ образовалось государство съ единодержавнымъ главою, состоявшее изъ холоповъ, сиротъ и богомольцевъ; тѣже, которые по разнымъ условіямъ теченія общественной жизни не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, ни къ третьимъ—назывались гулящіе люди, и составляли важнѣйшій элементъ народнаго историческаго движенія.

X.

Существуетъ мнѣніе, что образованію единодержавія много помогло вліяніе великой княгини Софіи Ѳоминишны, гречанки, и пришедшихъ съ нею грековъ. Что дѣйствительно такое воззрѣніе существовало въ эпоху, близкую къ этому событію, показываетъ бесѣда опальнаго Берсеня съ Максимомъ грекомъ, происходившая въ государствованіе Василія Ивановича, сына Ивана III. «Какъ пришла сюда мати великаго государя съ своими греки, ино наша земля замѣшалася, и пришли нестроенія великія, какъ у васъ въ Цариградѣ», сказалъ Берсень Максиму. Грекъ замѣтилъ ему, что Софія была особа знатнаго происхожденія. Москвичъ на это сказалъ: «какая бы она ни была, да къ нашему нестроенію пришла. Максиме господине! вѣдаешь и самъ, а и мы отъ разумныхъ людей слыхали: которая земля переставляетъ свои обычаи, и та земля не долго стоитъ, а здѣсь у насъ князь великій обычаи перемѣнилъ». Что эта перемѣна обычаевъ состояла именно въ упадкѣ боярскаго совѣта и возраставшемъ самовластіи государя, показываютъ слова того же Берсеня, которыми объяснилъ онъ то, что высказалъ прежде: «лучше старыхъ обычаевъ держатися, и людей жаловати и ста-

рыхъ почитати, а нонѣ-де государь нашъ запершись самъ-третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ». Изъ этого достаточно видно, что усиленіе самодержавія возбуждало между современниками ропотъ, и они приписывали такую перемѣну вліянію Софіи и иноземцевъ. Знатные бояре въ свое время не терпѣли этой женщины и даже успѣли поссорить ее съ великимъ княземъ, но послѣ жестоко поплатились за это. Иванъ, нà-зло женѣ, лишилъ великокняжескаго преемничества рожденнаго отъ нея сына Василія, вѣнчалъ на царство внука — отрасль своей первой супруги тверской княжны, а потомъ, помирившись съ Софіею, засадилъ въ тюрьму вѣнчаннаго внука и предалъ опалѣ противныхъ ей бояръ. Нѣтъ сомнѣнія, что хитрая и ловкая гречанка, умѣвшая выстоять всякія семейныя и боярскія противности, оказывала вліяніе на понятія и характеръ мужа, но мы думаемъ, что она могла только укрѣплять его въ помыслахъ самодержавія, а не зарождала ихъ въ немъ. Обстоятельства, къ которымъ привела Русь вся ея предшествовавшая судьба, были достаточны для возбужденія рѣшительныхъ стремленій къ самодержавію безъ постороннихъ чуждыхъ вліяній. Иванъ довершилъ то, чтò работали его прародители, хотя часто съ смутнымъ сознаніемъ послѣдствій своей работы. Онъ покончилъ съ Новгородомъ: эта земля прежде находилась только подъ началомъ московскаго великаго князя; теперь онъ привелъ ее въ состояніе не только зависимости, но полнаго порабощенія: онъ выселилъ изъ родины горожанъ и землевладѣльцевъ и роздалъ въ кормленье своимъ служилымъ имѣнія новгородцевъ; чрезъ это онъ не только обезпечилъ для себя спокойное обладаніе сѣверомъ Руси, но еще устроилъ тамъ ратную силу, всегда готовую стоять за всякіе интересы своего государя. Сословіе дѣтей боярскихъ, надѣленныхъ за службу помѣстьями,—важнѣйшее орудіе для поддержки московскаго самодержавія, при немъ значительно умножились. Вятка также была покорена, и тамъ на мѣсто выведенныхъ туземныхъ жителей царь Иванъ населилъ дѣтей боярскихъ. Пала потомъ и самобытность Твери. Орда болѣе не властвовала надъ Русью. Теперь самъ московскій великій князь дѣлался ея владыкою, тѣмъ, чѣмъ былъ для нея ханъ; вся Русь становилась его достояніемъ; громада народа давно забитаго, отвыкшаго отъ всякой самодѣятельности и привыкшаго только повиноваться силѣ—безропотно должна была служить ему одному и пòтомъ и кровью. Чтò могли ему сдѣлать бояре? Какъ посмѣютъ они требовать отъ него, чтобъ онъ, въ своихъ поступкахъ, соображался съ ихъ видами, испрашивалъ ихъ совѣтовъ и ничего не начиналъ безъ ихъ думы, какъ нѣкогда поступалъ Димитрій Донской, поу-

чая и дѣтей своихъ слѣдовать своему примѣру? Герберштейнъ говоритъ, — это былъ такой деспотъ, что не было къ нему подступа: женщины, встрѣтившись съ нимъ, млѣли отъ страха, а бояре трепетали предъ нимъ, боялись вымолвить слово въ его присутствіи, и когда онъ, сидя на пиру, дремалъ, они раболѣпно молчали, страшась нарушить спокойствіе властелина. Это была одна изъ тѣхъ сильныхъ, могучихъ натуръ, которыя, даже не имѣя права на власть, невольно внушаютъ страхъ и повиновеніе. Понятно, что сороколѣтнее пребываніе бояръ съ властелиномъ такого характера должно было послужить имъ превосходной школой покорности и повиновенія. Вліяніе Софьи и вообще иноземцевъ отразилось на тѣхъ царственныхъ пріемахъ и придворномъ величіи, которые стали съ тѣхъ поръ сопровождать жизнь московскаго государя. Обрядность умершей въ дряхлости Византіи стала замѣнять простоту юной Руси, и она-то, эта обрядность, впослѣдствіи такъ сросшаяся съ обиходомъ московскаго двора, такъ развѣтвившаяся во множествѣ своеобразныхъ пріемовъ, — она въ началѣ соблазняла непривычныхъ къ ней русскихъ, изливавшихъ, при случаѣ, негодованіе противъ Софіи и грековъ. Важнѣйшимъ признакомъ вліянія византійской царевны было то, что московскій великій князь, сочетавшійся съ нею бракомъ, сталъ воображать себя преемникомъ славы и величія православныхъ византійскихъ царей. Съ этою идеею Иванъ Васильевичъ въ нѣкоторыхъ своихъ грамотахъ уже титуловался царемъ и счелъ нужнымъ освятить обрядомъ царскаго вѣнчанія назначеніе себѣ преемника въ особѣ своего внука, которому не удалось царствовать. Сынъ Ивана, Василій, не повторилъ надъ собою вѣнчанія на царство, быть можетъ, избѣгая подобія съ племянникомъ, который томился въ оковахъ, бывши первою личностью въ русской исторіи, носившею царскій вѣнецъ. Но и Василій не чуждался царскаго титула, укрѣплявшаго и освящавшаго возникшую самодержавную монархію. При Василіѣ Ивановичѣ самодержавіе достигло своего апогея. Берсень, сравнивая его съ родителемъ, описывалъ послѣдняго такъ, что намъ онъ можетъ показаться либеральнымъ государемъ въ сравненіи съ сыномъ. Иванъ Васильевичъ, по замѣчанію Берсеня, допускалъ противъ себя «встрѣчу», —позволялъ себѣ противорѣчить, а Василій не искалъ и не принималъ ничьего совѣта, хотѣлъ быть самъ мудрѣе всѣхъ; всѣ дѣла, по выраженію Берсеня, самъ-третей у постели дѣлалъ. Современникъ Герберштейнъ оставилъ намъ очень живой и рельефный образъ этого государя, представивъ въ немъ истинный типъ самовластнаго деспота. По словамъ императорскаго посланника, не было въ мірѣ монарха съ такою властью надъ

подданными, какую имѣлъ московскій государь. Всѣхъ онъ угнеталъ тяжелымъ рабствомъ и располагалъ по произволу жизнью и достояніемъ всѣхъ отъ мала до велика. Ѣздили въ посольствѣ къ императору Карлу V въ Испанію князь Иванъ Ярославскій и дьякъ Семенъ Трофимовъ; тамъ ихъ надѣлили разными подарками — серебряными и золотыми сосудами, блюдами, цѣпями, монетами; по возвращеніи ихъ въ Москву, все у нихъ забралъ государь. Къ удивленію иноземцевъ, это не возмущало русскихъ: «Что же, говорили они, государь инымъ чѣмъ пожалуетъ». Обогащая самого себя всѣми средствами, Василій умышленно старался приводить въ бѣдность бояръ; нужно ли дать кому-нибудь порученіе, сопряженное съ издержками,—московскій государь приказываетъ тому, на кого возлагаетъ порученіе, исполнить его на свой собственный счетъ. Тотъ же Герберштейнъ сообщаетъ, что государь хотѣлъ послать Третьяка Долматова по дѣлу къ императору Максиміліану; дьякъ сталъ отговариваться недостаткомъ средствъ; за это государь велѣлъ все его движимое и недвижимое имущество отписать на себя, а его самого на всю жизнь запереть въ тюрьму, тамъ несчастный дьякъ и умеръ, а семейство его осталось въ нищетѣ. «Государь рѣшаетъ самъ всѣ духовныя и мірскія дѣла, говоритъ Герберштейнъ. Хотя совѣтники у него и есть, но никто изъ нихъ не смѣетъ разноголосить съ государемъ, не только что противорѣчить ему. Всѣ говорятъ, «воля государя—божья воля; что ни дѣлаетъ государь, все это онъ дѣлаетъ по божьей волѣ; онъ словно какъ ключникъ или дворецкій у Господа Бога, — творитъ то, что Богъ велитъ. Самъ государь, если его о чемъ-нибудь просятъ, хоть напримѣръ, объ освобожденіи узника, обыкновенно отвѣчаетъ: «если Богъ повелитъ—освободимъ». Равнымъ образомъ, если кто спрашиваетъ другого о чемъ-нибудь неизвѣстномъ или сомнительномъ, то ему отвѣчаютъ такою фразою: «про то вѣдаютъ, Богъ, да великій государь»! Не знаю, или народъ по своей грубости требуетъ такого тирана себѣ въ государи, или тираннія государя сдѣлала народъ грубымъ, безчувственнымъ и жестокосерднымъ [1]).

Все повиновалось самовластію. А между тѣмъ втайнѣ вздыхали бояре о тѣхъ временахъ, когда ихъ предки не дрожали передъ великими князьями, а говорили съ ними смѣло, когда князья безъ ихъ совѣта ничего не начинали. Но при такихъ государяхъ, каковы были Иванъ и сынъ его Василій, опасно было

---

[1]) Rerum Moscov. Comm. edit. Starcz. 12.

шопотомъ другъ съ другомъ поговорить объ этомъ, страшно было даже помышлять.

Вдругъ все измѣнилось независимо отъ всякихъ боярскихъ усилій. Бояре возвратили себѣ самодѣятельность, хотя не надолго.

XI.

Василій умеръ, оставивъ преемникомъ малолѣтнаго сына. Надобно же было, вмѣсто малолѣтнаго, управлять государствомъ взрослымъ людямъ; были у Василія братья, но братья великихъ князей еще не усвоились съ долгомъ подданныхъ до того, чтобы, сдѣлавшись правителями вмѣсто малолѣтнаго племянника, не покуситься самимъ захватить его достояніе. И бояре невольно очутились правителями русской земли. Исполнялось, такимъ образомъ, мимо ихъ стараній, тайное, завѣтное желаніе, которое они такъ долго принуждены были заглушать въ себѣ, что уже почти забывали его. Но тутъ-то боярство показало, какъ много легло на немъ слѣдовъ предшествовавшаго времени, и какъ самое ихъ старинное званіе княжескихъ слугъ внушало имъ свойства, дѣлавшія ихъ мало доступными къ умѣнью образовать изъ себя кружокъ свободныхъ людей съ цѣлями, касающимися устроенія судьбы края и своего сословія. Эгоизмъ лицъ и небольшихъ партій, слагавшихся не во имя идей, а изъ частныхъ видовъ, былъ сильнѣе всякихъ земскихъ и сословныхъ интересовъ. Въ то время бояре, какъ сословіе, почти вытирались изъ классовъ русскаго народа, и самое слово бояринъ уже получило совсѣмъ иное значеніе.

Съ усиленіемъ Москвы, московскіе великіе князья начали своихъ бояръ жаловать титуломъ «боярина»; такимъ образомъ, бояринъ значилъ уже чинъ, санъ, по великокняжескому пожалованію, и помѣщался на придворной лѣстницѣ почестей. Кромѣ бояръ, были пожалованные государемъ дворецкій, окольничьи, кравчій, постельничій, конюшій, ловчій, оружейничій—чинъ боярина былъ выше другихъ. Боярская дума, прежде бывшій совѣтъ свободно служащихъ у великаго князя слугъ высшаго разряда и достоинства, состояла теперь изъ тѣхъ лицъ, кого пожалуетъ въ боярство государь. Правда, при этомъ принимался во вниманіе родъ, такъ что большею частью въ бояре жаловались тѣ, которыхъ предки были боярами, но все зависѣло отъ воли государя; могли быть пожалованы люди, которые не считали своихъ отцевъ и дѣдовъ въ высокомъ санѣ; могли остаться, не получивъ никогда боярскаго сана, и такіе, которыхъ отцы были облечены этимъ саномъ.

Прежнее значеніе слова бояринъ, въ смыслѣ высшаго сословія, еще долго оставалось въ неоффиціальномъ употребленіи; не только въ тѣ времена, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, но и гораздо позже, бояринъ вообще значитъ тоже что господинъ, знатный человѣкъ, отличавшійся какъ по происхожденію, такъ и по средствамъ жизни, и въ этомъ смыслѣ говорилось—боярскій домъ, боярскіе люди; въ такомъ значеніи слово это перешло и къ нашимъ временамъ въ сокращенномъ видѣ—баринъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ значеніе боярина въ смыслѣ сословія уже значительно ослабѣло, впало въ неопредѣленность и потеряло юридическій характеръ. Кромѣ бояръ по сану, боярами по роду и сословію могли называться лица, принадлежащія къ древнимъ знатнымъ родамъ и сами собою поддерживавшія свое значеніе и вліяніе на общественныя дѣла, которыя все-таки группировались около бояръ по сану, имѣвшихъ съ ними одинакую знатность рода. Какъ мы сказали, чувство корпоративности сословной между ними было слабо, и потому во всѣхъ событіяхъ эпохи младенчества Ивана Васильевича видно господство и преслѣдованіе личныхъ интересовъ. Одни у другихъ стремились вырывать и, при удачѣ, вырывали правленіе. Сначала мать государя сдѣлалась правительницею и, какъ слѣдовало ожидать отъ правленія молодой женщины того времени, возникла борьба между ея родственниками и ея любовникомъ. Партія послѣдняго одолѣла, потому что за него временно были люди старыхъ московскихъ боярскихъ родовъ, а родственники ея, Глинскіе, были недавніе пришельцы и возбуждали зависть въ потомкахъ старожиловъ; дядю правительницы уморили голодомъ въ тюрьмѣ; потомъ кружокъ недовольныхъ собрался около дядей государя — братьевъ Василія; но не удалось имъ. Государевыхъ дядей одного за другимъ уморили въ тюрьмѣ, а ихъ сторонниковъ наказали кнутомъ, другихъ же изъ нихъ, не такъ знатныхъ, перевѣшали. Не долго жила правительница, и какъ думаютъ, была отравлена. Тотчасъ по смерти ея, захватили власть князья Шуйскіе, уморили голодомъ любовника умершей матери государя, скоро потомъ сами низвергнуты были Бѣльскими, потомъ въ свою очередь съ своею партіею низвергнули Бѣльскихъ. Такимъ образомъ, Шуйскіе, Бѣльскіе, а съ ними Оболенскіе, Палецкіе, Кубенскіе, Шереметевы, Воронцовы и другіе, не чувствуя надъ собою ярма и государева страха, какъ бывало во дни оны, давали просторъ разнузданнымъ страстямъ, другъ друга толкали, другъ подъ другомъ рыли подкопы; слабѣйшіе приставали къ сильнѣйшимъ и при первомъ случаѣ измѣняли имъ; возвышеніе однихъ сопровождалось убійствами и преслѣдованіями низвергнутыхъ; всѣ почти имѣли въ виду только свои личныя выгоды,

руководились узкими побужденіями честолюбія, корыстолюбія или страха. Всякій пекся о себѣ, а не о земскихъ и государскихъ дѣлахъ—говорятъ современники. Впослѣдствіи царь Иванъ Васильевичъ въ письмѣ своемъ къ Курбскому, вспоминая дни своей юности, такъ описываетъ времена боярскаго правленія: «они наскочили на грады и села, ограбили имущества жителей и нанесли имъ многоразличныя бѣды, сдѣлали своихъ подвластныхъ своими рабами, а рабовъ своихъ устроили какъ вельможъ; показывали видъ, что правятъ и устраиваютъ, а вмѣсто того производили неправды и нестроенія, собирая со всѣхъ неизмѣримую мзду, и все творили и говорили, не иначе, какъ въ видахъ корысти (по мздѣ)». Свидѣтельство царя-деспота въ этомъ случаѣ не можетъ быть сочтено недостойнымъ вѣроятія, потому что оно подтверждается разсказами современныхъ лѣтописей; такъ, псковская лѣтопись выражается о характерѣ намѣстниковъ во время правленія Шуйскихъ: «свирѣпи аки львове, и люди ихъ аки звѣріе дивіи до крестьянъ». При отсутствіи корпоративнаго духа, бояре, захватывавшіе власть, не думали установить какого - нибудь прочнаго ограниченія самодержавной власти и оградить на будущія времена свободу и значеніе своего сословія. Не позаботились они и о такомъ воспитаніи малолѣтнаго, бывшаго у нихъ въ рукахъ, государя, которое бы подготовило монарха въ ихъ духѣ. Шуйскіе, по своему неблагоразумію, поступали, напротивъ, такъ, чтобы впослѣдствіи образовать изъ своего царственнаго питомца — тирана, склоннаго къ злодѣяніямъ и вмѣстѣ раздраженнаго воспоминаніями своего униженія, перенесеннаго въ дѣтствѣ. Маленькій Иванъ для забавы убивалъ и терзалъ животныхъ, заслуживая за такія игры похвалы отъ своихъ воспитателей и съ дѣтства получилъ вкусъ къ пролитію крови. Когда, впослѣдствіи, этотъ пріобрѣтенный въ дѣтствѣ вкусъ обратился на кровь человѣческую, онъ не забылъ, какъ бывало, во время его дѣтскихъ игръ, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, сидя на лавкѣ, клалъ ноги на постель его родителя и не оказывалъ ему самому ни малѣйшаго уваженія, какъ будто ни во что ставилъ санъ, носимый малолѣтнымъ. Подобныя горькія воспоминанія объ униженіи въ дѣтствѣ, возбуждали впослѣдствіи въ Иванѣ Васильевичѣ злобу къ боярамъ. «Питаша его—говоритъ Курбскій о его воспитателяхъ — на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретяшеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи».

Ясно, что правленіе слугъ, очутившихся нежданно въ положеніи господъ, не могло произвести коренныхъ преобразованій въ государственномъ строѣ. Пропущено было самое удобное время

поставить преграду дальнѣйшему господству самодержавія, чего такъ внутренно желало боярство, и чего совершенно не умѣло сдѣлать. Едва, привыкшій изъдѣтства своевольничать, царь подросъ, какъ попалъ подъ опеку своихъ дядей — Глинскихъ, до тѣхъ поръ сидѣвшихъ тихо и смирно, страха ради. Они, вмѣстѣ съ государемъ, составили заговоръ противъ Шуйскихъ и въ одинъ день, Иванъ Васильевичъ приказалъ схватить Андрея Шуйскаго и отдать на растерзаніе псарямъ. Затѣмъ слѣдовали опалы, ссылки заточенія въ тюрьму и неистовыя выходки необузданнаго и кровожаднаго произвола. Иванъ достигъ совершеннолѣтія, вѣнчался на царство, женился—но продолжалъ находиться подъ опекою Глинскихъ. Уничтожить эту опеку возможно было только тѣмъ самымъ средствомъ, какимъ Глинскіе захватили ее, то-есть заговоромъ. Кружокъ боярскій, между которыми былъ дядя царицы, воспользовался случившимся въ столицѣ пожаромъ, однимъ изъ самыхъ ужасныхъ, какими богата русская исторія. Распустили въ народѣ нелѣпый слухъ, будто бабка государя, Глинская, вырывала изъ человѣческихъ труповъ сердца, настаивала въ водѣ и кропила этою водою улицы, а отъ этого произошелъ пожаръ. Народъ взволновался, убилъ государева дядю, Глинскаго; самому государю угрожала опасность отъ разъяренной толпы. Иванъ Васильевичъ испугался, потерялся и какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ съ людьми его характера, былъ склоненъ принять, какъ единственную опору, помощь религіи. Явленіе было необычное въ московской исторіи: неудивительно, что царь поддался вліянію духовнаго лица, которое на него подѣйствовало религіознымъ страхомъ и утѣшеніемъ. То былъ знаменитый Сильвестръ, одна изъ такихъ необыкновенныхъ личностей, которыя, во время спокойнаго теченія общественной жизни, могутъ навсегда остаться незамѣченными, но въ эпоху переворотовъ и катастрофъ, силою своего ума и воли вызываются стать на челѣ общественной дѣятельности. Къ большой потерѣ для исторіи мы не знаемъ предварительной біографіи этого человѣка: говорятъ только, что онъ былъ священникъ, пришлецъ изъ Новгорода. Несомнѣнно, что душею происшедшаго тогда въ сердцѣ Ивана Васильевича переворота былъ онъ. Сильвестръ овладѣлъ его совѣстью,—царь всецѣло ему отдался какъ руководителю и наставнику; вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно по благословенію Сильвестра, онъ приблизилъ къ себѣ Алексѣя Адашева, человѣка молодого и незнатнаго: его отецъ только въ слѣдующемъ году произведенъ въ окольничьи. Эти два лица сошлись съ княземъ Дмитріемъ Курлятевымъ, а потомъ приблизили къ себѣ кружокъ князей и бояръ, которые образовали около государя совѣтъ, управлявшій его именемъ

всѣми государственными и земскими дѣлами. Мы не можемъ сказать, изъ кого именно состоялъ этотъ кружокъ совѣтниковъ, руководимыхъ Адашевымъ и Сильвестромъ. Мы знаемъ составъ боярской думы тѣхъ лѣтъ, когда царь былъ подъ опекою Сильвестра и его пособниковъ, но по этому одному нельзя дѣлать заключеній; иные, находясь въ боярской думѣ, мало значили для дѣлъ; другіе, не находясь тамъ, могли имѣть болѣе значенія—и дѣйствительно, ни Сильвестръ, ни Адашевъ не имѣли никакого участія и голоса въ боярской думѣ, а между тѣмъ теченіе дѣлъ болѣе всего отъ нихъ зависѣло. По ходу тогдашнихъ дѣлъ можно указать какъ на лицъ, болѣе дѣятельныхъ въ эту эпоху, на кн. Курлятевыхъ, особенно Дмитрія, на кн. Куракина, кн. Мих. Рѣпнина, кн. Турунтая, кн. Пронскаго, кн. Юрія Кашина, князей Воротынскихъ, Одоевскихъ, кн. Дмитрія Палецкаго, кн. Курбскаго, кн. Петра Шуйскаго, кн. Горбатова, Сабурова, Шереметева, Морозовыхъ. Но опредѣлить степень вліянія каждаго изъ нихъ—нельзя. Мы были бы въ совершенной тьмѣ относительно этой чрезвычайно важной эпохи, если бы до насъ не дошла драгоцѣнная переписка царя съ бѣглецомъ кн. Андр. Мих. Курбскимъ; въ ихъ полемикѣ отражаются какъ въ зеркалѣ двѣ стороны—одна боярская, стремившаяся ограничить власть монарха, другая — царская, стремящаяся освободиться навсегда отъ подобнаго ограниченія, стоящая за святыню самодержавной и безусловной воли верховнаго главы и помазанника. Вѣроятно тѣ, которыхъ царь губилъ, особенно въ началѣ эпохи своихъ мучительствъ, тѣ, которые прославляются Курбскимъ какъ мученики, оказывались въ глазахъ царя виновными въ стремленіи ограничить его власть; но по этому также нельзя заключать о степени ихъ вліянія при Сильвестрѣ и Адашевѣ, тѣмъ болѣе, что царь казнилъ и такихъ, о которыхъ есть положительныя свѣдѣнія, что они были врагами Сильвестра и Адашева. Такимъ образомъ, онъ, напримѣръ, казнилъ казначея Фуникова, котораго, по извѣстію самого царя, Сильвестръ и Адашевъ послали въ заточеніе. Но что царь дѣйствительно былъ ограниченъ въ своей власти, дѣйствовалъ по волѣ другихъ и все управленіе исходило не отъ него, кромѣ немногихъ случаевъ его строптивости,—въ томъ удостовѣряютъ насъ, какъ разсказъ Курбскаго, такъ и сознаніе самого царя. Курбскій хвалитъ такое положеніе дѣлъ; царь вспоминаетъ о немъ съ негодованіемъ.

Всему положилъ начало Сильвестръ и все держалъ онъ. Курбскій объясняетъ способъ, какимъ онъ взялъ царя въ руки и умѣлъ долгое время владѣть имъ. Этотъ пресвитеръ, по словамъ Курбскаго, повѣдалъ царю чудеса, яко бы явленныя отъ

Бога. Не знаю, прибавляетъ отъ себя Курбскій, какія онѣ были, истинныя ли, или онъ, пользуясь глупостью царя, напустилъ на него ужасъ, подобно какъ отцы повелѣваютъ слугамъ ужасать дѣтей мечтательными страхами: такъ поступалъ и этотъ блаженный льстецъ. На тоже намекаетъ самъ Иванъ Васильевичъ въ письмѣ къ Курбскому: «Не мните мя неразумна суща или разумомъ младенчествующа, яко же начальницы ваши попъ Сильвестръ и Алексѣй, ниже мните мя дѣтскими страшилы устрашити, якоже прежде сего съ попомъ Сильвестромъ и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прельстиста». Принявъ во вниманіе страстный, увлекающійся и вмѣстѣ трусливый нравъ царя и господствующія суевѣрія вѣка, становится понятно, какимъ орудіемъ съумѣлъ Сильвестръ совершить важное дѣло. Царь видѣлъ въ немъ что-то высшее, счелъ его за святого блаженнаго мужа, одареннаго свыше благодатію, мудростью, дарами пророчества и чудодѣянія и потому такъ суевѣрно почиталъ его, слушался и боялся, пока не прошло обаяніе. Дѣйствуя за одно съ Адашевымъ, они, по извѣстію Курбскаго, «собираютъ къ нему совѣтниковъ мужей разумныхъ и совершенныхъ; одни изъ нихъ были старики, украшенные благочестіемъ и страхомъ Божіимъ, другіе же люди средняго возраста, предобрые, храбрые, искусные въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ, и такъ усвояютъ ему ихъ въ пріязнь и дружбу, и безъ ихъ совѣта онъ не могъ ничего ни устроивать, ни мыслить. И назывались эти совѣтники *избранная рада*, ибо все важное и полезное отъ нихъ происходило». Усвоившій въ новомъ отечествѣ западно-русскія выраженія, Курбскій переводитъ словомъ *рада* слово *дума*, но здѣсь едва ли можно разумѣть оффиціальную боярскую думу: если люди, принадлежавшіе къ послѣдней, и были друзья Сильвестра и Адашева, то не по своему пребыванію въ боярской думѣ. Эта избранная рада означала болѣе интимный, неоффиціальный совѣтъ, служившій планамъ Сильвестра и Адашева. Вѣроятно изъ тѣхъ князей и бояръ, которыхъ они приблизили къ себѣ, нѣкоторые, а можетъ быть и многіе, не такъ проницательные какъ Курбскій, чистосердечно вѣрили въ высшее помазаніе Сильвестра; удивительный этотъ человѣкъ умѣлъ примирять ихъ, соглашать и направлять къ цѣли, по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ. Слѣдствіемъ такой зависимости царя отъ кружка, устроеннаго священникомъ, были дѣла очень важныя: изданіе Судебника, Стоглава, установленіе губныхъ грамотъ, излюбленныхъ старостъ и цѣловальниковъ, освобожденіе народа отъ произвола намѣстниковъ и волостелей, дарованіе ему льготъ и самоуправленія, завоеваніе Казани и Астрахани. Все это дѣлалось именемъ царя и во всемъ этомъ былъ царь неповиненъ. «Я — го-

ворить въ письмѣ царь — принялъ попа Сильвестра ради духовнаго совѣта и спасенія души своей, а онъ попралъ священные обѣты и хиротонію, сперва какъ будто хорошо началъ, слѣдуя божественному писанію, а я, видя въ божественномъ писаніи, что слѣдуетъ покоряться благимъ наставникамъ безъ разсужденія, ради духовнаго совѣта, повиновался ему въ колебаніи и невѣдѣніи. Потомъ Сильвестръ сдружился съ Адашевымъ и начали держать совѣтъ тайно отъ насъ, считая насъ неразумными; и такъ, вмѣсто духовныхъ дѣлъ, начали разсуждать о мірскихъ, и такъ мало-по-малу всѣхъ васъ, бояръ, приводить въ самовольство, снимая съ насъ власть и васъ подстрекая противорѣчить намъ, и почти равняя васъ честью съ нами, а молодыхъ дѣтей боярскихъ уподобляя честью съ вами; и такъ мало-по-малу утвердилась эта злоба и вамъ стали давать города и села, и тѣ вотчины, которыя еще по распоряженію дѣда нашего у васъ отняты, которыхъ вамъ не слѣдовало давать — роздали: все пошло по вѣтру, нарушили распоряженіе дѣда нашего и тѣмъ склонили на свою сторону многихъ. Потомъ Сильвестръ ввелъ къ намъ въ сигклитъ единомышленника своего князя Дмитрія Курлетева, обольщая насъ лукавымъ обычаемъ, будто все это дѣлаетъ ради спасенія души нашей, и такъ съ этимъ своимъ единомышленникомъ утвердили свой злой совѣтъ, не оставили ни одной власти, гдѣ бы не помѣстили своихъ угодниковъ, и съ тѣмъ своимъ единомышленникомъ отняли отъ насъ власть, данную намъ отъ прародителей назначать бояръ и давать имъ честь предсѣданія по нашему жалованью: все это положили на свою и на вашу волю, чтобъ все было какъ вамъ угодно, и утвердились дружбою, все дѣлали по своему, а насъ и не спрашивали, какъ будто насъ вовсе не было; всѣ устроенія и утвержденія творили по волѣ своей и своихъ совѣтниковъ. Мы же если что и доброе совѣтовали, имъ все это казалось непотребнымъ. Во всякой мелочи, до обуванія и спанья, я не имѣлъ своей воли; все дѣлалъ по ихъ желанію, словно младенецъ». Эта краснорѣчивая исповѣдь живо показываетъ состояніе, въ какомъ находился царь подъ обаяніемъ Сильвестра. Шло къ тому, чтобы власть царская, власть единодержавная, выработанная нѣсколькими поколѣніями московскихъ государей, опять возвратилась къ тому состоянію, въ какомъ находилась въ XIV-мъ вѣкѣ во времена Димитрія Донского, а можетъ быть и еще ограниченнѣе. Удѣльные князья и ихъ бояре потеряли свои владѣнія и силу въ отдѣльныхъ земляхъ, стали холопами московскаго государя; теперь ихъ потомки, не возстановляя своихъ удѣльныхъ правъ, стояли на рубежѣ

пріобрѣтенія другого права — управлять общимъ совѣтомъ всею русскою землею, уже соединенною и распространенною.

Замѣчательно, что изъ лицъ вліятельныхъ того времени была большая часть потомковъ удѣльныхъ князей, но еще замѣчательнѣе то, что во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства, находившагося, по признанію самого царя, въ ихъ рукахъ не видно вовсе аристократическаго направленія, какъ бы, казалось, слѣдовало ожидать; напротивъ, въ тогдашнемъ законодательствѣ и учрежденіяхъ видѣнъ господствующій духъ уравненія, стремленіе народной громадѣ доставить благосостояніе и льготу. Нѣтъ ничего такого, чтó бы клонилось къ исключительнымъ выгодамъ знатныхъ княжескихъ и боярскихъ родовъ; напротивъ, самъ царь ставитъ имъ въ вину, что они молодыхъ (т.-е. незнатныхъ) дѣтей боярскихъ равняли честію съ боярами. Это обстоятельство объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что все исходило отъ Сильвестра и Адашева и ихъ пособники, хотя принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ родамъ, смотрѣли глазами двухъ или трехъ (считая Курлетева) тогдашнихъ временщиковъ, овладѣвшихъ волею царя; во-вторыхъ, тѣмъ отсутствіемъ корпоративнаго духа, о которомъ мы говорили, какъ о слѣдствіи давняго значенія бояръ въ качествѣ слугъ великаго князя. Это качество и было одною изъ причинъ недолговѣчности стремленія поставить самодержавію границы.

Все зависѣло отъ обаянія, въ какомъ находился царь, уважая Сильвестра, считая его лицомъ, облеченнымъ высшею благодатію. Какъ только это обаяніе исчезало, все строеніе предпринятое Сильвестромъ и его пособниками, оказывалось заложеннымъ на пескѣ и должно было разсыпаться, прежде чѣмъ могло быть достроено.

Царь, вслѣдствіе потрясенія и страха Божія отдавшійся подъ начало руководителя, не могъ не чувствовать тягости своей зависимости, и уже послѣ казанскаго похода, вспыливъ на одного изъ приближенныхъ, сказалъ: «нынѣ меня Богъ боронилъ отъ васъ». Тогда уже это неосторожно произнесенное слово показалось зловѣщимъ. Между пѣстунами царя и братьями жены его возникло несогласіе; царю не совѣтовали уходить изъ-подъ Казани, пока не устроятся дѣла, но царь послушался болѣе совѣта своихъ шурьевъ. Вліяніе Сильвестра только до нѣкоторой степени умѣряло обычный эгоизмъ личныхъ побужденій, лежавшій издавна въ нравахъ знатныхъ родовъ, но онъ не могъ совершенно искоренить безладицу между окружавшими царя. Она проявилась рѣзко въ 1553 году, когда съ царемъ случилась опасная болѣзнь. У постели ожидавшаго смерти государя бояре не хотѣли присягать на вѣрность малолѣтному сыну его Дими-

трію и склонялись на сторону двоюроднаго царскаго брата князя Владимира Андреевича. Нѣкоторые упорно отрекались отъ принесенія присяги Димитрію, другіе хотя уступили желанію царя, но съ явнымъ недоброхотствомъ высказывали опасеніе, что во время малолѣтства будущаго царя, захватятъ власть ихъ родственники по матери, Захарьины, и гласно заявляли свою ненависть къ этимъ людямъ, къ которымъ былъ расположенъ государь, горячо любившій свою жену. Государь не умеръ, какъ было ожидали, но выздоровѣлъ и оставилъ въ сердцѣ неизгладимое огорченіе. Это событіе отмѣчено въ лѣтописяхъ особенно важнымъ, потому что съ него началась смута между боярами. Государь не мстилъ за оскорбленіе, хотя не забывалъ его. Его не побудила къ перемѣнѣ отношеній къ ограничавшей его партіи даже и бесѣда съ пѣсношскимъ старцемъ Вассіаномъ, бывшимъ нѣкогда коломенскимъ епископомъ, испытавшимъ гоненія отъ бояръ и потому ихъ всѣхъ ненавидѣвшимъ. «Если хочешь быть самодержцемъ — сказалъ царю этотъ старецъ — не держи около себя людей мудрѣе себя». Курбскій признаетъ за этимъ старцемъ большое вліяніе на Ивана Васильевича и потому сильно на него озлобляется. Дѣла, однако, и послѣ того оставались въ прежнемъ видѣ, хотя царю все тяжелѣе и тяжелѣе становилась зависимость. Одинъ изъ ближнихъ вельможъ, бывшій въ числѣ тѣхъ, которые во время болѣзни Ивана Васильевича отказывались присягать сыну его Димитрію и были склонны признать преемникомъ больному царю—его двоюроднаго брата Владимира Андреевича, князь Семенъ Ростовскій, вѣроятно, видя къ себѣ постоянное нерасположеніе государя и опасаясь, что рано или поздно царь припомнитъ ему прошедшее, замыслилъ бѣжать въ Литву; съ нимъ соглашались бѣжать его родственники. Но замыселъ ихъ не удался. Бѣглецовъ, вмѣсто казни, осудили на заточеніе. Событіе это увеличивало недовѣріе царя къ боярамъ, тѣмъ болѣе, когда царь впослѣдствіи замѣчалъ, что Сильвестръ оказывалъ сочувствіе къ преступникамъ. У боярской партіи насчетъ подобныхъ поступковъ былъ иной взглядъ, какъ у государей. Сообразно древнему праву отъѣзда, дорогому для нихъ по предковскимъ преданіямъ, они все еще смотрѣли снисходительно на то, чтó государи клеймили измѣною и предательствомъ: совѣсть ихъ говорила имъ иное. «Если кто — разсуждалъ впослѣдствіи такой же бѣглецъ Курбскій — не убѣгаетъ отъ прелютаго гоненія, тотъ самъ себѣ убійца, тотъ противится слову Господню: аще гонятъ васъ во градѣ, бѣгайте въ другій; притомъ же и образъ показалъ вѣрнымъ своимъ самъ Господь Богъ, когда убѣгалъ не только отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ жидовъ». Вслѣдъ затѣмъ

произошло какое-то дѣло по поводу бояръ князей Прозоровскаго и Сицкаго. Бояре дали этому дѣлу такой оборотъ, что, казалось, хотѣли судить поступки государя. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи царь, въ своей перепискѣ съ Курбскимъ, припоминалъ, какъ Курбскій и Курлятевъ хотѣли судить его. О фактѣ этомъ мы знаемъ только изъ неяснаго намека; тѣмъ неменѣе видно, что и на этотъ разъ у царя остался поводъ къ недовольству противъ бояръ за то, что они стремились держать его въ своей зависимости. Вслѣдъ затѣмъ размолвка царя съ своими пѣстунами сильнѣе обозначалась по поводу ливонской войны. Сильвестръ былъ рѣшительно противъ этой войны. Адашевъ также не одобрялъ ее. Другіе, будучи ихъ сторонниками, также не охотно соглашались признать ее справедливость, по крайней мѣрѣ сначала. За то самъ царь хотѣлъ воевать и находились совѣтники, подстрекавшіе его. У Сильвестра была идея распространять предѣлы русскаго государства въ другія стороны, на счетъ татаръ; — уже Казань и Астрахань были покорены; представлялась возможность расправиться и съ Крымомъ; правда, для этого требовались слишкомъ большія усилія, но казалось возможнымъ преодолѣть все, въ дружномъ союзѣ съ Литвою и Польшею, заключеннымъ съ цѣлію взаимными силами истребить хищническое гнѣздо, устроенное на Крымскомъ полуостровѣ; нападеніе на Ливонію отвлекало русскія силы и приготовляло для Руси столкновеніе и вражду съ Литвою и Польшею. Царь не слушалъ такихъ совѣтовъ; война началась; Сильвестръ продолжалъ порицать ее, жалѣлъ о разореніи Ливоніи, называлъ ее сирою вдовицею и пугалъ царя карою Божіею за варварства, совершаемыя его войсками въ несчастномъ краѣ; случалось ли захворать царю, царицѣ или ихъ дѣтямъ — Сильвестръ говорилъ, что это Богъ наказываетъ его за Ливонію. Его нравоученія отражались дурно на полководцахъ; царь, впослѣдствіи, указывалъ, что они неохотно шли на войну: «Аще бы не ваше злобѣсное претыканіе было, то бы за Божіею помощію, едва не вся Германія была за православіемъ», писалъ онъ къ Курбскому въ своемъ простодушномъ высокомѣріи, повторяя, какъ кажется, то, что ему нашептали враги Сильвестра. Наконецъ, государь потерялъ терпѣніе. Люди, непріязненные Сильвестру, овладѣли имъ. Сильвестръ и его сторонники раздражали шурьевъ царя и самую царицу, Анастасію: послѣднее было для нихъ всего вреднѣе. Мы не знаемъ, за что именно не ладила она съ ними, но царь, въ письмѣ своемъ къ Курбскому, напоминаетъ, какъ супругу его уподобляли нечестивымъ царицамъ, и между прочимъ Евдокіи, преслѣдовавшей Іоанна Златоуста. Это указываетъ, что царица

Анастасія не любила Сильвестра, котораго его сторонники сравнивали съ Златоустомъ. Съ нею и съ ея шурьями дѣйствовали на царя другіе, которые, по правдоподобному объясненію Курбскаго, хотѣли удалить Сильвестра и его сторонниковъ для того, чтобъ имъ невозбранно было всѣмъ владѣть, брать посулы, извращать правосудіе и умножать злыми способами свои пожитки. Хотя до насъ не дошли непосредственно ихъ доводы, какими они вооружили Ивана Васильевича противъ Сильвестра и Адашева, но, вѣроятно, они были именно тѣ, какіе самъ царь впослѣдствіи приводилъ для оправданія своихъ послѣдующихъ поступковъ: священникамъ совсѣмъ не подобаетъ властвовать и управлять; царство, управляемое попами, разоряется: такъ было въ Греціи; и Богъ, изводя Израиля изъ работы, не священника надъ нимъ поставилъ и не многихъ правителей, а единаго Моисея, какъ царя, Аарону же, его брату, повелѣлъ священствовать, а не творить людского строенія, а какъ Ааронъ началъ заниматься людскимъ строеніемъ, такъ и отъ Бога отвелъ людей. Царь долженъ быть самодержавенъ, всѣмъ повелѣвать, и никого не слушаться, а если онъ будетъ дѣлать то, чтó другіе постановятъ, такъ онъ только будетъ почтенъ честію царскою предсѣданія, а на дѣлѣ не лучше раба; и пророкъ сказалъ: «горе граду имже мнози обладаютъ»; русскіе владѣтели и прежде никому не повиновались, а вольны были подвластныхъ своихъ миловать и казнить. Такъ говорилъ царь; такъ, вѣроятно, и ему говорили враги Сильвестра и его партіи. Но въ довершеніе всего они заронили царю мысль, что Сильвестръ чародѣй и силою волшебства опуталъ его и держитъ въ неволѣ. Это орудіе было особенно сильно, потому что оно было того же закала, какъ и Сильвестрово. Сторонники Сильвестра сознаются, что Сильвестръ былъ «льстецъ», то-есть обманщикъ, но оправдываютъ его тѣмъ, что онъ употреблялъ обманъ, какъ средство для хорошихъ цѣлей: онъ умѣлъ представиться въ глазахъ царя богоугоднымъ человѣкомъ, облеченнымъ силою необыкновенною, силою свыше, чудотворцемъ; онъ дурачилъ царя ложными чудесами: въ этомъ сознается его поклонникъ Курбскій; теперь, дѣйствуя противъ него, враги старались представить его также чудотворомъ, но только получившимъ свою силу не отъ Бога, а отъ темныхъ властей. Такой путь скорѣе всего могъ поколебать душу суевѣрнаго Ивана Васильевича. Суевѣріе свело его съ Сильвестромъ; суевѣріе и развело. Сильвестръ увидѣлъ, что царь уже ему не вѣритъ, разсудилъ, что долѣе оставаться при дворѣ ему не зачѣмъ и удалился въ монастырь; его друга Адашева услали въ Ливонію къ войску. Быть можетъ, партія ихъ сторонниковъ опять нашла бы средства обратить царя на прежній путь повиновенія,

но тутъ случилось обстоятельство, которое сдѣлало невозможнымъ такой возвратъ.

Умерла Анастасія. Царь, любившій горячо свою супругу, былъ въ чрезмѣрной печали. Понятно, что съ потерею любимой особы, которая, по свойству человѣческой природы, стала ему, по смерти своей, еще любезнѣе, всѣ тѣ, которые не любили ее при жизни, стали ему особенно ненавистны. Этимъ воспользовались враги и бросили царю мысль, что въ смерти Анастасіи Романовны виновны Сильвестръ и Адашевъ, что они извели ее чарами. Царь, уже предрасположенный видѣть въ этихъ лицахъ злыхъ волшебниковъ, легко поддался внушеніямъ ихъ враговъ. Сильвестра и Адашева не было въ Москвѣ: ихъ не допустили туда пріѣхать для своего оправданія, хотя они объ этомъ просили черезъ митрополита. Курбскій сообщаетъ доводы, которыми тогда вооружали противъ нихъ царя Ивана Васильевича. «Если ты, царь— говорили ему — допустишь ихъ къ себѣ на глаза, — они очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; да кромѣ того: войско и народъ любятъ ихъ болѣе тебя, и самого тебя и насъ перебьютъ каменьями. А хотя бы этого не случилось — опять обойдутъ тебя и подчинятъ себѣ въ неволю. Эти дурные люди, негодные чародѣи, уже держали какъ будто въ оковахъ, тебя, государя великаго, славнаго и мудраго, повелѣвали тебѣ въ мѣру ѣсть и пить, не давали тебѣ ни въ чемъ воли, ни въ малыхъ, ни въ большихъ дѣлахъ; не могъ ты ни людей своихъ миловать, ни царствомъ своимъ владѣть. Да еслибъ не было ихъ при тебѣ, при такомъ мужественномъ и храбромъ государѣ, еслибъ они не держали тебя какъ на уздѣ, ты бы уже почти всею вселенною обладалъ; а то они, своимъ чародѣйствомъ, закрывали тебѣ глаза, не давали тебѣ ни на что смотрѣть, желали сами царствовать и всѣми нами владѣть. Только допусти ихъ къ себѣ на глаза: тотчасъ тебя ослѣпятъ! Вотъ теперь, отогнавши ихъ отъ себя, ты истинно образумился, то-есть пришелъ въ свой разумъ; открылись у тебя глаза и смотришь ты свободно на свое царство, какъ помазанникъ Божій, и никто иной, ты самъ одинъ всѣмъ владѣешь и правишь».

Такія рѣчи были какъ нельзя болѣе по сердцу царю. Если Сильвестръ держалъ царя въ зависимости при помощи религіи, то нашлись и противники, которые поражали его самого именемъ религіи. Нашлись ему враги изъ его же собратіи, духовенства. Русскіе духовные, по взгляду на верховную власть государя, издавна уже раздѣлились на двѣ партіи. Одна покровительствовала стремленіямъ московскихъ государей къ единодержавію и полновластію, проповѣдывала, что власть государя

должна быть неограниченною, все должно исходить только отъ него; никто не можетъ судить его поступковъ, ибо онъ божій помазанникъ, слуга и намѣстникъ и сердце его въ рукѣ божіей. Къ этой партіи примыкали и такіе, у которыхъ были своекорыстные виды. Это были, по выраженію Курбскаго, тѣ богатолюбивые мнихи, которые вообще не совѣтовали по разуму духовному, а съ прилежаніемъ прислушивались, что угодно царю и властямъ, то-есть чѣмъ бы вымолить монастырямъ имѣнія и богатства. Проповѣдуя деспотизмъ мірской власти, они также были поборники деспотизма въ церкви, деспотизма вѣрованія, устава, обряда. Курбскій называетъ ихъ іосифлянами, отъ Іосифа Волоцкаго, въ свое время бывшаго главнымъ и энергическимъ представителемъ такого направленія въ духовенствѣ. Укоръ въ любостяжаніи, который дѣлали имъ противники, подтверждался тою защитою монастырскихъ имѣній, которою такъ отличался Іосифъ Волоцкій. Другая партія, напротивъ, считала, что царскій произволъ долженъ умѣряться совѣтомъ разумныхъ людей и руководиться наставленіями благочестивыхъ представителей церкви; люди этой партіи отличались, сравнительно съ своими противниками, большею мягкостью, снисходительностію къ человѣческимъ слабостямъ и заблужденіямъ.

Иванъ Васильевичъ собралъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ судить Сильвестра и Адашева въ чародѣйствѣ, которымъ они опутывали царя и лишали его власти. Духовные были люди партіи самодержавія. Курбскій называетъ изъ нихъ Вассіана, чудовскаго архимандрита Левкія, Михаила Сукина, какъ особенно отличившихся противъ Сильвестра; но вѣроятно и епископы, находившіеся на этомъ судѣ, были того же покроя. Только митрополитъ Макарій возвысилъ голосъ, находя справедливымъ призвать обвиняемыхъ и выслушать ихъ объясненія; но его не послушали, потому что всѣ хотѣли угодить царю. Сильвестра осудили на вѣчное заточеніе въ Соловки; Адашева держали подъ стражею въ ново-завоеванномъ Дерптѣ, гдѣ онъ и умеръ по однимъ отъ горячки, по извѣстіямъ его враговъ,— отъ самоотравленія.

Вслѣдъ затѣмъ царь Иванъ Васильевичъ вступилъ въ тотъ періодъ своего царствованія, который отмѣтился въ исторіи нашей самымъ дикимъ, безчеловѣчнымъ проявленіемъ самовластія и мучительствами надъ знатными русскими родами. Прежде всего онъ перемучилъ родственниковъ и свойственниковъ Адашева, умертвилъ князей Оболенскаго, Рѣпнина, Кашина и другихъ лицъ, постригъ Курлятевыхъ и Шереметева, заточилъ князя Воротынскаго. Между тѣмъ ливонская война вовлекла

Московское государство въ войну съ Литвою. Князь Курбскій, лицо знатное и вліятельное, измѣнилъ Москвѣ и передался къ Литвѣ; нашлись и другіе, послѣдовавшіе его примѣру. Понятіе о правѣ отъѣзда, еще не изгладившееся у князей и бояръ, въ значеніи предковскаго преданія, подавало опасеніе, что измѣна охватитъ Москву въ самыя критическія минуты ея борьбы съ внѣшними врагами. Царю показались необходимыми самыя крутыя мѣры. И вотъ явилась опричнина.

Отчего же царь, уже издавна тяготившійся наложенною на него опекою, не свергалъ ее съ себя такъ долго? Отчего онъ не рѣшался прежде дѣлать того, что̀ дѣлалъ послѣ? Судя по наружнымъ признакамъ и, главное, по той заботливости, съ какою, впослѣдствіи, царь утверждалъ свое полновластіе, можно бы подозрѣвать, что партія, стремившаяся держать его въ зависимости, дѣйствительно имѣла опору въ народной громадѣ, составила себѣ опредѣленный планъ средствъ ограничить навсегда верховную власть, и потому царю нужно было и много времени и много средствъ, чтобъ лишить ее способовъ противодѣйствовать, что, однимъ словомъ, царю нужно было подготовиться, потому что ему предстояла борьба съ сильными противниками.

Не то было на самомъ дѣлѣ.

Партія, съ которою царь долженъ былъ бороться, во время своего временного господства, не устроила никакой организаціи для самосохраненія, а впослѣдствіи, когда царь сталъ ее преслѣдовать, не показывала никакого дѣятельнаго противоборства. Ясно, что царь имѣлъ дѣло съ противниками, которые не были, или же не хотѣли и не умѣли сдѣлаться сильными. У нихъ были желанія, а сознанія средствъ для осуществленія своихъ желаній было мало. Причина была совершенное отсутствіе того, что называется гражданскимъ чувствомъ и нѐ изъ чего было ему развиться. Они, по существу своему, продолжали быть слугами, такъ какъ и предки ихъ, примкнувъ къ возраставшему московскому государству, имѣли характеръ служебный. Предки ихъ, будучи слугами, были въ тоже время и совѣтниками великихъ князей и фактически ограничивали самовластіе послѣднихъ: безъ ихъ совѣта и воли великіе князья ничего не предпринимали. Это произошло, какъ мы уже показали, отъ того, что великіе князья въ дѣлѣ возрастанія своего могущества, опирались на ихъ силу и нуждались въ нихъ также, какъ они нуждались въ немъ. Но времена иныя настали; великіе князья стали изъ господъ государями; уничтоженіе автономіи русскихъ земель и подчиненіе ихъ московскому владычеству, расширеніе предѣловъ государства, освобожденіе отъ всякой иноземной зависимости, передавшее

московскимъ государямъ то право собственности, какое имѣли ханы надъ Русью, учрежденіе помѣстнаго порядка и военной силы, привязанной исключительно къ государю, обогащеніе государевой казны, неразлучное съ умноженіемъ владѣній, наконецъ, освященіе государскаго единовластія церковью въ лицѣ, если не всѣхъ, то значительной части ея представителей—все это вмѣстѣ возвысило московскаго государя до той степени, которой достигши, онъ уже не находился въ необходимости сообразовать свои дѣйствія и поступки съ совѣтомъ и волею своихъ слугъ. Между тѣмъ, у этихъ слугъ оставалось желаніе, чтобы въ Москвѣ дѣлалось такъ, какъ бывало встарь, и чтобы царь соображался съ ихъ совѣтомъ такъ, какъ предки царя соображались съ совѣтомъ ихъ предковъ. Случай помогъ ихъ желанію. Они достигли цѣли. Но въ качествѣ слугъ, они не могли стать выше того положенія, въ какомъ находились ихъ предки; между тѣмъ времена были другія, обстоятельства вынуждали искать мѣръ, чтобы не потерять достигнутаго. Они этихъ мѣръ не искали, довольствовались тѣмъ, что случайно пріобрѣли, не думали о будущемъ. Они все-таки были не болѣе какъ слуги, нашедшіе возможность подчинить своей волѣ владыку, но оставлявшіе также ему полную возможность поворотить дѣла во вредъ имъ, и притомъ не отличавшіеся единодушіемъ и согласіемъ, какъ почти всегда бываетъ со слугами, случайно ставшими внѣ страха и повиновенія. Съ такими-то противниками имѣлъ дѣло царь Иванъ Васильевичъ. Противники, очевидно, были не сильны, но онъ велъ съ ними борьбу, какъ съ великою силою: онъ долго терпѣлъ ихъ, а потомъ долго и круто истреблялъ.

Все это объясняется, какъ намъ кажется, трусостію—отличительною чертою характера царя Ивана Васильевича. Качество это является во всѣхъ его поступкахъ отъ юности до гроба и нѣсколько разъ въ его жизни выказывается очень выпукло. Трусилъ онъ и терялся передъ Девлетъ-Гиреемъ, когда этотъ крымскій ханъ напалъ на Москву и разорилъ ее; трусилъ онъ передъ Стефаномъ Баторіемъ, когда, какъ говорятъ, приказывалъ своимъ посламъ сносить униженіе предъ побѣдителемъ; трусилъ онъ передъ судомъ Божіимъ, когда посылалъ въ монастыри поминовенія по убитымъ имъ же и называлъ жертвы своей подозрительности невинными. Но трусость его не исключала и противнаго качества: онъ, всегда падавшій духомъ въ несчастіи, былъ надмененъ, высокомѣренъ, заносчивъ въ счастіи, въ дѣлахъ внѣшней политики онъ показывалъ это качество не разъ: дерзко и презрительно относился къ шведскому королю, когда его не

боялся, безжалостно тѣснилъ Ливонію, когда она не могла отъ него оборониться, надменно обращался съ Литвою и Польшею, пока военное счастіе не перешло на сторону послѣднихъ и не заставило его измѣнить тона рѣчи. Это былъ человѣкъ крайностей — неумѣренный какъ въ подчиненіи и самоуниженіи, такъ и въ гордости и произволѣ. Предавшись необузданно произволу въ юности, онъ вдругъ палъ духомъ и струсилъ подъ угрожающимъ явленіемъ народнаго волненія, вызваннаго пожаромъ; въ припадкѣ трусости и паденія духа онъ смирился передъ Сильвестромъ, считая его боговдохновеннымъ мужемъ, облеченнымъ чудотворною силою свыше: онъ трусилъ передъ нимъ, и хотя часто чувствовалъ свое униженіе, но, изъ трусости, не смѣлъ покуситься свергнуть съ себя ига. Только тогда, когда другіе, овладѣвши имъ, успѣли внушить ему увѣренность, что чудесное значеніе Сильвестра есть дѣло чародѣйства, а не высшаго благословенія, даръ темныхъ силъ, а не Бога, тогда только онъ рѣшился удалить его, но не смѣлъ, однако, позвать его на судъ, боясь, чтобъ Сильвестръ опять не очаровалъ его. Враги Сильвестра, какъ видно, хорошо воспользовались для своихъ цѣлей трусливостью царя и поддерживали его въ этой боязни, сами опасаясь, чтобъ царь, по слабости характера, опять не попалъ въ зависимость къ прежнимъ своимъ опекунамъ. Удаливъ Сильвестра и Адашева, царь не могъ остановиться на одномъ этомъ. Сторонники опальныхъ, за невозможностью забрать царя въ руки по прежнему, могли бы показывать свое противодѣйствіе царскому самодержавію посредствомъ козней, заговоровъ, измѣны, предательства: такъ казалось царю и въ такомъ духѣ настроивали его новые любимцы. И царь шагнулъ далѣе — казнилъ нѣсколькихъ ближнихъ Адашева и нѣсколькихъ знатныхъ лицъ, которыхъ считалъ людьми партіи, покушавшейся держать царя въ зависимости. Чувствуя, наконецъ, себя независимымъ, испытавши, что ему сходитъ съ рукъ проявленіе самовластнаго произвола, Иванъ Васильевичъ весь предался любимой мысли — утвердить самодержавную власть до того, чтобы она уже никогда не могла подпадать никакому ограниченію. По его понятіямъ, совершенно согласнымъ съ тою наклонностью къ крайностямъ, которая отражалась во всѣхъ проявленіяхъ его характера, самодержавіе могло являться не иначе, какъ въ формахъ безусловнаго, безграничнаго, ничѣмъ нестѣсняемаго произвола державной особы; для того, чтобъ быть истиннымъ самодержцемъ, онъ хотѣлъ дѣлать все, чтобы ему ни пришло на сердце; онъ хотѣлъ, чтобы для московскаго государя не существовало ничего недозволительнаго, ничего предосудительнаго; онъ сталъ нарочно

дѣлать то, что́, удовлетворяя его дикимъ животнымъ страстямъ наиболѣе подвергалось осужденію по нравственнымъ понятіямъ. Самодержавіе по его идеалу должно было стать выше самой нравственной правды. Этимъ, предъ его совѣстью, оправдывались тѣ дикія, развратныя и нерѣдко кровавыя оргіи, которымъ онъ предавался и которыя онъ самъ не одобрилъ бы, еслибы подобныя позволяли себѣ его подданные. Его любимцы, какъ князь Аѳанасій Вяземскій, Басмановы, Малюта Скуратовъ, братья Грязные—подстревали его, восхваляли его мудрость и величіе, проповѣдывали любезное ему ученіе о неограниченной власти монарха и право государя дѣлать все, все,—хотя бы и такое, за что казнятъ подданныхъ, а между тѣмъ указывали ему на нерасположеніе бояръ, на тайные замыслы и наклонность къ измѣнѣ. Вѣра въ свое могущество усилилась въ Иванѣ Васильевичѣ послѣ того, какъ первыя казни прошли для него благопоучно; онъ сталъ самонадѣяннѣе совершать казни, а вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ бояться со стороны боярства поступковъ, вызывающихъ казни. Бѣгство Курбскаго, Черкасскихъ и другихъ оправдывали эту боязнь. Подобно Курбскому, и другіе князья и бояре могли также перейти въ Литву и своимъ содѣйствіемъ усиливать ее насчетъ Москвы, какъ ихъ предки нѣкогда переселялись изъ другихъ русскихъ земель въ Москву, поступали на службу къ московскимъ великимъ князьямъ и усиливали московское великое княженіе насчетъ другихъ княженій. Такъ бы, вѣроятно, и сталось, еслибъ между литовскимъ и московскимъ государствами не стояла важная преграда—разновѣріе литовскихъ государей, еслибы западная пропаганда, напиравшая на православную церковь, не приводила въ соблазнъ русскаго религіознаго чувства.

Не всѣ, по примѣру Курбскаго, способны были заглушить въ себѣ чувство такой несогласимости и, оставаясь православными, служить государю римско-католической вѣры, властвовавшему надъ громадою православнаго народа. Оставаясь въ Московскомъ государствѣ, они, съ другой стороны, при отсутствіи единомыслія не могли приступить къ какой-либо дѣятельной борьбѣ съ произволомъ самовластнаго государя. Но царю Ивану Васильевичу, при его врожденной трусливости, представлялась возможность и того и другого—и государственной измѣны, и домашнихъ заговоровъ и бунтовъ. Ему памятенъ былъ бунтъ москвичей, возбужденный боярами, ненавистниками Глинскихъ. Изъ всѣхъ опасностей возможность повторенія чего-нибудь подобнаго, при удобномъ случаѣ, имѣла болѣе другихъ основанія. И вотъ, предупреждая все, что могло, въ такомъ или иномъ видѣ, проявиться въ смыслѣ противодѣйствія верховному полновластью, какъ тайное желаніе

ограничить государя, Иванъ Васильевичъ прибѣгнулъ къ средству, которое всегда и вездѣ употреблялось въ многоразличныхъ образахъ властями, когда онѣ не шли рука объ руку съ общимъ настроеніемъ подвластнаго народа. Сущность этого средства состоитъ въ томъ, что власть изъ среды управляемой громады выдѣляетъ для себя толпу слугъ, которыхъ привязываетъ къ себѣ особыми милостями и выгодами и дѣлаетъ изъ нихъ орудіе для подчиненія остальной громады народа и насильственнаго задушенія въ немъ противнаго себѣ духа. Такъ возвышались и держались всѣ тираны древнихъ и средневѣковыхъ республикъ; такое значеніе опоры власти имѣла преторіанская когорта въ Римѣ, и почти во всей исторіи западной и потомъ восточной византійской имперіи войско, поддерживавшее императоровъ, дозволявшее имъ тиранствовать надъ народомъ, но нерѣдко возводившее и низвергавшее ихъ, было отдѣльною отъ народа корпораціею, изображавшею орудіе верховной власти. Можно отыскать и въ близкія къ намъ времена такіе же примѣры. Что въ обществахъ болѣе цивилизованныхъ дѣлается способомъ гладкимъ и благообразнымъ, то въ такомъ обществѣ, какимъ было Московское государство въ XVI-мъ вѣкѣ, дѣлалось рѣзко и грубо. Иванъ Васильевичъ нашелъ нужнымъ устроить раздѣленіе въ русскомъ народѣ—употребить одну часть его орудіемъ своегосамовластія для уничтоженія противнаго себѣ духа, который онъ подозрѣвалъ въ своемъ государствѣ. Онъ приступилъ къ этому, однако, не иначе, какъ давъ своему дѣлу благовидность народнаго одобренія. По собственному ли побужденію онъ рѣшился на это, или же другіе подстрекнули его, но мы легко усматриваемъ здѣсь вліяніе примѣровъ церковной византійской исторіи, конечно знакомыхъ царю, любившему подъ-часъ чтеніе. Нерѣдко лицо, избираемое въ духовный санъ, отказывалось отъ него, извиняясь своимъ недостоинствомъ и принимало не иначе, какъ бы уступая волѣ и желанію тѣхъ, которые непремѣнно хотѣли, чтобъ оно стало ихъ пастыремъ. Чѣмъ болѣе казалось, что избираемый принималъ свой санъ не по собственному желанію, а по волѣ тѣхъ, которые хотѣли ему подчиняться, тѣмъ болѣе возрасталъ его нравственный авторитетъ. Но уподобленію царя Ивана Васильевича съ какимъ-либо Амвросіемъ мѣшало то, что царь уже болѣе двадцати лѣтъ былъ признаваемъ государемъ. Нужно было прежде оставить государство, а потомъ принять по просьбѣ народа съ такими условіями, которыя бы имѣли смыслъ освященія народнымъ одобреніемъ дѣйствій самаго размашистаго произвола верховной власти. И съ такою-то цѣлію царь Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Москвы, не объявивши, куда ѣдетъ,

но своими сборами въ путь показавши, что предпринимаетъ переселеніе куда-то на продолжительное время. Черезъ мѣсяцъ онъ прислалъ къ митрополиту грамоту, въ которой излагалъ разныя противодѣйствія своей власти, жаловался на митрополита и духовныхъ, что они вступаются за тѣхъ, на кого царь возлагалъ свой гнѣвъ и, наконецъ, объявлялъ, что онъ «отъ великой жалости сердца, не хотя многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство и поѣхалъ вселиться въ иное мѣсто, куда укажетъ ему Богъ». Грамота подобнаго содержанія прислана была для прочтенія всему народу. Царь, обвиняя бояръ и знатныхъ людей, относился къ народу милостиво и увѣрялъ, что ему нечего страшиться царскихъ опалъ.

Казалось, царь Иванъ Васильевичъ затѣялъ игру не совсѣмъ безопасную. Чтó, если бы тѣ, въ которыхъ онъ видѣлъ наиболѣе стремленія ограничить царскую власть, съумѣли настроить народъ на отвѣтъ не въ такомъ духѣ, какой былъ пріятенъ царю? Чтó, если бы они въ нѣкоторомъ смыслѣ повторили то, чтó произошло послѣ московскаго пожара? Происшедшій въ оное время народный мятежъ показывалъ царю, что московскій народъ, подъ-часъ, способенъ поддаться внушенію противниковъ власти. Однако, этого не случилось. Во-первыхъ, бояре не имѣли настолько единодушія и смѣлости, чтобъ покуситься на такое предпріятіе; во-вторыхъ, народъ не находился въ такихъ обстоятельствахъ, чтобы поднять возмущеніе или, на угрозу царя оставить государство,—сказать: туда и дорога! Да и прежде — бояре успѣли взбунтовать народъ собственно не противъ дѣйствій царя, а противъ его любимцевъ, Глинскихъ. Народная громада вездѣ и всегда охотнѣе приписываетъ свои несчастія, видимо проистекающія отъ дурного управленія и злоупотребленій власти, не самой верховной особѣ, а лицамъ, окружающимъ послѣднюю. Въ монархѣ, напротивъ, народъ видитъ противовѣсъ произволу многихъ сильныхъ, которые, не чувствуя надъ собою руки сильнѣе себя, невыносимѣе тяготѣли бы надъ массою слабыхъ. Народъ не имѣлъ причины быть недовольнымъ тогдашнимъ своимъ правительствомъ; полезныя учрежденія во внутреннемъ устройствѣ и блестящіе подвиги политическаго усиленія державы придавали предшествовавшему времени царствованія Ивана Васильевича славу и возбуждали признательность; народная громада приписывала ихъ не кому, какъ царю, потому что они совершались именемъ царя; ему единому принадлежала благодарность. Казни и опалы, постигшія нѣсколькихъ князей и бояръ, мало оскорбляли чувство толпы, даромъ, что изъ опальныхъ были именно тѣ лица, которымъ народъ былъ обязанъ тѣмъ, чтó

было для него сдѣлано хорошаго. Царю не ставили въ вину того, что онъ казнитъ: на тó онъ и царь, чтобъ ему казнить и миловать; если казненные и опальные прежде были хорошими людьми, то царь награждалъ ихъ, а если, потомъ, царь на нихъ опалился—значитъ, они стали дурными людьми и заслужили постигшую ихъ судьбу. Народъ испугался, услышавъ царскую угрозу оставить государство; прежде всего народу представилось слишкомъ страннымъ и неестественнымъ такъ внезапно остаться безъ главы при живомъ государѣ, тѣмъ болѣе, что единственный сынъ и наслѣдникъ былъ малолѣтенъ и правленіе должно было, по необходимости, сосредоточиться въ боярскихъ рукахъ, а народъ боялся боярскаго правленія, какъ многовластія и неразлучныхъ съ нимъ интригъ и междоусобій. Притомъ, самъ государь, покидая государство, не дѣлалъ никакихъ распоряженій; не назначалъ по себѣ ни преемника, ни органовъ управленія: онъ просто бросалъ государство на произволъ судьбы, на распрю боярамъ за овладѣніе державою. Понятно, что при такомъ небываломъ поступкѣ своего государя, русскій народъ хотѣлъ во чтó бы то ни стало удержать единовластіе и возвратить себѣ утраченнаго монарха, а потому на жалобы царя о томъ, что его одолѣваютъ измѣнники, единодушно далъ такой отвѣтъ, какой неминуемо, въ виду грозившаго безначалія, всѣмъ и каждому долженъ былъ придти въ голову: «пусть царь государь казнитъ своихъ измѣнниковъ и лиходѣевъ»; а нѣкоторые кричали, чтобъ царь только указалъ этихъ измѣнниковъ, а народъ самъ расправится съ ними. Изъ бояръ никто не посмѣлъ объяснять народу, что слѣдовало, спросивъ у царя—кто такіе эти измѣнники, потомъ уже разсудить: точно ли они измѣнники, и тогда только, когда они дѣйствительно окажутся виновными, казнить ихъ. При томъ отсутствіи единства цѣлей, какое продолжало господствовать между боярами, всякій, кто осмѣлился бы выступить съ заявленіемъ въ подобномъ смыслѣ, не найдя поддержки между своими собратіями, былъ бы отданъ произволу толпы, которая разорвала бы его, какъ перваго изъ тѣхъ измѣнниковъ, на которыхъ жаловался государь; если же бы этого и не случилось—смѣльчакъ, впослѣдствіи, сталъ бы предметомъ царскаго мщенія. Всѣ бояре, и въ томъ числѣ тѣ, которые должны были опасаться, что подъ измѣнниками разумѣютъ именно ихъ, покорно присоединились къ голосу народной громады и вмѣстѣ съ нею рѣшили, что слѣдуетъ просить государя сжалиться надъ народомъ и принять оставленную власть. Отправилась къ царю депутація: на челѣ ея были духовные. Иванъ Васильевичъ принялъ челобитную и соизволилъ опять взять свои государства, но

на томъ, какъ передаетъ современный лѣтописный источникъ, «чтобъ ему своихъ измѣнниковъ, которые измѣну дѣлали и въ чемъ ему государю были непослушны, на тѣхъ опалы свои класти, а иныхъ казнити и животы ихъ и статки имати». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ духовенству особое условіе, что ему, государю, нетерпѣть докуки отъ ходатайствъ за опальныхъ со стороны духовныхъ лицъ. Иванъ Васильевичъ потребовалъ, такимъ образомъ, того, что̀ по его идеалу составляло сущность полнаго самодержавія и хотѣлъ освободить его отъ всякой, даже нравственной узды. Но самодержавіе, какъ мы видѣли, уже существовало, въ глазахъ народа, прежде въ полной силѣ. Привыкши къ повиновенію верховной власти хановъ еще въ эпоху татарскаго завоеванія, русскій народъ впослѣдствіи призналъ туже силу, тоже право и за московскими государями, замѣнившими для народа хановъ. Въ народѣ не было и зародыша сомнѣнія въ этомъ правѣ, такъ какъ народная громада не думала и слѣдовательно не могла сомнѣваться. Сомнѣніе царь замѣчалъ въ боярахъ и частію въ духовныхъ. Именно—его право казнить и миловать по своему царскому произволу онъ хотѣлъ теперь оградить всенароднымъ признаніемъ потому, что именно это право и желали подвергнуть сомнѣнію. Курбскій ясно высказывалъ это боярское ученіе, но Курбскій, сидя въ Литвѣ, могъ, конечно, свободнѣе объясняться, чѣмъ тѣ, которые находились въ Москвѣ; втайнѣ же и многіе изъ послѣднихъ чувствовали и мыслили какъ Курбскій. Всенародная воля, дарующая царю полное право казнить и миловать, освящающая самый широкій произволъ его дѣйствій, должна была теперь лишить эти тайныя боярскія желанія всякой надежды на осуществленіе и помочь царю искоренить ихъ. Замѣчательно, какъ въ тоже время царь хотѣлъ оградить себя отъ духовенства. Иванъ Васильевичъ понялъ, что собственно церковь сильнѣе государевой власти. Это не то, что боярство. Послѣднее съ трудомъ могло привлечь на свою сторону народную массу, по крайней мѣрѣ на что̀-нибудь прочное и продолжительное, напротивъ царь, въ случаѣ противодѣйства со стороны боярства, могъ скорѣе опереться на народъ. Но если бы церковь вздумала противодѣйствовать царю, и воззвала къ народу, царю было бы трудно съ нею бороться. И нужно было оградить царское полновластіе отъ такого совмѣстника. На счастье царю большинство духовныхъ сановниковъ, по своимъ стремленіямъ, принадлежало къ разряду тѣхъ, которыхъ называли іосифлянами и никакъ не способно было поддерживать изъ среды своей тѣхъ, которые бы осмѣлились выступать предъ царемъ съ самобытною рѣчью: такъ, впослѣдствіи не поддержало оно мит-

рополита Филиппа, и царь, безопасно для себя, могъ по своему произволу лишить сана, а потомъ и умертвить этого пастыря, носившаго достоинство первопрестольника русской церкви. Требованіе царя—не мѣшаться въ его дѣла и не докучать ему просьбами о помилованіи тѣхъ, которые подпадали его гнѣву, легко могло быть исполнено духовенствомъ, и царь этимъ требованіемъ сразу и заранѣе оградилъ свое усиливающееся полновластіе отъ всякаго нравственнаго суда.

XII.

Обезопасивъ себя и народнымъ признаніемъ правоты своихъ будущихъ дѣлъ, и отстраненіемъ всякаго обузданія своего произвола со стороны религіи, царь Иванъ Васильевичъ приступилъ къ раздвоенію государства. Изъ одного сдѣлалось двѣ части, одна называлась опричниною (то-есть особенною, состоящею на исключительныхъ условіяхъ), другая земщиною. Одни города съ ихъ уѣздами поступили въ опричнину [1]), другіе остались въ земщинѣ; самая Москва подпала этому раздвоенію: однѣ части города причислены къ опричнинѣ, другія къ земщинѣ. Опричнина, гораздо меньшая часть государства, чѣмъ земщина, составила какъ бы собственное владѣніе государя въ противоположность государственному; въ опричнинѣ были свои бояре и окольничьи, свой особый царскій дворецъ, казна, дьяки и военная сила: дѣти боярскія и стрѣльцы. Всѣ доходы съ опричнины шли исключительно на царскій обиходъ. По такомъ раздѣленіи государства началось переселеніе. Царь приказывалъ выводить изъ опричныхъ городовъ и ихъ территорій владѣльцевъ, непринятыхъ въ опричнину, а тѣмъ, напротивъ, которые туда вошли, раздавалъ земли за службу. Такимъ образомъ, все, что входило въ опричнину, обязано было царю милостями и выгодами, должно было служить ему и громить опальную земщину, когда царь признаетъ нужнымъ. Земщина была повѣрена управленію боярскаго совѣта, но для бóльшаго отчужденія отъ себя Иванъ Ва-

[1]) Можайскъ, Вязьма, Козельскъ, Перемышля два жеребья, Бѣлевъ, Лихвинъ, Ярославецъ съ Суходровью, Медынь съ Товарковою, Суздаль съ Шуею, Галичъ со всѣми пригородки, съ Чухломою и съ Унжею и съ Коряковымъ, и съ Бѣлогородьемъ, Вологда, Юрьевецъ-Поволскій, Балахна съ Узолою, Старая Руса городъ, Вышегородъ на Поротвѣ, Устюгъ со всѣми волостями, Двина, Каргополе, Вага; волости: Олешня, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздна, Опаковъ на Угрѣ, Кругъ Клинскій, Числяки, Ординскія деревни и станъ Пахрянскій въ Московскомъ уѣздѣ, Бѣлгородъ въ Кашинѣ, да волости: Вселунь, Отта, Порогъ Ладожскій, Тотма, Прибутъ и иные (изъ Александронев. лѣтоп. Карамз. IX. прим. 187 стр. 45).

сильевичъ поставилъ надъ нею иного царя, крещенаго татарина Симеона Бекбулатовича. Этотъ поставленный настоящимъ царемъ воображаемый царь земщины не имѣлъ ни власти, ни своей воли, долженъ былъ дѣлать то, что ему прикажутъ, и въ сущности ничего не дѣлалъ; но Иванъ Васильевичъ, однако, совершалъ кое-что такое именемъ этого созданнаго имъ царя, чего не хотѣлъ совершать отъ своего собственнаго имени. Такимъ образомъ, Симеонъ отобралъ у духовенства, особенно у монастырей, крѣпости на имѣнія. Послѣ того, какъ царство Симеона минулось по приказанію Ивана Васильевича, настоящій царь не все возвратилъ изъ того, что̀ отобралъ воображаемый, а кое-что удержалъ въ свою пользу.

При раздѣленіи государства на опричнину и земщину, Иваномъ Васильевичемъ руководила какая-то иронія надъ своими тайными и безсильными противниками. Сообразно древнему дотатарскому различію княжескаго и дружиннаго отъ земскаго и вѣчевого, бояре, приходя къ желанію поставить границы самовластію верховнаго лица, различали государское дѣло отъ земскаго и назначали, такимъ образомъ, государю свой кругъ власти, за рубежомъ которой хотѣли поставить власть земскую, съ принадлежащими ей функціями, такъ, чтобы только въ полномъ согласіи государя съ землею состояло правильное устроеніе государства; совѣтъ бояръ и духовныхъ долженъ былъ, сообразно ихъ желаніямъ, знаменовать это самобытное земское начало. Теперь самодержецъ, какъ бы въ насмѣшку, произвелъ самъ раздѣленіе государскаго и земскаго, но такъ, что земское должно испытывать опалу всемогущаго государя, а государское или опричное пользоваться его милостями и вмѣстѣ съ нимъ душить земское, пока оно не перестанетъ показывать признаковъ стремленія къ самобытному существованію, чтобы, такимъ образомъ, въ государствѣ не было ничего, кромѣ государскаго. Поставленіе Симеона въ цари также имѣло значеніе какъ бы ироніи надъ боярскими стремленіями возводить царей, показанными нѣкогда во время болѣзни царя Ивана Васильевича, когда бояре не хотѣли присягать его малолѣтному сыну, а думали сдѣлать царемъ Владимира Андреевича. Иванъ Васильевичъ этимъ какъ будто хотѣлъ сказать боярству: вамъ хотѣлось имѣть царя не по наслѣдству, по вашему выбору; вотъ же вамъ царь не по наслѣдству, только не по вашему выбору, а по моему, такой царь, что хочу — сдѣлаю его царемъ, хочу — отставлю! Самовластіе царя какъ будто измышляло нарочно самые необычные и странные способы показать свое право и намѣреніе распоряжаться владѣемымъ краемъ по совершенному произволу. Иванъ Василье-

вичъ дѣлалъ именно такое, чего даже ожидать было трудно и тѣмъ показывалъ, что для него нѣтъ никакихъ границъ, нѣтъ ничего, о чемъ бы можно было сказать, что онъ не можетъ этого сдѣлать.

Семилѣтній періодъ опричнины искоренилъ побѣги всякаго противодѣйствія, всякаго поползновенія къ ограниченію верховной власти. Почти не осталось сколько-нибудь знатныхъ и вліятельныхъ родовъ, которые бы не считали въ числѣ казненныхъ своихъ представителей. Опала постигла Новгородъ за преступленіе очень сомнительное; самодержавіе карало въ немъ долгое и запоздалое господство вѣчевыхъ началъ, хотя, предавая на повальное истребленіе сотни (а иные говорятъ тысячи) новгородцевъ, оно въ нихъ карало болѣе мѣстность, гдѣ они жили, чѣмъ кровь свободныхъ отцовъ въ ихъ жилахъ: послѣ перетасовки, сдѣланной дѣдомъ царя, прямыхъ потомковъ древнихъ новгородцевъ оставалось въ Новгородѣ мало; большинство жителей происходило отъ тѣхъ, которыхъ московская власть перевела туда послѣ разгрома вѣчевой земли. Иванъ Васильевичъ какъ будто испытывалъ, до чего могутъ простираться и произволъ его власти и безгласная покорность народа; оказалось, что и то и другое могло быть безграничнымъ. Періодъ опричнины былъ также временемъ крайняго порабощенія церкви и униженія духовенства. Негодуя на нравственную силу церкви и стараясь лишить ее права налагать какую бы то ни было узду на царскій произволъ, онъ завелъ у себя въ Александровской слободѣ подобіе монастыря; его опричники и онъ самъ съ ними совершали разныя монашескія дѣйства по ихъ своеобразному уставу; то былъ монастырь, но не утвержденный и формально не благословенный церковью, монастырь, основанный единою волею царя и по волѣ его во всякую минуту подлежавшій упраздненію. И этотъ самодѣльный монастырь Грознаго былъ какъ бы демонстраціею противъ церкви и ея духовныхъ сановниковъ, напоминавшею, что стóитъ царю захотѣть, такъ онъ и въ церкви устроитъ опричнину, подобную той, какую устроилъ въ государствѣ. Ничего не могло быть священнѣе церковнаго благочинія для русскаго человѣка; ничто такъ не могло оскорблять его религіознаго чувства, какъ нарушеніе этого благочинія, — и царь посягнулъ на него: царь ходилъ въ церковь въ шапкѣ, какъ татаринъ въ мечеть; его опричники дозволяли себѣ тоже; митрополитъ Филиппъ сдѣлалъ за это замѣчаніе и лишился, по волѣ царя, сана, а потомъ и жизни. Царь этимъ доказывалъ, что церковь не смѣетъ судить его поступковъ, что онъ выше церкви; отъ его произвола зависитъ достоинство и жизнь ея сановни-

ковъ; нѣтъ и не должно быть въ его поведеніи ничего такого, чтó бы церковь дерзала находить дурнымъ или непристойнымъ. Царь Иванъ Васильевичъ посягнулъ и на вѣковые уставы православія. Четвертый бракъ издавна считался и признавался недозволительнымъ и законопреступнымъ. Царь собралъ соборъ духовныхъ и приказалъ разрѣшить себѣ четвертый бракъ, не въ примѣръ другимъ. Соборъ корыстолюбивыхъ и трусливыхъ пастырей былъ руководимъ новгородскимъ архіепископомъ Леонидомъ, котораго, какъ бы въ благодарность за раболѣпство, тотъ же царь Иванъ Васильевичъ приказалъ впослѣдствіи обшить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками. Такой соборъ не затруднился дать ему разрѣшительную грамоту, послѣ которой женолюбивый московскій государь нѣсколько разъ вступалъ въ беззаконное сожительство, освящая его именемъ брака къ соблазну всего православія. Русская церковь доведена была до такого нравственнаго униженія, до какого она еще никогда не доходила, а самодержавіе вознеслось до такой высоты, что уже восходить было некуда болѣе: самъ божественный законъ не смѣлъ поставить ему предѣловъ; въ московскомъ государствѣ царь сталъ какъ бы выше самого Бога: церковь божія дозволяла ему то, чтó для всѣхъ остальныхъ смертныхъ было, по ея ученію и правиламъ, нравственное преступленіе.

При тѣхъ милостяхъ и преимуществахъ, какими царь Иванъ Васильевичъ отличалъ опричнину, при томъ произволѣ и необузданности, какія допускалъ онъ показывать опричникамъ, могло статься, что, совершивъ важныя услуги самодержавію, въ свою очередь опричнина сдѣлалась бы для самодержавія противодѣйствующею стихіею, и показывала бы стремленіе держать отъ себя въ зависимости волю верховной особы. Иванъ Васильевичъ не допустилъ до этого. Поддавшись нашептываніямъ и совѣтамъ тѣхъ лицъ, которые вооружали его противъ Сильвестра, Адашева и ихъ сторонниковъ, онъ не дозволилъ имъ самимъ замѣнить павшихъ. Не одни князья и бояре земской партіи погибали во время опричнины; любимцы Грознаго царя, наиболѣе способствовавшіе его освобожденію изъ-подъ опеки сильвестро-адашевскаго кружка, Вяземскій, Басмановы и одинъ изъ Грязныхъ потерпѣли царскую опалу и погибли въ мукахъ: ихъ обвинили въ измѣнѣ; конечно, то была одна придирка; измѣнять такимъ людямъ было не изъ чего; но царь сознавалъ, что нѣкоторое время находился подъ ихъ вліяніемъ, у нихъ въ зависимости и не могъ имъ простить этого, и это было ихъ настоящее преступленіе. Наконецъ, царь уничтожилъ и опричнину: она сдѣлала свое дѣло. Опытъ кончился. Царь Иванъ Василье-

вичъ могъ убѣдиться, что земщина не показываетъ признаковъ самобытной жизни и какъ бы перестаетъ существовать въ смыслѣ государственномъ. Московское государство стало исключительно государскимъ. Земское дѣло могло отмѣчаться только, какъ одна изъ сторонъ одного и того же государственнаго тѣла, а не какъ противоположеніе государскому. Опричнины не стало, а царь, уже и безъ опричнины, доканчивалъ истребленіе всего, что возбуждало въ немъ подозрѣніе, но онъ уже не боялся русской земли: онъ презиралъ ее и, безъ зазрѣнія совѣсти, выражалъ передъ англичанами свое презрѣніе къ покорному и безгласному народу.

Такимъ образомъ, единодержавіе, зародившись во время татарскаго завоеванія, какъ неизбѣжное послѣдствіе покоренія страны и обращенія въ собственность завоевателя, вмѣщаясь, сначала, въ особѣ верховнаго владыки-завоевателя, хана, устроивъ, для своего удобства, на Руси феодальный порядокъ изъ найденныхъ въ ней и подвергнутыхъ измѣненіямъ элементовъ, съ ослабленіемъ Орды, перешло отъ хановъ къ московскимъ великимъ князьямъ, и постепенно расширяясь, усиливаясь и подавляя собою какъ феодализмъ, такъ и признаки древней жизни, хотя уже парализованные, но все еще существовавшіе и по своимъ качествамъ противные духу единодержавія,—достигло, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, наивысшаго развитія и такого могущества, какого, смѣемъ думать, никогда и нигдѣ не достигало въ христіанскихъ обществахъ. Дѣти и внуки представителей знатныхъ родовъ, большею частію потерпѣвшихъ отъ царя Ивана Васильевича, не дозволяли себѣ, подобно предкамъ, помышлять о чемъ-либо несогласномъ съ угодливостью верховной власти и не смѣли питать иныхъ чувствъ, кромѣ холопскихъ, приличныхъ ихъ званію и значенію слугъ и рабовъ. Правда, у нѣкоторыхъ изъ нихъ временно пробудились-было дѣдовскія стремленія — то было въ смутное время, и это пробужденіе навѣвалось сближеніемъ съ польскимъ элементомъ; но какъ самое пробужденіе было не сильно и незначительно, такъ и обстоятельства того времени не благопріятствовали укрѣпленію такихъ стремленій. Народъ, видя и чувствуя, что эти стремленія совпадаютъ съ покушеніями иноземцевъ поработить русскую вѣру и русскую народность, сталъ къ нимъ враждебно. Боярская сила казалась ему орудіемъ не спасенія, а гибели русской земли. Народъ обратился къ единодержавію. Спасенное благочестивою энергіею русскаго народа и неразуміемъ его враговъ, вновь состроенное государство пошло снова самодержавнымъ путемъ. Потомки князей и бояръ поддерживали честь своихъ родовъ только службою и по-

корностію государю; притомъ въ механизмѣ государственнаго управленія выработалась важная перемѣна; оно было собрано въ рукахъ русскихъ людей другого рода — то были дьяки.

Иванъ Васильевичъ возвысилъ этотъ классъ и находилъ въ немъ противовѣсъ ненавидимой имъ боярской партіи. Не даромъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей послѣдней, Курбскій, въ своей исторіи отзывался объ этихъ людяхъ со злобою и указывалъ на нихъ, какъ на орудіе царскаго самовластія. «Писари наши русскіе (говоритъ онъ, переводя употребительнымъ въ польско-литовской Руси слово дьякъ), имъ же князь великій зѣло вѣритъ и избираетъ ихъ не отъ шляхетнаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ или отъ простого всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ, подобно, по пророку глаголющему: хотяще единъ вселитися на землѣ». Также враждебно отзывались о дьякахъ другіе, подобные Курбскому, бѣглые русскіе люди, Тетеринъ и Сарыгозинъ, въ письмѣ къ дерптскому намѣстнику, Михайлу Яковлевичу Морозову: «Есть у великаго государя новые вѣрники, дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ емлютъ, которыхъ отцы нашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, и нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами нашими торгуютъ». Эти люди невысокой породы возбуждали досаду въ людяхъ породистыхъ своимъ возвышеніемъ; они усиливались по мѣрѣ того, какъ усложнялся механизмъ управленія и принималъ письмовный характеръ. Управленіе государства повѣрено было, по отраслямъ и по частямъ, приказамъ. Въ приказахъ сидѣли дьяки, въ нѣкоторыхъ по нѣскольку, въ другихъ по одному. Предсѣдательство давалось боярину, или окольничему, или думному дворянину, вообще человѣку породистому, но все производство дѣлъ находилось въ рукахъ дьяковъ. Обыкновенно предсѣдавшій въ приказѣ породистый человѣкъ мало вникалъ въ дѣла, отвлекался другими порученіями и слушался своего дьяка. Въ нѣкоторыхъ приказахъ сидѣли одни дьяки; важнѣйшій изъ приказовъ, возникшій въ XVII-мъ вѣкѣ, приказъ тайныхъ дѣлъ, повѣрялся однимъ дьякамъ, «и въ тотъ приказъ,—говоритъ Котошихинъ,—бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя». Точно также и другимъ важнымъ приказомъ, посольскимъ, завѣдывавшимъ сношеніями съ иностранными государствами, управлялъ думный дьякъ, вмѣстѣ съ дьяками, данными ему въ помощь. Во всѣ города посылались для управленія намѣстники и воеводы, изъ людей болѣе или менѣе породистыхъ и въ помощь имъ давались дьяки; собственно послѣдніе вели всѣ дѣла, а воеводы, хотя и считались честію выше дьяковъ, но слушались ихъ, какъ

людей болѣе опытныхъ и искусныхъ; въ сущности управляли дьяки. Кромѣ дьяковъ существовали еще подъячіе (подъячіе — нисшій сортъ дьяковъ): они или работали по письмоводству подъ рукою дьяковъ или находились, вмѣсто нихъ, на низшихъ мѣстахъ. И тѣ и другіе вмѣстѣ образовали сословіе приказныхъ; сословіе это размножилось, покрыло собою, какъ сѣтью, московское государство и держало его въ своихъ рукахъ чрезъ дѣлопроизводство. Имъ было это тѣмъ легче, что нерѣдко воеводы и даже тѣ породистые люди, которые предсѣдательствовали въ приказахъ, плохо знали грамоту, а иногда и вовсе не знали ее. Въ самой боярской думѣ, которую созывалъ царь для совѣта о государственныхъ дѣлахъ, часто заправляли всѣмъ дьяки, хотя они тамъ не пользовались никакимъ правомъ голоса, и даже не имѣли мѣстъ, а стояли на ногахъ, когда другіе сидѣли. Но бояре и думные люди, когда царь ихъ спрашивалъ, по замѣчанію Котошихина, «брады свои устава ничего не отвѣщеваютъ, потому что царь жалуетъ многихъ не по разуму ихъ, а по великой породѣ и многіе изъ нихъ грамотѣ неученые и нестудерованые». Сложность управленія дала важное значеніе дѣловой письменности; выработались формы, образовалась особая дѣлопроизводительная наука; бумага для народа стала символомъ и орудіемъ власти. Дьяки были люди бумаги, люди ученые, люди знавшіе тайну и хитрость правительственнаго дѣла. Понятно, что бояринъ или воевода, знавшій болѣе ратное дѣло, чѣмъ бумажное, и часто на мѣстѣ своего служенія въ приказѣ или по обязанности намѣстнической или воеводской службы не оставлявшій ратнаго дѣла, не имѣлъ ни времени, ни охоты усвоить пріемы дѣлопроизводства и во всемъ, чтó касалось хода финансоваго и гражданскаго управленія, суда и расправы между народомъ, во всемъ полагался на дьяка, бумажнаго дѣльца.

Дьяки, по своему происхожденію и положенію, были вполнѣ пригодными органами самодержавной власти. Отъ нея они получали и свое существованіе и средства къ существованію. Ничто не могло ихъ поставить противъ нея враждебно. Къ боярамъ и князьямъ они питали зависть, какую обыкновенно питаютъ люди незнатные къ знатнымъ, вступивъ на поле общественной дѣятельности; съ народомъ они не могли сойтись душа въ душу; они стояли, на общественной лѣстницѣ, выше народа и, съ дозволенія правительства, жили на счетъ его. Поэтому приказные люди, болѣе, чѣмъ всякое другое сословіе, приросли къ механизму самодержавнаго правленія. Тѣмъ не менѣе, они пріобрѣли недобрую славу среди русскаго народа. Ихъ постоянно упрекали, а нерѣдко и обличали въ лихоимствѣ, казнокрадствѣ, кривотол-

кованіи законовъ и всякаго рода неправдахъ. Посулы и поминки сдѣлались неотъемлемыми признаками дьяка и подъячаго. Господство дьяческаго управленія было временемъ народной тяготы и, вслѣдствіе тяготы, народныхъ побѣговъ. Самодержавіе, подавивъ противъ себя оппозицію въ боярствѣ и создавъ для себя новый органъ въ дьячествѣ, возбудило, чрезъ посредство этого органа, новую оппозицію уже не въ людяхъ породистыхъ, а въ народной громадѣ. Къ счастію самодержавія, эта оппозиція не сплотила народа на домогательство какихъ-нибудь правъ, не выработала въ немъ никакого представленія о формахъ иного государственнаго и общественнаго строя. Многоземельность и привольная пустынность на окраинахъ государства возбуждала недовольныхъ не къ сопротивленію, а къ переселенію, къ побѣгамъ, къ бродяжничеству. Человѣкъ, по своей природѣ, чувствуя на себѣ тяжесть, чаще всего хватается за легчайшее средство избавленія, а такимъ средствомъ для русскаго человѣка представлялся побѣгъ. Кому становилось худо жить на землѣ своихъ отцовъ, тотъ бѣжалъ — на Волгу, въ Сибирь, на Яикъ, на Донъ, въ украинныя степи. Столкновенія съ татарами на югѣ пріучали бѣглецовъ къ оружію, сдѣлали ихъ войнолюбивыми, образовали изъ нихъ казачество. Это воинственное общество безпрестанно пополнялось бѣглецами изъ Московскаго государства, не прерывало съ нимъ связи и часто являлось противоборною силою для правительства. Движенія казаковъ, начинаясь съ юга, производили смятеніе въ народѣ, возбуждали въ немъ недовольство властями, увлекали его въ возстанія, которыя всегда были сильнѣе на окраинахъ, по близости къ жилищамъ казаковъ. Въ смутное время казачество чуть-было не вывернуло съ корнемъ вонъ всего государства. Царствованіе Романовыхъ въ XVII-мъ вѣкѣ прошло въ борьбѣ съ противогосударственными элементами, въ заботахъ объ истребленіи народныхъ мятежей и объ огражденіи отъ нихъ государственнаго порядка. Расколъ подлилъ масла въ огонь, далъ новый контингентъ народной оппозиціи и освятилъ ее дѣломъ вѣры. Государство колебалось, но побѣждало; Петръ Великій, выдержавъ, въ свою очередь, упорную борьбу съ народною оппозиціею, сильно измялъ ее и изломалъ своею желѣзною волею и геніальностію государственнаго ума, оставя, впрочемъ, на долю своихъ преемниковъ заботу доканчивать истребленіе ея послѣдковъ.

Мы не имѣемъ цѣли подробно описывать и изслѣдовать борьбу единодержавія съ враждебными элементами во времена,

послѣдовавшія за окончательнымъ установленіемъ монархическаго самодержавнаго принципа при царѣ Иванѣ Васильевичѣ; мы коснулись этихъ временъ только для уясненія того, чтó составляетъ задачу настоящаго изслѣдованія—показать, какъ и изъ чего сложился и образовался принципъ единодержавнаго полновластія въ русской жизни. Замѣтимъ только, что народная оппозиція, вызванная органами самодержавія послѣ его торжества въ XVI-мъ вѣкѣ, была еще несостоятельнѣе прежней княжеско-боярской, постоянно падала и совершенно упала отъ собственнаго умственнаго безсилія. У нея не доставало идеала, даже такого неопредѣленнаго, какой въ свое время имѣлъ князь Курбскій. Еслибъ какому-нибудь Стенькѣ Разину или Булавину посчастливилось сдѣлать то, чтó у нихъ было, такъ сказать, начертано на знамени возстанія — именно поголовное избіеніе всѣхъ бояръ, воеводъ, дьяковъ и подъячихъ — всего того, чтó управляло народомъ и надоѣдало ему, — коренного переворота на Руси всетаки не произошло бы; прежнее должно было возстановиться; изъ народной громады поднялись бы новые бояре, воеводы, дьяки, подъячіе съ верховнымъ самодержавнымъ главою. Собственно на самодержавіе народъ не посягалъ; онъ уважалъ этотъ образъ власти и лучшаго не желалъ для себя, потому что до лучшаго не додумался; онъ ненавидѣлъ только его органы, чрезъ которые самодержавная власть дѣйствовала и, защищая ихъ, а не себя, должна была бороться съ народомъ. За свои страданія и тяготы мстить царю народъ не помышлялъ; онъ мстилъ только его органамъ — воеводамъ, дьякамъ, подъячимъ, мстилъ также и бумагѣ, которую исписывали дьяки и подъячіе. Бумага русскому народу, въ эпохи его возстаній, представлялась чѣмъ-то омерзительнымъ, враждебнымъ. Сообщники Стеньки Разина, вездѣ, гдѣ только торжествовали и избивали начальныхъ людей—истребляли и бумаги; и самъ ихъ батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ, обѣщая взять Москву, не покушался на особу царя государя, а только грозилъ «на верху у царя» сжечь всѣ бумаги, такъ какъ онъ сожигалъ ихъ въ тѣхъ городахъ, которыми овладѣвалъ. Эта ненависть народной оппозиціи ко всему бумажному составляла противоположность съ оппозиціею боярскою, подавленною царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Та, напротивъ, опиралась на бумагу; старыя лѣтописи, примѣры изъ древней и византійской исторіи, записанные въ хронографахъ, поучительныя словеса философовъ церкви были для нея авторитетомъ; она дорожила родословными книгами; она сама составляла узаконенія и грамоты; она желала, чтобъ онѣ и исполнялись. На безграмотную громаду народа, напротивъ, бумага могла оставлять только то впечатлѣніе,

которое было сообразно съ тѣми случаями, при какихъ народъ входилъ съ нею въ соприкосновеніе. Бумага въ рукахъ воеводы или дьяка казалась посадскому или волостному человѣку вѣстію о какой-нибудь новой тягости или стѣсненіи; бумага тянула его на войну, въ осаду, на казенныя работы, въ цѣловальники къ царской прибыли, вымогала съ него кормы и подводы, облагала его новыми поборами, волочила въ судъ или въ тюрьму, отдавала на поруки, гонялась за нимъ, когда онъ бѣгалъ. Хотя до Петра Великаго, благодаря незнакомству съ пріемами западной бюрократіи, бумаги писались сравнительно ближе къ народному пониманію, чѣмъ послѣ, но и въ тѣ времена нерѣдко дьяки нарочно сочиняли ихъ такъ, чтобы слушавшіе не могли сразу усвоить ихъ смысла и нуждались въ комментаріяхъ, которыя дьякъ или подъячій сообщалъ такъ, чтобъ изъ того выходила польза для него самого; да наконецъ русскій человѣкъ не всегда былъ увѣренъ, что въ бумагѣ было именно написано то́, что́ ему, безграмотному, читалъ дьякъ или подъячій, или же что она дѣйствительно была выраженіемъ царской воли; мнѣніе о приказныхъ людяхъ было таково, что они были способны, «норовя своей бездѣльной» корысти, прочитать народу отъ царскаго имени что́-нибудь «составное» и потребовать будто-бы по царскому приказу того, чего царь не приказывалъ. Поэтому-то бумага стала врагомъ русскаго народа; поэтому-то народная оппозиція такъ вандальски осуждала на раздраніе и сожженіе эти памятники дьяческой и подъяческой литературы, изъ которыхъ многія теперь имѣли бы свою относительную цѣнность для археологіи и исторіи.

Единодержавіе побороло и ту, и другую оппозицію—и уважавшую бумажное дѣло, и ненавидѣвшую его. Единодержавіе восторжествовало оттого, что за него было народное чувство. Какъ ни ужасны подъ-часъ кажутся намъ народныя возстанія, но бо́льшая половина русскаго народа въ нихъ не участвовала и покорно несла тяготы свои, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, привыкши къ повиновенію и терпѣнію; да наконецъ и тѣ, которые увлекались въ мятежъ, обыкновенно скоро опамятывались, послѣ первой неудачи били челомъ о помилованіи и, испытавъ на спинѣ вразумляющіе батоги, возвращались къ прежнему повиновенію. Оставалась небольшая (сравнительно съ массою, подвластною государству) горсть вольнолюбивыхъ удальцовъ, несживавшихся съ тяготами; уцѣлѣвая отъ смерти въ борьбѣ съ укрощавшими ихъ властями, они уходили въ степи, тамъ мѣрялись удалью съ татарами, разбивали купеческіе караваны по сухопутнымъ и водянымъ дорогамъ, иногда дѣлали разбойничьи набѣги на жилыя

мѣста съ цѣлію прокормленія себя и мало-по-малу увеличивали свою толпу пріемомъ новыхъ бѣглецовъ, чтобы современемъ, пользуясь случаемъ, дерзнуть на новое «воровское дѣло», которому, подобно предшествовавшимъ, грозила вѣрная неудача при маломъ участіи народа, недостаточномъ для успѣха. Но и самые эти удальцы, возбудители возстаній, почти никогда не дерзали вооружать другихъ и вооружаться противъ государя: предметомъ ихъ ненависти были только начальные, иногда всѣ богатые люди, а если иногда негодованіе ихъ обращалось противъ царской особы, то все-таки противъ личности, а не противъ принципа самодержавной власти, да и то—это случалось только по поводу религіи, которая одна у русскаго народа была выше земного самодержавія. Фанатики-раскольники не затруднялись клеймить Петра именемъ антихриста, но это касалось только его личности, и притомъ только за то, чтó, въ понятіи русскаго человѣка, входило въ кругъ религіи; во всемъ остальномъ онъ не подвергалъ сомнѣнію право царя по своей волѣ распоряжаться судьбою государства и жизнію и достояніемъ своихъ подданныхъ. Тотъ же фанатикъ, недовольный личностію царствующей особы, не могъ вмѣстить у себя въ головѣ иного государственнаго строя, кромѣ единодержавнаго, съ абсолютною властію царя; онъ желалъ только, при этомъ, чтобы царь, имѣя полное право дѣлать съ нимъ чтó ему угодно, не чуждался тѣхъ формъ, въ которыхъ онъ, со многими одинаково съ нимъ вѣровавшими, полагалъ сущность религіи.

Когда русскій народъ, пріучившись изъ страха предъ матеріальною силою и опасностію, и привыкши, въ теченіи вѣковъ порабощенія подъ татарскимъ владычествомъ, повиноваться верховной власти завоевателей и ихъ довѣренныхъ, перенесъ этотъ страхъ на отношенія свои къ московскимъ государямъ,—имъ, кромѣ того, руководило и сознаніе, что безъ единаго владыки у него было бы много владыкъ, а это для народа было бы хуже всего; что, притомъ, только при единовластіи можно отстоять отъ иноземцевъ вѣру, жизнь и достояніе. При пособіи церковнаго взгляда, особенно съ тѣхъ поръ, какъ великіе князья получили царственное значеніе, стали преемниками чести древнихъ византійскихъ монарховъ, помазанниками божіими, укоренилось и возрасло понятіе, что царь, самодержавный владыка, дается отъ самого Бога и все, чтó онъ ни творитъ, все это совершается по божіей волѣ. Въ началѣ XVII-го вѣка, москвичъ, изъясняя поляку, зачѣмъ русскіе предпочитаютъ свою неволю польской свободѣ, сказалъ: «если же самъ государь неправосудно со мною поступитъ — въ томъ его воля; онъ, какъ Богъ, караетъ и милуетъ!» Такое воззрѣніе

до того окрѣпло въ русскомъ народѣ, что для него исчезла всякая возможность разсужденія какъ о необходимости единодержавія, такъ и о долгѣ своего повиновенія. Осталось единственное оправданіе и того и другого: такъ отъ Бога уставлено! Царскія дѣянія, какъ бы они тяжело ни отзывались на жизни подданныхъ, стали подлежать не обсужденію, а смиренному терпѣнію, подобно дѣяніямъ божіимъ, которыя могутъ быть также тяжелы для человѣка въ качествѣ наказанія, посылаемаго за грѣхи. Случится ли какое-нибудь естественное бѣдствіе—неурожай, болѣзни, моръ, скотской падежъ... что дѣлать? Конечно, ничего болѣе, какъ терпѣть и покоряться волѣ божіей. Точно также если и царь наложитъ тяготу или опалу на людей своихъ—ничего не остается какъ терпѣть: царь какъ Богъ: и покараетъ, и помилуетъ. Его бояре, воеводы, дьяки — иное дѣло; они вѣдь могутъ обмануть царя; они могутъ его именемъ поступать и противъ его желанія; народъ часто покушался возставать на нихъ, но думалъ, что при этомъ онъ не возстаетъ противъ государя. Самъ царь, лишь бы только не было сомнѣнія въ его законномъ наслѣдственномъ поставленіи и освященіи Богомъ, для русскаго народа былъ существо выше человѣческаго; онъ земной богъ — говорили и до сихъ поръ говорятъ объ немъ великорусскіе поселяне. И на такомъ-то обоготвореніи царской особы (которое, собственно, есть народный образъ выраженія нравственнаго понятія объ исходѣ высшей власти отъ самого Бога) почило полновластіе, образовавшееся указанными историческими путями и установившееся въ XVI-мъ вѣкѣ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

Сокрушая, при помощи уваженія къ себѣ народной громады, всякую явную оппозицію, полновластіе, однако, не могло побороть иного рода оппозиціи—тайной, тупой, страдательной, единичной. Эта оппозиція состояла въ томъ, что русскій человѣкъ, не смѣя сопротивляться явно власти или открыто оказать ей непослушаніе, не стѣснялся, однако, увильнуть отъ исполненія того, чего она требовала, не пропускалъ возможности обмануть и провести ее, поживиться царскимъ добромъ и вообще дѣйствовать власти во вредъ, когда отъ этого произойдетъ польза или облегченіе для него самого. Такого рода оппозиція сильно укоренилась въ русскомъ народѣ отъ мала до велика; въ низшихъ классахъ она выразилась въ огромномъ размѣрѣ побѣгами, всяческими уклоненіями отъ повинностей, шатаніемъ, бродяжничествомъ, непамятствомъ родства, изготовленіемъ фальшивыхъ паспортовъ, дѣланіемъ фальшивой монеты, всѣмъ, что, помимо прямыхъ преступленій противъ личности и собственности дру-

гихъ, подводило русскаго простого человѣка въ острогъ, подъ кнутъ или плети и въ Сибирь; въ высшихъ и служебныхъ классахъ оппозиція эта выразилась тѣмъ казнокрадствомъ, противъ котораго Петръ Великій принималъ такія крутыя мѣры, тѣмъ лихоимствомъ и кривосудіемъ, которыми въ нашемъ воспоминаніи такъ опозорились и наши прежніе суды, и нашъ давній приказный людъ а потомъ замѣстившій его чиновный людъ; наконецъ, тою служебною и оффиціальною ложью, которая въ половинѣ XVIII-го вѣка побудила князя Щербатова сказать: «Нѣсть вѣрности къ государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать государя, чтобъ отъ него получать чины и прибыточныя награжденія. Нѣсть любви къ отечеству, ибо всѣ почти служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконецъ, нѣтъ твердости духа, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать, но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться». И это было вполнѣ естественно и неизбѣжно. Чѣмъ меньше человѣкъ имѣетъ прáва, нужды и побужденій обращать свою мысль и чувство къ общественнымъ условіямъ, среди которыхъ живетъ, тѣмъ болѣе онъ чуждается ихъ, мало-по-малу грязнетъ въ своихъ собственныхъ мелочныхъ интересахъ, дѣлается полнымъ эгоистомъ.

Н. Костомаровъ.

ИЗЪ
ВОЛЖСКИХЪ ПРЕДАНІЙ

I.

КОРОМЫСЛОВА БАШНЯ.

1.

Тамъ, гдѣ въ Волгу Ока, нашей Руси рѣка,
Свои тихія воды вливаетъ,
И весенней порой, быстротечной волной,
Далеко берега заливаетъ;

Тамъ, татарамъ на страхъ, на высокихъ горахъ
Нижній Новгородъ былъ заложёнъ;
Былъ церковный соборъ, княжій теремъ и дворъ
Деревянной стѣной обнесенъ.

Но изъ бревенъ стѣна не прочна, не страшна,
И не мало ветшала съ годами,
И не разъ отъ огня пострадала она,
И не разъ разорялась врагами;

И притомъ, каждый годъ, прибавлялся народъ,
Изъ другихъ городовъ выселялись,
Да плодились свои, да изъ русской земли
Люди ратные къ князю сбирались;

Такъ что старой стѣны, въ дни осадной войны,
Не хватало для общей защиты,
И не разъ отъ враговъ, при пожарѣ домовъ,
Было много народу побито.

Князь дружину собралъ и совѣтъ съ ней держалъ,
Какъ бы стѣны прочнѣе устроить;
И рѣшили одно, что пора бы давно
Ихъ изъ прочнаго камня построить;

Да въ подземный тайникъ отвести тотъ родникъ,
Что течетъ по горѣ за стѣною,
Для того чтобы всѣхъ, въ дни кровавыхъ потѣхъ,
Могъ съ избыткомъ снабжать онъ водою.

Порѣшили—и князь въ тоже утро приказъ
Разослалъ въ города и селенья,
Чтобы черный народъ, послѣ лѣтнихъ работъ,
Собиралъ бы повсюду каменья;

Собиралъ по полямъ, по лѣсамъ, по лугамъ,
А зимой подвозилъ постепенно;
И разсчетъ былъ таковъ, чтобы на пять дворовъ
По сажени пришлось непремѣнно.

А съ торговыхъ людей, да заѣзжихъ гостей
Сдѣлать сборъ по другому разсчету,
И тѣ деньги хранить и изъ нихъ заплатить
Мастерамъ за труды и работу.

Наступила весна; зеленѣла сосна,
Таялъ снѣгъ, и земля почернѣла;
Ночью тронулся ледъ, а ужъ къ утру зоветъ
Князь людей приниматься за дѣло.

Собрались—и пошли, и стѣну обошли,
Толковали и спорили въ пору,
Отъ однихъ получили разумный совѣтъ,
Отъ другихъ понаслышались вздору.

Наконецъ, толкованье и споръ порѣшивъ,
Какъ имъ стѣны провесть согласились,
И канавой потомъ обвели ихъ кругомъ,
Чтобъ рабочіе люди не сбились.

— Ну теперь,—молвилъ князь,—скоро будетъ у насъ
Попросторнѣй въ осадную пору,
И гораздо труднѣе врагамъ одолѣть
Укрѣпленную камнями гору.

Завтра вы, мастера, не лѣнясь, съ утра,
На работу кремля выходите,
И вонъ тамъ, у угла, гдѣ дорога была,
Вы закладывать башню начните.

— Такъ-то такъ, только, князь, есть обычай у насъ,
Что велитъ зарывать безъ пощады
Всѣхъ, кто первымъ пройдетъ, въ день начала работъ,
Тамъ, гдѣ стѣну закладывать надо.

Тотъ обычай не вздоръ, онъ идетъ съ давнихъ поръ,
Самый Новгородъ тѣмъ вѣдь и крѣпокъ,
Что подъ башней одной, за Софійской стѣной,
Тамъ зарытъ былъ одинъ малолѣтокъ.

Ужъ кому суждено, тотъ пройдетъ, все равно
Будь то звѣрь, человѣкъ, или птица;
А иначе стѣна вѣдь не будетъ прочна,
Да и строить ее не годится.

— Знаю самъ, не забылъ, и тебя не просилъ
Я сегодня объ этомъ напомнить,
И Ордынцу Сергѣю вчера поручилъ
Тотъ обычай и нынѣ исполнить.

Завтра онъ совершитъ, что обычай велитъ,
И начнетъ съ мастерами работу,
А теперь, кто со мной, забѣгите домой,
Да и въ поле—пора на охоту.

2.

Той порой на горѣ, на Почайнѣ рѣкѣ,
На посадѣ у церкви Кондрата,
Проживалъ молодецъ, пригородный купецъ,
По прозванью Григорій Лопата.

Былъ онъ родомъ съ Днѣпра, но нужда привела
Его въ Нижній, гдѣ онъ поселился,
Торговалъ, сталъ богатъ, и съ полгода назадъ
На посадскаго дочкѣ женился...

Въ день закладки стѣны, для осадной войны,
Поздно утромъ Алёна проснулась,

И открывши глаза, послѣ крѣпкаго сна,
Съ наслажденьемъ разокъ потянулась;

Но въ испугѣ затѣмъ соскочила совсѣмъ,
Подбѣжала къ окну, посмотрѣла.
— Ай, шепнула, бѣда, я никакъ проспала,
И воды принести не успѣла.

Ну, а какъ на бѣду, пока я не приду,
Встанетъ мужъ, пожелаетъ умыться,
И воды не найдетъ, вѣдь пожалуй прибьетъ,
Цѣлый день потомъ станетъ браниться.

Вонъ ужъ скоро народъ отъ обѣдни пойдетъ,
Ишь какъ солнце поднялось высоко,
Неравно кто зайдетъ, а меня не найдетъ,
За водою идти вѣдь далёко.

Притаившись теперь, отперла она дверь,
Сердце въ ней такъ отъ страху и билось,
Оглянулась кругомъ,—и скорѣе бѣгомъ
На рѣку за водою спустилась.

Прибѣжала на плотъ, смотритъ: кто-то идетъ,—
А она и платка не надѣла,—
И скорѣе воды зачерпнула она,
И обратно идти ужъ хотѣла.

Но взбираться горой, по тропинкѣ сырой,
Тяжело, и скользятъ сильно ноги;
А короче былъ путь, коль стѣну обогнуть
И дойти до проѣзжей дороги.

И Алёна пошла тамъ, гдѣ легче идти,
Гдѣ скорѣй можно было вернуться,
Чтобъ пораньше придти и воды принести,
Пока мужъ не успѣетъ проснуться.

Вотъ идетъ и съ трудомъ коромысло несетъ,
Тяжело—не мужская вѣдь сила;
Вдругъ глядитъ въ сторонѣ, примыкая къ стѣнѣ,
Яма вырыта—словно могила.

Любопытства у бабъ ужъ не выбьешь никакъ,
Не могла не взглянуть, не стерпѣлось,

Нѣтъ ли въ ямѣ кого, не лежитъ ли чего
Непремѣнно узнать захотѣлось.

Вотъ она подошла, яму ту обошла
И на дно ямы той посмотрѣла,
Но едва лишь затѣмъ на другое плечо
Положить коромысло успѣла,

Какъ изъ ближнихъ воротъ показался народъ,—
Все угрюмыя, грозныя лица, —
Ей кричать: — Погоди! дальше ты не иди,
Молодая жена иль дѣвица!

А поподчуй водой! И живою стѣной
Вся толпа ее въ мигъ окружила;
Но Алёна не робкой была создана
И съ усмѣшкою всѣхъ ихъ спросила:

— Шутку что ли шутить, иль меня устрашить
Вы хотите? да я не пуглива,
Вотъ ужо на зарѣ вы къ зеленой горѣ
Приходите, тамъ я говорлива.

А теперь не мѣшай! я по дѣлу иду,
И на шутки теперь не гожуся;
Не мѣшай! говорю, а не то оболью!
Я вѣдь злая, когда разсержуся!

— Нѣтъ, не шутку шутить, не тебя устрашить
Мы хотимъ: наша шутка плохая,
И вечерней зари, и зеленой горы
Не видать ужъ тебѣ, молодая!

Эй, поди, доложи, да проворнѣй! скажи,
Что попался не звѣрь и не птица,
А живая душа, молода, хороша,
Городского купца молодица.

Впрочемъ нѣтъ! погоди! даромъ ты не ходи!
Вонъ онъ самъ къ намъ идетъ, вѣрно видѣлъ,
Вѣрно самъ поджидалъ, и хоть слѣпъ нынѣ сталъ
А красавицу вонъ гдѣ увидѣлъ.

Глядь, и впрямь изъ воротъ, торопливо идетъ
Княжій стольникъ, бояринъ Ордынецъ,

Весь какъ иней сѣдой, но въ бою удалой,
И великаго князя любимецъ.

Испугалась она, стала разомъ блѣдна,
Сердце въ ней что-то страшное чуетъ,
И стоитъ, и дрожитъ, и молитву творитъ,
И со страхомъ глядитъ, что-то будетъ!

А старикъ себѣ шелъ, но едва подошелъ,
Какъ Алёна предъ нимъ повалилась,
И молила пустить, и ей глупой простить,
Коль она въ чемъ-нибудь провинилась.

Но суровый старикъ съ давнихъ поръ ужъ привыкъ
Къ этимъ стонамъ, мольбамъ и рыданьямъ;
И скорѣй бы въ иномъ камнѣ дикомъ, чѣмъ въ немъ,
Проявилось къ людямъ состраданье.

Онъ сурово взглянулъ и ногой оттолкнулъ,
И велѣлъ чтобъ ее придержали,
И кушакъ съ себя снялъ, и ей ротъ завязалъ,
Чтобы крику ея не слыхали.

— Бабій умъ не великъ, но силенъ у нихъ крикъ,
Цѣлый день вѣдь кричать не устанетъ,
Ну, а глупый народъ, какъ заслышитъ, придетъ,
Отбивать, чего добраго, станетъ.

Эй, Иванъ! знаешь тамъ, гдѣ я съ вечера самъ
Двѣ доски приготовилъ съ тобою,
Такъ одну, подлиннѣй, принеси поскорѣй,
Захвати и веревку съ собою.

Вы-жъ сомкнитесь плотнѣй, никого теперь къ ней
Изъ родныхъ допускать не годится;
Лишь бы кончить скорѣй, да держите сильнѣй,
Что ей даромъ о землю-то биться!

А! принесъ, ну клади, да не такъ, погоди,
Положи тѣмъ концомъ на каменья;
Поровнѣе, вотъ такъ! поддержи же, дуракъ,
Ни на грошъ въ тебѣ нѣту умѣнья.

Ну молодка, пора, мы вѣдь ждали съ утра,
Раньше солнца сегодня мы встали,

И стоимъ у воротъ, да глядимъ, кто пройдетъ,
И глядѣть-то признаться устали.

Ну не бейся! лежи! не вертись! не дрожи!
Этимъ ты ничего не поможешь;
Ишь вѣдь какъ егозитъ, такъ изъ рукъ и скользитъ.
Словно угорь, не скоро уложишь!

Онъ Алёну схватилъ, вдоль доски положилъ,
И съ обычной издавна сноровкой,
Отъ затылка до пятъ, словно малыхъ ребятъ
Спеленалъ ее крѣпкой веревкой.

— Ну теперь не зѣвай! становитесь на край!
И спускай потихоньку въ могилу.
Такъ!... довольно!... легла!... ишь ты какъ тяжела,
Приподнять, такъ и то не подъ силу.

Ну, теперь въ самый разъ! не гнѣвись же на насъ.
Раскрасавица—мы не причина,
Знать злодѣйка судьба привела къ намъ тебя,
Знать такая ужь доля-кручина.

Ну, теперь мнѣ подай коромысло! да дай
И ведро, хоть оно ей не нужно;
А нельзя не зарыть,—все, что съ ней, положить
За одно по обычаю нужно.

Все устроивъ старикъ, къ бѣдной жертвѣ приникъ
И кушакъ ей стянулъ поплотнѣе.
Изъ могилы прыгнулъ, и однако вздохнулъ,
И велѣлъ зарывать поскорѣе.

Но на зовъ старика не нашлася рука,
Чтобъ на страшное дѣло подняться,
И никто не хотѣлъ, всякъ боялся, не смѣлъ
За такую работу приняться.

И старикъ осерчалъ, и на нихъ закричалъ,
— Что-жъ вы стали, живѣй за работу!
Надо кончить скорѣй, не легко вѣдь и ей,
Умирать никому не въ охоту.

Пусть погибнетъ она, за весь городъ одна,
Мы въ молитвахъ ее не забудемъ;

Лучше гибнуть одной, да за крѣпкой стѣной
Отъ враговъ безопасны мы будемъ!'

И лопату схвативъ, и земли захвативъ,
На Алёну онъ бросилъ въ могилу,
А за нимъ и другіе ужъ стали бросать,
Чтобъ ее поскорѣй задушило.

И въ смущеньи нѣмомъ всѣ стояли кругомъ,
Лишь проворно работали руки,
Но никто не глядѣлъ, и взглянуть не посмѣлъ
На несчастной предсмертныя муки.

Только солнце одно разсказать бы могло,
Чтó предъ смертью она испытала,
Какъ ей горе-слеза застилала глаза,
Какъ несчастная билась.... дрожала....

Вотъ исчезло чело.... вотъ и всю занесло....
Вотъ съ краями могила сравнялась....
И отъ жертвы живой, за обычай людской,
И слѣда надъ землей не осталось.

3.

Долго ждалъ-поджидалъ и сердился, ворчалъ
Молодой, поджидая молодку,
И ужъ молвилъ не разъ, что сегодня задастъ
Онъ Алёнѣ хорошую трёпку.

Наконецъ, не стерпѣлъ, шапку на бокъ надѣлъ,
Заперъ дверь на замокъ за собою,
И не вымывъ лица, онъ спустился съ крыльца,
И пошелъ на рѣку за женою.

Вотъ подходитъ къ водѣ, нѣтъ Алёны нигдѣ,
На плоту лишь двѣ бабы стояли,
И согнувшись дугой, надъ проточной водой,
Тараторя, бѣлье полоскали.

Онъ ихъ зналъ, и шутя имъ обѣимъ сказалъ,
Что Алёна съ утра закутила,
И спросилъ: чай, она и сюда-то пьяна
За водою на плотъ приходила?

—Нѣтъ, родимый, не ври, отвѣчали они,
Мы Алёны твоей не видали;
Да давно ли она за водою пошла,
Изъ избы-то, давненько ушла-ли?

—Да сказать мудрено, какъ, примѣрно, давно;
Я вѣдь спалъ, а она, какъ проснулась,
Чай пошла за водой, да съ тѣхъ поръ ужъ домой,
Сколько времени жду, не вернулась.

—Ишь ты, гдѣ-же ей быть? Не могла вѣдь забыть,
Что тебѣ надо будетъ умыться;
У тебя же она просто кладъ—не жена,
Хоть другимъ у нея поучиться.

А вотъ баялъ Ѳедотъ, да пожалуй и вретъ,
Что сегодня кого-то схватили,
И вонъ тамъ у воротъ, гдѣ работа идетъ,
Безъ вины и распроса зарыли.

Говоритъ: самъ слыхалъ, кто-то долго кричалъ,
А потомъ зарывать что-то стали,
Разузнай, на бѣду, не жену ли твою,
Чего добраго, тамъ закопали.

Говорятъ.... Но ужъ онъ былъ далеко отъ нихъ,
И бѣжалъ напрямикъ безъ оглядки;
И болѣзненно сердце сжималося въ немъ
Отъ мелькнувшей внезапно догадки.

Наконецъ добѣжалъ, и за камнями всталъ,
А не то вѣдь прибьютъ, коль замѣтятъ;
И пытливо глядѣлъ, но спросить не посмѣлъ,
Да и зналъ, что они не отвѣтятъ.

И случилось же такъ, что Алёнинъ башмакъ,
Какъ ее зарывали, остался,
Былъ затоптанъ въ песокъ и случайно носокъ
На глаза ему прямо попался;

Тотъ изъ пары одной, что минувшей весной
Онъ купилъ у татаръ за двѣ бѣлки;
Что обшитъ былъ кругомъ, по краямъ серебромъ,
А съ боковъ были вышиты стрѣлки.

Догадался купецъ, понялъ все наконецъ,
И какъ снопъ на траву повалился,
И съ рыданьемъ глухимъ о холодный песокъ,
Надъ могилой Алёны онъ бился.

Еслибъ только онъ зналъ, онъ бы то имъ сказалъ,
Что они бы ее отпустили;
Вѣдь они не одну закопали жену,
Вѣдь они и ребенка зарыли.

Долго онъ ихъ молилъ и отрыть все просилъ,
Хоть взглянуть на жену—не жива-ли;
Но старикъ осерчалъ, отогнать приказалъ,
И съ угрозой его отогнали.

Цѣлый день онъ бродилъ, самъ не зналъ гдѣ ходилъ,
И лишь поздней ночною порою
Очутился бѣднякъ, самъ не вѣдая какъ,
На обрывѣ крутомъ надъ Окою.

Сильный вѣтеръ шумѣлъ, небо мглою одѣлъ,
И страшна была темная ночь;
Но никто не умѣлъ, и не могъ, и не смѣлъ,
Овдовѣвшему мужу помочь.

И въ безумной тоскѣ онъ взмолился рѣкѣ:
— Ты сильна, имъ тебя не обидѣть,
Отомсти—и волной ты могилу размой,
Дай хоть кости мнѣ милыхъ увидѣть.

За услугу твою, я тебѣ отдаю
Свою грѣшную душу и тѣло,
Хоть послѣднимъ рабомъ буду въ царствѣ твоемъ,
Лишь скорѣй принимайся за дѣло!

И съ проклятьемъ вздохнувъ, и на небо взглянувъ,
Безпредѣльною злобою полный,
Не боясь темноты, онъ съ крутой высоты
Въ разъяренныя кинулся волны.

Съ той поры, каждый годъ, только тронется ледъ,
Начинаетъ Ока волноваться;
Послѣ зимняго сна, новой силой полна,
Не по днямъ—по часамъ разливаться.

Соберетъ всѣ снѣга, и зальетъ берега,
И шумитъ, и бушуетъ, и злится,
И волну за волной высылаетъ на бой,
И до башни добраться стремится.

Но гора высока,—и напрасно рѣка
Тратитъ даромъ могучія силы;
И прибои волны башнѣ той не вредны,
И не смыть имъ завѣтной могилы.

II.

УТЕСЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

Есть на Волгѣ утесъ, дикимъ мохомъ обросъ
Онъ съ боковъ отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершинѣ его не ростетъ ничего,
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ,
Да могучій орелъ, свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.

Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался;
И утесъ человѣка того не забылъ,
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.

И хотя, каждый годъ, по церквамъ, на Руси
Человѣка того проклинаютъ,
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ.

Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался,
И въ полуночной мглѣ, на высокой скалѣ,
Тамъ всю ночь до зари оставался.

Много думъ въ головѣ родилóсь у него,
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ,

И подъ говоръ волны, средь ночной тишины,
Онъ великое дѣло задумалъ.

И задумчивъ, угрюмъ отъ надуманныхъ думъ,
Онъ на утро съ утеса спустился,
И задумалъ идти по другому пути,
И идти на Москву онъ рѣшился.

Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ,
И не то ему пало на долю,
И расправой крутой, да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю.

Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,
Не почетнымъ пожаловалъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ, на конѣ и съ мечемъ,
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ-палачемъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости.

И Степанъ будто зналъ, никому не сказалъ,
Никому своихъ думъ не повѣдалъ;
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ.

И понынѣ стоитъ тотъ утесъ, и хранитъ
Онъ завѣтныя думы Степана;
И лишь съ Волгой одной, вспоминаетъ порой
Удалое житье Атамана.

Но за то если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу, какъ мать дорогую, любилъ
И во имя ея подвизался —

Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,
И утесъ-великанъ все, чтó думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

Н. А. Вроцкій.

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И

ЕЯ НУЖДЫ.

V *).

Перейдемъ теперь къ группѣ химическихъ производствъ въ обширномъ значеніи этого слова. Фабрикація химическихъ произведеній и красокъ, несмотря на покровительство высокаго таможеннаго тарифа 1822 года и настоятельную потребность въ этихъ вспомогательныхъ матеріалахъ, для успѣшнаго развитія прочихъ отраслей мануфактурной промышленности, развивалась у насъ чрезвычайно медленно, по трудности этого дѣла и по недостатку распространенія въ промышленномъ сословіи техническихъ знаній. Результатомъ этого была чрезмѣрная дороговизна химическихъ продуктовъ какъ иностраннаго, такъ и туземнаго производства, и недоброкачественность послѣднихъ. Лишь съ пониженіемъ тарифа въ 1850 и 1857 годахъ, явилась возможность болѣе дешеваго снабженія нашихъ фабрикъ потребными имъ химическими произведеніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекратилось туземное производство такихъ химическихъ продуктовъ, которые не могутъ быть приготовляемы у насъ по сходнымъ цѣнамъ.

Однако въ послѣднія 10 или 15 лѣтъ замѣчается положительный успѣхъ по этой части, хотя онъ выражается не столько увеличивающимся количествомъ производства, сколько улучшающимся качествомъ продуктовъ. Медленность развитія у насъ

*) См. выше: окт. 508; нояб. 85 стр.

химическихъ фабрикъ, несмотря на обиліе многихъ нужныхъ для того первообразныхъ матеріаловъ, какъ-то: сѣрныхъ колчедановъ для выдѣлки сѣры и сѣрной кислоты, соли для выдѣлки соды, хлѣбнаго спирта и дерева для добыванія уксусной кислоты и уксусныхъ солей и т. п., объясняется существованіемъ въ тоже время другихъ неблагопріятствующихъ и общихъ для всей нашей промышленности обстоятельствъ, какова огромность разстояній, отдаленіе сырыхъ матеріаловъ отъ фабричныхъ центровъ, несовершенство путей сообщенія, дороговизна капиталовъ, существованіе акцизовъ на хлѣбный спиртъ, соль и т. п.

О медленности развитія нашей химической фабрикаціи можно судить отчасти по сравненію слѣдующихъ цифръ производства нѣкоторыхъ химическихъ продуктовъ:

Добывалось.	Въ 1849 г. [1]).	Въ 1863 г. [2]).
Кислоты сѣрной	250,000 пуд.	295,000 пуд.
— селитряной. . .	25,000 —	25,750 —
— соляной. . . .	15,000 —	33,000 —
Бѣлилъ свинцовыхъ . . .	64,000 —	52,280 —
Сахара свинцоваго . . .	13,000 —	22,400 —
Купороса желѣзнаго. . .	130,000 —	67,000 —
— мѣднаго и цинковаго.	11,000 —	72,000 —
Соды.	—	(въ 1869 г.) 50,000 —
Квасцовъ	100,000 —	100,000 —
Разныхъ красокъ. . . .	3,500 —	23,125 —

Сравненіе возрастанія общей цѣнности химическаго производства также доказываетъ, что оно встрѣчаетъ большія препятствія къ своему развитію. Въ 1849 году цѣнность его составляла 1,778,000 р., въ 1851 — 53 годахъ 2,413,000 р., въ 1863 г. 3,076,000 р., въ 1866 году 3,900,000 р. Послѣдняя цифра однако должна быть гораздо ниже дѣйствительности, особенно въ настоящее время, потому, что сумма производства химическихъ заводчиковъ, представившихъ свои произведенія на послѣднюю мануфактурную выставку, простиралась почти до 5 мил. руб.; до 1 мил. руб. приходится на нѣсколькихъ крупныхъ фабрикантовъ, не принимавшихъ участія въ выставкѣ и по крайней мѣрѣ столько же на прочихъ менѣе значительныхъ фабрикантовъ. Самыми крупными химическими заводчиками безспорно слѣдуетъ признать Малютиныхъ, заводъ кото-

[1]) Обозр. выставки рос. ман. изд. въ Спб. въ 1849 г. стр. 177—178.
[2]) Сборн. стат. свѣд. по горн. части 1866 г. стр. 241—243.

рыхъ существуетъ съ 1837 года и добываетъ 260 т. пудовъ разныхъ химическихъ продуктовъ на сумму $2^1/_2$ мил. руб. сер., между тѣмъ какъ въ 1867 г. по оффиціальнымъ показаніямъ самихъ фабрикантовъ производство ихъ оцѣнивалось не свыше 900,000 руб. Второе мѣсто послѣ Малютиныхъ занимаютъ Лепешкины, которые основали первый заводъ свой въ Московской губерніи въ 1824, а второй во Владимирской въ 1838 г. Производство ихъ въ 1849 году въ указателѣ тогдашней выставки оцѣнивалось въ 190,000 р.; въ 1866 году, въ срочныхъ вѣдомостяхъ департаменту мануфактуръ въ 380 т. р., въ указателѣ русскаго отдѣла парижской всемірной выставки въ 1867 г. въ 450 т. р. и наконецъ, въ указателѣ послѣдней всероссійской выставки въ 700 т. р. при выработкѣ 172 т. п. разныхъ химическихъ продуктовъ. Нельзя не упомянуть также о заводѣ Сарептскаго общества близъ села Хорошева въ Московской губерніи, производящемъ на 350 т. р.; о заводахъ Санина въ Калужской губерніи, Шипова въ Костромской, Ушкова въ Вятской, возникшихъ почти одновременно съ первымъ значительнымъ пониженіемъ пошлинъ на иностранныя химическія произведенія, и производящихъ на 200 т. руб. каждый; наконецъ о заводахъ Комелова, Кованько и Варгунина, Мессонье, Растеряева, Фалина въ Петербургѣ, Мошнина, Неокладнова, Корнилова, Пановыхъ въ Московской губерніи, Понизовкина въ Ярославской, Лихачева въ Казанской, Гиршмана и К°, Эпштейна и Леви и Клевскаго въ Варшавѣ, производящихъ каждый на сумму отъ 100 до 150 тысячъ рублей.

Въ недавнее время возникло нѣсколько новыхъ химическихъ заводовъ. По показаніямъ самихъ химическихъ заводчиковъ, сдѣланнымъ въ тарифной коммиссіи, у насъ замѣтно развивается фабрикація синеродистыхъ соединеній, потому что всѣ нужные для производства ихъ матеріалы имѣются въ Россіи, причемъ синеродистыя и хромовыя соединенія выработываются и лучше и дешевле, нежели заграницею; производство свинцовыхъ бѣлилъ, по голландскому способу, дающему наилучшія бѣлила, замѣтно улучшается какъ въ техническомъ, такъ и въ гигіеническомъ отношеніи, и удовлетворяетъ большей части ежегоднаго потребленія Россіи въ свинцовыхъ бѣлилахъ, несмотря на сильное соперничество болѣе дешевыхъ и менѣе доброкачественныхъ иностранныхъ бѣлилъ съ подмѣсью тяжелаго шпата; производство уксусно-кислыхъ солей, яри мѣдянки, яри венеціанской, сахара сатурна и др., возникшее у насъ въ сороковыхъ годахъ въ остзейскихъ и нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ, и съ успѣхомъ выдержавшее пониженіе пошлинъ въ 1850 году, поколебалось нѣ-

сколько вслѣдствіе тарифа 1857 года и обложенія хлѣбнаго спирта акцизомъ. Производство квасцовъ въ Россіи, достигающее до 100,000 пудовъ въ годъ, окрѣпло особенно во время возвышенія заграницею цѣнъ на квасцы въ началѣ 60-хъ годовъ и нынѣ удовлетворяетъ почти половину всей потребности нашей промышленности въ этомъ матеріалѣ.

Производство сѣрной кислоты и мѣднаго купороса изъ сѣрныхъ колчедановъ начинаетъ развиваться; добываніе же соленой кислоты, находясь въ тѣсной зависимости отъ добыванія соды, при отсутствіи въ прежнее время у насъ этого добыванія, по высокому акцизу на соль, обходилось весьма дорого; съ разрѣшеніемъ нынѣ безакцизнаго отпуска соли для приготовленія соды, и этотъ матеріалъ первой необходимости долженъ сдѣлаться болѣе доступенъ нашимъ фабрикантамъ. Первый большой содовый заводъ открытъ въ Россіи г. Лихачевымъ въ 1869 г. въ Казанской губерніи, и въ первый годъ своего дѣйствія онъ употребилъ до 70 тыс. пудовъ соли съ пермскихъ солеваренъ и выдѣлалъ 50 т. пуд. соды на сумму 100 т. руб., до 100 т. пуд. хлористаго кальція и до 25 т. пуд. осадочной извести.

Развитіе содоваго производства признается, какъ извѣстно, однимъ изъ мѣрилъ развитія промышленности вообще, а потому нельзя не привѣтствовать какъ облегченіе, сдѣланное министерствомъ финансовъ для содовыхъ заводчиковъ, въ безакцизномъ отпускѣ имъ соли, такъ и начало положенное этой фабрикаціи. Нельзя не обратить также вниманія на начинающееся у насъ въ большомъ видѣ добываніе продуктовъ сухой перегонки дерева, напр. на заводѣ А. П. Шипова въ Костромѣ, и на добываніе альбумина изъ бычачьей крови, которая еще недавно составляла безполезный отбросъ на нашихъ бойняхъ, нынѣ же обрабатывается тремя заводами — Шагиныхъ въ Петербургѣ, Циндели и Бони въ Москвѣ.

Возрастающая потребность въ химическихъ произведеніяхъ и краскахъ для нашей промышленности и распространяющееся у насъ изученіе химіи, вмѣстѣ съ возрастающимъ соперничествомъ иностранныхъ произведеній, служатъ залогомъ, что фабрикація эта будетъ у насъ развиваться и совершенствоваться. О размѣрахъ, до которыхъ можетъ достигнуть фабрикація химическихъ продуктовъ, при высокомъ развитіи промышленности, можно судить по тому, что въ Англіи по переписи 1861 года считалось 9,051 человѣкъ, занимавшихся химическимъ производствомъ, на 50 заводахъ, что производство главныхъ химическихъ продуктовъ, щелочныхъ солей кристалической и кальцинированной соды и бѣлильной извести съ 151,000 тоннъ въ 1852 г.

возрасло до 293,000 тоннъ, на сумму 2 мил. фунт. стерл. въ 1861 году; а отпускъ этихъ продуктовъ, за удовлетвореніемъ собственныхъ фабрикъ и заводовъ, возросъ съ 1.405,000 квинталовъ въ 1856 году—до 2,998,000 квинт. въ 1866 г. Въ Бельгіи производство сѣрной кислоты увеличилось съ 9$^1/_2$ мил. килограммовъ въ 1846—47 годахъ до 16 мил. килогр. въ 1856—60 годахъ, а количество добытой соды удвоилось въ тотъ же періодъ и достигло 13$^1/_2$ мил. килограммовъ. Въ Пруссіи число лицъ, занятыхъ химическимъ производствомъ съ 1846 году по 1861 годъ, возрасло въ пропорціи 100 къ 224$^0/_0$—именно съ 12,052 до 26,987 человѣкъ, а въ южной Германіи считается 190 химическихъ заводовъ и 2,343 рабочихъ.

Весьма важный химическій продуктъ представляетъ селитра; она добывается у насъ въ изобиліи въ Малороссіи, особенно въ Полтавской, Харьковской и Курской, и частью въ Черниговской и Воронежской губерніяхъ, а также на Волгѣ, въ Казанской и Саратовской губерніяхъ [1]).

Селитрянное производство возникло въ Малороссіи еще въ XVII-мъ вѣкѣ, во время гетманщины, и впослѣдствіи постоянно поддерживалось правительствомъ, со временъ Петра Великаго, разными льготами селитрозаводчикамъ, выдачею имъ безпроцентныхъ ссудъ, напр., въ 1799 (100,000 р. ас.), въ 1810 и 1812 годахъ, отпускомъ дровъ изъ казенныхъ лѣсовъ, опредѣленіемъ постоянной, по временамъ возвышаемой цѣны для пріема селитры въ казну, и назначеніемъ продолжительныхъ десятилѣтнихъ періодовъ для поставки селитры. Во время крымской кампаніи заводчики ставили до 220 т. пудъ селитры въ годъ на Шостенскій пороховой заводъ, но и этого было недостаточно, такъ что правительство вынуждено было еще купить въ Пруссіи 50 т. пуд. селитры по 10 р. за пудъ. Съ 1866 и 1867 годовъ заключены казною контракты съ нѣкоторыми приволжскими хозяевами, въ видахъ поощренія къ развитію селитряннаго промысла въ мѣстностяхъ ближе расположенныхъ отъ Охтенскаго и Казанскаго пороховыхъ заводовъ. Количество селитры потребной ежегодно казнѣ въ настоящее время для выдѣлки пороха, составляетъ 100 т. пудовъ въ годъ.

Выдѣлка косметическихъ издѣлій встрѣчаетъ въ Россіи главное препятствіе къ своему развитію въ дороговизнѣ входящихъ въ ея составъ матеріаловъ, въ особенности спирта, обложеннаго внутреннимъ акцизомъ, и разныхъ благовонныхъ эссенцій, вы-

---

[1]) Селитрянный промыселъ на Волгѣ въ хозяйственномъ и административномъ отношеніи г. Кретовича. Спб. 1870.

писываемыхъ дорогою цѣною и съ высокими пошлинами изъ-за границы. Тѣмъ не менѣе парфюмерная фабрикація начинаетъ развиваться у насъ. Въ 1866 г. считалось уже 28 заводовъ косметическихъ издѣлій съ 635 рабочими и производствомъ около 1.200,000 р. Въ настоящее время цифра эта должна быть еще значительнѣе, вслѣдствіе какъ развитія существующихъ заводовъ, такъ и основанія новыхъ. Такъ напр., заводъ Ралле съ 1866 по 1870 г. увеличилъ свое производство съ 390 т. до 675 т. р., заводъ Буша съ 150 т. до 175 т. р., заводъ Зоммера въ Варшавѣ съ 15 до 80 т. р., парфюмерный заводъ Саблукова, основанный въ 1868 г., выдѣлываетъ благовонныхъ товаровъ на сумму до 240 т. р.

С.-Петербургская химическая лабораторія, существующая съ 1860 г., производитъ болѣе чѣмъ на 200,000 р. Нѣтъ сомнѣнія, что наше косметическое производство могло бы получить несравненно большее развитіе, если бы у насъ было обращено болѣе вниманія на разведеніе въ доступныхъ для того мѣстностяхъ, напр. на южномъ берегу Крыма и на Кавказѣ, нѣкоторыхъ душистыхъ растеній, доставляющихъ матеріалъ для парфюмернаго дѣла. Какъ обширна и значительна эта промышленность во Франціи, гдѣ, благодаря благословенному климату южныхъ департаментовъ, производители парфюмерныхъ издѣлій имѣютъ подъ рукою запасы всѣхъ нужныхъ имъ матеріаловъ, въ томъ легко убѣдиться, пробѣжавъ интересную книгу «Le livre des parfums», изданную въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ извѣстнымъ парфюмеромъ Риммелемъ (Eugène Rimmel). Въ этомъ изящномъ и весьма литературно написанномъ очеркѣ прошедшей судьбы и настоящаго положенія парфюмернаго промысла, есть, между прочимъ, указаніе, что около Грасса, Канна и Ниццы разводятся цѣлыя поля цвѣтовъ, для парфюмернаго дѣла, и собирается съ нихъ 2.700,000 килограммовъ на сумму 3.340,000 франковъ, флеръ-д'оранжа, розъ, жасминовъ, віолетъ, кассій, туберозъ; собираніе этихъ цвѣтовъ даетъ работу 15,000, преимущественно женщинъ. Изъ этого количества цвѣтовъ выдѣлывается $^1/_2$ милл. килограм. помады и благовонныхъ маслъ, 1 милліонъ литровъ воды флеръ-д'оранжъ, 100,000 литръ розовой воды и 1,200 килогр. нероли. Въ одномъ Парижѣ около 120 парфюмерныхъ заведеній съ 3 тыс. рабочихъ и ежегоднымъ производствомъ въ 40 мил. франковъ. Кромѣ внутренняго потребленія, продукты этой французской фабрикаціи сбываются во всѣ части свѣта. Въ 1867 году, вывезено было 2.626,000 килограм. на 15,759,000 франковъ, въ томъ числѣ въ Россію 13,300 килогр. на 79,800 фр. Англія, хотя и составляетъ глав-

нѣйшій рынокъ для парфюмерныхъ издѣлій Франціи, получая отъ нея около 425,000 килограм. ежегодно на сумму $2^1/_2$ мил. фр., однако и сама занимается производствомъ этого рода издѣлій. Одно изъ самыхъ извѣстныхъ туалетныхъ мылъ, виндзорское мыло, и англійская лавандовая вода пользуются издавна извѣстною репутаціею. Численныхъ данныхъ о размѣрахъ англійскаго парфюмернаго производства не имѣется, но въ одномъ Лондонѣ оказалось по переписи 1861 года 1,016 лицъ, занятыхъ различнымъ образомъ этимъ дѣломъ. Въ Германіи считается около 180 парфюмерныхъ заводовъ.

Выдѣлка химическихъ зажигательныхъ спичекъ, со времени разрѣшенія свободной продажи спичекъ въ Россіи, значительно развилась и занимаетъ нынѣ 85 заводовъ, разсѣянныхъ по 25 губерніямъ, и 2,216 рабочихъ, производящихъ этого товара на сумму 488 т. руб. По отзыву спеціалистовъ [1]), изготовляемыя въ Россіи спички лучше многихъ иностранныхъ и уступаютъ только вѣнскимъ, которыя дѣйствительно отличаются своимъ наружнымъ видомъ и качествомъ. Самымъ крупнымъ производителемъ считается заводъ Гезена и Митчинсона въ Москвѣ, выдѣлывающій 14,000 ящиковъ на $51^1/_2$ тыс. рублей, и сбывающій свой товаръ даже въ Парижъ и Амстердамъ. Онъ являлся экспонентомъ и въ Парижѣ въ 1867 году, и на послѣдней всероссійской выставкѣ. Другіе четыре производителя на послѣдней выставкѣ работаютъ на 113 тыс. рублей, и лучшими между ними были Бьернеборгское акціонерное общество и Пономаревъ въ Петербургѣ.

Производство сургуча давно уже развилось въ Россіи; Тенгоборскій оцѣнивалъ его въ 1 милліонъ рублей серебромъ. Одна только фабрика Плигина въ Москвѣ работала въ то время на 230,000 руб.; между тѣмъ, по послѣднимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ эта фабрика производитъ не болѣе какъ на 78 т. р. и вся сумма производства сургуча въ Россіи на 13 фабрикахъ оцѣнивается не болѣе какъ въ 195 т. рублей. Нѣтъ сомнѣнія, что цифра эта, относящаяся къ 1866 году, ниже дѣйствительности, особенно въ настоящее время, потому что даже тѣ немногіе экспоненты сургуча, которые явились на послѣднюю выставку, оцѣнивали свое производство въ совокупности около 120,000 рублей; но съ другой стороны, уменьшеніе производства сургуча весьма вѣроятно, вслѣдствіе входящаго все болѣе и болѣе въ употребленіе обычая заклеивать конверты вмѣсто печатанія.

Кожевенное производство [2]) издавна составляетъ въ Россіи

---

[1]) Труды Тарифной Коммиссіи т. I, стр. 757.

[2]) Tegoborski. Etudes sur les forces productives de la Russie t. III. стр. 120—152.—

предметъ обширной народной промышленности, какъ заводской, такъ и кустарной; кожи въ сыромъ и въ обдѣланномъ видѣ, особенно же юфть, издавна составляли одну изъ главныхъ статей нашего отпуска; но, къ сожалѣнію, промышленность эта мало совершенствуется, и самый отпускъ нашъ значительно сократился сравнительно съ прошедшимъ столѣтіемъ, уменьшившись для юфти и выдѣланныхъ кожъ съ 140 — 150 тысячъ пудовъ до 20 тыс. въ послѣднее десятилѣтіе. Наши сырыя кожи встрѣтили опасное соперничество на иностранныхъ рынкахъ въ кожахъ австралійскихъ, американскихъ и колоніальныхъ, а наши выдѣланныя—въ искусствѣ, до котораго достигли западные кожевники путемъ знанія, труда и капитала.

Главная причина застоя и даже упадка нашей кожевенной промышленности заключается въ сосредоточеніи ея преимущественно въ рукахъ мелкихъ предпринимателей, даже крестьянъ, занимающихся ею, какъ однимъ изъ видовъ кустарной промышленности, и не заботящихся ни о чемъ болѣе, какъ о скоромъ и дешевомъ сбытѣ. Начиная съ небрежнаго ухода и плохого содержанія скота, и съ небрежнаго сниманія кожи съ животнаго, съ надрѣзами и прорѣзами, и кончая несовершенствомъ слишкомъ короткаго процесса дубленія, нерѣдко ускоряемаго еще болѣе употребленіемъ сѣрной кислоты, все содѣйствуетъ увеличенію недоброкачественности наибольшей массы нашего кожевеннаго товара. Ограниченность капиталовъ, невозможность затрачивать ихъ на продолжительные сроки, отъ одного до трехъ лѣтъ, для полнаго продубленія кожъ особенно тяжелыхъ, и отсутствіе механическихъ пособій для сокращенія сроковъ дубленія и для замѣны ручной работы въ отдѣлкѣ кожъ, составляютъ главную причину небрежности, съ которою ведется у насъ большею частію дубленіе.

Нѣкоторые сорты кожъ у насъ или вовсе не выдѣлываются, какъ напр. козловая лайка, свиная кожа, по неумѣнью тщательно воспитывать животнаго, или выдѣлка ихъ развивается весьма туго, напр. большихъ лакированныхъ кожъ, потому что для приготовленія лучшихъ сортовъ требуется свѣжее заграничное сырье, которое привозится къ намъ соленымъ или сушенымъ, и успѣшной выдѣлкѣ котораго препятствуютъ, кромѣ особаго искусства въ приготовленіи лака, еще климатическія условія, особенно на сѣверѣ Россіи, неблагопріятныя для сушки. Этимъ объясняется причина, почему къ намъ привозится значительное количество

Московская мануфактурная выставка, Г. П. Ѳедченко. Москва, 1865.—Труды тариф. Ком. т. I стр. 78—84.

иностранныхъ подошвенныхъ кожъ, подвергаемыхъ за-границею продолжительному дубленію въ теченіе отъ одного до трехъ лѣтъ, перчаточной лайки, сафьяновъ козловаго и бараньяго, большихъ лакированныхъ кожъ и т. д.

Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что болѣе крупные кожевенные заводчики уже давно обратили вниманіе на введеніе усовершенствованій въ своемъ производствѣ, въ видѣ машиннаго дубленія въ бакахъ помощью вращательныхъ лопатъ, приводимыхъ въ движеніе паровою машиною, чтó значительно сокращаетъ время дубленія и расходы на дубло, въ видѣ машинныхъ станковъ для двоенія кожъ, въ видѣ паровыхъ молотовъ или прессовъ для отдѣлки подошвенныхъ и полувальныхъ кожъ, въ видѣ употребленія новыхъ дубильныхъ матеріаловъ, и т. д.

Лучшіе кожевенные заводы находятся въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Твери, гдѣ знаменитъ заводъ брат. Савиныхъ, существующій съ 1730 г. и производящій на 1 мил. руб. Юфть этого завода пользуется громкою извѣстностью заграницею и отправляется даже въ Америку. Не менѣе замѣчателенъ и заводъ Темлера и Шведе въ Варшавѣ, который производитъ на 600 т. р. и сбываетъ свой товаръ въ большомъ количествѣ за-границу.

Хотя по оффиціальнымъ даннымъ кожевенное производство въ 1866 г. занимало 2,850 заводовъ большихъ и малыхъ, и до 16,000 рабочихъ, и оцѣнивалось въ 21 мил. р., но оцѣнка эта очевидно ниже дѣйствительности, потому что одинъ приблизительный разсчетъ количества обработываемыхъ кожъ, которое вѣроятно не менѣе 3 мил. пуд. по цѣнѣ отъ 9 до 13 р., или въ средней сложности по 11 р. за пудъ, опредѣляетъ приблизительную цѣнность кожевеннаго производства въ 36 м. руб.

Если же прибавить къ этому цѣнность выдѣлки дубленыхъ овчинъ или тулуповъ, употребляемыхъ народомъ, и цѣнность всѣхъ издѣлій приготовляемыхъ шорными заведеніями, перчаточными фабриками, сапожными, башмачными, чемоданными и переплетными мастерами, большею частью ремесленнымъ образомъ, то безъ сомнѣнія, что общая цѣнность всего кожевеннаго производства исчисленная Тенгоборскимъ въ 96 мил. руб. сер., можетъ быть принята теперь въ 110 мил. р. с.

Фабрикація резиновыхъ издѣлій производится у насъ въ Петербургѣ акціонернымъ товариществомъ россійской американской резиновой мануфактуры, основаннымъ въ 1860 г. съ капиталомъ въ 1 мил. руб. сер. Нынѣ фабрика эта выдѣлываетъ до 1,300,000

паръ обуви, преимущественно калошъ, и другихъ издѣлій, всего на 1,600,000 р.

Резиновая обувь этой фабрики нѣсколько дороже иностранной, потому что товаръ изготовляется преимущественно высшаго качества, болѣе прочный и приспособленный къ нашему климату. Несмотря на то, со времени основанія резиновой фабрики въ Петербургѣ привозъ къ намъ резиновой обуви изъ за-границы съ 2 и 3 т. пуд. уменьшился до 13 пуд. въ 1868 г. и напротивъ, даже издѣлія нашей фабрики, которая по своему устройству и размѣрамъ имѣетъ не много подобныхъ себѣ въ мірѣ, получили сбытъ за-границу, особенно въ Германію, Швецію и Норвегію въ количествѣ до 1,900 пуд. въ годъ. Не смотря на громадность производства фабрики товарищества, резиновое производство у насъ менѣе развито нежели въ другихъ странахъ, именно вслѣдствіе сильной конкуренціи, которую представляетъ эта фабрика для новыхъ предпріятій. Потребленіе каучука и гуттаперчи въ сыромъ видѣ достигаетъ у насъ лишь до 32 т. пудовъ, между тѣмъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ потребляется до 75,000 пуд. и выдѣлывается издѣлій на $7^1/_2$ мил. р., въ Англіи потребляется до 70 т. пуд. и фабрикаціею резиновыхъ издѣлій занимается 3,820 человѣкъ; во Францію ввозится каучука не въ дѣлѣ до 55 т. пуд., въ Германію и всѣ прочія страны до 50 т. пудовъ.

Россія долгое время была однимъ изъ главныхъ поставщиковъ сала на европейскихъ рынкахъ, отпуская ежегодно отъ 3 до 4 мил. пудовъ этого товара, т.-е. почти половину всего количества сала, получаемаго ею на 800 салотопенныхъ заводахъ, расположенныхъ преимущественно въ столицахъ и въ губерніяхъ Пермской, Тобольской, Самарской, Саратовской, Тамбовской, Курской, Харьковской, Воронежской, Екатеринославской и Херсонской; но съ уменьшеніемъ скотоводства на югѣ Россіи вслѣдствіе развитія земледѣлія, уменьшенія пастбищъ и постояннаго почти господства чумъ на рогатомъ скотѣ и съ появленіемъ на европейскихъ рынкахъ сала американскаго и австралійскаго, производимаго въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, нашъ заграничный отпускъ упалъ до 2 мил. пуд., къ чему, конечно, не мало способствовала и небрежная вытопка сала въ котлахъ на открытомъ огнѣ на большей части заводовъ, гдѣ часто въ тѣже котлы бросаютъ кости, головы, и другія части животныхъ, не отдѣляя слоевъ сала отъ мяса. Дурныя качества, которыя получаетъ вслѣдствіе того сало, дѣлаясь весьма мягкимъ и содержа въ себѣ постороннія жирныя вещества, клей и другія примѣси, отражаются на фабрикуемыхъ изъ него продуктахъ.

Поэтому, несмотря на все обиліе у насъ сала, фабрикація мыла и сальныхъ свѣчъ находится вообще въ неудовлетворительномъ состояніи.

Наше мыловаренное производство занимаетъ 353 завода и 1,256 рабочихъ, разсѣянныхъ по всѣмъ почти губерніямъ и по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, представляетъ цѣнность 3 слишкомъ милліоновъ рублей. Лучшіе заводы находятся въ Петербургѣ, Москвѣ и Казани. По сознанію самихъ представителей этой промышленности, мыловареніе находится у насъ въ благопріятныхъ условіяхъ производства и нуждается лишь въ улучшеніи способовъ вытопки сала, въ удешевленіи его и въ облегченіи пріобрѣтать болѣе дешевымъ способомъ нѣкоторые необходимые матеріалы: пальмовое и кокосовое масло, соду и гарпіусъ. Цѣны, существующія теперь на мыло, признаются столь высокими, что это препятствуетъ какъ большему распространенію мыла въ народѣ, такъ и большему отпуску его за-границу, хотя и теперь вызовъ простого мыла, преимущественно въ Азію, превышаетъ привозъ его изъ Европы.

Производство сальныхъ свѣчей разсѣяно почти по всѣмъ губерніямъ и занимаетъ 670 заводовъ съ 2,105 рабочими и цифрой производства около 5 мил. руб. Къ сожалѣнію, большая часть сальныхъ свѣчей нашихъ при горѣніи плывутъ, даютъ копоть и отличаются тяжелымъ запахомъ. Болѣе успѣховъ сдѣлала у насъ фабрикація стеариновыхъ свѣчей, занимающая нынѣ 16 заводовъ, 2,137 рабочихъ и производящая на 7,357,000 р. сер. Она возникла первоначально въ Москвѣ въ 1837 г., благодаря стараніямъ графа С. Строганова, профессора химіи при московскомъ университетѣ Геймана и г. Самойлова, и при участіи французскаго инженера Каллета. Основанное ими въ 1838 г. Товарищество каллетовскихъ свѣчей существуетъ до сихъ поръ и производитъ ежегодно до 40,000 пудовъ свѣчъ. Вообще надо замѣтить при этомъ случаѣ, что по мыловаренному и свѣчному производству существуетъ десять акціонерныхъ компаній, съ основнымъ капиталомъ около $4^1/_2$ мил. руб.

Стеариновыя свѣчи почти совершенно вытѣснили изъ употребленія у насъ восковыя свѣчи, производство которыхъ потому уменьшается, ограничиваясь почти исключительно удовлетвореніемъ однѣхъ церковныхъ потребностей; тѣмъ не менѣе до тысячи человѣкъ заняты приготовленіемъ восковыхъ свѣчей, на 83 воскобойныхъ, 17 воскобѣлильняхъ и 110 свѣчно-восковыхъ заводахъ, производящихъ всѣ вмѣстѣ на сумму 2,742,500 р.

Наконецъ, нельзя не упомянуть о возникающей фабрикаціи новаго рода свѣчей—именно парафиновыхъ. Въ Европѣ эта фа-

брикація уже довольно значительна, у насъ же пока существуетъ только одинъ свѣчно-парафиновый заводъ г. Витте на о. Святомъ, въ Бакинской губерніи, имѣвшій, въ 1866 году 72 рабочихъ и выдѣлавшій 1,808 пуд. парафиновыхъ свѣчей на $14^1/_2$ т. руб.

Въ концѣ 50-хъ годовъ, какъ извѣстно, вошелъ въ употребленіе новый освѣтительный матеріалъ—керосинъ, который значительно вытѣсняетъ какъ стеариновыя, такъ и сальныя даже свѣчи. Громадные размѣры разработки нефтяныхъ источниковъ въ сѣверной Америкѣ и быстрое распространеніе керосиноваго освѣщенія во всей Европѣ и въ Россіи вызвали и у насъ предпріимчивыхъ капиталистовъ на производство керосина, такъ какъ Россія обладаетъ весьма богатыми нефтяными мѣстностями на Кавказѣ и на Крымскомъ полуостровѣ [1]). Первый заводъ для добыванія керосина въ Россіи былъ основанъ въ деревнѣ Сураханахъ, близъ города Баку, Закаспійскимъ торговымъ товариществомъ; всѣ машины и снаряды для него были выписаны изъ-за границы, а строительные матеріалы изъ Россіи. Отъ того устройство завода обошлось очень дорого и имѣло вліяніе на цѣну добываемаго на этомъ заводѣ керосина. Несмотря однако на всѣ затрудненія, производство доведено было до 100,000 пудовъ керосина, называемаго фотонафтилемъ. Въ торговлѣ онъ доходитъ до Нижняго и даже до Москвы, и нѣкоторые города на Волгѣ освѣщаются бакинскимъ фотонафтилемъ. Въ настоящее время въ Бакинской губерніи дѣйствуютъ уже три завода, добывающіе болѣе 700,000 пуд. керосина ежегодно. Сверхъ того нефтяные источники разработываются еще въ губерніи Тифлисской, и на земляхъ терскаго и кубанскаго казачьяго войска, и даютъ до 285,000 пуд. керосина. Но кавказское нефтяное дѣло встрѣчаетъ препятствіе своему развитію со стороны откупа, которому отданъ казною, за 130,000 руб. въ годъ,—сборъ мѣстнаго налога съ добычи нефти, по 45 коп. съ пуда. Богатыя мѣсторожденія нефти находятся также у каспійскихъ береговъ Туркменіи, на островѣ Челекенѣ, иначе называемомъ Нефтянымъ островомъ. И теперь, при неправильной разработкѣ туркменами, въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ въ году, островъ этотъ доставляетъ для торговли съ Персіею до 200,000 пудовъ ежегодно; русская предпріимчивость и русскіе капиталы могли бы найти здѣсь широкое примѣненіе, при нѣкоторой охранѣ со стороны правительства отъ разбоевъ.

---

[1]) О современномъ развитіи нѣкоторыхъ химическихъ производствъ Д. Менделѣева. Спб. 1868.—Труды коммисіи, высочайше учрежденной для пересмотра таможеннаго тарифа въ 1867 году, ч. I, стр. 113 и 118.

Въ Крыму добываніе нефти начато съ 1864 г. близъ поселка Джарджали компаніей американца Гоуэна, и уже въ 1866 году, вывезено было до 18,000 пуд. нефти. Затѣмъ открыты были новыя разработки близъ Керчи и въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ, такъ что всѣхъ заводовъ считается теперь въ Крыму до 12-ти.

Вся добыча нефти въ Россіи составляла въ 1864 г. 535,716 пудовъ, а въ 1868 г. уже 1,753,984 п.

Изъ-за границы привезено было керосина въ 1868 г.—729 т. пудовъ.

При изобиліи у насъ нефтяныхъ источниковъ, при высокомъ процентѣ (отъ 42 до 60) содержимаго нашею нефтью освѣтительнаго матеріала, и съ устраненіемъ препятствій развитію нефтянаго промысла со стороны кавказскаго откупа, Россія могла бы не только снабжать себя въ изобиліи своимъ керосиномъ, но даже и на европейскихъ рынкахъ соперничать съ Сѣверной Америкой.

Введеніе въ употребленіе газа, добываемаго изъ каменнаго угля, для освѣщенія улицъ и жилищъ, принадлежитъ къ числу новѣйшихъ удобствъ жизни и до сихъ поръ ограничивается у насъ преимущественно столицами и немногими большими городами. По значительности капиталовъ, необходимыхъ для основанія и поддержанія газовыхъ заводовъ, большая часть между ними принадлежитъ акціонернымъ компаніямъ. Въ Петербургѣ существуетъ съ этою цѣлью два акціонерныхъ общества, «Общество освѣщенія газомъ Петербурга», основанное въ 1835 году съ капиталомъ въ 428,571 рублей серебромъ, и «Общество столичнаго освѣщенія», основанное въ 1858 году съ капиталомъ въ 4 мил. руб.; акціи какъ того, такъ и другого Общества стоятъ гораздо выше номинальной цѣны своей. Въ Москвѣ образовалось въ 1859 г. «Товарищество сжатаго переноснаго газа» съ капиталомъ въ 600 т. р., въ Одессѣ въ 1868 года «Одесское общество газоваго освѣщенія» съ капиталомъ въ 800 т. руб. Въ Варшавѣ газовый заводъ, основанный съ 1856 года, принадлежитъ «Нѣмецкому континентальному газовому обществу». Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ городахъ газовые заводы основаны обществами желѣзныхъ дорогъ, напр. въ Павловскѣ и въ Твери, и въ немногихъ только городахъ частными лицами, въ Одессѣ, Вильнѣ, Ревелѣ и Гельсингфорсѣ.

Въ 1866 году считалось газовыхъ заводовъ въ Россіи 11 съ производствомъ въ 1.388,000 р. и 561 рабочимъ. На 8 заводахъ въ Петербургѣ, Павловскѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Вильнѣ и Ревелѣ добыто было 525,285,620 кубическихъ футовъ газа; но въ настоящее время цифра эта гораздо ниже дѣйствительности,

потому что съ 1 мая 1869 по 1 мая 1870 г. тремя заводами петербургскихъ газовыхъ обществъ выпущено въ Петербургѣ 527,547,230 кубическихъ фут. газа и получено отъ нихъ дохода 1,345,221 руб.

VI.

Къ четвертой группѣ мы относимъ производство строительныхъ матеріаловъ, а также гончарное и стекольное. Кирпичное производство, при слабомъ развитіи городской жизни и обиліи древеснаго строительнаго матеріала, находится у насъ еще въ младенчествѣ и оставляетъ многаго желать, какъ въ отношеніи экономіи производства, такъ и въ отношеніи цѣнъ на кирпичъ. Въ 1866 г. считалось до 2,127 кирпичныхъ заводовъ, производившихъ на 4 мил. руб. сер. Главный центръ кирпичной производительности находится въ обѣихъ столицахъ, и затѣмъ на югѣ, который производитъ вдвое болѣе кирпича, нежели сѣверъ, богатый лѣсомъ. На послѣдней мануфактурной выставкѣ обращала на себя вниманіе кирпичедѣлательная машина г. Тоньолати, выдѣлывающая кирпичъ механическимъ способомъ, безъ помощи огня. Выдѣлкою черепицы занимаются до 40 заводовъ съ 140 рабочими, производящими почти на 700 т. руб.

Алебастровымъ производствомъ занимаются 8 заводовъ съ 87 рабочими и цѣнностью 129,000 р. Однѣ рижскія гипсовыя ломки даютъ ежегодно около 1 мил. пудовъ алебастра, отправляемаго въ Петербургъ, купцами 1-й гильдіи Герике и Зельмомъ.

Приготовленіе извести занимаетъ 146 заводовъ съ 800 рабочихъ и достигаетъ цѣнности 350 т. руб. Цементное производство получаетъ у насъ съ каждымъ годомъ все большее значеніе, особенно благодаря развитію желѣзныхъ дорогъ и возрастающей, вслѣдствіе того, потребности въ цементѣ. Первый цементный заводъ основанъ у насъ г. Роше въ с. Усть-Ижоры. Онъ производитъ цемента отличнаго качества до 75 т. бочекъ на 150 т. р. и съ 1861 по 1870 г. поставилъ для казенныхъ и частныхъ построекъ въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Москвѣ 3.197,000 пудовъ цемента. Въ 1866 году считалось только 3 цементныхъ завода, производившихъ на 121,000, а на мануфактурную выставку явилось уже восемь экспонентовъ цемента, производящихъ, по ихъ показаніямъ, на сумму до 300 т. руб. Привозъ иностраннаго цемента къ намъ также возрастаетъ; въ 1865 г. было привезено на 285 т. р. и въ 1868 г. на 608 т. р., отъ насъ цемента сбывается отчасти и за-границу, на сумму до 65 т. р., особенно съ завода г. Цѣхановскаго.

Гончарное производство въ самой простой своей формѣ — приготовленія горшечныхъ издѣлій не покрытыхъ глазурью и глазурованныхъ или обливныхъ, издавна составляетъ промышленность, укоренившуюся въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ Московской, Владимирской, Тверской и другихъ губерній. Особенно славится въ этомъ отношеніи селеніе Гжель съ сосѣдними деревнями, въ Московской и частію Владимирской губерніи. По оффиціальнымъ даннымъ, признаваемымъ весьма неполными, считается около 616 подобнаго рода заведеній съ 1,715 рабочихъ и производствомъ около 400 т. р. [1]).

Производство фарфоровое, фаянсовое и полуфаянсовое составляетъ предметъ заводской промышленности. Первый фарфоровый заводъ основанъ въ Россіи около 1756 года въ Москвѣ англичаниномъ Гарднеромъ, и существуетъ до настоящаго времени. Въ тоже почти время основанъ былъ и императорскій фарфоровый заводъ въ С. Петербургѣ техникомъ и ученикомъ Гарднера, Гаттенбергомъ; но оба эти завода не могли удовлетворять всѣмъ потребностямъ спроса фарфоровыхъ издѣлій, а потому огромная масса ихъ до начала нынѣшняго столѣтія выписывалась съ знаменитой саксонской мейсенской фабрики, которая имѣла даже свои склады въ разныхъ городахъ Россіи. Съ возвышеніемъ въ 1806 г. пошлинъ на привозный фарфоръ, уменьшилось его потребленіе и начали распространяться въ Россіи собственные фарфоровые заводы.

Фаянсовое производство возникло въ концѣ минувшаго столѣтія; первою фаянсовою фабрикою была казенная фабрика, учрежденная въ 1798 г. въ зданіяхъ упраздненнаго кіево-межигорскаго монастыря, съ припискою къ ней 228 душъ крестьянъ. Были попытки къ водворенію фаянсоваго или полуфаянсоваго производства въ концѣ минувшаго столѣтія и между гжельскими горшечниками, но собственно первые частные фаянсовые заводы возникли лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и наиболѣе почетное мѣсто между ними принадлежитъ заводу Ауэрбаха, около Москвы. О постепенномъ развитіи фарфороваго и фаянсоваго производства могутъ служить слѣдующія, конечно, не вполнѣ точныя, оффиціальныя данныя:

---

[1]) Гончарное производство Г. П. Ѳедченко въ Т. I. обзора разн. отр. ман. пром. Россіи. стр. 327—391.

Годы.	Число фарфоровыхъ и фаянсовыхъ заводовъ.		Число рабочихъ.	Сумма производства издѣлій фарфоровыхъ Р.	фаянсовыхъ Сер.
Въ 1812	10		неизвѣстно		
— 1815	6				
— 1852	43		1,976	728,453	
— 1859	52		2,708	389,903	315,537
	фарфор.	фаянс.			
— 1866	28	44	3,612	1.042,054	359,500

Въ дѣлѣ развитія фарфоровой и фаянсовой промышленности Россіи видное мѣсто занимаетъ производство Гжели. Здѣсь, въ 14 селахъ и деревняхъ Гжельскаго приказа удѣльнаго вѣдомства и въ нѣсколькихъ сосѣднихъ помѣщичьихъ деревняхъ, еще недавно сосредоточивалось около 120-ти заводовъ, имѣвшихъ до 140 горновъ и печей, на которыхъ ежегодно потреблялось около 120,000 пуд. глины и занято было до 1,700 человѣкъ рабочихъ изъ удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Въ цвѣтущую пору гжельской промышленности она выработывала не менѣе, какъ на 1 мил. руб. Гжельскія посудныя издѣлія весьма цѣнятся въ торговлѣ и не рѣдко идутъ за посуду не только нашихъ извѣстныхъ заводчиковъ, но и иностранную. Для расписыванія посуды учредилось въ гжельскомъ округѣ до 22 живописныхъ заведеній, оборотъ которыхъ достигаетъ 45,000 р. Нынѣшній упадокъ гжельской промышленности былъ результатомъ не только отсталости этого производства и соперничества болѣе совершенныхъ русскихъ и иностранныхъ заводскихъ издѣлій, но и чрезмѣрнаго сосредоточенія этой промышленности въ одномъ пунктѣ, а также возвысившихся цѣнъ на топливо и глуховскую глину, изъ которой выдѣлывается почти $^{9}/_{10}$ всего фарфороваго и фаянсоваго производства. Вообще фарфоровое производство въ Россіи находится въ лучшемъ состояніи, чѣмъ фаянсовое; хотя оба они во многомъ какъ по составу массы, изяществу отдѣлки, такъ и особенно по цѣнамъ своимъ, весьма уступаютъ иностраннымъ издѣліямъ. Въ главѣ фарфороваго и фаянсоваго производства стоятъ императорскій заводъ, а также заводы Корнилова, Кузнецова, Гарднера, Ауэрбаха.

Начало стекляннаго производства [1]) возникло у насъ въ XVII-хъ столѣтіи, и при Петрѣ Великомъ устроенъ былъ въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ, казенный стеклянный заводъ, переве-

[1]) Въ Обзорѣ различ. отр. ман. пром. Россіи см. статью В. В. Шмидта. Очеркъ стекольнаго производства въ Россіи стр. 393—428.

денный впослѣдствіи въ С. Петербургъ. Несмотря на всѣ условія, благопріятствующія развитію этой фабрикаціи: обиліе песка, глины, извести и поташа, дешевизны топлива — стеклянное производство у насъ еще мало развито и много уступаетъ иностранному. Мы производимъ преимущественно издѣлія первой потребности, посуду, бутылки, штофы и оконныя стекла; болѣе изящныя издѣлія изготовляются весьма немногими заводами, въ томъ числѣ императорскимъ стекляннымъ заводомъ, которому въ этомъ отношеніи принадлежитъ пальма первенства, но производство котораго ограничивается суммой 60 т. р. и заводами г. Мальцевыхъ, издѣлія которыхъ, впрочемъ, не вполнѣ безукоризненны. 222 завода занимаютъ до 10 т. чел. рабочихъ и выдѣлываютъ на 4 почти мил. р. стеклянныхъ и хрустальныхъ издѣлій.

Наше зеркальное производство, находясь въ зависимости отъ матеріаловъ, большею частію привозныхъ, находится въ упадкѣ; изъ 7 заводовъ, существовавшихъ въ 1865 г. собственно въ Россіи, теперь остался только одинъ въ Лифляндской губерніи и 6 въ Финляндіи и въ царствѣ Польскомъ.

VII.

Изобиліе лѣсовъ, занимающихъ еще нынѣ, несмотря на долговременное и почти систематическое лѣсоистребленіе, площадь въ 172 мил. десятинъ или около 43% всего пространства Европейской Россіи, рано водворило у насъ разнообразные промыслы, имѣющіе цѣлію приготовленіе изъ дерева разныхъ издѣлій [1]). Рѣдкій крестьянинъ не занимается выдѣлкою хотя нѣкорыхъ предметовъ изъ дерева для своего скуднаго домашняго хозяйства, но во многихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ цѣлыя селенія, преимущественно впрочемъ въ зимнее время, изготовляютъ деревянныя издѣлія въ огромномъ количествѣ для отдаленнаго сбыта почти во всей имперіи. Такъ, деревянныя ложки приготовляются преимущественно въ Нижегородской, Костромской и Вятской губерніяхъ въ количествѣ не менѣе 12 или 15 мил. штукъ, деревянныя чашки въ тѣхъ же губерніяхъ и еще въ Пермской и Владимирской, не говоря о другихъ менѣе значительныхъ.

Въ губерніяхъ Вятской, Нижегородской, Костромской, Казанской, Пермской, частію Симбирской, Тамбовской и Пензен-

---

[1]) Тамъ же помѣщена любопытная статья Ф. К. Арнольда: *Лѣсной товаръ*, стр. 251—325.

ской, а также въ Минской, Могилевской и Витебской, крестьяне занимаются еще, такъ-называемымъ, вообще мочальнымъ производствомъ, т.-е. выдѣлкою издѣлій изъ липоваго луба, какъ-то, циновокъ, рогожъ, кулей, лаптей. Послѣднихъ, безъ сомнѣнія, приготовляется не менѣе 100 мил. паръ въ годъ. Вообще все мочальное производство еще покойный П. И. Кеппенъ оцѣнивалъ въ 3 мил. р. Городскими мастерами изготовляются преимущественно лучшія мелкія рѣзныя и точеныя деревянныя издѣлія, таковы: лопаты, корыта, веретена, мялки, также хомутныя клещи и сѣдельные арчаки, въ большомъ количествѣ идущіе за границу чрезъ Ригу, Мемель, и Данцигъ, гребни изготовляемые преимущественно въ Витебской и Могилевской губерніяхъ, сита и рѣшета, приготовляемыя особенно въ Волынской губерніи колонистами, вышедшими изъ Австріи и венгерскихъ провинцій, счеты выдѣлываемые въ огромномъ количествѣ въ Верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи, люльки или малороссійскія трубки—въ Малороссіи, особенно въ г. Зеньковѣ, и въ Орловской губерніи въ г. Ельцѣ, гдѣ существуетъ обширное заведеніе купца Москалева, снабжающаго весь малороссійскій и новороссійскій край. Для холуйскихъ иконописцевъ выписывается на нижегородскую ярмарку значительное количество крымскаго и кавказскаго можжевельника, подъ именемъ кипариса, для изготовленія иконныхъ дощечекъ. Въ Вятской губерніи въ недавнее время развилась выдѣлка такъ-называемыхъ каповыхъ издѣлій, т.-е. шкатулокъ, сигарочницъ, табакерокъ, футляровъ и т. д. изъ капа или наростовъ на березѣ и соснѣ. Родоначальникъ этихъ издѣлій Макаровъ приготовляетъ ихъ на сумму до 2 т. р., и публика могла ознакомиться съ ними между прочимъ на послѣдней выставкѣ.

Столярное и мебельное мастерство развито у насъ преимущественно въ большихъ городахъ, особенно С.-Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ. Мастерскія эти не довольствуются, конечно, туземнымъ лѣснымъ матеріаломъ, но выписываютъ изъ-за границы въ большомъ количествѣ цѣнные матеріалы, изъ чернаго, краснаго, орѣховаго, палисандроваго, розоваго, кипариса, чинара и т. д. Мебельный отдѣлъ на послѣдней выставкѣ блистательно доказывалъ высокую степень совершенства, которой достигли наши лучшіе мебельные мастера Штанге, Бюхтгеръ, Лудлофъ и другіе, и стремленіе ихъ внести художественный элементъ въ свое производство. Внутри Россіи изготовленіемъ мебели, сундуковъ, шкатулокъ въ особенности занимаются крестьяне Пермской, Вятской, Нижегородской, Владимирской, и отчасти Тверской и Московской губерній.

Въ послѣднее время стала обращать на себя вниманіе также росписанная мебель и посуда, приготовляемая въ Новгородской губерніи съ давнихъ временъ и, какъ полагаютъ, перенесенная къ намъ еще при Петрѣ Великомъ изъ Голландіи, гдѣ донынѣ существуетъ фабрика подобныхъ издѣлій въ Гронингенѣ. Рисунокъ этихъ деревенскихъ издѣлій значительно улучшенъ съ тѣхъ поръ, какъ производство это обратило на себя вниманія новгородскаго землевладѣльца г. Татищева, который пригласилъ съ этою цѣлью особаго художника.

Паркетныя фабрики существуютъ у насъ преимущественно въ столицахъ; но есть также фабрики и внутри Россіи. Извѣстны паркетныя фабрики въ мѣстечкахъ Полонномъ и Любарѣ Волынской губерніи. Одна изъ лучшихъ не только въ Россіи, но даже въ Европѣ фабрикъ основана Миллеромъ, въ С. Петербургѣ въ 1836 г., и нынѣ принадлежитъ Мансбаху. Работа на ней производится при помощи пара и издѣлія ея (3 тыс. квадр. саж. въ годъ на сумму 70 т. р.) славятся не только въ Россіи, но и за границею.

Экипажное мастерство составляетъ занятіе многихъ крестьянскихъ селеній въ Россіи, особенно славятся телѣжки орловскія, калужскія, рязанскія, тарантасы казанскіе, вятскіе, пермскіе, нетычанки кіевскія, брички польскія. Выдѣлка же изящныхъ и комфортабельныхъ городскихъ экипажей сосредоточивается преимущественно въ столицахъ и въ Варшавѣ. Въ 1865 г. считалось, по оффиціальнымъ даннымъ, 93 экипажныхъ заведеній въ Россіи съ 2,294 рабочими и суммой производства въ 1.208,780 руб. Привозъ въ Россію заграничныхъ экипажей весьма незначителенъ и ограничивается преимущественно западными губерніями, куда выписываются берлинскіе и вѣнскіе экипажи, невыдерживающіе впрочемъ нашихъ дорогъ и мостовыхъ. Самые прочные экипажи изготовляются въ Петербургѣ, они начинаютъ уже вытѣснять даже на внутреннихъ нашихъ рынкахъ дешевые московскіе экипажи. По собраннымъ въ тарифной коммисіи свѣдѣніямъ, цѣны с.-петербургскихъ экипажныхъ заведеній на 30 и даже на 40% дороже вѣнскихъ, и на 20%—30% берлинскихъ; французскіе стоятъ въ одной съ нашими цѣнѣ, а лондонскіе дороже. Экипажи московскіе на 15% дешевле петербургскихъ, а варшавскіе на 20%.

Съ развитіемъ нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ, у насъ начала развиваться и новая отрасль экипажнаго производства, именно выдѣлка вагоновъ. Въ 1865 г. выписано было изъ заграницы вагоновъ на 453,140 р., а въ 1866 г. только на 36,000 р. Поставкою ихъ занимались преимущественно Пфлугъ и Лауен-

штейнъ, Поуэльсъ и Австрійское общество. По свѣдѣніямъ департамента желѣзныхъ дорогъ, въ 1868 году требовалось для нашихъ дорогъ 1,594 почтовыхъ и пассажирскихъ вагоновъ и 14,721 товарныхъ. Въ настоящее время уже многіе механическіе заводы и мастерскія изготовляютъ у насъ вагоны: заводъ братьевъ Струве въ Коломнѣ до 1,200 товарныхъ вагоновъ въ годъ, Коммисаровская техническая школа въ Москвѣ до 600 вагоновъ, Бремме и Левестаммъ въ Москвѣ 473 крытыхъ вагоновъ и 195 платформъ, Корчагинъ въ Москвѣ до 1,000 вагоновъ. Вагоны этихъ заведеній, а также ковровскихъ мастерскихъ, завода Лильпопе и Рау, мастерскихъ варшавско-тереспольской желѣзной дороги, обращали на себя особенное вниманіе посѣтителей послѣдней выставки.

Рѣчныя суда, извѣстныя подъ названіями барокъ, струговъ, бѣлянокъ, полубарокъ, шкутъ, берлинъ, шуяковъ, наузковъ, дощаниковъ, коломенокъ, соймоновъ, карбасовъ, и т. п. строятся у насъ ежегодно въ огромномъ количествѣ, потому что, по всѣмъ водянымъ путямъ, около 10 лѣтъ тому назадъ, было въ движеніи 75,000 разнаго рода рѣчныхъ судовъ, изъ которыхъ около половины совершаютъ только одинъ рейсъ, и затѣмъ идутъ въ ломъ, такъ, что цѣнность только этого рода судовъ, полагая по 300 р. на каждое, простирается теперь вѣроятно до 15 мил. р. сер. О размѣрахъ нашего морского судостроенія, мы къ сожалѣнію, не имѣемъ свѣдѣній; оно ограничивается впрочемъ исключительно потребностями военнаго флота, потому что нашъ торговый флотъ имѣетъ пока самые ничтожные размѣры; притомъ и казенное морское судостроеніе значительно уменьшилось въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, вслѣдствіе распространяющагося употребленія желѣзныхъ судовъ и замѣны паруснаго судоходства паровымъ. Лѣсопильныхъ заводовъ въ 1866 году считалось 179 съ $3^1/_2$ тыс. рабочихъ и цифрой производства около 4 мил. р., между тѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ цѣнность производства лѣсопильныхъ заводовъ съ 1850 г. до 1860 г. возрасла на 63%, и достигла въ послѣднемъ году 124 мил. р. сер.

Число паровыхъ заводовъ въ 1860 году не превышало 24, изъ коихъ 10 было въ С. Петербургской, 5 въ Новгородской, 4 въ Архангельской, 2 въ Ригѣ и по одному въ Курляндіи, Могилевской и Кіевской губерніяхъ. Остальные заводы дѣйствуютъ водою, а въ Ярославской губерніи даже и вѣтромъ. Изъ числа всѣхъ этихъ заводовъ, на 70-ти распиливалось ежегодно около 2 мил. деревъ. Самые значительные паровые заводы принадлежатъ наслѣдникамъ Бенардаки и Громову въ Олонецкой губерніи.

Сидка дегтя и смолокуреніе весьма рано являются уже предметомъ обширной народной промышленности на сѣверѣ Россіи, для удовлетворенія какъ внутреннимъ потребностямъ на смолу, варъ и деготь, простирающимся до 10 милл. пудовъ въ годъ, такъ и заграничному спросу на эти продукты [1]). Уже въ XIII и XIV столѣтіяхъ смола была предметомъ значительной торговли между Новгородомъ и Ганзою, съ открытіемъ же архангельскаго порта получила еще большее значеніе въ нашемъ заграничномъ отпускѣ; въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія отпускалось не менѣе 52,000 бочекъ смолы и пека, но въ нѣкоторые годы, какъ напр. 1798 и 1799, отпускъ достигалъ до 123.000, въ 1811 г. — 181,000 бочекъ, и въ 1815—238,000 бочекъ, что составляетъ наибольшее количество, когда-либо отпущенное за-границу. Въ послѣднія тридцать лѣтъ отпускъ нашъ стоялъ довольно постоянно на цифрѣ отъ 90 до 100 т. бочекъ въ годъ, несмотря на значительное увеличеніе спроса на заграничныхъ рынкахъ смолы и вара, какъ для постройки судовъ, такъ и для осмолки канатовъ, снастей и подводныхъ телеграфовъ. Причина этого заключается въ недоброкачественности какъ нашего пека, часто содержащаго слишкомъ значительное количество извести и даже песку, такъ и смолы, не отличающейся совершеннымъ отсутствіемъ суровицы или подсмольной воды и въ опасномъ соперничествѣ, которое мы встрѣтили въ развитіи смоляного промысла со стороны Норвегіи, Сѣверной Америки и Канады, доставляющихъ болѣе добротные продукты. Лишь временное уменьшеніе отпуска Соединенныхъ Штатовъ, вслѣдствіе междоусобной войны, заставило Европу обратиться за смолой почти исключительно къ намъ и позволило намъ снова поднять нѣсколько нашъ отпускъ смолы и довести его до 140 т. и даже до 151 т. (1863) бочекъ, какъ было въ лучшія времена начала нынѣшняго столѣтія. Недоброкачественность продуктовъ нашего смоляного промысла есть прямой результатъ сосредоточенія его до сихъ поръ въ рукахъ бѣдныхъ крестьянъ-промышленниковъ, а не заводчиковъ-капиталистовъ, и патріархальности способовъ добыванія смолы, преимущественно въ простыхъ ямахъ или майданахъ. Притомъ не малое вліяніе оказывало на развитіе у насъ смолокуренія и частое

[1]) Весьма интересный очеркъ смоляной промышленности помѣщенъ г. Рейхелемъ во II томѣ Обзора различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи 1863 г., стр. 375—444. Сверхъ того, о настоящемъ положеніи нашего сѣвернаго смолокуренія и причинахъ его упадка весьма подробно и обстоятельно изложено въ извлеченіи изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства, Н. Я. Данилевскаго: О мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія на крайнемъ сѣверѣ Россіи. 1869. Отдѣльный оттискъ изъ «Правительственнаго Вѣстника».

измѣненіе правительственной системы въ отношеніи этого промысла. Такъ, въ до-петровской Россіи смолокуреніе было вольнымъ промысломъ и при дешевизнѣ и обиліи лѣса производилось на сѣверѣ Россіи повсемѣстно, часто безъ вниманія къ тому, кому принадлежитъ лѣсъ, изъ котораго гонится смола. Мѣры огражденія частной собственности являлись въ видѣ рѣдкихъ и притомъ болѣе частныхъ исключеній, а не общихъ мѣръ. Напротивъ внѣшняя торговля смолою была то монополіею самой казны, то статьею, отдаваемою на откупъ иностранцамъ. Упадокъ смолокуреннаго промысла, вслѣдствіе ограничительныхъ мѣръ Петра Великаго, изъ видовъ сохраненія лѣсовъ, вызвалъ въ 1726 г. установленія болѣе свободной рубки лѣса для смолокуренія и вольной торговли смолою, съ обложеніемъ ея лишь небольшою отпускною пошлиною. Эта мѣра вызвала усиленіе смолокуренія и нѣкоторыя улучшенія, напр. введеніе печной топки смолы, и даже возникновеніе скипидарнаго производства. Но съ 1741 года правительство возстановило казенную монополію заграничнаго отпуска для возстановленія доходовъ казны отъ этой торговли, простиравшихся прежде до 40 т. руб. въ годъ и упавшихъ съ 1726 до 8 т. р. Однако цѣль не была достигнута, и злоупотребленія, какъ той, такъ и другой системы, убѣдили Екатерину II сдѣлать торговлю смолою свободною, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней торговлѣ, и съ тѣхъ поръ промышленность эта дѣлается предметомъ вольнаго промысла, исключая лишь обложенія при вывозѣ за-границу отпускною пошлиною, которая также, наконецъ, была снята въ 1863 году. Затѣмъ, всѣ послѣдующія постановленія касательно смолокуренія имѣли предметомъ болѣе правильное опредѣленіе отношеній казны къ частнымъ промышленникамъ, производящимъ заготовку смолы въ государственныхъ и удѣльныхъ лѣсахъ, такъ какъ болѣе трети всего получаемаго у насъ количества смолы и вара и почти все количество, идущее за-границу, добывается въ лѣсахъ государственныхъ имуществъ и удѣльнаго вѣдомства, причемъ для каждой губерніи устанавливается такса пошлинъ или съ количества вырубленнаго и вывезеннаго лѣса, или съ количества полученныхъ продуктовъ. Однако изслѣдованіе экономическаго состоянія Архангельской губерніи, совершенное въ концѣ 1868 и началѣ 1869 года, по порученію правительства, г. Данилевскимъ, по поводу вопроса о мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія жителей сѣвера, доказало, что смолокуреніе и пековареніе Архангельской губерніи въ послѣднія 60 лѣтъ не сдѣлало рѣшительно никакихъ успѣховъ, а задерживалось въ своемъ развитіи мѣрами, внушенными правительству опасеніемъ истощенія лѣсовъ. Вслѣдствіе этого

въ настоящее время предполагается значительно облегчить для крестьянъ сѣвернаго края свободную подсочку лѣса для смолокуренія, съ огражденіемъ лишь цѣнныхъ лѣсовъ, и осуществленіе предполагаемыхъ мѣръ, безъ сомнѣнія, отзовется благопріятно на нашемъ сѣверномъ смолокуренномъ производствѣ.

Вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи и размѣрахъ нашей смолокуренной промышленности не имѣется, и по мнѣнію г. Рейхеля, оффиціальныя по этому предмету данныя [1]) едвали представляютъ одну десятую общей производительности всѣхъ нашихъ заводовъ. Изъ сообщаемыхъ г. Рейхелемъ указаній видно, что смолокуреніе производится у насъ, главнымъ образомъ, въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Костромской, Новгородской, Олонецкой и Вятской, и въ весьма ограниченномъ размѣрѣ въ губерніяхъ С.-Петербургской, Псковской, Тверской, Владимирской, Минской, Кіевской и Волынской. Соображая размѣры потребленія у насъ продуктовъ смолокуренія съ свѣдѣніями о ходѣ внутренней и внѣшней торговли смолою и дегтемъ, г. Рейхель полагаетъ, что Россія производитъ ежегодно 150,000 пуд. пеку, 60,000 пуд. скипидару, свыше 4 милл. пудовъ дегтя березоваго и перегона, и около 2 милл. пудовъ смолы, и что для полученія этого количества заводчики потребляютъ ежегодно до 320,000 куб. саженъ осмола, около 100,000 куб. саж. дровъ (какъ топлива), и обдираютъ не менѣе 200,000 куб. саж. березовыхъ дровъ для полученія скалы или бересты, изъ которой добывается деготь.

VIII.

Къ шестой и послѣдней группѣ мы отнесли производства, занимающіяся приготовленіемъ предметовъ, служащихъ преимущественно для питанія или непосредственнаго потребленія человѣка, каковы мука, вино, сахаръ, табакъ. Всѣ эти отрасли промышленности, весьма значительныя по обширности своего сбыта, находятся большею частію въ столь тѣсной связи съ сельскимъ хозяйствомъ, будучи ближайшими потребителями его продуктовъ, что нерѣдко бываетъ трудно даже уловить моментъ, когда они теряютъ сельско-хозяйственный характеръ, и переходятъ въ фабричное производство.

Мукомольная промышленность существуетъ въ видѣ много-

[1]) Въ 1816 году считалось заводовъ дегтярныхъ, смоляныхъ и скипидарныхъ 869, на нихъ рабочихъ 1,388, ихъ сумма производства 428,000 р.

численныхъ вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, работающихъ для ограниченныхъ потребностей небольшихъ хлѣбныхъ районовъ, но въ послѣднее время начали возникать и большія паровыя мукомольни, обращающія огромныя количества зернового хлѣба въ муку, для потребностей большихъ внутреннихъ центровъ населенія, или для торговли, особенно заграничной, хотя, впрочемъ, нельзя не замѣтить, что заграничный отпускъ хлѣба въ мукѣ у насъ до сихъ поръ весьма не великъ, отъ 300 до 500 т. четвертей, т.-е. около $2^1/_2$ или $3^0/_0$ всего заграничнаго отпуска хлѣба.

Въ Одессѣ и ея окрестностяхъ работаетъ 16 паровыхъ мельницъ о 125 поставахъ; ежегодно перемалывается до 630 тыс. четвертей пшеницы и получается до 3,780 т. пудовъ лучшаго сорта муки; въ Екатеринославлѣ работаетъ 5 мельницъ въ 95 паровыхъ силъ и 13 поставовъ [1]); на 12 крупчатныхъ заводахъ Новгородской губерніи перемалывается до 180 т. четвертей [2]). Паровыя мукомольни существуютъ также около Петербурга и въ Царствѣ Польскомъ. Въ торговлѣ особенно славится елецкая мука, которая приготовляется на 30-ти крупчатныхъ мельницахъ, существующихъ въ Ельцѣ, куда ссыпается до 300 т. четвертей, какъ мѣстнаго, такъ и привознаго хлѣба [3]).

Всѣхъ промышленныхъ заведеній, занимающихся приготовленіемъ муки, крупы, солода, крахмала, патоки, считается въ Россіи около $2^1/_2$ тыс., съ 9 тыс. рабочихъ и производствомъ около 36 милл. рублей. Въ Соединенныхъ же Штатахъ цѣнность одного мукомольнаго производства, десять лѣтъ тому назадъ, достигала 288 милл. руб. сер.

Винокуренные заводы, подобно мукомольнымъ, являются весьма важными потребителями продуктовъ земледѣлія, обращая ихъ въ спиртъ, который идетъ не только на приготовленіе водки, но и на разныя потребности медицины и другихъ наукъ, на многія техническія производства и на разныя мелкія хозяйственныя нужды. Употребленіе хлѣбнаго вина было извѣстно въ Россіи уже въ XVI-мъ столѣтіи. Оно служило и до сихъ поръ служитъ не только у насъ, но и во многихъ другихъ странахъ однимъ изъ источниковъ взиманія весьма значительнаго налога, а потому судьба винокуренія находится всегда въ самой тѣсной

---

[1]) Сельское хозяйство и лѣсоводство, 1870, № 8.—Изъ отчета объ изслѣдованіи мукомольнаго дѣла въ южныхъ и среднихъ губерніяхъ Россіи, лѣтомъ 1869 г., г. Е. Котельникова.

[2]) О заводахъ и фабрикахъ Новгородской губерніи. Составилъ членъ стат. комитета Богословскій, 1868 г.

[3]) Экономическое состояніе городскихъ поселеній европейской Россіи въ 1861—62 гг. Ч. 2. 1863, стр. 19—20.

зависимости отъ существующей финансовой системы обложенія какъ этой промышленности, такъ и торговли спиртными напитками [1]).

Было бы слишкомъ утомительно и неумѣстно здѣсь повторять длинный и хорошо извѣстный разсказъ о всѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергалась наша финансовая система въ отношеніи къ винокуренію и питейной торговлѣ, въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, когда казенная выкурка и продажа вина, кабачными головами и цѣловальниками со всѣми своими злоупотребленіями, то уступала мѣсто откупной системѣ въ разныхъ видахъ и формахъ, то замѣняла ее; когда правительство то заботилось объ уменьшеніи распространенія пьянства, то предписывало, говоря словами двинской грамоты 1659 г., «чтобы питуховъ съ кружечныхъ дворовъ не отгоняли». Ограничимся одними общими указаніями, что откупная система окончательно утвердилась въ 1795 году и съ тѣхъ поръ дѣйствовала, до 1863 годъ, за исключеніемъ короткаго перерыва въ 1819 — 1827 годахъ, вліяя не только разрушительно на народную нравственность, но и стѣснительно на самую винокуренную промышленность и другія производства, имѣющія какое-либо отношеніе къ спирту, не исключая лака, политуры, уксуса, пива, меда, вятской кумышки, башкирскаго кумыса, и даже вовсе не имѣющихъ этого отношенія кваса и кислыхъ щей. Положеніемъ о питейномъ сборѣ 4-го іюля 1861 года уничтожена откупная система въ разныхъ видахъ, и открыта новая эпоха для развитія винокуренія, какъ промышленности въ истинномъ значеніи этого слова. Доходъ казны установленъ въ видѣ акциза, взимаемаго по разсчету градусовъ содержащагося въ спиртѣ или напиткахъ безводнаго спирта (алкоголя) и по ихъ выходамъ нормальнымъ и дѣйствительнымъ, а также въ видѣ патентнаго сбора съ заводовъ и съ заведеній для ихъ продажи.

Посмотримъ теперь на результаты вліянія финансовыхъ мѣръ правительства на винокуреніе въ разныя эпохи. Въ 1775 году выкурено было около 3 мил. ведеръ вина. Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ на 21,556 заводахъ выкуривалось около 16 мил. ведеръ вина, и употреблялось для этого около 29 мил. пудовъ хлѣба. Заводы дѣйствовали голымъ огнемъ, и только съ двадцатыхъ годовъ начали строиться паровые заводы. Въ началѣ столѣтія, особенно въ великороссійскихъ губерніяхъ,

---

[1]) Обстоятельный обзоръ судьбы нашего винокуренія, пивоваренія и медоваренія можно найти въ двухъ интересныхъ статьяхъ посвященныхъ этимъ предметамъ г. Корсакомъ въ Обзорѣ раз. отр. мануф. пром. Россіи т. III, стр. 1—97 и 215—515.

заводы значительно увеличивали свою силу, т.-е. то количество ведеръ, которое они по размѣрамъ своимъ могли выкуривать. Такъ, въ 1860 году, въ великороссійскихъ губерніяхъ числилось 723 завода, силою въ 112 мил. ведеръ; между тѣмъ количество заподряженнаго казною вина достигало 19 мил. вед. Такимъ образомъ, около $^4/_5$ основнаго капитала, затраченнаго на заводы, оставалось въ бездѣйствіи. Такая непроизводительная затрата капиталовъ вызывалась необходимостью имѣть заводъ большихъ размѣровъ, чтобы получить большій заподрядъ вина отъ казны для продажи его чрезъ откупщиковъ-монополистовъ. Всѣхъ заводовъ во всей имперіи къ 1860 году было 5,107 съ силою въ 150 мил. ведеръ и дѣйствительнымъ производствомъ 48 мил. При этомъ замѣчательно, что изъ общаго числа заводовъ, въ великороссійскихъ губерніяхъ преобладали заводы большіе, силою болѣе 20,000 ведеръ: такихъ было около $83^1/_2$ проц., напротивъ мелкихъ было около $16^1/_2$. Наоборотъ въ губерніяхъ западныхъ, новороссійскихъ и малороссійскихъ, которыя пользовались относительно большей свободой винокуренія, хотя оно и подчинялось отчасти вліянію откупной системы, но отношеніе было обратное: заводовъ силою менѣе 20,000 ведеръ было 79%, а большихъ силою выше 20,000 вед. 21%. Причина этого явленія заключается въ томъ, что въ губерніяхъ великороссійскихъ винокуреніе не имѣло вполнѣ сельско-хозяйственнаго характера; заводы устроивались преимущественно въ видахъ коммерческихъ, а не для усиленія и развитія сельскаго хозяйства. Напротивъ, въ привилегированныхъ и особенно въ западныхъ малоплодородныхъ губерніяхъ, винокуреніе было тѣсно связано съ хозяйствомъ, доставляя ему возможность содержать значительное количество скота. Тѣмъ же сельско-хозяйственнымъ характеромъ отличалось винокуреніе и въ остзейскомъ краѣ.

Общее количество вина, производившагося во всей имперіи съ Финляндіею и царствомъ Польскимъ, простиралось передъ введеніемъ новаго акцизнаго положенія до 63 мил. ведеръ полугара, что составляетъ около 24 мил. ведеръ безводнаго спирта.

Новое акцизное положеніе поставило его на степень, во всей Россіи, промышленности свободной, которая регулируется не казенными заказами, а спросомъ потребителей и потребностями рынка, и сбываетъ свой товаръ куда выгоднѣе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, строгое подчиненіе процесса винокуренія правительственному контролю, стремленіе правительства къ постоянному возвышенію акциза на вино, въ видахъ полученія высшаго дохода, сдѣлали невозможнымъ винокуреніе для мелкихъ и дурно-устроенныхъ заводовъ, существовавшихъ, большею частью, въ видѣ побочной

отрасли хозяйства, и вслѣдствіе того вызвали не перестающія и до нынѣ жалобы со стороны сельскихъ хозяевъ, особенно при переходномъ ихъ состояніи отъ обязательнаго къ вольнонаемному труду.

Число заводовъ, простиравшееся собственно въ Россіи, безъ Финляндіи и Ц. Польскаго, при откупной системѣ въ 1859 году до 4,624, уменьшилось въ 1862—63 до 4,029, въ 1864—65 до 3,568, и въ 1867—68 до 2,840. Но за то количество выкуреннаго спирта возрасло: съ 23.864,000 ведеръ въ 1860 году оно увеличилось въ 1863 г. до 25 мил. ведеръ, въ 1864 г. до 27½ мил.; затѣмъ упало въ 1865 г. до 22½ мил., въ 1866 г. до 20½ мил. и въ 1867 г. возвысилось опять до 27 мил. ведеръ.

Что касается пивоваренія и медоваренія, то и на нихъ отразилось вліяніе откупной системы; въ теченіе существованія откуповъ, пивовареніе и медовареніе находились въ значительномъ упадкѣ, и только въ послѣднее время начинаютъ поправляться и развиваться. Въ 1859 году считалось пивоваренныхъ заводовъ 1,119, въ 1867 г. 1,699. Производство пивоваренныхъ заводовъ простирается до 9 мил. ведеръ; и сверхъ того приготовляется въ крестьянскихъ хозяйствахъ домашняго пива, браги и сусла около 20 мил. ведеръ. Развитію пивоваренной промышленности много содѣйствовало привлеченіе къ ней, со времени введенія акцизной системы, акціонерныхъ капиталовъ. Въ 1868 г. было 7 акціонерныхъ пивоваренныхъ компаній, съ капиталомъ въ 7 мил. р.

Медовареніе, почти совершенно прекратившееся при откупной системѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ губерній, занимало въ 1867 г. 169 заводовъ, исключительно медоваренныхъ, и 224 пивоваренныхъ. Въ 1863 г. разсчитывали, что заводское медовареніе доставляло 350,000 ведеръ, въ 1867 же году, при утроившемся числѣ заводовъ, можно полагать, что медовареніе усилилось до 1 мил., даже 1½ мил., ведеръ въ годъ. Домашнее медовареніе гораздо менѣе развито, чѣмъ домашнее пивовареніе, хотя въ старыя времена меды играли у насъ большую роль.

О производствѣ разныхъ заводовъ, употребляющихъ спиртъ, къ сожалѣнію, нѣтъ болѣе точныхъ данныхъ, кромѣ свѣдѣній о числѣ заводовъ, которыхъ считалось въ 1867 г. для выдѣлки фруктовыхъ и виноградныхъ водокъ 363, водокъ изъ хлѣбнаго вина—1,221, заводовъ, выдѣлывающихъ освѣтительную жидкость 24,—лакъ и политуру 52,—духи и пр. 68.

Южная часть Россіи, особенно же губерніи Таврическая и Херсонская, Бессарабская область, земля Войска Донского и

Кавказскій край соединяютъ въ себѣ всѣ условія, благопріятныя для разведенія винограда и развитія винодѣлія, и производятъ около 17 мил. ведеръ, винограднаго вина, въ томъ числѣ Европейская Россія 8 мил. ведеръ [1]). Но несмотря на благопріятныя почвенныя и климатическія условія для разведенія хорошаго винограда, и для выдѣлки изъ него лучшихъ сортовъ вина, винодѣліе наше находится еще въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, вслѣдствіе неправильнаго ухода за плантаціями и дурного приготовленія самого вина, которое притомъ рѣдко подвергается надлежащей выдержкѣ. Лучшее вино, выдерживающее отдаленную перевозку даже въ Петербургъ или внутреннія губерніи Россіи, производится на южномъ берегу Крыма, въ особенности въ казенномъ магарачскомъ заведеніи, въ Ливадіи, и у помѣщиковъ: кн. Воронцова, Княжевича, Раевскаго, Мальцева, Фундуклея, Сомова и др. Значительная часть крымскихъ винъ идетъ въ южной и средней Россіи, вслѣдствіе разныхъ ухищреній со стороны торговцевъ, подъ именемъ иностранныхъ. На нижегородской ярмаркѣ торговля русскими винами простирается до 1 мил. руб. серебромъ.

Производство искусственныхъ минеральныхъ водъ, сельтерской, содовой, а также лимонада и шипучихъ фруктовыхъ водъ значительно увеличивается въ Россіи, вслѣдствіе распространяющагося въ народѣ потребленія этихъ прохладительныхъ напитковъ, и входящей въ употребленіе уличной ихъ продажи, особенно на гуляньяхъ. Въ 1866 году считалось 17 заводовъ, занимавшихся этой фабрикаціей, преимущественно въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ, и производившихъ на сумму 348 т. руб. Нынѣ цифра эта должна значительно возрасти, потому что одно только с.-петербургское Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, принадлежащее акціонерному обществу, выдѣлываетъ до 3 мил. бутылокъ на 265 т. р., Петровское заведеніе на Петровскомъ островѣ до 500 т. бут. на 40 т. р. и Верманское заведеніе минеральныхъ водъ въ Ригѣ отправляетъ на 50 т. р. Заводъ Германа въ Москвѣ еще въ 1866 г. производилъ до 42 т. бут. медицинскихъ водъ и до 530 т. бут. сельтерской и другихъ, всего на 63 т. р.

Свеклосахарная промышленность водворилась въ началѣ нынѣшняго столѣтія, благодаря трудамъ и усиліямъ Бланкенна-

---

[1]) Современное положеніе винодѣлія, свеклосахарной промышленности и табаководства весьма обстоятельно изложено въ объясненіи къ хоз. статист. атласу Европ. Россіи г. Вильсона, стр. 293—344. См. также: «Табачная промышленность въ Россіи», С. П. Щепкина. Спб. 1870.

геля, А. И. Герарда и И. А. Мальцова. Сильное покровительство посредствомъ таможенныхъ пошлинъ и дѣятельная разработка технической стороны этого производства комитетомъ сахароваровъ, учредившимся въ 1834 г. при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, а также трудами нѣкоторыхъ сахароваровъ, особенно гр. Бобринскаго и Шишкова, содѣйствовали упроченію свеклосахарнаго производства въ Россіи, но въ тоже время дали ему и нѣсколько ложное направленіе привлеченіемъ къ нему капиталовъ въ такихъ мѣстностяхъ, какъ сѣверозападная и сѣверовосточная Россія, гдѣ ни климатъ, ни почва не благопріятствовали разведенію доброкачественной свекловицы. Результатомъ этого было то, что когда правительство увидѣло уменьшеніе своихъ таможенныхъ доходовъ вслѣдствіе уменьшившагося ввоза колоніальнаго сахару-песку, и постепенное закрытіе рафинадныхъ заводовъ въ сѣверной Россіи, и стѣсненіе потребителей сахара, и вслѣдствіе того стало уменьшать таможенныя пошлины и облагать акцизомъ свеклосахарные заводы, тогда большая часть мелкихъ, основанныхъ не на паровомъ, а на огневомъ производствѣ заводовъ стала закрываться.

Крестьянская реформа также отозвалась неблагопріятно на тѣхъ мелкихъ свеклосахарныхъ заводахъ, которые имѣли характеръ болѣе сельско-хозяйственный, чѣмъ фабричный. Въ губерніяхъ съ паровыми преимущественно заводами, вліяніе отмѣны барщиннаго труда отразилось болѣе косвеннымъ образомъ, отъ недостатка у заводчиковъ оборотнаго капитала и по отсутствію кредита; въ югозападныхъ губерніяхъ къ тому присоединились и неблагопріятныя политическія обстоятельства.

Главный центръ свеклосахарной промышленности находится въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской, Харьковской, Черниговской, и отчасти Курской, Воронежской, Тамбовской. Самый крупный сахарный заводчикъ у насъ гр. Бобринскій. До 18-ти обширныхъ акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 6 мил. рублей работаютъ на поприщѣ свеклосахарной промышленности.

Вотъ сравнительныя данныя о нашихъ свеклосахарныхъ заводахъ въ разные періоды.

	Число завод.	Количество переработанной свекловицы.	Количество добытаго песку.
Въ 1848—49	269	897,500 берк.	269.234 пуд.
— 1860—61	427	4,406 791 »	1,322,000 пуд.
— 1866—67	262	8,688,866 »	4,248,280 пуд.

Количество земли, засѣваемой свекловицею какъ при заво-

дахъ, такъ и въ окрестности ихъ, увеличилось въ короткій періодъ съ 1860 по 1867 г. на 20% и нынѣ достигаетъ 100 т. десятинъ. Число рабочихъ на заводахъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе развитія примѣненія паровыхъ машинъ, уменьшилось съ 79,676 въ 1860—61 г. до 75,096 человѣкъ въ 1866—67.

Развитіе свеклосахарной промышленности имѣло, безъ сомнѣнія, огромное вліяніе на улучшеніе сельскаго хозяйства тѣхъ мѣстностей, гдѣ она развилась, представляя выгодный сбытъ для продуктовъ хозяйства, улучшая полеводство введеніемъ свекловицы, требующей болѣе глубокаго паханія и тщательной обработки посредствомъ усовершенствованныхъ орудій, оставляя хозяйству удобреніе, въ видѣ остатковъ отъ производства, и доставляя сельскому населенію выгодное занятіе въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

Въ настоящее время свеклосахарная промышленность можетъ довольно смѣло выдерживать конкурренцію и съ колоніальнымъ сахаромъ, привозъ котораго почти совершенно ничтоженъ. Почти всѣ наши рафинадные заводы, число коихъ простиралось въ 1866 до 48, при $10^1/_2$ т. рабочихъ, а производство до 27 мил. рублей, переработываютъ преимущественно туземный сахарный песокъ.

Табакъ, хотя и не можетъ считаться предметомъ питанія человѣка, но можетъ считаться какъ бы приправой или дополненіемъ его пищи, потому что онъ дѣлается для человѣка, привыкшаго къ нему, предметомъ первой необходимости. Поэтому отнесеніе табаку къ разряду жизненныхъ или питательныхъ припасовъ не совсѣмъ неправильно.

Табакъ завезенъ въ Россію, какъ полагаютъ, англичанами, при Іоаннѣ Грозномъ, и потребленіе его долгое время строго преслѣдовалось не только духовенствомъ, но даже правительствомъ. Петръ Великій обратилъ вниманіе на эту отрасль хозяйства и учредилъ первую казенную фабрику табачныхъ издѣлій въ Ахтыркѣ, которая однако не принесла казнѣ ничего, кромѣ убытка; примѣненіе откупной системы къ продажѣ табаку окончательно разстроило нашу табачную промышленность. Императрица Екатерина II, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, освободила торговлю табакомъ отъ монополіи и всякаго налога и, наложивъ только пошлину на иноземный табакъ, приняла мѣры для поощренія табаководства. Вслѣдствіе того эта отрасль хозяйства съ того времени у насъ такъ развилась, что въ 1867 году считалось уже въ Россіи 75 т. плантацій, пространствомъ въ 35 т. десятинъ, дававшихъ 2,885,000 пудовъ табаку. Все это количество частію потребляется на мѣстѣ про-

изводства, частію вмѣстѣ съ 150 т. пудовъ привознаго табаку перерабатывается нынѣ на 363 фабрикахъ, приносящихъ казнѣ болѣе 5 мил. дохода, въ видѣ бандерольнаго сбора, установленнаго лишь въ 1838 году.

Хотя вообще вслѣдствіе климатическихъ причинъ, табакъ, производимый въ Россіи, принадлежитъ, къ низшимъ сортамъ, однако Крымъ и Бессарабія производятъ нынѣ и высшіе сорты табаку, немного уступающіе турецкому, а потому табачные фабриканты обыкновенно смѣшиваютъ русскій и иностранный табакъ въ различныхъ пропорціяхъ, смотря по сортамъ табачныхъ издѣлій. Такъ, на рижскихъ фабрикахъ переработывалось въ 1866 г. 319 т. пуд. русскаго и 15 т. американскаго табаку, а на петербургскихъ весь табакъ ниже 1 р. 20 к. и сигары ниже 3 р. за сотню или состоятъ исключительно изъ русскаго табака, или имѣютъ примѣсь иностраннаго.

Наибольшее число табачныхъ фабрикъ находится въ Одессѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ. Общее количество производства табачныхъ издѣлій простирается до 600 т. пудовъ курительнаго, до 70 т. пуд. нюхательнаго, и до 700 мил. сигаръ и папиросъ, всего по приблизительной оцѣнкѣ на сумму около 16 мил. руб. серебромъ.

Такимъ образомъ, оцѣнивая мукомольную промышленность въ 37 мил. руб., винокуренную, пивоваренную, медоваренную и винодѣльную въ 120 мил., свеклосахарную и сахарно-рафинадную въ 27 мил., табачную въ 16 мил., мы получимъ для шестой группы — питательныхъ производствъ, довольно крупную цифру въ 200 мил. р.

IX.

Заканчивая теперь нашъ бѣглый и далеко конечно неполный обзоръ различныхъ отраслей промышленности и подводя итоги цѣнности, по всѣмъ шести разсмотрѣннымъ нами группамъ производства, съ поправками по возможности оффиціальныхъ исчисленій, на основаніи указанныхъ нами соображеній, мы увидимъ, что нашу прядильно-ткацкую промышленность можно оцѣнивать приблизительно въ 265 милліоновъ р.; металлическую въ 35 мил.; химическую въ 143 мил.; гончарную, въ широкомъ значеніи этого слова, включая сюда производство ископаемыхъ строительныхъ матеріаловъ, а также хрустальную, стеклянную и зеркальную — въ 12 мил.; производство издѣлій изъ дерева въ 50 милліоновъ; фабричное по преимуществу производство нѣкоторыхъ питатель-

ныхъ продуктовъ въ 200 мил. руб. Слѣдовательно, сумма нашего фабричнаго и, насколько подлежитъ исчисленію, нашего ремесленнаго и кустарнаго или домашняго производства, простирается до семисотъ слишкомъ мил. руб. Почти вся эта масса издѣлій потребляется у насъ дома, потому что годовой отпускъ нашихъ мануфактурныхъ издѣлій за-границу не превышалъ въ послѣдніе годы (1866—1868) 16 мил. руб., въ томъ числѣ около 5 мил. руб. въ Европу, и около 11 мил. руб. въ Азію. Большая часть мануфактурныхъ товаровъ, являющихся для продажи на шести тысячахъ нашихъ внутреннихъ ярмарокъ съ ихъ четырехъ-сотъ-милліоннымъ оборотомъ, имѣютъ туземное происхожденіе.

Какъ ни значительно, повидимому, наше мануфактурное производство, имъ далеко не исчерпывается вся сумма потребностей почти восьмидесяти-милліоннаго населенія Россіи, и вслѣдствіе того ежегодно къ намъ привозится еще на сумму до 100 мил. руб. разныхъ иностранныхъ издѣлій. Причина столь значительнаго привоза къ намъ иностранныхъ фабричныхъ произведеній заключается частію въ огромномъ спросѣ нашихъ фабрикъ на необходимые имъ полусырые матеріалы, какъ краски, пряжа и т. п., и на орудія производства, какъ машины и разные металлическіе инструменты; частію же въ удаленіи нашихъ западныхъ и южныхъ окраинъ отъ главнаго средоточія нашей мануфактурной промышленности, и наконецъ въ несовершенствѣ и недостаточной развитости еще многихъ отраслей этой производительности.

Привозъ къ намъ красокъ и химическихъ продуктовъ, достигая нынѣ 15 мил. р. сер., превышаетъ наше собственное производство этихъ предметовъ, потому что фабрикація эта, по многимъ уже указаннымъ нами въ своемъ мѣстѣ причинамъ, развивается медленнѣе, нежели тѣ отрасли промышленности, которыя нуждаются въ продуктахъ химической фабрикаціи. Привозъ машинъ и металлическихъ издѣлій, достигнувшій въ минувшемъ году 50 мил. рублей, въ полтора раза по крайней мѣрѣ превосходитъ нашу туземную металлическую и механическую промышленность, потому что при быстромъ развитіи у насъ въ послѣднее время всѣхъ отраслей промышленности, и при широкомъ распространеніи, какое приняло сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, удовлетвореніе возникающимъ и постоянно возрастающимъ вслѣдствіе того потребностямъ промышленности и желѣзнодорожнаго дѣла оказывалось бы невозможнымъ исключительно, при пособіи одного только туземнаго производства, во многихъ отрасляхъ еще недавно несуществовавшаго и едва лишь возникающаго нынѣ, какъ напр. по части постройки локомотивовъ, приготовленія рель-

совъ и другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, отливки стальныхъ артиллерійскихъ орудій и т. п. Высокая степень совершенства, до которой дошли уже всѣ эти производства заграницею, и неотложная потребность въ изготовляемыхъ ими издѣліяхъ, побуждали и правительство наше, и строителей желѣзныхъ дорогъ, и разныхъ фабрикантовъ, пользоваться плодами этой высоко развитой иностранной промышленности предпочтительно предъ издѣліями лишь возникающей однородной туземной производительности, которая притомъ или не дошла еще совсѣмъ до производства нѣкоторыхъ высоко-добротныхъ и цѣнныхъ издѣлій, или не въ состояніи еще производить ихъ, по разнымъ неблагопріятнымъ техническимъ и экономическимъ условіямъ, столь же выгодно и совершенно, какъ они производятся за-границей.

Привозъ къ намъ пряжи разныхъ сортовъ, а также издѣлій льняныхъ, бумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ, хотя и составляетъ не болѣе 10°/₀ всего нашего туземнаго производства этихъ продуктовъ, но состоитъ преимущественно изъ издѣлій высшаго качества, до производства которыхъ наша промышленность не могла еще возвыситься. Дѣйствительно мы ограничиваемся, даже въ этихъ отрасляхъ, привлекающихъ наибольшіе капиталы и вызывающихъ усиленную конкурренцію, преимущественно выработкою товаровъ средняго и низшаго разбора; такъ, наши прядильни выпрядаютъ, какъ мы уже видѣли, преимущественно пряжу низшихъ и среднихъ нумеровъ; наши ситценабивныя фабрики съ успѣхомъ конкуррируютъ съ иностранными только въ ситцахъ средняго разбора отъ 15 до 28 к. за аршинъ; въ ситцахъ же высшаго достоинства, а также въ кисейныхъ и модныхъ многоколерныхъ издѣліяхъ уступаютъ иностраннымъ въ цѣнѣ отъ 15 до 25°/₀; наши полотняныя фабрики, за немногими только исключеніями, ограничиваются выдѣлкою полотенъ отъ 30 до 60 к. за аршинъ, а привозимыя къ намъ иностранныя полотна доходятъ до 1 р. 40 к. за аршинъ; наши шелковыя фабрики удачно конкуррируютъ съ иностранными только въ среднихъ сортахъ легкодобротныхъ тканей, привозятся же къ намъ главнымъ образомъ цѣнныя ткани непрозрачныя и ленты шелковыя и полушелковыя; наши суконныя фабрики производятъ съ успѣхомъ товаръ не выше 4 р.

Ограничиваясь, такимъ образомъ, производствомъ издѣлій преимущественно средняго и низшаго качества, для многочисленнѣйшаго класса мало достаточныхъ потребителей, наша фабрикація, къ сожалѣнію, не всегда доставляетъ имъ и въ этихъ сортахъ такой же товаръ, какимъ за-границею могутъ пользоваться соотвѣтствующіе классы потребителей; такъ, производимый у насъ въ огромномъ количествѣ одноцвѣтный набивной товаръ цѣною

отъ 7 до 8 к. за аршинъ, при всей своей дешевизнѣ, все-таки дороже манчестерскаго, потому что этотъ послѣдній, при той же цѣнѣ, представляетъ среднюю тонину и набивается шестью яркими красками. Главная масса потребляемыхъ нашимъ народомъ кожаныхъ издѣлій, въ особенности обуви, несмотря на прирожденность кожевенной промышленности Россіи, хотя и отличается необыкновенной дешевизной, но страдаетъ полнѣйшимъ отсутствіемъ доброкачественности, и не даромъ говорятъ, что нигдѣ такъ дешево нельзя сработать сапоги и башмаки какъ въ Россіи, но они немногимъ лучше картонныхъ. Почти тоже можно сказать о мылѣ и сальныхъ свѣчахъ, потребность въ которыхъ растетъ въ народѣ, хотя сообразно съ нею не растетъ стремленіе заводчиковъ къ удешевленію и улучшенію этихъ предметовъ первой необходимости.

Вообще, если и нельзя отрицать довольно значительныхъ и замѣтныхъ успѣховъ сдѣланныхъ какъ въ качественномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи увеличенія размѣровъ производства, по многимъ отраслямъ промышленности, особенно же по хлопчато-бумажной и писче-бумажной, по льняной, суконной, шелковой, машино-строительной, ножевой, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, бронзовой, химической, стеариновой, резиновой, свеклосахарной и др., вслѣдствіе приложенія къ нимъ значительныхъ капиталовъ и примѣненія усовершенствованныхъ пріемовъ и машинъ,—то не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что при всемъ томъ, какъ въ этихъ самыхъ отрасляхъ, такъ и еще болѣе во многихъ другихъ, производство бóльшей части фабрикъ ведется самымъ несовершеннымъ образомъ, въ ущербъ самимъ предпринимателямъ, и многочисленнымъ потребителямъ ихъ произведеній.

Обращаясь къ причинамъ несовершеннагó еще во многихъ отношеніяхъ состоянія нашей промышленности, особенно въ сравненіи съ иностранною, нельзя не согласиться, что причины эти многочисленны и лежатъ отчасти въ техническихъ недостаткахъ самой фабрикаціи, отчасти же въ самомъ строѣ нашихъ экономическихъ и общественныхъ отношеній.

Одна изъ причинъ, почему наша фабрикація ограничивается, напр., приготовленіемъ преимущественно издѣлій низшаго и средняго разбора и рѣдко возвышается до высокодобротныхъ и цѣнныхъ, лежитъ въ самомъ свойствѣ первообразнаго матеріала. Такъ, неудовлетворительное положеніе нашего льноводства, которое доставляетъ весьма мало годнаго для тонкой пряжи матеріала, обусловливаетъ собою и производство только низшихъ и среднихъ полотенъ; наша шерсть большею частію дурно сортирована и это отзывается въ самомъ качествѣ большой массы нашихъ су-

конъ; притомъ наши овцеводы не всегда слѣдятъ внимательно за требованіями рынка и не соображаются съ его измѣненіями; наши кожи большею частію дурно приготовлены, и потому народъ вынужденъ довольствоваться дурнымъ, хотя и дешевымъ товаромъ и т. д. Эта недоброкачественность нашихъ сырыхъ матеріаловъ не только вынуждаетъ нерѣдко нашихъ фабрикантовъ самихъ выписывать изъ за-границы первообразный матеріалъ для болѣе добротныхъ издѣлій своихъ, но отражается отчасти на нашемъ заграничномъ отпускѣ уменьшеніемъ спроса за-границу нашего сырья, вслѣдствіе появленія на европейскихъ рынкахъ болѣе добротныхъ и часто даже болѣе дешевыхъ сырыхъ матеріаловъ изъ разныхъ частей Стараго и Новаго Свѣта. Чтобъ выдержать это опасное соперничество, и сохранить за собою еще непотерянные рынки, нашимъ производителямъ сырья необходимо обратить вниманіе на возвышеніе его качества, а нашимъ торговцамъ на болѣе тщательную и сообразную съ требованіями заграничнаго рынка его сортировку.

Кромѣ свойства первообразнаго матеріала, не послѣднюю роль играетъ въ фабрикаціи и самая возможность получать его всегда скоро и удобно, по сходнымъ цѣнамъ. Наши фабрики, къ сожалѣнію, часто лишены этихъ удобствъ; у насъ еще нѣтъ ни постоянныхъ рынковъ, ни постоянныхъ складовъ, гдѣ бы наши фабриканты могли во всякое время находить требующіеся имъ сырые матеріалы извѣстнаго качества; наши фабриканты вынуждены большею частію запасаться матеріаломъ на цѣлый годъ, чтобы не подвергать свои фабрики случайностямъ или остановкамъ. Такъ, наши шерстяные фабриканты должны или въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ закупать шерсть на украинскихъ ярмаркахъ и притомъ не мытую, и затѣмъ терять еще около двухъ мѣсяцевъ на мойку и сортировку этой шерсти, что безполезно увеличиваетъ и безъ того значительную затрату капитала, или покупать отъ торговцевъ шерсть преимущественно мытую, хотя и весьма, дурно нерѣдко съ примѣсью глины, мѣшающей окраскѣ въ нѣжные цвѣта, и неправильно сортированную. Заграницей же, кромѣ шерстяныхъ ярмарокъ, учреждены постоянные шерстяные аукціоны и кромѣ того, въ значительныхъ мануфактурныхъ городахъ, существуютъ торговые дома, которые всегда держатъ запасы правильно сортированной и мытой шерсти, такъ что всякій, даже незначительный фабрикантъ, во всякое время года, можетъ получить требующійся ему сортъ шерсти, производя уплату, при недорогомъ дисконтѣ, въ тѣ сроки, которые для него удобны. Тоже можно сказать о желѣзѣ и чугунѣ, потребныхъ для механическихъ заводчиковъ, о хлопчатой бумагѣ, о фарфоровой глинѣ и о другихъ первообразныхъ

матеріалахъ нашихъ фабрикъ. Совершенный недостатокъ или чрезмѣрная дороговизна многихъ необходимыхъ для фабрикаціи продуктовъ, какъ напр. соды, соляной кислоты, спирта, красильныхъ матеріаловъ и т. п., вслѣдствіе таможенныхъ пошлинъ, внутреннихъ акцизовъ и высокихъ издержекъ провоза, при дальности разстояній и несовершенствѣ еще нашихъ путей сообщенія, еще болѣе затрудняютъ нашу фабрикацію и возвышаютъ издержки ея производства. Поэтому неудивительно, что одинъ изъ представителей обширной компаніи стеклянной и хрустальной мануфактуры St. Gobin около Парижа, г. Грегоаръ, которому поручено было посѣтить въ 1863 году Москву, и сообразить возможность устройства тамъ завода, отказался отъ этой мысли, находя, что при страшной дороговизнѣ провозовъ на сырье, выгоднѣе дѣлать товаръ около Парижа и привозить его, съ оплатою пошлины, въ Москву, нежели производить около самой Москвы.

На возвышеніе расходовъ производства имѣетъ у насъ немаловажное вліяніе также необходимость возведенія болѣе прочныхъ и капитальныхъ построекъ для фабрикъ и для жилья рабочихъ, нежели за границею, потому что онѣ требуютъ отопленія въ теченіе по крайней мѣрѣ 7 или 8 мѣсяцевъ; притомъ топливо, особено въ центральныхъ промышленныхъ губерніяхъ, обходится крайне дорого, по причинѣ значительнаго уже истребленія лѣсовъ вокругъ заводовъ, недостатка въ собственномъ каменномъ углѣ и дороговизнѣ привознаго. Затраченный на постройку фабрики капиталъ тѣмъ болѣе увеличиваетъ стоимость производства, что фабрикантъ рѣдко можетъ найти съ выгодою подъ залогъ своихъ фабричныхъ строеній свободный капиталъ и употребить его въ оборотъ; между тѣмъ какъ въ Англіи, напр., подъ фабричныя строенія легко получить въ кредитныхъ обществахъ $^2/_3$ ихъ стоимости.

Что касается рабочихъ, то у насъ нѣтъ еще правильно организованной корпораціи рабочаго класса по всѣмъ отраслямъ производства; наши фабричные большею частью нанимаются на фабрики не на круглый годъ, а только на зиму, часто отлучаются въ деревни и любятъ переходить съ фабрики на фабрику, перемѣняя самый родъ производства; съ набивной фабрики они не рѣдко идутъ на суконную, съ суконной на хлопчато-бумажную и наоборотъ, вслѣдствіе того ни въ чемъ они не достигаютъ совершенства, отчего страдаютъ и самыя издѣлія, такъ напр. въ прядильномъ дѣлѣ страдаетъ чистота и безукоризненность выпрядки. При томъ и число рабочихъ дней у насъ не болѣе 240 или 250, слѣд. на 50 или 60 дней ниже, нежели за-границею, вслѣдствіе множества праздниковъ, къ которымъ присоединяются еще прогульные дни, и хотя рабочихъ часовъ у насъ полагается

болѣе нежели за-границей, но, по отзыву нашихъ фабрикантовъ, въ данное время нашъ рабочій сработаетъ меньше, чѣмъ иностранный. Если присоединить къ этому полное отсутствіе не только техническаго и художественнаго, но даже самаго простаго общаго образованія у нашего рабочаго, и свойственную широкой славянской натурѣ безпечность, то понятно, какимъ опасностямъ не рѣдко подвергается все фабричное заведеніе, вслѣдствіе небрежнаго и невнимательнаго отношенія рабочихъ къ своему дѣлу. Не одно несчастье случилось на нашихъ фабрикахъ по небрежности мастеровъ и недостатку у нихъ элементарныхъ понятій объ устройствѣ и дѣйствіи паровыхъ котловъ. Все это имѣетъ результатомъ, что несмотря на дешевизну наемной платы, рабочіе обходятся у насъ дорого. Мастеровые же, получившіе нѣкоторый навыкъ, въ особенности въ обращеніи съ машинами, или скоро предъявляютъ непомѣрныя требованія относительно возвышенія платы, или оставляютъ заводъ и переходятъ на другой, гдѣ имъ охотно даютъ высшую плату, по недостатку опытныхъ машинистовъ. Наши механичесчіе заводчики особенно жалуются на такое положеніе дѣлъ.

Замѣна живой рабочей силы машинами не только встрѣчаетъ у насъ препятствіе въ недостаткѣ лицъ, умѣющихъ управлять ими, но и особенно въ дороговизнѣ какъ топлива, такъ и самыхъ машинъ, въ недостаткѣ собственно механическихъ заведеній, въ высокихъ издержкахъ ихъ производства, и въ огромныхъ накладныхъ расходахъ, достигающихъ 50 и 60%, при выпискѣ машинъ изъ за-границы. Поэтому, многія фабрики и заводы предпочитаютъ еще до сихъ поръ довольствоваться водяными двигателями, несмотря на продолжительныя остановки въ полую воду.

Неразвитость рабочаго сословія, недостатокъ примѣненія машинъ, наконецъ вообще слабое распространеніе у насъ техническихъ знаній, препятствуютъ конечно и введенію въ широкихъ размѣрахъ раздѣленія труда на нашихъ фабрикахъ, а ограниченность вообще производства препятствуетъ спеціализаціи самого труда между заводами. Такъ, напр., наши бронзовыя фабрики, при ограниченности ихъ числа, изготовляютъ всевозможныя издѣлія, тогда какъ, напр., во Франціи каждая фабрика производитъ одинъ какой-либо родъ работы, какъ-то: отливку, рѣзьбу, позолоту, сборку частей и окончательную ихъ отдѣлку. Также точно и механическіе заводы занимаются исполненіемъ заказовъ самаго разнообразнаго рода, при чемъ, по ограниченности числа однородныхъ заказовъ, расходы на пріуготовительныя работы, стоющія вообще и вездѣ весьма дорого, всею своею тяжестью упадаютъ на тѣ немногіе заказы, которые приходится исполнять, и возвышаютъ стоимость издѣлій. Не менѣе значительны расходы

и по изготовленію рисунковъ, особенно требующихъ художественнаго выполненія, по недостаточному распространенію у насъ художественнаго образованія и слабому развитію изящнаго вкуса въ нашемъ промышленномъ сословіи. Этотъ недостатокъ особенно ощутителенъ въ производствѣ модныхъ матерій, въ фабрикаціи золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ вещей, и ярко бросается въ глаза въ безвкусной пестротѣ носимыхъ народомъ дешевыхъ матерій.

Не мало вредитъ успѣху промышленнаго развитія и то, что значительная часть промышленности находится въ рукахъ мелкихъ капиталистовъ и особенно сельскихъ производителей, которые ни по своему образованію, ни по своимъ средствамъ не въ состояніи внести современныхъ улучшеній въ свое производство. Наша кустарная промышленность до сихъ поръ дѣлаетъ опасную конкурренцію во многихъ отрасляхъ фабричному производству, доставляя издѣлія, хотя и низкаго сорта, но необыкновенно дешево, потому что при экономическихъ условіяхъ нашего крестьянскаго сословія она можетъ производить съ самымъ ничтожнымъ барышемъ. При обширности кустарной промышленности и благопріятныхъ условіяхъ ея существованія, было бы неразумно желать ея исчезновенія: но она можетъ и должна быть улучшена, внесеніемъ въ нее извѣстной доли знаній, соединеніемъ ея мелкихъ разрозненныхъ силъ въ болѣе стройныя цѣлыя, путемъ ассоціацій или артелей, доставленіемъ средствъ къ полученію дешеваго кредита, для оптовой покупки орудій и матеріаловъ и для продажи издѣлій и освобожденіемъ отъ зависимости кулаковъ-монополистовъ. Только такими средствами можетъ подняться наша смолокуренная, кожевенная, ножевая и другія отрасли кустарной промышленности и могутъ стать наши деревенскіе прядильщики и ткачи въ нѣкоторую независимость отъ фабрикантовъ.

Если присоединить къ этому дороговизну у насъ капиталовъ, отсутствіе законовъ оваррантахъ или авансахъ, и въ особенности малое развитіе большинства промышленнаго сословія, часто чуждаго не только техническаго, но даже и общаго образованія, и вслѣдствіе того довольствующагося фабричными пріемами своихъ отцевъ и дѣдовъ, или находящагося въ рукахъ дорогою цѣною выписанныхъ изъ за-границы мастеровъ, тогда сумма нашихъ промышленныхъ неустройствъ окажется довольно полновѣсною. Правда, въ послѣднее время исключенія начинаютъ встрѣчаться у насъ чаще; молодое поколѣніе нашихъ промышленниковъ начинаетъ сознавать потребность болѣе спеціальнаго образованія не только для себя, но и для своихъ мастеровъ и рабочихъ, начинаетъ вводить улучшенія въ свои производства, промышленныя за-

нятія начинають пользоваться нѣкоторымъ почетомъ въ обществѣ и получать гражданскую равноправность съ другими общественными занятіями, но все это не болѣе какъ зачатки и зародыши новой будущности, занимающаяся заря новой эпохи. Большинство представителей нашей промышленности, даже наиболѣе образованныхъ, сознавая всѣ невыгодныя условія своего производства, заботятся о такъ-называемомъ раціональномъ тарифѣ, о тарифѣ съ высокими пошлинами, а не объ устраненіи тѣхъ многочисленныхъ препятствій къ развитію промышленности, на которыя они сами постоянно указываютъ и которыя мы здѣсь только сгруппировали, такъ-сказать, съ ихъ собственныхъ словъ; они предоставляютъ это времени!

Между тѣмъ, несомнѣнные успѣхи, дѣлаемые нашею промышленностью и весьма рельефно выступающіе послѣдовательно на каждой выставкѣ, особенно же ярко обнаружившіеся на послѣдней петербургской, доказываютъ, что и при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ своего существованія, и даже подъ гнетомъ пониженія таможенныхъ пошлинъ, русская промышленность можетъ идти впередъ и совершенствоваться. Если знаменитый Александръ Гумбольдтъ, обозрѣвая въ 1829 г. съ графомъ Канкринымъ первую мануфактурную выставку въ С.-Петербургѣ могъ сказать, что онъ и черезъ тридцать лѣтъ не ожидалъ бы такихъ успѣховъ въ Россіи, то безъ сомнѣнія, послѣдняя петербургская выставка еще съ большимъ правомъ могла бы заслужить подобный отзывъ. Но весь этотъ успѣхъ и блескъ, представляемый нашими выставками, до тѣхъ поръ будетъ лишь лежать тонкимъ наружнымъ слоемъ на нашей промышленности, не проникая въ самую глубь ея, пока само промышленное сословіе не соединится въ дружныхъ усиліяхъ для содѣйствія и правительству, и обществу, къ измѣненію невыгодныхъ условій, въ которыхъ нынѣ существуетъ наша промышленность, и не будетъ идти твердо по этому пути. Справедливость требуетъ сказать, что оно уже начинаетъ сознавать эту потребность и что многое сдѣлано уже для его удовлетворенія. Чтó именно сдѣлано для промышленности и чтò еще остается сдѣлать въ ея пользу, это мы постараемся разсмотрѣть подробнѣе въ особой статьѣ.

В. Вешняковъ.

НИЩАЯ НА МОСТУ

I*).

Громадный городъ былъ одѣтъ
Какъ будто саваномъ. И свѣтъ,
И мракъ сливалися кругомъ,
И небо тусклое дождемъ
Печально плакало....
Въ тотъ часъ
По улицѣ, гдѣ разлилась
Грязь мутно-сѣрою волной,
Шла женщина. Надъ ней съ тоской
Нылъ вѣтеръ, дождь въ лицо ей билъ,
Но тупо-равнодушенъ былъ
Ея поблекшій ликъ: она
Шла медленно, не смущена
Ни воемъ вѣтра, ни дождемъ,
И въ безучастіи нѣмомъ
Кругомъ бросала тусклый взглядъ.
Ея изношенный нарядъ
Былъ страшенъ: прорванный платокъ
Костлявыхъ плечъ прикрыть не могъ,
И нагота ихъ тутъ и тамъ
Виднѣлася. По волосамъ
Растрепаннымъ текла вода.
Остановившись иногда,

---

[1]) Этими строфами начинается поэма «Misery» Овена Мередита, одного изъ современныхъ англійскихъ поэтовъ, пользующагося извѣстностью и заслужившаго одобреніе англійскихъ критиковъ.

Несчастная сжимала вдругъ
Худую грудь — и пальцы рукъ
Отъ кашля тяжкаго тряслись,
И капли грязныя лились
Съ измоченныхъ лохмотьевъ, внизъ
На тротуарныя плиты....

II.

Но въ рубищѣ ея черты
Хранили слѣдъ той красоты,
Которой въ дни своей весны
Она цвѣла. Средь глубины
Ея печальныхъ, впалыхъ глазъ
Еще тотъ пламень не погасъ,
Что въ нихъ горѣлъ порой, когда
Она безпечна, молода
Привѣтомъ счастія жила;
И злая бѣдность не могла
Съ поблекшихъ устъ ея сорвать
Улыбки молодой печать;
И влажныхъ косъ ея волна
Была пышна, была темна,
И подъ лохмотьями она
Прекрасной женственности тѣнь
Еще таила. Есть ступень
Ужасной, дикой нищеты,
Когда всѣ божія черты
Стираетъ въ человѣкѣ гнётъ
Несчастья, скорби и заботъ;
Но въ этой нищей вы узнать
Могли-бъ еще сестру и мать
И женщину. Какъ тотъ цвѣтокъ,
Который къ осени поблекъ,
Она печальной красотой
Къ себѣ влекла....

III.

Туманъ сырой
Сталъ гуще. Въ сумрачной тѣни

Зажглися фонарей огни,
И темны, мрачны, какъ тюрьма,
Стоятъ огромные дома.
Несется мимо цѣпь каретъ
И грохотъ имъ летитъ во слѣдъ.
Толпы прохожихъ тамъ и тутъ
Печально въ сѣрой тьмѣ бредутъ,
Какъ будто тѣни на погостъ....
Вотъ надъ рѣкой огромный мостъ
Согнулся аркою. Подъ сводъ
Рѣка, какъ черный змѣй, ползетъ
И съ ропотомъ немолчнымъ бьетъ
О камни старые волной....

IV.

Рѣки заслышавъ шумъ глухой,
Она пошла на мостъ и тамъ
Остановилась и къ волнамъ
Склонила взоръ. Въ лицо пахнулъ
Ей влажный холодъ. Странный гулъ
Громадныхъ улицъ, свѣтъ огней,
Въ туманѣ брезжущихъ предъ ней —
Весь этотъ городъ въ пеленѣ
Холодной мглы, какъ въ дикомъ снѣ
Ее томилъ и ужасалъ.
А въ глубинѣ бурливый валъ
Ей съ лаской мрачною шепталъ:
Бросайся внизъ! Кончай борьбу
Съ мученьями. Свою судьбу
Не обойдешь: могилы пасть
Открыта всѣмъ; въ нее упасть
Теперь, потомъ — не все-ль равно?
Страданье новое одно
Прибавивъ къ тысячѣ другихъ,
Ты навсегда забудешь ихъ!
Пусть добровольный твой конецъ
Осудятъ люди, но Творецъ
Проститъ тебѣ!...
Потокъ затихъ.
Недвижно въ бездну волнъ сѣдыхъ
Она глядитъ: вотъ средь рѣки

Восстала тѣнь и двѣ руки
Къ ней протянулись изъ волны
И въ тьму холодной глубины
Привѣтно манятъ, манятъ....

V.

Нѣтъ,
Волнъ искушающій привѣтъ
Еще безсиленъ надъ душой
Несчастной женщины. Съ тоской
Невольно вспомнила она,
Что жизнь ея другимъ нужна,
И что для нихъ — жена и мать —
Она не смѣетъ умирать.
Но жить... зачѣмъ?... Не для того-ль,
Чтобъ ихъ скорбей усилить боль,
Чтобъ часть ихъ скуднаго куска
Ѣсть безполезно?...
И рѣка —
Ей чудилось — надъ нею вдругъ
Захохотала. Дикій звукъ
Веселья бездны отдался
Подъ темнымъ сводомъ и слился
Въ безумный стонъ, въ немолчный крикъ,
И въ грудь ей трепетомъ проникъ!
Простерши руки предъ собой,
Она со страхомъ и мольбой
Шептала: «Нѣтъ, не въ эту ночь...
Меня ждетъ Вилли... я помочь
Ему должна... онъ боленъ... Дочь
И сынъ малютка... Бросить всѣхъ...
На вѣкъ разстаться...»

VI.

Дѣтскій смѣхъ
Вблизи раздался, и она,
Какъ будто пробудясь отъ сна,
Кругомъ взглянула: передъ ней
Шла группа рѣзвая дѣтей —

Двѣ дѣвочки и мальчикъ. Свѣтъ
Отъ фонаря бросалъ свой слѣдъ
На лица ихъ, позолотивъ
Кудрей ихъ шелковыхъ извивъ
И щекъ румянецъ. Ухвативъ
Другъ друга за руки они
Бѣжали весело. Въ тѣни
Дождливой ночи лепетъ ихъ
На мигъ раздался и затихъ....
Но долго вслѣдъ за ними въ даль
Она глядѣла, и печаль
Ей сжала сердце: передъ ней
Мелькнуло счастье прошлыхъ дней...

VII.

Вотъ дальней родины село;
Сіяетъ лучъ весны свѣтло;
Все разцвѣтаетъ..Ароматъ
Шиповника обвѣялъ садъ.
На изгородь склонясь, блестятъ
Цвѣты роскошныхъ дикихъ розъ,
И стая голубыхъ стрекозъ
Звенитъ надъ ними. Рядъ домовъ
Склоняетъ кровли. Межъ листовъ
Зеленыхъ ветелъ вѣтерокъ
Играетъ тихо и, высокъ,
Церковный шпицъ блеститъ въ дали;
И, тая въ золотой пыли,
Дороги тянется извивъ
Между полей и пышныхъ нивъ
И убѣгаетъ въ темный лѣсъ;
И ярко въ золотѣ небесъ,
Какъ будто розовой узоръ
Сверкаютъ выси дальнихъ горъ....

VIII.

Ей вспомнилась любви пора
Такъ ясно, будто лишь вчера
Тѣхъ свѣтлыхъ дней волшебный сонъ

Надъ ней провѣялъ....
Небосклонъ
Облитъ лучами. Тамъ и тутъ,
Какъ лебеди, по немъ плывутъ
Лѣниво облака. Народъ,
Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Въ деревню весело бредетъ.
Подъ солнцемъ косъ блестящихъ сталь
Порой сверкаетъ, какъ хрусталь.
На мягкій золотой песокъ
Дороги полосами легъ
Прощальный лучъ, и отъ стѣны
Зеленыхъ нивъ, отражены,
Мелькаютъ тѣни...
Стороной
Она идетъ рука съ рукой
Съ любимымъ Вилли. Взоры ихъ
Сіяютъ радостно и тихъ
Завѣтный разговоръ... И ей
Онъ шепчетъ о любви своей,
О близкомъ свадебномъ вѣнцѣ,
И въ молодомъ его лицѣ
Надежда свѣтлая видна...
И съ тайнымъ трепетомъ она,
Краснѣя, будто маковъ цвѣтъ,
Ему улыбку шлетъ въ отвѣтъ...
И божій міръ имъ такъ хорошъ,
Такъ ясенъ! Наклоняетъ рожь
Колосья пышные, шурша;
И нива, теплотой дыша,
Перегибается слегка
Подъ нѣжной лаской вѣтерка
И сладкимъ шумомъ волнъ своихъ
Рѣчамъ и вздохамъ вторитъ ихъ,
И жаворонокъ, надъ ней взлетѣвъ,
Поетъ для нихъ любви напѣвъ...

IX.

Вотъ старый домикъ ихъ. Окно
Въ зеленый плющъ заплетено,
И ранній свѣтъ сквозь изумрудъ

Его листовъ проникъ въ пріютъ,
Гдѣ счастье и любовь живутъ...
Еще зардѣлася едва
Съ востока неба синева,
А Вилли бодрый, молодой
Ужъ всталъ. Съ ребенкомъ и женой
Поцѣловался и спѣшитъ
На ранній трудъ. Довольный видъ
И пѣснь веселья — говорятъ,
Что бѣдный труженикъ богатъ
Привѣтомъ счастья... Изъ окна
Во слѣдъ ему глядитъ она
Съ улыбкой ясной на устахъ,
И въ кроткихъ любящихъ очахъ
Такая радость и покой,
Какъ въ этой выси голубой,
Гдѣ утра блѣдная звѣзда
Сіяетъ тихо... Никогда
Въ мечтаньи лучшихъ грезъ своихъ
Она не думала, чтобъ ихъ
Простое счастіе могло
Быть такъ отрадно, такъ свѣтло!
И что же?...
Все какъ сонъ прошло!.

X.

«О, еслибы еще хоть разъ
Вдохнуть въ вечерній тихій часъ
Тѣхъ розъ чудесный ароматъ,
О, еслибъ вновь увидѣть садъ,
И домъ родной и тотъ лѣсокъ,
Гдѣ по камнямъ бѣжитъ потокъ,
Сверкая чистымъ серебромъ,
И тамъ въ орѣшникѣ густомъ,
Какъ прежде, отдохнуть вдвоемъ
Съ любимымъ Вилли... можетъ быть
Намъ Богъ захочетъ возвратить
Былое счастье, и опять
Моимъ малюткамъ подышать
Тамъ доведется, гдѣ они
Рѣзвились весело, во дни,

Когда еще не знали мы
Ни душной городской тюрьмы,
Ни страшной бѣдности...»
Слеза
Увлажила ея глаза,
И грустный взоръ она съ мольбой
На небо подняла...

XI.

Но тьмой,
Ужасной тьмой зіялъ небесъ
Непроницаемый навѣсъ,
И мнилось, тамъ царить не могъ
Любви и милосердья богъ,
И только въ мрачной пустотѣ
Звучали скорбно стоны тѣ,
Что сонмы бѣдняковъ земли
Къ Творцу съ тоскою вознесли;
И этихъ стоновъ страшный гулъ
Безплодно въ безднахъ тучъ тонулъ,
И стѣны городскихъ громадъ,
Сдвигаяся угрюмо въ рядъ,
Ему внимали, и рѣка
Рвалася подъ мостомъ, дика,
Какъ будто странный гулъ ночной
Хотѣла заглушить волной...

В. Буренинъ.

ФИЗІОЛОГІЯ

РАСТИТЕЛЬНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ

Публичныя лекціи, читанныя въ С.-Петербургскомъ клубѣ художниковъ, зимою настоящаго года.

IX*).

Процессъ поступленія въ тѣло газообразныхъ веществъ.—Устройство лёгкаго и грудной клѣтки, какъ дыхательнаго аппарата.—Измѣненія воздуха при дыханіи.

Мм. гг.! сегодня я начинаю говорить о процессѣ поступленія въ тѣло газообразныхъ веществъ, или о процессѣ дыханія. При первомъ взглядѣ онъ состоитъ изъ однихъ періодическихъ расширеній и спаденій груди, связанныхъ съ попеременнымъ вхожденіемъ и выхожденіемъ воздуха черезъ полость рта и носа. Но всякій понимаетъ, что это должно быть лишь начало дѣла и что сущность процесса лежитъ гдѣ-нибудь глубже. Кому не извѣстно въ самомъ дѣлѣ, что безъ воздуха ни человѣкъ, ни животное не могутъ прожить даже нѣсколькихъ минутъ? — Воздухъ, повидимому, даже несравненно болѣе нуженъ животному, чѣмъ пища и питье. Всё это вамъ, мм. гг., конечно извѣстно, но не всякій изъ васъ знаетъ причину такой страшной потребности въ воздухѣ, и разъяснить её моя первая обязанность.

Извѣстно, что человѣка и животное можно задушить, зажавши ему ротъ, сдавивши чрезвычайно сильно грудь (чтобы она не могла ни расширяться, ни спадаться), или наконецъ сда-

*) См. выше, окт. 619; нояб. 207 стр.

вивъ дыхательное горло — ту трубку, которая изъ гортани ведетъ въ полость легкаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ подавлено однако какъ вхожденіе воздуха въ лёгкое (очевидно, онъ долженъ идти туда, иначе перевязка дыхательнаго горла не могла бы производить задушенія), такъ и выхожденіе его оттуда, и слѣдовательно нельзя рѣшить, чтó именно произвело задушеніе. Но вотъ опыты уже ближе ведущіе къ цѣли: вмѣсто атмосфернаго воздуха, представляющаго смѣсь кислорода (21% по объему) и азота (79% по объему), можно брать каждую изъ составныхъ частей его въ отдѣльности и заставлять животное дышать тѣмъ и другимъ газомъ совершенно свободно. Оказывается, что кислородомъ животное дышетъ нисколько не хуже, чѣмъ атмосфернымъ воздухомъ; но въ азотѣ, несмотря на свободу вдыханія и выдыханія, оно погибаетъ также скоро, и съ тѣми же припадками задушенія, какъ и при закрытіи рта и носа. Это уже указываетъ вамъ, что для жизни при дыханіи важенъ только кислородъ; и слѣдовательно задача наша должна заключаться въ описаніи его судебъ съ того момента, когда онъ входитъ при каждомъ вдыханіи въ полость рта и носа.

Изучая пищу человѣка съ точки зрѣнія рабочаго матеріала, я имѣлъ уже случай сказать вамъ, что въ животное тѣло, какъ въ печь паровой машины, безпрерывно входитъ необходимый для горѣнія кислородъ воздуха, и теперь вы видите въ самомъ дѣлѣ, что лёгкое должно имѣть значеніе поддувала, приводящаго въ тѣло воздухъ. Но тамъ же было сказано, что лёгкое, подобно трубѣ паровой машины, выводитъ въ тоже время продукты сгаранія—воду и угольную кислоту. Это и происходитъ, мм. гг., такъ на самомъ дѣлѣ, притомъ при посредствѣ тѣхъ же дыхательныхъ движеній груди, только не въ моментъ ея расширенія, а наоборотъ при спаденіи. Оба процесса сливаются слѣдовательно во времени, и чрезъ это я принужденъ описывать ихъ разомъ.

Такимъ образомъ, къ нашей первой задачѣ присоединяется вопросъ о газообразныхъ продуктахъ окисленія съ момента ихъ образованія до выхода наружу при посредствѣ дыхательныхъ движеній.

Если же оба процесса поставить, наконецъ, въ причинную связь другъ съ другомъ, тогда дыханіе получаетъ значеніе процесса разрушенія (горѣнія?) веществъ въ тѣлѣ подъ вліяніемъ кислорода воздуха.

Этимъ и опредѣляется какъ общая задача нашего изслѣдованія, такъ и составляющіе ее частные вопросы.

Сначала мы должны, конечно, изучать механизмъ вхожденія

и выхожденія воздуха при посредствѣ дыхательныхъ движеній. Съ этой цѣлью намъ необходимо познакомиться съ устройствомъ лёгкаго и грудной клѣтки.

Ткань лёгкаго представляется на ощупь очень рыхлой, притомъ она очень легка—куски лёгкаго, брошенные на воду, плаваютъ на ея поверхности. Это происходитъ оттого, что наибольшую по объему массу лёгкаго составляютъ пронизывающія его воздушныя полости. Послѣднія устроены такимъ образомъ. Начинаясь *гортанью* (которая легко ощупывается на шеѣ въ формѣ выступа), онѣ продолжаются отсюда въ формѣ трубки, называемой *дыхательнымъ горломъ*; сначала эта трубка одинокая, но опустившись по передней части шеи въ полость груди, переходитъ въ двѣ главныхъ вѣтви для праваго и лѣваго лёгкаго. Каждая изъ послѣднихъ начинаетъ въ свою очередь древообразно вѣтвиться до тѣхъ поръ, пока вѣточки, постоянно остающіяся открытыми трубочками, не достигнутъ микроскопическихъ размѣровъ; здѣсь концы ихъ переходятъ въ пузырчатыя полости, называемыя *легочными пузырьками*. Въ большихъ дыхательныхъ трубкахъ, чтобы полости ихъ всегда оставались открытыми, зіяющими, въ составъ стѣнокъ входятъ полныя или несовсѣмъ полныя хрящевыя кольца, но по мѣрѣ уменьшенія калибра трубокъ хрящи исчезаютъ мало-по-малу, и здѣсь зіяющее состояніе поддерживается тѣмъ, что лёгкое, какъ вы знаете, даже на трупѣ растянуто во всѣ стороны за предѣлы своего естественнаго объема. Кромѣ того, въ составъ дыхательныхъ трубокъ входитъ слизистая оболочка съ эпителіальной покрышкой (изнутри), а поверхъ ея мышечная. Въ пузырькахъ всѣ эти слои сливаются въ очень тонкую пластинку, въ толщѣ которой разсыпаются однако густой сѣтью волосные сосуды лёгочной артеріи. Сѣти эти заходятъ и на тѣ внутренніе выступы изъ стѣнокъ лёгочныхъ пузырьковъ, которые дѣлаютъ полости ихъ какъ бы ноздреватыми. Нужно однако замѣтить, что всѣ эти маленькія полости открыто сообщаются съ выводной трубочкой своего пузырька, и слѣдовательно, выступы изъ стѣнокъ лёгочныхъ пузырьковъ лишь увеличиваютъ собою поверхность соприкосновенія крови съ общимъ содержимымъ всей лёгочной полости. Нечего и говорить, что это содержимое есть всегда газъ (независимо отъ мокроты, выдѣляемой слизистой оболочкой). Такова наибольшая масса лёгочной ткани; остальное, т.-е. промежутки между мелкими дыхательными вѣточками съ ихъ пузырьками, затканo густой сѣтью упругихъ волоконъ и пластинокъ, по которой къ лёгкому направляются кровеносные и лимфатическіе сосуды. Вся эта масса (вмѣстѣ съ мелкими дыхательными трубоч-

ками и пузырьками) отличается чрезвычайной растяжимостью—самаго слабаго напора воздуха въ вырѣзанное лёгкое достаточно для его растяженія; но за то оно и съ такою же легкостью возвращается къ прежнему объему, когда превратилось растяженіе. Слѣдовательно вообще, лёгкое можетъ быть уподоблено эластическому мѣшку, съ огромной, вслѣдствіе вѣтвленія трубокъ, внутренней поверхностью, плотно прилегающему своими стѣнками къ стѣнкамъ грудной клѣтки.

Вы уже знаете, что грудная клѣтка представляетъ подвижную герметически закрытую полость, дно которой составляетъ мягкая діафрагма, а твердый остовъ боковъ и верха образованы почти исключительно позвоночникомъ, съ отходящими отъ него ребрами, и грудной костью, въ которую ребра упираются своими передними хрящевыми концами. Всѣ промежутки между ребрами выполнены двумя слоями мышцъ, называемыхъ межреберными. Въ наружномъ слоѣ всѣ ихъ волокна идутъ по направленію сзади и сверху впередъ и внизъ; волокна же внутреннихъ межреберныхъ мышцъ направлены наоборотъ, спереди и сверху кзади и внизъ. И діафрагма, эта большая круглая перепонка, натянутая поперечно между полостью груди и живота, выстроена тоже изъ мышцъ, но не по всей своей поверхности: средина ея сухожильная, и отсюда мышечныя волокна расходятся къ окружности діафрагмы, какъ радіусы изъ центра круга. Подвижность костнаго скелета грудной клѣтки обусловливается тѣмъ, что всѣ безъ исключенія ребра своими задними концами сочленены съ позвонками такимъ образомъ, что могутъ, двигаясь около этихъ точекъ, какъ центровъ, подниматься и опускаться своими передними концами вверхъ и внизъ; и хотя эти концы (не нужно забывать, что они хрящевые, а хрящи обладаютъ, какъ извѣстно, гибкостью) упираются въ грудную кость, но при подвижности послѣдней (упритесь при дыханіи пальцемъ въ самую середину груди въ верхней ея половинѣ; несмотря на то, что здѣсь именно лежитъ грудная кость, вы замѣтите приподниманіе и опусканіе груди и въ этомъ мѣстѣ), эта связь можетъ лишь ограничивать, но никакъ не парализовать движеніе реберъ.

Такъ устроена грудная клѣтка въ смыслѣ герметически закрытой полости съ подвижными стѣнками. Теперь посмотримъ на тѣ силы, которыми приводятся въ движеніе ея стѣнки.

Силы эти, мм. гг., мышечныя и онѣ даны цѣлою системою грудныхъ и брюшныхъ мышцъ, въ число которыхъ входятъ однако какъ діафрагма, такъ и межреберныя мышцы. Послѣднія, какъ видите, играютъ двойную роль: служа для закупорки

грудной полости, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ двигаютъ ея стѣнки. Если изъ дыхательныхъ мышцъ исключить діафрагму, то всѣ остальныя являются двигателями реберъ и распадаются на двѣ большія группы, противуположныя по своему дѣйствію: одна группа производитъ вдыханіе—поднимаетъ передніе концы реберъ кверху; другая производитъ выдыханіе, опуская ихъ книзу. 1-я группа можетъ быть представлена себѣ въ формѣ одиновой мышцы, которая, имѣя точку опоры въ верхней части позвоночника, выше всѣхъ реберъ, посылаетъ сократительныя фибры ко всѣмъ переднимъ концамъ послѣднихъ; другая группа можетъ быть представлена, наоборотъ, мышцей, которая, прикрѣпляясь къ тѣмъ же переднимъ концамъ реберъ, имѣетъ точку опоры въ позвоночникѣ снизу, подъ уровнемъ всѣхъ реберъ. Явно, что первая система, при своемъ укороченіи, будетъ притягивать концы реберъ кверху, а другая, наоборотъ, книзу; не менѣе ясно также, что, судя по направленію фибръ, наружныя межреберныя мышцы должны входить въ группу вдыхателей, а внутреннія—принадлежать къ системѣ ихъ антагонистовъ. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

При усиленномъ дыханіи работаютъ обѣ системы дыхательныхъ мышцъ цѣликомъ, но при нормальныхъ условіяхъ, когда оно совершается совершенно спокойно, работаютъ только вдыхатели, да и то далеко не всѣ: у нѣкоторыхъ животныхъ одна только діафрагма, а у человѣка она и наружныя межреберныя мышцы; выдыханіе же происходитъ совершенно пассивно, безъ всякаго участія мышечныхъ силъ.

Вотъ какъ дѣло происходитъ.

Передъ вдыханіемъ діафрагма, какъ на трупѣ, вдается куполомъ въ грудную полость и всѣ ребра наклонены своими передними концами книзу. Какъ только начинается вдыханіе, начинаютъ укорачиваться всѣ мышечныя волокна діафрагмы разомъ; ихъ неподвижныя точки лежатъ въ окружности діафрагмы, а подвижныя въ центрѣ, притомъ каждое волокно идетъ по кривой купола;—явно, что вслѣдствіе укороченія волоконъ діафрагма должна уплощаться и увеличивать полость грудной клѣтки на счетъ полости живота. Это и бываетъ всегда видно изъ того, что при вдыханіи вмѣстѣ съ расширеніемъ груди всегда замѣчается выпячиваніе передней стѣнки живота, отъ сдавливанія діафрагмой содержимаго брюшной полости [1]). Рядомъ съ діафрагмой сокращаются, какъ сказано, наружныя межреберныя

---

[1]) Уплощеніе діафрагмы, конечно, еще лучше можно видѣть на животномъ при вскрытіи полости живота.

мышцы. Чтобы сдѣлать вамъ понятнымъ ихъ дѣйствіе, я принужденъ прибѣгнуть къ очень простой, но поучительной схемѣ въ формѣ четырехъ-угольной рамки, подвижной во всѣхъ своихъ углахъ. (рис. 14). Одну изъ этихъ сторонъ я беру въ лѣвую руку и держу ее неподвижно въ отвѣсномъ направленіи; пусть эта сторона изображаетъ позвоночникъ; тогда прикрѣпленныя къ ней двѣ горизонтальныя пластинки будутъ изображать 2 ребра, а остальная сторона— грудную кость, въ которую упираются ребра; вы видите далѣе, что черезъ промежутокъ между горизонтальными пластинками (между ребрами) протянутъ эластическій шнурокъ, плотно прикрѣпленный своими концами къ той и другой; шнурокъ этотъ имѣетъ направленіе сверху и отъ позвоночника книзу и къ грудной кости, какъ расположены волокна наружной межреберной мышцы, и онъ назначенъ изображать дѣйствіе именно этой мышцы. Теперь я беру схематическую грудную кость въ правую руку и тяну ее книзу; тогда ребра получаютъ наклонное положеніе, какъ передъ вдыханіемъ, и шнурокъ натягивается; выпускаю грудную кость на свободу—вы видите, *подъ вліяніемъ сокращенія, или укороченія шнурка*, изображающаго фибру наружной межреберной мышцы, схематическія *ребра поднимаются кверху;* вмѣстѣ съ этимъ *разстояніе между ребрами увеличивается* и наконецъ *грудная кость удаляется отъ позвоночника.* Все это происходитъ съ грудной клѣткой и въ дѣйствительности. Посмотрите на ея тѣнь въ профиль при дыханіи—заднее очертаніе остается неподвижнымъ, а переднее отъ него удаляется. Вложите себѣ между ребрами конецъ пальца и произведите глубокое вдыханіе — палецъ тотчасъ же чувствуетъ расхожденіе реберъ; обратите, наконецъ, вниманіе на положеніе пальца, и вы увидите, что вмѣстѣ съ ребрами онъ поднимается при вдыханіи кверху.

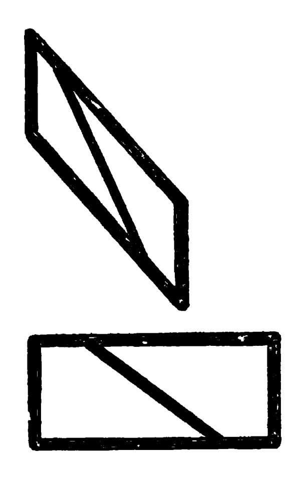


Рис. 14.

Вслѣдъ за вдыханіемъ безъ малѣйшаго перерыва слѣдуетъ спаденіе грудной клѣтки — выдыханіе. Этотъ моментъ соотвѣтствуетъ концу мышечныхъ сокращеній, стало быть діафрагма перестаетъ уплощаться далѣе, а поднятыя ребра уже не тянетъ болѣе никакая сила кверху. Но уплощенная діафрагма сдавила брюшныя внутренности и, разслабѣвъ, не можетъ противустоять

теперь ихъ напору и снова вдавливается куполомъ въ грудную клѣтку; а ребра, брошенныя мышцами внѣ своего естественнаго положенія, очевидно должны вернуться къ нему, съ одной стороны просто по тяжести, съ другой эластическими силами въ ихъ хрящевыхъ концахъ, тоже выведенныхъ изъ натуральнаго положенія; — они опускаются передними концами книзу. Пассивное спаденіе расширенной грудной клѣтки всего проще видѣть на трупѣ, если вдунуть черезъ дыхательное горло воздухъ и быстро перестать дуть.

Этими движеніями, періодически повторяющимися всю жизнь, непосредственно достигается расширеніе и спаденіе грудной клѣтки во всѣхъ направленіяхъ, а черезъ нихъ расширеніе и спаденіе лёгкаго, ведущее къ увеличенію или уменьшенію его полости. Причина, почему вслѣдъ за активными движеніями грудной клѣтки должно слѣдовать пассивное расширеніе и спаденіе лёгкаго, заключается въ упругости послѣдняго и въ томъ, что оно повсюду плотно соприкасается со стѣнками грудной клѣтки. Если вы вообразите хоть на минуту, что лёгкое не слѣдуетъ за расширяющейся грудной стѣнкой, то между нимъ и ею должна будетъ образоваться пустота; а вы знаете, что при этомъ условіи всякій эластическій мѣшокъ, наполненный воздухомъ, не будетъ оставаться неподвижнымъ — онъ станетъ расширяться подъ вліяніемъ давленія воздуха изнутри. Этотъ самый процессъ и происходитъ собственно при нормальномъ расширеніи лёгкаго: въ каждую послѣдовательную безконечно малую единицу времени между нимъ и расширяющейся грудной стѣнкой существуютъ условія къ образованію пустоты, но въ силу этихъ же условій лёгкое въ туже единицу времени должно растянуться на безконечно малую величину. Тѣже самыя причины мѣшаютъ лёгкому и при спаденіи его опережать грудную клѣтку; оттого-то оно и слѣдуетъ за нею, какъ говорится, пассивно во всѣхъ ея движеніяхъ.

Но при дыханіи расширяющаяся и съуживающаяся полость лёгкаго все время остается въ открытомъ сообщеніи (черезъ дыхательное горло, гортань, полость рта и носа) съ окружающимъ воздухомъ; — это положительно условія мѣховъ, въ которыхъ воздушная полость періодически то увеличивается, то уменьшается; и понятно, что воздухъ въ расширяющееся лёгкое долженъ входить какъ въ мѣхъ, а при спаденіи грудной клѣтки возвращаться назадъ.

Но какъ далеко въ глубь лёгкаго можетъ доходить струя свѣжаго вдыхаемаго воздуха? При чрезвычайной узости конечныхъ вѣтвей дыхательнаго горла, возможно думать, что воздухъ не до-

ходитъ до самаго дна лёгкаго. Одной минуты размышленія однако достаточно, чтобы разубѣдиться въ этомъ: при растяженіи лёгкаго всего болѣе должны расширяться тѣ отдѣлы его, которые наиболѣе растяжимы, а эти отдѣлы, очевидно, не крупныя трубки съ хрящевыми стѣнками, а конечныя, совершенно мягкія вѣточки и особенно лёгочные пузырьки, такъ какъ въ нихъ стѣнка всего тоньше; другими словами, при вдыханіи расширяются и присасываютъ воздухъ преимущественно воздушныя полости, лежащія на самомъ днѣ лёгкаго. Воздухъ при вдыханіи проникаетъ слѣдовательно до самыхъ полостей лёгочныхъ пузырьковъ и изъ нихъ же онъ долженъ выталкиваться и при выдыханіи; хотя, конечно, часть вдыхаемаго воздуха распредѣляется и по крупнымъ вѣтвямъ, а главную массу выходящаго при каждомъ отдѣльномъ выдыханіи воздуха составляетъ не та порція его, которая въ это же выдыханіе успѣла выйти изъ пузырьковъ, а порціи предшествовавшихъ выдыханій. Въ той формѣ, какъ я вамъ описываю процессъ, вы конечно согласитесь, что дыханіе имѣетъ какъ бы значеніе вентиляціи дна легкаго постоянно возобновляемою струею свѣжаго воздуха, и вы убѣдитесь вскорѣ, что это частію справедливо.

Познакомившись такимъ образомъ съ механизмомъ вхожденія и выхожденія воздуха изъ лёгкаго, вы теперь конечно спросите меня, чтó же онъ тамъ дѣлаетъ. Если вентилируетъ, значитъ къ нему присоединяются на днѣ лёгкаго какія-нибудь ненужныя для тѣла газообразныя испаренія—воздухъ и по выходѣ изъ лёгкаго остается газомъ; — но можетъ быть онъ служитъ тѣлу однимъ своимъ соприкосновеніемъ съ дномъ лёгкаго; а возможно наконецъ и то, что онъ самъ измѣняется въ составѣ. Если вопросы поставлены въ такой формѣ, то прежде, чѣмъ на нихъ отвѣчать, нужно еще умѣть измѣрять количество вдыхаемаго и выдыхаемаго воздуха (мѣряютъ ихъ, разумѣется, по объемамъ, а не по вѣсу, уже потому, что вѣсы газовъ слишкомъ незначительны). Вообразимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что вдыхаемый воздухъ служитъ лишь для провѣтриванія лёгкаго, въ полости котораго къ нему присоединяется какое-нибудь новое газообразное вещество, — тогда по самому смыслу дѣла весь воздухъ, входящій въ лёгкое, долженъ возвращаться назадъ и къ нему долженъ присоединяться еще новый объемъ; другими словами, выдыхаемый объемъ воздуха долженъ быть больше вдыхаемаго, притомъ за вычетомъ излишка онъ долженъ имѣть такой же составъ, какой имѣлъ при вхожденіи. Тоже самое, если вы предположите сверхъ вентиляціи какое-нибудь количественное измѣненіе въ составныхъ частяхъ вдыхаемаго воздуха. Даже въ томъ

случаѣ, еслибы къ воздуху при выдыханіи не прибавлялось ничего новаго и онъ только самъ измѣнялся бы въ составѣ, и тогда абсолютная величина этихъ измѣненій требовала бы знанія отношенія между объемами вдыхаемаго и выдыхаемаго воздуха.

Такіе опыты, мм. гг., есть и они даютъ для взрослаго человѣка слѣдующій средній выводъ: объемъ вдыхаемаго воздуха, если его мѣрить сухимъ, при среднемъ барометрическомъ давленіи и при температурѣ человѣческаго тѣла, превышаетъ 500 куб. цен.; а выдыхаемый объемъ, при тѣхъ же условіяхъ измѣренія, всегда бываетъ нѣсколько меньше. Въ связи съ этими измѣреніями, анализъ выдыхаемаго воздуха показываетъ слѣдующія измѣненія во вдыхаемомъ: *первый всегда уноситъ съ собою изъ тѣла нѣкоторое количество водяного пара; въ лёгкомъ къ нему всегда присоединяется нѣкоторое количество угольной кислоты; изъ вдыхаемаго воздуха всегда исчезаетъ часть кислорода; наконецъ, азотъ его не претерпѣваетъ, повидимому, никакихъ измѣненій.*

Первое изъ этихъ измѣненій легко доказать прямымъ опытомъ. Берутъ ртутный термометръ и, нагрѣвъ его шарикъ до температуры нѣсколько выше, чѣмъ температура нашего тѣла, напр. до 40° Ц., вводятъ шарикомъ же, но не глубоко, въ отверстіе рта, который долженъ оставаться все время открытымъ; на шарикъ попеременно попадаетъ при дыханіи то струя внѣшняго воздуха, то выдыхаемый воздухъ, и онъ конечно постепенно охлаждается; если при этомъ наблюдать за шарикомъ, то на его блестящую металлическую поверхность вскорѣ осѣдаетъ, какъ отъ дыханія на холодное стекло, паръ; въ эту минуту нужно сосчитать число градусовъ на термометрѣ. Вы знаете, мм. гг., что осѣданіе пара служитъ признакомъ насыщенія имъ воздуха для температуры того тѣла, на которое паръ осѣлъ; и вамъ конечно извѣстно далѣе, что чѣмъ выше температура, для которой воздухъ насыщенъ водянымъ паромъ, тѣхъ паровъ въ немъ больше. Но въ нашемъ опытѣ эта температура всегда оказывается очень близкой къ температурѣ тѣла, а послѣдняя въ нашихъ широтахъ всегда выше температуры окружающаго воздуха.

Фактъ выдѣленія лёгкимъ угольной кислоты тоже очень легко показать на опытѣ: въ эту стклянку налитъ совершенно прозрачный водный растворъ ѣдкой извести; я беру стеклянную трубку и начинаю изъ себя вдувать воздухъ въ жидкость — вы видите, она помутилась. Это помутнѣніе зависитъ, мм. гг., отъ соединенія ѣдкой извести съ угольной кислотой моего выдыхае-

маго воздуха и отъ превращенія ея въ порошокъ мѣла, нерастворимый въ водѣ. Я могъ бы собрать осадокъ и, дѣйствуя на него какой-нибудь кислотой, снова добыть угольную кислоту; но самый фактъ ея выдѣленія лёгкими я считаю слишкомъ общеизвѣстнымъ, чтобы останавливаться на такихъ деталяхъ.

Что касается до исчезанія кислорода изъ вдыхаемаго воздуха, то этотъ фактъ всего легче могъ бы быть демонстрированъ слѣдующимъ опытомъ: нужно было бы посадить какое-нибудь маленькое животное, напр. хоть мышь, въ маленькое же герметически закупоренное пространство, наполненное воздухомъ, дождаться смерти въ немъ животнаго отъ задушенія и затѣмъ анализировать составъ оставшагося воздуха—въ немъ оказались бы только слѣды кислорода.

Способъ опредѣленія количественныхъ измѣненій азота будетъ показанъ впослѣдствіи.

Въ той формѣ, въ какой намъ представляются въ настоящую минуту измѣненія воздуха при дыханіи, изъ нихъ можно пока вывести только слѣдующія вѣроятныя заключенія: въ смыслѣ выведенія угольной кислоты изъ лёгкаго, дыхательныя движенія имѣютъ, повидимому, значеніе вентиляціи и при этомъ главнымъ дѣятелемъ изъ составныхъ частей воздуха является азотъ, тогда какъ кислородъ не ограничивается одною этой чисто механической ролью и вѣроятно поддерживаетъ жизнь тою именно частью, которая куда-то исчезаетъ изъ вдыхаемаго воздуха.

Куда скрывается изъ лёгкаго кислородъ и откуда берется въ немъ угольная кислота—вотъ дальнѣйшіе вопросы, съ которыми намъ приходится теперь имѣть дѣло.

Описывая устройство лёгкаго, вы помните, я не упоминалъ ни о какихъ отверстіяхъ въ его стѣнкахъ, ни о какихъ сообщеніяхъ его съ воздушными полостями, въ которыя могла бы скрыться часть кислорода, или изъ которыхъ могла бы выдѣляться въ лёгкое угольная кислота — ничего подобнаго нѣтъ, стѣнки лёгочной полости положительно сплошныя и только по дну ея, образованному изъ чрезвычайно тонкой перепонки, вѣчно текутъ густою сѣтью потоки крови. Ужъ не въ крови ли лежитъ ключъ къ обоимъ загадочнымъ явленіямъ? Посмотримъ на кровь, которая притекаетъ къ легкому и на ту, которая отъ него оттекаетъ. Вы знаете, что къ лёгкому идетъ кровь изъ праваго желудочка—та самая, которая черезъ полыя вены влилась въ правое предсердіе; а отъ лёгкаго идетъ кровь черезъ лѣвое предсердіе и лѣвый желудочекъ въ аорту; стало быть, для сравненія можно даже брать кровь изъ какой-нибудь венной и артеріальной вѣтви. Здѣсь въ стклянкахъ вы видите оба рода крови: взя-

тая изъ венъ всегда имѣетъ темный цвѣтъ, тогда какъ взятая изъ артерій она ярко-красная. Разница дѣйствительно большая, но какъ же связать ее съ процессомъ выдѣленія угольной кислоты въ лёгкое и актомъ исчезанія изъ него кислорода? Нужно попробовать, во-первыхъ, какъ измѣняется цвѣтъ крови подъ вліяніемъ обоихъ газовъ, т.-е. не совпадаетъ ли искусственно произведенное измѣненіе цвѣта съ тѣмъ, которое происходитъ съ кровью при переходѣ ея черезъ лёгкое; затѣмъ нужны, конечно, прямые опыты относительно способности обоихъ газовъ входить и выходить изъ крови, и вообще опыты объ отношеніи ихъ къ этой жидкости.

Въ этой стклянкѣ вы видите, мм. гг., очень темную, почти черную кровь — это кровь, искусственно насыщенная угольной кислотой. Я беру отъ нея часть въ другую стклянку и сильно взбалтываю въ соприкосновеніи съ воздухомъ. Вы видите, она все болѣе и болѣе свѣтлѣетъ и теперь по яркости цвѣта нисколько не уступаетъ артеріальной крови. Теперь вспомните условія въ лёгкихъ для крови: къ нимъ она притекаетъ темною, въ лёгкомъ растилается широкимъ ложемъ по дну его, отдѣляясь отъ воздушной полости, содержащей атмосферный воздухъ, лишь тонкой перегородкой, и вслѣдъ за этимъ становится красной, какъ будто взболтанная съ воздухомъ. Разница между условіями только-что сдѣланнаго опыта и тѣми, въ которыя поставлена лёгочная кровь, лишь та, что въ лёгкомъ она соприкасается съ воздухомъ не прямо, а черезъ посредство очень тонкой перепонки. Но эта преграда ничего не значитъ: еслибъ я наполнилъ венной кровью мѣшокъ изъ животнаго пузыря и оставилъ его на воздухѣ, вы нашли бы черезъ нѣсколько часовъ, что цвѣтъ крови въ немъ посвѣтлѣлъ; и еслибы мѣшокъ былъ помѣщенъ въ замкнутое воздушное пространство, вы нашли бы сверхъ того въ послѣднемъ присутствіе угольной кислоты. Другими словами, этотъ опытъ показалъ бы вамъ, что извнѣ въ кровь можетъ проникать черезъ пузырь атмосферный воздухъ, а изъ крови черезъ тотъ же пузырь выходить угольная кислота. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ настолько продолжителенъ и сложенъ, что я не могъ бы показать вамъ его въ теченіи лекціи, и потому вамъ приходится вѣрить мнѣ на слово.

Итакъ, измѣненіе цвѣта крови при переходѣ ея черезъ лёгкое можетъ, въ самомъ дѣлѣ, служить поводомъ къ мысли, что въ крови слѣдуетъ искать причинъ какъ исчезанію вдыхаемаго кислорода, такъ и присутствію въ лёгочной полости угольной кислоты.

Въ заключеніе лекціи позвольте мнѣ описать вамъ еще одинъ

опытъ, бывшій все время въ ходу и очень наглядно показывающій проницаемость лёгочной ткани для угольной кислоты. Вы видите здѣсь стеклянный колпакъ, опрокинутый въ тарелку съ водой; подъ край его черезъ воду проведена трубка отъ аппарата, развившаго болѣе чѣмъ въ теченіи часа непрерывный токъ угольной кислоты; по мѣрѣ прибыванія ея въ колоколѣ часть заключеннаго въ немъ атмосфернаго воздуха имѣла возможность выходить черезъ воду, такъ что теперь весь колоколъ можно считать наполненнымъ почти исключительно угольной кислотой. Черезъ крышку колокола проходитъ, какъ видите, трубка; внѣшній конецъ ея все время оставался запертымъ, а на внутренній открытый навязано висящее теперь въ полости колокола кроличье лёгкое; навязано оно было въ спавшемся состояніи, но все-таки, какъ вы знаете, заключало въ себѣ полость, содержащую атмосферный воздухъ. Такъ какъ наружная поверхность лёгкаго все время оставалась въ атмосферѣ угольной кислоты, значитъ стѣнки лёгкаго отдѣляли собою два различныхъ газа, и, въ случаѣ ихъ проницаемости, давали этимъ газамъ возможность смѣшиваться другъ съ другомъ — давали возможность къ газовой диффузіи. Она и произошла, мм. гг., но такъ какъ токъ угольной кислоты извнѣ въ полость лёгкаго былъ сильнѣе, чѣмъ обратный токъ атмосфернаго воздуха (это зависитъ уже отъ свойствъ газовъ по отношенію къ раздѣляющей ихъ перегородкѣ) въ колоколъ, то лёгочная полость мало по малу растянулась, и значитъ теперь въ ней напряженіе газа болѣе чѣмъ атмосферное, такъ какъ уже при началѣ опыта, безъ прибавки угольной кислоты, оно имѣло эту величину. Въ самомъ дѣлѣ, я открываю трубку, сообщающую полость лёгкаго съ атмосферой, и вы видите, что оно спадается.

X.

Отношеніе къ крови кислорода, угольной кислоты и азота. — Процессъ поступленія въ кровь кислорода и выдѣленія изъ нея угольной кислоты. — Способы измѣренія этихъ величинъ.

Въ прошлую лекцію вопросъ объ исчезаніи кислорода изъ лёгкаго и присутствіи въ немъ угольной кислоты былъ подвинутъ настолько, что мы получили возможность обратиться за отвѣтомъ къ крови, протекающей черезъ лёгкое, притомъ же выяснилась и самая форма этого обращенія. Если темная, насыщенная угольною кислотою, кровь, какою она притекаетъ къ лёгкому, будучи взболтана съ воздухомъ, становится алою, ка-

кою кровь оттекаетъ отъ лёгкаго, то какъ не подумать, что причина явленія заключается въ выдѣленіи изъ венной крови угольной кислоты и вхожденіи въ кровь атмосфернаго воздуха, и именно кислорода (стоятъ ли оба акта въ причинной связи, или нѣтъ, это уже другой вопросъ)? Но тогда слѣдуетъ ожидать, что въ крови должны заключаться газы и всего проще, конечно, думать, что венная содержитъ исключительно угольную кислоту, а артеріальная одинъ кислородъ. Во всякомъ же случаѣ нужно умѣть добыть газы изъ крови, да притомъ умѣть еще распознавать и измѣрять ихъ на случай, еслибы въ кровеной газовой смѣси изъ венъ и артерій оказались не качественныя, какъ мы сказали, а количественныя различія.

Здѣсь нить разсказа по необходимости должна быть прервана—я принужденъ познакомить васъ со способомъ добыванія газовъ изъ крови и съ способомъ анализа этихъ газовъ. То и другое я покажу на опытѣ.

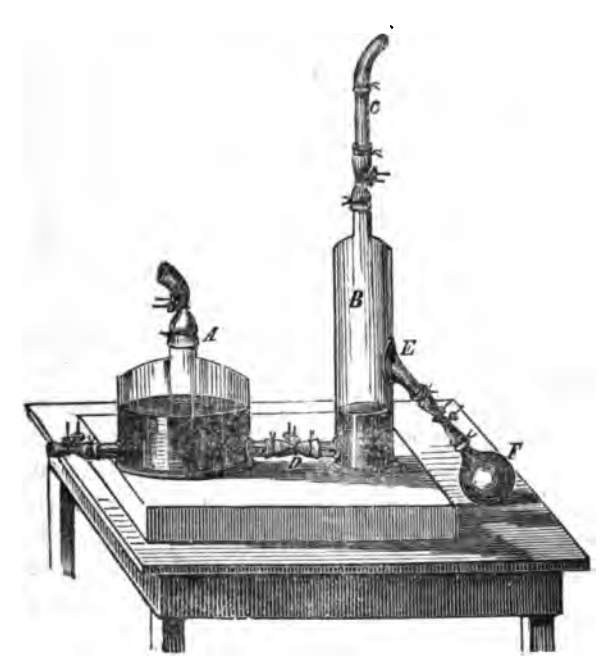


Рис. 15.

Передъ вами стоятъ два сообщающихся между собою стеклянныхъ сосуда (*A* и *B*: рис. 15) неравной емкости; оба они наполнены ртутью настолько, что ее хватило бы для наполненія меньшаго изъ сосудовъ съ навязанною поверхъ его трубкою (*C*) и въ бóльшемъ сосудѣ (*A*) осталось бы еще ртути поверхъ го-

ризонтальной трубки (D), сообщающей оба сосуда. Въ меньшемъ сосудѣ вы видите сверхъ того новый отростокъ (E), съ которымъ сообщается посредствомъ сжатой теперь клещами каучуковой трубки пріемникъ съ кровью (F). Рядомъ съ этимъ снарядомъ стоитъ обыкновенный воздушный насосъ. Я сообщаю его съ трубкой (C), стоящей поверхъ меньшаго сосуда и начинаю выкачивать воздухъ. Вы видите, при этомъ давленіемъ воздуха ртуть изъ большаго сосуда начинаетъ вытекать въ меньшій и наконецъ наполняетъ послѣдній вмѣстѣ съ надставной трубкой. Когда эта цѣль достигнута, я запираю клещами каучуки поверхъ трубки C и тотчасъ подъ нею. Тогда воздушный насосъ можно уже смѣло отнять отъ трубки C, и ртуть не вытекаетъ изъ правой половины снаряда—весь этотъ столбъ удерживается давленіемъ воздуха изъ полости большаго сосуда. Теперь я переношу дѣйствіе воздушнаго насоса на послѣдній и начинаю выкачивать изъ него воздухъ. Вы видите, ртуть начинаетъ понижаться въ сосудѣ B, повышаясь въ A; и это продолжается до тѣхъ поръ, пока ртуть не встала на одномъ уровнѣ въ обоихъ сосудахъ. Теперь, мм. гг., съ обѣихъ сторонъ надъ уровнями ртути безвоздушное пространство, и замѣтьте, что въ меньшемъ сосудѣ этотъ уровень опустился ниже отростка, къ которому привязанъ кровеной пріемникъ, такъ что, открывая въ настоящую минуту клещи, разобщавшіе его полость съ сосудомъ B, я даю доступъ крови въ пустоту. Кровь была передъ этимъ согрѣта, и вы видите, что она съ силою ворвалась въ пустоту и почти вся превратилась въ пѣну. Изъ нея выдѣляются въ эту минуту газы и я ихъ сейчасъ соберу. Съ этой цѣлью я ворочаю по возможности всю кровь изъ B въ пріемникъ (F) и пускаю воздухъ въ A. Давленіемъ его ртуть изъ A бѣжитъ снова въ B, сгущая газъ, выдѣлившійся изъ крови. Уровень ртути въ B наконецъ перестаетъ подниматься; я отворяю клещи, запиравшія снизу трубку C, оставшуюся наполненной ртутью и вы видите, въ нее большими пузырями входитъ газъ, а на его мѣсто въ B втекаетъ ртуть изъ C. Если изъ крови собранъ не весь газъ, то мнѣ стбитъ опять начать выкачивать воздухъ изъ A и повторить весь описанный рядъ маневровъ.

Газъ собранъ, и теперь мнѣ нужно знать его составъ. Чтобы вы могли рѣзче видѣть ходъ операцій, которыя употребляются при анализѣ кровеныхъ газовъ, я нарочно наполнилъ одну изъ этихъ трубокъ, опрокинутыхъ въ ртутную ванну, угольной кислотой, а другую кислородомъ. Ввожу въ первую посредствомъ пипетки небольшое количество крѣпкаго воднаго раствора ѣдкаго поташа, и встряхиваю трубку, не вынимая ее изъ ванны, — вы

видите, ртуть быстро поднимается по трубкѣ вверху и наконецъ совершенно наполняетъ ее въ доказательство того, что угольная кислота жадно поглощается ѣдкимъ поташемъ. Въ трубку съ кислородомъ я ввожу тотъ же растворъ, который при встряхиваніи оказывается однако недѣйствительнымъ, и прибавляю къ нему другой жидкости, называемой пирогаллусовой кислотою; теперь вы видите двѣ вещи сразу: быстрое подниманіе въ трубку ртути и потемнѣніе до чернаго цвѣта введенной въ трубку жидкой безцвѣтной смѣси. Въ эту минуту и кислородная трубка до-верху наполнена ртутью.

Значитъ, если вы имѣете извѣстный объемъ смѣси кислорода и угольной кислоты, вамъ необходимо прежде поглотить изъ него всю угольную кислоту ѣдкимъ поташемъ, и, измѣривъ величину сокращенія газа, поглощать кислородъ. Если газъ поглотился весь, смѣсь ваша дѣйствительно состояла изъ кислорода и угольной кислоты, въ противномъ случаѣ въ смѣси находился еще 3-й газъ. Реакціи на азотъ къ сожалѣнію настолько сложны, что я не буду ихъ даже описывать.

Какъ бы то ни было, путемъ такихъ опытовъ найдено, что: 1) кровь, какъ въ венахъ такъ и въ артеріяхъ, всегда содержитъ кислородъ, угольную кислоту и азотъ; 2) венная кровь содержитъ всегда больше угольной кислоты, чѣмъ артеріальная; 3) послѣдняя наоборотъ, всегда богаче кислородомъ; наконецъ 4) количество азота въ обоихъ родахъ крови приблизительно одинаково.

Второе и третье изъ этихъ положеній возводятъ, очевидно, на степень истины наше предположеніе, что выдыхаемая угольная кислота берется изъ крови и что въ нея же поступаетъ вдыхаемый кислородъ.

Но какія же силы заставляютъ кислородъ входить въ кровь и выталкиваютъ изъ нея угольную кислоту?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо, конечно, знакомство съ условіями сочетанія и разъединенія жидкостей съ газами вообще, и въ частности — изученіе отношенія крови къ кислороду и угольной кислотѣ.

Газы могутъ соединяться съ жидкостями двоякимъ образомъ: растворяться въ нихъ, или соединяться химически. Между обоими способами соединенія есть нѣсколько существенныхъ различій. Количества растворяемаго газа опредѣляются, сверхъ его собственной природы и природы жидкости, еще массою и температурою послѣдней, равно какъ степенью сжатія газа;—всякій газъ, по мѣрѣ его сгущенія, становится болѣе и болѣе растворимымъ и наоборотъ; притомъ между степенью его сжатія

(давленіемъ, подъ которымъ онъ находится) и величиною раствореній существуетъ прямое отношеніе: давленіе вдвое больше, и газа растворяется вдвое больше; первое уменьшилось втрое, и втрое меньше становится величина растворенія и пр. Масса жидкости вліяетъ такимъ же образомъ, а температура ея въ обратномъ направленіи. При химическомъ же соединеніи газовъ съ жидкостями, количества первыхъ, нисколько не завися ни отъ температуры жидкости, ни отъ степени сжатія газа, опредѣляются одною лишь природою соединяющихся тѣлъ, и количественная сторона процесса выражается въ томъ, что тѣла соединяются всегда въ опредѣленныхъ вѣсовыхъ отношеніяхъ. Это значитъ: если, наприм., 1 золотникъ даннаго газа можетъ соединяться, въ силу химическаго сродства, съ однимъ же золотникомъ данной жидкости, то будетъ ли газъ согрѣтъ, или охлажденъ, сжатъ или нѣтъ, онъ всегда поглотится весь, лишь бы жидкости было не менѣе золотника, въ противномъ случаѣ изъ него уйдетъ въ жидкость столько газа, сколько вѣситъ сама жидкость, а весь излишекъ останется свободнымъ. Примѣромъ растворенннаго газа можетъ служить воздухъ, всегда заключающійся въ водѣ и выходящій изъ нея при нагрѣваніи; примѣръ же химическаго поглощенія газа вы видѣли въ опытѣ съ растворомъ ѣдкаго поташа и угольной кислотой.

Что касается до условій выхожденія газовъ изъ жидкостей, то для растворенныхъ газовъ они вытекаютъ изъ самыхъ условій растворенія. Растворяющая способность жидкостей (для газовъ) уменьшается по мѣрѣ возвышенія ихъ температуры, а растворяемость газовъ уменьшается по мѣрѣ ихъ разрѣженія, стало быть освободить жидкость отъ растворенннаго газа можно или согрѣваніемъ ея (кипяченіемъ), или тѣмъ, что жидкость помѣщаютъ въ безпрерывно возобновляемое безвоздушное пространство. Можно конечно и соединять оба условія вмѣстѣ, какъ мы дѣлали это съ кровью, согрѣвая ее въ безпрерывно возобновляющейся пустотѣ. Но выгонять изъ жидкостей растворенный газъ можно еще и такъ: пропуская болѣе или менѣе долгое время черезъ жидкость струю какого-нибудь другого газа; тогда на границѣ соприкосновенія послѣдняго съ жидкостью между нимъ и растворенньмъ газомъ происходитъ диффузія; маленькія порціи растворенннаго газа безпрерывно уносятся пузырями вводимаго и дѣло кончается тѣмъ, что въ жидкости прежняго газа не остается и слѣда. Отсюда я выведу заключеніе, на которое прошу обратить особенное вниманіе, такъ какъ оно имѣетъ прямое отношеніе къ нашему дѣлу: если надъ жидкостью, содержащею въ растворѣ какой-нибудь газъ, стоитъ атмосфера дру-

того газа, то изъ жидкости всегда выходитъ газъ въ окружающую его атмосферу, въ силу законовъ газовой диффузіи.

Условія выхожденія изъ жидкостей химически соединенныхъ съ ними газовъ не столько опредѣленны—все дѣло здѣсь въ степени химическаго сродства между ними: въ большинствѣ случаевъ химическая связь между тѣлами настолько крѣпка, что она не можетъ быть разорвана ни дѣйствіемъ пустоты, ни тѣми сравнительно небольшими количествами теплоты, при которыхъ уже начинаетъ кипѣть большинство жидкостей; въ этихъ случаяхъ газъ можно выгнать только дѣйствіемъ другого тѣла, имѣющаго къ жидкости бóльшую степень химическаго притяженія. Но бываютъ случаи и обратные (т.-е., когда химическое притяженіе между газомъ и жидкостью очень слабо), и они какъ разъ имѣютъ мѣсто по отношенію къ крови и ея газамъ.

Я вамъ сказалъ, мм. гг., выше, что кипяченіемъ крови въ безвоздушномъ пространствѣ изъ нея можно получить весь кислородъ—это реакція растворенпаго газа,—а между тѣмъ прямые опыты съ поглощеніемъ его кровью показываютъ, что оно почти нисколько не зависитъ отъ напряженія кислорода—это наоборотъ реакція химически связывающагося газа, притомъ реакція болѣе вѣрная, чѣмъ предыдущая. И въ самомъ дѣлѣ, наука обладаетъ сверхъ этого цѣлымъ рядомъ другихъ доказательствъ въ пользу химической связи кислорода съ кровью. Въ виду важности факта, я позволяю себѣ привести главнѣйшія изъ нихъ. Кислородъ соединяется, мм. гг., не съ жидкою частью крови (здѣсь онъ растворенъ въ ничтожномъ количествѣ), а съ красными кровеными шариками, и именно съ краскою ихъ, которая можетъ быть получена въ изолированномъ состояніи въ формѣ такъ-назыв. кровеныхъ кристалловъ [1]). Краска эта, будучи освобождена отъ кислорода (она и въ этомъ состояніи остается кристаллической), жадно поглощаетъ его и измѣняетъ при этомъ оптическія свойства (отсюда алый цвѣтъ артеріальной крови); кромѣ того, кислородъ можетъ быть вытѣсненъ изъ нея окисью углерода, и это новое кристаллическое соединеніе противустоитъ уже пустотѣ + согрѣваніе, а между тѣмъ изъ него окись углерода въ свою очередь можетъ быть вытѣснена окисью азота, причемъ получается третье, еще болѣе стойкое кристаллическое тѣло. Этотъ рядъ замѣ-

---

[1]) Средствъ для этого множество—замораживаніе и оттаиваніе крови, обработка ея эфиромъ, хлороформомъ, желчными солями и пр.; но въ основѣ всѣхъ средствъ лежитъ одно только непремѣнное условіе: разрушить шарики, не измѣняя химической природы краски; если это условіе удовлетворено, кристаллизація происходитъ непосредственно за этимъ.

щеній газовъ другъ другомъ очевидно носитъ характеръ химическихъ процессовъ, тѣмъ болѣе, что замѣщенія происходятъ въ опредѣленныхъ объемахъ. Противъ этихъ фактовъ могло бы еще быть возраженіе, что они добыты на искусственномъ продуктѣ крови (хотя опыты съ поглощеніемъ окиси углерода и окиси азота дѣлались и надъ цѣльной кровью, разумѣется, освобожденной отъ фибрина); но вотъ наблюденіе надъ живымъ животнымъ, доказывающее, что процессъ поглощенія кислорода кровью не зависитъ отъ напряженія этого газа въ лёгкомъ. Если задушить животное сжатіемъ горла — оно умираетъ при этомъ не болѣе какъ минутъ черезъ 5—и потомъ изслѣдовать воздухъ лёгкаго, въ немъ не оказывается ни атома кислорода. Такое полное исчезаніе его изъ лёгкаго было бы, мм. гг., невозможно, еслибы онъ не притягивался къ крови химическими силами. Разберите, въ самомъ дѣлѣ, условія, въ которыя поставленъ кислородъ лёгочнаго воздуха послѣ закрытія дыхательнаго горла. Положимъ, что при самомъ началѣ опыта его было въ газовой смѣси лёгкаго 20% (собственно его меньше); еслибы онъ только растворялся въ крови, безпрерывно протекающей черезъ лёгкое, то въ первый моментъ величина его поглощенія опредѣлялась бы существующимъ въ это время напряженіемъ кислорода, а оно было бы равно $^1/_5$ существующаго атмосфернаго давленія, такъ какъ кислородъ распространенъ по всей полости лёгкаго; въ слѣдующій затѣмъ моментъ, вслѣдствіе предшествовавшаго исчезновенія части кислорода, его напряженіе въ лёгкомъ было бы уже меньше, и слѣдовательно меньше растворилось бы и въ крови; въ каждый послѣдующій моментъ было бы тоже самое, и слѣдовательно дѣло никакъ не дошло бы до полнаго исчезанія кислорода изъ полости лёгкаго. Съ точки же зрѣнія химическаго связыванія его кровью фактъ нашъ объяснимъ вполнѣ. Да и какъ быть иначе, когда человѣкъ, какъ показываетъ опытъ, можетъ совершенно безнаказанно переносить значительныя разницы въ напряженіи вдыхаемаго воздуха (наприм. поднимаясь на большія высоты); когда орелъ поднимается безнаказанно выше Монблана. Еслибы кислородъ растворялся въ крови, всякое значительное уменьшеніе атмосфернаго давленія значительно понижало бы величину его вхожденія въ кровь, являлись бы припадки задушенія, а ничего подобнаго нѣтъ.

Итакъ, *кислородъ вступаетъ въ кровь силою химическаго притяженія со стороны послѣдней.*

Что касается до состоянія угольной кислоты въ крови, то оно еще неокончательно выяснено; поэтому здѣсь я позволю себѣ быть краткимъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ очень неудобенъ къ

популярному изложенію. Вотъ чтó извѣстно положительнаго и особенно для насъ важнаго. Наибóльшая часть угольной кислоты связана въ крови химически (а можетъ быть и вся), но настолько слаба, что соединенія эти даже на воздухѣ могутъ терять часть своей угольной кислоты, тѣмъ болѣе въ пустотѣ; слѣдовательно въ дѣлѣ диффузіи такое состояніе нашего газа эквивалентно растворенному его состоянію; другими словами, выхожденіе угольной кислоты изъ крови въ полость лёгкаго (содержащую атмосферный воздухъ) путемъ диффузіи столько же возможно при ея данномъ состояніи въ крови, какъ будто она была въ растворѣ. Но къ этому присоединяется еще, можетъ быть, замѣчательная способность кровеныхъ шариковъ разлагать углекислыя щелочи съ выдѣленіями изъ нихъ угольной кислоты, когда въ окружающей средѣ напряженіе этого газа незначительно. Въ лёгкомъ послѣднее условіе всего скорѣе можетъ имѣть мѣсто, такъ какъ здѣсь кровь приходитъ въ соприкосновеніе съ атмосфернымъ воздухомъ; поэтому вообще допускаютъ, что угольная кислота выдѣляется изъ крови въ лёгкое двоякимъ образомъ: *частію прямо, частію при посредствѣ освобожденія ея изъ химическаго соединенія кровеными шариками, но въ обоихъ случаяхъ путемъ диффузіи.* Моментъ соединенія въ лёгкомъ кислорода съ кровеными шариками не играетъ при этомъ никакой роли.

Такимъ образомъ, дыхательный процессъ доведенъ до границы соприкосновенія воздушной лёгочной полости съ кровью. Здѣсь кончается его первая половина, такъ-наз. *легочное дыханіе*, и затѣмъ начинается рядъ процессовъ, которые можно обозначить общимъ словомъ *дыханіе крови.* Въ нее при каждомъ вдыханіи входитъ нѣкоторое количество кислорода и съ каждымъ выдыханіемъ она теряетъ угольную кислоту, а между тѣмъ содержаніе этихъ газовъ какъ въ артеріальной, такъ и въ венной крови остается приблизительно постояннымъ. Значитъ, въ теченіи каждаго полнаго оборота по тѣлу кровь успѣваетъ потерять все вступившее въ нее въ началѣ оборота количество кислорода и запастись вновь такимъ же количествомъ угольной кислоты, которое было потеряно ею передъ самымъ началомъ оборота. Это-то постоянное исчезаніе кислорода изъ крови и столько же постоянное возрожденіе въ ней угольной кислоты я и обозначилъ словомъ кровеное дыханіе.

Задачи наши должны отнынѣ, очевидно, заключаться въ объясненіи того и другого процесса, и казалось бы, что теперь все наше вниманіе должно быть сосредоточено исключительно на крови. Этотъ путь дѣйствительно самый прямой, но къ сожалѣнію

условія, которыми обставлены оба процесса въ крови, до такой степени сложны, что, слѣдуя имъ однимъ, наука осталась бы при одной формальной сторонѣ дѣла, не проникнувъ нисколько въ глубь его. Несравненно болѣе дало наукѣ чисто количественное изслѣдованіе газоваго обмѣна въ тѣлѣ, т.-е. измѣреніе количествъ вдыхаемаго при различныхъ условіяхъ кислорода и массъ выдѣляемой при тѣхъ же условіяхъ угольной кислоты. На первый взглядъ это можетъ вамъ показаться страннымъ, но если вы хоть на минуту вспомните, что есть много основаній смотрѣть на дыхательные акты, какъ на процессъ горѣнія въ паровыхъ машинахъ, процессъ служащій источникомъ развитія силъ, то конечно сразу помиритесь съ этой мыслью. Ставъ на такую точку зрѣнія и разнообразя условія опытовъ, измѣняя напр. качества пищи, какъ топлива, усиливая или ослабляя дѣятельность рабочихъ органовъ и пр., вы получаете возможность не только судить по результатамъ такихъ опытовъ о большей или меньшей состоятельности вашей исходной мысли, т.-е. о самой сути дыханія, но и можете почерпнуть въ нихъ указанія къ изслѣдованію процессовъ въ самой крови. Поэтому вы, конечно, не удивитесь, если я остановлюсь нѣсколько подробно на способахъ измѣренія газовыхъ величинъ при дыханіи.

Въ настоящее время можно говорить только о двухъ способахъ — одинъ изъ нихъ принадлежитъ Реньо, другой Петтенкоферу. Сначала о первомъ.

Вообразите себѣ герметически закрытое воздушное пространство, въ которомъ дышетъ животное. Съ каждымъ вдыханіемъ изъ этого пространства исчезаетъ нѣкоторое количество кислорода и взамѣнъ его выдѣляется угольная кислота. Вообразите себѣ далѣе, что это пространство снабжено такими придатками, изъ которыхъ первый постоянно и съ точностью пополнялъ бы въ немъ кислородныя потери, а другой постоянно удалялъ изъ него угольную кислоту по мѣрѣ ея развитія. Вы, конечно, понимаете, что если при этомъ условіи количество азота въ замкнутомъ пространствѣ не измѣняется (а мы уже знаемъ, что это приблизительно справедливо), то животное можетъ жить въ немъ неопредѣленно долгое время и составъ воздуха останется такимъ же, какъ при началѣ опыта. Если ко всему этому присоединить еще возможность измѣрять съ одной стороны величины кислородныхъ потерь (по тѣмъ количествамъ кислорода, которыми онѣ пополняются), а съ другой возможность собрать всю удаленную изъ воздушнаго пространства угольную кислоту, то задача наша будетъ выполнена. По этой мысли и устроенъ снарядъ Реньо, модель котораго (рис. 16) вы здѣсь видите. Стеклян-

ная банка *A* изображаетъ пріемникъ, въ которомъ дышетъ животное. Слѣва отъ него придатокъ, пополняющій кислородныя потери, а справа тотъ, который удаляетъ угольную кислоту. Первый

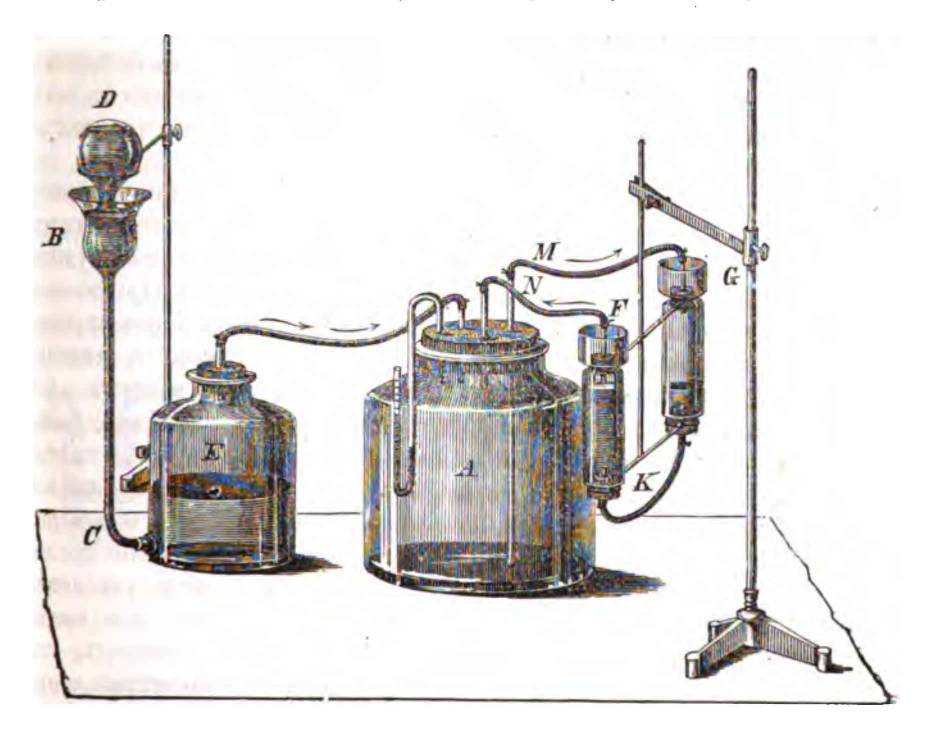


Рис. 16.

начинается, какъ видите, столбомъ жидкости *BC* (неизмѣнность его высоты поддерживается стклянкою *D* съ тою же жидкостью, опрокинутою открытымъ концомъ въ резервуаръ), который служитъ для продавливанія чистаго кислорода изъ стклянки *E* въ пріемникъ *A* по пути, обозначенному стрѣлками. Каждый разъ, что животное производитъ вдыханіе, часть воздуха исчезаетъ изъ пространства *A*, слѣдовательно напряженіе остающагося воздуха становится слабѣе; въ силу этого обстоятельства и долженъ кислородъ притекать въ *A*, и именно въ томъ самомъ количествѣ, сколько его исчезло при вдыханіи. Этой простой уловкой, устанавливающей равенство между кислородными потерями и кислороднымъ притокомъ, дается въ тоже время возможность мѣрять количество вдыхаемаго кислорода по степени его исчезанія изъ банки *E*. Другой придатокъ состоитъ изъ двухъ равной вмѣстимости и открытыхъ съ обоихъ концовъ стеклянныхъ сосудовъ *F* и *G*, прикрѣпленныхъ къ подвижной во всѣхъ углахъ рамѣ;

нижніе концы обоихъ сосудовъ связаны каучуковой трубкой К, которая сообщаетъ слѣдовательно ихъ полости другъ съ другомъ; верхніе же концы посредствомъ каучуковыхъ же трубокъ *M* и *N*, сообщены съ стеклянными трубками, открывающимися на различныхъ глубинахъ въ полость *A*; полости сосудовъ *F* и *G* сообщаются слѣдовательно другъ съ другомъ и съ пріемникомъ, въ которомъ дышетъ животное; въ тоже время онѣ наполнены, конечно вмѣстѣ съ трубкою *K*, растворомъ ѣдкаго поташа настолько, что когда оба сосуда стоятъ на одномъ уровнѣ, растворъ доходитъ въ каждомъ изъ нихъ до половины высоты. Если теперь я стану одинъ изъ сосудовъ опускать книзу — другой при этомъ самъ собою идетъ кверху, — то уровень раствора въ немъ будетъ постоянно повышаться, а въ другомъ сосудѣ падать. При этомъ, конечно, верхній сосудъ будетъ присасывать воздухъ изъ пріемника *A*, а именно изъ болѣе глубокихъ слоевъ его, а нижній сосудъ будетъ, наоборотъ, выталкивать изъ себя воздухъ. Съ каждой перемѣною положенія сосудовъ, при движеніяхъ рамы въ ту и другую сторону, роли ихъ будутъ измѣняться, слѣдовательно они въ одно и тоже время будутъ взбудораживать воздухъ въ пріемникѣ *A* и постоянно присасывать его къ раствору ѣдкаго кáли, который, какъ вамъ извѣстно, жадно поглощаетъ угольную кислоту. Этимъ путемъ постоянно удаляется выдыхаемая угольная кислота; собирается же она для измѣренія очень легко изъ раствора ѣдкаго поташа. Наконецъ, въ аппаратѣ Реньо есть средства и для измѣренія количества азота въ случаѣ, если онъ терпитъ измѣненія при дыханіи: они, какъ сказано было выше, узнаются изъ состава воздуха въ пріемникѣ *A* (неизмѣнность этого состава показываетъ неизмѣняемость азота при дыханіи; увеличеніе процента — выдѣленіе его изъ тѣла, а уменьшеніе наоборотъ) и съ этой цѣлью существуетъ 3-й придатокъ, дающій возможность въ каждое время высосать изъ пріемника нѣкоторое количество воздуха для анализа.

Способъ Петтенкофера уступаетъ предыдущему въ томъ отношеніи, что онъ не даетъ возможности опредѣлять возможныхъ измѣненій азота при дыханіи, предполагая ихъ (какъ думаетъ впрочемъ теперь большинство изслѣдователей) несуществующими. Съ этимъ ограниченіемъ способъ его еще проще предыдущаго. Вообразите себѣ, что черезъ пріемникъ, въ которомъ дышетъ животное, просасывается безпрерывно воздухъ и все количество его, прошедшее въ теченіи извѣстнаго времени, можетъ быть измѣрено. Съ этимъ воздухомъ изъ пріемника уносится, конечно, какъ угольная кислота, такъ и водяной паръ, выдыхаемые животнымъ; и если на пути его существуютъ условія

для поглощенія того и другого, то этимъ прямо опредѣляются величины продуктовъ выдыханія, составляющія вѣсовыя дыхательныя потери тѣла. Но рядомъ съ такими потерями животное вдыхаетъ кислородъ, и количество его, соединившееся съ тѣломъ, представляетъ наоборотъ вѣсовой дыхательный приходъ; слѣдовательно понятно, что изъ вѣса животнаго въ началѣ и концѣ опыта, когда извѣстна величина дыхательныхъ потерь, можетъ быть найдена и величина газоваго прихода, т.-е. количество потребленнаго животнымъ кислорода.

Передъ вами находится схема дыхательнаго аппарата Петтенкофера (рис. 17). Банка *A* съ вводной и выводной трубкой

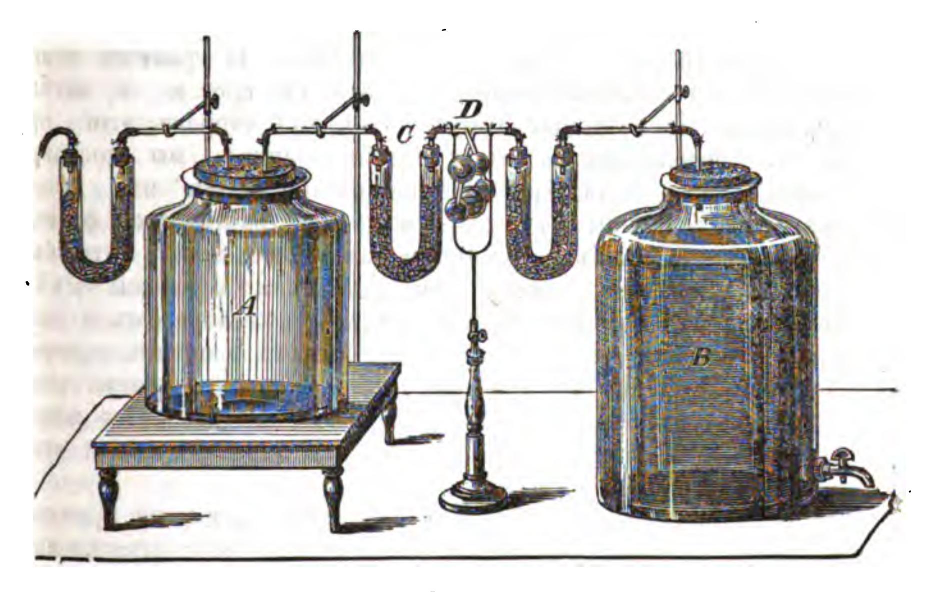


Рис. 17.

обозначаетъ пріемникъ, въ которомъ сидитъ животное; банка *B* съ противоложнаго конца есть снарядъ, просасывающій воздухъ черезъ *A* и всю систему послѣдующихъ полостей; между ними, ближе къ пріемнику стоятъ газовые часы, снарядъ, употребляемый на газовыхъ заводахъ, для измѣренія объемовъ вытекающаго газа; этотъ снарядъ въ нашей схемѣ пропущенъ); за ними слѣдуетъ U-образная трубка (*C*), наполненная веществомъ (хлористымъ кальціемъ), поглощающимъ воду; за нею слѣдуютъ снаряды (*D*, *D*) съ ѣдкимъ поташемъ, поглощающіе угольную кислоту; наконецъ передъ сосудомъ *B*, наполненнымъ до верху водой, стоитъ еще одна U-образная трубка, чтобы предупредить возможность поглощенія воды поташными пріемни-

ками. Я отворяю выпускной кранъ въ сосудѣ B, изъ него начинаетъ вытекать вода, а на ея мѣсто поступаетъ воздухъ изъ всей системы трубокъ, начиная съ пріемника A. Этотъ токъ вы видите по пузырькамъ воздуха, которые постоянно пробѣгаютъ черезъ сосуды съ поташнымъ растворомъ.

Въ слѣдующій разъ я буду имѣть честь сообщить вамъ наиболѣе важные изъ результатовъ, полученныхъ при посредствѣ описанныхъ опытовъ.

XI.

Дыханіе, какъ процессъ горѣнія.—Регуляція дыхательныхъ актовъ.

Прошлый разъ дыханіе было доведено до границы соприкосновенія воздушной полости лёгкаго съ кровью, и затѣмъ, приступивъ къ изученію самыхъ интимныхъ сторонъ этого процесса, совершающихся въ крови и тканяхъ, мы поставили вопросъ: нельзя ли приблизиться къ пониманію ихъ путемъ измѣренія величины газоваго обмѣна при различныхъ физіологическихъ условіяхъ. При этомъ за руководящую нить была принята мысль, что, можетъ быть, дыхательные процессы въ тѣлѣ, поскольку они состоятъ въ соединеніи съ кислородомъ и выведеніи изъ тѣла угольной кислоты, имѣютъ значеніе процесса горѣнія. Средства къ рѣшенію этихъ вопросовъ теперь уже у насъ въ рукахъ, и мнѣ остается только сообщить вамъ результаты опытовъ, чтобы составить по нимъ выводы о самой существенной сторонѣ дыханія.

Человѣкъ можетъ, хотя и на короткое время, по произволу измѣнять въ ту и другую сторону какъ частоту дыхательныхъ движеній, такъ и глубину ихъ. Если эти измѣненія вызываются не дѣйствительными нуждами организма, а только произволомъ, то оказывается, что они остаются безъ всякаго вліянія на среднія, даже часовыя, количества истребляемаго кислорода и выдыхаемой угольной кислоты. Обстоятельство очень важное, сразу указывающее на то, что потребленіе кислорода и образованіе угольной кислоты управляются въ тѣлѣ болѣе глубокими причинами, чѣмъ усиленная или ослабленная вентиляція лёгкаго. Вотъ цѣлый рядъ этихъ причинъ. Сравните, напр., между собою величину газоваго прихода и расхода передъ принятіемъ пищи и послѣ него—всегда найдете, что въ пищеварительный періодъ животное и больше поглощаетъ кислорода, и больше развиваетъ угольной кислоты, какъ будто пища въ самомъ дѣлѣ топливо, сжигаемое кислородомъ вдыхаемаго воздуха. Хотите убѣдиться

въ этомъ дальше, изслѣдуйте вліяніе качества пищи на газовый обмѣнъ—результатъ всегда постояненъ: при пищѣ, состоящей преимущественно изъ бѣлковъ (напр. тощее масо), изъ всего количества вдыхаемаго кислорода только около $^6/_{10}$ возвращаются изъ тѣла въ формѣ угольной кислоты (послѣдняя состоитъ изъ угля + кислородъ), тогда какъ при пищѣ богатой крахмаломъ и сахаромъ, почти весь вдыхаемый кислородъ выходитъ наружу въ формѣ этого газа (около $^9/_{10}$). Параллельно этому мы знаемъ, что очень значительная часть продуктовъ разрушенія бѣлковыхъ веществъ выводится изъ тѣла не лёгкими, а мочею, тогда какъ окончательные продукты разрушенія жира, крахмала и сахара въ случаѣ ихъ сгаранія насчетъ вдыхаемаго кислорода,—угольная кислота и вода—могутъ цѣликомъ выводиться лёгкими. Въ этихъ фактахъ нельзя не видѣть намека на то, что пища въ самомъ дѣлѣ сгараетъ въ тѣлѣ какъ топливо (при этомъ углеродъ ея превращается въ угольную кислоту, водородъ въ воду, кислородъ пищи помогаетъ вдохнутому кислороду, а азотъ выдѣляется въ формѣ мочевины и другихъ азотистыхъ соединеній мочею), тѣмъ болѣе, что въ пищеварительный періодъ усиливается и процессъ образованія теплоты въ тѣлѣ.

Привяжемтесь къ этому послѣднему факту, и сдѣлаемте нѣсколько опытовъ, смотря на дыхательные процессы какъ на источники животной теплоты. Сравнимъ, наприм., величины газоваго обмѣна при условіяхъ, когда животное окружено теплымъ и холоднымъ воздухомъ. Въ первомъ случаѣ сумма тепловыхъ потерь его, конечно, меньше чѣмъ во второмъ, и такъ какъ, несмотря на это, все количество тепла въ тѣлѣ остается въ обоихъ случаяхъ одинаковымъ (это доказывается неизмѣнностью температуры тѣла, дышетъ ли животное въ теплѣ или на холодѣ), значитъ животное, дыша на холодѣ, должно развивать въ своемъ тѣлѣ больше теплоты, чѣмъ при противуположномъ условіи. Результатъ точь въ точь подтверждаетъ ожиданіе: на холодѣ животное больше потребляетъ кислорода и больше развиваетъ угольной кислоты, чѣмъ въ теплѣ. Другой примѣръ. У всякаго маленькаго животнаго внѣшняя поверхность тѣла, сравнительно съ массой послѣдняго, больше, чѣмъ у большого животнаго [1]); и такъ какъ внѣшняя поверхность тѣла есть въ тоже время поверхность охлажденія, а теплота развивается во всѣхъ точкахъ

---

[1]) Если вообразить себѣ тѣла животныхъ въ формѣ шаровъ, то поверхности ихъ будутъ относиться какъ квадраты радіусовъ, а массы, какъ кубы; слѣдовательно, съ уменьшеніемъ величины тѣла, массы убываютъ скорѣе (пропорціонально кубамъ радіусовъ), чѣмъ поверхности.

тѣла, значитъ, сравнительно съ массою послѣдняго всякое маленькое животное больше теряетъ и больше развиваетъ тепла, чѣмъ большое, такъ какъ температуры тѣла у обоихъ одинаковы. Соотвѣтственно этому опыты показываютъ, что всякое маленькое животное, сравнительно съ массою своего тѣла, въ нѣсколько разъ больше поглощаетъ кислорода и больше развиваетъ угольной кислоты, чѣмъ большое. Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, на усиленную потребность въ теплотѣ тѣло отвѣчаетъ усиленіемъ дыхательныхъ процессовъ.

Теперь посмотримъ, какъ отражается на дыханіи мышечная дѣятельность. Если, въ самомъ дѣлѣ, дыхательные процессы могутъ быть приравнены горѣнію дровъ въ паровой машинѣ, а мышечная дѣятельность работѣ послѣдней, то, конечно, въ этомъ случаѣ, скорѣе чѣмъ когда-либо, можно ожидать усиленнаго потребленія кислорода и усиленнаго выдѣленія угольной кислоты. И въ самомъ дѣлѣ, мышечная работа усиливаетъ дыхательные процессы болѣе чѣмъ все другое — количество выдыхаемой при этомъ угольной кислоты можетъ, какъ показываютъ опыты, чуть не въ десять разъ превосходить соотвѣтственную величину при покоѣ.

Послѣ этого вамъ будетъ понятенъ и слѣдующій новый фактъ: ночью, во время сна животное вообще меньше потребляетъ кислорода и меньше выдѣляетъ угольной кислоты, чѣмъ днемъ. Въ первомъ случаѣ работаетъ почти исключительно одно сердце и дыхательныя мышцы, притомъ слабѣе, чѣмъ днемъ, а во второмъ къ нимъ присоединяется работа огромныхъ мышечныхъ массъ туловища, рукъ и ногъ. Еще поразительнѣе явленія на животныхъ во время зимней спячки. Въ этомъ состояніи они цѣлыми мѣсяцами не принимаютъ пищи и всѣ мышечныя движенія въ ихъ тѣлѣ, за исключеніемъ сердечныхъ и дыхательныхъ, подавлены окончательно; да и эти послѣднія происходятъ до такой степени вяло, что съ перваго взгляда животное кажется мертвымъ. Здѣсь величины газоваго обмѣна достигаютъ возможнаго minimum'а — количества поглощаемаго кислорода могутъ, наприм., уменьшаться въ 20 разъ противъ нормы, и параллельно этому развитіе тепла въ тѣлѣ падаетъ до поразительно низкой цифры (температура внутреннихъ частей тѣла едва превышаетъ 10° Ц.). Этимъ охлажденіемъ тѣла, вызывающимъ спячку, и объясняютъ ту пониженную степень вещественнаго обмѣна, которая одна даетъ возможность животному не умереть съ голода. Но какъ бы ни сокращалась черезъ это величина расходовъ тѣла, при постоянствѣ разрушенія его составныхъ частей и при полномъ отсутствіи пищи для возста-

новленія потерь, слѣдовало бы ожидать, что въ теченіи зимней спячки животное должно страшно исхудать, значительно уменьшиться въ вѣсѣ тѣла. Этого однако не замѣчается въ столь рѣзкой степени, и бываютъ даже (на суркахъ) обратные случаи, когда въ теченіи спячки вѣсъ тѣла нѣсколько увеличивается. На видъ это явленіе кажется чистѣйшимъ парадоксомъ, но дѣло объясняется съ одной стороны тѣмъ, что животное, будучи поставлено въ условія голоданія, дышетъ насчетъ элементовъ своего тѣла и возвращаетъ изъ себя, какъ всякое плотоядное животное, лишь половину вдохнутаго кислорода (въ формѣ угольной кислоты); съ другой стороны Реньо нашелъ, что во время спячки животное можетъ поглощать нѣкоторое количество азота изъ окружающей атмосферы. Этими фактами дѣло могло бы дѣйствительно быть объяснено; но послѣдній изъ нихъ (въ случаѣ его вѣрности) доказывалъ бы сверхъ того извращеніе въ химическихъ процессахъ тѣла во время зимней спячки.

Таковы, мм. гг., главнѣйшіе результаты измѣренія газоваго обмѣна веществъ при дыханіи. Стоитъ хоть немного вдуматься въ нихъ, и нельзя не придти къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ:

Въ виду прямой связи между интенсивностью актовъ поглощенія кислорода и выдѣленія угольной кислоты (оба акта повышаются и понижаются параллельно другъ другу) легко объяснимой изъ сгаранія насчетъ кислорода углеродистыхъ соединеній тѣла;—въ виду прямой связи между интенсивностью дыхательныхъ актовъ и развитіемъ въ тѣлѣ теплоты:

1) *на дыхательные акты, по ихъ сущности*, нельзя иначе смотрѣть, какъ на *процессы окисленія веществъ въ тѣлѣ*, или что тоже, какъ на *процессъ горѣнія.*

Въ виду совпаденія пищеварительнаго періода съ усиленіемъ газоваго обмѣна, и рѣзкаго вліянія на послѣдній качества пищи, несомнѣнно, что

2) *субстратомъ горѣнія, горючимъ матеріаломъ, служитъ, между прочимъ* (а можетъ быть и исключительно?), *входящее въ кровь пищевое вещество.*

Наконецъ, въ виду особенно рѣзкаго вліянія на величину газоваго обмѣна мышечной работы, оказывается, что

3) *мышечная ткань во время ея дѣятельности представляетъ едва ли не главнѣйшій пунктъ, въ которомъ сосредоточиваются процессы окисленія.*

Съ этой точки зрѣнія

4) *дыхательные акты получаютъ значеніе процессовъ, свя-*

занныхъ по преимуществу съ рабочими дѣятельностями; а отсюда можетъ быть выведено заключеніе, что

5) *въ пластическихъ процессахъ тѣла вдыхаемый кислородъ играетъ, по всей вѣроятности, незначительную роль.*

Этимъ выводамъ, конечно, никто не откажетъ въ важности, тѣмъ болѣе, что въ нихъ заключается нѣсколько ясныхъ указаній на различныя стороны дыханія крови и тканей. Какъ не допустить, наприм., послѣ сказаннаго, что часть окисленій должна происходить въ сферѣ самой крови, а другая, и вѣроятно наибольшая, въ сферѣ, или по крайней мѣрѣ при посредствѣ рабочихъ органовъ, т.-е. мышцъ и желѣзъ? Какъ не подумать далѣе, что крахмалы, сахаръ и жиръ пищи, какъ вещества способныя давать при окисленіи исключительно угольную кислоту и воду, сгораютъ въ тѣлѣ до тла и не признать нѣсколько иной судьбы за бѣлковыми веществами? Эти мысли и служили, мм. гг., руководными нитями изслѣдователямъ, изучавшимъ процессы окисленія въ крови и тканяхъ.

Изслѣдованіе дыхательныхъ процессо́въ въ крови, очевидно, должно заключаться въ дальнѣйшемъ развитіи только что высказанныхъ положеній; оно должно доказать уже прямо существованіе окисленій въ тѣлѣ, опредѣлить ихъ мѣсто, ходъ и указать какъ матеріалы, подвергающіеся окисленію, такъ и продукты его. Для пущаго выясненія этихъ задачъ, позвольте мнѣ описать вамъ одинъ очень характерный примѣръ окисленія въ крови, изъ котораго вы тотчасъ же поймете, какъ намъ слѣдуетъ приниматься за дѣло. Если къ нѣкоторому количеству артеріальной крови, или лучше къ смѣси ея съ большимъ количествомъ воды (чтобы кровь стала совершенно прозрачной) прибавить свѣжихъ желѣзныхъ опилокъ и сильно взболтать жидкость, то изслѣдованіе ея оптическихъ свойствъ показываетъ, что кровеная краска теряетъ при этомъ весь свой кислородъ; если же затѣмъ слить жидкость съ опилокъ и снова взболтать ее съ воздухомъ, то анализъ показываетъ, что краска снова соединилась съ кислородомъ. Значитъ, этотъ газъ перешелъ съ шариковъ на опилки. Еслибъ вы стали искать его въ желѣзѣ такимъ же способомъ, какъ въ крови, т.-е. слегка (до 40° Ц.) нагрѣвая въ пустотѣ, то не открыли бы его присутствія, но при болѣе сильныхъ разлагающихъ вліяніяхъ онъ оказался бы въ самомъ дѣлѣ тамъ; и это обстоятельство объяснило бы вамъ весь процессъ слѣдующимъ образомъ: кровеные шарики, удерживающіе свой кислородъ хотя и химическими силами, но слабо, были приведены въ соприкосновеніе съ желѣзомъ, которое притягиваетъ къ себѣ кислородъ сильнѣе, и послѣдній перешелъ

съ шариковъ на опилки. Въ этомъ опытѣ произошло окисленіе желѣза въ сферѣ крови и процессъ выразился: 1) исчезаніемъ изъ крови кислорода, способнаго выдѣляться въ пустоту; 2) присутствіемъ въ ней продукта окисленія. Стало быть, и въ предстоящихъ намъ наблюденіяхъ надъ нормальной кровью мы должны руководствоваться тѣми же данными, чтобы доказать присутствіе окислительныхъ процессовъ.

Начну съ основнаго опыта.

Если задушить животное, то минутъ черезъ 3—5 послѣ прекращенія доступа воздуха въ лёгкое, въ крови нельзя уже найти ни единаго атома способнаго выдѣляться въ пустоту кислорода. Стало быть одинъ изъ признаковъ окисленія существуетъ; но еслибъ вы стали искать другого—продуктовъ окисленія, то кромѣ нѣсколько увеличеннаго противъ нормы количества угольной кислоты не нашли бы ничего опредѣленнаго. А между тѣмъ, въ виду неподлежащей никакому сомнѣнію сложности горючаго матеріала и сравнительной медленности горѣнія въ тѣлѣ, слѣдовало бы ожидать въ крови скопленія не только окончательныхъ, но и промежуточныхъ продуктовъ окисленія. Они, можетъ быть, и есть, мм. гг., но, къ сожалѣнію, химія не знаетъ еще образа распаденія главнѣйшихъ составныхъ частей животнаго тѣла при окисленіи ихъ, да къ тому же продукты эти пришлось бы изолировать изъ такой сложной по составу жидкости, какъ кровь. Поэтому, даже въ такомъ крайнемъ случаѣ, какъ нашъ примѣръ, мы по неволѣ должны довольствоваться однимъ только исчезаніемъ изъ крови кислорода и скопленіемъ въ ней угольной кислоты, какъ признаками окислительныхъ процессовъ. Съ этимъ ограниченіемъ мы и приступаемъ къ явленіямъ въ текущей крови.

Въ тотъ короткій промежутокъ времени, пока кровь двигается по артеріямъ (если даже время цѣлаго оборота крови по тѣлу принять = 1 мин., то на движеніе ея по артеріямъ придется около 20 секундъ, такъ какъ по венамъ, при равной длинѣ ихъ съ артеріями, кровь течетъ вдвое медленнѣе, чѣмъ по послѣднимъ), исчезаніе кислорода изъ нея хотя и происходитъ, но въ очень незначительныхъ размѣрахъ, потому что алый цвѣтъ крови, служащій признакомъ ея насыщенности кислородомъ, сохраняется вплоть до мельчайшихъ артеріальныхъ вѣточекъ. Картина однако тотчасъ же измѣняется, какъ только кровь перешла черезъ волосные сосуды. Хотя движеніе по этому отдѣлу продолжается еще менѣе, чѣмъ по артеріямъ — никакъ не болѣе 2 — 3 секундъ, — однако кровь явственно темнѣетъ, теряетъ половину, или даже нѣсколько болѣе, всего своего кислорода и пріобрѣ-

таетъ взамѣнъ его нѣкоторое количество угольной кислоты. Это явленіе повсемѣстно во всѣхъ безъ исключенія волосныхъ сосудахъ аорты, и значитъ ихъ нужно считать мѣстами, гдѣ сосредоточиваются, главнѣйшимъ образомъ, процессы окисленія. Но какая же причина, что кислородъ исчезаетъ такъ быстро именно въ волосныхъ сосудахъ? Если перебрать въ умѣ условія, въ которыя поставлена кровь при теченіи ея по артеріямъ и волоснымъ сосудамъ, то возможно остановиться только на мысли, что тамъ кровь течетъ по трубкамъ, имѣющимъ значеніе лишь проводниковъ и соприкасается съ однѣми стѣнками ихъ, тогда какъ въ волосныхъ сосудахъ она приходитъ въ соприкосновеніе съ тканями тѣла. И въ самомъ дѣлѣ, опыты искусственнаго впрыскиванія крови въ различные органы тѣла показываютъ, что пока органы эти живы, прохожденіе через нихъ крови всегда сопровождается исчезаніемъ кислорода. Выступаетъ ли онъ, однако, при этомъ изъ крови въ ткани, или наоборотъ изъ послѣднихъ постоянно выдѣляются въ кровь вещества, жадно поглощающія кислородъ—это вопросы будущаго. Извѣстно только то, что въ тканяхъ и сокахъ тѣла, лежащихъ за предѣлами кровеносной системы, до сихъ поръ не удавалось найти ни единаго атома, способнаго выдѣляться въ пустоту, кислорода. Такою же тайной окружены для насъ и условія развитія угольной кислоты въ тѣлѣ, и только въ отношеніи мышечной ткани существуютъ намеки, что она можетъ развиваться въ самыхъ мышцахъ.

Передъ вашими глазами (рис. 18) въ ходу опытъ, которымъ это доказывается. Въ стеклянной банкѣ *A* повѣшены на металлическомъ крючкѣ (*B*), проходящемъ черезъ ея крышку, заднія конечности лягушки, обнаженныя отъ кожи и освобожденныя предварительнымъ выпрыскиваніемъ сосудовъ отъ крови. На дно банки налито столько ртути, чтобы нижніе концы ногъ постоянно находились съ нею въ соприкосновеніи; въ туже ртуть опущена, черезъ крышку банки, металлическая проволока *C*, служащая вмѣстѣ съ внѣшнимъ концомъ крючка *B* мѣстомъ приложенія перерывисто дѣйствующаго электрическаго тока. Послѣдній, проходя черезъ крючекъ, лягушечьи конечности, ртуть и проволоку *C*, приводитъ мышцы ногъ въ постоянное сокращеніе, длящееся сколько угодно времени. При этомъ съ поверхности мышцъ выдѣляется въ воздухъ банки *A* угольная кислота, и присутствіе ея здѣсь я докажу вамъ продавливаніемъ изъ банки воздуха черезъ растворъ ѣдкаго барита, наполняющій Либиховскій сосудъ *N*; при этомъ въ прозрачной теперь жидкости произойдетъ муть, вслѣдствіе образованія нерастворимаго

осадка (углекислаго барита). Но еслибъ я сталъ продавливать черезъ банку *А* воздухъ этой залы, не очистивъ его предварительно отъ угольной кислоты, вы имѣли бы право приписать ей образованіе мути въ сосудѣ *N*; чтобы избѣжать такого возраженія, слѣва отъ *А* помѣщенъ другой Либиховскій сосудъ *M*, наполненный растворомъ ѣдкаго кали. Теперь, когда я буду продавливать воздухъ посредствомъ каучуковаго шара *D*, онъ будетъ входить въ *А* свободнымъ отъ угольной кислоты, а между тѣмъ вы видите, что въ *N* происходитъ муть. И такъ какъ въ мышцахъ крови нѣтъ, то этотъ опытъ показываетъ, что здѣсь угольная кислота можетъ развиваться за предѣлами кровеносной системы.

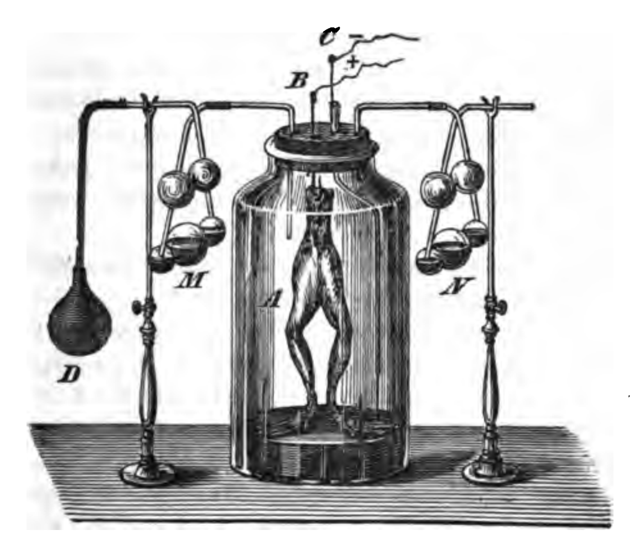


Рис. 18.

Не имѣя возможности знать продуктовъ окисленія, предшествующихъ полному сгаранію веществъ до степени угольной кислоты и воды, мы, конечно, не имѣемъ возможности указать въ крови и на тѣ матеріалы, которые подвергаются окисленію. Только въ очень недавнее время удалось подмѣтить въ крови задушеннаго животнаго присутствіе веществъ, жадно поглощающихъ кислородъ; къ сожалѣнію, вещества эти не могли до сихъ поръ быть изолированы, и относительно ихъ существуетъ лишь предположеніе, что они выходятъ въ кровь изъ тканей тѣла (продукты разрушенія послѣднихъ?). А между тѣмъ измѣреніе газоваго обмѣна при дыханіи ясно указываетъ, что горючимъ матеріаломъ въ тѣлѣ должна быть, между прочимъ, и пища. Да

и можетъ ли быть иначе, когда съ одной стороны въ тѣло вводится ежедневно большое количество бѣлковъ, сахара и жировъ, а съ другой ни одного изъ этихъ веществъ не находится въ изверженіяхъ организма: еслибы пищевыя вещества не разрушались постоянно въ тѣлѣ, они должны были бы скопиться въ теченіи очень коротсаго времени въ огромныхъ количествахъ, а ничего подобнаго не замѣчается. Сахаръ и жиры сгараютъ въ тѣлѣ, вѣроятно, до тла (до степени превращенія всего ихъ углерода въ угольную кислоту, а водорода въ воду), а окончательнымъ извергаемымъ изъ тѣла продуктомъ распаденія бѣлковъ является мочевина.

Это, мм. гг., и все, что извѣстно существеннаго относительно дыханія крови и тканей. При такой поразительной скудости, вы конечно понимаете, что свѣдѣнія эти очень немного прибавляютъ къ тѣмъ выводамъ о дыханіи, которые были сдѣланы на основаніи измѣренія величинъ газоваго обмѣна, и нисколько не измѣняютъ ихъ сущности. *За дыханіемъ*, по прежнему, остается *значеніе процесса сгаранія веществъ пищи и тканей, служащаго по преимуществу для согрѣванія тѣла и развитія въ немъ механическихъ работъ.*

Чтобы покончить съ дыхательнымъ процессомъ, мнѣ остается разсказать вамъ еще объ его регуляціи.

Подобно тому, какъ притокъ пищевого вещества поддерживается на опредѣленной высотѣ извѣстнаго рода ощущеніями, именно чувствомъ голода и насыщенія, точно также и недостаточный или затрудненный притокъ кислорода тотчасъ же даетъ себя знать тяжелымъ чувствомъ одышки. Рядомъ съ нею развивается реакція въ формѣ усиленія дыхательныхъ движеній— они становятся глубже и чаще, и такимъ образомъ, недостаточность или затрудненность кислороднаго притока восполняется усиленнымъ введеніемъ воздуха въ лёгкое. Представьте себѣ, что одышка, при всѣхъ ея градаціяхъ со стороны интенсивности, дѣйствуетъ усиливающимъ образомъ на дыхательныя движенія, и вы поймете, что въ этой связи должна быть вся суть дыхательной регуляціи, такъ какъ ею достигается соотвѣтственность между потребностью тѣла въ кислородѣ и величиною его притока въ лёгкое [1]).

Посмотримъ же, какимъ устройствомъ дыхательнаго аппа-

---

[1]) Не нужно забывать, что усиленный притокъ воздуха въ лёгкое имѣетъ еще значеніе усиленной вентиляціи его (а черезъ лёгкое и крови) отъ угольной кислоты; кромѣ того усиленныя вдыханія, ускоряя токъ венной крови, ускоряютъ и самое движеніе ея по лёгкому.

рата осуществлена эта связь между недостаточностью кислороднаго притока и дыхательными движеніями.

Такъ какъ послѣднія производятся періодическими сокращеніями мышцъ, окружающихъ грудную клѣтку, а мышцы въ тѣлѣ вообще сокращаются только подъ вліяніемъ нервныхъ импульсовъ, то первоначальную причину дыхательныхъ движеній слѣдуетъ искать въ возбужденіяхъ, выходящихъ изъ нервной системы. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

Опыты разрушенія различныхъ отдѣловъ головного мозга открываютъ въ части его, называемой продолговатымъ мозгомъ, очень небольшое пространство, при разрушеніи котораго тотчасъ же прекращаются дыхательныя движенія и наступаетъ смерть. Это, такъ-называемые, *дыхательные центры*. Они служатъ съ одной стороны исходной точкой для нервныхъ волоконъ, идущихъ къ дыхательнымъ мышцамъ, съ другой имъ приписывается способность возбуждаться кровью, протекающею по волоснымъ сосудамъ продолговатаго мозга, насколько она не представляется насыщенною кислородомъ. Послѣднее выводится, съ одной стороны, изъ усиленія дыхательныхъ движеній при задушеніи, когда кровь становится очень бѣдною кислородомъ, съ другой — изъ совершеннаго подавленія ихъ усиленнымъ введеніемъ этого газа въ лёгкое. Въ опытахъ послѣдняго рода на причину отсутствія дыхательныхъ движеній нельзя смотрѣть иначе, какъ на устраненіе необходимости въ дыханіи, такъ какъ животное, насыщенное кислородомъ, не представляетъ ничего ненормальнаго, кромѣ того что не дышетъ; поэтому-то потеря кислорода кровью, протекающею по волоснымъ сосудамъ дыхательныхъ центровъ, и считается моментомъ, возбуждающимъ ихъ къ дѣятельности.

Такимъ образомъ, причина дыхательныхъ движеній сводится на то, что животное, вслѣдствіе постоянныхъ потерь кислорода изъ крови, постоянно находится въ состояніи слабаго задушенія. Пока эти потери незначительны, возбужденіе дыхательныхъ центровъ (а изъ нихъ черезъ нервы и дыхательныхъ мышцъ) слабо, и дыханіе совершается покойно; но какъ только исчезаніе кислорода усиливается, возбужденіе центровъ становится сильнѣе и сильнѣе, и дыхательныя движенія принимаютъ, наконецъ, конвульсивный характеръ.

Противъ такого толкованія явленій вы могли бы сдѣлать слѣдующее возраженіе: если дыхательные центры дѣйствительно возбуждаются кровью волосныхъ сосудовъ, то раздраженіе это должно было бы имѣть характеръ непрерывности, такъ какъ кровь течетъ по волоснымъ сосудамъ равномѣрною струею,

а между тѣмъ дыхательныя движенія представляютъ перемежающійся характеръ. Въ этомъ разладѣ между характерами дѣйствующей силы и вызываемаго ею движенія не заключается однако ничего необычайнаго: каждому изъ васъ, конечно, извѣстны такія машины, въ которыхъ непрерывно дѣйствующая двигательная сила производитъ перерывистое движеніе; сюда относятся, наприм., швейныя машины, приводимыя въ дѣйствіе постояннымъ движеніемъ махового колеса, водяныя толчеи, пильныя мельницы и пр.; но особенно поучителенъ для насъ подобный же случай проведенія газовъ черезъ жидкости. Всякому конечно извѣстно, что если вдувать черезъ трубку воздухъ въ воду, то, несмотря на постоянство давящей силы, воздухъ идетъ по жидкости въ формѣ отдѣльныхъ пузырей, — здѣсь непрерывное движеніе переходитъ въ перерывистое; но въ этомъ случаѣ причина явленія понятна такъ-сказать сама собою: она заключается въ томъ, что въ вытечномъ отверстіи трубки существуютъ препятствія для выхожденія газа, вслѣдствіе чего напряженіе его сначала должно возрастать для побѣжденія препятствій, а потомъ, когда они побѣждены,—падать по причинѣ выхожденія изъ трубки газоваго пузыря. Въ этой же формѣ должно, какъ думаютъ, происходить возбужденіе дыхательныхъ центровъ: прежде, чѣмъ они приходятъ въ дѣятельность, раздражающіе толчки должны еще возрасти до возможности вызвать движеніе, но когда оно произошло, живая сила толчковъ перешла въ работу, и раздраженію снова приходится возрастать для произведенія двигательнаго эффекта. Въ явленіе вводится, какъ видите, понятіе о препятствіяхъ со стороны дыхательныхъ центровъ къ возбужденію, и разъ оно введено, имъ можно уже объяснить прочія стороны дыхательныхъ движеній, напр. дѣятельность при покойномъ дыханіи однѣхъ только вдыхательныхъ мышцъ (это можетъ быть объяснено тѣмъ, что выдыхательные центры труднѣе возбудимы кровью, чѣмъ ихъ антагонисты), увеличеніе числа сокращающихся мышцъ при усиленномъ дыханіи и пр.

Однако регуляція дыхательныхъ движеній на этомъ не останавливается: дыхательные центры обладаютъ еще нервнымъ придаткомъ, значеніе котораго заключается въ томъ, что онъ постоянно уменьшаетъ сумму препятствій въ дыхательныхъ центрахъ къ возбужденію ихъ кровью. Къ сожалѣнію, условія дѣятельности этого придатка еще очень мало разработаны.

XII.

Пластическіе процессы въ тѣлѣ.

Слѣдя за судьбами пищевыхъ веществъ въ животномъ тѣлѣ, мы познакомились до сихъ поръ съ измѣненіями ихъ въ полости пищевой трубки и нашли, что, поступивъ отсюда въ кровь, они разносятся ею по всему тѣлу; при этомъ часть ихъ разрушается насчетъ вдыхаемаго кислорода, развивая въ тѣлѣ теплоту и служа тѣмъ для рабочихъ процессовъ въ организмѣ, а другая выступаетъ изъ полости кровеносныхъ трубокъ въ формѣ бѣлковой жидкости. Съ судьбою той части кровеного фильтрата, которая течетъ по лимфатической системѣ, мы тоже познакомились; и теперь, чтобы покончить съ исторіей странствованія по тѣлу пищевыхъ веществъ, мнѣ остается рѣшить еще два вопроса: прослѣдить судьбу ихъ по отношенію къ возстановленію потерь въ тканяхъ и приготовленію соковъ. Первый рядъ процессовъ носитъ, какъ вы знаете, названіе *питательныхъ* или *пластическихъ*, а второй — *отдѣлительныхъ*.

Сначала я буду говорить о первыхъ.

Вы помните тѣ общія основанія, которыя заставляютъ науку принять существованіе въ тѣлѣ разрушенія и возстановленія тканей; — это, съ одной стороны, непрочность, легкая разрушаемость матеріаловъ, изъ которыхъ выстроено тѣло, съ другой — продолжительность существованія, притомъ въ неизмѣненномъ видѣ, этихъ самыхъ тканей. Сверхъ этого общаго основанія вы знаете теперь, что къ тканямъ тѣла существуетъ постоянный притокъ вдыхаемаго кислорода и что въ тѣлѣ постоянно развивается теплота; — новыя данныя, чтобы принять существованіе разрушеній въ тѣлѣ, такъ какъ эти именно условія, какъ показываетъ ежедневный опытъ, и разрушаютъ вещества животнаго тѣла. Наконецъ вы помните, мм. гг., что исчезаніе кислорода изъ крови волосныхъ сосудовъ происходитъ подъ непремѣннымъ вліяніемъ тканей тѣла; и при этомъ все равно, исчезаетъ ли кислородъ, выходя изъ крови и соединяясь химически съ веществами тканей, или наоборотъ изъ послѣднихъ выдѣляются въ кровь вещества, жадно соединяющіяся съ кислородомъ кровеныхъ шариковъ, — то и другое было бы невозможно, еслибъ въ тканяхъ не происходило постоянныхъ превращеній.

Итакъ, разрушеніе должно существовать въ тѣлѣ.

Но въ какой формѣ оно происходитъ и какими вообще внѣшними признаками выражается — образуются ли въ самомъ дѣлѣ

порѣхи въ тканяхъ, доступныя непосредственному наблюденію, или фокусы разрушенія въ каждомъ данномъ мѣстѣ тѣла имѣютъ микроскопическіе размѣры, или наконецъ разрушеніе никогда не доходитъ до полнаго уничтоженія тканевыхъ элементовъ, и послѣдніе претерпѣваютъ измѣненія лишь въ томъ отношеніи, что они, постоянно выдѣляя изъ себя продукты собственныхъ превращеній, въ тоже самое время получаютъ изъ крови вещества, пополняющія эти потери? При послѣднемъ взглядѣ на дѣло, надъ каждымъ микроскопическимъ элементомъ ткани въ отдѣльности, очевидно, повторялся бы, въ дѣлѣ обмѣна веществъ, тотъ же самый циклъ процессовъ, какой замѣчается на цѣломъ организмѣ: притокъ крови къ элементу соотвѣтствовалъ бы процессамъ поступленія пищи и кислорода въ цѣльный организмъ; превращеніе этихъ веществъ въ элементѣ и организмѣ составляло бы всю интимную сторону жизни обоихъ; наконецъ, выдѣленіе элементомъ продуктовъ своихъ превращеній въ кровь и лимфу (прошу не забывать, что элементы тканей приходятъ съ этими жидкостями въ болѣе или менѣе непосредственное соприкосновеніе) соотвѣтствовало бы процессамъ выбрасыванія мочи, пота, угольной кислоты и пр. цѣльнымъ организмомъ. Остановитесь, мм. гг., на минуту на этой мысли, какъ на возможности, и представьте себѣ, что все животное тѣло есть не что иное, какъ сочетаніе многихъ билліоновъ такихъ элементовъ, тогда вы, конечно, сразу поймете, весь вещественный обмѣнъ цѣльнаго организма могъ бы быть разсматриваемъ, какъ общій итогъ билліоновъ частныхъ вещественныхъ превращеній въ сферѣ тканевыхъ элементовъ.

Но возвратимся къ дѣлу. Изъ трехъ поставленныхъ выше вопросовъ одинъ только первый допускаетъ опытное рѣшеніе, притомъ съ виду очень легкое, такъ какъ дѣлать искусственныя порѣхи въ тканяхъ не трудно, а затѣмъ остается только слѣдить за процессомъ ихъ заживленія. Если вы примете однако во вниманіе микроскопическіе размѣры тканевыхъ элементовъ, ихъ чрезвычайную скученность въ тканяхъ (для выясненія себѣ этого обстоятельства возьмите въ примѣръ кровь: одинъ кубическій миллиметръ ея, т.-е. объемъ, не превышающій величину булавочной головки, содержитъ до 5 милліоновъ красныхъ кровяныхъ шариковъ!) и цѣлый рядъ ненормальныхъ послѣдствій, въ формѣ кровеизліянія, раздраженія и пр., которыя влечетъ за собою всякое искусственное разрушеніе, то легко понять, что какъ бы мало послѣднее на видъ ни было, оно непремѣнно губитъ милліоны элементовъ. Понятно, слѣдовательно, что опыты искусственнаго разрушенія по необходимости грубы, и довѣрять ихъ показаніямъ можно только въ случаяхъ, когда послѣдніе имѣютъ

характеръ утвердительный, а не отрицательный. Дѣло всего лучше разъясняется на примѣрахъ. Извѣстно, наприм., такое мѣсто въ продолговатомъ мозгу (оно называется жизненнымъ узломъ), гдѣ искусственное разрушеніе вещества на величину одной булавочной головки навѣрное произведетъ тотчасъ же конвульсіи и причинитъ быструю смерть. Изъ этого опыта всякій, навѣрное, выведетъ заключеніе, что поелику въ здоровомъ организмѣ въ теченіе всей жизни не замѣчается ничего подобнаго, въ данномъ мѣстѣ продолговатаго мозга навѣрно не происходитъ *физіологическаго* разрушенія на величину одной булавочной головки. Но если вы откинете неизбѣжное при искусственномъ разрушеніи кровеизліяніе, которое въ свою очередь должно дѣйствовать разрушительно на мягкіе элементы мозга, и сократите сферу разрушенія до $^1/_{1000}$ куб. миллим., можно ли поручиться, что и тогда произойдутъ сильныя непоправимыя разстройства? Другой примѣръ. Опытъ съ искусственной перерѣзкой цѣлыхъ нервныхъ стволовъ показываетъ, что рана можетъ зажить и передача возбужденій по нерву можетъ возстановиться, хотя параличъ органовъ, связанныхъ съ даннымъ нервомъ, длится обыкновенно мѣсяцы. Зная этотъ фактъ съ одной стороны, съ другой не замѣчая въ жизни здороваго человѣка параличей, естественно думать, что физіологическое разрушеніе въ сферѣ нервнаго ствола никогда не доходитъ до перерыва всѣхъ или бо̀льшей части составляющихъ его нервныхъ волоконъ; и такое заключеніе будетъ конечно справедливо. Но можно ли отсюда съ увѣренностью заключить, что изъ 20,000 нервныхъ волоконъ, составляющихъ, наприм., данный стволъ, не можетъ перерождаться въ отдаленные другъ отъ друга промежутки времени по 2, по 3 нервныхъ волокна разомъ. Такое ограниченное перерожденіе дало бы въ результатѣ абсолютно неопредѣлимый параличъ (по незначительности его распространенія), а между тѣмъ оно существовало бы. Еще примѣръ. Вы разрушаете на величину булавочной головки вещество кожи; — ранка у васъ мало-по-малу заживаетъ и образуется такъ-наз. рубецъ. Этотъ рубецъ вы вырѣзываете для рѣшенія вопроса, возстановились ли разрушенные элементы кожи, сравниваете строеніе его (конечно микроскопическимъ изслѣдованіемъ) съ нормальными мѣстами послѣдней и находите огромную разницу между ними. Въ рубцѣ недостаетъ ни сальныхъ, ни потовыхъ железокъ, ни волосныхъ луковицъ—все вещество рубца состоитъ, такъ-сказать, изъ одного мягкаго скелета кожи, образованнаго изъ соединительной ткани [1]).

---

[1]) Заживленіе ранъ рубцами изъ соединительной ткани, безъ возстановленія све-

Изъ этого опыта вы, конечно, дѣлаете заключеніе—и совершенно справедливое,—что ткань кожи, при разрушеніяхъ даже незначительныхъ, не возстановляется вполнѣ; и это, мм. гг., совершенно понятно: каждая попавшая въ сферу разрушенія микроскопическая железка есть цѣлый отдѣльный органъ, эквивалентный, напр., печени, слѣдовательно разрушить ее тоже самое, что отрѣзать, напр., руку. Фактъ понятенъ, но слѣдуетъ ли изъ него, что еслибы разрушеніе занимало собою $^1/_{100}$ вещества железы, то потеря и тогда не могла бы возстановиться? Такіе же результаты дали бы опыты разрушенія и другихъ тканей (напр. мышцъ, печени, легкихъ, почки и пр.), т.-е. потеря вещества возстановилась бы рубцомъ изъ соединительной ткани; но и здѣсь всякій разъ оставалось бы сомнѣніе, что еслибы сфера разрушенія была значительно меньше и послѣднее не сопровождалось цѣлымъ рядомъ ненормальныхъ послѣдствій, то результатъ могъ бы выйти утвердительный.

Подобныя сомнѣнія позволительны тѣмъ болѣе, что сверхъ срастаемости нервовъ и возстановимости мягкой соединительной ткани, возстановимость потерь положительно доказана еще для нѣкоторыхъ другихъ тканей. Сюда относятся, напр., кости (онѣ впрочемъ считаются видоизмѣненіемъ соединительной ткани) и всѣ такъ-назыв. роговыя образованія—ногти, волосы, эпителій кожи, слизистыхъ оболочекъ и пр. Для этихъ тканей извѣстны даже мѣста, изъ которыхъ происходитъ возстановленіе потерь. Такъ, если вырѣзать у живого животнаго кусокъ кости, сохранивъ при этомъ ту тонкую перепонку, которая обвалакиваетъ каждую кость и называется надкостной плевою, то потеря костнаго вещества возстановляется. Ногти и волосы растутъ, какъ извѣстно, съ корня — покуда послѣдній цѣлъ, возстановленіе потерь возможно, какъ бы велики онѣ ни были; тоже и съ эпителіальными покровами, для которыхъ такъ-назыв. Мальпигіевъ слой составляетъ эквивалентъ ногтевого корня.

Что же это за предпочтеніе со стороны природы соединительной ткани съ ея производными, и роговымъ образованіямъ передъ прочими тканями тѣла? Имѣетъ ли оно основаніемъ бóльшую разрушаемость матеріала, изъ котораго они выстроены, или образованія эти подвергаются болѣе сильной узурѣ? Первое положительно невѣрно—матеріалъ костей и роговыхъ тканей можно наоборотъ считать наиболѣе прочнымъ изъ веществъ тѣла. Второе же предположеніе вѣрно только по отношенію къ эпителію

цифическаго строенія разрушеннаго мѣста, есть фактъ общій для всѣхъ сложныхъ тканей, въ случаѣ болѣе или менѣе обширныхъ разрушеній.

кожи съ его дериватами (ногтями и волосами) и къ тѣмъ слизистымъ оболочкамъ, которыя подвергаются сильному тренію (напр. вся слизистая оболочка пищевыхъ путей), но оно нисколько не приложимо, напр., къ мягкой соединительной ткани и къ роговой покрышкѣ крупныхъ дыхательныхъ вѣтвей; а между тѣмъ разрушеніе вмѣстѣ съ возстановленіемъ происходитъ въ послѣднемъ мѣстѣ въ неменьшей степени, чѣмъ въ отдѣлахъ слизистыхъ оболочекъ, подвергающихся тренію. Остается, слѣдовательно, искать различіе въ условіяхъ питанія тѣхъ и другихъ тканей, и для того, чтобы объяснить себѣ вышеприведенные факты вовсе ненужно отказывать однимъ изъ нихъ въ способности возстановляться — достаточно снабдить соединительную и роговую ткань лишь *большею степенью* возстановимости. Тогда фактъ возстановленія потерь въ сложныхъ тканяхъ рубцами соединительнаго вещества объяснялся бы тѣмъ, что послѣднее, вслѣдствіе болѣе быстраго развитія, такъ-сказать заглушаетъ наростаніе прочихъ элементовъ (прошу вспомнить, что скелетъ всякой сложной ткани образованъ изъ соединительнаго вещества). Для костей и эпителіальныхъ покрышекъ, съ ихъ дериватами (костями и волосами), имѣло бы сверхъ того значеніе еще то обстоятельство, что здѣсь питательные или пластическіе фокусы, т.-е. точки, изъ которыхъ выходитъ пополненіе потерь, скучены вмѣстѣ, тогда какъ въ сложныхъ тканяхъ и органахъ съ quasi-невозстановляющимися потерями эти фокусы лежатъ разрозненно, притомъ отдѣлены другъ отъ друга то перекладиной соединительной ткани, то кровеноснымъ сосудомъ, или лимфатической трещиной и пр. Возможно даже, что уже одно это различіе въ распредѣленіи пластическихъ фокусовъ обусловливаетъ всю разницу въ степени возстановимости различныхъ элементовъ при болѣе или менѣе обширныхъ разрушеніяхъ.

Какъ бы то ни было, но на основаніи всего сказаннаго не подлежитъ сомнѣнію, что форма физіологическихъ разрушеній, даже въ самомъ счастливомъ для непосредственнаго наблюденія случаѣ, можетъ являться лишь въ видѣ микроскопическихъ прорѣхъ, разсѣянныхъ по толщѣ органовъ и тканей. Понятно, что при этомъ условіи разрушенія не могутъ не проглядываться: тутъ дѣйствуетъ и мягкость тканей, ведущая за собою ихъ легкую спадаемость, и грубость тѣхъ насилій, которыя претерпѣваетъ всякая ткань при изслѣдованіи ея подъ микроскопомъ (свѣжія ткани нужно или разрѣзать или разщеплять и полученные такимъ образомъ тонкіе до прозрачности объекты нужно еще распластать на стеклышкѣ). Оттого-то и выходитъ, что свѣдѣнія наши о формѣ физіологическихъ разрушеній почти равны нулю.

При такомъ положеніи дѣла наука естественно должна была заботиться объ отысканіи другихъ, хотя бы косвенныхъ признаковъ разрушенія тканей, и съ этою цѣлью она остановилась на мысли, что можетъ быть продукты распаденія различныхъ тканей (конечно не окончательные, которые, какъ вы знаете, суть мочевина, угольная кислота, вода и пр.) различны между собою. Для рѣшенія этихъ вопросовъ она призвала на помощь химію, и отсюда вытекъ цѣлый рядъ изслѣдованій надъ соками различныхъ органовъ и тканей. Чтобы выяснить для васъ значеніе этого пріема, я прибѣгну къ слѣдующему образу. Представьте себѣ, что каждый органъ нашего тѣла содержалъ бы въ себѣ какое-нибудь специфическое вещество, отличающее его отъ всѣхъ прочихъ органовъ; положимъ, напр., что въ составъ легочной ткани входило бы серебро, въ составъ печени—мѣдь, въ составъ почекъ — олово и пр. Для того, чтобы эти органы могли питаться кровью, послѣдняя очевидно должна была бы заключать въ себѣ всѣ перечисленные металлы, а отсюда слѣдовало бы, что во всякомъ органѣ тѣла, даже по удаленіи изъ него крови, вы должны были бы встрѣтить и мѣдь и серебро и олово; и это на томъ основаніи, что эти вещества, какъ входящія въ составъ питательнаго сока, должны были бы обладать способностью фильтроваться черезъ стѣнки сосудовъ, и слѣдовательно они выступали бы изъ крови въ тканевыя трещины органа, изъ которыхъ удалить ихъ нѣтъ никакой возможности. Какимъ же образомъ можно было бы узнать, что въ ткани легкаго есть серебро, въ печени мѣдь и пр.? Очевидно, однимъ только количественнымъ опредѣленіемъ того или другого металла въ органахъ, освобожденныхъ отъ крови. Притомъ понятно, что результаты были бы ясны лишь въ томъ случаѣ, если бы ткань была очень богата соотвѣтствующимъ металломъ, маленькія же разницы могли бы зависѣть просто напросто отъ бо́льшаго или меньшаго скопленія кровеного фильтрата въ томъ или другомъ органѣ. Отсюда вы ясно можете видѣть, мм. гг., что даже въ такомъ рѣзкомъ случаѣ, какъ приведенный образъ, рѣшеніе вопроса о принадлежности того или другого вещества той или другой ткани можетъ быть очень труднымъ. Насколько же труднѣе рѣшеніе подобныхъ вопросовъ по отношенію къ дѣйствительнымъ продуктамъ разложенія тканей, вы можете видѣть изъ того, что различія въ составѣ органовъ далеко не такъ рѣзки, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, притомъ количества этихъ продуктовъ чрезвычайно малы и наконецъ добывать ихъ несравненно труднѣе, чѣмъ опредѣлять въ золѣ органовъ присутствіе какихъ бы то ни было металловъ. Поэтому и этотъ общій пріемъ въ при-

мѣненіи къ дѣлу далеко не оправдалъ ожиданій, хотя онъ все-таки открылъ въ сокахъ тканей цѣлый рядъ новыхъ веществъ—продуктовъ превращеній и тѣмъ доказалъ фактически существованіе послѣднихъ.

Итакъ, формы разрушенія тканей ускользаютъ до сихъ поръ отъ опредѣленія, но самое разрушеніе не можетъ подлежать сомнѣнію. Если же оно есть, то должно существовать и возстановленіе потерь, и теперь намъ предстоитъ говорить о формахъ возстановительныхъ процессовъ.

Послѣ того, что̀ было сказано о невозможности наблюдать физіологическія разрушенія тканей, можно быть напередъ увѣреннымъ, что столько же недоступны непосредственному наблюденію и процессы возстановленія потерь; слѣдовательно и здѣсь рѣчь будетъ идти только о возможныхъ формахъ этихъ процессовъ, понятіе о которыхъ выводится съ одной стороны изъ явленій развитія тканей въ зародышѣ, съ другой — изъ патологическихъ наблюденій надъ заживленіемъ искусственныхъ или болѣзненныхъ разрушеній и изъ наблюденій надъ образованіемъ различныхъ наростовъ, опухолей и пр.

Всякій образованный человѣкъ, незнакомый однако съ явленіями зародышеваго и патологическаго развитія тканей, при вопросѣ о формѣ ихъ образованія всего охотнѣе остановился бы сначала на слѣдующемъ представленіи: кровеной фильтратъ онъ принялъ бы за пластическій матеріалъ, изъ котораго воздвигается каждый отдѣльный элементъ ткани, и самое возникновеніе послѣдняго навѣрно приравнялъ бы процессу возникновенія кристалловъ изъ жидкой однородной среды. Слабость такого представленія обнаружилась бы для него однако очень скоро. Подумайте въ самомъ дѣлѣ: кровяной фильтратъ приблизительно однороденъ и въ мышцѣ, и въ печени и въ нервныхъ массахъ, а между тѣмъ изъ него въ разныхъ мѣстахъ должны возникнуть явно различныя вещи—печеночная клѣтка, мышечное и нервное волокно. Притомъ отчего бы этой жидкости не организоваться въ самой полости кровеносныхъ сосудовъ, такъ какъ фильтрація ея черезъ стѣнки послѣднихъ сама по себѣ не вноситъ въ условія существованія жидкости ничего новаго. Послѣдняя фраза можетъ уже навести на новую мысль: фильтрація кровеной жидкости сама по себѣ, конечно, не измѣняетъ ея состоянія, но фильтраціей вносятся новыя условія въ существованіе жидкости—она приходитъ теперь въ непосредственное соприкосновеніе съ элементами тканей; возможно, что изъ послѣднихъ выступаютъ въ жидкость какія-нибудь новыя вещества, отъ прибавленія которыхъ фильт-

ратъ и получаетъ пластическую способность. Въ этой новой формѣ, представленіе уже значительно приближается къ господствующимъ теперь воззрѣніямъ на пластику тѣла, такъ какъ она уже вводитъ въ сферу процессовъ, дѣятельность тканевыхъ элементовъ, заставляя ихъ выдѣлять изъ себя вещества, необходимыя для пластики. Сдѣлайте на этомъ пути еще одинъ шагъ — представьте себѣ, напр., что пластическое вещество цѣликомъ выдѣляется изъ тканевыхъ элементовъ, что это есть ихъ функція, для поддержанія которой элементу нужна кровеная жидкость, какъ питательный сокъ, — и вы совпадете въ сущности съ господствующимъ теперь воззрѣніемъ. Вотъ его сущность: въ основѣ зародышеваго и патологическаго образованія тканей лежитъ способность животныхъ клѣтокъ расти и размножаться подъ вліяніемъ какихъ-то особенныхъ условій, изъ которыхъ многія носятъ характеръ раздраженія; при этомъ размноженіи всякая производная клѣтка, или клѣтка - дочь, наслѣдуетъ всѣ свойства матери [1]), по крайней мѣрѣ на опредѣленный промежутокъ времени; выростая въ свою очередь, она, подобно матери, становится способной размножаться. Если вы примѣните это воззрѣніе къ нашему вопросу, то пластическимъ матеріаломъ, выдѣляемымъ тканевымъ элементомъ, можетъ быть только клѣтка - дочь, кровеной же фильтратъ будетъ имѣть значеніе сока, питающаго и мать и потомство.

Если смотрѣть на дѣло съ такой точки зрѣнія, то возможность возстановленія физіологическихъ прорѣхъ очевидно сводится на то, могутъ ли тканевые элементы, сосѣдніе мѣсту разрушенія, встать въ условія клѣтокъ - матерей; другими словами, можетъ ли служить выпаденіе одного элемента толчкомъ къ процессу размноженія въ сферѣ сосѣднихъ. Если да, то возстановленіе, конечно, происходитъ.

Что касается до способа размноженія клѣтокъ, то въ наукѣ принимаютъ двѣ главныхъ формы его: такъ-называемое внутреклѣточное образованіе, гдѣ потомство развивается внутри клѣтки-матери, и размноженіе путемъ дѣленія клѣтки. Какъ разновидность послѣдней формы, существуетъ еще размноженіе путемъ почкованія. Но и эти факты опять-таки выведены изъ явленій зародышеваго и патологическаго развитія тканей, слѣдовательно въ приложеніи къ физіологическому возстановленію потерь это

---

[1]) Послѣднее нужно понимать однако относительно: всѣ ткани животнаго тѣла при зародышевомъ развитіи происходятъ въ концѣ концовъ изъ одной только клѣтки— материнскаго яйца.

опять теоретическія возможности, а не продукты непосредственныхъ наблюденій.

Въ этихъ немногихъ словахъ я старался передать вамъ, мм. гг., сущность современныхъ воззрѣній на процессъ образованія тканей, т.-е. на пластику тѣла. Къ этому мнѣ остается прибавить еще только одинъ фактъ, открытый въ недавнее время, которому многими приписывается уже и теперь большое значеніе въ пластическихъ процессахъ тѣла. Я разумѣю фактъ выхожденія изъ полости кровеносныхъ сосудовъ бѣлыхъ кровеныхъ шариковъ. Вотъ что извѣстно по сіе время въ этомъ отношеніи. Выступленіе бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ изъ сосудовъ удается наблюдать непосредственно какъ на теплокровныхъ животныхъ, такъ и на лягушкахъ, но всегда при измѣнившихся уже нѣсколько условіяхъ кровеобращенія въ тканяхъ. Съ этой стороны процессъ представляется скорѣе патологическимъ, чѣмъ физіологическимъ. Но съ другой стороны изслѣдованіе живой соединительной ткани, эпителіевъ и пр. открываетъ въ нихъ присутствіе такъ-называемыхъ бродячихъ клѣтокъ—безцвѣтныхъ зернистыхъ массъ, представляющихъ одинаковую подвижность съ бѣлыми кровеными шариками. Этотъ фактъ заставляетъ думать, что выступленіе послѣднихъ изъ полости кровеносныхъ сосудовъ можетъ совершаться и при физіологическихъ условіяхъ. Существуютъ, наконецъ, отрывочныя наблюденія, что будто бродячіе въ теченіи нѣкотораго времени элементы могутъ фиксироваться, видоизмѣняться по формѣ и пріобрѣтать видъ постоянныхъ тканевыхъ элементовъ. Факты эти имѣютъ безспорно большую важность, и потому вы не удивитесь, если я скажу, что изслѣдователи болѣе сангвиническаго темперамента уже и теперь склонны видѣть въ бѣломъ кровеномъ шарикѣ чуть не универсальный пластическій матеріалъ для возрожденія всѣхъ элементовъ тѣла,— по крайней мѣрѣ въ зрѣломъ организмѣ, гдѣ элементы тканей, при физіологическихъ условіяхъ, представляютъ, повидимому, очень малую наклонность къ размноженію. Еслибъ эти предположенія оправдались хоть въ отношеніи нѣкоторыхъ тканей, тогда въ лимфатическихъ железахъ мы имѣли бы органы, приготовляющіе пластическій матеріалъ не для одной только крови, а въ движеніи послѣдней заключалась бы новая функція разноски этого матеріала по тѣлу.

Это, мм. гг., и все, что можно было сказать общаго относительно пластическихъ процессовъ въ тѣлѣ. Еслибъ я захотѣлъ теперь разбирать ихъ въ частности, т.-е. разсказать вамъ, какъ питается нервная и мышечная ткань, печень, почки, селезенка и пр., то мнѣ пришлось бы или повторять общія мѣста, или по-

стоянно заявлять объ отсутствіи данныхъ для рѣшенія того и другого вопроса; поэтому я считаю болѣе выгоднымъ и для васъ и для себя остановиться хоть на небольшомъ числѣ примѣровъ, но за то на случаяхъ болѣе рельефныхъ, и потому болѣе изслѣдованныхъ. За примѣръ я возьму процессъ возстановленія потерь крови и возстановленіе роговой покрышки кожи.

По первому изъ этихъ вопросовъ большинство фактовъ вамъ уже извѣстно. Такъ, вы знаете кровеныя потери путемъ фильтраціи и способъ пополненія ихъ жидкими пищевыми экстрактами изъ полости кишечнаго канала; съ другой стороны, знакомя васъ съ многообразными услугами лимфатической системы тѣлу, я уже имѣлъ случай говорить о превращеніи лимфатическихъ тѣлъ, или бѣлыхъ кровеныхъ шариковъ, въ красные. Тогда мнѣ не было нужды выяснять цѣль этого превращенія, теперь же она должна быть вамъ понятна безъ всякихъ дальнѣйшихъ разглагольствованій: превращеніе нужно для того, чтобы пополнять постоянно происходящія убыли въ крови красныхъ кровеныхъ шариковъ. Но гдѣ же, вы спросите меня, тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно быть увѣреннымъ, что красные кровеные шарики разрушаются въ тѣлѣ? При рѣшеніи этого вопроса можно, повидимому, руководствоваться тѣмъ общимъ пріемомъ, который былъ описанъ выше, такъ какъ изъ всѣхъ веществъ тѣла одна только кровеная краска (гемоглобинъ) представляетъ вещество очень богатое желѣзомъ. Еслибы нашелся, напр., такой органъ въ тѣлѣ, въ которомъ, независимо отъ крови, встрѣчалось бы или скопленіе измѣнившейся кровеной краски, или оказалось много желѣза, то его можно было бы считать мѣстомъ разрушенія кровеныхъ шариковъ. Такой органъ, мм. гг., есть — это селезенка; слѣдовательно въ рукахъ у насъ есть уже одинъ намекъ. Другой рядъ фактовъ еще убѣдительнѣе. Случается, что вслѣдствіе ушиба разрываются въ толщѣ органовъ (напр. въ кожѣ) маленькіе кровеносные сосуды и кровь выливается въ ткань (кровеные подтеки); въ этихъ мѣстахъ черезъ нѣкоторое время очень часто находятъ кристаллическое вещество, образовавшееся навѣрно изъ кровеной краски (судя по составу), и оказывающееся въ тоже время тождественнымъ съ желчнымъ пигментомъ. Это другой аргументъ. Когда подъ вліяніемъ этой находки явилась мысль, что весь вообще желчный пигментъ образуется вѣроятно изъ кровеной краски, былъ устроенъ слѣдующій опытъ: живому животному былъ впрыснутъ въ кровь растворъ гемоглобина и найдено вслѣдъ за этимъ появленіе желчнаго пигмента въ мочѣ, какъ это бываетъ всегда во время общеизвѣстной болѣзни желтухи. Явно слѣдовательно, что изъ

гемоглобина образовался и въ этомъ случаѣ желчный пигментъ. Да и можно ли сомнѣваться въ разрушимости красныхъ кровеныхъ шариковъ, при той непрочности, которую обнаруживаютъ они при опытахъ съ ними. Выкачиваете ли вы изъ крови газы, или проводите черезъ нее нѣкоторое время попеременно токъ то кислорода, то угольной кислоты, въ результатѣ всегда получается огромное разрушеніе кровеныхъ шариковъ. Вѣроятно, остается въ этомъ отношеніи не безнаказаннымъ и быстрое введеніе въ желудокъ большихъ количествъ воды. Мѣстомъ очень удобнымъ для разрушенія кровеныхъ элементовъ считаютъ еще печень, такъ какъ желчныя соли — главнѣйшая составная часть желчи, обладаютъ въ значительной степени способностью растворять ихъ.

Итакъ, условій для разрушенія кровеныхъ шариковъ въ тѣлѣ много, и они дѣйствительно разрушаются; пополненіе же ихъ слагается изъ слѣдующихъ моментовъ. Въ тѣлѣ есть спеціально назначенные для этой цѣли органы — лимфатическія желѣзы и селезенка; въ нихъ, вѣроятно путемъ размноженія и назрѣванія лимфоидныхъ элементовъ, приготовляется, такъ сказать, сырой матеріалъ, способный, какъ думаютъ въ настоящее время, къ многообразнымъ метаморфозамъ; этотъ матеріалъ вступаетъ въ кровь и уже здѣсь, вѣроятно подъ вліяніемъ красныхъ шариковъ, переработывается въ окончательную форму.

Другой случай, который я взялъ за примѣръ, т.-е. процессъ возстановленія роговой покрышки кожи, особенно поучителенъ въ томъ отношеніи, что онъ, являясь связующимъ звѣномъ между, такъ-называемыми, питательными и отдѣлительными процессами тѣла, лучше всякихъ словъ доказываетъ взаимное сродство тѣхъ и другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, по результату, какъ возстановленіе потерь ткани, этотъ процессъ принадлежитъ къ категоріи пластическихъ, по самой же формѣ своего происхожденія онъ всецѣло принадлежитъ въ область отдѣлительныхъ актовъ.

Въ присутствіи роговой покрышки на кожѣ убѣдиться очень легко. Каждый разъ, что на кожѣ образуется водянистый пузырь отъ тренія (водяная мозоль), ожога или отъ шпанской мушки, съ поверхности кожи подпимается фильтрующеюся изъ крови жидкостью именно этотъ роговой, полупрозрачный и нисколько не чувствительный слой. При химическомъ изслѣдованіи онъ показываетъ составъ рога (отсюда и названіе), а подъ микроскопомъ является сочетаніемъ сплющенныхъ клѣточекъ, склеенныхъ между собою въ тонкую пластинку. Этотъ слой подверженъ непрерывному разрушенію. На головѣ оно видно изъ извѣстнаго всякому шелушенія кожи, причемъ роговая покрышка отпадаетъ маленькими кусками (это показываетъ микроскопъ); но тотъ же процессъ происходитъ и на всей поверхности тѣла, и если онъ

ускользаетъ отъ насъ, то потому, что отпадающія чешуйки постоянно стираются платьемъ. И несмотря на столь постоянное разрушеніе, этотъ тонкій слой во всю жизнь не стирается!

Такой результатъ достигается процессомъ очень простымъ съ форменной стороны, если не останавливаться на деталяхъ, но очень темнымъ по сущности. Дѣло здѣсь вотъ въ чемъ. Роговая покрышка кожи, какъ показываетъ микроскопъ, выстроена не въ одинъ слой, а въ нѣсколько. Клѣтки верхняго слоя отличаются тѣмъ, что онѣ сухи, сильно сплющены, не заключаютъ въ себѣ зерна и наконецъ представляютъ въ химическомъ отношеніи исключительно роговыя реакціи. По мѣрѣ углубленія клѣтокъ, эти характеры мало-по-малу сглаживаются, уступая мѣсто другимъ признакамъ: — клѣтки становятся сочнѣе, менѣе сплюснуты, заключаютъ явственное зерно и съ химической стороны, представляютъ явственныя бѣлковыя реакціи. Такъ какъ это повторяется на всѣхъ безъ исключенія точкахъ кожной поверхности, то изъ описанной картины и выводится слѣдующее общее представленіе о процессѣ: возстановленіе потерь кожицы происходитъ изъ глуби эпителіальнаго покрова, постояннымъ возрожденіемъ нижнихъ слоевъ и отодвиганіемъ кнаружи верхнихъ. Возрожденіе нижняго, т.-е. самаго молодого слоя представляется однако дѣломъ настолько темнымъ, что рядомъ съ мыслью о происхожденіи его путемъ размноженія клѣтокъ, существуетъ также мысль о бѣлыхъ шарикахъ крови, какъ о матеріалѣ для его образованія. Какъ бы то ни было, но по мѣрѣ приближенія къ поверхности, клѣтки навѣрно утрачиваютъ способность къ размноженію, если она даже и существовала въ нихъ прежде, и претерпѣваютъ при этомъ роговую метаморфозу. Вопросъ, какимъ образомъ изъ бѣлка дѣлается рогъ, остается опять неразрѣшимымъ; впрочемъ, эту участь раздѣляютъ съ нимъ всѣ вообще вопросы о химическихъ превращеніяхъ внутри животныхъ клѣтокъ, такъ какъ химіи до сихъ поръ не удается искусственное воспроизведеніе этихъ натуральныхъ процессовъ. Такая же темнота существуетъ и относительно тѣхъ силъ, которыя заставляютъ клѣтки располагаться въ столь правильные слои. Послѣ этого ряда отрицаній вамъ, конечно, пріятно будетъ встрѣтиться съ яснымъ указаніемъ на значеніе крови въ дѣлѣ питанія кожицы. Кто не знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что треніе вызываетъ усиленный притокъ ея къ кожѣ, и кому неизвѣстно далѣе, что въ случаѣ постоянства этого тренія, хотя бы оно было незначительно, грубѣетъ, т.-е. усиленно развивается кожица? Явленіе это всего легче объяснимо съ слѣдующей точки зрѣнія: усиленная фильтрація крови даетъ матеріалъ для усиленнаго пита-

нія и размноженія клѣтокъ, вызываемыхъ существующимъ постояннымъ раздраженіемъ.

Итакъ, вы видите, мм. гг., что процессъ возстановленія кожицы слагается изъ слѣдующихъ двухъ главныхъ моментовъ: изъ доставки кровью сырого матеріала и изъ специфической дѣятельности клѣтокъ, состоящей въ размноженіи ихъ и въ метаморфозированіи ихъ содержимаго.

XIII.

Процессъ отдѣленія подчелюстной слюны, какъ примѣръ всѣхъ вообще отдѣленій въ тѣлѣ.

Въ прошлую лекцію я имѣлъ случай упомянуть о сродствѣ питательныхъ и отдѣлительныхъ процессовъ между собою. Родство это выражается, мм. гг., и въ результатахъ, достигаемыхъ тѣми и другими, и въ самыхъ способахъ достиженія этихъ результатовъ. Въ чемъ заключается, въ самомъ дѣлѣ, по сущности результатъ всякаго питательнаго процесса? Это есть превращеніе сырого пластическаго матеріала крови въ вещество той или другой ткани — превращеніе кровеныхъ бѣлковъ въ рогъ, клеевое вещество, міазинъ и пр. Но въ этомъ же самомъ заключается и результатъ всякаго отдѣлительнаго процесса: въ крови нѣтъ слизи, а между тѣмъ она дѣлается, какъ увидите, изъ крови, при посредствѣ слюнныхъ и слизистыхъ железъ; въ крови нѣтъ ни одного изъ пищеварительныхъ ферментовъ, а между тѣмъ всѣ они возникаютъ изъ крови, и опять снарядомъ, внутри котораго совершается переработка, является железа. Тоже самое относится къ образованію въ тѣлѣ молока, сѣмени, желчи и кожнаго сала. Если вы станете сравнивать между собою питательные и сокоотдѣлительные процессы со стороны способа ихъ происхожденія, то и здѣсь сходство огромное: подобно тому, какъ пластика тѣла слагается изъ двухъ моментовъ — размноженія тканевыхъ элементовъ и ихъ химической метаморфозы; точно также дѣло происходитъ и во всякомъ процессѣ приготовленія соковъ: и здѣсь главнѣйшимъ дѣятелемъ является клѣточный элементъ желѣзы, такъ-называемая *отдѣлительная клѣтка* (метаморфозированныя эпителіальныя клѣтки) — ея размноженіе и метаморфозы и есть самая суть отдѣленія. Чтобы сразу составить себѣ ясное представленіе объ этомъ процессѣ, вспомните, какъ поддерживается существованіе роговой покрышки кожи: въ глубокихъ слояхъ идетъ работа размноженія клѣточныхъ элементовъ, въ среднихъ наиболѣе выдающаяся черта есть роговая метаморфоза клѣтокъ, наконецъ, въ самомъ поверхностномъ слою разрушеніе. Въ же-

лезахъ все идетъ отъ начала до конца такимъ же путемъ, но продукты распаденія верхняго слоя не теряются, какъ верхній слой кожицы, а входятъ въ составъ отдѣляющагося сока, и всегда какъ специфическій ингредіентъ его — какъ слизь и птіалинъ въ слюну, какъ пепсинъ въ желудочный сокъ и пр. Вся разница между пластическимъ и соко-отдѣлительнымъ процессомъ заключается, слѣдовательно, въ томъ, что въ пластикѣ кульминаціоннымъ пунктомъ процесса является періодъ зрѣлости новообразовавшагося элемента, когда онъ совершенно уподобился своимъ сосѣдямъ по ткани, тогда какъ въ отдѣленіи утилизируется моментъ дряхлости, распаденія отдѣлительнаго элемента. Кромѣ того, всякая железа представляетъ ту рѣзкую особенность, въ сравненіи съ нежелезистыми компактными органами (напр. съ мышцами, мозгомъ, костями и пр.), что она всегда имѣетъ внутри себя свободную *отдѣлительную поверхность*, на которую и высачивается приготовляемый железою сокъ, чтобы быть затѣмъ выведеннымъ изъ железы посредствомъ, такъ-называемаго, *выводнаго протока* [1]). Впрочемъ и это различіе лишь относительное, если принять во вниманіе, что всякая компактная ткань проникнута густою сѣтью трещинъ, въ которыя тоже непосредственно могутъ попадать продукты распаденія тканевыхъ элементовъ. Такая же относительность существуетъ и въ различіи нервныхъ вліяній на пластическіе и соко-отдѣлительные процессы. Если существуютъ железы съ очень рѣзкими нервными вліяніями (напр. слюнныя и слезныя), то рядомъ съ ними есть и совершенныя противуположности въ этомъ отношеніи; напримѣръ, о такихъ вліяніяхъ на отдѣленіе сѣмени и кожнаго сала положительно ничего неизвѣстно, нервныя вліянія на отдѣленіе молока лишь предполагаются, но не открыты, и пр. Та же самая исторія и съ вліяніемъ нервовъ на питательные процессы: отвергнуть, напр., существованіе *трофическихъ* (питательныхъ) волоконъ въ тройничномъ нервѣ по отношенію къ глазу въ настоящее время невозможно, а между тѣмъ другихъ неоспоримыхъ примѣровъ такого вліянія не найдено.

Итакъ, съ какой бы стороны вы ни стали сравнивать между собою пластическіе и соко-отдѣлительные процессы, въ самыхъ существенныхъ сторонахъ ихъ всегда окажется поразительное сходство и разницы сведутся на однѣ побочныя детали.

---

[1]) Наиболѣе ясное представленіе объ отдѣлительной поверхности и выводномъ протокѣ всякой железы можно себѣ составить, припомнивъ устройство вѣтвистой легочной полости, сообщающейся съ воздухомъ посредствомъ дыхательнаго горла. Внутренняя поверхность легочной полости будетъ соотвѣтствовать отдѣлительной поверхности; эпителій легочныхъ пузырьковъ будетъ изображать отдѣлительныя клѣтки; наконецъ, дыхательное горло будетъ выводнымъ протокомъ.

Подъ описанную картину соко-отдѣлительныхъ процессовъ подходятъ однако дѣятельности не всѣхъ железистыхъ органовъ. На лёгкое, по его устройству, можно было бы, напр., смотрѣть, какъ на железу, выдѣляющую изъ крови угольную кислоту; но если вы примете въ соображенiе, что послѣдняя находится уже готовою въ крови, то легко поймете, что функцiя стѣнки лёгочныхъ пузырьковъ (которая, при данномъ воззрѣнiи на лёгкое, соотвѣтствовала бы отдѣлительной поверхности) должна быть чисто-механическая — она должна имѣть только способность пропускать сквозь себя газъ, а никакъ не метаморфозировать вещества крови. Также нужно смотрѣть, разумѣется, и на другiя железы, занимающiяся исключительно выведенiемъ такихъ веществъ, которыя или находятся уже готовыми въ крови, или могутъ развиваться въ железѣ безъ всякаго специфическаго участiя отдѣлительныхъ элементовъ. Еслибъ было, напр., доказано совершенно положительно, что вся мочевина и прочiя составныя части мочи развиваются внѣ почекъ и уже готовыми приносятся къ нимъ кровью, то почка, въ дѣлѣ выведенiя этихъ тѣлъ, имѣла бы только значенiе фильтра, и весь смыслъ почечнаго снаряда резюмировался бы въ такомъ устройствѣ этого органа, которое давало бы ему возможность фильтровать изъ крови одинъ только водный растворъ кровеныхъ веществъ безъ бѣлка. Отдѣленiе желчи, или по крайней мѣрѣ выдѣленiе печенью желчнаго пигмента, представляетъ, я думаю, случай второго рода. Хотя желчныхъ пигментовъ готовыми въ крови нѣтъ, но положительно доказано, что они могутъ развиваться внѣ печени, значитъ приготовленiе ихъ здѣсь не есть специфическая дѣятельность печеночныхъ клѣтокъ, единственнаго отдѣлительнаго элемента печени. Очень вѣроятно, что такими же условiями, какъ только-что разобранные процессы, обставлено еще отдѣленiе пота и слезъ.

Такимъ образомъ, вы видите, мм. гг., что между железами, приготовляющими соки, утилизируемые тѣломъ, и тѣми, которыя очищаютъ кровь отъ продуктовъ распаденiя, существуютъ рѣзкiя разницы и въ устройствѣ и въ дѣятельностяхъ. Послѣднiя имѣютъ значенiе лишь фильтровъ; тѣмъ болѣе, что только продукты этихъ железъ (желчь, моча и потъ) представляютъ истинные водные растворы, тогда какъ соки всѣхъ прочихъ железистыхъ органовъ непремѣнно заключаютъ въ себѣ вещества съ рѣзкимъ коллоиднымъ характеромъ.

Заручившись этими общими данными, я могъ бы уже приступить къ описанiю соко-отдѣлительныхъ процессовъ въ частности, но вмѣсто того, чтобы останавливаться на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, я предпочитаю описать подробно одинъ

только процессъ отдѣленія слюны, какъ наиболѣе разработанный въ деталяхъ, и потому могущій служить примѣромъ для всѣхъ остальныхъ, и затѣмъ указать лишь на существенныя стороны другихъ процессовъ.

Прежде всего позвольте сообщить вамъ нѣсколько данныхъ относительно устройства слюнныхъ железъ, и именно подчелюстной пары, о дѣятельности которой я буду исключительно вести рѣчь. Органы эти заключаютъ въ себѣ древообразно вѣтвящуюся полость (см. выше: рис. 10), съ одного конца переходящую въ одиночную открытую трубку — выводной протокъ, а съ другого кончающуюся слѣпыми пузырьчатыми расширеніями мельчайшихъ трубочекъ, такъ-называемыми *слюнными пузырьками*. Стѣнки этой полости выстланы слоемъ эпителія, составляющаго непосредственное продолженіе роговой покрышки полости рта (въ которую открываются всѣ слюнныя железы); въ выводномъ протокѣ, въ крупныхъ и среднихъ вѣтвяхъ его эпителіальныя клѣтки железы не отличаются отъ соотвѣтствующихъ клѣтокъ слизистой оболочки рта, но въ мельчайшихъ развѣтвленіяхъ протока, равно какъ въ слюнныхъ пузырькахъ, онѣ уже отличаются по формѣ, притомъ въ послѣднемъ мѣстѣ клѣтки расположены не въ одинъ рядъ, а въ нѣсколько. Чрезвычайно важно замѣтить, что въ слюнныхъ пузырькахъ клѣтки не всѣ однородны: одна половина ихъ, и именно тѣ, которыя лежатъ въ болѣе глубокихъ слояхъ, болѣе зернисты на видъ и богаты бѣлкомъ, тогда какъ клѣтки поверхностныхъ слоевъ (т.-е тѣхъ, которые граничатъ съ полостью пузырька) очень богаты слизью — веществомъ характеризующимъ слюну и придающимъ ей ту общеизвѣстную тягучесть, изъ-за которой она способна тянуться въ нити. Кромѣ этихъ существеннѣйшихъ элементовъ въ составъ железы входитъ, разумѣется, скелетъ изъ соединительной ткани, кровеносный аппаратъ, нервы и лимфатическіе сосуды. Относительно нервовъ существуетъ мнѣніе, что они приходятъ въ непосредственную связь съ слюнными клѣтками, подобно тому, какъ нервъ связывается съ сократительными элементами мышцы, и вы увидите, что въ процессѣ отдѣленія есть нѣсколько сторонъ, дающихъ сильную опору этому мнѣнію. Что касается до распредѣленія лимфы по слюнной железѣ, то принимаютъ, что она, при посредствѣ существующихъ и здѣсь тканевыхъ трещинъ, имѣетъ непосредственный доступъ къ отдѣлительнымъ элементамъ.

Таково устройство аппарата, приготовляющаго слюну, и теперь намъ предстоитъ разборъ вопроса о способѣ ея образованія.

Предположите, мм. гг., на минуту, что сырой матеріалъ, изъ котораго образуется слюна, есть кровеной фильтратъ, т.-е. жидкая часть крови. При этомъ условіи сравненіе обѣихъ жидкостей

другъ съ другомъ, очевидно, можетъ привести къ важнымъ указаніямъ, чтó должно происходить съ кровью въ сферѣ слюноотдѣлительнаго снаряда. Такое сравненіе показываетъ, во-первыхъ, отсутствіе въ слюнѣ бѣлка [1]), главнѣйшей составной части кровеного фильтрата; за то съ другой стороны въ слюнѣ есть слизь (главнѣйшая, по качеству, органическая составная часть слюны), которой въ крови нѣтъ и слѣда [2]). Внѣ этихъ двухъ разницъ, между обѣими жидкостями существуютъ уже только сходства со стороны качественнаго состава (со стороны содержанія воды и минеральныхъ веществъ). Итакъ, если принять, что слюна можетъ образоваться изъ крови, то вопросъ о ея приготовленіи сводится въ сущности на рѣшеніе вопросовъ, куда дѣвается изъ крови бѣлокъ и откуда берется слизь; всѣ же остальныя вещества слюны могутъ быть разсматриваемы, какъ та часть кровеного фильтрата, которая поступаетъ въ полость железы, не подвергаясь никакой химической переработкѣ. Примите сверхъ того во вниманіе, что всѣ эти превращенія происходятъ въ сферѣ аппарата, имѣющаго опредѣленное устройство, что въ нихъ не могутъ не принимать участія, сверхъ притока крови къ железѣ, ея нервы и отдѣлительные элементы, и вы поймете, что рѣшеніе обоихъ главныхъ вопросовъ должно быть поставлено въ связь съ разъясненіемъ участія въ процессѣ отдѣленія: крови, нервовъ и отдѣлительныхъ элементовъ железы, т.-е. клѣтокъ, выстилающихъ слюнные пузырьки.

Кровь поставляетъ сырой матеріалъ для образованія слюны. Это положеніе можно доказать очень просто. Между нервами, подходящими къ подчелюстной слюнной парѣ, есть одинъ, называемый барабанною струною. Его можно раздражать, съ маленькими промежутками для отдыха, въ теченіи хоть 10 часовъ электрическими токами, и во все это время изъ выводнаго протока вытекаетъ слюна. При такомъ продолжительномъ раздраженіи, слюны можно собрать (вставивъ отводную трубку въ протокъ) до 200 грам., а между тѣмъ вся железа вѣситъ не болѣе 5-ти. Явно, что она, такъ сказать, только просачиваетъ сквозь себя жидкій матеріалъ, приносимый ей извнѣ. Но такимъ матеріаломъ можетъ быть только кровь, потому что она представляетъ для всѣхъ вообще органовъ единственную жидкость, приносимую къ нимъ извнѣ.

---

[1]) Строго говоря, въ слюнѣ онъ есть, но лишь въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ.

[2]) Фермента, дѣйствующаго на крахмалъ, нечего принимать въ соображеніе, такъ какъ вѣсовое количество его въ слюнѣ слишкомъ ничтожно, чтобы можно было слѣдить за процессомъ его развитія.

Рядомъ съ этимъ фактомъ существуютъ другіе, которые даютъ возможность составить себѣ болѣе подробное понятіе о самомъ способѣ участія крови въ процессѣ отдѣленія.

Внѣ случая раздраженія нервовъ, подходящихъ къ слюнной железѣ, она остается покойной, т.-е. не выдѣляетъ сока, и тогда оттекающая отъ нея по венамъ кровь имѣетъ обычный темный цвѣтъ и течетъ медленною, ровною струею. Картина эта однако мгновенно измѣняется, какъ только начинается раздраженіе барабанной струны: рядомъ съ вытеченіемъ слюны изъ протока, значительно усиливается движеніе крови по железѣ и усиленіе это выражается тѣмъ, что теперь изъ нарочно пораненной вены вытекаетъ въ нѣсколько разъ больше крови чѣмъ при покоѣ; притомъ кровь, не успѣвая, по причинѣ быстроты тока, потерять въ волосныхъ сосудахъ столько же кислорода, какъ прежде, оставляетъ железу уже менѣе темною. Видя это, нельзя не придти снова къ мысли, что слюна образуется изъ крови, но въ приведенномъ фактѣ заключаются сверхъ того условія и къ дальнѣйшимъ соображеніямъ. Въ виду описаннаго измѣненія кровеобращенія, достаточно одной, такъ сказать, естественной догадливости, чтобъ понять, что съ усиленіемъ движенія крови долженъ быть усиленъ и напоръ ея на стѣнки сосудовъ — моментъ, ведущій, какъ вы знаете, къ усиленной фильтраціи крови. Но если это такъ, то не естественно ли думать дальше, что кровь служитъ матеріаломъ для слюны не прямо, а профильтровавшись сначала въ лимфатическія трещины, откуда доступъ ей къ отдѣлительнымъ элементамъ уже открытый? И опыты подтверждаютъ, мм. гг., это естественное предположеніе. На живой собакѣ парализуютъ дѣятельность отдѣлительныхъ элементовъ железы впрыскиваніемъ въ протоки нѣкоторыхъ веществъ и затѣмъ раздражаютъ барабанную струну—слюны теперь не выдѣляется, но вмѣсто этого происходитъ значительный отекъ железы, такъ какъ усиленіе движенія крови продолжается; другими словами, когда дѣятельность отдѣлительныхъ элементовъ парализована, прекращается переработка кровеного фильтрата, и онъ застаивается въ лимфатическихъ началахъ, производя отекъ органа.

Итакъ, *слюна образуется изъ кровеного фильтрата, притомъ при посредствѣ отдѣлительныхъ клѣтокъ железы.*

Доведя вопросъ до этого пункта, я могъ бы уже обратиться къ разъясненію роли отдѣлительныхъ элементовъ; но прежде, чѣмъ оставить участіе крови въ процессѣ приготовленія слюны, мнѣ остается еще разобрать вопросъ, какая сила выталкиваетъ слюну изъ мѣстъ ея образованія въ полость железы. Съ той минуты, какъ участіе фильтраціи крови въ цѣломъ процессѣ доказано прямыми опытами, естественно родится мысль, что та же

самая сила, которая фильтруетъ кровь (т.-е. кровеное давленіе), фильтруетъ и слюну черезъ отдѣлительную стѣнку. На этой мысли мы и остановимся, тѣмъ болѣе, что она допускаетъ прямое опытное рѣшеніе. Представьте себѣ, что ртутный манометръ ввязанъ въ протокъ такимъ образомъ, что ртутный столбъ запираетъ выходъ слюнѣ. Вы начинаете раздражать нервъ—слюна начинаетъ втекать въ манометръ и по мѣрѣ втеканія все больше и больше повышаетъ противодѣйствующій втеканію столбъ ртути. Вы продолжаете раздражать и достигаете, наконецъ, такого пункта, когда уровни ртути становятся неподвижными—это, очевидно, моментъ, въ который силы, выталкивающія слюну изъ железы, уравновѣшиваются полученною высотою ртутнаго столба, моментъ, дающій вамъ мѣру для величины этой силы. Заручившись этой мѣрой, вы вставляете другой манометръ въ большую артерію шеи (отъ которой отходитъ, какъ маленькая вѣточка, артерія къ слюнной железѣ), съ убѣжденіемъ, что если сила, выталкивающая слюну изъ железы, есть кровеное давленіе, то высота ртутнаго столба въ манометрѣ артеріи будетъ въ самомъ счастливомъ случаѣ равна, но никакъ не меньше, чѣмъ соотвѣтствующая высота въ манометрѣ слюннаго протока. А между тѣмъ опытъ показываетъ всегда противное: слюна выдѣляется подъ бо́льшимъ давленіемъ, чѣмъ давленіе крови. Стало быть, выталкиваетъ ее не кровеное давленіе, а какія-то другія силы. Сущность ихъ, однако, остается неизвѣстной.

Вопросъ объ участіи отдѣлительныхъ элементовъ въ процессѣ образованія слюны рѣшается цѣлымъ рядомъ опытовъ и наблюденій. Изъ нихъ на первое мѣсто я поставлю слѣдующій опытъ. На живой наркотизованной собакѣ раздражается, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ (чѣмъ дольше, тѣмъ лучше), нервъ одной изъ подчелюстныхъ железъ, а другая все это время остается въ покоѣ. Послѣ раздраженія обѣ железы вырѣзываются и взвѣшиваются. Раздражавшаяся и отдѣлявшая слюну железа всегда оказывается легче покоившейся, тогда какъ этой разницы между железами, находящимися въ одинаковыхъ условіяхъ, не бываетъ, по крайней мѣрѣ, разницы столь рѣзкой и постоянной. Объяснитъ это, конечно, можно только тѣмъ, что нѣчто теряется изъ самаго вещества железы при отдѣленіи слюны и выводится съ послѣднею вонъ. Но что же это можетъ быть такое? Если вы припомните, что́ было сказано, по поводу устройства слюнныхъ железъ о клѣткахъ, выстилающихъ дно слюнныхъ пузырьковъ, то сами напередъ скажете, что это «нѣчто», теряющееся изъ вещества железы, могутъ быть только слизистыя клѣтки, непосредственно вдающіяся въ полости пузырьковъ. И для такой мысли вы уже имѣете аналогію въ шелушеніи (отпаденіи) верхнихъ слоевъ ко-

жицы, составные элементы которой родственны съ отдѣлительными клѣтками железы, такъ какъ тѣ и другія принадлежатъ къ одной и той же категоріи эпителіальныхъ образованій. Слѣдовательно, можно думать уже a priori, что слизистыя клѣтки или цѣликомъ отрываются отъ своихъ мѣстъ и затѣмъ растворяются въ жидкости, или что онѣ лопаются на мѣстѣ и выливаютъ въ полость пузырька жидкое содержимое. Которое изъ двухъ воззрѣній справедливѣе, въ сущности все равно, потому что въ обоихъ случаяхъ конецъ будетъ одинаковъ; важно то, что прямой опытъ доказываетъ исчезаніе изъ железъ слизистыхъ клѣтокъ. Для этого стôитъ только опять раздражать по возможности долго одну изъ железъ, оставляя другую въ покоѣ, затѣмъ обѣ вырѣзать и изслѣдовать ихъ слюнные пузырьки подъ микроскопомъ. Разница между ними всегда оказывается очень большая: въ железѣ бывшей дѣятельною, слизистыя клѣтки почти исчезаютъ и мѣста ихъ заступаютъ разросшіяся въ числѣ зернистыя бѣлковыя клѣтки, тогда какъ въ покоившемся органѣ онѣ остаются перемѣшанными другъ съ другомъ.

Стало быть, *процессъ отдѣленія слюны связанъ не только съ исчезаніемъ изъ слюнныхъ пузырьковъ слизистыхъ клѣтокъ, но еще съ усиленнымъ развитіемъ бѣлковыхъ.*

Черезъ это аналогія нашего процесса съ процессомъ возстановленія отпадающихъ верхнихъ слоевъ кожицы становится еще болѣе поразительною. Бѣлковыя клѣтки слюнной железы, очевидно, становятся эквивалентными глубокимъ слоямъ кожицы; и тамъ и здѣсь эти элементы размножаются, метаморфозируются и результатомъ этихъ актовъ является въ одномъ случаѣ роговая клѣтка, а въ другомъ слизистая. Вся разница, слѣдовательно, лишь въ томъ, что на поверхности кожи бѣлковыя клѣтки претерпѣваютъ роговую, а въ слюнныхъ железахъ слизистую метаморфозу. Химическая сторона этого процесса остается, однако и здѣсь столь же мало извѣстной, какъ въ разобранномъ выше случаѣ.

Что касается до вопроса, отчего бѣлокъ кровеного фильтрата не переходитъ въ слюну, то онъ всего проще можетъ быть рѣшенъ на основаніи слѣдующей аналогіи: если вы будете фильтровать воду (даже воду!) черезъ кусокъ кожи, взятой отъ человѣческаго трупа, обративъ къ водѣ внутреннюю поверхность кожи, то у васъ жидкость, просочившись вплоть до роговой покрышки, останавливается здѣсь, отдуваетъ кожицу въ формѣ пузырей (совершенно такихъ на видъ, какъ пузыри отъ шпанской мушки), но черезъ роговой слой не фильтруется. Въ томъ же направленіи приходится просачиваться кровеному фильтрату и черезъ многослойную отдѣлительную стѣнку слюннаго пузырька, слѣдовательно однимъ уже устройствомъ послѣдней дѣло можетъ

быть объяснено безъ всякой натяжки. Не нужно забывать, кромѣ того, что кровеному фильтрату существуетъ свободный выходъ изъ лимфатическихъ трещинъ железы въ лимфатическіе сосуды.

Послѣднее, что мнѣ остается разъяснить, это вопросъ объ участіи нервовъ въ процессѣ отдѣленія слюны.

Доказывать это участіе нечего, послѣ того, какъ разъ было сказано, что безъ нервнаго возбужденія выдѣленія слюны изъ железы не происходитъ; дѣло здѣсь не въ самомъ участіи, а въ формѣ его, т.-е. вліяютъ ли нервы на одно только кровеобращеніе въ железѣ, или ихъ вліяніе распространяется и на самый процессъ образованія слизи. Возможно было бы думать, напр., что все дѣло ограничивается вліяніемъ перваго рода. Тогда общее представленіе о процессѣ приняло бы слѣдующую форму: актъ размноженія клѣтокъ и ихъ слизистая метаморфоза происходятъ въ железѣ постоянно, т.-е. и при покоѣ, но только въ менѣе значительной степени, чѣмъ подъ нервнымъ возбужденіемъ, когда къ отдѣлительнымъ элементамъ усиленъ притокъ питательнаго матеріала; при томъ, при покоѣ желѣзѣ недостаетъ главнѣйшей по массѣ составной части слюны — воды, оттого безъ нервнаго возбужденія отдѣленія нѣтъ, а съ наступленіемъ его оно тотчасъ же начинается. Такая гипотеза имѣла бы передъ другимъ возможнымъ предположеніемъ ещè то огромное преимущество, что она была бы несравненно проще и удобопонятнѣе. Тѣмъ не менѣе, въ ней уже на первый взглядъ есть одна слабая сторона: она способна объяснить только усиленіе слюноотдѣлительнаго процесса при нервномъ возбужденіи, но не объясняетъ полное отсутствіе его при покоѣ железы. Кромѣ того, существуютъ и положительные факты, говорящіе противъ этой гипотезы. Рядомъ съ барабанной струной, усиливающей движеніе крови въ железѣ, есть другія нервныя волокна, которыя дѣйствуютъ на кровеобращеніе железы прямо противуположно, а между тѣмъ раздраженіе и этихъ нервовъ ведетъ за собою выдѣленіе слюны, хотя здѣсь объ усиленіи притока жидкости не можетъ быть и рѣчи. Сверхъ того, въ слюнной железѣ, во время раздраженія барабанной струны доказано развитіе тепла самыми положительными опытами — температура вытекающей изъ нея слюны бываетъ обыкновенно нѣсколько выше температуры крови. Значитъ нервное возбужденіе не только вызываетъ выдѣленіе готовой слюны, но и вліяетъ какимъ-то непосредственнымъ образомъ на химическіе процессы въ железѣ (другого объясненія развитію теплоты отыскать здѣсь невозможно), и поелику послѣдніе происходятъ въ отдѣлительныхъ клѣткахъ, то и говорятъ, что нервы вліяютъ на нихъ подобнымъ образомъ, какъ вліяютъ они на мышечныя волокна. Въ томъ и другомъ случаѣ въ концевомъ сна-

рядѣ возбуждаются какія-то химическія превращенія и плодомъ ихъ бываетъ съ одной стороны развитіе физіологической дѣятельности, съ другой — развитіе тепла.

Въ разобранномъ примѣрѣ вы имѣете, мм. гг., наиболѣе разработанный случай соко-отдѣлительнаго процесса, и между тѣмъ вы видите, что свѣдѣнія наши ограничиваются одною, такъ сказать, формальною стороною явленій, останавливаясь на границѣ отдѣлительной клѣтки; все, что̀ происходитъ за этимъ предѣломъ, т.-е. въ сферѣ организованнаго элемента, остается, къ сожалѣнію, совершенно неразъяснимой еще загадкой.

Надѣюсь, что это обстоятельство послужитъ мнѣ въ вашихъ глазахъ оправданіемъ, если я сдѣлаю лишь бѣглый обзоръ всѣмъ остальнымъ отдѣлительнымъ процессамъ.

Отдѣленіе желудочнаго, панкреатическаго и кишечнаго сока происходитъ въ общихъ чертахъ, вѣроятно, по тому же типу, какъ и отдѣленіе слюны. Всѣ эти процессы могутъ быть вызваны искусственнымъ раздраженіемъ слизистой оболочки, поэтому въ дѣло считаютъ замѣшанными нервныя вліянія. Во всѣхъ трехъ случаяхъ отдѣленіе связано съ усиленнымъ притокомъ крови—другая аналогія съ слюнными железами; наконецъ, во всѣхъ существенныя стороны процесса приписываются отдѣлительнымъ клѣткамъ, и конечно вездѣ дѣятельность послѣднихъ остается непонятной.

Объ отдѣленіи желчи знаютъ только, что она образуется изъ крови (на это есть прямые опыты) и что матеріаломъ для желчнаго пигмента служитъ кровеная краска.

Въ отдѣленіи молока выдающійся пунктъ нашихъ свѣдѣній составляетъ процессъ образованія молочныхъ шариковъ, т.-е. капелекъ жира, взвѣшенныхъ въ молокѣ и придающихъ ему непрозрачный, бѣлый видъ. Капельки эти родятся путемъ жировой метаморфозы въ отдѣлительныхъ клѣткахъ, выстилающихъ дно молочныхъ пузырьковъ (эквивалентныхъ слюннымъ пузырькамъ). Какъ образуются изъ крови прочія составныя части молока, въ сущности неизвѣстно.

Кожное сало, приготовляющееся въ кожныхъ железкахъ и составляющее родъ естественной помады для кожи и волосъ (сальныя железки открываются обыкновенно въ тѣ углубленія, въ которыхъ сидятъ волосы), приготовляется совершенно также, какъ жиры молока. И въ томъ и въ другомъ случаѣ вліяніе нервовъ не опредѣлено, да собственно не опредѣлена и форма участія крови въ отдѣленіи.

Такіе же громадные пробѣлы представляютъ наши свѣдѣнія относительно процесса образованія сѣмени. Знаютъ только, что такъ-называемые живчики (подвижныя сѣмянныя нити) образу-

ются путемъ метаморфозы изъ отдѣлительныхъ клѣтокъ сѣмянной железы. Какъ участвуютъ въ процессѣ кровь и нервы — неизвѣстно.

Переходя затѣмъ къ процессу отдѣленія мочи, вы снова встрѣчаетесь съ возможностью экспериментальной разработки нѣкоторыхъ явленій, и именно насколько въ этомъ процессѣ замѣшанъ актъ фильтраціи крови. На участіе этого момента, независимо отъ прямыхъ опытовъ, указываетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ: во-первыхъ, быстрое выведеніе изъ тѣла (т.-е. изъ крови) мочею излишковъ воды, — выйти водѣ изъ крови всего легче и проще фильтраціей; во-вторыхъ, присутствіе въ мочѣ веществъ, исключительно растворимыхъ въ водѣ, притомъ такихъ, которыя находятся и въ крови; наконецъ, на участіе фильтраціи указываетъ самое устройство началъ мочевыхъ канальцевъ, т.-е. тѣхъ трубочекъ, которыя пронизываютъ вещество почки и открываются въ общій выводной протокъ. Концы этихъ трубочекъ расширены въ формѣ пузырьковъ и внутри ихъ свободно лежатъ клубки кровеносныхъ сосудовъ, образованные взаимнымъ переплетеніемъ очень мелкихъ артерій. При доказанной проницаемости стѣнокъ мелкихъ сосудовъ для жидкой части крови, такое устройство непремѣнно должно быть связано съ фильтраціей крови въ началѣ мочевыхъ канальцевъ, и доказать это очень легко на свѣжей почкѣ только-что убитаго животнаго, пропуская черезъ нея изъ артеріи токъ крови или бѣлковаго раствора. При этомъ условіи изъ выводного канала почки вытекаетъ фильтратъ крови, т.-е. бѣлочная жидкость. Послѣднее обстоятельство, объясняя нашъ первый вопросъ, родитъ вмѣстѣ съ тѣмъ другой: куда же дѣвается изъ мочи бѣлокъ, профильтровавшійся въ начала мочевыхъ канальцевъ? На это, къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта. Если же бы онъ существовалъ и еслибы окончательно оправдались ожиданія послѣдняго времени, что мочевина, главнѣйшая составная часть мочи, не образуется въ почкахъ, а фильтруется уже готовою изъ крови, то всѣ стороны почечнаго отдѣленія были бы разъяснены.

О процессѣ отдѣленія пота наука знаетъ еле-еле больше, чѣмъ всякій образованный человѣкъ, на основаніи ежедневныхъ опытовъ.

Та же исторія и съ отдѣленіемъ слезъ. Здѣсь только открытъ нервъ, при искусственномъ раздраженіи котораго текутъ слезы.

Этимъ исчерпывается, мм. гг., все, что́ я могъ сообщить вамъ о соко-отдѣлительныхъ процессахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчерпывается задача нашихъ бесѣдъ. Въ заключеніе позвольте мнѣ сказать еще лишь нѣсколько словъ о томъ, почему всѣ раз-

смотрѣнные нами процессы въ животномъ тѣлѣ названы «растительными».

Вамъ, конечно, извѣстна философская важность вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ вообще организованныхъ тѣлъ, населяющихъ нашу планету. Важность эта, разумѣется, всегда сознавалась натуралистами, занимавшимися изученіемъ растительнаго и животнаго царства; поэтому неудивительно, что они уже давно начали сравнивать животное съ растеніемъ не только со стороны строенія, но и по жизненнымъ отправленіямъ. Останавливаясь при этомъ на типическихъ представителяхъ того и другого царства, они пришли мало-по-малу къ убѣжденію, что за исключеніемъ явленій подвижности и чувствованія, свойственныхъ по преимуществу животнымъ (оттого эти функціи и получили названіе «животныхъ отправленій»), всѣ остальные процессы, по своему существенному значенію, одинаковы въ томъ и другомъ царствѣ. Такъ, и растеніе, подобно животному, питается насчетъ притока внѣшнихъ веществъ; притомъ однѣ изъ нихъ входятъ въ растеніе въ формѣ газа — это дыханіе растеній, другія въ формѣ жидкости, что̀ составляетъ процессъ, эквивалентный акту принятія пищи и питья. И въ томъ и въ другомъ случаѣ внѣшнее вещество подвергается различнымъ превращеніямъ, съ цѣлью служить матеріалами для созиданія тѣла. Продуктомъ этихъ превращеній являются, съ одной стороны, вещества, выбрасываемыя растеніемъ и животнымъ наружу (процессъ выдѣленій), съ другой — многообразный рядъ тѣлъ, который въ практикѣ обозначается общимъ именемъ «растительныхъ и животныхъ продуктовъ» (камеди, эѳирныя масла, смолы и пр. со стороны растеній, продукты дѣятельности железъ и пр. со стороны животныхъ). На этомъ-то основаніи вся эта группа явленій въ животномъ и получила общее названіе «растительныхъ процессовъ».

Хотя при настоящемъ развитіи нашихъ свѣдѣній о растительныхъ и животныхъ организмахъ такая группировка явленій животной жизни и не выдерживаетъ критики, но названіе сохранилось изъ-за его практическаго удобства.

Ив. Сѣченовъ.

ОЧЕРКИ
ОБЩЕСТВЕННАГО ДВИЖЕНІЯ
ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

VII. Движеніе умовъ послѣ 1815 года и его послѣдствія.

Мы должны говорить теперь о предметѣ, который до сихъ поръ остается чрезвычайно мало извѣстенъ въ нашей литературѣ, и полное изслѣдованіе котораго соединяется еще съ великими трудностями. Люди и направленія, въ которыхъ общественная мысль александровскаго времени достигла высшей степени своего возбужденія, до сихъ поръ оставались внѣ нашей исторіи общественной и литературной, по крайней мѣрѣ внѣ той исторіи, какая писалась въ Россіи. Конецъ царствованія Александра I повлекъ за собой столь рѣзкій переломъ въ порядкѣ нашей общественной жизни, что предшествовавшая эпоха была совершенно отрѣзана; жизнь вдвинута въ новую колею; тяжкій остракизмъ палъ на цѣлое поколѣніе людей прежняго времени и надолго закрылъ его даже отъ историческаго изслѣдованія и воспоминанія.

Съ недавняго времени начали и въ нашей печати часто появляться отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ времени, но до сихъ поръ эти свѣдѣнія не касались того цѣлаго броженія, котораго событія 1825 года были только болѣе или менѣе случайнымъ завершеніемъ. Кромѣ того, что этотъ предметъ долго не имѣлъ въ нашей печати права гражданства, не имѣлъ за себя достаточно

---

*) См. выше: фев. 722; апр. 648; іюнь, 645; сент. 170; окт. 729 стр.

безпристрастія и терпимости,—трудность говорить о немъ увеличивается и до сихъ поръ тѣмъ, что самые важные матеріалы для историческаго опредѣленія этой эпохи остаются еще скрыты. Единственный оффиціальный матеріалъ, извѣстный до сихъ поръ, составленъ въ слишкомъ исключительныхъ обстоятельствахъ и съ особенной спеціальной цѣлью, и не могъ бы служить для историческихъ цѣлей безъ сличенія съ тѣми данными, изъ которыхъ онъ извлеченъ, и съ отзывами самихъ участниковъ событій. Этихъ отзывовъ существуетъ нѣсколько[1]),—не говоря о простыхъ мемуарахъ, оставленныхъ нѣкоторыми изъ участниковъ, — но самое сличеніе и вполнѣ безпристрастная, свободно высказываемая критика едва ли возможны и въ наше время. Немногія записки, оставленныя современниками[2]), большей частью ограничиваются почти исключительно декабрьскими событіями, столь для нихъ роковыми, и послѣдовавшими затѣмъ допросами и ссылкой, и очень мало говорятъ о предшествовавшемъ времени, о происхожденіи и распространеніи тайныхъ обществъ, о взглядахъ и цѣляхъ ихъ членовъ, о характерѣ господствовавшихъ мнѣній и т. п. Авторъ напечатанной недавно любопытной статьи по поводу вышедшихъ въ прошломъ году за-границей «Записокъ декабриста», замѣчаетъ вообще: «Появившіеся за-границей отрывки изъ записокъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу, носятъ характеръ правдивости; но, ограничиваясь описаніемъ конечнаго взрыва и его послѣдствій, касаясь, такъ сказать, послѣдняго лишь дѣйствія кровавой драмы и умалчивая о предшествующихъ обстоятельствахъ, подготовившихъ кровавую развязку, записки эти нисколько не поясняютъ такого небывалаго въ Россіи явленія». Дѣйствительно, только немногія даютъ нѣсколько такихъ поясненій, какъ напр., записки Якушкина[3]) и нѣк. др. Далѣе, тотъ же авторъ замѣчаетъ справедливо: «Безусловные приверженцы всякаго существующаго порядка отнеслись, какъ и слѣдовало ожидать, враждебно и неумолимо насчетъ нарушителей общественнаго спокойствія, приписавъ имъ преступныя и даже постыдныя побужденія; но приговоръ ихъ не удовлетворитъ будущаго историка; равно какъ изолированный фактъ, безъ связи

---

[1]) Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьева, М. С. Лунина, И. Д. Якушкина, П. Н. Свистунова и нѣк. др.

[2]) Зап. С. П. Трубецкаго, И. Д. Якушкина, Ив. Ив. Пущина, Розена, Н. Бестужева, М. Бестужева, М. Фонъ-Визина, Евг. Оболенскаго, неизданныя записки Н. В. Басаргина, В. Кюхельбекера и др. Значительная часть ихъ начинаетъ появляться въ нашихъ изданіяхъ.

[3]) Первой части этихъ записокъ недостаетъ въ томъ, что напечаталъ недавно «Р. Архивъ» (1870, стр. 1566 и слѣд.).

съ обстоятельствами его породившими, не будетъ для него имѣть надлежащаго значенія» [1]).

Въ рамку нашего разсказа не входитъ описаніе этого «конечнаго взрыва», притомъ болѣе или менѣе извѣстнаго. Оставляя въ сторонѣ эти послѣднія событія, мы остановимся только на предварительной исторіи; намъ будутъ интересны не исключительные факты, въ которыхъ участвовали далеко не всѣ представители тогдашняго либерализма и участвовали иногда люди, только за нѣсколько дней передъ тѣмъ вступившіе въ тайное общество, не изученіе фактическихъ подробностей исторіи тайнаго общества, для чего мы имѣемъ слишкомъ недостаточно матеріала, а только общія черты движенія, охватывавшаго обширную часть общества, въ которомъ члены тайныхъ союзовъ были только болѣе пламенными приверженцами новыхъ мнѣній. Но и въ этой предварительной исторіи, — по названнымъ выше причинамъ, — мы впередъ должны ограничить себя извѣстной частью данныхъ, и намъ остается только желать, чтобы нашъ неполный очеркъ скорѣе замѣнился полной и безпристрастной исторіей, одинаково свободной критикой обѣихъ сторонъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на это время, какъ бы ни осуждали его увлеченія и ошибки, за нимъ нельзя не признавать важнаго историческаго значенія. Общественное движеніе, совершавшееся въ ту пору, многими нитями связано съ внутренней исторіей нашего собственнаго времени; въ его содержаніи нельзя не видѣть многаго изъ тѣхъ самыхъ идей и интересовъ, которые снова возродились среди насъ, и нѣкоторыя изъ этихъ идей, болѣе или менѣе осуществившіяся и на дѣлѣ, принадлежатъ къ лучшимъ историческимъ пріобрѣтеніямъ нашего времени. Ошибки исправлены временемъ, и исторія должна, наконецъ, стать апологіей и справедливѣе оцѣнить сущность стремленій, которыя одушевляли людей той эпохи, давно сошедшихъ съ общественной сцены.

Общій ходъ тогдашней исторіи и общіе отзывы самихъ участниковъ событій указываютъ источникъ новаго либеральнаго движенія въ пробужденіи національнаго чувства въ наполеоновскихъ войнахъ, и въ сильномъ европейскомъ вліяніи, дѣйствовавшемъ на русское общество въ теченіе этихъ войнъ.

Мы соберемъ нѣсколько свидѣтельствъ людей, которые сами были дѣятелями этого движенія.

«Чрезвычайныя событія 1812 года,—разсказываетъ одинъ,—

---

[1]) Р. Арх. 1870, стр. 1634; статья П. Н. Свистунова.

славное изгнаніе изъ Россіи до того непобѣдимаго императора французовъ и истребленіе его несмѣтныхъ полчищъ, послѣдовавшія затѣмъ кампаніи 1813 и 1814 г. и взятіе Парижа, въ которыхъ наша армія принимала такое дѣятельное и славное участіе, —все это необыкновенно возвысило духъ нашихъ войскъ и особенно молодыхъ офицеровъ.

«Въ продолженіи двухлѣтней тревожной боевой жизни, среди безпрестанныхъ опасностей, они привыкли къ сильнымъ ощущеніямъ, которыя для смѣлыхъ дѣлаются почти потребностью.

«Въ такомъ настроеніи духа, съ чувствомъ своего достоинства и возвышенной любви къ отечеству, большая часть офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба возвратились въ 1815 году въ Петербургъ. Въ походахъ въ Германію и Францію наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціею, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все, видѣнное ими за-границею, съ тѣмъ, что̀ имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ: рабство огромнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ,—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство»... [1]).

Другой современникъ, также дѣлавшій тогдашніе походы, передаетъ тѣже впечатлѣнія пребыванія въ Европѣ и, потомъ, возвращенія домой. «Въ 1813 году императоръ Александръ перестаъ быть царемъ русскимъ и обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 1814 году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки, были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ Александръ спасъ ее.... Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіямъ своего царственнаго питомца....

«Изъ Франціи въ 14-мъ году мы возвратились моремъ въ Россію. Первая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ.... Во время молебствія, полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество»... Потомъ послѣдовали и другія, о которыхъ упомянемъ дальше.

---

[1]) М. Фонъ-Визина, «Примѣчанія къ книгѣ: Histoire de Russie, par Enneaux et Chennechot. 5 vol. Paris 1835»,—изданныя подъ именемъ его «Записокъ», Лейпц. 1861.

«Въ 14-мъ году существованіе молодежи (т.-е. военной) въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіи двухъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ. Въ 15-мъ году, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и вторгся во Францію, гвардіи былъ объявленъ походъ, и мы ему обрадовались, какъ неожиданному счастью»...

По возвращеніи домой, военное общество стало принимать другіе нравы: прежняя пустая жизнь, попойки и картежная игра смѣнились инымъ препровожденіемъ времени: вмѣсто картъ явились шахматы, вмѣсто кутежей — чтеніе иностранныхъ газетъ, офицеры ревностно слѣдили за политическими событіями: «такое время-препровожденіе было рѣшительно нововведеніе», и. т. д.[1]).

«Толчекъ, который дали умамъ только-что совершившіяся событія,—разсказываетъ Н. И. Тургеневъ,—или вѣрнѣе, волненіе, произведенное этими событіями, было очевидно. *Либеральныя идеи*, по тогдашнему выраженію, начали распространяться въ Россіи съ возвращеніемъ русскихъ войскъ изъ-за-границы. Кромѣ войскъ регулярныхъ, за-границей были также большія массы ополченія: эти ополченцы всѣхъ ранговъ, переходя русскую границу, возвращались по домамъ и разсказывали о томъ, что́ видѣли въ Европѣ. Сами событія говорили громче всякаго человѣческаго голоса. Это была настоящая пропаганда.

«Это новое расположеніе умовъ обнаруживалось главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собраны были военныя силы, и особенно въ Петербургѣ, который былъ средоточіемъ дѣлового міра и гдѣ былъ многочисленный гарнизонъ изъ отборныхъ войскъ»....

Упомянувъ о томъ, что въ Россіи, не имѣющей свободы печати, мнѣніе публики можно узнать только внимательно прислушиваясь къ тому, что́ говорится всего чаще, авторъ замѣчаетъ, что въ то время оно высказывалось, между прочимъ, въ особой рукописной литературѣ. «Въ этой, такъ сказать, контрабандной литературѣ обнаруживались тенденціи и расположеніе умовъ. Тогда явилось довольно много этого рода произведеній, замѣчательныхъ или по силѣ эпиграммы, или по высокому и поэтическому вдохновенію. Эти маленькія chefs-d'oeuvre, до тѣхъ поръ неизвѣстныя, отмѣтили дни своего появленія какъ эпоху жизни, на-

---

[1]) Зап. Якушкина.

дежды и — надо прибавить — здраваго смысла и размышленія. Даже обыкновенная печать участвовала въ этомъ движеніи умовъ. Предметы, до тѣхъ поръ недоступные публичности, были разбираемы въ серьезныхъ сочиненіяхъ. Періодическія изданія больше чѣмъ когда-нибудь прежде занимались тѣмъ, чтó происходило въ другихъ странахъ, а особенно во Франціи, гдѣ пробовались тогда новыя учрежденія. Имена знаменитыхъ французскихъ публицистовъ были также извѣстны въ Россіи [1]), какъ могли быть извѣстны въ своемъ отечествѣ, и русскіе офицеры, забывая великаго павшаго полководца, познакомились съ именами Бенжамена Констана и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ и писателей, которые, казалось, предприняли политическое воспитаніе европейскаго континента».

Г. Тургеневъ замѣчаетъ, что французскіе публицисты вообще имѣли тогда большую извѣстность и вліяніе на континентѣ, и въ ихъ числѣ онъ особенно называетъ Бенжамена Констана, въ которомъ недостатки личнаго характера вознаграждались достоинствами публициста.

«....Многіе—продолжаетъ онъ—возвращаясь въ Петербургъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, высказывали чрезвычайное удивленіе при видѣ перемѣны, происшедшей въ нравахъ, разговорахъ и самыхъ поступкахъ молодежи этой столицы: молодежь какъ будто пробудилась для новой жизни, чтобы воодушевляться всѣмъ, чтò было благороднаго и чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ. Гвардейскіе офицеры въ особенности обращали на себя вниманіе свободой и смѣлостью, съ какой они высказывали свои мнѣнія, мало заботясь о томъ, гдѣ они говорили — въ общественномъ мѣстѣ или въ частномъ домѣ, были ли тѣ, съ кѣмъ они говорили, приверженцы или противники ихъ мнѣній. Никто не думалъ о шпіонствѣ, которое въ это время было почти ничтожно и неизвѣстно.

«Правительство не только не противилось направленію, которое, повидимому, принимало общественное мнѣніе, но своими дѣйствіями правительство показывало, что его симпатіи были согласны съ симпатіями здравой и просвѣщенной части общества. Въ доказательство можно привести образъ дѣйствій императора въ Польшѣ. Въ рѣчи, которую онъ произнесъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, Александръ въ формальныхъ выраженіяхъ объявилъ, что намѣренъ даровать представительныя учрежденія и самой Россіи»... [2]).

---

[1]) Авторъ разумѣетъ, конечно, образованный либеральный кружокъ общества.

[2]) La Russie I, стр. 81 — 84.

Мы возвратимся далѣе ко взглядамъ правительства и продолжимъ замѣтки о перемѣнѣ, происшедшей въ нравахъ, особенно военныхъ. Одной изъ первыхъ вещей, на которыя обратили теперь вниманіе подъ вліяніемъ либеральныхъ идей, была военная дисциплина, и положеніе солдатъ вообще. Извѣстно, какова была эта дисциплина въ прежнія времена; — достаточно сказать, что она была такова же какъ впослѣдствіи, въ теченіе послѣдующаго періода вплоть до новѣйшихъ военныхъ реформъ, облегчившихъ тяжелое положеніе солдата. Въ александровскія времена военная дисциплина отличалась еще чрезвычайно суровыми формами. Стóитъ вспомнить основаніе военныхъ поселеній.

«Военная дисциплина—разсказываетъ г. Тургеневъ—въ это время стала предметомъ такого вниманія, какого она до тѣхъ поръ еще никогда не встрѣчала. Это вниманіе возбуждено было по возвращеніи войскъ въ Россію послѣ кампаніи 1813, 1814 и 1815 годовъ, какъ были тогда возбуждены и всѣ либеральныя идеи. Не только офицеры, но простые солдаты приходили тогда въ соприкосновеніе съ другими войсками, привыкшими къ иной дисциплинѣ: это соприкосновеніе не могло остаться безъ вліянія на нихъ и не повести къ какому-нибудь результату. Вскорѣ военные стали искать, въ попыткахъ тайныхъ обществъ, какого-нибудь средства противъ тѣхъ золъ, какихъ они были свидѣтелями, и вопросъ о дисциплинѣ сталъ для нихъ вопросомъ принципа. Если прежде иные изъ нихъ и не прибѣгали къ палкѣ, то это было у нихъ только слѣдствіемъ врожденнаго добросердечія; теперь они отвергали это средство дисциплины какъ вещь, противную самымъ простымъ понятіямъ справедливости и человѣколюбія....

Затѣмъ, вниманіе направилось и на другіе предметы. «Въ первое время — продолжаетъ тотъ же авторъ — эти благородныя души, которыя впослѣдствіи хотѣли, цѣною всѣхъ жертвъ, пробудить свое несчастное отечество изъ закоснѣнія, въ какомъ оно было погружено, — увлекались обыкновенно политическими идеями. Болѣе прозаическія, но не менѣе существенныя идеи гражданской свободы, матеріальнаго благосостоянія человѣка, оставались въ сторонѣ. Политическое рабство одно возбуждало ихъ негодованіе. Но спѣшимъ прибавить, что при первомъ замѣчаніи, ихъ ревностная забота обращалась къ тому, чтобы найти средства стереть весь позоръ, прекратить всѣ бѣдствія своего отечества, и что ихъ первыя размышленія кончались проклятіями и противъ рабства крестьянъ, и противъ жестокости военной дисциплины. Я видѣлъ, какъ эти молодые люди, презирая всѣ выгоды своего общественнаго положенія, богатства, пред-

почитали тяжкую казарменную жизнь милостямъ и удовольствіямъ двора, или развлеченіямъ и пріятностямъ путешествія.... Что сталось съ ними, праведное небо! замѣчаетъ авторъ, вспоминая дальнѣйшую судьбу этихъ людей. Надо имѣть вѣру во что-нибудь, чтобы не быть уничтожену, когда видишь, что такая преданность и такое самоотрицаніе кончаются такимъ несчастьемъ и такими бѣдствіями» [1]).

Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же авторъ, говоря о либеральныхъ намѣреніяхъ, все еще проявлявшихся въ это время у имп. Александра, и объ упомянутомъ движеніи въ обществѣ, разсказываетъ:

«Въ теченіе этого короткаго періода либерализма, при свѣтѣ этой умственной молніи, если можно такъ выразиться, нѣсколько молодыхъ людей стали думать о томъ, чтобы дать новымъ идеямъ правильное движеніе и направить ихъ къ практически-полезной цѣли. Во время войны въ Германіи они слышали о тайныхъ обществахъ; они приняли эту идею и рѣшились соединить людей, показывавшихъ ревность къ общественному благу, въ общество, устроенное на подобіе этихъ обществъ. И спѣшу прежде всего замѣтить, русское правительство въ это время внушало вообще такъ мало недовѣрія и, повидимому, было даже такъ расположено поощрять спасительныя преобразованія, что основатели общества разсуждали о томъ, не слѣдуетъ ли имъ просить о содѣйствіи правительства. Только опасеніе, что ихъ намѣренія могутъ быть истолкованы неправильно, побудило ихъ дѣйствовать безъ помощи и безъ вѣдома императора. Если этотъ фактъ и открываетъ, какъ мало опытны были первые основатели тайныхъ обществъ въ Россіи, онъ доказываетъ по крайней мѣрѣ ихъ искренность и безвредность ихъ намѣреній»... [2]).

Четвертый современникъ самымъ положительнымъ образомъ говоритъ о настроеніи либеральнаго кружка того времени: «Общество, образовавшееся по возвращеніи гвардіи изъ похода, послѣ трехлѣтней войны съ Наполеономъ, проникнуто было возбужденнымъ, въ сильной степени, чувствомъ любви къ Россіи. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ спискѣ членовъ его встрѣчается такъ мало именъ не русскихъ». И нѣмецкія имена принадлежали часто людямъ, не только совершенно русскимъ, но даже православнымъ. «Къ слову упомяну, прибавляетъ авторъ, что Пестель, хотя былъ германскаго происхожденія, сердцемъ вполнѣ былъ русскій» и проч. [3]).

---

[1]) La Russie, II, стр. 511 — 514.

[2]) La Russie I, стр. 94 — 95.

[3]) Р. Арх. 1870, стр. 1638 — 39.

Въ приведенныхъ отрывкахъ достаточно указываются общія черты и источники движенія, первыя побужденія, внушенныя временемъ, впечатлѣнія русской жизни и горячее стремленіе къ улучшенію формъ жизни политической и общественной. Болѣе одностороннимъ образомъ представляютъ европейское вліяніе другія свидѣтельства, которыя въ особенности указываютъ на примѣръ иностранныхъ тайныхъ обществъ, на особенное вліяніе европейскаго либерализма, на моду. Такъ говорится объ этомъ въ самомъ «Донесеніи 30 мая 1826»; — такъ говоритъ извѣстный маркизъ Кюстинъ, передавая слышанное имъ въ Петербургѣ [1]). Послѣ событій декабря 1825 года не разъ высказывалось даже мнѣніе, что возмущеніе было солидарно съ европейскими революціонными вспышками двадцатыхъ годовъ, что русскія тайныя общества находились въ связи съ европейскими заговорами, например, съ нѣмецкими «демагогическими происками» и т. п. Лишнее говорить, что это послѣднее была совершенная фантазія.

Справедливо было то, что европейскія событія, пребываніе за границей, сближеніе съ европейскими людьми, нравами и понятіями дали первый сильный толчекъ либеральнымъ идеямъ; но это былъ только одинъ толчекъ или поводъ. Либеральное движеніе, воспринявъ общія основныя идеи европейскаго политическаго либерализма, не имѣло никакихъ близкихъ связей съ западными тайными обществами, вовсе не было однимъ подражаніемъ или однимъ теоретическимъ увлеченіемъ; напротивъ, оно тотчасъ обратилось къ русской жизни, искало въ ней практической почвы и самостоятельныхъ примѣненій. Историческій смыслъ этого движенія въ томъ и заключался, что, несмотря на разныя увлеченія и крайности, оно съ перваго раза ставило и тѣ вопросы, которые были дѣйствительными очередными вопросами нашей внутренней жизни. Русскіе либералы сохраняли живой интересъ къ тому, что̀ дѣлалось на европейскомъ Западѣ; этотъ интересъ былъ дѣломъ тѣмъ болѣе естественнымъ, что еще слишкомъ недавно на ихъ глазахъ рѣшалась судьба этой Европы; наконецъ, они чувствовали единство европейской реакціи, которая отъ западныхъ событій отразилась и въ нашихъ дѣлахъ. Но несправедливо было бы сказать, что примѣръ европейскаго либерализма былъ для нихъ всѣмъ, или чтобы они хотѣли «пересадить Францію въ Россію», какъ выразился авторъ недавно изданныхъ «Записокъ Декабриста» [2]). Напротивъ,

---

[1]) La Russie en 1839, Par. 1843, II, p. 42.

[2]) См. Р. Арх. 1870, стр. 1637.

русская жизнь стояла для нихъ на первомъ планѣ: европейскія вліянія дѣйствовали на нихъ какъ на всю умственную жизнь тогдашняго общества, какъ онѣ дѣйствовали въ наукѣ, въ литературѣ, въ мистицизмѣ, масонствѣ, въ правительственной реакціи,—но разъ пробужденное политическое пониманіе обращалось у нихъ къ русскимъ внутреннимъ вопросамъ съ такой силой увлеченія, какой еще ни разу не обнаруживалось въ русскомъ обществѣ. Они горячо принимали къ сердцу недостатки русской жизни, искали средствъ для ихъ исправленія, и ихъ усилія, безъ сомнѣнія, участвовали не мало въ развитіи «народности», которая вскорѣ потомъ стала лозунгомъ литературы. Эта народность была не археологическая, а общественно-политическая; въ этомъ общественно - политическомъ элементѣ, внесенномъ тѣми людьми и заключалось здоровое зерно тѣхъ «народныхъ» стремленій, въ которыхъ потомъ бывало такъ много преувеличеній, односторонностей и искаженій....

Внутренняя исторія русскаго общества остается еще слишкомъ безсвязной и неполной безъ исторіи этого либеральнаго движенія, которая изложила бы вполнѣ его источники, распространеніе, внутреннее развитіе, обстоятельства, видоизмѣнявшія его характеръ и т. д. Не имѣя притязанія рѣшать эту историческую задачу, мы опять остановимся, сколько возможно, только на нѣкоторыхъ сторонахъ предмета, и укажемъ сначала обстоятельства, которыя содѣйствовали въ первое время особенному возбужденію умовъ.

Разсматривая обстоятельства, которыя способствовали тогда распространенію либерализма въ обществѣ, прежде всего должно упомянуть о дѣйствіяхъ и настроеніи самого правительства. Намъ случалось указывать, какое было это настроеніе во время войнъ и въ первые годы послѣ нихъ. Вѣнскій конгрессъ, своимъ размежеваніемъ Европы и передѣломъ Германіи между старыми феодалами, уже началъ возбуждать недовѣріе, которое чувствовалось и у насъ, и впослѣдствіи выросло еще больше отъ дальнѣйшихъ дѣйствій европейской политики. Но на первое время императоръ Александръ вовсе не былъ на сторонѣ реакціи, и еще въ 1818 г., во время Ахенскаго конгресса, высказывалъ мысль, что «правительства должны стать во главѣ движенія и проводить либеральныя идеи въ жизнь» [1]). Онъ далъ Польшѣ конституціонныя учрежденія, что̀ поддерживало въ русскихъ либералахъ надежду на представительныя учрежденія и въ Россіи. Извѣстныя слова

[1]) Pertz, Stein's Leben, V, 301—302.

императора на варшавскомъ сеймѣ 1818 года какъ будто подтвердали эту надежду и безъ сомнѣнія усилили въ то время либеральное движеніе. Правда, и въ эти первые годы послѣ вѣнскаго конгресса не всѣ дѣйствія русскаго правительства могли питать подобныя ожиданія; его настроеніе было слишкомъ нерѣшительное и колеблющееся, но либеральныя его заявленія не могли однако не производить сильнаго впечатлѣнія на умы, уже безъ того возбужденные [1]).

Именно къ этой эпохѣ относится происхожденіе проекта конституціи, выработаннаго Н. И. Новосильцовымъ. Тургеневъ сообщаетъ нѣкоторыя частныя подробности о самомъ составленіи этого проекта, и изъ того можно судить, что въ то время это была вещь довольно извѣстная, о которой говорили. Гораздо позже этотъ проектъ былъ напечатанъ въ одномъ изданіи, выходившемъ въ теченіи нѣкотораго времени подъ названіемъ «Portfolio» [2]).

Но еще въ 1831 году проектъ нашли въ Варшавѣ, въ бумагахъ Новосильцова, въ двухъ экземплярахъ, по-русски и по-французски. Лица, доставившія его въ «Portfolio», не въ состояніи были опредѣлить ни времени составленія проекта, ни обстоятельствъ, по которымъ онъ находился въ рукахъ Новосильцова. Они очевидно не знали того, что разсказываетъ обо всемъ этомъ г. Тургеневъ. Одно, что они замѣтили, это — что проектъ Новосильцова по времени позднѣе хартіи, данной Царству Польскому въ 1815 г., потому что проектъ заключаетъ много статей, извлеченныхъ изъ этой хартіи, чтó и указано на поляхъ рукописи, и потому еще, что при немъ находится списокъ главъ, также заимствованный изъ конституціи, уже данной для Польши.

За отсутствіемъ положительныхъ данныхъ о томъ, какъ со-

---

[1]) Ср. La Russie I, стр. 84. — Карамзинъ пишетъ въ это время къ Дмитріеву: «Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые. Я радъ всему хорошему, но только хорошему. Все будетъ какъ надобно» (8 апрѣля, 1818). «Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ. Спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать—въ «Сынѣ Отечества», въ рѣчи Уварова; иное уже вышло, другое готовится.... Не перестаю наслаждаться своимъ образомъ мыслей, или лучше сказать, сердечнымъ удостовѣреніемъ, что мы такъ, а Богъ по своему» и пр. (29 апрѣля). Ср. также слова Ник. Муравьева въ позднѣйшемъ разборѣ «Донесенія» 30 мая, но поводу сказаннаго императоромъ Александромъ въ Варшавѣ.

[2]) La Russie. I, 94.

ставлялся вышеупомянутый проектъ и какъ велось вообще это дѣло, мы должны ограничиться только немногими замѣчаніями объ этомъ документѣ [1]).

Изъ подробностей проекта легко видѣть, что его составители не были чрезмѣрными либералами. Проектъ Новосильцова, какъ и извѣстный уже намъ планъ Сперанскаго, слишкомъ далеки отъ какихъ-нибудь либеральныхъ преувеличеній; напротивъ, проектъ былъ именно таковъ, какого можно было ожидать при политической неразвитости большинства. Въ самомъ дѣлѣ, проектъ тщательно охраняетъ независимость верховной власти и оберегаетъ всѣ ея прерогативы. Власть является столь могущественною, что весь государственный механизмъ остается въ сущности въ ея рукахъ. Нельзя поэтому сказать, чтобы обществу давалось слишкомъ много свободы: напротивъ, оно получало ея едва столько, сколько было бы нужно для переходнаго періода, для приготовленія общества къ болѣе положительнымъ формамъ представительства. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ остается также нетронутъ, какъ у Сперанскаго: это довольно показываетъ, что особеннаго либерализма и «презрѣнія къ исторіи» здѣсь вовсе не оказалось. При всемъ томъ, введеніемъ этого новаго порядка вещей думали тогда дать болѣе правильное и спокойное развитіе тѣмъ уже возбужденнымъ элементамъ общественнаго мнѣнія, въ которыхъ, какъ мы постараемся указать, заключалось не мало истинно благотворныхъ для общества понятій и начинаній, какъ напр., освобожденіе крестьянъ и т. п., и которые — безъ этой возможности спокойнаго развитія — обратились къ тайнымъ обществамъ и стали современемъ причиной общественной тревоги и тяжелыхъ испытаній.

Но въ первое время, подъ впечатлѣніемъ настроенія правительства, возбуждавшаго надежды, тайныя общества отличаются весьма мирнымъ и мягкимъ характеромъ, который онѣ теряютъ только впослѣдствіи. Люди либеральнаго образа мыслей могли даже думать, что ихъ стремленія не представляютъ собой ничего непріятнаго правительству, что они хотятъ того-же, что̀ составляетъ цѣль и его желаній; они стремились къ исправленію различныхъ неустройствъ русской жизни соединенными усиліями людей одннхъ убѣжденій, и полагали еще, что дѣйствуютъ въ помощь правительству; они видѣли потомъ трудность

---

[1]) Самый документъ см. въ La Portfolio ou Collection de documents politiques relatifs à l'histoire contemporaine. Traduit de l'anglais. Hambourg. Campe, 1837. V, стр. 378—419.

дѣла, и самую нерѣшительность и противорѣчіе правительства, но еще не теряли надежды. Впослѣдствіи, они стали разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ, и въ настроеніи обществъ появляется недовѣріе, раздражительность и рѣзкость.

Таковъ, повидимому, былъ характеръ тайныхъ обществъ въ первые годы, и потомъ въ послѣдніе.

Мысль о тайномъ обществѣ явилась тогда у либераловъ весьма естественно. Къ этому приводили ихъ всѣ условія тогдашней русской жизни и всѣ вліянія времени. Когда въ обществѣ, около 1815 года, почти вдругъ явился, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, цѣлый обширный разрядъ людей либеральнаго образа мыслей, преимущественно изъ молодого поколѣнія, они съ самаго начала не могли не почувствовать, что въ массѣ этого общества они представляютъ что-то исключительное, что эта масса не только не сочувствуетъ имъ, но смотритъ на нихъ враждебно, какъ на людей, нарушающихъ спокойствіе ея умственнаго и общественнаго бездѣйствія: ихъ собственныя убѣжденія такъ противорѣчили тому, во чтó эта масса вѣрила испоконъ-вѣка, такъ раздражали въ ней стариковскую нетерпимость, что эти люди должны были наконецъ сомкнуться въ болѣе тѣсный кружокъ. Правда, за это время общественное возбужденіе послѣ событій и наплывъ новыхъ идей были такъ сильны, что въ русскомъ обществѣ обнаружилась значительная свобода мнѣній и разговоровъ, но тѣмъ не менѣе было бы все-таки опасно высказывать свои мнѣнія вполнѣ — если не изъ страха правительства, тогда вообще предоставлявшаго обществу эту невинную свободу, то изъ опасенія раздражать ретроградовъ, очень сильныхъ своимъ вліяніемъ. Потребность въ обмѣнѣ мыслей въ ближайшемъ сочувственномъ кругу, свободномъ отъ всякихъ постороннихъ стѣсненій, конечно, прежде всего сближала людей либеральнаго образа мыслей въ тѣсный кружокъ; полная искренность бесѣдъ заставила вскорѣ беречь нѣкоторую замкнутость этого кружка. Но въ этихъ людяхъ уже скоро явилась потребность практической дѣятельности въ духѣ своихъ мнѣній: противорѣчіе русской жизни съ тѣмъ, чтò они видѣли въ Европѣ, и съ тѣми идеалами, которые образовались у нихъ подъ впечатлѣніями европейскаго образованія, съ теченіемъ времени больше и больше ихъ поражало и усиливало въ нихъ желаніе служить общественному дѣлу. Свѣжесть ихъ идеаловъ, порывы великодушнаго энтузіазма — какъ бываетъ всегда въ періоды подобныхъ увлеченій — ставили передъ ними широкую задачу общественныхъ преобразованій, требовавшую обдуманнаго плана, соединенныхъ дружныхъ усилій, самоотверженія. Съ этихъ поръ

замкнутый кружокъ, съ мыслью о сознательной практической дѣятельности и пропагандѣ, долженъ былъ сомкнуться еще тѣснѣе, и наконецъ онъ превратился въ тайное общество.

Таковы были естественныя побужденія, которыя, въ условіяхъ самой русской жизни, приводили этихъ людей къ основанію тайнаго общества. Къ этимъ главнымъ побужденіямъ присоединились и вліянія времени. Конецъ XVIII-го и начало XIX-го вѣка были классическимъ временемъ тайныхъ обществъ, и дѣйствительныхъ, и воображаемыхъ. Можно сказать, что это была особая культурная форма, въ которой между прочимъ складывались прогрессивныя и либеральныя стремленія общества, не имѣвшаго другихъ средствъ для выраженія своихъ мнѣній и потребностей. Это былъ общественный союзъ, ассоціація единомыслящихъ людей съ общественными цѣлями—въ такое время, когда государство еще сохраняло свою средневѣковую исключительность и нетерпимость и не давало никакого свободнаго исхода начинающемуся политическому и соціальному сознанію. Тайныя общества становились не нужны тамъ, гдѣ общественныя потребности находили себѣ выраженіе, гдѣ свобода собраній и свобода печати дѣлали таинственность не нужною. Всего больше тайныхъ обществъ было именно тамъ, гдѣ пробуждавшееся общественное мнѣніе не имѣло этого исхода, и напротивъ, встрѣчалось съ политическимъ гнетомъ, какъ было во Франціи, Германіи, Италіи. Въ прошломъ столѣтіи, эта форма общественности проникла и къ намъ въ видѣ масонскихъ ложъ, этихъ полу-тайныхъ обществъ, которыя могли быть допущены спокойно и у насъ, потому что, съ одной стороны, были правительству извѣстны, съ другой — ставили себѣ цѣли чисто нравственныя и въ принципѣ заявляли свое удаленіе отъ всякой цѣли политической. Но масонскія ложи были отчасти приготовленіемъ къ тайному обществу: онѣ чрезвычайно распространились у насъ, когда во второй половинѣ царствованія Александра стало обнаруживаться общественное движеніе и стали распространяться всякія общества и союзы. Масонская ложа была самой извѣстной формой такого общественнаго союза, и къ ней съ одной стороны примкнули тайныя общества точно также, какъ съ другой — библейское общество. Самый Священный Союзъ былъ навѣянъ духомъ мистическаго или таинственнаго братства.

Наше тайное общество сложилось не вдругъ, и въ кружкѣ людей, среди которыхъ оно образовалось, въ первое время замѣтно было только неясное желаніе сблизиться въ одномъ общемъ интересѣ. Одни просто собирались, безъ всякихъ затѣй, читать газеты и толковать. «Въ семеновскомъ полку—разсказываетъ Якуш-

жипъ—устроилась артель (въ 1815 г.): человѣкъ пятнадцать или двадцать офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ; обѣдали же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, которымъ по обязанности службы приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя газеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ—такое время-препровожденіе было рѣшительно нововведеніе» [1]). Высшимъ властямъ артель однако не понравилась, и ее велѣно было прекратить... Другіе, стремясь къ какой-нибудь нравственно-общественной дѣятельности, вступали въ масонскія ложи, гдѣ надѣялись найти искомую цѣль и способъ дѣйствій. Третьи, не удовлетворяясь простымъ масонствомъ, пришли къ мысли основать тайное общество, и имъ опять прежде всего представилась мысль устроить его въ какой-нибудь масонской ложѣ. Четвертые искали общественной дѣятельности въ ученыхъ и литературныхъ обществахъ, нисколько не тайныхъ: таково было множество обществъ словесности—въ Петербургѣ, Москвѣ и въ университетскихъ городахъ; таково было «общество математиковъ», основанное еще въ 1811 году, и послужившее началомъ извѣстнаго «Учебнаго заведенія для Колонновожатыхъ», о которомъ мы упомянемъ далѣе. Масонскія вліянія особенно замѣтны въ образованіи и въ формахъ нашихъ тайныхъ обществъ. Многіе изъ членовъ тайнаго общества были въ тоже время ревностные масоны: то и другое было очень близко въ ихъ понятіяхъ, и переходъ, повидимому, казался очень нетруднымъ. Мы приводили, въ предыдущей главѣ, нѣкоторые примѣры этой связи ложъ съ тайными обществами. Въ томъ первомъ тайномъ обществѣ, которое названо въ «Донесеніи 30-го мая» Союзомъ спасенія или Союзомъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества и уставъ котораго былъ составленъ Пестелемъ (въ 1817 г.), нельзя кажется не видѣть того-же масонскаго вліянія. «Общество,—по словамъ «Донесенія»,—раздѣлялось на три степени: братій, мужей и бояръ;.. для принятія назначались торжественные обряды; желающій вступить въ общество давалъ клятву сохранять въ тайнѣ все, что ему откроютъ;... сверхъ того каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою особенную присягу»— совершенно какъ въ масонской іерархіи. Въ другомъ мѣстѣ упоминается, что уставъ этотъ «основанъ былъ на клятвахъ, правилѣ слѣпаго повиновенія, и проповѣдывалъ насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ, кинжала, яда», что по словамъ самого Пестеля написано было въ подражаніе уставамъ нѣко-

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 6.

торыхъ масонскихъ ложъ,—и это могло быть совершенно справедливо: эти страшныя средства не представили бы ничего страшнаго тому, кто зналъ масонскія присяги, которыя даже въ самой обыкновенной своей формѣ, въ самыхъ простыхъ системахъ, наполнены самыми ужасными заклятіями [1]).

Была и болѣе тѣсная внутренняя связь между масонскими тенденціями и движеніемъ тайныхъ обществъ. Одно время ложа «Избраннаго Михаила» совмѣщала въ себѣ членовъ тайнаго общества. При болѣе послѣдовательномъ и реальномъ, не-мистическомъ взглядѣ на масонскія обязанности не трудно было придти къ точкѣ зрѣнія, на которой стояли члены тайныхъ обществъ за первое время ихъ существованія,—потому что эта точка зрѣнія состояла тогда въ мирномъ служеніи общественному благу одними нравственными, и очень легальными, средствами. Таковъ былъ союзъ, который предполагалось, по словамъ «Донесенія», основать подъ названіемъ Общества Русскихъ Рыцарей. Исторію этого предполагавшагося общества такъ разсказываетъ близкій свидѣтель, Н. И. Тургеневъ:

«Нѣсколько времени спустя послѣ моего возвращенія въ Петербургъ (въ 1816 г.), я встрѣтилъ генерала Орлова (Михаила), котораго я знавалъ за границей и особенно въ Нанси, гдѣ онъ былъ въ 1815 начальникомъ штаба русскаго корпуса, расположеннаго въ этихъ краяхъ. У этого генерала было много природнаго ума и благородный, возвышенный характеръ. Что касается образованія, онъ въ высокой степени владѣлъ тѣмъ образованіемъ, какое обыкновенно бываетъ у свѣтскихъ людей. Какъ всѣ живые и пылкіе умы, которымъ недостаетъ прочныхъ идей, основанныхъ на серьезныхъ знаніяхъ, онъ увлекался всѣмъ, что поражало его воображеніе... Когда я увидѣлъ его въ Петербургѣ, всѣ его мысли заняты были масонствомъ; онъ возъимѣлъ планъ возстановить это учрежденіе, какъ оно существовало при Екатеринѣ II, и дать ему какую-нибудь политическую цѣль. Въ этомъ предпріятіи у него былъ товарищемъ графъ Мамоновъ, который имѣлъ, кажется, большое пристрастіе къ старому русскому масонству. Лично я никогда не зналъ его, но въ одномъ критическомъ обстоятельствѣ его имя пріобрѣло такую извѣстность, что внушало къ нему уваженіе (г. Тургеневъ разумѣетъ пожертвованія гр. Мамонова въ 1812 году).

«Графъ Мамоновъ былъ, повидимому, посвященъ въ одну изъ высшихъ степеней стараго масонства; генералъ Орловъ, узнавши эту степень и формулу посвященія, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя

---

[1]) Образчики ихъ мы приводили въ другомъ мѣстѣ.

перемѣны, соотвѣтственныя идеямъ времени, но сохраняя мистическую форму, господствовавшую въ старомъ обрядѣ. Онъ показалъ мнѣ свой проектъ, предлагалъ мнѣ сообщить его какимъ-нибудь знакомымъ мнѣ масонамъ, для того, чтобы они постарались ввести его въ свои различныя ложи. Этотъ уставъ, или обрядъ принятія, я отдалъ одному лицу, которое предсѣдательствовало въ одной ложѣ, и которое было чрезвычайно радо имѣть какой-нибудь символъ стараго русскаго масонства, нѣкогда столь славнаго. Въ тоже время, генералъ Орловъ сказалъ мнѣ, что онъ только-что составилъ зерно общества, основаннаго на этой своего рода реликвіи. Онъ назвалъ своихъ союзниковъ: это были два адъютанта императора, генералъ П. М. и г. Б. Я видалъ иногда этихъ господъ, но никогда не говорилъ съ ними объ ихъ обществѣ. Разъ только, послѣдній, говоря о Союзѣ Благоденствія, съ которымъ предлагали соединить общество, начертанное генераломъ Орловымъ, сказалъ мнѣ, что они не были намѣрены сливать въ одно два эти общества: что надо было посмотрѣть, какъ станетъ дѣйствовать Союзъ Благоденствія, и воспользоваться и хорошими и дурными его результатами. Такимъ образомъ, эти господа были «политики».

«Въ самомъ дѣлѣ, основатели Союза Благоденствія имѣли нѣсколько свиданій съ генераломъ Орловымъ, но они не могли согласиться между собой... Впослѣдствіи Орловъ, совсѣмъ оставивши свой полу-масонскій проектъ, вступилъ въ общество Благоденствія, изъ котораго вышелъ за нѣсколько дней до его закрытія...

«Изъ этихъ объясненій видно, что попытка генерала Орлова не произвела никакого важнаго результата»[1]).

Такимъ образомъ, тайное общество складывалось медленно, подготовляясь въ разныхъ кружкахъ, исходя изъ разныхъ точекъ зрѣнія и принимая сначала знакомыя формы масонскаго союза. Въ заключеніе этихъ попытокъ образовался наконецъ «Союзъ Благоденствія», въ которомъ общество въ первый разъ, кажется, получило нѣсколько правильную организацію. Въ этой окончательной формѣ, которую приняло теперь тайное общество, обнаружилось уже болѣе прямое вліяніе времени, потому что образцомъ для Союза Благоденствія послужилъ отчасти нѣмецкій Тугендбундъ (Союзъ Добродѣтели). Мы скажемъ нѣсколько словъ

[1]) La Russie I, 221—225. «Несмотря на то, прибавляетъ г. Тургеневъ, правительство или слѣдственная коммиссія вытребовали въ Петербургъ лицо, которому я сообщалъ проектъ генерала Орлова; но такъ какъ въ этомъ документѣ не было найдено ничего подозрительнаго, то всякое розысканіе по этому предмету было оставлено».

объ этомъ знаменитомъ обществѣ, потому что по немъ можно составить понятіе о томъ, каковы бывали, между прочимъ, тайныя общества, наводившія такой страхъ на реакціонныя правительства, и можно также видѣть, какова была на дѣлѣ связь русскаго общества съ нѣмецкимъ, о которой многозначительно говорили потомъ даже нѣмецкіе реакціонеры, представляя русское тайное общество какъ отрасль громаднаго всесвѣтнаго заговора противъ алтарей и престоловъ.

Въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ, тайныя общества были предметомъ множества толковъ, не только тамъ, гдѣ они были и гдѣ дѣйствительно играли роль, но и тамъ, гдѣ ихъ не было или гдѣ они были совершенно безсильны. Правительства чрезвычайно боялись ихъ тайной силы; недовольные, особенно молодое поколѣніе, увлекались мечтой о тайномъ обществѣ, которое удовлетворяло либеральнымъ порывамъ и завлекало романической таинственностью союза, служащаго добродѣтели, справедливости и свободѣ, а иногда было единственнымъ средствомъ борьбы противъ угнетенія, какъ было въ Италіи. Таковы были итальянское карбонарство, греческая гетэрія, нѣмецкій Тугендбундъ — различные по происхожденію и цѣлямъ, очень несходные по дѣйствительному значенію, но фантастически смѣшиваемые правительствами въ одинъ всеобщій заговоръ либераловъ. У насъ всего больше извѣстенъ былъ нѣмецкій «Союзъ Добродѣтели».

«Я бывалъ въ сношеніяхъ съ людьми, которые должны были хорошо знать все относящееся къ знаменитому обществу, извѣстному подъ именемъ Тугендбунда, — разсказываетъ г. Тургеневъ. Я узналъ отъ нихъ, что́, собственно говоря, надобно думать о мнимомъ вліяніи этого общества на ходъ событій до войны за освобожденіе и во время ея. Сколько разъ я слышалъ, какъ эти люди выражали глубокое убѣжденіе, пріобрѣтенное ими по собственному опыту, убѣжденіе въ совершенной невозможности достигнуть чего-нибудь положительнаго путемъ тайныхъ обществъ!» [1]).

Въ числѣ людей, на которыхъ указываетъ г. Тургеневъ, былъ конечно и Штейнъ: онъ былъ прусскимъ министромъ во время основанія Тугендбунда; онъ хорошо зналъ движеніе умовъ въ Германіи, которое въ сильной степени проистекало отъ его собственной дѣятельности; его самого молва считала главнымъ основателемъ или покровителемъ Тугендбунда. Штейнъ вовсе не увлекался толками о тайныхъ обществахъ, не придавалъ никакого значенія ни масонскимъ ложамъ, о которыхъ также много

---

[1]) La Russie I, стр. 520—521.

говорили, никакимъ другимъ таинственнымъ союзамъ. «Я съ своей стороны—говорилъ онъ еще въ концѣ 1812 года—никакой другой (масонской) конституціи не держался такъ твердо, какъ столовыхъ ложъ,... да и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мнѣ казалось, что это древнее общество, происходящее отъ Соломона, не только не знало, чтò оно дѣлало, но даже и не знало, чего хотѣло. Иллюминаты казались мнѣ дурнымъ обществомъ, и ихъ мораль нѣсколько двусмысленной [1].... ихъ интриги были вредны, — хотя Баррюэль вовсе не есть мое евангеліе. Общество Друзей добродѣтели, образовавшееся въ 1808 г., заслуживаетъ уваженія по своимъ добрымъ намѣреніямъ, но до сихъ поръ ничего не видать изъ его дѣлъ....» [2]).

Штейнъ сохранялъ и послѣ подобное мнѣніе о нѣмецкихъ тайныхъ обществахъ, и во время реакціонныхъ гоненій считалъ постыднымъ и нелѣпымъ дѣломъ преслѣдованіе мнимыхъ заговоровъ и происковъ. Тѣмъ не менѣе, о тайныхъ обществахъ продолжали говорить, и самыя общества существовали—хотя и не въ томъ видѣ, какъ о нихъ говорили.

Карбонарство или гетэрія были прямымъ политическимъ заговоромъ. Карбонарство дѣйствовало противъ мелкихъ итальянскихъ деспотовъ и противъ австрійцевъ; гетэрія возставала противъ турецкаго ига и стремилась къ возстановленію Греціи; средствомъ и цѣлью этихъ заговоровъ была открытая борьба съ оружіемъ въ рукахъ. Тугендбундъ также вызванъ былъ пробужденіемъ національнаго чувства, ненавистью къ французскому игу, тяготѣвшему надъ Пруссіей, но онъ былъ обществомъ, совершенно мирнымъ: по всему положенію вещей, онъ не имѣлъ никакихъ цѣлей, непріятныхъ для нѣмецкаго правительства; совсѣмъ напротивъ, онъ хотѣлъ только помогать правительству, хотѣлъ дѣйствовать для возрожденія націи не средствами политическаго заговора, а средствами образовательными и моральными. Основатели его стремились къ нравственному возбужденію націи, которое должно было послужить залогомъ политическаго освобожденія.

Тугендбундъ основанъ былъ въ началѣ 1808 г. въ Кёнигсбергѣ нѣсколькими патріотами, которые, опредѣливъ свою программу дѣйствій, просили у короля утвержденія ихъ статутовъ. Король далъ это утвержденіе, и общество открыло свои дѣйствія. Основатели дали своему союзу названіе «нравственно-

---

[1]) Онъ приводитъ примѣры безнравственныхъ поступковъ членовъ этого ордена, и указываетъ, между прочимъ, на барона Книгге.

[2]) Pertz, III, стр. 99.

научнаго общества»; цѣль его высказывалась въ грамотѣ на его основаніе слѣдующими словами: «Цѣль общества — произвести улучшеніе нравственнаго состоянія и благосостояніе прусскаго, и затѣмъ нѣмецкаго народа единствомъ и общностью стремленій честныхъ (tadelloser) людей. Средства общества — слово, письмо и примѣръ». Стремленія общества такъ соотвѣтствовали духу тогдашнихъ реформъ Штейна, возвышавшихъ національное сознаніе, что весьма распространено было мнѣніе, считавшее Штейна не только участникомъ, но основателемъ союза. Предполагаемое участіе Штейна много содѣйствовало репутаціи союза, который тогда же сталъ извѣстенъ подъ именемъ Тугендбунда. Союзъ, управляемый своимъ совѣтомъ изъ Кёнигсберга, какъ говорятъ, быстро распранился по всѣмъ областямъ Пруссіи, но существованіе его было непродолжительно: въ концѣ 1809 г. онъ былъ закрытъ распоряженіемъ короля, которое послѣдовало, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, вслѣдствіе требованія Наполеона [1]).

Разсказы о дѣятельности Тугендбунда до сихъ поръ крайне противорѣчивы. По словамъ однихъ, послѣ закрытія, «Тугендбундъ продолжалъ существовать фактически и дѣятельность его была тѣмъ значительнѣе, что въ числѣ его членовъ, съ основаніемъ и безъ основанія, называли людей чрезвычайно значительныхъ. Очень дѣятельнымъ членомъ былъ майоръ Шилль, который въ 1809 слишкомъ преждевременно и слишкомъ рискованно сдѣлалъ попытку для освобожденія Германіи, но своимъ предпріятіемъ и геройской смертью далъ патріотической молодежи воспламеняющій примѣръ. Въ 1813 году, когда Наполеонъ потерялъ въ Россіи свои лучшія силы и очарованіе непобѣдимости, и когда началась противъ него великая народная борьба, эта молодежь показала, что реформы уже произвели въ Пруссіи поколѣніе, которое понимало значеніе словъ: отечество и свобода». Но, по оффиціальнымъ даннымъ, союзъ совершенно отрекался отъ солидарности съ предпріятіемъ Шилля и доказывалъ, что онъ впередъ старался удерживать по-

---

[1]) Свѣдѣнія о Тугендбундѣ, кажется, до сихъ поръ еще довольно смутны. Оффиціальная исторія его, по актамъ, изложена въ книжкѣ: Gesch. des sogenannten Tugendbundes. Von J. Voigt. Berlin, 1850; см. также Гервинуса, Geschichte des XIX Jahrb. II, 342 и сл.; Scherr, Deutsche Kultur- und Sittengesch.; 2-te Ausg. 478. См. также статью «Tugendbund» въ Staats-Lexikon, Роттека и Велькера (Altona, 1818, т. XII, стр. 585—590). Какъ сильно противорѣчатъ свѣдѣнія о Тугендбундѣ, можно видѣть, сравнивъ слова Шерра, показанія Пертца, приведенныя у Фойгта, стр. 113 и слѣд., и свидѣтельство «государственнаго человѣка» о Тугендбундѣ, тамъ же, стр. 119—120.

добныя «вмѣшательства въ права власти». Біографъ Штейна отдаетъ справедливость стремленіямъ Тугендбунда, но замѣчаетъ, что тягостное время и политическія и военныя мѣры правительства и безъ того возбудили національное чувство во всей націи, такъ что, «лучшую помощь для своихъ цѣлей въ борьбѣ съ французами правительство нашло въ кругу патріотовъ, которые собрались вокругъ Штейна и Шарнгорста, и которые дѣйствовали безъ всякой связи съ Тугендбундомъ». По словамъ третьяго свидѣтеля, Тугендбундъ представляли собственно люди столь ничтожные, что отъ него отстранялись всѣ порядочные люди, и союзъ, еще до закрытія своего, былъ мертвъ отъ своего ничтожества; что въ великіе моменты начала 1813 года не было рѣчи ни о какомъ Союзѣ добродѣтели, и что въ высшей степени нелѣпо придавать Тугендбунду какую-нибудь важность относительно этого великаго момента. Шлоссеръ отзывается о Тугендбундѣ еще суровѣе: по его словамъ, это было только орудіе реакціонеровъ, которымъ обманывали дѣйствительныхъ патріотовъ и низшій слой народа, чтобы воспользоваться ихъ одушевленіемъ и усиліями для возстановленія стараго порядка. Но въ концѣ концовъ Шлоссеръ говоритъ: «Въ Тугендбундѣ... важнѣйшимъ дѣломъ было то, что онъ *пробуждалъ умы*. Въ *этомъ* состояла важность тайныхъ обществъ. Крикъ, поднятый Наполеономъ противъ Тугендбунда, далъ этому союзу политическую важность; свирѣпое преслѣдованіе, организованное въ Германіи Наполеономъ, княземъ Экмюльскимъ (Даву) и его агентами и шпіонами, ожесточало умы, а когда Пруссія, въ 1809 году, принуждена была запретить Тугендбундъ, таинственность стала придавать новую заманчивость патріотическимъ обществамъ» [1]).

Въ этомъ и состоитъ дѣйствительное значеніе Тугендбунда; въ такомъ смыслѣ онъ имѣлъ свое вліяніе и на основателей нашего тайнаго общества. Незначительный на дѣлѣ или крайне преувеличиваемый слухами, онъ имѣлъ свое вліяніе и историческое значеніе той фиктивной силой, какую придавала ему общая молва. Ему приписывалось національное возбужденіе, котораго еще не привыкли объяснять естественнымъ увлеченіемъ общественнаго мнѣнія; ему приписывались патріотическіе подвиги, и присутствіе этой невидимой силы ободряло и воодушевляло [2]). Послѣ 1815 года начались въ печати розысканія

---

[1]) Ист. XVIII стол., новое изд., VII, 313—314.

[2]) Ср. Записки М. Фонъ-Визина, стр. 123. Авторъ прямо считаетъ «добродѣтельнаго барона Штейна» основателемъ Тугендбунда, и приписываетъ союзу чрезвычайно большое значеніе.

и разъясненія о Союзѣ добродѣтели, но общая молва продолжала говорить о немъ прежнее, и тѣмъ болѣе казалась вѣроятной, что въ это именно время тайныя общества стали размножаться съ особенной силой—снова появляется Янъ и его гимнасты съ своимъ девизомъ: frisch, froh, fromm und frei, возникаетъ буршеншафтъ, общество «безусловныхъ» и т. д., въ которыхъ прежнее броженіе, направлявшееся противъ французовъ, обращается противъ домашней реакціи во имя романтическо-народныхъ и конституціонныхъ идеаловъ....

Нелѣпо было бы говорить, что русскія тайныя общества стояли въ непосредственныхъ, личныхъ связяхъ съ нѣмецкими, какъ это утверждали впослѣдствіи нѣмецкіе реакціонеры и ихъ публицисты по поводу 14-го декабря: ничего подобнаго на дѣлѣ не было, да и не могло, конечно, быть, потому что этимъ обществамъ нечего было дѣлать вмѣстѣ. Но въ ихъ характерѣ на первое время можно найти сходныя черты, которыя объясняются духомъ времени и сходными общественными условіями. И тамъ, и здѣсь было много благороднаго и довѣрчиваго идеализма, и потому Союзъ Благоденствія могъ взять многое изъ программы нѣмецкаго Союза Добродѣтели.

«Донесеніе» 30-го мая указываетъ, что мысль о тайныхъ обществахъ явилась въ 1816 г. у нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые, «возвратясь изъ-за границы послѣ кампаній 1813, 1814 и 1815 годовъ, и знавъ о бывшихъ тогда въ Германіи тайныхъ обществахъ съ политическою цѣлію, вздумали завести въ Россіи нѣчто подобное»; что при первомъ основаніи русскаго тайнаго общества многіе именно желали, чтобы принятъ былъ уставъ, главныя черты котораго заимствованы «изъ напечатаннаго въ журналѣ «Freywillige Blätter» устава, коимъ будто бы управлялся Tugendbund». Въ другомъ мѣстѣ сказано, что «главныя черты законоположенія Союза Благоденствія (первая часть этого законоположенія была отыскана коммиссіей), раздѣленіе, замѣчательнѣйшія мысли и самый слогъ ясно показываютъ, что оно есть подражаніе, и даже большею частію переводъ съ нѣмецкаго». Этотъ уставъ былъ составленъ Александромъ и Михаиломъ Муравьевыми, кн. Сергѣемъ Трубецкимъ и Петромъ Колошинымъ.

Записки самихъ членовъ тайнаго общества подтверждаютъ эти указанія на Тугендбундъ. Фонъ-Визинъ разсказываетъ, что во время войнъ многіе изъ русскихъ «познакомились съ германскими офицерами, членами прусскаго тайнаго союза (Tugendverein)», что въ Петербургѣ извѣстны были статуты разныхъ тайныхъ обществъ, существовавшихъ во Франціи и Гер-

маніи, и что одинъ изъ членовъ русскаго общества «ѣздилъ въ Германію и вошелъ въ сношенія съ членами Союза Добродѣтели», которые и сообщили ему свои статуты. По словамъ Якушкина, нѣмецкій уставъ привезенъ былъ кн. Ильей Долгорукимъ [1]).

Такъ или иначе, въ либеральномъ кружкѣ были извѣстны уставы западныхъ тайныхъ обществъ, которые дали имъ мысль по той же формѣ устроить и русское общество. Тогдашняя слава Тугендбунда могла привлечь ихъ вниманіе, и характеръ его устава могъ въ особенности удовлетворять ихъ желаніямъ. Основанный въ тяжелыя времена французскаго ига, Тугендбундъ, если и имѣлъ въ основаніи политическую цѣль, долженъ былъ очень осторожно скрывать, даже совершенно устранить ее, и ограничить свою дѣятельность нравственно-общественными предметами, въ союзѣ съ правительствомъ. У нашихъ либераловъ, въ первое время, политическая цѣль также стояла на второмъ планѣ; они надѣялись, что политическая реформа будетъ произведена самимъ правительствомъ, и думали только содѣйствовать его планамъ, стараясь распространять новыя идеи, возбуждать политическіе интересы, истреблять предразсудки и общественные недостатки. Въ программѣ Тугендбунда, эта самая задача была поставлена такъ широко, цѣли Союза были такъ возвышенны, такъ проникнуты патріотизмомъ, и способъ изложенія указывалъ столько практическихъ пріемовъ, что воспользоваться нѣкоторыми ея мыслями было очень естественно.

Въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ Тугендбундъ состоялъ изъ «коренного общества», Stammverein, или собранія его членовъ въ мѣстѣ его основанія, т.-е. въ Кёнигсбергѣ, и изъ его развѣтвленій въ другихъ мѣстахъ, которыя назывались Zweigvereine [2]). Лица, вступавшія въ общество, должны были выбирать себѣ ту или другую отрасль дѣятельности въ смыслѣ союза, и собраніе членовъ, работавшихъ по одной отрасли, составляло «камеру», а собраніе камеръ въ Кёнигсбергѣ составляло «главную камеру» (Hauptkammer). При каждой камерѣ находился «цензоръ», обязанность котораго заключалась въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы законы общества сохранялись въ точныхъ предѣлахъ государ-

[1]) Зап. Фонъ-Визина, стр. 147, 152—153. Зап. Як., стр. 13. Въ печатномъ изданіи первыхъ этотъ кн. Долгорукій ошибочно названъ Иваномъ. Показаніе Фонъ-Визина о прямыхъ сношеніяхъ Долгорукаго съ членами Тугендбунда можетъ быть не вполнѣ точно; онъ просто могъ найти печатные уставы, которые упоминаются въ «Донесеніи».

[2]) Первоначально, хотѣли назвать эти дѣленія главной ложей, и подчиненными ложами,—такъ что и здѣсь вспоминались масонскія формы.

ственнаго закона, далѣе въ собираніи свѣдѣній о вновь поступающихъ членахъ, въ нравственномъ ихъ руководствѣ и въ надзорѣ за ихъ трудами для цѣлей общества.

Дѣятельность общества распадалась на шесть отраслей: 1) воспитаніе; 2) народное образованіе; 3) наука и искусство; 4) народное благосостояніе; 5) внѣшняя полиція и 6) внутренняя полиція. Въ отдѣлѣ *воспитанія* главная задача общества состояла въ томъ, чтобы изыскивать и распространять лучшіе методы воспитанія и обученія, при которыхъ юношество достигаетъ наиболѣе полнаго и согласнаго употребленія всѣхъ своихъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ; стараться объ улучшеніи домашняго воспитанія, объ уничтоженіи суровости, безнравственности и безплодной траты времени въ школахъ, о распространеніи въ народѣ техническихъ знаній, нужныхъ для улучшенія ремеслъ и т. п. Въ отдѣлѣ *народнаго образованія*—распространеніе правильныхъ понятій объ обязанностяхъ человѣка для сохраненія и развитія его тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, его обязанностяхъ во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ; стараніе сколько можно облагородить народные праздники и увеселенія, и ввести въ нихъ такія упражненія, которыя способствуютъ пріобрѣтенію ловкости и силы (бѣганье, бросанье, прыганье, верховая ѣзда, стрѣльба, плаванье); противодѣйствіе грубости нравовъ, безполезному или дурному чтенію и т. д. Въ этомъ же отдѣлѣ особую частную отрасль должны были составлять военные, цѣлью которыхъ было общее изученіе военныхъ наукъ, подготовленіе молодыхъ офицеровъ въ научномъ и нравственномъ отношеніи, забота о солдатахъ, обученіе солдатъ обязанностямъ ихъ званія. Въ руководители этой отрасли совѣтъ камеры долженъ былъ выбрать одного изъ опытнѣйшихъ и искуснѣйшихъ офицеровъ. Въ отдѣлѣ *науки и искусства* — изученіе важнѣйшихъ предметовъ науки и искусства, и распространеніе между членами правильныхъ о томъ понятій. Предположено было обращать вниманіе на замѣчательнѣйшія произведенія древнихъ и новыхъ временъ, и издавать журналы для возбужденія чувства истины, добродѣтели, любви къ отечеству, свободы мысли и совѣсти. Въ отдѣлѣ *народнаго благосостоянія* — должны были собраться члены изъ людей, наиболѣе знающихъ разныя отрасли сельской и городской промышленности, чтобы изыскивать свойственные каждому краю источники благосостоянія, вводить и поощрять новые промыслы, дѣйствовать ободреніемъ и совѣтами на рабочее сословіе, оказывать помощь безвинно обѣднѣвшимъ посредствомъ кредита, задатковъ, доставленіемъ сбыта и т. п., приводить въ извѣстность новыя изобрѣтенія, заботиться о школахъ промышленно-

сти и искусствъ, противодѣйствовать цеховому духу, стараться отвлекать мужчинъ отъ занятій, болѣе свойственныхъ женскому полу. Въ отдѣлѣ *внѣшней полиціи* — стараніе убѣждать народъ, что всѣ полицейскіе законы будутъ достигать своей цѣли только тогда, когда имъ будутъ содѣйствовать всѣ отдѣльныя лица; съ этой цѣлью предполагалось составить книжку, въ которой бы общедоступно объяснялась благотворность полицейскаго порядка для сохраненія жизни, здоровья, собственности и т. д.; предполагалось также оказывать содѣйствіе властямъ въ розысканіи преступниковъ и въ устройствѣ ихъ, по исполненіи надъ ними закона. Наконецъ, въ отдѣлѣ *внутренней полиціи* имѣлось въ виду почти исключительно наблюденіе за нравственнымъ и законнымъ поведеніемъ членовъ союза, что̀ поручалось, какъ выше упомянуто, цензорамъ камеръ.

«Таково было—говоритъ историкъ Тугендбунда—обширное, едва обозримое поле, на которое союзъ хотѣлъ, по своему уставу, распространить свою дѣятельность, на которомъ онъ хотѣлъ показать, къ чему можно стремиться и чего можно достигнуть самопожертвованіемъ, трудолюбіемъ и ревностью къ человѣческому образованію и человѣческому благу». Поле дѣйствительно было необозримое.... Штейнъ, тогда министръ, несмотря на утвержденіе союза королемъ, относился къ Тугендбунду очень неблагопріятно, и въ программѣ его дѣятельности находилъ возможность столкновеній съ дѣятельностью государства; въ замѣчаніяхъ на уставъ союза, составленныхъ другимъ лицомъ, но пересланныхъ Штейномъ въ союзъ, говорилось, напримѣръ, что дѣйствія союза могутъ вмѣшиваться въ область отправленій самой власти, что заявляемое союзомъ «разумное» подчиненіе распоряженіямъ правительства можетъ повести къ предположенію, что союзъ хочетъ дѣлать выборъ между этими распоряженіями и подчиняться только тѣмъ, которыя «разумны» въ его смыслѣ и т. д. Штейнъ вообще находилъ, что не нужно никакого союза, а нужно только оживленіе христіанскаго, отечественнаго духа, что зерно для этого уже находится въ существующихъ учрежденіяхъ государства и церкви, и что въ ихъ формахъ это зерно и должно развиваться. Впослѣдствіи, много времени спустя, онъ говорилъ, что «союзъ казался ему непрактичнымъ, а практическое впадало въ пошлое». Союзъ отвѣчалъ однако на возраженія, присланныя Штейномъ, и разрѣшалъ ихъ очень удовлетворительно. Но каковы бы ни были понятія Штейна о личномъ составѣ «коренного общества», — дѣйствительно, можетъ быть, не безупречномъ,—изъ какихъ бы источниковъ ни происходило его неблагопріятное мнѣніе о Тугендбундѣ, его возраженія

очень характеристично выражали отношеніе абсолютной власти, какова была тогда прусская, къ заявленіямъ общественной самодѣятельности. Тугендбундъ былъ именно такой попыткой самого общества работать для возрожденія націи, которой не могла поднять монархія одна. Тугендбундъ шелъ параллельно съ тѣмъ патріотическимъ и національнымъ одушевленіемъ, которое проникало тогда лучшіе умы Германіи и которое въ то самое время, между прочимъ, блистательно выразилось въ знаменитыхъ «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу», Фихте. Программа Тугендбунда могла быть несовершенна, въ ней могла быть «напыщенность», которую въ ней также указывали, но въ ней было однако много истинно-полезнаго для общества, если бы эта программа была исполнена;—недостатки въ устройствѣ, преувеличенія въ идеяхъ были весьма понятны по времени, — преувеличенія въ идеѣ есть и въ «Рѣчахъ» Фихте. Впослѣдствіи сама власть воспользовалась для борьбы съ Наполеономъ силами общества, но слишкомъ ревнивая къ своимъ прерогативамъ, она не хотѣла и послѣ признавать заявленій общественнаго мнѣнія, чѣмъ, конечно, сама раздражала это мнѣніе и производила тѣ «происки» и тайныя общества, въ которыя бросались разочарованные и обманутые энтузіасты и съ ними много увлекающейся молодежи.

Власть была неправа тѣмъ въ своемъ мнѣніи о программѣ Союза, что высказывала недовѣріе къ самому принципу общественной самодѣятельности. Ни «государство», ни «церковь», на которыя ссылался Штейнъ, никогда не могутъ вполнѣ удовлетворить матеріальнымъ и духовнымъ потребностямъ націи, если государство и церковь понимаются такъ формально, если они остаются недоступны вліяніямъ и требованіямъ общества; слѣпое повиновеніе никогда не доставитъ государству и націи столько силъ, сколько можетъ принести содѣйствіе, исходящее изъ свободнаго убѣжденія, изъ самодѣятельнаго общественнаго мнѣнія. Недавній примѣръ іенскаго пораженія показывалъ, до какого паденія можетъ довести націю безжизненный формализмъ абсолютнаго государства, не оживляемый дѣятельностью общественныхъ силъ, и основатели Тугендбунда именно угадывали и выражали необходимость участія самого общества въ своихъ дѣлахъ и интересахъ.

Такой смыслъ имѣло и наше либеральное движеніе. Въ русской жизни, конечно, не произошло такихъ политическихъ бѣдствій, какія испытала тогда Германія, но въ ея внутреннемъ быту находилось, быть можетъ, еще больше мрачныхъ явленій, противъ которыхъ нерѣдко бывали безплодны даже усилія самой власти, и которыя давно вызывали патріотическое негодованіе

лучшихъ людей. Стремленіе противодѣйствовать этимъ недостаткамъ русской жизни и возбудить къ дѣятельности лучшія силы и нравственные инстинкты общества, не находило себѣ исхода въ обычныхъ нравахъ, и потому повело, наконецъ, къ образованію тайныхъ обществъ. Понятно, почему либералы могли взяться за программу Тугендбунда. Въ первое время наши тайныя общества не думали ни о какихъ политическихъ планахъ, не желали никакихъ перемѣнъ въ основныхъ существующихъ учрежденіяхъ. Ихъ настроеніе было совершенно мирное; это былъ идеалистическій патріотизмъ, хотѣвшій дѣйствовать чисто нравственной пропагандой и образованіемъ, думавшій только помогать правительству,—совершенно также, какъ было въ «нравственно-научномъ» обществѣ. Программа Тугендбунда принята была не изъ подражанія, а просто потому, что она совпадала съ патріотическимъ одушевленіемъ, которое уже было готово въ нашемъ молодомъ либеральномъ поколѣніи, еще полномъ надеждами, мало искушенномъ опытами и мало испытавшемъ разочарованій. Союзъ Благоденствія основывался съ довѣріемъ къ власти, основатели его намѣревались даже заявить о немъ правительству и просить его содѣйствія,—и этому совершенно отвѣчали правила Тугендбунда. Что программа его была принята въ нашемъ обществѣ довольно сознательно и обдуманно, можно видѣть изъ того, что въ русской обработкѣ (насколько она теперь извѣстна) она подверглась значительнымъ перемѣнамъ и дополненіямъ.

По словамъ «Донесенія» 30-го мая, уставъ Союза Благоденствія заключался въ слѣдующихъ основаніяхъ, которыя читатель сличитъ съ вышеприведенными положеніями Тугендбунда. Авторы устава объявляли, именемъ основателей Союза Благоденствія, что цѣль ихъ есть одно благо отечества, и что эта цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей; что учреждаемое общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, будетъ трудиться въ тайнѣ «только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти». Члены общества дѣлились на четыре разряда или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно и отъ занятій по другимъ. Въ *первой* отрасли, предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, т.-е. успѣхъ частной и общей благотворительности: она должна была имѣть надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство ихъ и самое правительство о злоупотребле-

ніяхъ и безпорядкахъ, какіе могли въ нихъ оказываться, и также о средствахъ ихъ исправленія и усовершенствованія. Во *второй*— умственное и нравственное образованіе, для котораго должно было дѣйствовать распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, и также дѣйствовать примѣрами доброй нравственности, разговорами и сочиненіями, сообразными съ этимъ и съ цѣлью общества. Члены этой отрасли должны были наблюдать за школами, должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за-границей и всякому иностранному вліянію. Въ *третьей* отрасли обращалось вниманіе на дѣйствія судовъ: члены общества обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ должностей по судебной части, исправлять ихъ съ усердіемъ и точностью, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ этого рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, члены *четвертой* отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять «непреложныя правила общественнаго богатства», т.-е. заниматься новой тогда наукой политической экономіи, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, «утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ».

Внѣшнее устройство Союза Благоденствія также представляетъ сходство съ устройствомъ Тугендбунда. Старѣйшіе члены, основатели общества или первоначально вступившіе въ него, составляли «коренной союзъ» (какъ въ Тугендбундѣ Stammverein), изъ него выбирался «совѣтъ», который состоялъ изъ «блюстителя» и пяти засѣдателей и члены котораго, черезъ извѣстные сроки, замѣнялись новыми. Когда члены коренного союза присоединялись къ совѣту, изъ этого составлялась «коренная управа»: совѣтъ и управа отличались какъ власть исполнительная и власть законодательная. При распространеніи общества основывались новыя управы....

Такъ складывалась внѣшняя форма общества. «Подражаніе» Тугендбунду ограничивалось только рамкой, въ которую члены Общества уже съ самаго начала вносили русское содержаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, для молодого поколѣнія, возбужденнаго вліяніями европейской жизни и европейскаго либерализма, своя домашняя жизнь должна была представлять много тяжелаго и неутѣшительнаго: ему съ самаго начала бросались въ глаза тем-

ныя стороны этой жизни и являлся вопросъ о средствахъ, какими это положеніе вещей могло быть исправлено. Уже вскорѣ стали опредѣляться отношенія либераловъ къ правительству и къ массѣ общества.

Мы указали выше, что само правительство въ ту пору, безъ сомнѣнія, много содѣйствовало распространенію либеральныхъ идей въ той долѣ общества, которая имѣла къ тому какую-нибудь воспріимчивость. Конституція въ Польшѣ, конституціонные планы для Россіи, не оставшіеся тайною для общества, слухи о предполагаемомъ освобожденіи крестьянъ, отдѣльныя либеральныя рѣшенія и мнѣнія, высказываемыя императоромъ, не могли не возбуждать мысли, что само правительство желаетъ широкаго преобразованія, по крайней мѣрѣ, что оно сознаетъ ненормальность существующаго положенія вещей. Но съ другой стороны, либераловъ не могли не поражать противорѣчія, которыя безпрестанно обнаруживались въ различныхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ правительства. Александръ, во время наполеоновскихъ войнъ возбуждавшій величайшую симпатію и уваженіе, теперь сталъ обнаруживать черты характера, которыя охлаждали это сочувствіе. Замѣчено было вообще, что по возвращеніи въ Петербургъ Александръ обнаруживалъ холодность къ Россіи, производившую самое тяжелое дѣйствіе: онъ былъ какъ будто возстановленъ противъ нея; его мысли были въ Европѣ; онъ безучастно относился къ русскимъ дѣламъ, которыя вскорѣ очутились въ рукахъ Аракчеева. Еще въ 1812 году было множество недовольныхъ тѣмъ, что императоръ окружаетъ себя нѣмцами, въ числѣ которыхъ были нѣмцы очень неудачные, какъ извѣстный генералъ Фуль. Разсказывали, что во время смотра русскихъ войскъ при Вертю во Франціи, на похвалы Веллингтона устройству русскихъ войскъ, императоръ во всеуслышаніе отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Разсказывали о другихъ подобныхъ словахъ императора, показывавшихъ нелюбовь и пренебреженіе къ русскимъ [1]). Въ войскахъ опять вводилась строгая и стѣснительная дисциплина, требовалась фрунтовая выправка. Всего больше, почти исключи-

[1]) Зап. Якушк. 5, 7—8, 17, 25; и другія записки современниковъ. См. также La Russie, I, 87. Иногда, это было и справедливое негодованіе на безчестность даже многихъ лицъ изъ высшей администраціи (La Russie II, 206). Мы приводили въ другомъ мѣстѣ слова Александра прусскому королю, въ 1820 г., что король и онъ самъ «окружены негодяями», что онъ «многихъ хотѣлъ прогнать, но на ихъ мѣсто являлись такіе же». Были однако средства измѣнить этотъ порядокъ вещей, но Александръ не принималъ этихъ средствъ, и этимъ, конечно, самъ давалъ основаніе общественному недовольству противъ себя.

тельно, императоръ занимался военными дѣлами, и забота объ увеличеніи войска повела къ основанію военныхъ поселеній, встрѣтившихъ и сохранившихъ за собой всеобщее неодобреніе и причинившихъ страшныя бѣдствія и тогда и послѣ.

Въ общемъ ходѣ внутреннихъ дѣлъ, сохранились, а иногда и увеличились тѣ неустройства, которыми русская жизнь издавна страдала и которыя должны были возбуждать все бóльшее негодованіе по мѣрѣ того, какъ возникали здравыя общественныя и политическія понятія. Крестьянскій вопросъ, относительно котораго было столько надеждъ у либераловъ и столько опасеній у крѣпостниковъ, почти не тронулся съ первыхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ началѣ царствованія. Напротивъ, правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ среди самого дворянства являлись частные проекты освобожденія, отнеслось къ нимъ очень недружелюбно. Въ управленіи господствовалъ тотъ же старинный произволъ, казнокрадство, подкупы и взятки, начиная отъ низшихъ административныхъ вѣдомствъ и до самыхъ высшихъ. Императоръ самъ зналъ это, ему извѣстны были примѣры самаго незастѣнчиваго грабежа казны, но онъ оставлялъ грабителей въ покоѣ, считалъ зло неистребимымъ! Изрѣдка его терпѣніе истощалось, но и тогда,—какъ въ извѣстномъ случаѣ съ провіантскимъ вѣдомствомъ, у чиновниковъ котораго онъ отнялъ право носить мундиръ, оставивъ, однако, это право ихъ начальникамъ,—строгость не достигала цѣли, или постигая съ виноватыми и невинныхъ, или не уничтожая возможности продолжать тоже самое.... Во всѣхъ дѣлахъ управленія сталъ всемогущимъ человѣкомъ Аракчеевъ, безсердечный и невѣжественный, привязанность къ которому императора Александра приводила въ недоумѣніе и современниковъ и историковъ, какъ мудреное психологическое явленіе. Въ обществѣ Аракчеевъ внушалъ страхъ и ненависть; высшія сферы преклонялись предъ нимъ, но также его ненавидѣли. Здѣсь называли его «проклятымъ змѣемъ» [1]);

---

[1]) Въ напечатанномъ недавно письмѣ кн. Волконскаго, изъ Таганрога, о смерти императора Александра, такъ высказалась эта ненависть къ Аракчееву: «Проклятый змѣй (Аракчеевъ) и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіею и гнуснѣйшимъ поступкомъ (рѣчь идетъ объ убійствѣ извѣстной Настасьи и свирѣпой казни замѣшанныхъ въ немъ людей); ибо въ первый день болѣзни государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ *змѣя*, и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду ли я говорилъ вамъ, что *извергъ сей губитъ Россію* и погубитъ государя, который *узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно*. Вотъ предчувствіе мое и сбылось. Можетъ ли сей извергъ показываться еще на глаза въ свѣтѣ, и неужели совѣсть его не убьетъ?» и проч. (Р. Арх. 1870, стр. 630). Здѣсь опять можно замѣ-

мы скажемъ дальше, на какія выраженія своей ненависти рисковали люди молодого поколѣнія.

Польскія дѣла также вызывали большое недовольство, доходившее иногда до ожесточенія. Такъ, слухъ о намѣреніи императора присоединить къ Польшѣ нѣсколько русскихъ губерній, произвелъ одинаковое волненіе и въ крайнихъ консерваторахъ, какъ Карамзинъ, и въ людяхъ умѣренныхъ, какъ Энгельгардтъ, и въ крайнихъ либералахъ, какъ нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества, у которыхъ этотъ слухъ порождалъ самыя отчаянныя намѣренія. Съ другой стороны, польская конституція производила неудовольствіе, которое предвидѣли уже совѣтники императора на вѣнскомъ конгрессѣ,—именно, что русскимъ непріятно было видѣть конституціонный порядокъ въ странѣ, которую не безъ основанія считали завоеванной, между тѣмъ, какъ сама Россія не получала ничего подобнаго. Это казалось вопіющимъ оскорбленіемъ національнаго достоинства [1]).

Внѣшняя политика также начинала возбуждать неудовольствія. Священный Союзъ въ самомъ началѣ внушалъ опасенія своимъ мистицизмомъ и неопредѣленными ссылками на патріархальные принципы, которые легко могли перейти въ реакцію и деспотизмъ [2]).

Всѣ эти вещи начинали теперь больше, чѣмъ когда-нибудь прежде занимать общественное мнѣніе, и либералы, изъ среды которыхъ собирались члены тайныхъ обществъ, были наиболѣе дѣятельные представители этого общественнаго мнѣнія.

Въ этомъ усиленномъ интересѣ къ политическимъ и общественнымъ предметамъ собственно и состояло первое дѣйствіе тайныхъ обществъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько можно судить по скудному матеріалу, который доставляютъ извѣстныя до сихъ поръ оффиціальныя данныя и немногія свидѣтельства современниковъ, дѣятельность тай-

---

тить, что неистовства можно было узнать и раньше: средства на это также были — стоило прислушаться къ общественному мнѣнію.

[1]) Такъ полагалъ и Ростопчинъ, о которомъ разсказываетъ Фарнгагенъ, видѣвшій его въ 1817 г.: «Ростопчинъ приходилъ въ негодованіе при мысли, что побѣжденный полякъ будетъ имѣть то, въ чемъ отказано побѣдившему русскому,—и еслибы еще это была только мишура, говорилъ онъ, которую жалуютъ въ знакъ милости!» Самъ онъ, конечно, никакихъ конституцій не желалъ: «онъ не могъ понять, какимъ образомъ можно раздѣлять власть: онъ всегда считалъ ее за нѣчто единое и думалъ, что съ ней всего легче управляться (am leichtesten fertig zu werden), у кого бы ни была эта власть — у самого государя, или у министра, или у метрессы». Denkwürd. III, 395.

[2]) Такъ думала не одна либеральная молодежь. Ср. отзывы о Священномъ Союзѣ въ письмахъ Сперанскаго, Р. Арх. 1867, стр. 444—454; 1870, стр. 188.

ныхъ обществъ въ первые годы не представляетъ, собственно говоря, чего-нибудь правильнаго и организованнаго, какихъ-нибудь прямо поставленныхъ цѣлей, къ которымъ бы члены общества стремились по опредѣленному плану, съ извѣстной дисциплиной. Въ запискахъ современниковъ, уже за это время не разъ встрѣчаются отзывы членовъ, или жалобы ихъ, что общество «ничего не дѣлаетъ», что оно «дремлетъ» и т. п. Эти выраженія были, вѣроятно, справедливы въ томъ отношеніи, что общество, устроивши свое формальное основаніе, въ глазахъ самихъ членовъ не представляло никакой систематической и замѣтной дѣятельности для своей цѣли: общество составляло свой уставъ, учреждало свою іерархію, принимало новыхъ членовъ, но затѣмъ, какъ общество, не могло дѣлать ничего иного, кромѣ того, что по прежнему продолжало развивать свои общественно-политическіе взгляды и сводить свои счеты съ дѣйствительностью практической жизни и господствующаго порядка вещей. Оно становилось школой общественнаго мнѣнія, школой, оказывавшей свое вліяніе на умы и въ этомъ отношеніи очень дѣйствительной; но при всемъ томъ оно могло не удовлетворять людей, которые въ пылу своихъ надеждъ ожидали отъ него прямого вмѣшательства въ эту жизнь въ силу его идей, ожидали отъ него практическихъ дѣйствій и борьбы. Къ этому не представлялось возможности, и члены жаловались, что оно «дремлетъ».

Мы указывали выше, словами самихъ современниковъ, съ какими впечатлѣніями возвращалось молодое поколѣніе изъ-за границы и какое вообще было его настроеніе по окончаніи войнъ. Мы перескажемъ теперь, ихъ же словами, съ какими мыслями они обращались къ русской дѣйствительности, какимъ образомъ ихъ первыя впечатлѣнія были уже приготовленіемъ къ движенію тайныхъ обществъ, съ какими побужденіями они вступали впервые въ тайный союзъ. Пока еще не было никакихъ обществъ, ихъ темы были уже готовы. «Въ бесѣдахъ нашихъ, — говоритъ одинъ современникъ, — обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіи 25 лѣтъ почти была каторгой, повсемѣстное лихоимство, грабительство и, наконецъ, явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, — бо́льшею частію состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго-нибудь изъ вопросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего». Тотъ же авторъ пишетъ

о другомъ случаѣ: «Въ разговорахъ нашихъ мы соглашались, что для того, чтобы противодѣйствовать всему злу, тяготѣвшему надъ Россіей, необходимо было прежде всего противодѣйствовать старовѣрству закоснѣлаго дворянства и имѣть возможность дѣйствовать на мнѣнія молодежи, что для этого лучшимъ средствомъ — учредить тайное общество, въ которомъ каждый членъ, зная, что онъ не одинъ, и излагая свое мнѣніе передъ другими, могъ бы дѣйствовать съ бóльшею увѣренностью и рѣшимостью». Когда, послѣ первыхъ попытокъ основать тайное общество, изготовлялся уставъ для будущаго Союза Благоденствія, то пока устроено было временное тайное общество подъ названіемъ военнаго, — цѣлью котораго было только распространеніе общества и соединеніе единомыслящихъ людей. «У многихъ изъ молодежи было столько избытка жизни при тогдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть передъ собой прямую и высокую цѣль почиталось уже блаженствомъ, и потому не мудрено, что всѣ порядочные люди изъ молодежи, бывшей тогда въ Москвѣ (гдѣ жилъ тогда дворъ и стояла гвардія), или поступили въ военное общество, или по единомыслію сочувствовали членамъ его» [1]).

Другой современникъ, И. И. Пущинъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что еще будучи лицеистомъ, онъ посѣщалъ кружокъ, въ которомъ собирались Александръ и Михаилъ [2]) Муравьевы, Бурцовъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Это былъ именно кружокъ, изъ котораго въ это самое время образовалось первое тайное общество. «Постоянныя наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, — говоритъ Пущинъ, — о злѣ существующаго у насъ порядка вещей и о возможности измѣненія, желаемаго многими втайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ; я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ». Въ заключеніе Бурцовъ принялъ его въ тайное общество. «Эта высокая цѣль жизни, — продолжаетъ Пущинъ, — самой своей таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей, рѣзко и глубоко проникла душу мою. Я какъ будто вдругъ получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ; сталъ внимательнѣе смотрѣть на жизнь, во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости наблюдалъ за собой, какъ за частицей, хотя ничего не значущей, но входящей въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно было имѣть благотворное свое дѣйствіе».

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 8, 10, 13. — Ср. Зап. Оболенскаго, стр. 4.

[2]) Впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта, въ недавніе годы знаменитый своею дѣятельностью въ западномъ краѣ.

Третій современникъ, Н. И. Тургеневъ, вступилъ въ общество въ концѣ 1819 года; его впечатлѣнія не были такія юношескія, какъ у Пущина, тѣмъ не менѣе и онъ вступилъ въ общество, о чемъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ концѣ 1819 года пришелъ ко мнѣ однажды князь Трубецкой. Я едва зналъ его по имени. Не входя въ большія предварительныя объясненія, онъ сказалъ мнѣ, что, судя по тому, что онъ могъ узнать обо мнѣ и моихъ мнѣніяхъ, онъ нашелъ нужнымъ предложить мнѣ вступить въ общество, уставъ котораго онъ мнѣ при этомъ представилъ: это былъ уставъ Союза Благоденствія, о которомъ говоритъ «Донесеніе слѣдственной коммиссіи» о событіяхъ 1825 года. Онъ прибавилъ, что онъ только-что передъ тѣмъ сдѣлалъ тоже предложеніе одному поэту, съ которымъ я былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ; но тотъ отказался [1]). Надо замѣтить, что кн. Трубецкой и съ этимъ поэтомъ былъ также незнакомъ, какъ со мной. Онъ велъ свою пропаганду съ такой откровенностью и простодушіемъ, которыя по крайней мѣрѣ доказывали, что въ его намѣреніяхъ не было ничего особенно опаснаго. Я пробѣжалъ уставъ. Общество ставило себѣ цѣлью общественное благо. Члены должны были раздѣляться на различные классы или отдѣлы, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ заниматься народнымъ образованіемъ, другой — юстиціей, третій—политической экономіей и финансами, и проч. Въ цѣломъ, какъ и въ различныхъ частяхъ этого проекта шла рѣчь только о теоріяхъ; намѣренія дѣйствовать, производить перемѣны въ государствѣ, не сказывалось нигдѣ. Такой планъ не имѣлъ для меня ничего привлекательнаго». Авторъ не думалъ, чтобы какое-нибудь общество могло дать въ Россіи необходимыя средства для предполагавшейся цѣли; для этого были бы нужны серьезные писатели, люди, знающіе теорію и практику дѣлъ,— а такихъ людей совсѣмъ не было въ Россіи; наконецъ, и здѣсь автора печально поражало, что при всѣхъ этихъ благихъ намѣреніяхъ не было вовсе рѣчи объ уничтоженіи крѣпостного права. «Вообще, принятый планъ обличалъ недостатокъ опытности, зрѣ-

---

[1]) Поэтъ, котораго авторъ не хотѣлъ называть, былъ, вѣроятно, Жуковскій, и къ этому предложенію можетъ относиться разсказъ, находящійся въ запискахъ кн. Трубецкого. Упомянувъ о составленіи устава Союза Благоденствія, кн. Трубецкой говоритъ: «Вас. Андр. Жуковскій, которому онъ былъ впослѣдствіи предложенъ для чтенія, возвращая его, сказалъ, что уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, для выполненія которой требуется много добродѣтели, и что онъ счастливымъ бы себя почелъ, еслибъ могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія; но что къ несчастію онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы» (Зап. Труб., стр. 80).

лости, даже нѣкоторое ребячество, которое мнѣ не нравилось. Тѣмъ не менѣе, я не думалъ, что мнѣ надо послѣдовать примѣру моего друга, поэта. Я думалъ, что всякій честный человѣкъ долженъ отложить въ сторону мелкія формальныя соображенія, не устрашаться личныхъ неудобствъ и даже опасностей, еслибы онѣ встрѣтились, чтобы содѣйствовать, по своимъ средствамъ, всякому полезному и нравственному дѣлу. Указанный мною пробѣлъ, быть можетъ, содѣйствовалъ моему рѣшенію, потому что я тотчасъ возъимѣлъ мысль привлечь вниманіе общества на крѣпостной вопросъ. Я немедленно сказалъ это своему собесѣднику, и убѣдившись изъ его словъ, что онъ и его друзья одушевлены самыми лучшими намѣреніями относительно несчастныхъ крестьянъ, я почувствовалъ, что въ мою душу проникаетъ сладкая надежда, что подвинется впередъ дѣло, составлявшее постоянный предметъ моихъ мыслей».

Авторъ объясняетъ, что, впрочемъ, онъ всегда чувствовалъ неохоту къ тайнымъ обществамъ, — не потому собственно, что они тайныя, а потому, что они вообще недѣйствительны и не могутъ достигать предполагаемыхъ ими цѣлей.

«Надо сказать однако, — продолжаетъ онъ, говоря о тогдашнемъ положеніи русскаго общества, — что тайныя общества, быть можетъ, неизбѣжны въ странѣ, какъ Россія. Только тотъ, кто жилъ въ ней, можетъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ трудно въ русскомъ обществѣ высказывать свои мнѣнія. Чтобы говорить свободно и безъ опасеній, надо не только заключиться въ тѣсный кружокъ, но даже хорошо выбирать лицъ, которыя его составляютъ. Только подъ этимъ условіемъ возможенъ искренній обмѣнъ идей. И потому для насъ невыразимую прелесть имѣла возможность говорить въ нашихъ собраніяхъ искренно, безъ опасенія быть дурно понятымъ и дурно истолкованнымъ, не только о предметахъ политическихъ, но и обо всякихъ предметахъ. Нашъ языкъ, который при всемъ богатствѣ и красотѣ своей, носитъ на себѣ отпечатокъ дурного общественнаго устройства страны, этотъ языкъ, казалось намъ, легко служилъ для выраженія истины, идей свободы и человѣческаго достоинства; онъ облагораживался, выражая возвышенныя и благородныя понятія.

«Было бы большой ошибкой предполагать, что въ этихъ тайныхъ собраніяхъ занимались только заговорами: здѣсь вовсе ими не занимались. Еслибы какіе-нибудь изъ членовъ и имѣли такое намѣреніе, они скоро увидѣли бы, что здѣсь никакой заговоръ невозможенъ. Начинали обыкновенно тѣмъ, что жаловались на безсиліе общества предпринять что-нибудь серьезное. Потомъ

разговоръ переходилъ на политику вообще, на положеніе Россіи, на неустройства, ее отягощавшія, на злоупотребленія, которыя ее истощали, наконецъ, на ея будущее.... Здѣсь обсуждались европейскія событія и съ радостью привѣтствовались успѣхи цивилизованныхъ странъ на пути къ свободѣ. Если я когда-нибудь жилъ жизнью существъ, сознающихъ свое назначеніе и желающихъ его исполнить, то это въ особенности было въ эти рѣдкія минуты бесѣдъ съ людьми, которыхъ я видѣлъ одушевленными разумнымъ и безкорыстнымъ энтузіазмомъ къ счастію имъ подобныхъ.

«Что касается до того, какъ могли говорить въ публикѣ люди, принадлежавшіе къ тайнымъ обществамъ, то удивительно ли, что начавъ свободно мыслить, они такъ же и говорили? Но люди, говорившіе такимъ образомъ, выражались вообще съ достоинствомъ, хотя и не опасаясь не понравиться однимъ, шокировать другихъ, или компрометтировать себя передъ начальствомъ. Они такъ же стали бы и писать, еслибы это было имъ позволено. Они ли виноваты, если въ глазахъ людей извращенныхъ и огрубѣлыхъ, принципы нравственности казались разрушительными и дерзкими вызовами?...» [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, заговора никакого не было, потому что вся дѣятельность общества состояла въ этихъ искреннихъ бесѣдахъ, которыя сами по себѣ были новы и на первое время поглощали собой это возбужденіе умовъ. Притомъ, общество, размножаясь, вовсе не представляло одного тѣсно связаннаго цѣлаго, и прежніе кружки болѣе близкихъ другъ другу людей сохранялись и теперь. Наконецъ, самая тайна общества была очень прозрачна. По разсказамъ самихъ участниковъ, ихъ бесѣды происходили на виду и безъ секрета отъ людей знакомыхъ, но вовсе не принадлежавшихъ къ обществу и которые даже вмѣшивались въ разговоръ. Такіе случаи разсказываютъ Тургеневъ, Пущинъ, Якушкинъ. Извѣстно, что императоръ Александръ давно зналъ имена многихъ членовъ и называлъ ихъ; онъ предполагалъ или даже зналъ о принадлежности къ обществу г. Тургенева, и тѣмъ не менѣе показывалъ ему свою благосклонность....

Итакъ, первая роль Союза Благоденствія состояла главнымъ образомъ въ чисто-нравственномъ вліяніи; «высокая цѣль» имѣла идеалистическій характеръ; общество представлялось его членамъ союзомъ, который долженъ былъ давать нравственную поддержку ихъ личнымъ усиліямъ въ служеніи общему благу. Уставъ давалъ имъ цѣль, къ которой они могли стремиться легальными путями.

---

[1]) La Russie, I, стр. 101—106.

Многіе вопросы для нихъ были уже рѣшены, другіе возникали и обсуждались въ самыхъ собраніяхъ.

Эти вопросы, хотя исходили изъ идеалистическаго увлеченія, были, однако, очень реальные вопросы; патріотизмъ членовъ общества былъ не только либеральный, но и *русскій*, въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ объ этомъ г. Свистуновъ въ вышеприведенныхъ словахъ. Первые основатели общества, Муравьевы, были извѣстны какъ враги «нѣмчизны»; патріоты тайнаго общества, согласно съ общимъ настроеніемъ тогдашняго времени, возставали противъ подражаній иноземному, стремились въ жизни дать мѣсто русскому и народному — по крайней мѣрѣ какъ умѣли. Даже озлобленные ихъ противники признаютъ за ними это качество, и напр. Вигель говоритъ о г. Тургеневѣ: «онъ искренно, усердно любилъ Россію, уважалъ своихъ соотечественниковъ и въ разговорахъ.... много разъ скорбѣлъ о томъ, что чужеземцы распоряжаются у насъ какъ дома». Упомянувъ, что г. Тургеневъ образовался за-границей, онъ прибавляетъ: «Хорошо, еслибъ и другіе русскіе, подобно ему, перенимали за-границей у европейскихъ народовъ любовь ихъ къ отчизнѣ; но это дается только тѣмъ изъ насъ, кои по чувствамъ и по мыслямъ стоятъ гораздо выше толпы....» [1]). Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, хотя только въ нѣкоторыхъ, это были какъ будто предшественники славянофиловъ.

Большинство членовъ, почти всѣ главные руководители, были военные, и это объясняется обстоятельствами времени. Съ 1812 года все, что только могло, изъ образованнаго молодого поколѣнія шло въ военную службу; старый обычай, по которому дворянство считало военную службу своей спеціальностью, усиленъ былъ порывомъ патріотизма, — лучшее, что могло быть сдѣлано для отечества, казалось могло быть сдѣлано только въ рядахъ арміи. Событія дали этому юношеству свое воспитаніе; многіе должны были испытать впечатлѣнія войны за освобожденіе, гдѣ русскіе были желанными союзниками и помощниками въ національномъ дѣлѣ Германіи. Военное общество, сильно связывающее людей общимъ трудомъ и опасностями, и общимъ торжествомъ, должно было въ особенности помогать обмѣну понятій и усиливать впечатлѣнія. Императоръ Александръ былъ тогда чрезвычайно популяренъ въ самой Германіи; русскіе, кажется, всего больше сближались съ прусскими войсками, гдѣ національный энтузіазмъ былъ всего сильнѣе. Побѣдоносное оконча-

[1]) Записки. III, V, стр. 47. Такія признанія можно найти и въ другомъ источникѣ, столь же мутномъ, какъ писанія Вигеля, въ запискахъ Греча.

ніе войны завершало это сближеніе. Въ результатѣ, къ двадцатымъ годамъ военное общество—чего никогда не было ни прежде, ни послѣ — заключало въ себѣ лучшихъ представителей такъ-называемой интеллигенціи. Мы упоминали выше, какъ однимъ изъ первыхъ предметовъ, на которыхъ оказалось вліяніе новыхъ понятій, стала военная дисциплина. Это обнаружилось еще до образованія тайныхъ обществъ; забота о смягченіи военныхъ нравовъ и образованіи солдатъ входила уже въ кругъ масонской филантропіи; теперь это продолжалось и въ видѣ исполненія программы тайныхъ обществъ. Члены общества уже здѣсь встрѣтились съ препятствіями, которыя ставила подозрительность высшихъ властей, но это не остановило ихъ усилій, исходившихъ изъ искренняго и теплаго убѣжденія.

«Несомнѣнно,—разсказываетъ г. Тургеневъ,—что по возвращеніи русскихъ войскъ домой, военная дисциплина стала нѣсколько измѣняться. Во многихъ полкахъ употребленіе палки стало рѣже; въ другихъ оно было совершенно запрещено, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени. Русскій корпусъ, оставшійся во Франціи какъ часть оккупаціонной арміи, доказалъ самымъ невѣрующимъ, что частыя палочныя наказанія вовсе не нужны для образованія красивыхъ и хорошихъ войскъ. Мягкій характеръ и образованность главнаго начальника этого корпуса [1]), также какъ ревностныя старанія нѣсколькихъ лицъ его штаба, ввели благотворныя реформы не только въ самой военной дисциплинѣ, но и въ исправительномъ и уголовномъ производствѣ военныхъ судовъ. Извѣстно по крайней мѣрѣ, что тѣлесныя наказанія, которыхъ уничтожить совсѣмъ начальники не имѣли власти, были въ русскомъ корпусѣ гораздо рѣже, чѣмъ въ англійскомъ. Друзья цивилизаціи желали, чтобъ этотъ корпусъ, по возвращеніи въ Россію, сохранилъ свою цѣлость, чтобы послужить образцомъ преобразованій, какія бы слѣдовало ввести въ остальной арміи. Но нѣкоторыя высокопоставленныя лица военной іерархіи считали эти полки зараженными либерализмомъ: по возвращеніи домой, они были раздѣлены и бо́льшая часть немедленно послана на Кавказъ, чтобы быть тамъ уничтоженными....» [2])

---

[1]) Этимъ начальникомъ былъ графъ М. С. Воронцовъ. См. отчетъ его императору Александру по возвращеніи съ корпусомъ изъ Франціи, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. 1858, кн. 4, стр. 67—76 (или 51—60). Въ Военномъ Сборникѣ, 1859, т. VII, стр. 75—78, напечатаны любопытныя «Наставленія, данныя графомъ, М. С. Воронцовымъ гг. офицерамъ 12-й пѣхотной дивизіи» (въ іюнѣ 1815), гдѣ онъ внушаетъ офицерамъ чувство военной чести, уваженіе къ своему званію, товарищество и т. п.

[2]) La Russie, II, стр. 514—515. Въ другомъ мѣстѣ авторъ указываетъ, что Кав-

Тоже дѣлалось и въ войскахъ, находившихся въ Россіи. Съ заботами о смягченіи дисциплины и облегченіи жизни солдатъ, соединялись столько же ревностныя заботы объ ихъ нравственномъ воспитаніи; мы говорили выше объ основаніи въ войскахъ ланкастерскихъ школъ для солдатскихъ дѣтей и для самихъ солдатъ. Все это уже вскорѣ стало обнаруживать свое вліяніе; матеріальныя улучшенія, нѣкоторое обученіе и уваженіе человѣческаго достоинства въ солдатѣ со стороны ближайшихъ властей дѣйствовали самымъ благотворнымъ образомъ. Извѣстно, какъ въ этомъ отношеніи отличался любимый полкъ имп. Александра, семеновскій, который, по единогласнымъ разсказамъ современниковъ, представлялъ замѣчательный примѣръ нравственнаго развитія, гдѣ съ точнымъ исполненіемъ службы соединялась большая порядочность нравовъ и даже извѣстное чувство гражданскаго достоинства.

Членамъ тайнаго общества въ этомъ отношеніи оставалось только продолжать начатое, и они во многихъ случаяхъ дѣйствовали съ чрезвычайной ревностью. Въ семеновскомъ полку многіе офицеры были дѣятельнѣйшими членами общества. Тоже было и во многихъ другихъ полкахъ. Такъ современники разсказываютъ о М. фонъ-Визинѣ, впослѣдствіи одномъ изъ декабристовъ, который въ то время командовалъ полкомъ. Когда ему дали другой полкъ, возбудившій неудовольствіе императора недостаткомъ фрунтовой выправки,—«фонъ-Визинъ началъ съ того, что сблизился съ ротными командирами, поручилъ имъ первоначальную выправку людей и рѣшительно запретилъ при ученіи употреблять палку. Для подпрапорщиковъ онъ завелъ училище и нанималъ для нихъ учителей. Вообще, въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ истратилъ на полкъ болѣе 20,000 р., за то въ концѣ года царь, увидѣвъ 38-й егерскій полкъ въ парадѣ, былъ отъ него въ восторгѣ и изъявилъ фонъ-Визину благодарность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ». Въ такомъ же родѣ поступалъ извѣстный генералъ гр. Мих. Ѳед. Орловъ, также принадлежавшій къ тайному обществу. «Въ Кіевѣ Орловъ устроилъ едва-ли не первыя въ Россіи училища взаимнаго обученія для кантонистовъ». Потомъ, командуя дивизіей во 2-й арміи, онъ въ Кишиневѣ опять завелъ училища для солдатъ, которыя поручилъ надзору капитана Раевскаго, также члена тайнаго общества [1]). Эти нововведенія были и полезны, и безопасны, но люди стараго по-

---

казъ вообще дѣйствовалъ на войска истребительно, не только войной, но главное, климатомъ и матеріальными условіями.

[1]) Зап. Якушкина. стр. 12, 49.

кроя смотрѣли на нихъ очень недружелюбно и подозрительно, и извѣстно, какъ трагически кончилось существованіе стараго семеновскаго полка, когда на немъ разразилось столкновеніе этихъ нововведеній со старыми порядками.

Крестьянскій вопросъ, несмотря на то, что императору все еще приписывалось намѣреніе освободить крестьянъ, на дѣлѣ почти не двигался впередъ. Въ обществѣ, тѣмъ не менѣе, созрѣвало сознаніе необходимости освобожденія, какъ по требованіямъ человѣческаго и національнаго достоинства, такъ и по требованіямъ экономическимъ; были уже люди, понимавшіе недостаточность, пустоту или лицемѣріе той филантропіи, которая желала «улучшить участь» крестьянъ посредствомъ ограниченія худшихъ злоупотребленій помѣщичьей власти, но вовсе не желала дѣйствительнаго освобожденія. Къ такому болѣе прочному освобожденію направленъ былъ планъ, представленный имп. Александру гр. Воронцовымъ и кн. Меншиковымъ; императоръ сначала взглянулъ на дѣло очень благопріятно, но при второмъ разговорѣ объ этомъ съ однимъ изъ авторовъ проекта, онъ отнесся къ нему такъ холодно, что проектъ былъ брошенъ. Неизвѣстно, что̀ заставило императора измѣнить свое мнѣніе, но очень возможно, что и въ этомъ случаѣ онъ не рѣшился идти противъ мнѣній, господствующихъ въ большинствѣ, которыя, конечно, по прежнему были враждебны всякой мысли объ освобожденіи. Г. Тургеневъ думаетъ однако, что имп. Александръ искренно желалъ освобожденія, и въ доказательство приводитъ то, что въ государственномъ совѣтѣ, въ спорныхъ дѣлахъ между крестьянами и помѣщиками, сторону первыхъ—по придворнымъ разсчетамъ—брали даже люди, вовсе не особенно либеральные, и указываетъ примѣръ кн. Куракина. «Если-бы можно было подвергнуть сомнѣнію искренность желанія Александра уничтожить рабство въ своей имперіи, то довольно было бы примѣра этого придворнаго, который всегда подавалъ голосъ въ пользу освобожденія (т.-е. освобожденія крестьянъ, искавшихъ воли отъ помѣщика), противъ своей совѣсти; этого примѣра было бы довольно, чтобъ разсѣять всякое недоумѣніе объ этомъ предметѣ. Изъ всѣхъ членовъ департамента, кн. Куракинъ... былъ всѣхъ дальше отъ какихъ-нибудь либеральныхъ идей, но придворный бралъ въ немъ верхъ надъ человѣкомъ» [1]).

Въ другихъ случаяхъ самъ императоръ бралъ иниціативу въ этомъ дѣлѣ, какъ напр. въ вопросѣ о продажѣ крестьянъ по одиночкѣ и безъ земли. Въ этомъ дѣлѣ положеніе крестьянскаго

---

[1]) La Russie, I, 159—160.

вопроса обнаруживается довольно характеристично. Государственный совѣтъ поручилъ разсмотрѣніе этого предмета коммиссіи составленія законовъ, которая вслѣдствіе того представила въ совѣтъ «проектъ закона о пресѣченіи продажи крестьянъ порознь и безъ земли». Этотъ проектъ былъ составленъ А. И. и Н. И. Тургеневыми. Въ департаментѣ законовъ госуд. совѣта этотъ проектъ вызвалъ ожесточенныя возраженія Шишкова, который нашелъ въ оффиціальной бумагѣ коммиссіи поводъ къ обличенію революціонныхъ замысловъ, конечно приписывая ихъ составителямъ проекта. «Въ то время, — писалъ онъ, — когда мы слышимъ и видимъ (въ октябрѣ 1820), что почти всѣ европейскія державы вокругъ насъ мятутся и волнуются, наше благословенное отечество пребыло всегда и пребудетъ спокойно. Единодушный громъ на возставшаго врага, далеко простертыя побѣды и внутренняя, среди неустройствъ Европы, тишина, не показываютъ ли, что оно больше благополучно, больше благоденствуетъ, нежели всѣ другіе народы? Не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ? На что жъ перемѣны въ законахъ, перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей? И откуду сіи перемѣны?—изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи подъ видомъ свободы ума разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ! При таковыхъ обстоятельствахъ, кажется, что есть-либъ и вподлинну нужно было сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, то не время о нихъ помышлять. Мы явно видимъ надъ собою благодать Божію. Десница Вышняго хранитъ насъ. Чего намъ лучшаго желать?» [1]).

Г. Тургеневъ разсказываетъ, что на это они (т.-е. онъ и его братъ) отвѣчали въ запискѣ, составленной отъ имени коммиссіи, что предложенныя въ проектѣ закона перемѣны требовались самой необходимостью, темнотой и неясностью существующаго законодательства; что эти перемѣны не имѣютъ и не

[1]) Не лишне замѣтить при этомъ, что это дѣло началось (или продолжалось) по поводу записки петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, что по принесеннымъ ему жалобамъ слѣдствіе открыло: 1) что помѣщикъ Лупандинъ продалъ разнымъ лицамъ по одиночкѣ отъ крестьянскихъ семей вдовъ 3, дѣвокъ 17, а одну подарилъ; продажу этихъ дѣвокъ и женщинъ производилъ подъ именемъ крѣпостныхъ дворовыхъ его людей; 2) что отставной штабсъ-капитанъ Раздеришинъ, покупая по одиначкѣ малолѣтнихъ дѣвокъ, держалъ ихъ у себя для непотребства; 3) что статская совѣтница Полонская продала полковницѣ Андреевой двороваго человѣка съ женой и малолѣтней дочерью, а старшую дочь оставила у себя, и т. д. По мнѣнію Шишкова выходитъ, что Десница хранитъ подвиги Лупандина, Раздеришина и проч.!

могутъ имѣть никакой связи съ политическими революціями, которыя обнаруживались тогда въ Европѣ, и этой мысли въ особенности нельзя было бы заимствовать отъ тѣхъ странъ, волненіе которыхъ привлекало въ то время общее вниманіе, потому что Испанія, и даже Неаполь вовсе не отличаются ни школами, ни образованіемъ.

Дѣло затянулось. Кочубей, тогда предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ и завѣдывавшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, заявилъ, что считаетъ необходимымъ новое разсмотрѣніе проекта въ министерствѣ; замѣтили, кажется, что императоръ перестать думать объ этомъ предметѣ, и дѣло кануло....

«Этотъ примѣръ—говоритъ г. Тургеневъ—достаточно показываетъ, по какой почвѣ шли тогда въ Россіи люди, которые, даже съ согласія абсолютнаго правительства, требовали самыхъ простыхъ гарантій для несчастныхъ, лишенныхъ всякаго покровительства закона; онъ показываетъ, какимъ подозрѣніямъ, какимъ обвиненіямъ надо было подвергаться, желая принести какое-нибудь облегченіе ужасной участи крѣпостныхъ. Какъ видимъ, личное мнѣніе императора Александра было не въ силахъ предохранить отъ самыхъ безсмысленныхъ нападеній даже тѣхъ людей, которые дѣйствовали сообразно съ его собственными намѣреніями....

«И однако-же—продолжаетъ онъ—графъ Кочубей былъ человѣкъ просвѣщенный, который вовсе не казался способнымъ благопріятствовать какимъ-нибудь образомъ крѣпостному праву. Быть можетъ, долгій опытъ заставилъ его съ состраданіемъ смотрѣть на всѣ эти попытки реформы, на всѣ эти усилія помочь гигантскому злу, усилія столько-же безсильныя и безплодныя, сколько они были мало серьезны. Я припоминаю, что послѣ прочтенія протокола совѣтскаго засѣданія, гдѣ приведены были мнѣніе императора о продажѣ людей безъ земли (онъ не зналъ объ ея существованіи) и справки, опровергавшія его мнѣніе, графъ Кочубей подошелъ ко мнѣ и сказалъ съ полу-горькой, полу-насмѣшливой улыбкой: «Подумайте же, что императоръ убѣжденъ, что въ его государствѣ уже двадцать лѣтъ не продаютъ людей порознь!»

«Чтó сказать, когда мы вспомнимъ, что противъ оконъ императора, въ петербургской гражданской палатѣ человѣческая плоть продавалась отъ времени до времени по рѣшеніямъ властей! Когда продаются имѣнія за долги, то если у несостоятельнаго должника были крѣпостные, эти крѣпостные необходимо продаются съ аукціона, какъ вся другая его собственность. Около того времени, о которомъ мы говоримъ, одна старуха была отдана

такимъ образомъ за два рубля съ полтиной, и это было въ двухъ шагахъ отъ жилища самодержца, который думалъ, что продажа людей по одиночкѣ давно запрещена! Этого примѣра довольно, чтобы показать, въ какомъ невѣдѣніи остаются абсолютные монархи обо всемъ, чтò совершается вокругъ нихъ!» [1])

Къ этому невѣдѣнію присоединялось другое обстоятельство. Г. Тургеневъ винилъ Кочубея въ равнодушіи къ истиннымъ причинамъ бѣдствій Россіи, и этотъ упрекъ онъ распространялъ почти на всѣхъ образованныхъ людей, не дѣлавшихъ никакихъ усилій для улучшенія хода вещей. «Но можетъ быть,—прибавляетъ онъ—эти люди, которыхъ я обвинялъ въ равнодушіи ко благу страны, на опытѣ убѣдились, что никакія улучшенія невозможны, и именно поэтому осуждали себя на бездѣйствіе въ виду той чудовищной массы несправедливостей и лжи, стараясь только не увеличивать зла, котораго они были не въ силахъ уничтожить» [2]). И въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ ли сказать того же о Сперанскомъ, Новосильцевѣ и многихъ другихъ, которые питали нѣкогда надежды на измѣненіе господствовавшаго порядка вещей, а потомъ равнодушно съ нимъ мирились?

Тогдашнія мнѣнія г. Тургенева о крѣпостномъ правѣ были вообще и мнѣнія тайнаго общества. Еще раньше этого г. Тургеневъ вообще старался дѣлать все, чтò могъ для распространенія мысли объ освобожденіи: онъ говорилъ объ этомъ въ своей извѣстной книгѣ («Опытъ теоріи налоговъ», 1818), онъ ревностно защищалъ крестьянскія дѣла въ своей служебной дѣятельности, онъ разъяснялъ необходимость освобожденія членамъ тайнаго общества. Въ декабрѣ 1819 г. онъ написалъ записку о крестьянскомъ вопросѣ, которая дошла до Александра (и повидимому для него именно предназначалась) и которая можетъ служить образчикомъ взглядовъ на этотъ предметъ, вообще распространенныхъ въ либеральномъ кругу и въ тайномъ обществѣ [3]).

Г. Тургеневъ въ тѣ времена считался совершеннымъ революціонеромъ по его мнѣніямъ о крестьянскомъ вопросѣ; на дѣлѣ, его записка вовсе не представляетъ какихъ-нибудь радикальныхъ требованій. Напротивъ, авторъ зналъ, что онъ встрѣтится съ мнѣніями чрезвычайно нерѣшительными, боязливыми, и въ практической постановкѣ вопроса, говоря о томъ возможномъ, что могло быть сдѣлано въ данныхъ условіяхъ, онъ высказы-

---

[1]) La Russie, II, стр. 107—110, 197—202, 207—226. Мнѣніе Шишкова объ указанномъ выше дѣлѣ приводится вполнѣ въ запискахъ послѣдняго.

[2]) Тамъ же, II, стр. 276.

[3]) Записка эта напечатана въ книгѣ La Russie, II, стр. 471—450.

ваетъ самыя умѣренныя желанія,—хотя сущность дѣла старается указать во всей полнотѣ. Крестьянскій вопросъ кажется ему столь краеугольнымъ, что безъ его рѣшенія, хотя бы предварительнаго, онъ не считаетъ полезнымъ самое расширеніе политическихъ правъ для свободныхъ сословій—обстоятельство, которое обходилось обыкновенно въ конституціонныхъ планахъ Александра [1]).

«Вообще говорятъ (такъ начинаетъ г. Тургеневъ), что Россія дѣлаетъ успѣхи въ просвѣщеніи.

«Но въ чемъ состоитъ просвѣщеніе? Оно состоитъ въ томъ, чтобы знать свои права и свои обязанности. Мы увидимъ дальше, до какой мы дошли степени просвѣщенія, понимаемаго въ этомъ смыслѣ.

«Права бываютъ различны: есть права гражданскія и права политическія. Дворянство, купцы, мѣщане и даже вольные хлѣбопашцы имѣютъ гражданскія права; два первыя сословія пользуются даже нѣкоторыми правами политическими.

«Должно ли желать расширенія этихъ политическихъ правъ?

«Чтобы добросовѣстно рѣшить этотъ вопросъ, надо вспомнить, что въ Россіи есть милліоны человѣческихъ существъ, которыя не пользуются даже гражданскими правами. Всякое расширеніе политическихъ правъ въ пользу дворянскаго сословія было бы противно интересамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ самодержавная власть есть якорь спасенія для нашего отечества; отъ этой власти единственно мы можемъ надѣяться уничтоженія столь-же несправедливаго, какъ и безполезнаго рабства. Невозможно думать о политической свободѣ тамъ, гдѣ милліоны несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы.

«Нынѣшнее правительство отличается въ нашихъ лѣтопи-

---

[1]) Г. Тургеневъ замѣчаетъ, что въ этомъ ему приходилось спорить даже съ либералами, желавшими конституціонныхъ учрежденій. «Когда я замѣчалъ у людей, съ которыми говорилъ, желаніе освобожденія политическаго безъ освобожденія крѣпостныхъ, мной овладѣвало такое негодованіе, что можно было подумать, что я защищаю абсолютную власть. Это рѣдко случалось въ разговорахъ съ молодыми людьми, которыхъ я всегда успѣвалъ убѣждать; но съ людьми немолодыми, стоящими на верху пирамиды, и которые, будучи болѣе или менѣе напитаны аристократическими идеями, мечтали прежде всего о палатѣ перовъ и пр., споръ дѣлался упорнымъ, даже ожесточеннымъ, и тогда въ особенности мнѣ приходилось восхвалять тѣ выгоды, какія представляетъ абсолютная власть въ странѣ, гдѣ господствуетъ крѣпостное право». (La Russie, I, стр. 110). Мы видѣли прежде, что этимъ недостаткомъ, противъ котораго спорилъ г. Тургеневъ, страдаютъ обѣ конституціи, Сперанскаго и Новосильцова, въ которыхъ крестьянскій вопросъ обойденъ. На сторонѣ консерваторовъ въ крестьянскомъ вопросѣ стоялъ даже извѣстный адмиралъ Н. С. Мордвиновъ.

сяхъ тѣмъ, что оно больше всѣхъ прежнихъ правительствъ думало объ участи земледѣльцевъ. Оно отказалось отъ обычая награждать слугъ государства давая имъ, вмѣстѣ съ землями, людей, живущихъ на этихъ земляхъ; оно произвело освобожденіе въ Балтійскихъ провинціяхъ. Эти дѣйствія доставляютъ ему величайшую честь.

«Но должно ли довольствоваться этими благодѣяніями и покинуть всякую надежду, что за этими благодѣяніями послѣдуютъ другія? Довольно ли этого, чтобы вознаградить бѣдствія, какія переносили и еще переносятъ милліоны крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ?

«Конечно, нѣтъ! Наше довѣріе къ божественной правдѣ, къ мудрости просвѣщеннаго и благожелательнаго правительства, заставляетъ насъ предчувствовать для Россіи радостный день, когда ея дѣти, вмѣсто того, чтобы принадлежать одни другимъ, всѣ будутъ принадлежать отечеству, одному отечеству.

«Отъ этого отраднаго будущаго, которое, однако, быть можетъ, еще очень далеко отъ насъ, возвратимся къ печальной дѣйствительности настоящаго»...

И авторъ рисуетъ картину положенія крестьянъ разныхъ разрядовъ, доказываетъ необходимость освобожденія, по видамъ человѣколюбія и государственной пользы, указываетъ неизбѣжность дикаго произвола помѣщичьей власти, невозможность его подавленія существующими средствами управленія, наконецъ необходимость для самого правительства взять на себя иниціативу реформы. Съ своей стороны онъ указываетъ сначала наиболѣе вопіющія и чудовищныя злоупотребленія, которыя прежде всего требовали бы вниманія, и предлагаетъ мѣры по тремъ предметамъ: — для ограниченія чрезмѣрнаго труда крѣпостныхъ крестьянъ; для прекращенія продажи людей отдѣльно отъ земли, и даже отдѣльно отъ семейства, и мѣры противъ дурного обращенія съ крестьянами. Затѣмъ, онъ говоритъ о необходимости другихъ общихъ мѣръ для болѣе прочнаго улучшенія участи крестьянъ, и для этого предлагаетъ расширеніе закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, или изданіе новаго, болѣе полнаго и откровеннаго закона, который облегчилъ бы договоры между помѣщиками и крестьянами и переходъ послѣднихъ въ сословіе вольныхъ хлѣбопашцевъ; также предоставленіе крестьянамъ права свободной перемѣны мѣста жительства. Въ послѣднихъ словахъ записки онъ говоритъ:

«Въ заключеніе, не можемъ не сказать о томъ, какъ тяжело поражаетъ насъ участь, которую вѣка дали русскому народу. У другихъ народовъ, рабство было слѣдствіемъ завоеванія; когда

варвары сдѣлали нашествіе на Европу, они воспользовались правомъ сильнаго, и побѣжденныхъ сдѣлали рабами. Въ Россіи, татары покорили нашихъ свободныхъ предковъ; русскій народъ, благодаря продолжительнымъ усиліямъ, успѣлъ, наконецъ, свергнуть это унизительное иго: послѣ освобожденія, какъ и до покоренія, рабство оставалось ему неизвѣстно. И только въ ту эпоху, когда начало развиваться могущество Россіи, нѣкоторые изъ ея государей, повинуясь роковому заблужденію, положили основаніе, на которомъ впослѣдствіи должно было утвердиться крѣпостное право. Что же оказалось тогда? Татары, которыхъ мы въ свою очередь побѣдили, остались лично свободны; многіе изъ нихъ вскорѣ сдѣлались дворянами, между тѣмъ какъ наибольшая часть побѣдителей, т.-е. настоящаго русскаго народа, стали крѣпостными. Потомъ, множество иноземцевъ, пришедшихъ изъ Европы и Азіи, явилось въ рядахъ дворянства, захватило титулы и почести, а дѣти Россіи продолжаютъ влачить свои цѣпи».

Эта новая черта, до тѣхъ поръ кажется еще не указанная, дѣлала крестьянскій вопросъ и вопросомъ народности.

Какъ видимъ, во всемъ этомъ не было ничего особенно революціоннаго. Мысль объ освобожденіи крестьянъ стала одной изъ господствующихъ въ тайномъ обществѣ, члены котораго дѣлали и практическія попытки освобожденія въ своихъ имѣніяхъ. Опыты были не всегда удачны (напр. Якушкина, который разсказываетъ о нихъ въ своихъ Запискахъ), отчасти и отъ самой новости предмета; но по крайней мѣрѣ важность вопроса была глубоко почувствована, и сближеніе съ крестьянами, вниманіе къ ихъ интересу указали и настоящій, единственный способъ рѣшенія вопроса—освобожденіе съ землей [1]). Члены общества близко принимали къ сердцу бѣдствія крѣпостного населенія; такъ ихъ иниціатива много помогла во время голода въ Смоленской губерніи, въ 1820 и 1821 г. Вліяніе новыхъ понятій распространялось и на людей, вовсе не принадлежавшихъ къ обществу [2]); другіе, и прежде благопріятно расположенные къ

---

[1]) Ср. Зап. Якушкина, стр. 21, 31—39 Зап. Трубецкого, 79.

[2]) По разсказу Якушкина,—«Л—ы жили уединенно въ деревнѣ, занимались воспитаніемъ своихъ дѣтей и улучшеніемъ своихъ крестьянъ, входя въ положеніе каждаго изъ нихъ и помогая имъ по возможности. У нихъ были заведены училища для крестьяскихъ мальчиковъ по порядку взаимнаго обученія. Въ это время такихъ людей.., дѣйствующихъ въ смыслѣ тайнаго общества и сами того не подозрѣвая, было много въ Россіи». Другими словами, мнѣнія тайнаго общества въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, вовсе не составляли его специфической принадлежности, а напротивъ были очень распространены вообще между образованными людьми, на которыхъ время оказывало вліяніе.

крестьянамъ, по вступленіи въ общество еще усиливали свою ревность и свои заботы объ улучшеніи положенія крестьянъ— потому что личныя усилія подкрѣплялись теперь сознаніемъ принципа и чувствомъ солидарности. Характеристическій примѣръ такой ревности представилъ Пассекъ. «Онъ всегда былъ добръ для своихъ крестьянъ; но съ этихъ поръ (со вступленія въ тайное общество) онъ посвятилъ имъ все свое существованіе и всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы упрочить ихъ благосостояніе. Онъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище, по порядку взаимнаго обученія, и набралъ въ него взрослыхъ ребятъ, предоставляя за нихъ тѣмъ домамъ, къ которымъ они принадлежали, разныя выгоды. Читать мальчики учились по книжкѣ «о правахъ и обязанностяхъ гражданина», изданной при императрицѣ Екатеринѣ и запрещенной въ послѣдніе годы царствованія императора Александра. Курсъ ученья оканчивался тѣмъ, что мальчики переписывали каждый для себя въ тетрадку и выучивали наизусть учрежденія, написанныя Пассекомъ для своихъ крестьянъ. Въ этихъ учрежденіяхъ между прочими правами, предоставлены были въ ихъ собственное распоряженіе отдача рекрутъ и всѣ мірскіе сборы. Они имѣли свой судъ и расправу.... Бывши самъ уже не первой молодости и желая насладиться успѣхомъ въ дѣлѣ, которое было близко его сердцу онъ употреблялъ усиленныя мѣры для улучшенія своихъ крестьянъ и истратилъ на нихъ въ нѣсколько лѣтъ десятки тысячъ...; за то уже при немъ въ имѣніи было много грамотныхъ крестьянъ и состояніе ихъ до невѣроятности улучшилось».... [1]). Н. И. Тургеневъ освободилъ своихъ крестьянъ.

Въ числѣ правилъ, принятыхъ въ уставѣ Союза Благоденствія, требовалось, чтобы члены не уклонялись отъ службы по выборамъ, и вообще отъ обязанностей общественныхъ [2]). Это нужно было для того, чтобы честнымъ исправленіемъ должностей вывесть эту службу изъ того упадка, въ которомъ она находилась, и содѣйствовать улучшенію суда и управленія примѣрами справедливости, безкорыстія и человѣколюбія. Мы мало еще знаемъ подробностей о служебной дѣятельности членовъ общества, но нѣсколько примѣровъ даютъ о ней понятіе. Выше приведены примѣры того, какъ въ этомъ отношеніи держали себя военные: они заботились о смягченіи дисциплины, обучали

---

[1]) Зап. Якушк. 60—65.

[2]) Прежній уставъ также говорилъ, что члены общества никакъ не должны покидать службы,—цѣль была та, чтобы впослѣдствіи ими могли быть заняты важнѣйшія гражданскія и военныя должности.

солдатъ и т. п.; полагали на это большія и искреннія усилія, тратили собственныя средства, и успѣвали достигать серьезныхъ и благотворныхъ результатовъ. Такъ трудились фонъ-Визинъ и М. Орловъ. Подобнымъ образомъ члены общества дѣйствовали въ гражданской службѣ. И. И. Пущинъ, извѣстный лицейскій другъ Пушкина, вступившій въ тайное общество тотчасъ по выходѣ изъ лицея, началъ служить въ конной артиллеріи, но вскорѣ подъ вліяніемъ этого правила общества оставилъ военную службу и поступилъ членомъ въ московскій надворный судъ. Какъ лицеистъ, онъ могъ бы разсчитывать на гораздо болѣе видную карьеру, и переходъ его въ гражданскую службу бросался тогда въ глаза своей необычностью. Пущинъ разсказываетъ въ Запискахъ своихъ анекдотъ, показывающій, какъ было это ново въ то время.

«Князь Юсуповъ, во главѣ тѣхъ, про которыхъ Грибоѣдовъ въ «Горѣ отъ ума» сказалъ: «Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!» видя на балѣ у московскаго генералъ-губернатора князя Голицына, неизвѣстное ему лицо, танцующее съ его дочерью (онъ зналъ, хоть по фамиліи, всю московскую публику), спрашиваетъ Зубкова: кто этотъ молодой человѣкъ? Зубковъ называетъ меня и говоритъ, что я надворный судья.

«— Какъ! надворный судья танцуетъ съ дочерью генералъ-губернатора? Это вещь небывалая, тутъ кроется чтó-нибудь необыкновенное.

«Юсуповъ не пророкъ, а угадчикъ, и точно, на другой годъ ни я, ни многіе другіе уже не танцовали въ Москвѣ»[1]).

Такъ поступилъ и Рылѣевъ. Оставивши военную службу, онъ принялъ потомъ, по выборамъ, должность засѣдателя въ петербургской уголовной палатѣ. Его имя скоро пріобрѣло извѣстность; даже въ народѣ его знали, какъ правдиваго человѣка, который всегда готовъ на помощь несчастнымъ и угнетеннымъ[2]). Рылѣевъ еще не былъ членомъ общества въ то время, но эти качества, между прочимъ, вмѣстѣ съ его литературной дѣятельностью, привлекали на него вниманіе тайнаго общества, въ которое онъ и былъ принятъ Пущинымъ (кажется только въ 1823 году).

Члены Союза, черезъ нѣсколько лѣтъ его существованія, составили уже замѣтный элементъ въ общественной жизни. Либераль-

---

[1]) Записки И. И. Пущина (Атеней, 1859, № 8, стр. 529).

[2]) См. воспоминанія Н. А. Бестужева и кн. Оболенскаго. Даже Гречъ, въ своихъ полицейскихъ воспоминаніяхъ объ этихъ людяхъ, говоритъ о Рылѣевѣ: «Онъ служилъ усердно и честно, всячески старался о смягченіи судьбы подсудимыхъ, особенно простыхъ беззащитныхъ людей». Р. Вѣстн., 1868, № 6, стр. 377.

ныя идеи, конечно и независимо отъ Союза, значительно распространялись, и въ запискахъ нѣкоторыхъ членовъ общества не разъ упоминается о людяхъ, которые дѣйствовали въ духѣ Союза, вовсе не принадлежа къ нему, — какъ напр. дѣйствовалъ въ крестьянскомъ вопросѣ Пассекъ, въ служебной дѣятельности Рылѣевъ, до вступленія ихъ въ общество, въ литературѣ Пушкинъ. Но едва ли можно отвергать и вліяніе Союза: личный составъ его, въ которомъ было много людей изъ аристократическаго общества, опредѣленныя мнѣнія его членовъ, ихъ солидарность между собою, безъ сомнѣнія, содѣйствовали распространенію ихъ образа мыслей, и нѣкоторые изъ нихъ не безъ основанія въ своихъ запискахъ говорятъ о вліяніи Союза на тогдашнее общественное мнѣніе. «Въ это время — пишетъ одинъ изъ нихъ — главные члены Союза Благоденствія вполнѣ цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины; они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно. Вліяніе ихъ въ Петербургѣ было очевидно». Указавъ на упомянутое нами улучшеніе военныхъ нравовъ, авторъ продолжаетъ: «Многія притѣснительныя постановленія правительства, особенно военныя поселенія, явно порицались членами Союза Благоденствія, чрезъ что во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества стало проявляться общественное мнѣніе; ужъ не довольствовались, какъ прежде, разсказами.... о разводахъ въ манежѣ. Многіе стали разсуждать, чтó вокругъ ихъ дѣлалось» [1]). Такую свободу мнѣній одинъ изъ членовъ, Мих. Орловъ, хотѣлъ внести даже въ благочестивое библейское общество: «въ библейскомъ обществѣ онъ произнесъ либеральную рѣчь, которая ходила тогда у всѣхъ по рукамъ» [2]); мы скажемъ дальше, что такую же рѣчь онъ произнесъ въ собраніи извѣстнаго Арзамаса, стараясь вызвать его членовъ къ какой-нибудь болѣе разумной дѣятельности, чѣмъ то паясничество, какимъ они услаждались....

Союзъ Благоденствія, или нѣкоторые изъ главныхъ его членовъ имѣли свои опредѣленныя представленія и о польскомъ вопросѣ. Конституціонныя учрежденія, введенныя императоромъ Александромъ въ Польшѣ, казались, одно время, обѣщаніемъ широкихъ государственныхъ преобразованій и для Россіи, но вообще дѣйствія и планы императора относительно Польши вовсе не вызывали сочувствія общественнаго мнѣнія, ни консервативнаго, ни либеральнаго. Такъ, не только либералы, но и консерваторы (какъ Ростопчинъ) оскорблялись тѣмъ, что побѣжден-

---

1) Зап. Якушкина, стр. 28—29.

2) Тамъ же, стр. 49.

ная Польша получаетъ свободныя учрежденія, въ какихъ отказывалось побѣдившей Россіи; другіе замѣчали, что конституція и въ Польшѣ на дѣлѣ нарушается; но всего больше, какъ мы упоминали прежде, общественное мнѣніе возмущалось тѣмъ предпочтеніемъ, какое императоръ вообще оказывалъ Польшѣ, и въ особенности его намѣреніемъ присоединить къ Польшѣ нѣсколько русскихъ западныхъ губерній. У насъ обыкновенно ставится въ великую заслугу Карамзину его извѣстная записка о Польшѣ 1819 года, въ которой видятъ свидѣтельство глубокомысленнаго патріотизма, находятъ прямой выводъ изъ его «глубокаго изученія исторіи» и лишнее доказательство справедливости его взглядовъ вообще. Въ запискѣ Карамзина была, безспорно, извѣстная смѣлость выраженія, хотя эта смѣлость была для него довольно безопасна, и во всякомъ случаѣ менѣе опасна, чѣмъ была бы для кого-нибудь другого. Но сущность мнѣнія Карамзина вовсе не представляетъ той исключительной проницательности, какая ему приписывается, и нисколько не оправдываетъ или не доказываетъ цѣлой системы его воззрѣній. Не нужно было исторической системы Карамзина и не нужно было его тенденцій по вопросамъ настоящаго времени, чтобы не соглашаться съ планами императора Александра относительно Польши, и даже рѣшительно отвергать ихъ. Недавно была напечатана записка, писанная тогда же и о томъ же, извѣстнымъ директоромъ царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтомъ, который также пользовался довѣріемъ императора Александра. Записка его до такой степени сходилась съ мнѣніемъ Карамзина, что императоръ спрашивалъ Энгельгардта, не прочелъ ли онъ прежде записки Карамзина: Энгельгардтъ не имѣлъ объ ней понятія. Еще раньше, въ 1817 или 1818 г., когда начали говорить о планахъ императора относительно Польши, эти толки вызывали въ либеральномъ кругу самое враждебное чувство, и когда однажды до членовъ тайнаго общества дошелъ положительный, будто бы, слухъ о томъ, что императоръ намѣренъ отдѣлить отъ Россіи нѣсколько губерній и присоединить ихъ къ Польшѣ, и вообще оказываетъ послѣдней самое явное предпочтеніе въ ущербъ Россіи, то этотъ слухъ произвелъ на многихъ членовъ тайнаго общества самое потрясающее дѣйствіе, и именно подъ впечатлѣніемъ этого слуха у одного изъ нихъ явилась мысль о покушеніи на жизнь императора [1],—мысль, которая тутъ же была отвращена другими и оставлена лицомъ, ее возъимѣвшимъ, но ко-

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 16—19.

торую впослѣдствіи настойчиво приписывали тайному обществу. Источникомъ этой мысли было ревнивое чувство цѣлости Россіи.

Этотъ примѣръ увлеченія, доходившаго до самой страшной крайности, показываетъ, однако, до какой сильной степени господствовало въ тайномъ обществѣ то чувство русской народной особности и патріотизма, которое въ данномъ случаѣ хотятъ акапарировать для Карамзина, и которое вообще хотѣли отвергать у тогдашняго либеральнаго кружка [1]). Можно осуждать ихъ политическую дѣятельность, но надо отдать справедливость тѣмъ качествамъ, какія у нихъ несомнѣнно были, и въ числѣ этихъ качествъ было именно сильное чувство народности—въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Что̀ дѣлалось тѣмъ временемъ въ литературѣ?

Движеніе, происходившее въ общественныхъ понятіяхъ, отражалось и въ литературѣ, и роль тайнаго общества въ этомъ отношеніи была почти такова же: вообще Союзъ не создавалъ движенія, а былъ только сильнѣйшимъ его выраженіемъ, здѣсь онъ также не былъ виновникомъ распространявшагося свободомыслія. Литература сама по себѣ есть дѣятельность слишкомъ открытая и вполнѣ подчиненная ея собственнымъ условіямъ, чтобы литературное движеніе можно было приписывать какому-нибудь тайному плану и заговору. Но Союзъ стоялъ подлѣ этой литературы, нѣкоторые изъ его членовъ дѣйствовали въ ней, и такимъ только образомъ можно сказать, что онъ хотѣлъ пользоваться литературой для своихъ цѣлей: желать «распространенія политическихъ знаній»—можно было, нисколько не принадлежа къ тайному обществу; «стараться овладѣть мнѣніемъ публики» — объ этомъ старается всякій, кто только вступаетъ на литературную дѣятельность; относительно сочиненія «возмутительныхъ пѣсенъ» говорили, что нельзя сказать утвердительно, были ли онѣ сочинены по предписаніямъ тайнаго общества—но положительно извѣстно, что многія возмутительныя стихотворенія этого времени были именно сочинены безъ всякихъ предписаній тайнаго общества, людьми, вовсе къ нему не принадлежавшими. Самыя распространенныя и самыя талантливыя изъ такихъ стихотвореній принадлежали Пушкину, который никогда не былъ членомъ Союза Благоденствія. Первыя стихотворенія Рылѣева, доставившія ему

---

[1]) Въ этомъ случаѣ мы, между прочимъ, имѣемъ въ виду напечатанный недавно отрывокъ изъ записокъ Греча. Его низменныя и пошлыя обвиненія противъ этихъ людей переходятъ всякую мѣру приличія.

обширную извѣстность своей гражданской смѣлостью (какъ извѣстное стихотвореніе «Къ временщику», 1820), написаны и напечатаны были тогда, когда Рылѣевъ еще не принадлежалъ къ тайному обществу.

Такимъ образомъ, устраняя вопросъ о мнимомъ направленіи литературы въ революціонномъ смыслѣ «по предписаніямъ тайнаго общества», мы должны остановиться только на отношеніяхъ отдѣльныхъ его членовъ къ литературному движенію за первые годы существованія тайнаго общества. Многіе изъ его членовъ были сами писателями или принадлежали къ литературнымъ кружкамъ; они не двигали литературой, но въ ней также выразилось направленіе ихъ понятій, и ихъ взгляды принадлежали къ лучшимъ проявленіямъ общественной мысли, какія она тогда представляла.

Въ литературѣ къ этому времени начинаютъ складываться болѣе опредѣленные, чѣмъ прежде, кружки и начинаютъ яснѣе выражаться общественныя направленія. Это было въ особенности время обществъ и кружковъ: желаніе дѣйствовать совмѣстно и собрать однородныя силы, желаніе болѣе отчетливо опредѣлить цѣль этой собирательной дѣятельности было уже извѣстнымъ успѣхомъ, потому что этимъ выяснялись существующія понятія. При всемъ разнообразіи лицъ, представлявшихъ разные оттѣнки мнѣній и характеровъ, при всей новости многихъ понятій, которыя далеко не были отчетливы, литературные кружки того времени не были только случайнымъ собраніемъ, но представляли свой особый характеръ литературный и общественный. «Бесѣда» Шишкова и Державина (основ. 1811) собрала литературныхъ староверовъ старой классической школы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и староверы по общественнымъ понятіямъ — защитники стараго слога и добрыхъ старыхъ нравовъ. Въ «Арзамасѣ» (1815—1818) собрались представители сантиментальной школы, будущаго романтизма, защитники новаго слога, въ литературныхъ и общественныхъ мнѣніяхъ поклонники Карамзина, люди вообще болѣе образованные, чѣмъ «Бесѣда», знакомые съ новой европейской литературой, не враждебные къ нѣкоторымъ улучшеніямъ въ общественномъ порядкѣ, но вообще любившіе просвѣщеніе и свободу въ томъ самомъ платоническомъ родѣ, въ которомъ былъ такъ силенъ Карамзинъ. Въ серединѣ между тѣми и другими стоялъ кружокъ Оленина, въ которомъ и литературныя и общественныя мнѣнія (при всемъ талантѣ нѣкоторыхъ членовъ этого кружка) отличались умѣренностью, близкой къ индифферентизму. Наконецъ, молодой литературный кружокъ собрался главнымъ образомъ въ «Вольномъ

обществѣ любителей словесности» или «Соревнователей просвѣщенія и благотворенія». Это было, впрочемъ, не тѣсное, частное общество, какъ Арзамасъ или кружокъ Оленина, а общество оффиціальное, соединенное благотворительной цѣлью; составъ его былъ очень смѣшанный, но въ редакціи изданія этого общества («Труды» и пр., или «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», 1818 — 1825), работали въ особенности писатели молодого либеральнаго кружка.

Исторія этихъ кружковъ, особенно «Бесѣды» и «Арзамаса», достаточно извѣстна. Наши историки съ особенной любовью занимались «Арзамасомъ», собирали и пересказывали всякіе анекдоты объ этомъ невинномъ обществѣ, гдѣ люди, «довольно зрѣлые», занимались совершенными пустяками, потому что и ихъ признанное дѣло—борьба съ Бесѣдой или Россійской Академіей—не было вовсе особенно труднымъ, а затѣмъ не оставалось ничего кромѣ простой, можетъ быть остроумной, но совершенно безплодной болтовни. Карамзинъ, пріѣхавши въ 1816 въ Петербургъ, былъ въ восторгѣ отъ арзамасцевъ: «здѣсь... всѣхъ любезнѣе для меня арзамасцы», писалъ онъ, и это должно было такъ быть. Арзамасцы были люди очень не глупые, иные даже очень талантливые и умные. Они любили «прекрасное», любили «человѣчество», по умѣренному и совершенно безопасному рецепту, не задавали себѣ никакихъ мудреныхъ вопросовъ и предпочитали спокойно пользоваться мірскими благами. Карамзинъ былъ ихъ полнымъ авторитетомъ, не только по его литературнымъ заслугамъ, но и по всему складу его мыслей: авторъ «Записки» (хотя вѣроятно имъ еще и неизвѣстной) нашелъ въ нихъ свою школу и своихъ приверженцевъ. Впослѣдствіи, одинъ изъ арзамасцевъ докончилъ недописанный XII-й томъ его исторіи.

Довольно понятно, что когда эти люди вздумали составить свое общество, имъ не представилось никакой серьезной цѣли: запасъ ума, какой у нихъ былъ, они обратили на то шутовство, о которомъ съ забавнымъ почтеніемъ разсказываютъ ихъ историки. Наиболѣе симпатичнымъ лицомъ въ этомъ обществѣ остается Жуковскій, который веселился здѣсь съ искренней простотой своего добродушія, еще нетронутаго соображеніями придворной службы...

Въ это полу-аристократическое литературное общество вступили, между прочимъ, и двое членовъ Союза, Мих. Ѳед. Орловъ, блестящій аристократъ, и Н. И. Тургеневъ, братъ котораго А. И., имѣвшій во всѣхъ лагеряхъ множество связей, былъ въ особенной дружбѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ Арзамаса. Н. И.

Тургеневъ, чуждый литературнымъ интересамъ этого общества, находилъ однако удовольствіе въ его засѣданіяхъ, потому что разговоры не всегда вертѣлись на пустякахъ и, по словамъ его, это общество, пожалуй, можно было бы изобразить за такое же тайное общество, какъ Союзъ.

«Но я долженъ признаться,—говоритъ онъ,—что мое удовольствіе никогда не было полнымъ и безпримѣснымъ, потому что я никакъ не могъ вполнѣ привыкнуть къ отличавшему этихъ господъ духу осужденія и насмѣшки. Этотъ духъ особенно высказывался въ неистощимой болтовнѣ человѣка, который впослѣдствіи, составляя торжественный документъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать это въ однихъ интересахъ справедливости, какъ бы онъ долженъ былъ это сдѣлать, какъ будто находилъ удовольствіе разливать въ немъ всю желчь, какую только могло заключать его сердце...»

Подобное неудовлетворяющее впечатлѣніе Арзамасъ произвелъ и на другого члена Союза, сюда вступившаго, который и сдѣлалъ попытку обратить это литературное общество къ предметамъ, которые должны бы болѣе привлекать къ себѣ людей образованныхъ.

«Въ это литературное общество вступилъ генералъ М. Орловъ, съ которымъ я былъ тогда въ дружескихъ отношеніяхъ. Но вмѣсто того, чтобы по принятому обычаю произнести пародію надгробнаго слова какому-нибудь живому академику, онъ произнесъ серьезную рѣчь, въ которой указывалъ обществу, какъ недостойно умныхъ людей заниматься пустяками и литературными перебранками, тогда какъ положеніе отечества представляло такое обширное поприще уму всякаго человѣка, преданнаго общественному благу. Онъ заклиналъ своихъ новыхъ собратій оставить ихъ *ребяческія* забавы и обратиться къ предметамъ высокимъ и серьезнымъ. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе; всѣ почувствовали справедливость и упрековъ и совѣтовъ новопринятаго. Но если пустого и неразумнаго стало потомъ меньше въ этомъ обществѣ, то полезнаго и разумнаго все-таки не прибавилось» [1]).

Объ этомъ собраніи Арзамаса говорится и въ запискахъ Вигеля. Между прочимъ, онъ разсказываетъ, что Блудовъ, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Арзамаса, какимъ-то образомъ предупрежденный о намѣреніи Орлова, отвѣчалъ ему также приготовленной рѣчью. «Онъ доказывалъ невозможность исполнить его желаніе, не измѣнивъ совершенно весь первобытный характеръ

---

[1]) La Russie, I, 171—173.

общества (—но Орловъ именно говорилъ, что его надо измѣнить). Касаясь *распространенія свѣта наукъ,* о коемъ неоднократно упоминалъ Орловъ, замѣтилъ онъ ему, что сей свѣточъ въ рукахъ злонамѣренныхъ людей *всегда* обращается въ *факелъ зажигательства* (!); и сіе сравненіе послѣ того не разъ случалось мнѣ слышать отъ другихъ [1]).

«Орловъ не показалъ ни малѣйшаго неудовольствія, вечеръ кончился весело и всѣ разъѣхались въ добромъ согласіи. Только съ этого времени замѣтенъ сталъ совершенный расколъ: неистощимая веселость скоро прискучила тѣмъ, у коихъ голова полна была замысловъ: тѣмъ же, кои шутя хотѣли заниматься литературой, странно показалось перейти отъ нея къ чисто политическимъ вопросамъ... Въ этомъ году... Арзамасъ тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ» [2]). Причиной было, между прочимъ, то, что разъѣхались нѣкоторые изъ его членовъ; но безъ сомнѣнія на остальныхъ подѣйствовала и нравственная причина— вѣроятно совѣстно было продолжать въ прежнемъ вкусѣ. Орловъ, между прочимъ, предлагалъ Арзамасу изданіе журнала, «коего статьи (по словамъ Вигеля) новостью и смѣлостью идей пробудили бы вниманіе читающей Россіи». По нѣкоторымъ извѣстіямъ, такой журналъ готовился: для него написаны были статьи Уваровымъ, Батюшковымъ, Блудовымъ; Каподистрія обѣщалъ политическія извѣстія...; но журналъ все-таки не состоялся.

Изъ этой встрѣчи членовъ Союза съ членами Арзамаса можно видѣть свойства мнѣній тѣхъ и другихъ: когда первые стремились къ пробужденію общественной мысли и указывали этотъ трудъ умѣреннымъ либераламъ въ такой формѣ, которой они легко могли бы дать всю нужную мягкость; послѣдніе отвѣчали имъ тономъ, достойнымъ Магницкаго...

Въ 1818 году вышла въ свѣтъ «Исторія Государства Россійскаго». Извѣстно, какой восторженный пріемъ встрѣтило произведеніе Карамзина. Оно было, во многихъ отношеніяхъ, дѣйствительнымъ «открытіемъ», какъ говорилъ о немъ Пушкинъ въ своихъ запискахъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ ученомъ и литературномъ значеніи «Исторіи», которое много разъ было объясняемо біографами Карамзина и историками литературы. Мы не будемъ также останавливаться на ея необыкновенномъ

---

1) Припомнимъ, съ какимъ негодованіемъ въ прежнее время говорилъ о подобномъ сравненіи Уваровъ, въ письмѣ своемъ Штейну, въ 1813. Уваровъ былъ также членъ Арзамаса. Замѣтимъ еще, что «сіе сравненіе» было совершенно въ духѣ того Мѣшкова (Шишкова), надъ которымъ такъ величались и глумились члены Арзамаса. Ср. приведенное выше мнѣніе Шишкова по крестьянскому вопросу.

2) Зап. Вигеля, III, V, 52—53.

успѣхѣ, которому содѣйствовали и замѣчательныя достоинства этого труда, ученыя и литературныя, и новость произведенія, какого еще не видала русская литература, и прежняя слава писателя, и оффиціальное положеніе государственнаго исторіографа и хорошо извѣстное расположеніе къ нему двора,—вообще разныя, не только крупныя, но и мелкія причины. Въ числѣ ихъ едва ли не слѣдуетъ отмѣтить и самое время появленія книги. Это былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ возбужденныхъ моментовъ царствованія имп. Александра, и въ то время, когда едва успокоился встревоженный патріотизмъ, когда было свѣжо воспоминаніе о подвигахъ, льстившихъ національному чувству и вмѣстѣ самолюбію, когда въ обществѣ начиналось новое броженіе идей и столкновеніе партій, «Исторія» должна была возбудить особенный интересъ: въ ней искали подтвержденія своей мысли или своего чувства люди самыхъ различныхъ воззрѣній; къ ней особенно обращались тѣ, чья мысль или чувство направлялись къ разрѣшенію встававшихъ вопросовъ національной жизни, тѣ, кто кромѣ непосредственнаго, такъ сказать, элементарнаго патріотическаго интереса, обращался къ ней и съ болѣе глубокимъ и болѣе сложнымъ интересомъ общественнымъ.

Либеральное молодое поколѣніе встрѣтило «Исторію» съ полнымъ уваженіемъ, какъ замѣчательное явленіе литературы, но не удовлетворилось ея тенденціей, и это очень естественно.

Произведеніе Карамзина, своими замѣчательными достоинствами, справедливо привлекало вниманіе общества, и для массы его оно представляло, по своей основной мысли, самое доступное, самое соотвѣтственное содержаніе. Эта основная мысль вполнѣ отвѣчала настроенію и понятіямъ огромнаго большинства, вѣрнаго старымъ нравамъ и преданіямъ, не подвергавшаго критикѣ ни прошедшаго, ни настоящаго. Въ этомъ большинствѣ «Исторія» получила непререкаемый, полный авторитетъ, и такой авторитетъ приписываетъ ей до сихъ поръ консервативная школа, которая даетъ ей значеніе истиннаго «національнаго» произведенія и т. п.

Но, въ болѣе тѣсномъ кругѣ общества, въ либеральномъ молодомъ поколѣніи (къ которому присоединялись отчасти и нѣкоторые «вольтеріянцы», уцѣлѣвшіе отъ екатерининскихъ временъ) «Исторія» Карамзина, мимо своего обще-литературнаго и мимо своего ученаго значенія, съ самаго начала встрѣтила противниковъ, которые не признавали этого авторитета. Ея литературныя и ученыя достоинства могли и могутъ находить равное сочувствіе у людей всякихъ партій и мнѣній, она могла удовлетворять огромное большинство общественно-политической тен-

денціей, лежавшей въ ея основаніи, но эта тенденція не могла находить такого-же сочувствія въ той области литературы и общества, гдѣ общественно-политическія мнѣнія приняли уже иное направленіе. Тенденція «Исторіи» была таже самая, какая изложена въ «Запискѣ». Эта послѣдняя не была тогда извѣстна публикѣ, но не мудрено было изъ «Исторіи» увидѣть вполнѣ исключительную систему воззрѣній, дѣлавшую Карамзина человѣкомъ партіи... Это и увидѣли его противники.

Позднѣйшіе критики не всегда принимали въ соображеніе эти двѣ разныя точки зрѣнія на «Исторію», или двѣ разныя стороны «Исторіи», и потому опредѣленія ея историческаго значенія въ литературѣ и общественной жизни до сихъ поръ неясны и противорѣчивы у самихъ поклонниковъ Карамзина. Ея научное вліяніе на разработку предмета можно указать наглядными статистическими фактами нашей исторіографіи; ея вліяніе литературное также болѣе или менѣе ясно въ расширеніи художественнаго пониманія русской старины и въ усовершенствованіи языка, который воспринялъ много новыхъ элементовъ; но какъ общественно-политическая теорія, «Исторія» Карамзина, въ связи съ его «Запиской», оставалась выраженіемъ консервативной массы общества и въ дальнѣйшемъ развитіи общественныхъ понятій она уже вскорѣ вызвала противодѣйствіе, потеряла силу и наконецъ обветшала, или сохранила только значеніе отрицательное, или значеніе точки отправленія... Въ этой неудачѣ нравственно-общественнаго или нравственно-политическаго вліянія «Исторіи» должны противъ воли соглашаться и сами поклонники Карамзина. Мы приводимъ въ примѣчаніи слова одного изъ выше нами упомянутыхъ панегиристовъ, который, въ формѣ похвалы или защиты Карамзина, высказываетъ именно такое признаніе. Чтобы избавиться отъ лишняго упрека въ пристрастіи, мы укажемъ фактъ словами самихъ панегиристовъ, хотя объясняемъ этотъ фактъ совершенно иначе [1]).

---

[1]) «Къ сожалѣнію,—говоритъ ораторъ казанскаго юбилея,—мы такъ мало жили умственною жизнью, такъ мало были ей обязаны, такъ быстро переходили отъ одного вліянія къ другому, что *великое созданіе* Карамзина *потерялось* въ перемѣнчивой волнѣ мнѣнія, выражавшаго не дѣйствительную, а воображаемую (?) жизнь общества. Извѣстно, что едва только Карамзинъ сошелъ въ могилу, какъ Полевой, недовольный его «государственною» точкою зрѣнія, объявляетъ свою исторію русскаго «народа»; увлеченіе Полеваго смѣнилось новымъ, и такъ далѣе. *Не было времени* исторіи Карамзина *получить то значеніе*, которое принадлежитъ ей по историческому праву и по достоинству; *не было времени русскимъ людямъ* остановиться, вглядѣться въ этотъ трудъ и надолго остаться подъ впечатлѣніями его, чтобъ проникнуться взглядомъ и убѣжденіями Карамзина. Русскія поколѣнія *не успѣли воспитаться* на историческомъ трудѣ Карамзина; образованіе такъ эфемерно у насъ, что въ нашей скороспѣлой

По словамъ самого панегириста, великое произведенiе Карамзина «потерялось» въ волнѣ мнѣнiй, и русскiя поколѣнiя «не успѣли воспитаться» на немъ, — т.-е. разумѣя его нравственно-политической смыслъ (потому что научное и спецiально-литературное значенiе и влiянiе «Исторiи» не подлежатъ никакому сомнѣнiю); но смѣшно, конечно, говорить, что виноватъ въ этомъ «не Карамзинъ», а вся Россiя, что виновата «эфемерность» нашего образованiя. По своей философской мысли, по общественно-политической системѣ, «Исторiя» вовсе не такое генiальное произведенiе, которое бы опережало свой вѣкъ на многiя поколѣнiя, чтобы его глубина раскрылась только для отдаленнаго потомства. Напротивъ; и «Записка» Карамзина объясняетъ дѣло гораздо проще. Вина того, что «Исторiя» потерялась въ волнѣ мнѣнiй, что наши поколѣнiя не воспитались на ней, «не прониклись взглядомъ и убѣжденiями Карамзина», какъ утверждаетъ авторъ, виной этого, конечно, самъ Карамзинъ, и никто иной. Онъ вложилъ въ свой трудъ такую тенденцiю, которая съ самаго начала отталкивала отъ себя людей, не менѣе его любившихъ отечество, но не видѣвшихъ для него счастiя и спасенiя въ порабощенiи общества, въ подавленiи его умственной, нравственной и гражданской свободы. Консервативная основная идея Карамзина была только сводомъ старыхъ общественныхъ понятiй, вѣнцомъ традицiонныхъ идей, заканчивавшимъ старый перiодъ общественнаго развитiя; но она не давала никакой точки опоры для дальнѣйшаго развитiя общественныхъ понятiй, и содѣйствовала ему только косвеннымъ образомъ — тѣмъ великимъ содѣйствiемъ, какое «Исторiя» оказала общему расширенiю историческаго знанiя.

Итакъ, общество не виновато, что поколѣнiя не воспитались на историческомъ трудѣ Карамзина [1]), и — не *вслѣдствiе* эфемерности нашего образованiя, а даже *несмотря* на нее. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни было эфемерно это образованiе, оно тотчасъ поняло, что воспитываться на нравственно-политическихъ

наукѣ не можетъ быть такого уваженiя къ ея прошлому, какъ въ наукѣ, давно пустившей глубокiе корни въ жизнь страны. Намъ не дождаться того, чтобъ въ жизни русской Карамзинъ получилъ хоть такое же значенiе, какое для англичанъ имѣютъ историки прошлаго вѣка: Юмъ, Гиббонъ, Робертсонъ... Но не Карамзинъ виноватъ въ этомъ». (Казанскiй юбилей, стр. 106—107).

[1]) Надо впрочемъ оговориться, что панегиристъ въ этомъ случаѣ не совсѣмъ точенъ. Поколѣнiя напротивъ воспитывались, потому что Карамзинское пониманiе исторiи получило оффицiальную санкцiю и перешло въ учебники. Таковы были, съ нѣкоторыми видоизмѣненiями противъ Карамзина, учебники Устрялова, дѣйствующiе и до сихъ поръ. Вопросъ только въ томъ, какiе результаты приносило это воспитанiе.

взглядахъ Карамзина нельзя; оно, сознательно или инстинктивно, чувствовало, что эти взгляды невѣрны, что они не послужатъ въ прокъ общественному развитію, потому что льстятъ настоящему и его кореннымъ недостаткамъ, и, будучи враждебны всякой идеѣ общественной свободы, заглушаютъ въ обществѣ пытливую самодѣятельность и воспитываютъ общественное рабство и индифферентизмъ. Всю исторію народа и общества Карамзинъ совмѣщалъ въ исторію самаго исключительнаго «государства», и первая попытка «эфемернаго» образованія направилась къ тому, чтобы исправить эту односторонность, крайне вредную въ ея дальнѣйшихъ выводахъ, обративъ вниманіе на исторію «народа». Попытка Полеваго была неудачна, — потому что у него еще не было на это научныхъ средствъ: Полевой былъ самоучка и его образованіе было въ особенности эфемерно, но инстинктъ, руководившій имъ, былъ совершенно вѣренъ, какъ это доказалъ весь послѣдующій ходъ нашей исторіографіи. Трудъ Карамзина продолжалъ оказывать чрезвычайную помощь своимъ научнымъ богатствомъ, но съ каждымъ періодомъ нашей умственной жизни общественно-политическая точка зрѣнія Карамзина болѣе и болѣе теряла вѣру, ослабѣвала въ общественныхъ понятіяхъ, его система все болѣе являлась невозможной въ ея примѣненіяхъ къ настоящему, и въ прошедшемъ все большій интересъ возбуждали тѣ народные элементы исторической жизни, которымъ онъ давалъ всего меньше мѣста. Нынѣшнее пониманіе даже древней русской исторіи очень мало похоже на теорію Карамзина....

Либеральное молодое поколѣніе тогда же увидѣло этотъ смыслъ «Исторіи», и отдавая всю справедливость таланту и учености автора, высказало однако свое несогласіе съ основной мыслью «Исторіи». Въ біографіи Карамзина, г. Погодина, приведены любопытные отрывки изъ мнѣнія объ «Исторіи», написаннаго Никитой Мих. Муравьевымъ, сыномъ покровителя Карамзина и однимъ изъ главныхъ руководителей тайнаго общества. Это мнѣніе молодого критика, насколько мы знаемъ его по выпискамъ г. Погодина, даетъ намъ чрезвычайно интересный образчикъ общественныхъ и историческихъ понятій кружка, которымъ нельзя отказать въ умѣ, какъ и замѣчаніямъ противъ Карамзина—въ справедливости.

Авторъ вѣроятно ожидалъ, что книга Карамзина вызоветъ критику и указаніе ошибокъ его системы, и спрашиваетъ, неужели это твореніе не возбудило различныхъ сужденій, вопросовъ, сомнѣній? «Горе странѣ, гдѣ всѣ согласны (т.-е. гдѣ нѣтъ самостоятельныхъ умовъ, которые не ограничились бы однимъ

неразсуждающимъ восхваленіемъ). Можно ли ожидать тамъ успѣховъ просвѣщенія? Тамъ спятъ силы умственныя; тамъ не дорожатъ истиною, которая, подобно славѣ, пріобрѣтается усиліями и постоянными трудами. Честь писателю, но свобода сужденіямъ читателей!»

Карамзинъ, въ предисловіи, объясняя пользу исторіи, говоритъ: «Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи.... Должно знать, какъ искони *мятежныя страсти* волновали гражданское общество, и какими способами *благотворная власть ума обуздывала* ихъ бурное стремленіе, чтобъ учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное счастіе». Критикъ дѣлаетъ на это слѣдующія замѣчанія:

«Исторія представляетъ намъ иногда, какъ благотворная власть обуздывала бурное стремленіе мятежныхъ страстей. Но согласимся, что сіи примѣры рѣдки. Обыкновенно страстямъ противятся другія же страсти: борьба начинается, способности душевныя и умственныя съ обѣихъ сторонъ пріобрѣтаютъ наибольшую силу. Наконецъ противники утомляются, познаютъ общую выгоду, и примиреніе заключается благоразумною опытностію. Вообще весьма трудно малому числу людей быть выше страстей народовъ, къ коимъ принадлежатъ они сами, быть благоразумнѣе вѣка и удерживать стремленіе цѣлыхъ обществъ. Слабы соображенія наши противъ естественнаго хода вещей....

«Вообще отъ самыхъ первыхъ временъ однѣ и тѣже явленія. Отъ времени до времени рождаются новыя понятія, новыя мысли,—онѣ долго маятся, созрѣваютъ, потомъ быстро распространяются и производятъ долговременныя волненія, за которыми слѣдуетъ новый порядокъ вещей, новая нравственная система.

«Какой умъ можетъ предвидѣть и объять эти волненія? Какая рука можетъ управлять ихъ ходомъ? Кто дерзнетъ въ высокомѣріи своемъ *насильствами* учреждать и самый порядокъ? Кто противустанетъ одинъ общему мнѣнію? Мудрый и добродѣтельный человѣкъ не прибѣгаетъ въ такихъ обстоятельствахъ ни къ ухищренію, ни къ силѣ. Слѣдуя общему движенію, благая душа его будетъ только направлять оное уроками умѣренности и справедливости. Насильственныя средства и беззаконны и гибельны; ибо высшая политика и высшая нравственность — одно и тоже..»

Карамзинъ выражаетъ мысль, что исторія нужна и для простого гражданина, потому что миритъ его съ несовершенствами жизни, какъ съ обыкновеннымъ ея явленіемъ, утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, показывая, что онѣ были и прежде

и еще болѣе ужасныя, и государство не разрушалось. Критикъ возражаетъ на это совершенно справедливо:

«Конечно, несовершенство есть неразлучный товарищъ всего земного; но исторія должна ли погружать насъ въ *нравственный сонъ квіетизма*? Въ томъ ли состоитъ гражданская добродѣтель, которую народное бытописаніе воспламенять обязано? Не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ; добродѣтельные граждане должны быть въ вѣчномъ союзѣ противу заблужденій и пороковъ. Не примиреніе наше съ несовершенствами, не удовлетвореніе суетнаго любопытства, не пища чувствительности, не забавы праздности составляютъ предметъ исторіи. Она возжигаетъ соревнованіе вѣковъ, пробуждаетъ душевныя силы наши, и устремляетъ къ тому совершенству, которое суждено на землѣ....»

Критикъ замѣчаетъ далѣе, что и несовершенства бываютъ различны, что вѣкъ Фабриціевъ не былъ похожъ на вѣкъ Нерона или Геліогабала, и что многія несовершенства не были и обыкновенными явленіями жизни.

«Преступленія Тиверія, Калигулы, Каракаллы, опустошавшаго одинъ городъ послѣ другого, принадлежатъ ли къ обыкновеннымъ явленіямъ вѣковъ? Наконецъ, несовершенства великодушнаго, воинственнаго народа временъ Святослава и Владимира, сходствуютъ ли съ несовершенствами временъ порабощенной Россіи, когда цѣлый народъ могъ привыкнуть къ губительной мысли необходимости...... [1]). Еще унизительнѣе для нравственности народной эпоха *возрожденія* нашего, рабская хитрость Іоанна Калиты, далѣе холодная жестокость Іоанна III, лицемѣріе Василія и ужасы Іоанна IV.

«Исторія можетъ ли также утѣшить насъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось. Кто поручится за будущее?... Государственныя бѣдствія могутъ имѣть послѣдствіемъ и разрушеніе самаго государства. Въ 98 году Венеціане, читая въ лѣтописяхъ своихъ, какъ нѣкогда они противились Камбрейскому союзу, могли ли тѣмъ утѣшиться, теряя свою независимость и славу?

«Не всѣ согласятся, чтобъ междоусобія удѣльныхъ князей были маловажны для разума: ими подтверждается извѣстный стихъ Горація:

---

[1]) За словомъ: необходимости, въ текстѣ г. Погодина поставлена точка. Но здѣсь очевидно не достаетъ нѣсколькихъ словъ; рѣчь идетъ конечно о необходимости какихъ-нибудь учрежденій грубаго характера, какія возникали въ тѣ времена.

Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi [1])».

Далѣе критикъ приводитъ слова Карамзина объ удѣльныхъ междоусобіяхъ: «Толпы дѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова дома; не много разности, ежели забудемъ, что сіи полутигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы трагедіи, и статуи Фидіасовы», — и возражаетъ на это:

«Я нахожу нѣкоторую разность. Тамъ граждане сражались за власть, въ которой они участвовали; здѣсь слуги дрались по прихотямъ господъ своихъ. Мы не можемъ забыть, что *полутигры Греціи* наслаждались всѣми благами земли, свободою и славой просвѣщенія».

Наконецъ, критикъ не соглашается съ Карамзинымъ, что главное въ исторіи — красота повѣствованія и сила, что знаніе правъ, ученость, остроуміе, глубокомысліе не замѣняютъ таланта изображать дѣйствіе. «Сомнѣваюсь, — говоритъ критикъ.... Мнѣ кажется, что главное въ исторіи есть дѣльность оной. Смотрѣть на исторію единственно какъ на литературное произведеніе, есть уничижать оную. Мудрому историку мы простимъ недостатокъ искусства; краснорѣчиваго осудимъ, ежели не знаетъ основательно того, о чемъ повѣствуетъ.

«Осуждая холодность Юма, нашъ писатель весьма справедливо замѣчаетъ, что «любовь къ отечеству даетъ кисти историка жаръ, силу, прелесть! Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души». Согласенъ; но часто ли попадались Юму Алфреды, и можно ли любить притѣснителей и заклепы? Тацита одушевляло негодованіе» [2]).

Эти замѣчанія были послѣдовательнымъ примѣненіемъ тѣхъ самыхъ мнѣній, какими руководились либералы и въ своихъ взглядахъ на настоящее. Замѣчанія эти, быть можетъ, не вездѣ отчетливо развитыя или выраженныя, во многомъ безъ сомнѣнія совершенно справедливы; нравственный ихъ смыслъ есть благородное стремленіе служить обществу и его интересамъ, и отвращеніе отъ того, что́ критикъ справедливо назвалъ квіетизмомъ и что́ дѣйствительно составляетъ одинъ изъ существенныхъ пороковъ въ карамзинской морали.

О томъ впечатлѣніи, какое произвела въ молодыхъ кружкахъ «Исторія», мы имѣемъ и другія свидѣтельства. Г. Погодинъ упоминаетъ въ своей книгѣ, что «молодой Пушкинъ.... при всемъ

---

[1]) Эту же мысль критикъ указываетъ въ словѣ о полку Игоревѣ: «въ княжихъ крамолахъ вѣки человѣкомъ сократишася».

[2]) «Н. М. Карамзинъ», г. Погодина, т. II, стр. 198—203.

своемъ благоговѣніи къ Карамзину, которое у него возрастало во всю жизнь, не могъ преодолѣть искушенія сказать острое слово, и выразилъ общее настроеніе окружавшей его передовой молодежи, въ двухъ эпиграммахъ, одна другой злѣе». Эти эпиграммы были слѣдующія:

Въ его Исторіи изящность, простота
Доказываютъ намъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Или:

Послушайте меня, я сказку вамъ скажу
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ и время золотое,
И наконецъ про Грознаго Царя.
— И, бабушка, затѣяла пустое:
Докончи намъ Илью-богатыря [1]).

Г. Погодинъ справедливо замѣчаетъ, что эти эпиграммы имѣютъ для насъ историческое значеніе, какъ отголосокъ мнѣній, отъ которыхъ самъ Пушкинъ впослѣдствіи торжественно отказывался. Дѣйствительно, мнѣнія Пушкина впослѣдствіи чрезвычайно измѣнились сравнительно съ прежнимъ: Пушкинъ около 1820 года и въ концѣ двадцатыхъ годовъ, это были точно два различные человѣка по свойству общественныхъ взглядовъ.

Карамзинъ относился къ «либералистамъ» съ нетерпимостью, которую мы имѣли случай указывать.

Г. Погодинъ разсказываетъ, что Н. Муравьевъ, изъ уваженія къ Карамзину, показалъ ему свою записку прежде всѣхъ. «Николай Михайловичъ *предоставилъ* ему сообщать ее кому пожелаетъ». Но какъ же онъ могъ бы не предоставить? Его отзывы о «либералистахъ»,—этихъ отзывовъ можно много собрать изъ его переписки,—вообще были самые недружелюбные. Онъ зналъ лично многихъ представителей либеральнаго кружка (напр. Муравьевыхъ, Н. И. Тургенева, Ѳ. Н. Глинку и др.) и не могъ отказать многимъ изъ нихъ въ умственныхъ и нравственныхъ достоинствахъ; они, съ своей стороны, не соглашаясь съ его взглядами, имѣли, повидимому, полное къ нему довѣріе [2]) и высказывали откровенно свой образъ мыслей. Не знаемъ, платилъ ли онъ имъ тѣмъ же довѣріемъ.... Въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ, когда онъ представилъ ему извѣстную записку о

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 204.

[2]) По словамъ г. Погодина, Карамзинъ бывалъ и въ самомъ кружкѣ друзей Ник. Муравьева, см. т. II, стр. 203, прим.

Польшѣ (1819), между прочимъ Карамзинъ сказалъ: Sire, je méprise les libéralistes du jour; je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'ôter.... [1]) Можно было бы спросить: имѣлъ ли онъ право на такое презрѣніе? Зналъ ли онъ достаточно, чего хотѣли либералисты, оцѣнилъ ли онъ добросовѣстно ихъ мнѣнія?... Въ мнѣніяхъ либералистовъ могли быть увлеченія и крайности, отъ которыхъ едва ли когда избавится энтузіазмъ молодыхъ поколѣній, и которыя были особенно понятны въ ту эпоху, когда либераловъ окружала такая путаница понятій въ общественной жизни и въ самомъ правительствѣ: достало ли у Карамзина «любви къ человѣчеству», чтобы отнестись дружелюбно къ молодому поколѣнію общества; потрудился ли Карамзинъ отдѣлить крайности отъ самаго зерна ихъ мнѣній, и судить о немъ съ той добросовѣстностью, какой требуетъ уваженіе къ чужому убѣжденію, уваженіе къ самому предмету спора,—потому что этимъ предметомъ было тоже благо отечества, чувствомъ, одушевлявшимъ либераловъ, была таже любовь къ отечеству, въ которой они вовсе ему не уступали? Мы не знаемъ подробностей его разговора съ имп. Александромъ, но разговоръ долженъ былъ идти объ отношеніяхъ Россіи и Польши,—и мы указывали выше, съ какимъ ревнивымъ національнымъ чувствомъ либералы отнеслись къ этому предмету: если *это* было тогда пробнымъ камнемъ національнаго пониманія и патріотическаго чувства, то въ этомъ они нисколько не уступили Карамзину. Къ чему же могло относиться его презрѣніе? было ли во враждѣ Карамзина къ либерализму истинное гражданское чувство, или самая обыкновенная нетерпимость консерватизма, непониманіе другихъ и озлобленіе самолюбиваго ума, раздражаемаго противорѣчіемъ?

Въ 1816 году, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для представленія своей исторіи, всѣ его принимали съ великими любезностями. Но, «нашелся одинъ человѣкъ, — пишетъ Карамзинъ, — старый знакомецъ (какъ предполагаютъ, Козодавлевъ), который принялъ меня весьма холодно и объявилъ, что ему извѣстенъ мой образъ мыслей, contraire aux idées libérales, то-есть, образу мыслей Фуше, Карно, Грегуара» [2]). Карамзинъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ знать различіе этихъ именъ, и примѣненіе ихъ всѣхъ къ русскому знакомцу, особенно къ русскому министру (если это былъ дѣйствительно Козодавлевъ), даетъ понятіе объ «умѣренности» Карамзина....

---

[1]) Неиздан. Сочин., стр. 9.

[2]) Тамъ же, стр. 146.

Карамзинъ, повидимому, имѣлъ притязаніе ставить себя выше всѣхъ партій.

«Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты! — восклицаетъ онъ. Кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностію?... Аристократы, сервилисты хотятъ стараго порядка; ибо онъ для нихъ выгоденъ. Демократы, либералисты хотятъ новаго безпорядка (!); ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ....

«Либералисты! Чего вы хотите? Счастія людей? Но есть ли счастіе тамъ, гдѣ есть смерть, болѣзни, пороки, страсти? (!!)

«Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можете низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе» [1]).

Эта мнимая широта мысли, восхваляемая его біографами, есть скорѣе совершенный отказъ отъ нея — тотъ квіетизмъ, который вѣрно указывалъ Муравьевъ, квіетизмъ, конечно, совершенно безплодный, и наконецъ чрезвычайно скучный по своей плаксивой формѣ.... Можно себѣ представить, что́ долженъ былъ Карамзинъ говорить въ своихъ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ въ послѣдніе годы его жизни.

Переходимъ къ другимъ явленіямъ тогдашней литературы.

Г. Тургеневъ разсказываетъ, что онъ задумывалъ издавать журналъ, который бы служилъ въ особенности для развитія политическихъ идей въ русскомъ обществѣ, слишкомъ мало знакомомъ съ подобными предметами [2]). Это была таже мысль, какую предлагалъ Мих. Орловъ въ Арзамасѣ; не знаемъ, была ли связь между самымъ планомъ г. Тургенева и тѣмъ, какой вслѣдствіе предложенія Орлова возникалъ въ Арзамасѣ. Идея такого журнала была, безъ сомнѣнія, очень здравая. Русскому обществу и до сихъ поръ недостаетъ самыхъ элементарныхъ политическихъ понятій, а тогда тѣмъ болѣе; очевидно между тѣмъ, что развитіе этихъ понятій существенно важно для пробужденія въ обществѣ какого-нибудь пониманія своихъ внутреннихъ дѣлъ.... Журналъ не состоялся, но г. Тургеневъ издалъ одинъ изъ своихъ трудовъ по этимъ предметамъ. Это былъ извѣстный «Опытъ теоріи налоговъ» (Спб. 1818; два изданія).

Книга г. Тургенева — въ которой мы должны видѣть, между прочимъ примѣръ того, какъ представители перваго тайнаго об-

---

[1]) Тамъ же, стр. 194—195.

[2]) La Russie, I, стр. 111 и слѣд. Объ одномъ собраніи у г. Тургенева по поводу этого журнала упоминаетъ и И. И. Пущинъ въ своихъ запискахъ. На собраніи былъ, между прочимъ, извѣстный профессоръ Куницынъ. См. объ этомъ предполагавшемся журналѣ въ письмѣ А. И. Тургенева къ Дмитріеву. Р. Арх. 1867, стр. 647.

щества думали дѣйствовать на общественное мнѣніе—любопытна и вообще, какъ свидѣтельство тогдашнихъ стремленій литературы. Это есть вполнѣ серьезный трудъ, написанный съ большимъ знаніемъ предмета, съ знаніемъ европейской политической и политико-экономической литературы. Авторъ излагаетъ теорію налоговъ съ постоянными практическими указаніями изъ исторіи и современнаго порядка европейскихъ государствъ, такъ что серьезное изложеніе теоріи становилось доступно для всякаго образованнаго читателя. Книга написана была авторомъ, когда онъ жилъ еще за границей, и этимъ онъ объясняетъ, почему въ его книгѣ мало говорится о налогахъ, существующихъ въ Россіи; тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текста и въ примѣчаніяхъ авторъ дѣлалъ весьма существенныя указанія и о русскомъ порядкѣ налоговъ: объясняя важность финансоваго вопроса для всего государственнаго существованія, онъ давалъ понять, какъ многаго еще недостаетъ финансовымъ учрежденіямъ Россіи, указывалъ низкую степень русской системы налоговъ сравнительно съ европейскими (замѣтимъ, что сущность этой системы сохранилась у насъ до сихъ поръ), говорилъ противъ подушной подати, указывалъ болѣе раціональную систему налоговъ, наконецъ объяснялъ необходимость гласности (новаго понятія, для выраженія котораго, рядомъ съ этимъ словомъ, онъ еще употребляетъ слово «публицитетъ»), и указывалъ вредъ крѣпостного права [1]). «Благоустроенное государство,—говорилъ онъ по поводу крѣпостного права — не должно созидать своего благоденствія на *несправедливости*; угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно добраго народа». «Успѣхи Россіи, при такомъ духѣ народа и правительства, каковый существуетъ въ отечествѣ нашемъ, были бы еще *совершеннѣе*, естьли бы общей дѣятельности, общему стремленію къ образованности и къ благосостоянію, не препятствовало *существованіе рабства*» [2]). «Роскошь дворянъ въ Россіи часто доказываетъ только то, что они имѣютъ крѣпостныхъ крестьянъ, коихъ силами и способностями, а равно и капиталами, они по своему произволенію располагать могутъ. И потому *роскошь въ Россіи болѣе печалитъ* внимательнаго наблюдателя, нежели въ иностранныхъ государствахъ». Авторъ замѣчаетъ, что когда приверженцамъ крѣпостного права

---

[1]) «Опытъ теоріи налоговъ», стр. 134—137, 141—142, 269, 291, 309.

[2]) Въ нашемъ экземплярѣ «Опыта», принадлежавшемъ старой библіотекѣ для чтенія и испещренномъ замѣтками на поляхъ, неизвѣстный читатель отмѣтилъ противъ этого мѣста: «NB. И видно карбонара».

говорятъ о необходимости постепеннаго дарованія крестьянамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ или о необходимости постепеннаго ограниченія власти помѣщиковъ, которая часто въ своихъ дѣйствіяхъ противна религіи и нравственности, то они — «дѣлали восклицанія противъ царства разума во Франціи, какъ будто права собственности и личной свободы, на коихъ созидается благосостояніе государствъ, должны влещи за собою уничтоженіе религіи и законовъ. Пусть сіи люди заглянутъ въ исторію (говоритъ авторъ). Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія?»... Такія мысли высказывалъ авторъ объ русскихъ дѣлахъ. Безъ сомнѣнія, въ нихъ было гораздо больше здраваго смысла, чѣмъ въ меланхолическихъ стенаніяхъ Карамзина, и больше истиннаго гражданскаго чувства, чѣмъ въ его «презрѣніи» къ либералистамъ, которыхъ онъ не понималъ и противъ которыхъ онъ возстановлялъ императора Александра въ интимныхъ бесѣдахъ.

Чтобы кончить наши замѣчанія о тогдашней литературѣ, мы должны сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, въ нашемъ обществѣ обнаруживались вообще признаки умственной жизни, какой оно еще не выказывало прежде. Къ этому времени, столь богатому внѣшними возбужденіями, начали созрѣвать учрежденія, основаніе которымъ было положено въ началѣ царствованія. Новые университеты еще мало дѣйствовали на умственное движеніе, но въ нихъ уже являются ученые новаго поколѣнія, довершившіе свое образованіе за границей. На русскомъ языкѣ едвали не въ первый разъ являются книги по общественнымъ наукамъ, писанныя болѣе или менѣе самостоятельно,—таковы были труды Куницына, Арсеньева; попытки усвоить русской литературѣ послѣдніе плоды пѣмецкой философіи, какъ напр. сочиненія Велланскаго, Галича, Осиповскаго; въ тѣни «Исторіи государства Россійскаго» подготовляются новые опыты исторической критики, и т. д.

Кромѣ университетовъ, въ ряду образовательныхъ учрежденій выдвигаются особенно два учрежденія, которыя оба были характеристическимъ произведеніемъ Александровскаго времени и оба оставили свой слѣдъ въ общественномъ движеніи. Одно изъ нихъ было Московское учебное заведеніе для Колонновожатыхъ, основанное Никол. Никол. Муравьевымъ (1768—1840), отцомъ многочисленной семьи Муравьевыхъ, различнымъ образомъ достопамятныхъ въ нашей недавней исторіи. Другое учрежденіе былъ Царскосельскій лицей (основанный въ 1811).

Знаменитое училище для Колонновожатыхъ произошло изъ домашнихъ лекцій математики и военныхъ наукъ, начатыхъ Муравьевымъ - отцомъ для небольшого числа товарищей его сына (Михаила), тогда студента въ московскомъ университетѣ. Молодые люди устроили общество для изученія этихъ наукъ, состоявшее большей частью изъ студентовъ и кандидатовъ университета, къ которымъ присоединились и нѣкоторые преподаватели; въ домѣ Муравьева основались правильныя публичныя и безплатныя лекціи для желающихъ заниматься этими предметами. Общество получило оффиціальное утвержденіе (въ апр. 1811); правительство обратило на него вниманіе въ ожиданіи, что оно будетъ содѣйствовать къ образованію колонновожатыхъ, или офицеровъ по квартирмейстерской части. Двѣнадцатый годъ прервалъ занятія общества, и самъ Н. Н. Муравьевъ вступилъ снова (полковникомъ) въ военную службу. Въ 1815 году онъ опять вышелъ въ отставку и снова занялся преподаваніемъ любимыхъ предметовъ молодымъ людямъ изъ своихъ родственниковъ или близкихъ знакомыхъ. Учебное заведеніе организовалось вновь и пользовалось правами казеннаго заведенія: воспитанники его принимались съ извѣстными чинами въ спеціальную службу, къ которой они премущественно готовились. Заведеніе существовало въ Москвѣ до 1823 года, когда разстройство здоровья и домашнихъ обстоятельствъ не позволили Муравьеву дѣлать больше пожертвованій на это учрежденіе. Оставшіеся воспитанники были переведены въ Петербургъ, гдѣ устроилось казенное училище для колонновожатыхъ, существовавшее до 1826 года. Съ 1816 до 1823 г. въ московское заведеніе вступило вообще 180 молодыхъ людей, большая часть которыхъ вступила потомъ въ свиту Е. В. по квартирмейстерской части; можно даже сказать, что большая часть офицеровъ гвардейскаго штаба того времени были учениками Муравьева [1]).

Здѣсь учились Никита Муравьевъ (тотъ критикъ Карамзина, о которомъ мы выше упоминали), Бурцевъ, кн. В. С. Голицынъ, Басаргинъ, Колошинъ, двое кн. Трубецкихъ, Мухановы и т. д.

Это замѣчательное учрежденіе, существовавшее частными средствами, было однимъ изъ лучшихъ выраженій того общественнаго духа, который пробуждается въ русскомъ обществѣ временъ импер. Александра. Оно доставляло своимъ воспитанникамъ основательныя знанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ давало имъ нравственное содержаніе, развивало въ нихъ сознательную и вмѣстѣ

---

[1]) Современникъ, 1852, V, стр. 1—26. См. также Р. Вѣстникъ. С. Глинки, 1817, № I: «Усердіе къ отечеству Н. Н. Муравьева».

идеальную любовь къ отечеству, и ревностное желаніе служить его благу. Характеръ времени увлекъ потомъ многихъ изъ нихъ въ тревожныя волненія тайныхъ обществъ... [1]).

Царскосельскій лицей началомъ своимъ также принадлежитъ первой половинѣ царствованія. Основанный съ цѣлью готовить молодыхъ людей къ высшимъ сферамъ гражданской службы, лицей окруженъ былъ всей матеріальной и воспитательной роскошью, какая была возможна въ то время. Директоромъ лицея, послѣ мягкаго Малиновскаго, былъ извѣстный Е. А. Энгельгардтъ, прекрасный педагогъ и почтенный человѣкъ, честный и независимый. Въ числѣ профессоровъ извѣстно имя Куницына, которое съ любовью сохранялось въ воспоминаніяхъ первыхъ лицеистовъ. Въ лицейскую программу внесены были, кромѣ широкаго курса общаго образованія, общественныя и политическія науки, которыя въ изложеніи Куницына стали важнымъ образовательнымъ средствомъ. Въ воспитанникахъ возбуждались и поддерживались литературные интересы, которые съ самаго начала привились къ лицейскому кружку. Исторія первыхъ лѣтъ лицея достаточно извѣстна; первый кружокъ лицейскихъ воспитанниковъ освѣщается личностью Пушкина, мальчика, потомъ юноши, который по выходѣ изъ лицея тотчасъ занимаетъ высокое мѣсто въ русской литературѣ. Вокругъ него сближаются всѣ поколѣнія литературы, отъ Державина, котораго онъ привелъ въ восторгъ, до самаго юнаго поколѣнія, въ которомъ поэзія Пушкина господствовала безраздѣльно.

Лицейское воспитаніе началось подъ впечатлѣніями двѣнадцатаго года; первый выпускъ воспитанниковъ оставилъ лицей въ тотъ періодъ, когда молодая часть общества, особенно аристократическо-военнаго, была полна идеальными гражданскими увлеченіями. Ближайшій лицейскій другъ Пушкина, И. И. Пущинъ, тотчасъ по выходѣ изъ лицея вступилъ въ первое тайное общество, основанное въ 1817 году. Самъ Пушкинъ не былъ его членомъ ни теперь, ни послѣ, но онъ подозрѣвалъ, потомъ положительно зналъ его существованіе, иногда самъ порывался вступить въ него, — но его не принимали, отчасти бережливо охраняя геніальнаго поэта отъ роковыхъ случайностей тайнаго общества, отчасти не довѣряя его подвижному, непостоянному, ненадежному характеру.

Пушкинъ велъ самую разсѣянную жизнь, бывалъ въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, любилъ быть въ аристократіи, въ ко-

---

[1]) Объ этомъ заведеніи см. также напечатанныя недавно, очень любопытныя выдержки изъ записокъ декабриста Н. В. Басаргина, въ Р. Арх. 1868, стр. 793 и слѣд.

торой имѣлъ слабость причислять себя и въ которой, ради этого тщеславія, хотѣлъ являться не поэтомъ, а «шестисотлѣтнимъ дворяниномъ», — но много его симпатій было именно въ этомъ кружкѣ. Живя въ Петербургѣ, и потомъ въ ссылкѣ, въ южной Россіи, Пушкинъ сходился болѣе или менѣе близко со многими людьми, игравшими тогда или нѣсколько позже руководящую роль въ либеральномъ движеніи, а также въ тайномъ обществѣ. Таковы были его отношенія и встрѣчи съ А. А. Бестужевымъ, К. Ѳ. Рылѣевымъ, П. И. Пестелемъ, Мих. Ѳед. Орловымъ; выше мы называли И. И. Пущина и П. Я. Чаадаева. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Выше было сказано, какъ въ обществѣ этого времени, среди увлеченій либерализмомъ и столкновеній съ дѣйствительностью, развилась цѣлая легкая литература, не попадавшая въ печать, литература, въ которой недовольство и остроумная насмѣшка сдерживались тѣмъ меньше, чѣмъ больше цензура стѣсняла ихъ въ печати. Въ то время, какъ либералы тайнаго общества приходили къ убѣжденію въ испорченности различныхъ формъ русской жизни, въ необходимости ввести въ нее новыя идеи и учрежденія, эта литература—безъ всякой связи съ тайнымъ обществомъ — дѣйствовала противъ тѣхъ же людей и вещей, которые, по мнѣнію общества, были виною застоя и бѣдствій русскаго народа, противъ смѣшныхъ и уродливыхъ явленій русской жизни. Богатый талантъ и остроуміе Пушкина были неистощимы въ эпиграммахъ, мелкихъ и крупныхъ стихотвореніяхъ, выражавшихъ это зарожденіе независимаго общественнаго мнѣнія. У насъ всего чаще ославляли этотъ разрядъ стихотвореній Пушкина, какъ дѣло легкомыслія, отъ котораго впослѣдствіи онъ самъ «торжественно отказывался». Правда, нѣкоторыя изъ стихотвореній этой поры были только легкомысленны; за то, во множествѣ другихъ, эпиграмма наводила и на серьезныя мысли, или ея легкомысленная форма совершенно оправдывалась самой сущностью дѣла: чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, надо было дѣйствовать противъ людей, противъ которыхъ безполезно, а кромѣ того и невозможно было бы спорить инымъ образомъ? Таковы были его эпиграммы на кн. А. Н. Голицына, Аракчеева, архим. Фотія и другія подобныя. Это было единственное возможное отмщеніе за нарушаемый здравый смыслъ. Стихотворенія Пушкина ходили по рукамъ, переписывались, читались наизусть. «Не было живого человѣка, который не зналъ бы его стиховъ»,—говорятъ современники, и этому можно повѣрить, потому что и тридцать лѣтъ спустя эти стихотворенія еще ходили по рукамъ въ тетрадкахъ и усердно переписывались, когда потерялась уже и ихъ современность.

Тайное общество, которому впослѣдствіи приписывали и распространеніе возмутительныхъ стихотвореній, было здѣсь ни при чемъ, потому что Пушкинъ вовсе не принадлежалъ къ тайному обществу, стихотворенія его были его собственнымъ отзывомъ, котораго никто ему не внушалъ, кромѣ общаго мнѣнія образованныхъ людей [1]). Также независимо отъ внушеній тайнаго общества началъ дѣйствовать другой поэтъ съ несравненно меньшимъ талантомъ, но несравненно сильнѣе увлекавшійся тѣмъ движеніемъ, которое захватывало и Пушкина и внушало ему свободолюбивыя стихотворенія. Этотъ поэтъ былъ Рылѣевъ. Задолго до того времени, какъ онъ вступилъ въ тайное общество, онъ уже не отличался отъ его членовъ по своему пламенному энтузіазму. Его имя вдругъ пріобрѣло извѣстность, когда появилось первое напечатанное его стихотвореніе «къ Временщику» (подражаніе Персіевой сатирѣ «къ Рубеллію»), въ журналѣ «Невскій Зритель», 1820 года. Всѣ узнали во «Временщикѣ» Аракчеева. Одинъ современникъ такъ описываетъ впечатлѣніе этого смѣлаго литературнаго подвига: «Въ томъ положеніи, въ какомъ была.... Россія, никто еще не достигалъ столь высокой степени силы и власти, какъ Аракчеевъ.... Этотъ приближенный вельможа... безъ всякой явной должности, въ тайнѣ кабинета вращалъ всею тягостью дѣлъ государственныхъ и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или оставалось неизвѣстно сему невидимому Протею-министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы не проникъ его хитрый подсмотръ; не было происшествія, которое не отозвалось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ... Одни карались за угнетенія, другіе за жалобы. Все государство трепетало подъ желѣзною рукой любимца-правителя... Въ такомъ положеніи была Россія, когда Рылѣевъ громко и всенародно вызвалъ временщика на судъ истины.... Нельзя представить изумленія, ужаса, даже можно сказать оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему: но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно; туча пронеслась мимо.... глухой шо-

---

[1]) О томъ, насколько вообще можно было приписывать именно тайному обществу появленіе этой мелкой насмѣшливой литературы, см. еще характеристическое замѣчаніе у г. Тургенева. I, стр. 231.

шотъ одобреній былъ наградою юнаго, правдиваго поэта». Стихотвореніе дѣйствительно отличается чрезвычайной энергіей, въ которой сказывалось глубоко возбужденное чувство. Оно открывалось слѣдующими стихами:

«Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ гордомъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула достойныхъ хвалъ вѣнецъ»!
и проч.[1])

Изъ приведенныхъ фактовъ можно отчасти видѣть характеръ политическихъ мнѣній Союза Благоденствія въ первую пору его существованія и можно также видѣть, что сущность этихъ мнѣній создавалась самымъ временемъ, что онѣ принадлежали не однимъ только членамъ Союза, но цѣлому слою общества. Въ этихъ политическихъ мнѣніяхъ главнымъ элементомъ оставалось стремленіе къ политическому образованію общества, личная дѣятельность членовъ въ практической жизни, направленная къ различнымъ улучшеніямъ, стремленіе къ освобожденію крестьянъ и т. п. Вопросъ о необходимости болѣе широкихъ государственныхъ реформъ былъ теперь только затронутъ и повидимому оставался на чисто теоретической точкѣ зрѣнія.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ мало свѣдѣній о томъ, что̀ происходило въ средѣ самаго Союза. Одно время онъ быстро распространялся, число членовъ размножалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, обнаруживалась и трудность идти этимъ путемъ къ какой-нибудь положительной цѣли. За первымъ впечатлѣніемъ дружной солидарности людей разныхъ сферъ и однихъ мнѣній, слѣдовало недоумѣніе о томъ, что̀ предпринять для поставленной себѣ цѣли. Между членами начинаются жалобы, что Союзъ ничего не дѣлаетъ; по мнѣнію однихъ слѣдовало дѣйствовать рѣшительно, другіе думали, что Союзъ и не можетъ больше ничего сдѣлать, кромѣ того, что онъ уже дѣлалъ[2]). Раздѣленіе общества

---

[1]) «Невскій Зритель», 1820, ч. IV, окт., стр. 26.

[2]) Выше мы указывали, что сами члены жаловались, что общество «дремлетъ». Любопытныя и чрезвычайно похожія на правду подробности о тогдашнемъ состояніи общества передаетъ г. Тургеневъ. I, стр. 106 — 107, 174—175. Въ сущности, почти

на сѣверное и южное (въ Петербургѣ и въ южной арміи) еще болѣе разъединяло ихъ дѣйствія. Многіе изъ членовъ или совсѣмъ отставали отъ общества, или оказывались не вполнѣ надежными. Вслѣдствіе всего этого явилась, наконецъ, мысль о пересмотрѣ программы Союза, для чего депутаты отъ обоихъ отдѣловъ общества собрались въ Москвѣ въ началѣ 1821 года. Результатомъ ихъ совѣщаній было закрытіе Союза Благоденствія (въ февралѣ 1821).

Мы не входимъ вообще въ частныя и личныя подробности этой исторіи и не будемъ разбирать спорнаго пункта о томъ, было ли это закрытіе дѣйствительнымъ уничтоженіемъ Союза, какъ говорятъ одни изъ участвовавшихъ въ этомъ рѣшеніи, или это закрытіе было только фиктивное, сдѣланное для удаленія нерѣшительныхъ и сомнѣвающихся членовъ и для преобразованія Союза по другой программѣ, какъ положительно говорятъ другіе. Такъ или иначе, но Союзъ возстановляется послѣ закрытія,—въ немъ являются, кромѣ прежнихъ, новые дѣятельные члены, программа его отчасти измѣняется, дѣятельность его членовъ получаетъ болѣе возбужденный, тревожный характеръ.

А. Пыпинъ.

трудно было сказать, что общество существуетъ, — потому что оно почти не имѣло никакой особенной тайной дѣятельности; съ другой стороны, молва чрезвычайно преувеличивала его важность.

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ-ГУМБОЛЬДТЪ

X *).

Необыкновенное разнообразіе изумительной дѣятельности Гумбольдта поведетъ насъ теперь въ совершенно иную область естествознанія.

Плотная кора земного шара состоитъ, какъ извѣстно, изъ различныхъ горныхъ породъ, отличающихся между собою не только минералогическимъ составомъ, но и самымъ способомъ строенія. Это строеніе, по общепринятому въ наукѣ дѣленію, бываетъ: аморфнымъ, волокнистымъ, неопредѣленнымъ, слоистымъ и проч. Самымъ отличительнымъ строеніемъ можно считать послѣднее—слоистое, которое замѣчательно тѣмъ, что породы, его представляющія, ограничены двумя параллельными плоскостями, которыхъ взаимное разстояніе, по отношенію къ ихъ протяженію, очень незначительно. Строеніе это можно сравнить съ листами громадной книги. Слои бываютъ при этомъ различной толщины: иногда очень толсты, иногда же необыкновенно тонкіе. Они составляютъ т.-н. осадочныя формаціи, отложившіяся, по единогласному мнѣнію нептунистовъ и вулканистовъ, изъ воды. Но взгляды обоихъ школъ расходятся относительно происхожденія породъ неслоистыхъ. Нептунисты утверждали, что нѣкоторыя изъ этихъ породъ, какъ напр. гранитъ, есть кристаллизаціонный пунктъ, остовъ земного шара, прежде всего выдѣлившійся изъ воды; другая тоже значительно распространенная составная часть его, базальтъ, по ихъ мнѣнію, тоже осадочнаго происхожденія; они допускали вліяніе огня только для очень ограниченной части горныхъ породъ, для лавы, которая,

*) См. выше, сент. 127; окт. 533 стр.

по ихъ теоріи, образовалась расплавленіемъ земной поверхности отъ загорѣвшихся, мѣстами, каменно-угольныхъ залежей. По мнѣнію вулканистовъ, всѣ неслоистыя горныя породы обязаны своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, дѣйствію огня.

Такъ какъ всѣ слоистыя породы суть осадки ила морского, то естественно, что осаждаясь изъ воды, они должны были отлагаться горизонтально. Между тѣмъ мы видимъ, что во многихъ мѣстахъ слои наклонены подъ различными углами къ горизонту. Это казалось вулканистамъ несоотвѣтствующимъ происхожденію этихъ породъ, хотя представитель нептунизма, Вернеръ, утверждалъ, что слои могутъ осаждаться непосредственно изъ воды и при наклоненіи ихъ до 30°; если же встрѣчаются болѣе сильныя наклоненія, то это происходитъ, по его мнѣнію, отъ того, что подъ этими слоями провалились существовавшія подъ ними пещеры. Гюттонъ же, а съ нимъ и другіе вулканисты, объясняли эти явленія тѣмъ, что прежде горизонтальные слои были, послѣ ихъ образованія, подняты снизу подземными силами—неравномѣрно. Это фактъ, неподлежащій теперь сомнѣнію, и который мы имѣемъ случай видѣть какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ размѣрахъ. Въ мѣстахъ, гдѣ это поднятіе совершилось на небольшомъ пространствѣ, мы можемъ тутъ же, по обѣимъ сторонамъ перелома, видѣть соотвѣтствующія части земной коры, бывшія прежде сплошнымъ слоемъ, теперь разорваннымъ. Если же приподнятое мѣсто не гора, а значительное, по протяженію, пространство земли, то мы можемъ, проѣзжая черезъ нее, встрѣчать, конечно, на значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, такіе же слои, какъ въ первомъ случаѣ на небольшомъ. Конечно, не каждая страна одинаково удобна для подобныхъ наблюденій; въ иныхъ мѣстахъ пласты перекрестились, при поднятіи,—чѣмъ разрѣшеніе вопроса запутывается и усложняется. Необыкновенно наглядно представляетъ это напластованіе, въ большихъ размѣрахъ, Англія. Направляясь, по этой странѣ, отъ востока на западъ, каждый бываетъ пораженъ правильностью смѣны пластовъ. Чѣмъ дальше на западъ—тѣмъ больше встрѣчаемъ пластовъ, которые на востокѣ Англіи находятся на значительной глубинѣ подъ поверхностью земли. Эта особенность геологическаго строенія Англіи и была причиною, почему въ странѣ этой впервые обратили на нее вниманіе.

Не менѣе важенъ и самый порядокъ напластованія слоевъ, такъ какъ онъ даетъ намъ возможность судить объ относительной древности послѣднихъ. Если мы встрѣчаемъ въ данной мѣстности два слоя, то естественно, что первый долженъ былъ уже существовать въ то время, когда легъ на него второй; иными

словами—первый, т.-е. нижній, древнѣе второго, верхняго. Эти другъ надъ другомъ лежащіе слои, хотя и состоятъ по преимуществу изъ глины, извести и кремнезема, отличаются однако одинъ отъ другого различными химическими примѣсями и физическими отличіями: цвѣтомъ, плотностію и т. п.

Вернеръ, исходя изъ положенія, что земная кора представляетъ вездѣ такія же явленія, какъ въ Саксоніи, принималъ, что самая древняя порода, кристаллизаціонное ядро земного шара, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ гранита, гнейса и сіенита. За ними слѣдуютъ промежуточныя породы — глинистый сланецъ, конгломераты; надъ ними—вторичныя формаціи, и наконецъ—наносная земля. Впослѣдствіи Кювье и Броньяръ отдѣлили еще третичную, и въ новѣйшее время еще болѣе юную формацію.

Изъ изложеннаго самъ собой вытекаетъ вопросъ: свойственъ ли этотъ порядокъ формацій одной только Саксоніи, или только одной Европѣ, или же онъ представляетъ общераспространенное явленіе по всему земному шару? Предположивъ даже, что вопросъ этотъ былъ бы разрѣшенъ утвердительнымъ отвѣтомъ, затѣмъ являются новые, не менѣе важные, какъ напр.: совершалось ли образованіе одинаковыхъ формацій вездѣ одновременно, или же разновременно? Не случилось ли такъ, что въ то время, когда въ Европѣ отлагалась одна порода, въ Америкѣ совершалось отложеніе другой? Между тѣмъ какъ для разрѣшенія первой части вопроса необходимо непосредственное наблюденіе, для разрѣшенія второй части наука воспользовалась, какъ необыкновенно важнымъ вспомогательнымъ средствомъ, остатками прежнихъ органическихъ существъ, окаменѣлостями. Въ ту пору, когда горныя породы были еще мягкимъ иломъ, животныя, тогда жившія, попадали въ него случайно, или были занесены пескомъ во время наводненія и т. п. Окружавшая ихъ тѣло, или остатки, вода, заключающая всегда большее или меньшее количество солей растворенными, отлагала ихъ понемногу въ тѣлѣ животнаго, такъ что, наконецъ, прежнія составныя части его замѣнены были неорганическими и вмѣсто животнаго мы находимъ теперь камень, представляющій его форму, словомъ—окаменѣлость. Нѣкоторыя животныя, отличающіяся неорганическими покровами, какъ напр. раковины, оставили намъ только эти покровы, между тѣмъ какъ тѣло ихъ сгнило. Жившія цѣлыми колоніями, напр. устрицы, залегли, въ остаткахъ своихъ, цѣлыми пластами. Молодыя животныя, ложась на старыхъ, умиравшихъ и оставлявшихъ свои раковины, въ свою очередь служили почвою прикрѣпленія для послѣдующихъ поколѣній.

Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались цѣлыя отмели, скалы, залежи изъ остатковъ такихъ животныхъ. Растенія большею частію нѣсколько обугливались и дошли до насъ въ видѣ разныхъ видовъ каменнаго угля. Когда мягкій илъ ложился на растеніе, то принималъ, конечно, форму его. Отвердѣвъ, онъ сохранялъ совершенно вѣрный отпечатокъ растенія, которое, можетъ быть, давно уже и не существовало. При посредствѣ этихъ-то остатковъ мы имѣемъ возможность составить себѣ понятіе о фаунѣ и флорѣ того періода, когда образовалась осадочная формація.

Окаменѣлости обращали издавна на себя вниманіе, но прежде никто не подозрѣвалъ, какое вліяніе изученіе ихъ можетъ оказать на исторію нашей планеты. На нихъ смотрѣли, какъ на игру природы, lusus naturae. Только въ началѣ XVIII-го вѣка Гукъ (Hooke), вооружаясь противу подобнаго ребяческаго воззрѣнія современныхъ ученыхъ, сталъ утверждать, что различіе окаменѣлостей слѣдуетъ объяснять различными періодами разрушенія организмовъ.

Каждая горная порода отличается ей свойственными окаменѣлостями; между тѣмъ, какъ онѣ почти одинаковы въ одной и той же, какъ отдалены бы ни были мѣстности, въ которыхъ они встрѣчаются. Чѣмъ глубже пласты, т.-е. чѣмъ древнѣе они, тѣмъ рѣзче отличаются формы тогдашнихъ животныхъ и растеній отъ теперь живущихъ. Мало-по-малу, по мѣрѣ приближенія къ верхнимъ слоямъ, мы постепенно встрѣчаемъ формы, приближающіяся къ современнымъ намъ, а въ слояхъ новѣйшихъ мы имѣемъ даже возможность замѣтить и климатическія вліянія. При посредствѣ этихъ-то жетоновъ природы мы въ состояніи, съ большою вѣроятностью, отвѣчать на вторую половину предложеннаго выше вопроса. Если мы замѣчаемъ, что въ Америкѣ пласты слѣдуютъ одинъ за другимъ въ томъ же порядкѣ какъ и въ Европѣ; если въ той же породѣ, гдѣ бы мы ее ни находили, встрѣчаются окаменѣлости, представляющія одинаковый типъ, то мы имѣемъ право заключить, что они образовались при одинаковыхъ условіяхъ; что одна и таже горная порода вездѣ соотвѣтствуетъ однимъ и тѣмъ же эпохамъ образованія земной коры. На эту связь впервые обратилъ вниманіе, въ концѣ XVIII-го в. Смитсъ (W. Smith).

Кромѣ синхронизма отдѣльныхъ формацій, важно еще опредѣлить, въ какомъ порядкѣ онѣ и составныя ихъ части слѣдуютъ одна за другою. Вопросъ этотъ не представлялъ бы затрудненій, еслибы каждая порода была распространена по всему земному шару, и не была скрыта отъ нашего взора. Но ни одно

изъ этихъ условій не исполнено. Мы знаемъ, что многія, теперь самыя высокія мѣстности земной коры, состоятъ изъ ила прежнихъ морей. Такимъ образомъ, ни одна формація не распространена сплошнымъ покровомъ по всему земному шару; каждая прерывается, являясь въ одномъ мѣстѣ болѣе толстымъ пластомъ, въ другомъ—тонкимъ; въ третьемъ даже исчезаетъ, уступая нерѣдко свое мѣсто совершенно отличной отъ нея.

Изъ сказаннаго ясно, какъ важно было для науки всѣ эти явленія взвѣсить въ ихъ относительной важности; отыскать связь между пластами, указать порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ одинъ надъ другимъ, словомъ, дать положительный отвѣтъ на выше предложенные вопросы. Рѣшеніемъ ихъ и занялся Гумбольдтъ въ сочиненіи своемъ: «Essai sur le gisement des roches dans les deux hémisphères», 1823 — насколько это позволяли тогда извѣстныя данныя. Собравъ, во время своихъ многочисленныхъ путешествій по Европѣ и Америкѣ, такое количество наблюденій какъ ни одинъ ученый до него, Гумбольдтъ имѣлъ возможность подарить наукѣ трудъ гораздо болѣе полный, чѣмъ всѣ его предшественники, занимавшіеся только изслѣдованіемъ ограниченныхъ, по пространству, мѣстностей. Онъ сравнивалъ напластованіе отдѣльныхъ формацій, опредѣлилъ ихъ взаимное отношеніе, пріурочилъ къ нимъ встрѣчающіяся въ нихъ окаменѣлости, такъ, что трудъ его былъ въ одно время географическимъ и историческимъ, такъ какъ онъ познакомилъ науку не только съ мѣстонахожденіемъ отдѣльныхъ формацій въ горизонтальномъ протяженіи, но и опредѣлилъ, посредствомъ обозначенія мѣста, занимаемаго ими и въ вертикальномъ направленіи, ихъ относительный, если можно такъ выразиться, возрастъ, что необходимо знать для исторіи земли. Гумбольдтъ подтвердилъ, что отдѣльные слои измѣняются, смотря по глубинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ, что каждая горная порода, хотя бы она встрѣчалась только островами, представляетъ вездѣ, подъ различными градусами широты и долготы, одинъ и тотъ же характеръ, что и составляетъ не маловажное отличіе минералогическихъ особей отъ животныхъ и растеній, пріуроченныхъ, за весьма немногими исключеніями, къ извѣстному климату. Въ заключеніе этого труда Гумбольдтъ сдѣлалъ предложеніе, въ видахъ упрощенія науки, изображать состояніе напластованія каждаго даннаго мѣста извѣстными общими знаками, которыя онъ предполагалъ ввести. Ему однако не было суждено дожить до осуществленія этой практической мысли, которая, безъ сомнѣнія, не замедлила бы принести извѣстную долю пользы наукѣ. И теперь еще для этой цѣли употребляются краски — на кар-

тахъ, и техническія слова — въ текстѣ геологическихъ и геогностическихъ сочиненій.

Точно также какъ Гумбольдтъ поставилъ себѣ задачей, какъ мы упоминали выше, опредѣлить распространеніе животныхъ и растеній по поверхности земного шара, и показать отношеніе извѣстныхъ семействъ данной мѣстности къ цѣлой фаунѣ или флорѣ ея, онъ старался сдѣлать это и относительно царства ископаемаго. Въ его «Essai sur le gisement...» и въ III-мъ томѣ «Relation historique», въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Esquise d'un tableau géognostique de l'Amérique méridionale», онъ знакомитъ насъ съ распространеніемъ горныхъ породъ, наклоненіями ихъ, равно какъ распространеніемъ долинъ, горъ, направленіемъ цѣпей ихъ, узлами ихъ и проч.

Хотя предметы, разработанные Гумбольдтомъ въ обоихъ названныхъ сочиненіяхъ и касаются, по преимуществу, описательной части геологіи и геогнозіи, и потому онъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду то, что есть, а не то, какъ оно образовалось, однако мы видимъ уже, изъ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ выраженій, что онъ перешелъ изъ лагеря нептунистовъ въ лагерь вулканистовъ, хотя и не вступаетъ въ полемику по поводу теорій происхожденія горныхъ породъ. Такъ, онъ относитъ трахиты, фонолиты, базальты, долериты и проч. къ исключительно горнымъ породамъ. Трудно рѣшить, когда именно Гумбольдтъ перемѣнилъ свое мнѣніе насчетъ этого вопроса, но можно предполагать, что оно совершилось во время его американскаго путешествія, вѣроятнѣе всего на Тенериффѣ, гдѣ онъ впервые имѣлъ возможность лично наблюдать еще дѣйствующую огнедышащую гору.

Несмотря на это непрямое участіе въ спорѣ двухъ враждебныхъ ученыхъ лагерей, Гумбольдта можно считать однимъ изъ корифеевъ школы плутонистовъ, такъ какъ онъ показалъ, что внутри земного шара постоянно дѣйствуютъ частью созидающія, частью же разрушающія силы, а изученіе вулкановъ Гумбольдтомъ оказало громадное вліяніе на установленіе плутонической теоріи. Изъ того, что мы узнали, благодаря ему, о дѣйствіи ихъ въ настоящемъ, мы получили возможность составить себѣ правильное понятіе о дѣятельности ихъ въ прошедшемъ.

Въ монографіи своей о вулканахъ Гумбольдтъ указываетъ впервые на ихъ разнообразіе. Не только конусообразная форма свойственна имъ, какъ прежде предполагали, хотя она дѣйствительно встрѣчается чаще чѣмъ другія; онъ показалъ, что вулканы могутъ представлять цѣлые хребты горъ, какъ напр. Пи-

чинха близъ Квито, такъ тщательно имъ изслѣдованная. Другіе вулканы образуютъ группы, напр. Азорскіе и Канадскіе острова, иные тянутся цѣпями, параллельными горамъ, какъ напримѣръ въ Гватималѣ, Перу и Явѣ, или поперегъ ихъ, какъ въ Мексикѣ. Изъ этого разнообразнаго направленія ихъ Гумбольдтъ выводитъ заключеніе, что вулканическія дѣйствія зависятъ не отъ мелкихъ, у поверхности земли находящихся, причинъ, а суть явленія громадныхъ, внутри земного шара дѣйствующихъ силъ. Онъ указалъ также, многочисленными примѣрами изъ исторіи вулканическихъ изверженій, на связь, существующую между дѣятельностью самыхъ отдаленныхъ вулкановъ. Онъ доказалъ тоже, что кромѣ постоянныхъ сообщеній между внутренностью и поверхностью земли, случаются еще и временныя. Прорвавшись разъ наружу, внутреннія силы не ищутъ болѣе исхода въ этомъ мѣстѣ; кромѣ того, горы вовсе не составляютъ необходимаго пути для изверженія. Оно можетъ произойти и на равнинѣ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется форма базальтовыхъ горъ, о которыхъ была рѣчь выше.

XI.

Въ области изслѣдованія магнетизма, самой загадочной изъ всѣхъ силъ природы, мы встрѣтимъ опять имя Гумбольдта. Незамѣтная нашимъ чувствамъ, эта сила долгое время не обращала на себя должнаго вниманія, хотя ея присутствіе, какъ доказано теперь, встрѣчается повсюду. Правда, нѣкоторыя магнетическія явленія были извѣстны уже древнимъ. Такъ, Платонъ, Аристотель, Плиній упоминаютъ о свойствахъ естественнаго магнита (такъ называется, какъ извѣстно, желѣзная руда, встрѣчавшаяся въ древности вблизи города Магнезіи, отъ котораго и получила настоящее названіе), а Лукрецій говоритъ объ отталкиваніи его. Изъ этого можно заключить, что уже древніе знали, что магнитъ имѣетъ два различные полюса, изъ которыхъ одноименные отталкиваются, а разноименные—притягиваются. Много вѣковъ однако прошло прежде, чѣмъ было открыто другое весьма важное свойство магнитовъ, именно, что положенные на вертикальную остроконечную подпорку, магниты, двигаясь въ горизонтальной плоскости, принимаютъ направленіе отъ сѣвера къ югу. Первое извѣстіе, дошедшее до насъ объ этомъ свойствѣ магнита, такъ важномъ для мореплаванія, относится къ XI-му или XII-му столѣтію, но въ немъ говорится объ немъ какъ объ инструментѣ общераспространенномъ между мореходцами, которые,

какъ кажется, заимствовали его у аравитянъ. Но гораздо древнѣе употребленіе его у китайцевъ. За одиннадцать столѣтій до нашего лѣтосчисленія, китайскій императоръ Чингвангъ подарилъ тонкинскимъ и кохинхинскимъ посланникамъ, опасавшимся сбиться на обратномъ пути, пять магнитныхъ «вѣсовъ», указывавшихъ на югъ посредствомъ подвижной руки небольшой фигуры. Китайцы знали даже, что магнитная стрѣлка показываетъ не совсѣмъ точно къ сѣверу и югу, а уклоняется нѣсколько отъ этого направленія. Въ концѣ XV-го вѣка уклоненіе это въ Европѣ было къ сѣверо-востоку; Колумбъ же открылъ, во время перваго своего путешествія въ Америку, что уклоненіе это не всегда постоянно и неодинаково въ различныхъ мѣстахъ. Такъ, онъ замѣтилъ (подъ 28^0 сѣвер. широты и 31^0 запад. долготы отъ Парижа), что стрѣлка, показывавшая до того къ сѣверо-востоку, уклонилась здѣсь на сѣверо-западъ. Изъ этого Колумбъ заключилъ, что онъ, слѣдуя отъ востока на западъ, перешелъ гдѣ-нибудь линію, гдѣ стрѣлка показывала и прямо на сѣверъ. Послѣдующія наблюденія показали, что подобныя уклоненія встрѣчаются не только въ той широтѣ, въ которой Колумбъ переплывалъ Атлантическій океанъ, такъ какъ теперь, въ этомъ отношеніи, земной шаръ дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной уклоненіе стрѣлки совершается на западъ, а въ другой—на востокъ. Эти обѣ части раздѣлены кривою, огибающею неправильно землю, на которой не замѣчается никакого уклоненія. Притомъ уклоненіе, какъ было уже замѣчено, не всегда одно и тоже: оно подвергается вѣковымъ измѣненіямъ. Такъ, во время открытія Америки магнитная стрѣлка показывала на востокъ; въ концѣ XVI-го вѣка уклоненіе это уменьшилось, а въ половинѣ XVII-го она совпадала съ меридіаномъ, перешла затѣмъ на западъ и теперь опять направляется назадъ. Кажется, что нолевая линія уклоненія перемѣщается отъ востока къ западу, но она при этомъ перемѣщается, какъ перемѣщаются, напр., облака въ своемъ теченіи; впрочемъ, направленіе ея болѣе параллельно меридіанамъ, нежели градусамъ широты. Точно такъ, какъ посредствомъ вышеупомянутой кривой мы можемъ раздѣлить земной шаръ на двѣ области, область восточнаго и западнаго уклоненія, мы, соединяя между собою точки одинаковаго уклоненія, восточнаго и западнаго, линіями, называемыми изогонами, имѣемъ возможность, при первомъ взглядѣ на карту, прослѣдить распредѣленіе уклоненій на земномъ шарѣ. Первая такая карта изогоновъ была составлена на основаніи двукратнаго путешествія по Атлантическому океану Галлеемъ (1701 г.). Съ тѣхъ поръ появилось много такихъ картъ для различныхъ годовъ;

такъ, напр., карта уклоненій Ганстена для разныхъ годовъ, начиная съ 1600 по 1800; Сабинъ составилъ для одного 1840 г. Существуютъ карты и для отдѣльныхъ странъ, напр. карта Ламонта для Германіи.

Кромѣ вѣковыхъ и годовыхъ измѣненій уклоненій извѣстны еще и суточныя. Магнитная стрѣлка находится почти въ постоянномъ движеніи; она направляется то на востокъ, то на западъ, но среднее положеніе оконечности ея, направленной къ ближайшему полюсу земли, склоняется больше къ западу въ полдень нежели утромъ. Кромѣ того, лѣтомъ оно значительнѣе чѣмъ зимою. Нерѣдко встрѣчаются чрезвычайныя движенія, наблюдаемыя одновременно на большомъ пространствѣ.

Въ половинѣ XVI-го вѣка, викарій церкви св. Себальда въ Нюренбергѣ, Гартманъ, открылъ еще другую особенность магнитной стрѣлки, именно, что весьма точно привѣшенная, въ центрѣ тяжести, стальная стрѣлка, послѣ намагниченія, не сохраняетъ своего прежняго строго горизонтальнаго направленія, но наклоняетъ свою сѣверную оконечность книзу. Это наклоненіе было (1576) точнѣе изслѣдовано и провѣрено Норманномъ. По наблюденіямъ Джемса Росса въ Сѣверной Америкѣ (подъ 70° 5′ шир. и 99° 5′ зап. долг. отъ Парижа) магнитная стрѣлка стоитъ тамъ совершенно вертикально, склонивъ свой сѣверный полюсъ внизъ. Чѣмъ дальше мы удаляемся отъ этой точки, тѣмъ меньше наклоненіе стрѣлки, которая у экватора принимаетъ горизонтальное положеніе. Переходя за экваторъ, южный полюсъ ея начинаетъ наклоняться и у южнаго Ледовитаго океана (по Россу у 75° 5′ шир. и 151° 48′ вост. дол. отъ Парижа) она опять принимаетъ вертикальное направленіе. Соединивъ между собою точки, въ которыхъ наклоненіе равно нулю, мы получимъ кругомъ земного шара кривую, получившую названіе магнитнаго экватора. Соединяя точки одинаковаго наклоненія получаются т.-н. изоклины. Ихъ, по аналогіи, сравниваютъ съ астрономическими градусами широты, а изогоны—съ меридіанами. Но какъ тѣ, такъ и другіе существенно отличаются отъ астрономическихъ линій тѣмъ, что онѣ представляютъ неправильныя кривыя, между тѣмъ какъ послѣднія математически-правильны. И для изоклиновъ существуютъ карты: Вильке издалъ для 1700 г.; Ганстеенъ тоже издалъ ихъ, равно какъ и Сабинъ для 1840 г. И наклоненія представляютъ вѣковыя и періодическія измѣненія и пертурбаціи, какъ и упомянутыя выше уклоненія.

Приближая магнитъ къ магнитной стрѣлкѣ, свободно вращающейся, легко замѣтить вліяніе перваго на послѣднюю. Въ

ней замѣчаются безпокойство, колебанія, по прекращеніи которыхъ она принимаетъ опредѣленное положеніе, находящееся однако въ зависимости отъ положенія магнита, подъ вліяніемъ котораго колебалась стрѣлка. При передвиженіи стрѣлки по поверхности земли замѣчено, что положенія, принимаемыя ею въ различныхъ точкахъ земного шара, представляютъ большое сходство съ тѣми положеніями, которыя замѣчены на ней при вліяніи на нее магнита. По этой причинѣ, съ давняго уже времени привыкли смотрѣть на земной шаръ, какъ на громадный магнитъ, и потому на него перенесли всѣ свойства обыкновеннаго магнита. Какъ въ послѣднемъ намъ извѣстны точки, въ которыхъ магнетизмъ проявляется сильнѣе всего, такъ точно нашли ихъ и на земномъ шарѣ. Ихъ назвали магнитными полюсами, хотя они и не совпадаютъ съ полюсами астрономическими, но находятся всегда на значительной широтѣ.

Кромѣ явленій уклоненія и наклоненія, которыя можно вызвать въ стрѣлкѣ при посредствѣ магнита, Куломбъ (Coulomb) замѣтилъ еще, что время, необходимое для того, чтобы одна и таже стрѣлка произвела колебаніе подъ вліяніемъ магнита, не всегда постоянно, не всегда одно и тоже. Подъ вліяніемъ сильнаго магнита стрѣлка колеблется гораздо быстрѣе, чѣмъ подъ вліяніемъ слабаго, иными словами—она совершаетъ отдѣльное колебаніе въ болѣе короткое время, такъ, что квадраты чиселъ колебаній относятся между собою, въ одно и тоже время, какъ дѣйствующія силы. Проводя стрѣлку вдоль магнита замѣчаемъ, кромѣ того, что вліяніе послѣдняго на первую, по его срединѣ, оказывается самымъ слабымъ, и усиливается по направленію къ полюсамъ. Естественно, что физики интересовались изслѣдовать и земной магнетизмъ относительно его силы въ разныхъ точкахъ земного шара, для чего необходимо было узнать, въ каждой изъ нихъ, число колебаній, дѣлаемыхъ вертикально-привѣшенной стрѣлкой, въ магнитномъ меридіанѣ, т.-е. въ такой вертикальной плоскости, въ которой наклоняющаяся стрѣлка приходитъ въ покой. Наблюденія, сдѣланныя учеными въ концѣ XVIII-го вѣка надъ этими явленіями, были частью неудовлетворительны, частью же пропали во время несчастія, постигшаго экспедицію Лаперуза.

Труды Гумбольдта о земномъ магнетизмѣ, начавшіеся въ разсматриваемый нами теперь періодъ его жизни, принесли необыкновенно богатый плодъ наукѣ, особенно въ послѣднее время его научной дѣятельности, вслѣдствіе вліянія, которое онъ, по занятому имъ положенію въ ученомъ мірѣ, оказывалъ не только на отдѣльныхъ ученыхъ, но и на правительства, пособія кото-

рыхъ были необходимы на этомъ полѣ дѣятельности. Гумбольдтъ обогатилъ науку огромнымъ количествомъ собственныхъ наблюденій по части земного магнитизма, при чемъ онъ обратилъ особенное вниманіе на несовсѣмъ точныя до него наблюденія надъ наклоненіями и силой ихъ. Наблюденія уклоненій гораздо легче и потому они были дѣлаемы и прежде довольно вѣрно и точно. Поэтому, усовершенствованіе метода первыхъ были важною услугою, оказанною Гумбольдтомъ этой отрасли физики. Разсѣянныя, по мѣрѣ появленія въ свѣтъ, въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ, наблюденія по части земного магнетизма, они были собраны Гумбольдтомъ и приложены къ третьему тому его Relation historique въ видѣ особаго прибавленія. Оно обнимаетъ всѣ наблюденія его по этому вопросу, сдѣланныя имъ, съ 1798 по 1829 г., въ Америкѣ, Азіи и Европѣ. Кромѣ этого Гумбольдтъ издалъ двѣ монографіи по этому же предмету, одну въ сотрудничествѣ Біота, другую—Гэ-Люссака.

До американскаго путешествія Гумбольдта свѣдѣнія объ наклоненіи магнитной стрѣлки были еще такъ недостаточны, что предполагали, что магнитный экваторъ совпадаетъ съ астрономическимъ. Уже во время своего путешествія по Южной Америкѣ онъ замѣтилъ, въ Сантъ-Карлосѣ дель Ріо Грандо, подъ 1° 35′ сѣв. шир., что магнитное наклоненіе равно 20° 35′. Изъ этого уже было тогда (въ 1804 г.) ясно, что наклоненіе у астрономическаго экватора не могло равняться нулю, какъ тогда предполагали; въ противномъ случаѣ оно должно бы на небольшомъ разстояніи 1° 35′ уменьшиться на 20° 53′, что́ было немыслимо.

Выходя изъ открытія, что астрономическій и магнитный экваторъ не совпадаютъ, необходимо было заняться разрѣшеніемъ вопроса—гдѣ находится послѣдній. Гумбольдтъ и Біотъ располагали (въ 1805 г.) только двумя наблюденіями, которыя показывали стрѣлку въ горизонтальномъ направленіи: Лаперузъ нашелъ ее въ этомъ положеніи у береговъ Бразиліи въ 10° 57′ южн. шир. и 25° 5′ зап. долг. отъ Парижа; затѣмъ Гумбольдтъ нашелъ тоже подъ 7° 1′ южн. шир. и 80° 41′ зап. долг. тоже отъ Парижа. Изъ этого они заключили, что магнитный экваторъ представляетъ собою самый большой кругъ (т.-е. такой, котораго плоскость проходитъ черезъ центръ шара), наклоненный къ астрономическому подъ угломъ 10° 58′ 56″, и пересѣкающій его подъ 120° 2′ 5″ зап. долг. и 59° 57′ 55″ вост. долг. отъ Парижа. Сопоставленіе другихъ наблюденій показало имъ, что наклоненіе стрѣлки на разныхъ точкахъ земного шара можно объяснить допущеніемъ вліянія небольшого, но очень силь-

наго магнита, находящагося въ центрѣ земли. Они предполагали, что магнитъ этотъ стоитъ перпендикулярно къ плоскости магнитнаго экватора, а его продолженіе пересѣкаетъ поверхность земли въ двухъ діаметрально-противоположныхъ точкахъ, магнитныхъ полюсахъ, положеніе которыхъ хотя и было ими опредѣлено, но оказалось впослѣдствіи невѣрнымъ. По этой теоріи распредѣленіе, на земномъ шарѣ, линій одинаковаго наклоненія выходитъ очень правильнымъ: онѣ состоятъ въ такомъ же отношеніи къ магнитнымъ полюсамъ, какъ градусы широты къ полюсамъ астрономическимъ. Впрочемъ, оба изслѣдователя прибавляли, что нѣкоторыя мѣстныя причины, напр. присутствіе желѣзныхъ рудъ, въ особенности содержащихъ магнитъ, вліяетъ на наклоненія. Результатъ трудовъ Гумбольдта и Гэ-Люсеака привелъ ихъ къ положенію, что по мѣрѣ удаленія отъ полюсовъ наклоненіе стрѣлки постоянно уменьшается.

Съ ученіемъ о магнетизмѣ повторилось тоже, что мы видѣли выше, говоря о теплотѣ. Пока количество наблюденій было ограничено, казалось, что распредѣленіе ея на поверхности земли совершается довольно правильно; только съ умножившимися наблюденіями убѣдились въ противномъ. Въ ученіи объ магнетизмѣ дошли до этого гораздо скорѣе, такъ какъ наблюденія, толчекъ которымъ данъ былъ Гумбольдтомъ, слѣдовали, одно за другимъ, необыкновенно быстро. Уже въ 1819 г. Ганстеенъ доказалъ, что магнитный экваторъ вовсе не самый большой кругъ, а разнообразно извивающаяся, вблизи астрономическаго экватора, кривая линія и что неправильности эти повторяются и въ остальныхъ изоклинахъ. Ганстеенъ, знавшій уже и вѣковыя измѣненія наклоненія, предположилъ существованіе въ землѣ, съ цѣлью объясненія наклоненія, двухъ магнитовъ, слѣд. допустилъ 4 полюса, чтó сдѣлано было уже до него Галлеемъ для объясненія явленій уклоненій. Одинъ изъ южныхъ полюсовъ онъ пріурочилъ южнѣе Новой Голландіи, другой — нѣсколько южнѣе Америки; одинъ изъ сѣверныхъ полюсовъ онъ помѣстилъ въ Сѣверной Америкѣ, другой — въ Сибири. При этомъ онъ предположилъ, что оба сѣверные полюса двигаются по направленію отъ запада къ востоку; оба южные—наоборотъ, отъ востока къ западу, но всѣ четыре—съ неравномѣрною скоростью.

Въ началѣ текущаго столѣтія опредѣленія напряженности земного магнетизма были еще неудовлетворительнѣе, чѣмъ наблюденія надъ наклоненіями, такъ какъ тогда не имѣли никакихъ доказательствъ, постоянна ли эта напряженность подъ разными широтами, или нѣтъ; наблюденія Ламанона, спутника Лаперуза, въ которыхъ можно было бы найти матеріалы для отвѣта по-

этому вопросу, были потеряны, такъ, что и тутъ труды Гумбольдта открываютъ новую эру въ этой отрасли физики. Онъ впервые доказалъ фактически, что напряженность земного магнетизма подвержена измѣненіямъ подъ различными магнетическими широтами; что она, по мѣрѣ приближенія къ экватору уменьшается, такъ какъ время, необходимое для совершенія одного колебанія, одною и тою стрѣлкой, увеличивается по мѣрѣ уменьшенія разстоянія отъ этой кривой. Почти во всѣхъ послѣдующихъ наблюденіяхъ объ этомъ вопросѣ изслѣдователи приняли силу, съ которой дѣйствуетъ магнетизмъ у экватора въ Перу, опредѣленную тамъ Гумбольдтомъ, за единицу, съ которою сравнивались (и сравниваются большею частью еще теперь) всѣ напряженности магнетизма на земномъ шарѣ, и она легла въ основаніе при составленіи всѣхъ картъ напряженности земного магнетизма.

Кромѣ суточнаго колебанія магнитной стрѣлки въ горизонтальномъ направленіи, Гумбольдтъ, во время своего путешествія въ Италію (въ 1805 г.), открылъ еще новое, совершающееся въ болѣе узкихъ предѣлахъ и продолжающееся не такъ долго какъ первое. Извѣстно, что сѣверный полюсъ стрѣлки, въ нашихъ мѣстностяхъ, направляется, съ 6 часовъ утра до часу или двухъ по полудни, на западъ, а позднѣе движется, до полуночи, на востокъ; затѣмъ опять возвращается и въ 6 ч. утра показываетъ опять болѣе къ востоку, чѣмъ въ полночь. Это послѣднее движеніе составляетъ исключительное открытіе Гумбольдта; прежде полагали, что стрѣлка съ полудня до слѣдующаго утра постоянно движется къ востоку.

Оставимъ теперь область физики и перейдемъ къ землеописанію, успѣхамъ котораго такъ много послужилъ Гумбольдтъ.

XII.

Слѣдя за очертаніями линій, разграничивающихъ материки и океаны, легко убѣдиться, что первые оканчиваются къ югу острыми оконечностями, все болѣе и болѣе расширяясь къ сѣверу. Фактъ этотъ, замѣченный уже Бэкономъ веруламскимъ, былъ впослѣдствіи ближе изслѣдованъ Рейнгольдомъ Форстеромъ, обратившимъ, кромѣ того, еще вниманіе на то обстоятельство, что на западѣ материковъ находится всегда болѣе или менѣе значительная бухта. Онъ полагалъ, что общую причину этого поразительнаго однообразія слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельствѣ, что материки подверглись, во время оно, сильному на-

водненію съ юго-запада. Напоромъ волнъ, утверждалъ Форстеръ, прежде существовавшій материкъ былъ частью смытъ, но на восточномъ берегу сохранившейся части его осталось нѣсколько островов, а на западномъ — вырыта была губа. Въ эпоху систематики, изощрявшейся въ томъ, чтобы каждое явленіе природы помѣстить въ рамки, придуманныя для всѣхъ отраслей, горы тоже не избѣгли общей участи предметовъ естествовѣдѣнія. Бюашъ (Buache), пытаясь ввести научную стройность въ распредѣленіи горъ, утверждалъ (въ 1752), что они распространяются лучеобразно, изъ нѣсколькихъ точекъ земного шара. Тамъ, гдѣ лучи эти встрѣчаются между собою, образуются хрящи горъ, которые, конечно, усиливаются, смотря по числу пересѣкающихся вѣтвей. Принимая горы за возвышенія почвы надъ поверхностью земли, тѣ изъ нихъ, которыя покрыты водою, будутъ представлять лучеобразно распространяющіяся отмели, самыя возвышенныя точки которыхъ могутъ подыматься надъ уровнемъ воды въ видѣ острововъ. Выходя изъ этого положенія Бюашъ раздѣлилъ всю поверхность земного шара, покрытую и непокрытую водой, на извѣстное число полей, разграниченныхъ хребтами горъ, лучеобразно распредѣляющихся изъ отдѣльныхъ точекъ. Эти горныя цѣпи соединяли, по его мнѣнію, Южную Америку съ Гвинеей, Сѣверную Америку съ Атласомъ и черезъ Ньюфоундландъ съ Англіей и т. д. Въ Европѣ онъ принималъ два узла горъ — Швейцарскій, и другой — у истоковъ Волги и Дона!! Послѣдняго обстоятельства, для русскаго читателя, достаточно, чтобы доказать, что вся теорія Бюаша основана была на спекулятивныхъ соображеніяхъ, несоотвѣтствовавшихъ наблюденіямъ и дѣйствительности. Тотъ же промахъ оказался и въ Сѣверной Америкѣ: тамъ, гдѣ долженъ былъ, по мнѣнію Бюаша, находиться главный узелъ горъ этой части свѣта—открыты впослѣдствіи Канадскія озера!

Бюффонъ выходилъ изъ другого предположенія насчетъ распредѣленія неровностей на земномъ шарѣ. Онъ искалъ извѣстнаго соотношенія между ними и меридіанами и параллельными кругами, склоняясь къ мнѣнію, что горы представляютъ такую же сѣть, какъ эти вспомогательные условные знаки на нашихъ картахъ.

Естественно, что Гумбольдтъ, испытавъ вліяніе этихъ теорій, неопровerженныхъ еще наблюденіями, смотрѣлъ, въ первое время своего американскаго путешествія, глазами своихъ предшественниковъ; такъ, въ его Geognostische Skizze von Süd-Amerika, онъ подтверждаетъ теорію Форстера, принимая, что вода, направляясь между Америкой и Африкой отъ юга къ сѣверу,

проложила себѣ путь черезъ горы Бразиліи къ Гвинеѣ (къ сѣверо-востоку), вырывъ Гвинейскій заливъ; затѣмъ, встрѣтивъ преграду въ верхней Гвинеѣ, отхлынувъ къ американскому берегу, вырыла Мексиканскій заливъ, и затѣмъ, направляясь на сѣверо-востокъ, разлилась безпрепятственно на сѣверѣ. И подтвержденіе теоріи Бюффона было тоже найдено Гумбольдтомъ въ направленіи Кордилльеровъ, идущихъ вдоль меридіановъ, и т. д. Въ позднѣйшихъ трудахъ его нѣтъ и рѣчи объ этихъ отвлеченныхъ теоріяхъ.

До путешествія Гумбольдта и Бонплана въ Южную Америку, страна эта была въ настоящемъ смыслѣ terra incognita. Состоя подъ властію Испаніи и Португаліи, ревниво оберегавшихъ ее, она была совершенно недоступна изслѣдованіямъ ученыхъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія, впрочемъ весьма скудныя и ложныя, проникали, благодаря экспедиціямъ, отыскивавшимъ сказочную страну Эльдорадо, богатые города Амазоновъ, и другія будто бы золотомъ обилующія мѣстности. Въ началѣ XVIII-го вѣка, чрезмѣрно усилившіеся морскіе разбои вынудили Испанію разрѣшить французскимъ крейсерамъ охотиться на флибустьеровъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась Франція и въ интересѣ науки, отправивши съ своими фрегатами и нѣсколько ученыхъ. Имъ-то наука обязана, въ особенности Луи Фейлье (Feuillée), первыми астрономическими опредѣленіями нѣкоторыхъ мѣстностей. Впослѣдствіи англичане, въ особенности Кукъ, увеличили число ихъ. Но всѣ эти наблюденія сдѣланы были только у береговъ; внутренность страны оставалась почти совершенно неизслѣдованною. Кромѣ политическихъ причинъ, мѣшавшихъ научнымъ изслѣдованіямъ, играли не послѣднюю роль и ложно понятые меркантильные предразсудки. Такъ, съ цѣлью помѣшать контрабандѣ между испанскими и португальскими колоніями, Испанія строго запретила своимъ подданнымъ дѣлать открытія по направленію къ Бразиліи, за Санта-Круцъ де ля Сіерра, вслѣдствіе чего цѣлая полоса, шириною въ 300 миль, обречена была оставаться незаселенною пустыней! Португальцы, воспользовавшись этимъ запретомъ, захватили все это пространство въ свои руки. Тогда испанцы, видя цѣль свою недостигнутою, рѣшились (въ 1751 г.) образовать смѣшанную коммиссію для проведенія границъ. Они, несмотря на сопротивленіе португальцевъ, измѣрили Парагвай съ сопредѣльными странами, на пространствѣ 420 миль отъ сѣвера къ югу, и на 200 м. отъ востока къ западу. Въ теченіи 10-ти лѣтъ (съ 1735—1745) французскіе академики: Ла-Кондаминъ, Буге и Годэнъ, вмѣстѣ съ испанцами: Донъ-Джорге-Джуанъ и Донъ-Антоніо Уллоа зани-

мались знаменитымъ измѣреніемъ длины градуса въ Перу. Вскорѣ затѣмъ (въ 1754) отправлена была новая, для исправленія пограничной линіи, коммиссія, которой было тоже поручено изслѣдовать верхній Ореноко, Ріо-Мета, подъ главнымъ начальствомъ Донъ Джозе Итурріяга. Но экспедиція эта, благодаря гнуснымъ проискамъ отцовъ іезуитовъ, погибла. Изъ 325 человѣкъ, ее составлявшихъ, остались, благодаря имъ, въ живыхъ только 13-ть! Солана, одинъ изъ главныхъ участниковъ ея, спасшихся отъ голодной смерти, уготованной экспедиціи благородными патерами, уцѣлѣлъ только потому, что догадался питаться жареными червями и встрѣтилъ помощь и сочувствіе туземныхъ дикарей, выручившихъ его отъ ковъ, разставленныхъ ему, такъ-называемыми, послѣдователями Христа. Одновременно почти съ этимъ несчастнымъ мученикомъ науки, Донъ Франциско Реквена занимался изслѣдованіями въ Санта-Фэ и Гваякилѣ, и составилъ карту послѣдней. Кромѣ того онъ изслѣдовалъ протекающія въ нихъ рѣки, впадающія въ Амазонскую. Вотъ итогъ научныхъ свѣдѣній объ испанской Америкѣ до путешествія Гумбольдта! Предшественники его оставили ему богатую почву для разработки — 15,400 квадр. миль была арена, на которой онъ могъ подвизаться. До него никто въ Европѣ не зналъ ни направленія береговыхъ Кордильеровъ въ Венезуелѣ, ни слышалъ что-нибудь о Кордилліерѣ Парима, и, за исключеніемъ Квито, внутри всей Южной Америки не было ни одного мѣста, опредѣленнаго астрономически. Гумбольдтъ сдѣлалъ болѣе 700 опредѣленій высотъ, долготъ и широтъ; уже одна эта заслуга равняется почти всей совокупности научныхъ трудовъ его предшественниковъ. Его, по праву, можно назвать вторымъ Колумбомъ. Если послѣдній открылъ берега Америки, то Гумбольдтъ познакомилъ ученый міръ съ большею частью материка этой части свѣта.

Труды его по этому предмету изложены, кромѣ названной выше монографіи, въ физическомъ журналѣ «Де-Ла-Метри» (1801), въ Relation historique, въ Atlas géographique et physique, и въ атласѣ къ сочиненію о Новой Испаніи. Здѣсь помѣщены не только мѣстности, лично изслѣдованныя Гумбольдтомъ, но и всѣ картографическіе труды его предшественниковъ, найденные имъ въ архивахъ мексиканскихъ и испанскихъ, такъ, что они представляютъ сводъ всѣхъ свѣдѣній о внутренней части Южной Америки и Мексики, извѣстныхъ и существовавшихъ въ эпоху ихъ появленія. Въ географическихъ трудахъ своихъ Гумбольдтъ не ограничился опредѣленіями широты и долготы мѣстъ, но не упустилъ изъ виду и опредѣленіе высотъ ихъ надъ поверх-

ностью моря. Если бы онъ удовольствовался только первой половиной задачи, то въ результатѣ мы получили бы, изъ соединенія множества опредѣленныхъ имъ мѣстъ, только общее очертаніе страны и взаимное отношеніе ихъ между собою, словомъ, то, чтó мы привыкли называть ландкартою или дорожною, почтовою картою. Для научныхъ цѣлей подобная карта не имѣетъ особенной цѣны, и потому мы видимъ на лучшихъ изъ нихъ означенными, особыми условными знаками, горы, лѣса, болота и т. п. Но только т.-н. рельефныя карты удовлетворяютъ научнымъ цѣлямъ, знакомя насъ съ конфигураціей страны, но составленіе ихъ требуетъ гораздо болѣе детальныхъ свѣдѣній, чѣмъ обыкновенная карта, такъ какъ въ послѣдней, если мы встрѣчаемъ какую-нибудь полосу неизслѣдованною, мы, просто, можемъ оставить соотвѣтствующее ей на картѣ мѣсто незаполненнымъ, между тѣмъ какъ на рельефной картѣ это невозможно. Несмотря на путешествія Гумбольдта и Бонплана, и ихъ преемниковъ, 40 лѣтъ тому назадъ невозможно было составить вѣрную рельефную карту Южной Америки, и потому онъ ограничился составленіемъ профилей изслѣдованныхъ имъ мѣстностей. Выбравъ извѣстное направленіе въ странѣ онъ наносилъ, въ соотвѣтствующихъ даннымъ мѣстностямъ точкахъ, высоты ихъ надъ уровнемъ моря. Въ указанныхъ выше сочиненіяхъ мы находимъ, на приложенныхъ къ нимъ атласахъ, огромное количество такихъ профилей, восполняющихъ, до нѣкоторой степени, неполноту картъ, и приближающихъ ихъ отчасти къ рельефнымъ картамъ, такъ какъ кромѣ ландкартъ, знакомящихъ насъ съ горизонтальнымъ протяженіемъ страны, мы получаемъ еще, при посредствѣ профилей, понятіе и о вертикальномъ ихъ очертаніи и протяженіи. Благодаря почину Гумбольдта, съ тѣхъ поръ появилось много хорошихъ профильныхъ картъ, напр. карта Кавказа — Паррота и Энгельгардта; швейцарскихъ Альпъ и Карпатовъ—Валеньберга; Германіи — Шюблера; карта Франціи — фонъ Эйнгаузена и Дехена.

Необыкновенно важна монографія Гумбольдта: Esquise d'un tableau géognostique de l'Amérique méridionale au nord de la rivière des Amazones et à l'ést du méridien de la Sierra-Nevada de Merida. Она посвящена изслѣдованію горъ Южной Америки, вопросу необыкновенно важному въ этой части свѣта, такъ какъ изъ 571,000 кв. миль, составляющихъ ее, четверть покрыта горами. На разстояніи 300 миль отъ океана они поднимаются исподоволь отъ 30—470 туазовъ надъ поверхностью моря. Самый значительный хребетъ Южной Америки направляется въ длину ея, отъ юга къ сѣверу, и притомъ онъ не находится

въ центрѣ страны, какъ Альпы, и не на такъ значительномъ разстояніи отъ береговъ, какъ Гималая и Гинду-Ку, но тянется вдоль западнаго берега материка не въ далекомъ отъ берега Тихаго океана разстояніи.

Кромѣ богатыхъ матеріаловъ, собранныхъ Гумбольдтомъ для орографіи Южной Америки, впервые познакомившихъ науку съ очертаніями этой части свѣта, и связанныхъ съ ними изслѣдованій о направленіяхъ водъ на землѣ, онъ оставилъ намъ труды, касающіеся теченій морскихъ. Воды океана не отличаются тѣмъ покоемъ какъ воды озеръ. Они находятся въ постоянномъ движеніи; по громаднымъ русламъ, вырытымъ водою на днѣ его, текутъ огромныя рѣки. Такъ какъ различные градусы широты, вслѣдствіе различнаго положенія своего относительно солнца, нагрѣваются имъ неодинаково, то естественно, что температура морей тропическихъ выше температуры морей, находящихся подъ другими градусами широты. Естественно, что въ тѣхъ широтахъ, гдѣ вода, вслѣдствіе вліянія высшей температуры, сильнѣе испаряется, тамъ и уровень ея понижается болѣе нежели въ смежныхъ моряхъ, лежащихъ въ широтахъ не такъ теплыхъ. Но такъ какъ различныя части океана находятся между собою въ сообщеніи, то оказывается, по закону равновѣсія въ сообщающихся сосудахъ, совершенно невозможнымъ, чтобы одна часть его стояла выше другой. Необходимымъ послѣдствіемъ этой невозможности является теченіе воды изъ болѣе холодныхъ широтъ къ экватору, восполняющее образующійся тамъ недостатокъ ея вслѣдствіе испаренія. Точно также какъ въ пассатныхъ вѣтрахъ воздухъ, на пути отъ полюсовъ къ экватору, принимаетъ все болѣе и болѣе западное направленіе, такое же явленіе повторяется и съ водою морскою. По мѣрѣ приближенія къ экватору теченіе принимаетъ все болѣе западное направленіе, а у самаго экватора мы видимъ, какъ въ Атлантическомъ такъ и въ Тихомъ океанѣ, что теченіе направляется отъ востока къ западу. Для восполненія постояннаго дефицита, происходящаго отъ испаренія, вода должна необходимо направляться, на западныхъ берегахъ материковъ, съ юга и съ сѣвера отъ экватора, къ этому послѣднему. Если бы на нашей планетѣ не было материка, то естественнымъ слѣдствіемъ этого закона было бы явленіе, что у экватора образовалось бы теченіе, направлявшееся вдоль его, кругомъ шара нашей планеты; а съ высшихъ широтъ вода бы притекала для восполненія потерянной океаномъ у экватора въ видѣ испаренія и возстановленія равновѣсія. Въ дѣйствительности мы не видимъ этого явленія потому, что материки Стараго и Новаго Свѣта, легшіе поперегъ этихъ теченій, мѣшая имъ

слѣдовать по пути, указанному физическимъ закономъ равновѣсія жидкостей, вынуждаютъ эти теченія, по достиженіи ими высшихъ широтъ, измѣнять направленіе.

Излишне доказывать, какую важную роль играютъ морскія теченія въ мореплаваніи. Изъ рѣчного судоходства каждому уже извѣстно, какая громадная разница между движеніемъ судна внизъ и вверхъ по теченію. Кромѣ того, мореплаватель, попавъ посреди теченія, о существованіи котораго онъ не подозрѣвалъ, уносится имъ въ мѣстности, удаленныя, а часто противоположныя тѣмъ, которыя достичь онъ имѣлъ въ виду. Послѣ этого становится понятнымъ, что не только моряки, но и человѣчество вообще, обязано считать въ числѣ своихъ благодѣтелей сѣвероамериканскаго капитана Мори (Maury), котораго научныя изслѣдованія морскихъ теченій [1]) возвели эту часть мореплаванія на степень точной науки. Ученый этотъ приписываетъ большое значеніе, при объясненіи происхожденія теченій, и разнообразному содержанію солей въ разныхъ моряхъ.

Для изслѣдованія морскихъ теченій употребляются различныя средства. Употребляемое на рѣкахъ, посредствомъ котораго сравниваются различныя положенія плывущаго по рѣкѣ предмета, наблюдаемаго съ твердой точки на берегу, изъ которой визируютъ его сперва вверху рѣки, а затѣмъ внизу, непримѣнимо на океанѣ, гдѣ нѣтъ для этого неподвижной точки, т.-е. берега. Недостатокъ этотъ замѣняется изслѣдованіемъ уклоненія положенія корабля (движеніе котораго опредѣляется бѣгомѣромъ), отъ дѣйствительнаго, найденнаго путемъ астрономическаго вычисленія. Затѣмъ бросаютъ въ океанъ, въ запечатанныхъ бутылкахъ, ярлыки, съ надписью, обозначающею число мѣсяца и мѣсто корабля, ихъ выкинувшаго. Если бутылки эти будутъ вынуты изъ воды какимъ-нибудь другимъ судномъ, то по мѣсту, въ которомъ онѣ найдены и по-времени, протекшему со дня и часа ихъ опущенія въ море, можно легко вычислить скорость движенія бутылки. Направленіе теченія указывается и морскими растеніями: ихъ продольная ось направлена всегда по направленію теченія. Для опредѣленія границъ его служитъ термометръ: вода, текущая отъ экватора всегда теплѣе воды, текущей отъ полюсовъ.

Во время своихъ путешествій по Атлантическому океану и Антильскому морю, Гумбольдтъ, познакомившись съ ихъ теченіями, оставилъ намъ, въ первомъ томѣ своего Relation historique, цѣлую монографію объ нихъ. Изслѣдуя Тихій океанъ у береговъ Перу, онъ открылъ тамъ теченіе, направляющееся отъ

[1]) Explorations and sailing directions to accompany the wind and current chart.

южнаго полюса къ экватору, и получившее впослѣдствіи, въ честь его, названіе Гумбольдтова.

Между задачами, поставленными на очередь современной географіей, и соединяющими въ себѣ одновременно научный и практическій интересъ, занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ открытіе новыхъ или возобновленіе старыхъ путей сообщенія. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ перемѣщаться, извѣстно уже, что изъ двухъ путей, водяного и сухопутнаго, преимущество остается за первымъ. Этимъ объясняется и историческій фактъ, непредставляющій почти исключенія, что всѣ торговые народы древняго и новаго міра были островитяне, или жители побережій. При современномъ распредѣленіи материковъ и водъ, на обитаемой части земного шара мы имѣемъ три большіе міровые пути, океаны: Атлантическій, Великій и Индѣйскій. До открытія Америки древніе историческіе народы знали, кромѣ Атлантической системы, извѣстной имъ впрочемъ далеко не полно, еще другую, Индѣйскую. Стремленіе открыть водяной путь изъ одной въ другую повело къ открытію пути вокругъ мыса Доброй Надежды, затѣмъ — къ открытію Америки, а въ окончательномъ результатѣ—къ открытію Южнаго океана. Сообщенія между этими тремя системами, образованныя природою, далеко не вездѣ одинаково развиты. Самое благопріятное существуетъ между системами Индѣйскаго и Великаго океана; оба они представляютъ два сообщенія: одно неподалеку отъ экватора, близъ Индѣйскаго архипелага; другое—въ умѣренномъ поясѣ, южнѣе Новой Голландіи, находясь не въ значительныхъ широтахъ, и въ сравнительно не бурномъ морѣ, представляетъ извѣстныя удобства для мореплавателя. Гораздо неудобнѣе сообщенія Атлантическаго океана, въ особенности сѣверныхъ частей его береговъ, т.-е. европейскихъ и сѣверо-американскихъ. Между Атлантическимъ и Индѣйскимъ океаномъ, равно какъ между послѣднимъ и Тихимъ, находятся два прохода, которые можно избрать путемъ сообщенія между ними, но одинъ изъ нихъ заставляетъ мореплавателя совершить путешествіе вокругъ цѣлой части свѣта, вокругъ Африки; другой же прерывается, между Азіей и Африкой, материкомъ. Между Атлантическимъ океаномъ и Тихимъ существуютъ, собственно говоря, четыре пути, но два изъ нихъ, черезъ сѣверное полярное море—сѣверо-восточный и сѣверо-западный проходъ—недоступны мореплаванію. Третій путь, вокругъ мыса Горна, или черезъ проливъ Магеллана, принуждаетъ мореплавателя совершить путешествіе еще большее, чѣмъ вокругъ мыса Доброй Надежды, да кромѣ того по морю весьма бурному у южной оконечности Америки, гдѣ дуетъ круглый годъ запад-

ный вѣтеръ. Подводные же камни Магелланова пролива дѣлають этотъ путь тоже очень опаснымъ. Послѣдній путь не представляетъ открытаго водяного сообщенія; онъ прерывается материкомъ.

Пока большая часть западнаго полушарія находилась подъ властью Испаніи, ревниво оберегавшей свое достояніе отъ всякаго соприкосновенія съ иностранцами; пока Китай и Японія не допускали никого въ свои предѣлы; пока, наконецъ, Новая Голландія оставалась ссылочнымъ мѣстомъ Англіи, до тѣхъ поръ, конечно, Великій океанъ былъ водяною пустынею, на которой появлялось ежегодно очень ограниченное число кораблей. Но обстоятельства теперь измѣнились, въ особенности со времени отпаденія испанскихъ колоній. Теперь только можно было задаться мыслію, — и честь ея перваго проявленія принадлежитъ Гумбольдту (въ Essai politique sur la Nouvelle Espagne),—исправить недостатокъ природы искусствомъ, посредствомъ проведенія канала между обоими океанами. Необходимость и важность этого предпріятія съ тѣхъ поръ увеличилась, въ особенности со времени открытія золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи и Австраліи. Хотя мысль Гумбольдта и не перешла до сихъ поръ въ область совершившагося факта; хотя до настоящаго времени отыскивается, въ низкихъ широтахъ Америки, самое удобное мѣсто для осуществленія ея, но Гумбольдтъ, болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ, указалъ девять пунктовъ, которые отличаются тѣмъ, что рѣки, текущія въ Атлантическій океанъ, въ этихъ мѣстахъ, приближаются значительно къ рѣкамъ изливающимся въ Тихій. Семь изъ этихъ пунктовъ, точно имъ обозначенныхъ на картѣ, находятся въ центральной Америкѣ; два—въ сѣверной. Изъ первой категоріи одинъ только пунктъ, именно — между Ріо-Атрато и Ріо-Санъ-Жуанъ — представляетъ удобство, что при проведеніи черезъ него канала нѣтъ надобности устроивать шлюзы, такъ значительно увеличивающіе издержки сооруженія и содержанія, проводя же каналы черезъ всѣ остальные пришлось бы прорѣзывать Кордилльеры, между тѣмъ какъ тутъ объ этомъ позаботилась сама природа. Мысль объ этомъ каналѣ занимала Гумбольдта почти всю его жизнь, со времени возвращенія его изъ американскаго путешествія, что доказывается его статьями объ этомъ предметѣ, опубликованными въ 1827, 1851, 1856 и 1857 годахъ. Въ нихъ онъ распространяется объ выгодахъ канала Атрато, ненуждающагося ни въ туннеляхъ, ни въ шлюзахъ. Онъ надѣялся, что когда планы и профили всѣхъ имъ обозначенныхъ мѣстностей, представляющихъ возможность для проведенія каналовъ, будутъ опубликованы, спеціалисты-ин-

женеры и общественное мнѣніе будутъ одинаково за осуществленіе указаннаго имъ канала Атрато. Къ этому же результату пришелъ и извѣстный мореплаватель, капитанъ Фицъ-Рой, который въ особомъ мемуарѣ о перешейкѣ центральной Америки утверждаетъ, что послѣ сравненія имъ всѣхъ предложенныхъ направленій соединить Тихій океанъ съ Атлантическимъ, онъ принужденъ высказаться въ пользу линіи Атрато-Купика для проведенія канала, и въ пользу линіи Панамской — для желѣзной дороги. Хотя вопросъ этотъ не рѣшенъ до сихъ поръ, но можно предполагать, что практическія изслѣдованія доведутъ до того, что направленіе, указанное Гумбольдтомъ, будетъ осуществлено въ дѣйствительности.

XIII.

Въ заключеніе, намъ остается разсмотрѣть еще одну сторону неутомимой и всесторонней дѣятельности Гумбольдта, которая была посвящена изученію человѣка не только въ отношеніи этнографическомъ, но соціальномъ и государственномъ. Въ его трехъ «Essais» встрѣчаемъ богатѣйшій матеріалъ данныхъ, касающихся ремеслъ, торговли, народонаселенія, національнаго богатства, драгоцѣнныхъ металловъ, словомъ, народнаго и государственнаго хозяйства, данныхъ, которыя сохранятъ всегда свое историческое значеніе для изслѣдователя посѣщенныхъ Гумбольдтомъ мѣстностей. Въ его «Relation historique» разсѣяны многочисленныя данныя насчетъ породъ, нравовъ, обычаевъ, особенностей жителей центральной Америки; еще больше встрѣчается ихъ въ его «Vues des Cordillères. Тутъ находимъ исторію краснокожихъ, насколько она возможна, до прибытія европейцевъ; здѣсь описаны древнѣйшія зданія ихъ, лѣтосчисленіе, государственное устройство и проч., сравненныя съ тѣми же сторонами жизни и дѣятельности другихъ народовъ, въ особенности азіатскихъ. Сравненія эти поражаютъ не только богатымъ научнымъ матеріаломъ автора; онѣ изложены, кромѣ того, увлекательно и читаются съ живымъ интересомъ, такъ, что нельзя не сожалѣть, что высокая цѣна этого труда (вслѣдствіе приложенныхъ къ нему рисунковъ) дѣлаетъ ихъ недоступными для большинства читающей публики. Мы постараемся, конечно только въ самыхъ общихъ чертахъ, дать понятіе, хотя весьма поверхностное, объ этихъ трудахъ Гумбольдта, и начнемъ съ трудовъ его о неграхъ.

На материкѣ Америки, въ испанскихъ колоніяхъ, число негровъ было весьма незначительно, но за то на Антильскихъ

островахъ мѣсто краснокожихъ, совершенно тамъ исчезнувшихъ, заняли негры, по преимуществу въ качествѣ невольниковъ, хотя между ними встрѣчались и свободные. По изслѣдованіямъ Гумбольдта, первые негры, числомъ не болѣе 300 человѣкъ, были переселены туда въ 1521 г. Португальцы гораздо болѣе старались объ этомъ переселеніи, чѣмъ испанцы. Во все продолженіе XVI-го столѣтія торговля неграми не была свободна, составляя завидную, мало соотвѣтствующую христіанскому ученію, привилегію, дававшуюся королевскою властью. Въ 1790 г. торговля эта была объявлена свободною; въ 1817 г. она была запрещена на сѣверъ отъ экватора, а въ 1820 г. — совершенно. По исчисленію Гумбольдта, число чернокожихъ, привезенныхъ съ 1670 по 1825 г. на Антильскіе острова, простиралось до 5-ти милліоновъ; а число жившихъ, въ этомъ послѣднемъ году, на всемъ Архипелагѣ не достигало и $2^1/_2$ милліоновъ. Сдѣлавъ подробное исчисленіе жителей по породамъ—бѣлыхъ, краснокожихъ, мулатовъ, негровъ, и потомъ по состояніямъ—свободныхъ и невольниковъ, на Кубѣ, Ямайкѣ, Антильскихъ островахъ, Сѣверо-американскихъ Штатахъ, Бразиліи, Гумбольдтъ пришелъ къ заключенію, что въ случаѣ борьбы между породами, на Кубѣ численное превосходство бѣлыхъ (46%, а съ мулатами и свободными неграми и краснокожими—64%) обезпечивало имъ вѣроятность побѣды, дѣлавшейся сомнительною въ другихъ указанныхъ выше странахъ, вслѣдствіе значительнаго въ нихъ преобладанія невольничьяго элемента. На Гайити, французской части С.-Доминго, въ 1788 г., т.-е. незадолго до возстанія невольниковъ, отношеніе между составными частями населенія было слѣдующее: 8% бѣлыхъ, 5% свободныхъ негровъ, 87% невольниковъ. Это-то ненормальное отношеніе и вызвало страшную катастрофу, со всѣми ужасными ея послѣдствіями, окончившуюся провозглашеніемъ независимости острова и образованіемъ свободныхъ негрскихъ государствъ. Таже печальная судьба ожидала и англійскія Антиллы, еслибы правительство англійское во время не догадалось предупредить ужасы возстанія дикихъ массъ освобожденіемъ ихъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что испанцы не такъ злоупотребляли своей рабовладѣльческой властью, какъ англичане и американцы южныхъ штатовъ, и что во владѣніяхъ первыхъ освобожденіе изъ рабства совершилось легче, нежели у послѣднихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Гумбольдтъ путешествовалъ по странамъ, гдѣ невольничество процвѣтало, прошло болѣе полувѣка и оно уже почти вездѣ въ нихъ исчезло; тѣмъ не менѣе интересно еще и теперь знать его отзывъ объ этомъ, сданномъ въ

архивъ исторіи, учрежденіи, такъ долго пятнавшемъ родъ человѣческій, не исключая и народовъ, принявшихъ христіанство. Я имѣлъ случай, говоритъ Гумбольдтъ, изучить бытъ невольниковъ, въ странахъ, гдѣ законы, религія, обычай, подали другъ другу руку для облегченія участи рабовъ; но несмотря на это я, при отъѣздѣ изъ Америки, проникнутъ такимъ же отвращеніемъ къ невольничеству, съ какимъ я оставилъ Европу. Напрасно, продолжаетъ онъ, остроумные писатели стараются маскировать жестокость этого учрежденія разными нѣжно-звучащими словами, напр. антильскіе крестьяне изъ негровъ, подданство черныхъ, патріархальная защита и т. п. Подобныя уловки оскорбляютъ только благородныя свойства духа и мысли, употребляя ихъ на защиту учрежденія, возмущающаго человѣческое чувство. Неужели мы можемъ успокоиться сравненіемъ положенія этихъ несчастныхъ съ положеніемъ крѣпостныхъ въ средніе вѣка, или на сѣверо-востокѣ Европы? Эти пошлыя сравненія, эта діалектика и горделивое неудовольствіе заинтересованныхъ, обнаруживаемое ими когда кто-либо осмѣлится выразить надежду на постепенное улучшеніе быта негровъ и смягченіе невольничества, суть въ XIX-мъ вѣкѣ безсильное оружіе. Великіе политическіе перевороты, совершившіеся на материкѣ Америки и на Антильскомъ архипелагѣ, съ начала текущаго столѣтія, дѣйствуютъ на идеи и образъ мыслей даже тѣхъ странъ, гдѣ невольничество еще существуетъ, и они не могутъ не вызвать въ нихъ перемѣны».

Гумбольдтъ желалъ измѣненія, или вѣрнѣе отмѣны, невольничества путемъ законодательства, отвергая совершенно пустыя фразы, что слѣдуетъ предоставить совершеніе этой реформы времени и вліянію цивилизаціи. Онъ говоритъ, что время окажетъ, конечно, свое вліяніе на рабовъ, но вмѣстѣ и на отношенія между обитателями островов и материка и на событія, руководить которыми не будетъ уже возможности, если упустить время въ апатической недѣятельности. Вездѣ, гдѣ невольничество существуетъ продолжительное время, успѣхи цивилизаціи оказываютъ гораздо менѣе вліянія на бытъ невольниковъ, чѣмъ сколько отъ нея ожидаютъ. Цивилизація рѣдко распространяется на огромное количество индивидумовъ; она не проникаетъ къ тѣмъ надсмотрщикамъ, которые находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ рабочими на сгонномъ мѣстѣ, или на фабрикахъ. Отдѣльныя улучшенія быта, затѣваемыя гуманными рабовладѣльцами, не только не достигаютъ цѣли, но даже опасны по контрасту съ положеніемъ большинства; для успѣха необходима общая мѣра, вмѣстѣ съ твердою волею мѣстныхъ властей и со-

дѣйствіемъ всего образованнаго общества поддерживать ее. Безъ этого повторилось бы явленіе, извѣстное намъ изъ римской исторіи, гдѣ рабовладѣніе существовало, со всѣми его ужасными и вредными послѣдствіями, рядомъ съ такъ прославленными успѣхами цивилизаціи и утонченностью нравовъ. Существованіе невольничества въ извѣстной странѣ есть, такъ сказать, постоянное обвиненіе противу цивилизаціи ея, соединенное съ постоянною же угрозою поглотить ее, когда ударитъ часъ мести.

И туземные обитатели Америки, индѣйцы, обратили на себя вниманіе Гумбольдта. Онъ нашелъ между разнообразнѣйшими родами ихъ замѣчательное сходство, указывающее на ихъ общее происхожденіе. Общія черты ихъ наружности можно обозначить слѣдующимъ очеркомъ: темная, мѣднаго цвѣта, кожа; гладкіе волоса, слабо развитая борода, небольшой ростъ, наружные углы глазъ приподнятые къ верху, къ сторонѣ висковъ; выдающіяся скулы, толстыя губы съ выраженіемъ доброты вокругъ ихъ, сильно контрастирующей съ дикостью взгляда. Для непривычнаго глаза европейца довольно трудно отличить между собою отдѣльныхъ индивидумовъ, хотя отдѣльные роды и представляютъ довольно характеристическіе признаки. Между тѣмъ, какъ цвѣтъ кожи бѣлаго зависитъ не столько отъ происхожденія, сколько отъ климата, вліяніе послѣдняго совершенно не существуетъ у туземныхъ американцевъ и негровъ. Между племенами Новаго Свѣта встрѣчаются такіе, которые, по цвѣту кожи, приближаются къ арабамъ или маврамъ. Въ лѣсахъ Гвіаны, въ особенности у истоковъ Ореноко, живутъ племена также бѣлые какъ местицы, хотя они никогда не скрещивались съ европейцами; кругомъ ихъ живетъ населеніе темнокожее. Обитатели плоской мексиканской возвышенности представляютъ гораздо болѣе темную кожу, чѣмъ жители Квито и Новой Гранады, несмотря на то, что они живутъ въ одинаковомъ климатѣ. Нагой индѣецъ имѣетъ такую же кожу, какъ и носящій платье; и части тѣла послѣдняго, покрытыя одеждой, вовсе не свѣтлѣе чѣмъ подверженные дѣйствію воздуха и солнца. Мнѣніе, распространенное Вольнеемъ, будто дѣти индѣйцевъ рождаются бѣлыми, и женщины, прикрывающія нижнія части живота, сохраняютъ ихъ тоже бѣлыми, Гумбольдтъ опровергаетъ, по крайней мѣрѣ касательно тѣхъ племенъ, которыя онъ изслѣдовалъ.

Отличаясь необыкновенною умѣренностью въ жизни, мексиканскіе индѣйцы достигаютъ престарѣлаго возраста, хотя довольно трудно составить себѣ, по наружности, почти всегда моложавой, настоящее понятіе объ ихъ лѣтахъ. Они же сами никогда почти не знаютъ своего возраста, а церковныя книги дѣ-

лаются, въ теченіе какихъ-нибудь 20 — 30 лѣтъ, добычей термитовъ. Волоса ихъ сѣдѣютъ очень рѣдко, отсутствіе бороды придаетъ наружности ихъ моложавость, кожа не покрывается морщинами; мышцы сохраняютъ свои силы до столѣтняго возраста. Калѣки попадались Гумбольдту необыкновенно рѣдко, точно также какъ горбатые. Зобъ, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ онъ распространенъ, между индѣйцами не встрѣчается; между метисами — весьма рѣдко.

Несмотря на существенное различіе корней, американскіе языки, на всемъ протяженіи отъ земли, населенной эскимосами до Магелланова пролива, развитые и совершенно неразвитые, представляютъ одну и ту физіогномію, изъ чего можно заключить если не о общности ихъ происхожденія, то по крайней мѣрѣ объ аналогіи умственныхъ способностей этихъ народовъ. Языки эти отличаются множествомъ временъ и формъ глаголовъ, разнообразными окончаніями которыхъ опредѣляются многообразныя отношенія между подлежащимъ и сказуемымъ, выражающія тоже, одушевлено ли оно или нѣтъ; мужескаго ли оно или женскаго рода; въ единственномъ ли или множественномъ числѣ. Вслѣдствіе этого американскіе языки, неимѣющіе между собою ни одного общаго слова, все-таки сходны между собою и отличаются рѣзко отъ происходящихъ отъ языка латинскаго. Замѣчательно также распредѣленіе словъ въ періодѣ американской рѣчи: вначалѣ помѣщается падежъ, зависящій отъ глагола; за нимъ слѣдуетъ глаголъ, и наконецъ—личное мѣстоименіе. Предметъ, на который обращается преимущественное вниманіе въ рѣчи, ставится впереди. Не имѣя возможности слѣдить за филологическими наблюденіями Гумбольдта надъ американскими языками, мы ограничимся замѣчаніемъ его, что изъ языковъ европейскихъ представляетъ съ ними наибольшее сходство языкъ басковъ.

Происхожденіе, число туземцевъ, ихъ древнѣйшая исторія, переселенія, образъ правленія, культура, — всѣ эти вопросы занимали Гумбольдта, собравшаго для нихъ богатые матеріалы. Спокойствіе мексиканскаго индѣйца, замѣчаетъ онъ, говоря о характерѣ этого племени, представляетъ разительный контрастъ съ живымъ негромъ; индѣецъ серьезенъ, меланхоличенъ, молчаливъ — пока спиртные напитки не довели его до противоположной крайности. Серьезность эта поражаетъ болѣе всего въ дѣтяхъ. Четырехъ и пятилѣтніе индѣйцы гораздо развитѣе и смышленнѣе своихъ бѣлокожихъ сверстниковъ. Мексиканецъ придаетъ каждому своему, даже самому незначительному дѣйствію, извѣстную таинственность; самыя сильныя страсти не отпечатлѣ-

ваются на лицѣ его. Поэтому, для непривычнаго есть что-то ужасающее въ этомъ внезапномъ переходѣ индѣйца изъ совершеннаго покоя къ необузданному дѣйствію. Подобно всѣмъ народамъ, долгое время страдавшимъ подъ гнетомъ духовнаго или свѣтскаго деспотизма, американскіе туземцы съ необыкновенною цѣпкостію привязаны къ своимъ обычаямъ, нравамъ, мнѣніямъ, предразсудкамъ, такъ что даже введеніе христіанства не оказало на нихъ особеннаго вліянія, замѣнивъ только обряды культа, проливавшаго кровь, символами болѣе гуманной религіи. Мексиканцы, какъ и всѣ угнетенные, полуразвитые народы, съ перемѣною поработителей мѣняли только имена своихъ боговъ, сами же почти не измѣнялись. Нѣкоторыя аналогіи, представляемыя древне-мексиканскою миѳологіей и христіанскимъ ученіемъ, служили средствомъ для представителей послѣдняго обратить туземцевъ на лоно единственно-спасающей души религіи. Такъ, напр., священный орелъ ацтековъ преобразился въ святого духа христіанъ. Извѣстно, что уже Кортецъ умѣлъ ловко воспользоваться, для своихъ цѣлей порабощенія, разными мексиканскими сагами. Сами почтенные проповѣдники ученія Христа старались смѣшать индѣйскія преданія съ христіанскими идеями, увѣряя туземцевъ, что слѣды евангелія находятся и въ ихъ первобытныхъ вѣрованіяхъ. Слѣдствіемъ этой религіозной политики было легкое принятіе послѣдними новаго ученія, но ей же обязано оно и непрочностью его. Вмѣсто нравственныхъ началъ христіанства къ покореннымъ народамъ Америки была привита только внѣшняя, обрядовая сторона его, отъ которой прозелиты ровно ничего не выиграли.

Въ эпоху завоеванія, испанцы застали туземное населеніе въ состояніи соціальнаго разложенія и бѣдности, постоянныхъ спутниковъ деспотизма и феодальнаго произвола. Императоръ, князья, дворянство, духовенство владѣли самыми плодородными землями; начальники провинцій угнетали безотвѣтно народъ. Дороги покрыты были нищими. Въ продолженіе XVI и XVII столѣтій положеніе рабочаго люда еще ухудшилось. Крестьянъ обратили силою въ рудокоповъ и въ вьючную скотину, на своихъ плечахъ таскавшую тяжести испанскихъ солдатъ, отнявъ, кромѣ того, отъ нихъ движимую и недвижимую собственность. Семьи побѣдителей — conquistadores — получили въ ленъ ихъ земли, а несчастные индѣйцы приписаны были къ землѣ. Только въ XVIII-мъ в., когда большая часть этихъ семействъ завоевателей вымерла, положеніе завоеванныхъ нѣсколько улучшилось, въ особенности съ уничтоженіемъ т.-н. repartimentos, учрежденія, по которому каждый испанскій сатрапъ, по временамъ,

предписывалъ своимъ подвластнымъ пріобрѣтать, по имъ самимъ назначенной цѣнѣ, разные имъ ненужные товары, — будь это даже принадлежности туалетныя, въ которыхъ полунагіе индѣйцы не чувствовали, конечно, особенной потребности. Послѣдствіемъ этого порядка вещей были: крайняя нищета туземцевъ, апатичность ихъ къ улучшенію своего матеріальнаго быта, безпечность, которыя еще во время путешествія Гумбольдта были отличительными признаками большинства туземнаго населенія, за очень немногими исключеніями.

Старанія Гумбольдта, какъ и большей части его преемниковъ, изслѣдовать состояніе древней цивилизаціи туземцевъ, не могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, главнымъ образомъ потому, что источники, ее касавшіеся, совершенно почти истреблены. Епископъ Цумарага, изъ францисканскаго ордена, въ своемъ рвеніи распространить христіанское ученіе, не нашелъ лучшаго средства для этого, какъ истребить все, что касалось исторіи, древностей и богослуженія туземцевъ. Почтенный пастырь мнилъ этой варварской мѣрой истребить, въ средѣ своихъ духовныхъ овецъ, всякое воспоминаніе о ихъ прошедшемъ! Но не всѣ древнія мексиканскія сокровища попались въ его руки; часть ихъ сохранилась. Съ цѣлью собрать ихъ, миланецъ Ботурини Бенадуччи предпринялъ, въ прошедшемъ столѣтіи, путешествіе въ Америку. Подозрительное правительство, арестовавъ его, отняло у него все собранное имъ, а самого препроводило, «какъ политическаго преступника», въ Испанію. Правда, король призналъ его «невиннымъ», приказалъ освободить, но собранія его не были ему возвращены. Вѣроятно, вслѣдствіе отеческой заботливости правительства о благѣ имъ опекаемыхъ подданныхъ, оно не имѣло достаточно досуга даже сохранить собранное трудами и издержками Бенадуччи. Во время путешествія Гумбольдта, $^7/_8$ этого драгоцѣннаго собранія исчезло, вслѣдствіе тайно-полицейскихъ хлопотъ чадолюбиваго правительства, поглощавшихъ его время и дѣятельность.

Между средствами, оказывающими огромное вліяніе на культуру народа, занимаетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ способъ, при посредствѣ котораго онъ передаетъ, чувственными знаками, свои мысли, другими словами—его письмена. Хотя учебники и гласятъ, что они были изобрѣтены финикійцемъ Таутомъ, но естественнѣе предполагать, что онъ только усовершенствовалъ уже существовавшія письмена, или вѣрнѣе—знаки письменнаго сообщенія. Соображая средства, при посредствѣ которыхъ человѣкъ можетъ передавать другому извѣстія о какомъ-нибудь со-

бытіи, нельзя не согласиться, что первымъ и самымъ естественнымъ изъ нихъ есть—наглядное изображеніе событія. Представляя двухъ борющихся людей, объятый пламенемъ домъ и т. п., каждый, смотрящій на эти изображенія, сейчасъ пойметъ, что тутъ идетъ дѣло о борьбѣ, пожарѣ и проч. При посредствѣ подобныхъ изображеній можно представить цѣлое событіе, хотя нѣтъ особенной надобности изображать его въ строгой послѣдовательности, со всѣми мелкими промежутками, какъ это мы видимъ и теперь еще на сценѣ, гдѣ дополненіе и связь недосказаннаго предоставляется догадливости и соображенію зрителя. Такъ какъ не каждый обладаетъ качествами живописца, имѣющаго возможность, съ большей или меньшей вѣрностью, воспроизводить предметы природы, то понятно, что при распространеніи этой методы нагляднаго изображенія, люди условились избрать нѣкоторые чертежи, долженствовавшіе представлять то или другое. Таково было, какъ извѣстно, происхожденіе іероглифовъ. Мы знаемъ теперь, напримѣръ, что пирамида обозначаетъ городъ Мемфисъ. Изобразивши возлѣ нея очертанія человѣка, и между ними—эскизъ ногъ, древніе обозначали этимъ, что человѣкъ долженъ былъ отправляться въ путь; направленіемъ ногъ, по направленію къ пирамидѣ, или въ противоположномъ, обозначалось, что онъ шелъ въ Мемфисъ, или возвращался оттуда. Для обозначенія особеннаго достоинства шествующаго давали ему въ руку палку, играющую, какъ видно, искони почетную роль въ исторіи человѣчества; если же это былъ простой смертный—на его рукахъ виднѣлись цѣпи. При посредствѣ такихъ наглядныхъ, для всѣхъ понятныхъ, аттрибутовъ, ошибка была бы невозможна не только въ Египтѣ фараоновъ, но даже и въ Европѣ XIX-го столѣтія.

Естественно, что на такихъ изображеніяхъ умъ человѣческій не могъ остановиться. Идя далѣе, онъ пріурочилъ извѣстныя понятія къ извѣстнымъ наружнымъ знакамъ. Возвращаясь къ приведенному выше примѣру, заимствованному изъ египетскихъ іероглифовъ, можно было бы, согласившись предварительно, обозначить вертикальною чертою человѣка, горизонтальною—Мемфисъ, а наклонною—смотря по наклоненію ея—направленіе его въ этотъ городъ, или изъ этого города. Цифры наши, такъ-называемые арабскіе ариѳметическіе знаки, суть такого рода азбука. Вмѣсто, напримѣръ, девяти чертъ или точекъ, мы обозначаемъ число девять условнымъ знакомъ 9. Имѣя ключъ къ такой азбукѣ, можно, при извѣстной группировкѣ этихъ знаковъ, выражать ими разныя второстепенныя понятія. Наша де-

сятичная система есть раціональное развитіе этой методы изображенія условными знаками, извѣстная каждому. Извѣстно, что у китайцевъ существуетъ около 80,000 различныхъ знаковъ, которые, при посредствѣ 214 ключей, удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ ихъ языка. Такъ какъ не каждый китаецъ изучаетъ всѣ 214 ключей, то не каждый гражданинъ царства Средины можетъ читать всѣ китайскія рукописи. Такъ, напр., сапожникъ, знающій ключъ къ письменамъ своего ремесла, можетъ читать только книги, его касающіяся. Изъ сказаннаго мы видимъ, что изложенные выше знаки совершенно независимы отъ языка. Они возбуждаютъ въ зрителѣ, путемъ зрѣнія, только представленіе объ извѣстныхъ предметахъ. Ихъ называютъ поэтому символическими знаками. Въ противуположность имъ существуютъ такъ-называемые знаки фонетическіе, дѣйствующіе нѣкоторымъ образомъ и на слухъ читающаго. Предположимъ, что мы желаемъ выразить знаками слово *Холмогоры*; мы могли бы это сдѣлать, какъ это и теперь еще часто дѣлается въ ребусахъ, нарисовавши холмы и возлѣ нихъ горы. Русскій, отгадавши значеніе этого сопоставленія знаковъ, и произнесъ бы ихъ Холмогоры, но французъ, нѣмецъ поняли бы тоже такъ какъ русскій, но произнесли бы иначе.

Необходимость выражать имена знаками, принудила уже древнихъ египтянъ при выборѣ знаковъ обращать вниманіе и на звукъ имени, и равно на то, что обозначаютъ, на языкѣ пишущаго, отдѣльныя части имени, или цѣлое имя. Этому способу изображенія не мало способствовало обстоятельство, что у дикихъ, или находящихся на низкой ступени развитія народовъ, каждое имя имѣетъ еще какое-нибудь значеніе. Такъ-называемые «говорящіе гербы», которыхъ изображенія относятся къ именамъ, равно какъ и ребусы—суть примѣненія этой системы.

Пока народъ живетъ изолированною жизнію, имена его не много измѣняются; при соприкосновеніи же съ иностранцами примѣшиваются въ рѣчь его и чужія имена. Это обстоятельство заставило обратиться къ новому средству, именно: имя было разложено на различные тоны, и каждому изъ нихъ давали особый знакъ. Во многихъ языкахъ служили для этой цѣли знаки звѣрей и т. п., названіе которыхъ начиналось тѣмъ звукомъ, котораго требовалъ данный тонъ. Примѣненіе отдѣльныхъ знаковъ для различныхъ, въ одномъ словѣ встрѣчающихся звуковъ, встрѣчается уже и въ іероглифахъ позднѣйшаго времени, и этому обстоятельству наука, главнымъ образомъ, обязана, что Юнгу, Шампольону и др. удалось, при посредствѣ розетскаго

камня, покрытаго іероглифическими, демотическими и греческими письменами, найти ключъ къ уразумѣнію первыхъ. Желаніе приведенный выше принципъ распространить не только на имена, но вообще на всѣ предметы и понятія, которыя человѣкъ желаетъ изобразить, вызвало къ жизни фонетическія письмена, которыя мы теперь употребляемъ. Встрѣчающіеся въ разныхъ языкахъ слова были разложены на звуки, и каждый звукъ былъ обозначенъ особеннымъ знакомъ. При письмѣ знаки эти ставятся одинъ послѣ другого по мѣрѣ того, какіе звуки слѣдуютъ одинъ за другимъ. Вслѣдствіе необыкновенной простоты методъ этотъ есть теперь самый распространенный, хотя нельзя не сознаться, что онъ уступаетъ символическому методу, совершенно независимому отъ языка, въ томъ, что письмена фонетическія можетъ читать только тотъ, кто понимаетъ языкъ, на которомъ они написаны. Обѣ системы письменъ относятся между собою какъ пантомима къ слову.

Перуанцы употребляли, въ періодъ открытія Америки, способъ изображенія совершенно отличный отъ изложенныхъ выше. Для цѣлей письменнаго сообщенія имъ служили разноцвѣтныя нити, называемые квиппу, на которыхъ они завязывали разнообразные узлы, которые и играли роль письменъ. Гумбольдтъ отвергаетъ существованіе въ Америкѣ, до ея открытія, фонетическихъ знаковъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ ученыхъ предполагали, что онѣ были тамъ давно въ употребленіи, заключая это изъ того обстоятельства, что на одной скалѣ, находящейся близъ Дайтона (Dighton), въ 12-ти миляхъ къ югу отъ Бостона, найдена надпись будто бы финикійскаго происхожденія. По древнему преданію туземцевъ, она обязана своимъ происхожденіемъ чужеземцамъ, прибывшимъ въ Америку «на деревянныхъ пловучихъ домахъ». Побѣдивши краснокожихъ, они и вырѣзали на скалѣ, теперь покрытой водою рѣки, упомянутые знаки. По изслѣдованію Гумбольдта оказывается, что знаки эти совершенно сходны съ тѣми, которые встрѣчаются часто въ Скандинавіи, изъ чего можно заключить, что это были руны, начертанныя норманнами, во время посѣщенія ими Америки задолго до открытія ея Колумбомъ.

Кромѣ изображеній солнца, луны и звѣздъ, на Оренокo и въ Перу, Гумбольдтъ нашелъ въ Мексикѣ цѣлую систему, вполнѣ развитую, іероглифовъ, которая, по его замѣчанію, отличается отъ египетскихъ тѣмъ, что она болѣе индивидуализируетъ, между тѣмъ какъ послѣдніе выражаютъ, кромѣ того, и болѣе общія понятія. Перечисляя іероглифы мексиканскіе, Гумбольдтъ замѣ-

чаетъ, что между ними встрѣчаются и фонетическіе знаки, но только для собственныхъ именъ. И на художественную сторону исполненія мексиканскихъ іероглифовъ Гумбольдтъ обратилъ тоже вниманіе: они поражаютъ огромными головами, толстотою туловищъ и ногъ, а пальцы на послѣднихъ представляютъ большое сходство съ птичьими когтями. Головы всегда изображены въ профиль, но глаза такъ нарисованы, какъ будто фигура смотритъ en face.

При всемъ несовершенствѣ іероглифической живописи мексиканцевъ, говоритъ Гумбольдтъ, она замѣняла имъ книги, рукописи, азбуку.

Во время Монтецумы многія тысячи людей занимались этою отраслью промышленности, чему не мало, вѣроятно, способствовала возможность легкаго приготовленія бумаги изъ листьевъ агавы, очень распространеннаго въ Америкѣ растенія. Матеріалъ сохранившихся мексиканскихъ рукописей троякій: однѣ—на оленьихъ кожахъ; другія на тканяхъ изъ хлопчатой бумаги; третьи—на бумагѣ изъ агавы. Древніе жители Мексико чертили свои изображенія и символическія письмена не на особенныхъ листахъ, они не свертывали ихъ особыми свертками. Какой бы матеріалъ, изъ выше названныхъ, ни былъ употребленъ ими, они складывали рукописи зигзагами, какъ у насъ складываются дамскіе вѣера. Затѣмъ они покрывались двумя досчечками изъ легкаго дерева одной снизу, другой — сверху, представляя такимъ образомъ большое сходство съ переплетомъ нашихъ книгъ. Изъ этого можно легко себѣ представить, что открывая мексиканскую рукопись, какъ мы привыкли открывать наши книги, взорамъ нашимъ представляется только половина письменъ, т.-е. находящаяся на одной сторонѣ кожи или бумаги, изъ агавы. Такимъ образомъ, желая перелистовать мексиканскую рукопись (если мы можемъ вообще назвать листами разнообразныя складки одной и той же полосы, нерѣдко въ 15 метровъ длиною), приходится разсматривать рукопись въ два пріема, раскладывая ее разъ отъ лѣвой руки къ правой, а другой — отъ правой къ лѣвой.

Въ этомъ отношеніи мексиканскіе письменные памятники представляютъ большое сходство съ сіамскими рукописями, сложенными тоже зигзагами.

Изъ шести собраній мексиканскихъ іероглифовъ, находящихся въ Европѣ (въ Эскуріалѣ, Болоньи, Велетри, Римѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ), удалось составить довольно вѣрное понятіе насчетъ лѣтосчисленія, церковныхъ обрядовъ и исторіи мексиканцевъ. Пер-

вое, было очень просто и притомъ вѣрно. Гражданскій годъ ихъ, начинавшійся во время зимняго поворота солнца, былъ солнечнымъ годомъ въ 365 дней. Онъ раздѣленъ былъ на 18 мѣсяцевъ, каждый въ 20 дней, на концѣ которыхъ прибавлены были, какъ въ новомъ французскомъ (т.-н. революціонномъ) календарѣ, пять високосныхъ дней. Рождавшіеся въ одинъ изъ этихъ пяти дней считались несчастными на всю жизнь. Мѣсяцы раздѣлены были на недѣли, состоявшія изъ 5 дней каждая. Отдѣльные дни состояли изъ 8 ровныхъ частей. Изъ 13-ти лѣтъ, считая каждый годъ въ 365 дней, составлялся малый циклъ; изъ 4-хъ малыхъ цикловъ, т.-е. изъ 52 лѣтъ—большой, на концѣ котораго прибавлялись 13 дней. Гумбольдтъ упоминаетъ тоже, что по свидѣтельству Гамы, по окончаніи 52-лѣтняго цикла прибавлялись только $12^1/_2$ дней, такъ, что въ одномъ циклѣ всѣ года начинались ночью, въ другомъ—днемъ, что было еще точнѣе. Такимъ образомъ, въ продолженіе 408-ми лѣтъ получалось 100 прибавочныхъ дней второго разряда, соотвѣтствовавшихъ нашимъ прибавочнымъ днямъ, между тѣмъ какъ, по грегоріанскому календарю въ теченіе 400 лѣтъ бываетъ ихъ 97, въ продолженіе 408 л.—почти 99, а по менѣе точному юліанскому календарю въ теченіе 480 л. приходится 102 дня. Къ концу каждаго 52-лѣтняго цикла Мексика объята была страхомъ; жители ея всякій разъ опасались, что солнце не взойдетъ больше надъ землей, и она достанется въ добычу злымъ духамъ, которые истребятъ родъ человѣческій. Очень характеристично представленіе мексиканцевъ о роли, которую должны были играть женщины при ихъ свѣтопреставленіи: они полагали, что весь прекрасный полъ превратится въ тигровъ, которые будутъ помогать злымъ духамъ. Поэтому ихъ, въ это время, накрѣпко запирали! Огонь былъ вездѣ потушенъ. Въ теченіе послѣднихъ дней цикла, жрецы, со всѣми своими идолами, отправлялись на гору Гвицахтскатль, гдѣ приносился въ жертву человѣкъ; въ грудь его вонзали колъ и до тѣхъ поръ терли его кускомъ дерева, пока онъ не воспламенялся. Воспламененіе было радостнымъ знакомъ, что надежда на дальнѣйшее существованіе земли, въ продолженіе послѣдующихъ 52-хъ лѣтъ не потеряна! Огромный костеръ, зажженный добытымъ треніемъ огнемъ, возвѣщалъ странѣ радостное извѣстіе; гонцы разносили новый огонь во всѣ концы страны.

Кромѣ гражданскаго исчисленія времени, въ Мексикѣ существовало еще церковное, въ которомъ 13-дневные періоды играли важную роль. Послѣ истеченія каждыхъ 13-ти лѣтъ оба календаря опять согласовались; прибавленіе къ концу каждаго 52-лѣтняго

цикла состояло изъ одного церковнаго періода, и кромѣ того 260 дней равнялись 20-ти церковнымъ періодамъ и 52-мъ гражданскимъ четвертямъ мѣсяца, каждая въ 5 сутокъ. Этими лѣтосчисленіями объясняется обстоятельство, что у мексиканцевъ числа 5, 13, 20 и 52 считались особенно знаменательными.

Изъ мексиканскихъ преданій и свидѣтельствъ іероглифовъ явствуетъ, что земля подвергалась, время отъ времени, значительнымъ переворотамъ. Они были особенно пагубны для людей, которые каждый разъ совершенно исчезали съ лица земли, за исключеніемъ одной пары, спасавшейся въ пещерѣ или на громадномъ деревѣ. Остальные пропадали, или превращались въ птицъ, обезьянъ и рыбъ. Кромѣ стихійныхъ причинъ разрушенія, этому способствовали злые духи и обратившійся въ тигровъ прекрасный полъ. При каждомъ такомъ переворотѣ потухало солнце, и мѣсто его, послѣ окончанія катастрофы, занимало новое свѣтило. Въ періодъ открытія европейцами Америки, свѣтило уже четвертое солнце, появившееся въ 752 году нашего счисленія. Такимъ образомъ, это былъ уже четвертый періодъ земли. Замѣчательно, что мексиканская Ева изображалась всегда въ образѣ женщины съ змѣемъ.

Между сооруженіями древнихъ мексиканцевъ главное мѣсто занимаютъ пирамиды — теокалли; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр., пирамида Холюлая построена была въ періодъ до ацтековъ. Хотя памятники эти, говоритъ Гумбольдтъ, и были различной величины, но отличались одной и той же формой. Это были пирамиды въ нѣсколько уступовъ, расположенныхъ сторонами по направленію меридіана и параллельной линіи мѣста, въ которомъ онѣ были воздвигнуты. Теокалли, возвышался посрединѣ четырехъ-угольнаго пространства, обнесеннаго оградой, заключавшей внутри себя сады, фонтаны, жилища жрецовъ, перѣдко и магазины для склада оружія, такъ что каждое мексиканское капище было въ тоже время и укрѣпленнымъ мѣстомъ. Большая лѣстница вела на верхъ усѣченной пирамиды, на платформѣ которой были устроены одна или двѣ часовни, заключавшія въ себѣ истукановъ, которымъ теокалли было посвящено. Въ этой, самой важной части сооруженія, жрецы поддерживали священный огонь; сюда же были направлены взоры благочестивыхъ мексиканцевъ, во время жертвоприношенія, которымъ они могли умиляться, благодаря архитектурной формѣ зданія, позволявшей имъ видѣть какъ самое принесеніе жертвы, такъ и восхожденіе и нисхожденіе по ступенямъ благочестивыхъ жрецовъ, заступниковъ ихъ и посредниковъ между ними и ихъ божествами.

Внутренность зданія служила для погребенія царей и государственныхъ сановниковъ.... Читая это описаніе нельзя не видѣть поразительнаго сходства между этимъ памятникомъ и описаніемъ вавилонскаго храма Юпитера Бэлы, оставленнымъ намъ древними.

Гумбольдтъ затронулъ и вопросъ о переселеніи древнихъ племенъ. Относительно мексиканцевъ онъ спрашиваетъ: гдѣ мы должны искать эту метрополію колоній Анахуака, эту officina gentium, въ теченіи пяти вѣковъ высылающую на югъ племена, понимающія другъ друга, признающія между собою племенное родство? Мы не можемъ считать ею Азію, сѣвернѣе Амура, гдѣ эта часть свѣта лежитъ ближе всего къ Америкѣ. Страна эта вполнѣ варварская, дикая. Если мы предположимъ переселеніе изъ южной Азіи, черезъ Японію, Таракай, Курильскіе и Алеутскіе острова, съ юго-запада на сѣверо-востокъ, то какъ согласовать съ этимъ фактъ столь живого и свѣжого сохраненія всѣхъ учрежденій метрополіи? Въ продолженіе такъ продолжительнаго, часто перерываемаго путешествія, они могли давно изгладиться изъ памяти этихъ народовъ. Космогоническіе миѳы, пирамиды, календарь и т. п., все это указываетъ на Азію, между тѣмъ какъ свѣжесть воспоминаній, особенности, представляемыя мексиканскою культурою въ другихъ отношеніяхъ, указываютъ на то, что между 36° и 42° сѣверной широты въ Америкѣ существовало древнее государство. Гумбольдтъ предполагаетъ мѣсто его въ Аллеганахъ, которыя и получили свое названіе отъ него. Вытѣсненные делаварами, пришедшими съ запада, соединившимися съ ирокезами, жители его направились на югъ, къ Миссисипи, и тутъ потерялись для исторіи.

Извѣстно, какой жаркій споръ поднялъ въ наукѣ вопросъ: происходитъ ли родъ человѣческій отъ одной пары, такъ что замѣчаемыя теперь отличія обусловлены внѣшними вліяніями, или же отъ нѣсколькихъ первоначальныхъ паръ, представлявшихъ различія организацій? И этотъ предметъ былъ затронутъ Гумбольдтомъ, по отношенію къ американской расѣ. По его изслѣдованіямъ, всѣ американскія племена, за исключеніемъ обитателей у полярнаго круга, представляютъ одну породу, отличающуюся образованіемъ черепа, цвѣтомъ кожи, рѣдкой бородой и гладкими волосами. Американская раса представляетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ монгольскими народами; это подтверждается анатомическимъ строеніемъ череповъ не только обитателей Уналаски, но и жителей Южной Америки, которые представляютъ переходъ отъ американскаго къ монгольскому племени. Когда,

предполагаетъ Гумбольдъ, со временемъ будутъ ближе изслѣдованы негры Африки, народы, населяющіе внутренность и сѣверо-востокъ Азіи, называемые en bloc татарами и чудью, то племена: кавказское, монгольское, американское, малайское и негры не будутъ казаться такъ обособленными, и въ большой семьѣ человѣческаго рода станетъ замѣтенъ одинъ общій типъ, видоизмѣненный только обстоятельствами, открыть которыя не удастся, можетъ быть, никогда. Хотя языкъ и не представляетъ прямыхъ доказательствъ въ пользу существованія древней связи между Древнимъ и Новымъ Свѣтомъ, но связь эта замѣтна и несомнѣнно доказывается космогоніями, сооруженіями, іероглифами и учрежденіями азіатскихъ и американскихъ племенъ.

Много времени спустя, Гумбольдтъ пишетъ въ «Космосѣ»: «Стоя за единство рода человѣческаго, мы тѣмъ самымъ отвергаемъ допущеніе, такъ-называемыхъ, высшихъ и низшихъ племенъ и классовъ. Конечно, нельзя не согласиться, что существуютъ племена болѣе способныя къ развитію, болѣе развитыя, облагороженныя высшею культурою, но нѣтъ народовъ болѣе благородныхъ? Всѣ они одинаково призваны пользоваться свободой; свободой, принадлежащей какъ право, во время дикости нравовъ, одной личности; при дальнѣйшемъ же развитіи — цѣлому народу....»

А. С.....кій.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

ГЕРМАНІИ.

ЛУДВИГЪ БЁРНЕ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

III *).

Германія, однако, не поглощала всего вниманія Бёрне. Онъ съ напряженнымъ интересомъ слѣдилъ за событіями, развертывавшимися во Франціи, и его «Парижскія Письма» показываютъ лучше любого термометра, какъ быстро спадалъ тотъ тропическій жаръ, который онъ чувствовалъ во всемъ своемъ существѣ въ первыя минуты своего пребыванія въ Парижѣ послѣ іюльской революціи. Тысячи надеждъ, тысячи самыхъ привлекательныхъ иллюзій тѣснились въ его груди; когда онъ заслышалъ громъ этой революціи, онъ летѣлъ въ Парижъ и, какъ мы видѣли, въ восторгѣ хотѣлъ цѣловать ту мостовую, которая орошена была кровью героевъ; издалека все его приводило въ какой-то дѣтскій восторгъ, но какъ только приблизился онъ къ театру событій, какъ только прожилъ онъ нѣсколько дней, нѣсколько недѣль, черная тучка заволокла его мысли и онъ съ боязнью спрашивалъ себя: того ли онъ ждалъ? сбылись ли его мечты? Мѣсто энтузіазма заступило разочарованіе, и чѣмъ сильнѣе былъ въ первые минуты этотъ энтузіазмъ, тѣмъ сильнѣе было въ

---

*) См. выше: мартъ, 338; апр., 729; май, 268; іюль, 278; нояб. 277 стр.

первыя минуты разочарованіе, когда онъ увидѣлъ, какъ далека была дѣйствительность отъ того идеала, который онъ создалъ себѣ. Оно и понятно. Вдали онъ жилъ чувствомъ, вблизи, когда онъ сталъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, разсудокъ потребовалъ отчета и подчинилъ себѣ чувство. И въ своихъ чрезмѣрныхъ ожиданіяхъ и затѣмъ въ своемъ разочарованіи Бёрне былъ не правъ.

Нельзя было ожидать отъ іюльской революціи, еслибы даже парламентское правленіе установилось послѣ нея болѣе прочно, нежели то случилось на самомъ дѣлѣ, чтобы эта революція передѣлала цѣлый міръ, на что̀ въ первыя минуты, въ порывѣ увлеченія, разсчитывалъ Бёрне. Іюльская революція не только не могла однимъ ударомъ передѣлать весь міръ, но она не могла передѣлать и одной Франціи. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы нужно было упрекать іюльскую революцію: она была, безъ сомнѣнія, какъ нельзя болѣе полезнымъ явленіемъ, какъ толчокъ, данный націи, но думать, что революція, потому только, что она революція, способна установить самый совершенный порядокъ, конечно, было бы самою злою ошибкою. Для установленія такого совершеннаго, или вѣрнѣе возможно-совершеннаго порядка, нужна нравственная подготовка, нравственное развитіе цѣлаго народа, и все, что̀ можетъ въ этомъ отношеніи сдѣлать революція, это—устранить тѣ преграды, которыя, въ данную минуту, задерживаютъ собою нравственное развитіе, мѣшаютъ всякой нравственной подготовкѣ. Другой роли революція не можетъ имѣть; она является только какъ средство, и тѣ, которые видятъ въ ней цѣль, всегда кончаютъ тѣмъ, что приходятъ къ горькому разочарованію. Толчокъ можетъ быть болѣе сильный и менѣе сильный; чѣмъ больше сопротивленіе, оказываемое извѣстнымъ порядкомъ правильному развитію народа, тѣмъ страшнѣе и могущественнѣе взрывъ, когда дѣло доходитъ до революціи, но конечные ея результаты все-таки находятся въ прямомъ отношеніи съ степенью нравственнаго развитія націи.

Это-то именно отношеніе и забывалъ нѣсколько Бёрне, какъ въ минуты своего энтузіазма, такъ и въ минуты разочарованія. Онъ ожидалъ іюльской революціи какъ наступленія новой эры, онъ смотрѣлъ на нее точно какъ на цѣль, достиженіе которой равнялось достиженію самаго совершеннаго порядка на землѣ. Ошибка происходила отъ того, что, возлагая всѣ свои надежды на революцію, онъ позабылъ спросить себя: достаточными ли нравственными силами обладаетъ французскій народъ, чтобы воспользоваться всѣми выгодами, которыя доставлены ему были

взрывомъ іюльской революціи, освободившей его отъ старшей линіи злополучныхъ Бурбоновъ? Но если бы Франція была даже болѣе приготовлена воспользоваться плодами іюльской революціи, если бы она и способна была осуществить тотъ совершенный порядокъ, о которомъ мечталъ Бёрне, то и тогда вѣроятно онъ все-таки не могъ бы отдѣлаться отъ разочарованія. Бёрне грезилось, что какъ только революція восторжествуетъ во Франціи, такъ тотчасъ начнется эпоха освобожденія всѣхъ другихъ народностей, которыя своими собственными силами не въ состояніи были бы выйти изъ-подъ власти произвола. Не менѣе обидная иллюзія! Если Франція, которая по политическому своему развитію все-таки выше всѣхъ остальныхъ странъ континентальной Европы, не въ силахъ была установить у себя прочной и возможно широкой свободы, то объ остальныхъ націяхъ уже подавно не могло быть и рѣчи. Допустивъ даже, что свободная Франція и выступила бы на помощь подавленнымъ народамъ, то развѣ не была бы сама она смята соединенными силами всѣхъ болѣе или менѣе абсолютныхъ правительствъ Европы? Если даже изгнаніе Карла X-го заставило покоробиться правительства другихъ европейскихъ державъ, со злобою смотрѣвшихъ на Францію, которая, по выраженію Бёрне, «въ продолженіи сорока лѣтъ была кратеромъ Европы», или, какъ выражается Гейне, «представляется красною землею свободы», то чтó же было бы, если бы французскій народъ подалъ руку помощи другимъ угнетеннымъ народамъ! Какъ ни тяжело было для Бёрне видѣть разрушенными его иллюзіи, разочарованіе, тѣмъ не менѣе, не сдѣлало его несправедливымъ по отношенію къ Франціи. Нападая на нее, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ ее, и любилъ главнымъ образомъ потому, что хорошо понималъ, насколько, несмотря на всѣ ея недостатки, она все-таки, по своему политическому развитію, стоитъ выше всѣхъ другихъ націй Европы и, въ силу этого развитія, не перестаетъ оказывать на другіе народы самое благодѣтельное вліяніе.

Признавая за Франціею первенство въ политическомъ развитіи, Бёрне тѣмъ съ бóльшимъ интересомъ слѣдилъ за событіями, слѣдовавшими за іюльскою революціею. Разсказъ этихъ событій, его соображенія по поводу ихъ составляютъ поэтому содержаніе значительной доли «Парижскихъ Писемъ», посвященныхъ Франціи. Многія изъ этихъ «писемъ» совершенно естественно утратили тотъ интересъ, который онѣ возбуждали при ихъ появленіи, не смотря на все остроуміе, на весь блескъ, который не можетъ никогда устарѣть. Другія же за то изъ его «Писемъ», отодвинувшись отъ насъ болѣе тѣмъ на тридцать

лѣтъ, почти на сорокъ, едва ли не выиграли въ своемъ интересѣ, представляя намъ собою воззрѣнія на крупныя историческія личности, на громкія историческія событія одного изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей прожитой эпохи. Рядомъ съ этимъ, само собою разумѣется, въ «Парижскихъ Письмахъ» попадаются очень часто разсужденія Бёрне объ общихъ свойствахъ французской націи, мастерскія характеристики людей и нравовъ, воззрѣнія автора на многіе изъ вопросовъ политики, на соціальные вопросы, и воззрѣнія эти такого рода, что читатель далеко не безъ пользы можетъ остановиться и задуматься надъ ними.

Бёрне былъ отлично поставленъ въ Парижѣ, чтобы получить самое полное понятіе о людяхъ и чтобы вѣрно судить о событіяхъ. Пріѣзду его въ Парижъ предшествовала слава его, какъ писателя, которая тотчасъ открыла ему всѣ двери. Во Франціи въ то время еще процвѣтало то, чтó называется салонами, т.-е. было нѣсколько центровъ, нѣсколько домовъ, куда стекалось все, чтó было только замѣчательнаго въ политикѣ, литературѣ, искусствѣ; дипломаты, художники, литераторы, высшія лица въ государствѣ сталкивались въ этихъ салонахъ, гдѣ первенствовали умъ и талантъ, а не бездарности и лакеи, облитые золотомъ. Само собою разумѣется, что Бёрне тотчасъ получилъ доступъ во всѣ такіе салоны, гдѣ онъ и увидѣлъ чуть не всѣхъ замѣчательныхъ людей Франціи. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Парижъ, Бёрне уже писáлъ: «Вчера вечеромъ я былъ у Лафайета, у котораго по четвергамъ собирается общество. Въ трехъ гостиныхъ набралось человѣкъ триста, толпа была такая, что буквально нельзя было пошевельнуться. Лафайетъ, которому теперь семьдесятъ три года, съ виду еще довольно бодръ и свѣжъ. У него очень доброе лицо, онъ постоянно привѣтливъ и каждому пожимаетъ руку....» Въ другой разъ онъ отправляется въ салонъ знаменитаго живописца Жерара, гдѣ онъ встрѣчаетъ между французскими знаменитостями и своихъ соотечественниковъ, какъ Гумбольдта, Мейербера и другихъ. Журнальный міръ принимаетъ Бёрне, какъ представителя нѣмецкой литературы, съ большимъ почетомъ, и это разностороннее знакомство, которое хотя и не любилъ Бёрне, говоря, что онъ не любитъ знакомиться съ отдѣльными личностями, а предпочитаетъ человѣческія массы и книги, съ которыми не такъ устаешь,— тѣмъ не менѣе было полезно для Бёрне въ томъ отношеніи, что безъ этихъ связей онъ никогда, разумѣется, такъ быстро не составилъ бы себѣ вѣрнаго понятія объ общемъ положеніи Франціи.

Пророчества, когда они основаны на предчувствіяхъ, безпоч-

венныхъ предположеніяхъ, разумѣется, не имѣютъ никакого смысла, хотя бы они какъ-нибудь случайно и оправдывались, но пророчества, которыя выходятъ изъ глубокаго, самаго проницательнаго соображенія, когда онѣ вытекаютъ изъ сопоставленія уже совершившихся фактовъ, во всякомъ случаѣ, любопытны. Ровно черезъ два мѣсяца послѣ своего пріѣзда во Францію, только черезъ два мѣсяца послѣ своего перваго письма, помѣченнаго 17-мъ сентября 1830 года, Бёрне 17-го ноября дѣлалъ Франціи, іюльской монархіи такія предсказанія, которыя принесли бы ей несомнѣнную пользу, если бы тогда же на этихъ предсказаніяхъ серьезно остановились. «Удивительное дѣло! говорилъ Бёрне. Это іюльское правительство едва успѣло вылупиться изъ яйца, еще не совсѣмъ очистилось отъ желтка — а уже покрикиваетъ какъ старый пѣтухъ и расхаживаетъ такъ гордо и самоувѣренно, что и не подходи къ нему. Большинство въ палатѣ не только оказываетъ ему поддержку въ его необдуманныхъ поступкахъ, но еще подстрекаетъ къ нимъ. Это большинство — землевладѣльцы, богатые банкиры, торгаши, которые гордо называютъ себя промышленнымъ сословіемъ. Эти люди цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ сражались со всякою аристократіею, а чуть только побѣдили ее, они не успѣвъ еще отереть свой потъ, хотятъ уже создать изъ себя новую аристократію—аристократію денежную. Горе этимъ ослѣпленнымъ глупцамъ, пророчествуетъ Бёрне, если ихъ желанія увѣнчаются успѣхомъ, горе имъ, если небо не сжалится и не остановитъ ихъ прежде, чѣмъ они дойдутъ до цѣли. Аристократія дворянства и духовенства была во Франціи не что иное, какъ принципъ, убѣжденіе, съ нею можно было сражаться, ее можно было побѣждать, не нанося этимъ вреда личнымъ житейскимъ интересамъ дворянъ и духовныхъ. Если французская революція и причинила такой вредъ, то это было только средствомъ, а не цѣлью, только неудобоустранимымъ, но отнюдь не необходимымъ послѣдствіемъ борьбы. Если же привилегіи явятся въ соединеніи съ обладаніемъ собственностью, то французскій народъ, главнѣйшая страсть котораго есть стремленіе къ равенству, захочетъ рано или поздно потрясти то, на чемъ будетъ основана новая аристократія—т.-е. *собственность*, а это повлечетъ за собою такое распредѣленіе имуществъ, такой грабежъ и такіе ужасы, въ сравненіи съ которыми явленія первой революціи покажутся только шуткой и игрушкой». Эти нѣсколько строкъ разсужденія Бёрне показываютъ не только то, какъ вѣрно онъ смотрѣлъ на послѣдствія присвоенія себѣ власти буржуазіей, не только то, что черезъ два мѣсяца послѣ іюльской революціи онъ точно опредѣлилъ причины будущей — фе-

вральской революціи, но они дѣлаютъ нагляднымъ то разочарованіе Бёрне, ту потерю иллюзіи относительно переворота 30-го года, о которой было уже упомянуто.

Въ какую сторону ни обращалъ свой взоръ Бёрне, вездѣ видѣлъ онъ антагонизмъ, антагонизмъ политическій, антагонизмъ соціальный. Правительство, вышедшее изъ революціи, могло бы сдѣлать многое, чтобы помочь мирному разрѣшенію поднятыхъ вопросовъ, но у него не было для того ни желанія, ни таланта. Много разъ возвращается онъ въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ» къ правительству іюльской монархіи, и каждый разъ, если только онъ не сравнивалъ его съ правительствами другихъ странъ, онъ относился къ нему съ большою ѣдкостью и ожесточеніемъ. Но лишь только онъ начиналъ заговаривать о другихъ правительствахъ, въ особенности нѣмецкихъ, тонъ его тотчасъ мѣнялся и онъ восклицалъ: «Сохрани мнѣ, Господи, моего короля Луи-Филиппа! Я право упрекаю себя, что писалъ прежде противъ него; но больше я уже не буду этого дѣлать!» Писалъ же онъ противъ Луи-Филиппа часто и, главное, зло; нѣсколько разъ Бёрне рисовалъ его портретъ, которымъ, конечно, если Луи-Филиппъ только зналъ о немъ, онъ не могъ быть доволенъ. Когда Бёрне сознавался, что улетѣла его мечта о свободѣ Франціи, когда онъ жаловался, что послѣ того, что «луга и поля покрылись зеленью», снова «выпалъ снѣгъ», онъ не могъ простить Луи-Филиппу, заставившему солгать Лафайета, увѣрявшаго народъ, что «можетъ быть такой король, который любитъ свободу». Власть портитъ! говорилъ Бёрне, и Франція еще больше укрѣпила его въ этомъ мнѣніи. «Я вижу какъ нельзя лучше, разсуждалъ онъ, что какъ только достигаешь власти, тотчасъ теряешь сначала сердце, потомъ голову, и отъ разсудка удерживаешь ровно настолько, насколько нужно, чтобы не допустить сердце снова занять должное мѣсто. Тутъ нѣтъ ни двусмысленности, ни недоразумѣнія — тутъ буквально не сдержали слова, народу не дали того, что́ было ему обѣщано». Кто въ этомъ виноватъ — виноватъ Луи-Филиппъ: зачѣмъ же, спрашивается, произведена была іюльская революція, если вся разница въ томъ, что прежде на престолѣ сидѣлъ человѣкъ, котораго звали Карлъ, а теперь сидитъ человѣкъ, котораго зовутъ Луи-Филиппъ. Бёрне никакъ не можетъ понять пристрастія народа къ однимъ именамъ и ненависти къ другимъ; онъ жалуется на тѣхъ, которые упрекали его, когда онъ говорилъ, что народы должны прогонять правителей, какъ только имъ не понравится ихъ носъ. «Быть можетъ, говоритъ онъ, утверждать это было уже слишкомъ. Но нельзя однако не сознаться, что носъ чрез-

вычайно важная вещь. Носъ—это чрезвычайно важная часть тѣла; носъ можетъ дѣлать человѣка красивымъ или безобразнымъ; изъ-за носа можно любить человѣка или его ненавидѣть, однимъ словомъ, носъ остается носомъ, но въ имени то чтó, съ ироніею спрашиваетъ Бёрне? Богъ, мой Богъ! Что такое имя? Брауншвейгъ не хотѣлъ имѣть Карла и взялъ себѣ Вильгельма, бельгійцы не хотѣли Вильгельма и взяли себѣ Леопольда; французы тоже не хотѣли имѣть Карла и взяли себѣ Филиппа.... Мой носъ мнѣ въ тысячу разъ милѣе»!

Говоря такимъ образомъ, Бёрне хотѣлъ высказать, что между Карломъ X и Луи-Филиппомъ нѣтъ никакой разницы; въ припадкѣ своего политическаго раздраженія и увлеченія онъ шелъ даже дальше и говорилъ, что Карла X предпочитаетъ Луи-Филиппу. Одинъ нарушилъ хартію, нарушилъ ее и другой; а только потому, что одинъ зовется Филиппомъ, другой же Карломъ, нельзя еще выводить, что одному позволительно ее нарушать, а другому нѣтъ. Одинъ нарушилъ ее въ припадкѣ страсти, другой же самую страсть хочетъ превратить въ право, выговаривая себѣ право быть несправедливымъ. Одинъ уничтожилъ конституцію въ силу своего произвола, другой дѣлаетъ тоже самое, но только сохраняетъ форму законности; но развѣ это измѣняетъ самую сущность дѣла, развѣ преступленіе становится меньшимъ преступленіемъ, когда его совершаетъ не одинъ человѣкъ, а двѣсти человѣкъ? «Развѣ, спрашиваетъ Бёрне, тираннія закона представляется меньшею тиранніею, нежели тираннія произвола? И еслибы всѣ тридцать милліоновъ французовъ сидѣли въ палатѣ, и еслибы они всѣ подали голосъ за законъ, который предоставлялъ бы правительству право уничтожить личную свободу, свободу печати, нарушать священный домашній очагъ—то и они не имѣли бы на это права».

Мы нарочно привели это мѣсто, чтобы показать, къ какимъ несправедливымъ иногда выводамъ приходитъ Бёрне, когда онъ находится исключительно подъ вліяніемъ озлобленія и раздраженнаго чувства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что законъ тоже можетъ быть и очень часто бываетъ возмутителенъ, особенно когда этотъ законъ какъ бы установляетъ тираннію, освящаетъ произволъ, предоставляя власти полнѣйшую свободу дѣйствій, тогда въ сущности нѣтъ законовъ, потому что воля одного можетъ создать, можетъ и уничтожить всѣ законы; но ничего подобнаго не было конечно во Франціи при Луи-Филиппѣ. Законы французскіе могли быть не хороши, но они не установляли произвола; напротивъ, они строго опредѣляли предѣлы, за которые не могла выходить королевская власть, а какъ только положены предѣлы,

какъ бы широки они ни были, произволъ уже не имѣетъ мѣста. Произволъ потому и зовется произволомъ, что онъ не знаетъ никакихъ предѣловъ, что онъ собственно есть начало и конецъ всей книги законовъ, что ему подчинены всѣ законы, всѣ права.

Но Бёрне былъ недоволенъ, потому что ему хотѣлось лучшаго, потому что онъ надѣялся на лучшее; скажи ему однако кто-нибудь, что порядокъ іюльской монархіи будетъ перенесенъ въ Германію, нѣтъ сомнѣнія, что сердце его запрыгало бы отъ радости. Бёрне надѣялся, что сбудутся слова, приписанныя Лафайету, который однако никогда ихъ не произносилъ, будто «Луи-Филиппъ— это лучшая республика». Онъ думалъ, что Луи-Филиппъ будетъ носить только одно имя короля, а въ сущности будетъ такимъ же гражданиномъ, какъ и всѣ другіе. Поэтому, когда онъ увидѣлъ, что дѣло идетъ вовсе не объ одной кличкѣ, и онъ принимаетъ всѣ аттрибуты королевской власти, то брови его нахмурились. Бюджетъ Луи-Филиппа его особенно раздосадовалъ, и онъ написалъ по поводу четырнадцати милліоновъ франковъ, опредѣленныхъ «королю-буржуа», какъ называли его всѣ и какъ называетъ его Бёрне, одно изъ самыхъ злыхъ своихъ «Писемъ». Бёрне не любитъ большихъ королевскихъ бюджетовъ; со стороны республиканца, каковымъ былъ авторъ «Парижскихъ Писемъ» въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. «Дѣло вовсе не въ томъ, разсуждалъ Бёрне, даютъ ли какому-нибудь королю нѣсколько милліоновъ болѣе или нѣсколько милліоновъ менѣе за то, что онъ съ необыкновенною добротою соглашается править—пусть ему даютъ сколько ему нужно, сколько онъ хочетъ, лишь бы онъ былъ доволенъ и оставлялъ насъ въ покоѣ; дурное расположеніе духа правителя всегда вредно для страны, и во всѣ времена народъ долженъ былъ выкупать себѣ свободу и счастье. Гораздо важнѣе, по мнѣнію Бёрне, другое обстоятельство, именно то, что каждая лишняя копѣйка, которую народъ даетъ своему государю, который не употребляетъ ее ни на свои нужды, ни на нужды своего семейства, служитъ къ тому, чтобы образовать и кормить дворъ, который какъ ядовитый туманъ становится между народомъ и правителемъ и производитъ печальный мракъ вокругъ трона». Вотъ на этомъ-то основаніи, чтобы не было «ядовитаго тумана», чтобы не было «пагубнаго мрака» вокругъ трона, Бёрне и желаетъ, чтобы королевскій бюджетъ былъ какъ нельзя болѣе ничтоженъ. Ничтожность его Бёрне доводитъ до нуля, по крайней мѣрѣ Луи-Филиппу, который требовалъ себѣ восьмнадцать милліоновъ франковъ въ годъ, въ то время, когда его частные доходы доходили до двѣнадцати милліоновъ, онъ не желалъ никакого бюджета. Бёрне разска-

зываетъ, что жители Буржа отправили въ палату прошеніе, въ которомъ настаивали, чтобы королю было дано не больше полумилліона франковъ. «По моему мнѣнію, говоритъ Берне, тутъ полмилліона лишнихъ,—я бы ему ничего не далъ. Кто желаетъ имѣть честь управлять большимъ народомъ, тому должно это нѣсколько стоить. Франція могла изъ шести милліоновъ граждавъ выбрать себѣ короля, а король Филиппъ не могъ бы себѣ выбрать никакого народа; народы рѣдки». Еще съ бóльшимъ ожесточеніемъ возстаетъ Бёрне противъ тѣхъ суммъ, которыя назначались сыну Луи-Филиппа: «французскому наслѣдному принцу, говоритъ онъ, чтобы время ему не показалось слишкомъ скучнымъ, пока онъ вступитъ на престолъ, опредѣленъ милліонъ франковъ... Боже мой, кто же дастъ бѣдному народу вознагражденіе за то, что онъ долженъ съ трепетомъ выжидать смерти дурного правителя. Но придворные заботятся о томъ, чтобы наслѣдный принцъ съ молоду привыкалъ къ мотовству; они боятся: а что, если вступивъ на престолъ въ зрѣлые годы, у него не будетъ достаточно воспріимчивости къ пороку».

Затѣмъ Бёрне переходитъ къ самому разбору королевскаго бюджета, который, сравнивая съ бюджетами другихъ странъ, гдѣ нѣтъ конституціоннаго порядка, онъ находитъ довольно мизернымъ. Четырнадцать милліоновъ франковъ! Но какъ, разспрашиваетъ Бёрне распредѣляются эти четырнатцать милліоновъ, на что они идутъ? и тутъ онъ обращается къ подробному разсчету, который, если и заключаетъ въ себѣ нѣкоторую карикатурность, то тѣмъ не менѣе, въ каррикатурѣ отражается въ значительной степени истина. Онъ смотритъ на бюджетъ, и видитъ, что на аптеку и доктора опредѣлено 80 тыс. фр. Онъ сравниваетъ эту сумму съ тою, которую онъ тратитъ на себя, бывая боленъ разъ въ году и зная, сколько стóитъ «возможность — не вылечиться». Дѣлая подробный разсчетъ, онъ находитъ совершенно достаточною сумму въ 8,630 фр. на леченіе короля, его семейства и придворныхъ. Затѣмъ «содержаніе ливрейныхъ лакеевъ—200 т. фр. Слишкомъ много! Кухня — 780 т. фр. Объ этомъ я поговорю въ моемъ будущемъ сочиненіи «о желудкѣ Людовика-Филиппа». Погребъ—180 т. фр. Считая бутылку вина по пяти франковъ, выйдетъ, что въ годъ потребляется тридцать шесть тысячъ бутылокъ, а въ день сто. Но скажите, спрашиваетъ Бёрне, могутъ ли мужъ, жена, сестра и семеро дѣтей, большею частью женскаго пола, выпить въ день сто бутылокъ? И не думайте, что тутъ въ счетѣ вино и для угощенія постороннихъ посѣтителей; для этихъ послѣднихъ опредѣлено еще 400 т. подъ рубрикою: «празднества». Далѣе. На содержаніе трехсотъ лошадей

ежегодно—900 тыс. фр.; стало быть, каждая лошадь обходится въ 3 тыс. фр. Одна парижская газета замѣчаетъ по этому поводу, что тысячи человѣкъ въ Парижѣ сочли бы себя счастливыми, еслибы могли сдѣлать свою постель изъ соломы этихъ лошадей...» Перечисляя далѣе статьи бюджета, онъ приходитъ къ отопленію, и подъ впечатлѣніемъ извѣстій, что тысячи поляковъ за участіе въ революціи сосланы въ Сибирь, онъ говоритъ: «на отопленіе 250,000 фр. Съ этимъ можно было бы согрѣть всю Сибирь, и дрова болѣе полезно были бы употреблены тамъ, чтобы по крайней мѣрѣ наши несчастные поляки не замерзли». Затѣмъ, приводя сумму въ 370 тыс. фр. на освѣщеніе, Бёрне удивляется, что при такой большой затратѣ на свѣтъ, Луи-Филиппъ все-таки остается въ «потемкахъ». Приводя кромѣ того изъ бюджета цѣлый рядъ другихъ расходовъ на театръ, подарки, путешествія, однимъ словомъ, на все, что зовется les menus plaisirs высокихъ особъ, Бёрне спрашиваетъ, а что еще стоятъ, такъ-называемыя «большія удовольствія» какъ-то: «война, завоеванія, любовницы, лейбъ-гвардія, любимцы, подкупы, тайная полиція!» И еслибы еще ко всему, прибавляетъ авторъ «Парижскихъ писемъ», всѣ эти суммы шли дѣйствительно на то, на что онѣ назначены,—но въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Можетъ быть только четвертая часть идетъ по назначенію, «три же четверти разворовываются, попадаютъ въ руки нѣсколькихъ покровительствуемыхъ поставщиковъ, которые дѣлятъ выгоду съ придворными министрами. Но при этомъ, замѣчаетъ Бёрне, обманутъ не король, а народъ, который доставляетъ деньги на liste civile».

Какъ только Бёрне поссорился съ монархіею, вышедшею изъ іюльской революціи, онъ не упускалъ уже болѣе случая, чтобы показывать ее въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Одно изъ двухъ, говорилъ онъ, ярко опредѣляя свое направленіе, или абсолютная монархія или республика. Побѣда должна принадлежать или абсолютистамъ или республиканцамъ, что же касается до іюльской монархіи, до juste-milieu, то Бёрне съ рѣшительностью говоритъ: «Послѣ того, что изъ нея будетъ выжатъ весь сокъ, она будетъ выброшена на улицу, какъ лимонная корка». Бёрне злобно смѣялся, разсказывая, какъ правительство Луи-Филиппа устраиваетъ фальшивыя тревоги въ видѣ выстрѣла въ короля, причемъ, несмотря на всѣ старанія покусившагося на убійство быть открытымъ, его все-таки полиція тщательно не открываетъ, опасаясь конечно разсмѣяться, узнавъ въ человѣкѣ, пустившемъ выстрѣлъ, одного изъ вѣрныхъ слугъ, одного изъ преданныхъ тайной полиціи. Не рѣшаясь иногда на такое радикальное сред-

ство какъ выстрѣлъ, правительственные агенты прибѣгаютъ къ другому орудію деспотическихъ государствъ: къ муссированію заговора. Что абсолютныя государства прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, это понятно и можетъ быть объяснено; цѣль ихъ очевидна: нужно отдѣлаться отъ нѣсколькихъ десятковъ горячихъ головъ, нужно упрятать двадцать, тридцать, сто или наконецъ больше подозрительныхъ личностей и притомъ еще напугать цѣлое общество, примѣра ради, чтобы оно было болѣе почтительно; и вотъ изобрѣтается такое средство; но зачѣмъ же это дѣлать въ конституціонной монархіи, гдѣ существуетъ гласность, гдѣ на слѣдующій день нѣсколько журналовъ прокричатъ, что правительство обманываетъ, что никакого серьезнаго выстрѣла, никакого серьезнаго заговора не было, и гдѣ они доказываютъ это тѣмъ, что дѣйствительно никто не арестованъ. Бёрне находитъ это дó-нельзя глупымъ, безцѣльнымъ и потому всѣми силами возстаетъ противъ конституціонной монархіи, предпочитая даже абсолютную монархію. О вкусахъ, конечно, не спорятъ, но нельзя не сказать, что на этотъ разъ у Бёрне довольно оригинальный вкусъ, доказывающій только одно: необыкновенную впечатлительность автора «Парижскихъ Писемъ». Іюльская монархія не удовлетворяла его, что довольно понятно, и вотъ онъ призываетъ на нее гнѣвъ боговъ; но переселись только Бёрне въ свое отечество и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ закричалъ бы: я сдаюсь, іюльская монархія побѣдила меня! Изъ такого опыта Бёрне, конечно, могъ бы вывести для себя только одну мораль: какова бы ни была конституціонная монархія, сколько бы ни было на ней печальныхъ прорѣхъ, все-таки она лучше абсолютной монархіи.

Нѣсколько разъ возвращался Бёрне къ положенію іюльской монархіи и каждый разъ гóворилъ: я не вижу другого выхода, какъ новую революцію! Причину этого печальнаго положенія онъ видѣлъ въ одномъ: въ выборномъ законѣ, который всю власть передалъ въ руки однихъ богатыхъ. «Здѣсь, писалъ онъ разъ, дѣла идутъ дурно, супъ простылъ, и при этомъ отцы народа, какъ дѣтямъ, кричатъ ему протяжно: не обожгитесь! Честный народъ кровью и пóтомъ завоевалъ себѣ свободу, а мошенническая палата, сидя въ туфляхъ въ своей конторѣ говоритъ ему: вы не умѣете распоряжаться съ деньгами, мы будемъ за васъ управлять. Новая революція, вотъ единственное— что можетъ поправить дѣло». Нуженъ новый избирательный законъ, на который палата, состоящая только изъ представителей богатаго класса, никогда не согласится, не желая лишать себя власти. Для того, чтобы добыть этотъ законъ нужно употребить

силу, которую народъ оставилъ за собою. Вотъ отчего революція казалась Бёрне неизбѣжною, вотъ почему она и совершилась на самомъ дѣлѣ, но только восемнадцать лѣтъ спустя.

Какъ Бёрне нападалъ на нѣмецкія правительства, любя всею душою нѣмецкій народъ, такъ точно, нападая на правительство Франціи, онъ съ нѣжностію относился къ французскому народу. Любя нѣмецкій народъ, онъ выставлялъ все-таки на видъ его недостатки, онъ горько жаловался, какъ видѣлъ читатель, на недостойную сносливость его, на раболѣпство, на отсутствіе энергіи и достоинства; любя французскій народъ, онъ не выставлялъ точно также на видъ однѣ его доблести, онъ упрекалъ его въ легкомысліи, въ недостаткѣ выдержанности, стойкости, въ излишней, наивной довѣрчивости. Бёрне охарактеризовалъ этотъ народъ двумя словами, которымъ нельзя отказать въ большой мѣткости. Французы, сказалъ Берне, это «герои и вмѣстѣ съ тѣмъ актеры». Всѣ несчастныя свойства этого народа выражены въ одномъ словѣ «актеры» точно также, какъ всѣ хорошія въ словѣ «герои». Если во Франціи много можно найти представителей одного изъ этихъ свойствъ, то не мало и представителей другого— героизма, и іюльская монархія обязана была ему своимъ существованіемъ. Но какъ отплатила она тѣмъ героямъ, которые въ кровавые дни жертвовали своею жизнію? Какъ отплатила іюльская монархія Лафайету, какъ отплатила она молодежи? Никто изъ людей Франціи той эпохи не вызывалъ у Бёрне такого уваженія, какъ фигура этого безупречно честнаго старца. Бёрне говорилъ о немъ, какъ объ «единственномъ преврасномъ характерѣ новаго времени». Его мнѣніе о Лафайетѣ тѣмъ болѣе интересно, что оно было результатомъ личнаго знакомства съ этимъ «героемъ» Франціи. «Ему скоро будетъ восемьдесятъ лѣтъ, говоритъ авторъ «Парижскихъ писемъ», онъ испыталъ всевозможныя разочарованія, измѣны, лицемѣрныя дѣйствія, насилія и все-таки вѣритъ въ добродѣтель, истину, свободу и справедливость. Еще теперь, любимый правда многими, уважаемый всѣми, но въ тоже время и не признанный никѣмъ по достоинству,—онъ не видитъ себя обманутымъ только со стороны своихъ враговъ, которые выказываютъ свою ненависть открыто; друзья же пользуются его довѣріемъ, злоупотребляютъ имъ, обманываютъ его и часто издѣваются надъ нимъ. Онъ точно божество во храмѣ, выражается Бёрне, во имя котораго лицемѣры-жрецы требуютъ того, чего имъ самимъ хочется, тайно подсмѣиваясь въ то же самое время надъ довѣрчивымъ народомъ и его святынею. Но онъ неуклонно, какъ солнце, идетъ своею дорогою, не заботясь, кто и для чего пользуется его совѣтомъ: добрые ли люди для

добрыхъ дѣлъ, или злые для злыхъ. Сколько времени пройдетъ еще прежде, чѣмъ Франція сдѣлается достойною Лафайета? Но когда-нибудь это сбудется».

Бёрне твердо вѣрилъ въ то, что Франція, несмотря ни на какія превратности, должна въ концѣ концовъ все-таки подняться и установить, наконецъ, ту свободу, которой она приносила въ жертву такъ много крови, такъ много отчаянныхъ, геройскихъ усилій. Какъ на залогъ блестящей будущности Франціи, онъ указывалъ не только на то, что́ сдѣлано было ею въ прошедшемъ, но также и на ту молодежь, которая всегда съ такимъ достоинствомъ ведетъ себя въ минуты испытанія. Бёрне горячо относился къ французской молодежи, не только къ молодежи іюльской монархіи, но вообще къ молодежи, которая всегда при всякомъ случаѣ заявляла себя съ «геройской» стороны. Въ этой молодежи нѣтъ трусливости, въ ней нѣтъ того некрасиваго свойства, которое заставляетъ людей рѣшаться на самыя отчаянныя вещи, на ужасные заговоры, и затѣмъ, какъ только заговоръ открытъ, тотчасъ каждый старается всю вину взвалить на другого, каждый становится предателемъ и своимъ недостойнымъ поведеніемъ возбуждаетъ только презрѣніе въ судьяхъ, безъ всякой выгоды для себя. Лучше въ такомъ случаѣ сидѣть спокойно и не подниматься на заговоры. Кто не помнитъ, кто не знаетъ поведенія французской молодежи во всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ процессахъ, гдѣ она судилась за заговоры противъ іюльской монархіи, кто не знаетъ этихъ рѣчей, которыя всегда кончались однимъ припѣвомъ: «да, мы желали паденія этого недостойнаго правительства, мы желали и желаемъ установить республику!»

Французская молодежь горда, и эту гордость восхвалялъ Бёрне. Молодежь не приходила въ восторгъ, когда правительство, или какъ это было во время іюльской монархіи, палата, за то, что молодежь приняла участіе въ возстановленіи порядка, находя вспышку несвоевременною, благодарила ее именемъ страны. Напротивъ она гордо отвѣчала: «вашей благодарности намъ не надо, дайте намъ свободу, которую вы намъ обѣщали, la liberté, qu'on nous marchande maintenant et que nous avons payé comptant au mois de Juillet». Но той свободы, которой они желали, имъ не дали, подъ предлогомъ, что французы еще не созрѣли, чтобы имѣть бо́льшую свободу, нежели ту, которую они имѣютъ. Тѣ, которые такъ говорятъ, дождутся до того, пока «будущее», которому они предоставляютъ расширить свободу, «прискачетъ къ намъ въ галопъ и сброситъ ихъ». Чтобы все устроилось мирно и тихо нужно идти на встрѣчу будущему, не

дожидаться, пока народъ вырветъ силою извѣстное право. Іюльское правительство этого не понимало, потому Бёрне и писалъ въ 1830-мъ году: «нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно Франція выстрадаетъ еще одну революцію». И къ этому онъ прибавляетъ: «ужъ такое лежитъ на людяхъ проклятье, что добровольно они не хотятъ быть разумными, нужно погонять ихъ бичемъ».

Хотя Бёрне и былъ того мнѣнія, что Германія не должна ужъ черезъ-чуръ хвастаться своими «дураками», что дураки есть также во Франціи, но тѣмъ не менѣе въ ней находилъ онъ столько умнаго, хорошаго, честнаго, что приходилъ въ негодованіе, когда до него доходили слухи о томъ, что государства, составлявшія Священный Союзъ, желали обрѣзать Францію, чтобы сдѣлать ее для себя безопасною. Нравственное, политическое вліяніе Франціи, несмотря ни на какія затмѣнія, ни на какія монархическія правительства, представлялось до такой степени опаснымъ, въ силу революціонныхъ стремленій французскаго народа, что правительства другихъ странъ во всѣ времена злобно смотрѣли на это вліяніе и всегда старались, до сихъ поръ безуспѣшно, поставить ее въ такое положеніе, чтобы она не могла имѣть вліянія. Если Франція, разсуждалъ Бёрне, этотъ «Кратеръ Европы», котораго всѣ такъ опасаются, «перестанетъ извергать пламя, если онъ перестанетъ дымиться, тогда горе всѣмъ правительствамъ, тогда ни одинъ тронъ въ мірѣ не можетъ быть спокоенъ ни на одну ночь. Они дрожатъ, когда нѣсколько французовъ проходятъ по Германіи съ либеральными рѣчами, и въ ужасѣ кричатъ: пропаганда! пропаганда! И они же хотятъ весь народъ Франціи присоединить къ своимъ старымъ владѣніямъ. Они думаютъ, что своими старыми, опошлившимися правительственными ухищреніями, своими фокусами, которыми теперь нельзя болѣе обмануть даже ребенка, имъ удастся обуздать своихъ новыхъ дикихъ подданныхъ — имъ, которые ничего не смыслятъ даже въ полицейскомъ дѣлѣ, единственномъ искусствѣ, которымъ они занимались съ любовью и прилежаніемъ. Когда, въ 1814-мъ году, они были въ Парижѣ, куда Вѣна, Берлинъ, Петербургъ послали свои самыя хитрыя головы, тогда надъ всѣми этими хитрыми головами Священнаго Союза издѣвался каждый ничтожный французскій шпіонъ, и еслибы не было превосходства силы, то ужъ хитростью, конечно, они не подчинили бы себѣ Парижа». Не намъ, нѣмцамъ, говорилъ Бёрне, присоединять къ себѣ французскую народность, не намъ справиться съ нею, потому что она неизмѣримо выше насъ, ея политическое развитіе далеко опередило развитіе другихъ конституціонныхъ странъ Европы.

Послѣ всѣхъ нападокъ, которыя дѣлалъ Бёрне на политическое состояніе Франціи, такое высокое мнѣніе о французахъ, быть можетъ, покажется кому-нибудь противорѣчіемъ. Но противорѣчія тутъ никакого нѣтъ. Бёрне вѣрилъ, что Франція съумѣетъ отдѣлаться отъ всякаго правительства, которое будетъ мѣшать ея свободному развитію и что торжество свободы въ этой странѣ есть только вопросъ времени, десятковъ лѣтъ. Онъ надѣялся, что наступила эта минута торжества свободы, когда вспыхнула іюльская революція. Онъ обманулся, какъ обманулась вся Франція. Свобода дѣйствительно получила большое наслѣдство, выражался онъ, какъ разсказываетъ Гуцковъ, но банкиръ, который долженъ былъ выплатить его — Луи-Филиппъ, сдѣлался злостнымъ банкротомъ. Свою надежду на торжество свободы во Франціи, какъ впрочемъ и въ Германіи, онъ основывалъ на одномъ: «на мудрости Бога и на глупости его представителя».

Политическое состояніе Франціи составляло не единственное содержаніе «Парижскихъ Писемъ», касавшихся этой страны. Бёрне не упускалъ изъ виду и другихъ сторонъ общественной жизни. Литература часто останавливала на себѣ его вниманіе. Какъ нападалъ онъ на нѣмецкую литературу, говоря, что нѣмецкіе писатели пишутъ для того, чтобы засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ, что литература ихъ не утратила своего лакейскаго характера и сохранила за собою, вслѣдствіе этого, презрѣніе даже нѣмецкихъ правительствъ, точно также нападалъ онъ и на французскую литературу, жалуясь на ея буржуазный характеръ. Бейерманъ, его біографъ, передаетъ слова Бёрне, что французскимъ писателямъ, толкующимъ о своихъ страданіяхъ, бурныхъ порывахъ, не слѣдуетъ довѣрять. Не вѣрьте, говорилъ Бёрне, тѣмъ, которые утверждаютъ, что они терзаются, у нихъ нѣтъ тенденцій, они не страдаютъ, не болѣютъ временемъ, у нихъ преобладаетъ одно желаніе — пріобрѣтать больше денегъ. Онъ не дѣлалъ въ этомъ отношеніи исключенія ни для Гюго, ни для Бальзака, и только объ одной Жоржъ-Зандъ говоритъ, что у нея есть искреннее чувство и теплое отношеніе ко всему страждущему. Причину такого незавиднаго направленія французской литературы Бёрне видитъ въ одномъ: Chaussée d'Antin со времени іюльской революціи замѣнилъ собою faubourg St. Germain. Выигрышъ небольшой: аристократія или плутократія.

Это отношеніе къ французской литературѣ, отношеніе сердитое, недовольное, ясно сказывается въ «Парижскихъ Письмахъ», конечно, за немногими исключеніями. Бёрне опредѣленно высказывается по этому поводу, когда онъ разсуждаетъ объ одномъ журналѣ «Europe littéraire», объ изданіи котораго было только-что

объявлено. Бёрне приходилъ въ негодованіе, когда онъ читалъ, что политика будетъ совершенно исключена изъ журнала, и что какъ на главную выгоду отъ этого указывали на то, что журналъ, благодаря такому исключенію политики, будетъ свободно обращаться во всѣхъ государствахъ и пользоваться поддержкой и покровительствомъ всѣхъ правительствъ. «Нравственныя убѣжденія писателя, говоритъ онъ при этомъ, сдѣлали во Франціи большіе успѣхи. Будь этотъ писатель самая отъявленная каналья, онъ, если хорошо понимаетъ свое ремесло, смѣло можетъ съ code moral въ рукѣ предстать предъ какой угодно судъ и требовать, чтобы ему указали, какіе параграфы этого кодекса онъ преступилъ. Нѣмецкій журналистъ продаетъ свою совѣсть, французскій только свои акціи въ журналѣ. Такимъ образомъ, журналъ переходитъ въ другія руки и нѣтъ никакой надобности пачкать свои собственныя. Нѣмецкій журналистъ выставляетъ себя къ позорному столбу, французскій довольствуется тѣмъ, что заслуживаетъ это наказаніе». Бёрне клеймитъ писателей за то, что они отказываются ради матеріальныхъ выгодъ говорить о политикѣ, хотя, строго говоря, было бы совершенно достаточно клеймить позоромъ только тѣхъ, которые напротивъ говорятъ о политикѣ, но говорятъ противъ совѣсти, говорятъ потому только, что имъ платятъ за это, которые, однимъ словомъ, продаютъ свою совѣсть и торгуютъ своими убѣжденіями.

Напрасно, впрочемъ, правительства покупаютъ молчаніе, а съ нимъ совѣсть журналистовъ; напрасно думаютъ они дать духу времени другое направленіе и, «платя хорошо за эстетику, погубить нерифмованную политику». Они жестоко ошибаются, и ошибка ихъ, по мнѣнію Бёрне, происходитъ оттого, что они или не знаютъ или не понимаютъ исторіи. «Въ мірѣ, говоритъ онъ, всегда господствуетъ какая-нибудь идея, и какъ народы, такъ и правительства должны подчиняться ей. Между одною идеею и другою всегда проходило столѣтіе застоя; въ это время человѣчество спало. Этимъ временемъ сна пользовались властители, чтобы порабощать себѣ народы. Эти, наконецъ, просыпаются, и начинались перевороты...» Послѣдній переворотъ въ Европѣ начался изъ-за идеи свободы, и этотъ переворотъ еще не кончился, онъ продолжается, и никакія усилія не способны вырвать этой идеи изъ міра до ея полнаго торжества. Никакая другая идея такъ не возбуждала противъ себя правителей, какъ эта идея свободы, потому что никакая другая не была такъ опасна для нихъ. Опасна же она для нихъ потому, что свобода, собственно говоря, не есть идея, а только «возможность понимать, преслѣдовать и прочно установлять какую угодно идею». Идею свободы народы

не должны, да и не могутъ промѣнять ни на какія блага, потому что свобода предполагаетъ всѣ блага. «Если правители скажутъ своимъ народамъ: мы даемъ вамъ миръ, порядокъ, религію, искусство, науку, промышленность, торговлю, богатство за одну свободу—народы должны отвѣчать: свобода заключаетъ все это, зачѣмъ ее мѣнять, зачѣмъ намъ возиться съ мелкой монетой нашего счастья?» Напрасно, слѣдовательно, заключаетъ Бёрне, платить за то, чтобы люди исключали изъ своихъ журналовъ политику, но дурно поступаютъ и тѣ, которые идутъ на подобныя сдѣлки. Подобныя явленія обличаютъ въ литературномъ мірѣ буржуазное направленіе, котораго Бёрне не могъ переносить въ литературѣ, точно также какъ и въ политикѣ. Но и въ литературѣ точно также какъ и въ политикѣ, Бёрне встрѣчалъ во Франціи много отрадныхъ явленій, и онъ указывалъ на эти явленія Германіи и какъ бы корилъ ее честными произведеніями, честными личностями, которыя притягивали его здѣсь. Какъ относился Бёрне къ французской литературѣ, читатель узнаетъ объ этомъ подробнѣе, когда очередь дойдетъ до личной дѣятельности Бёрне во французской журналистикѣ.

IV.

Нельзя оставить «Парижскія Письма», насколько онѣ относятся къ Франціи, не сказавъ, какъ относился Бёрне къ соціальному вопросу, съ которымъ онъ въ первый разъ встрѣтился близко, такъ сказать лицомъ къ лицу, во Франціи. Оно и понятно. Соціальный вопросъ только тогда, т.-е. послѣ іюльской революціи, и сталъ обозначаться болѣе рѣзко, поставленный на очередь и теоріею и практикою. Съ одной стороны только теперь фурьеризмъ и сенъ-симонизмъ обращаютъ на себя серьезное вниманіе общества, съ другой возстанія рабочихъ въ Ліонѣ указываютъ, что на сцену энергично выступаетъ четвертое сословіе, въ пользу котораго и долженъ быть, главнымъ образомъ, разрѣшенъ соціальный вопросъ. Естественно, что политическій писатель Германіи былъ чуждъ его и только здѣсь впервые этотъ вопросъ могъ занять его умъ

Бёрне, какъ впрочемъ и большинство людей, которые были исключительно заняты политическими вопросами, былъ ошеломленъ извѣстіемъ: революція въ Ліонѣ! На первыхъ порахъ мало кто даже отдавалъ себѣ отчетъ, что это за революція, и заблужденіе было такъ велико, что многіе раздѣляли взглядъ министра Луи-Филиппа, Казиміра Перье, что хотя ліонскія событія

и печальны, но что важности они не представляютъ, такъ какъ политическіе вопросы не играютъ въ нихъ никакой роли. Бёрне былъ слишкомъ проницателенъ; любя народъ, онъ слишкомъ живо чувствовалъ страданія народа, чтобы тотчасъ не понять всей важности возстанія рабочихъ, написавшихъ на своемъ знамени: vivre en travaillant ou mourir en combattant! Онъ понималъ, что когда изъ груди народа вырывается крикъ: работы или смерти! то положеніе его должно быть безвыходно, что онъ доведенъ нищетой, униженіями до послѣдней крайности, и что когда онъ требуетъ для себя смерти или работы, то это не фраза, не слова, брошенныя на вѣтеръ, а отчаянная рѣшимость умереть или добиться себѣ работы, которая не заставляла бы голодать его семью. Положеніе ліонскаго рабочаго населенія въ 1831-мъ году было болѣе чѣмъ тяжко. Эксплуатація рабочихъ фабрикантами была доведена до безумныхъ размѣровъ. Пятнадцать, шестнадцать часовъ тяжелаго труда не обезпечивали отъ голода работника и его семью. Рабочее населеніе стало требовать измѣненія условій труда, но стало требовать мирно, безъ угрозъ, почти прося о томъ, что составляло ихъ право. Намъ нечего ѣсть, говорили рабочіе, наши дѣти умираютъ отъ голода, если они не успѣютъ умереть отъ изнуренія и тяжести работы. Въ семь лѣтъ дѣти уже на фабрикахъ и дышатъ зараженнымъ воздухомъ; дѣвочки четырнадцати, пятнадцати лѣтъ, чтобы поддержать себя и семейство должны приносить себя въ жертву проституціи; наши отцы и матери, послѣ цѣлой жизни безотраднаго и тяжкаго труда, не могутъ умереть дома, а должны, чтобы не отягощать своихъ дѣтей, идти умирать въ госпиталь! Наше положеніе ужасно, говорили рабочіе, помогите намъ! Въ отвѣтъ на эти жалобы была устроена коммиссія изъ представителей фабрикантовъ и рабочихъ, которые, послѣ долгихъ споровъ и уступокъ со стороны рабочихъ, пришли наконецъ въ соглашенію и назначили minimum трудовой платы. Какъ ни ничтожна была уступка, рабочіе считали себя удовлетворенными и были счастливы! Не на долго. Масса фабрикантовъ, незнавшая никакихъ границъ въ своей эксплуатаціи, объявила, что они не соглашаются признать этотъ minimum, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что требованія рабочихъ неосновательны, и что они хотятъ увеличенія жалованья только потому, что «они выдумали себѣ какія-то чисто искусственныя потребности». Искусственною потребностью на языкѣ фабрикантовъ называлась потребность «не умирать съ голода». Нѣкоторые фабриканты, какъ передаетъ Луи-Бланъ въ своемъ сочиненіи «Histoire de dix-ans», доходили до такого цинизма, что говорили: «если въ

желудкѣ у нихъ нѣтъ хлѣба, то мы замѣнимъ его штыками». Чаша была переполнена, гроза разразилась. Кровь была пролита. Рабочее населеніе было въ остервенѣніи, да и было изъ-за чего, оно отстаивало ни больше ни меньше какъ свое право на жизнь. Возстаніе восторжествовало, Ліонъ былъ во власти рабочихъ; но довѣрчивость ихъ была обманута, они повѣрили обѣщаніямъ, допустили себя обезоружить—кровь слѣдовательно была пролита понапрасну. Но если ліонское рабочее населеніе ничего не выиграло отъ своего геройскаго возмущенія, то тѣмъ не менѣе это возстаніе имѣло большой смыслъ: оно показало всю глубину той раны, которая сочилась на тѣлѣ Франціи.

Трагедія, разыгравшаяся въ Ліонѣ, поразила Бёрне и заставила его, впервые, быть можетъ, глубоко задуматься надъ близнецомъ вопроса о политической свободѣ, надъ вопросомъ соціальнымъ. Онъ тотчасъ понялъ весь идіотизмъ правительства, спѣшившаго въ лицѣ одного изъ своихъ представителей высказать свою радость, что въ кровавыхъ событіяхъ Ліона не было и рѣчи о политикѣ, «а все дѣло ограничилось убійствами, грабежами и пожарами!» Бёрне приходилъ въ недоумѣніе, какъ правительство могло шутить со словами, что ліонское возстаніе было не что иное, какъ война бѣдныхъ съ богатыми, т.-е. людей, которымъ нечего терять съ людьми, которые имѣютъ собственность. Онъ предвидѣлъ послѣдствія завязавшейся борьбы и потому, по поводу отношенія правительства къ ліонскому возмущенію, говорилъ: «да, война бѣдныхъ противъ богатыхъ началась, и горе тѣмъ государственнымъ людямъ, которые слишкомъ неразумны или слишкомъ испорчены для того, чтобы не понимать, что слѣдуетъ вступить въ борьбу не съ бѣдными людьми, а съ бѣдностью. Не противъ собственности, а только противъ привилегій богатаго класса возстаетъ народъ; но когда эти привилегіи укрываются за собственность, то можетъ ли народъ завоевать себѣ равенство иначе, какъ взявъ штурмомъ эту собственность?»

Въ сужденіяхъ Бёрне о соціальномъ движеніи рабочаго класса тотчасъ сказывается политическій писатель, готовый во всѣхъ бѣдахъ и людскихъ невзгодахъ видѣть только одно — отсутствіе политической свободы. Нѣтъ сомнѣнія, что эта послѣдняя играетъ весьма важную роль въ вопросѣ о лучшей организаціи труда, но она не разрѣшаетъ еще собою вопроса. Для сколько-нибудь успѣшнаго разрѣшенія его существенно необходимо измѣненіе какъ въ условіяхъ производства, такъ и въ условіяхъ распредѣленія народнаго богатства. Труду, какъ источнику капитала, должно быть дано преобладающее значеніе

надъ этимъ послѣднимъ, который изъ господина долженъ превратиться въ слугу. Прежде чѣмъ не измѣнится это отношеніе труда къ капиталу, не прекратится борьба капиталистовъ, т.-е. аристократіи, духовенства, средняго сословія съ тружениками, т.-е. съ рабочимъ населеніемъ. Не поспѣшитъ капиталъ заключить миръ съ трудомъ — этотъ послѣдній произведетъ страшную революцію, исходъ которой безошибочно можно предсказать впередъ. Когда два противника, даже одинаковой силы, борются — численность побѣждаетъ. Подавляющая численность на сторонѣ тружениковъ — они и побѣдятъ.

Бёрне пользуется возбужденіемъ во Франціи соціальнаго вопроса, чтобы тѣмъ съ большею силою указывать на необходимость политической свободы для общества. Радикальное средство для разрѣшенія соціальнаго вопроса онъ видитъ въ допущеніи народныхъ представителей къ управленію государствомъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ допускаютъ теперь въ нѣкоторыхъ государствахъ представителей аристократіи и буржуазіи. До революціи 89-го года аристократія относилась къ буржуазіи какъ къ «сволочи», которая создана только для того, чтобы служить ей, холопствовать передъ нею. Чтобы измѣнить это отношеніе, чтобы буржуазія получила необходимыя права, чтобы заставить аристократію по крайней мѣрѣ наружно относиться съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ буржуазіи и подѣлиться съ нею своими привилегіями, нужны были геройскія усилія великой революціи.

Въ лицѣ Наполеона, къ которому съ такою ненавистью относится Бёрне, — называя его въ своихъ «Письмахъ» вмѣстѣ и «злодѣемъ» и «дуракомъ», политическая революція потерпѣла фіаско, но въ соціальномъ отношеніи то, что было разъ завоевано, то уже такъ и осталось. Буржуазія гордо стала рядомъ съ аристократіей. Казалось бы, что буржуазія, которая вела такую отчаянную борьбу, чтобы завоевать себѣ права, и зная по собственному опыту, до чего доходитъ дѣло, когда въ нихъ отказываютъ, не только не станетъ сопротивляться тому, чтобы права эти были предоставлены тѣмъ, кого называютъ «простымъ народомъ», но сами будутъ заботиться, чтобы права эти были распространены и на него. Оказалось не такъ. Быстро зажирѣвшая буржуазія забыла, какъ недавно еще ее называли «сволочью», и теперь, соединившись съ аристократіей, стала обзывать этимъ лестнымъ именемъ все, что стояло по матеріальному положенію ниже ея. Она забыла, вмѣстѣ съ аристократіею, что если революція 89-го года съумѣла доставить ей права и наказать аристократію за ея надменность,

то новая революція какого-нибудь неизвѣстнаго еще года точно также съумѣетъ доставить эти права народу и наказать, въ свою очередь, ее за всѣ ея наглыя продѣлки. «Сердце возмущается, говоритъ Бёрне, когда видишь, съ какою несправедливостью распредѣлены всѣ государственныя повинности.... Кто несетъ всю тяжесть налоговъ, на которые всѣ европейскіе народы, наполовину раздавленные, горько жалуются? Бѣдный поденщикъ, деревенская земля». Въ этомъ неровномъ и неравномѣрномъ, а слѣдовательно и несправедливомъ распредѣленіи налоговъ лежитъ одна изъ причинъ тяжкаго положенія «простого народа». Отчего же происходитъ это неравномѣрное распредѣленіе налоговъ? Причина понятна — потому что законы составляютъ богатые люди, потому что налоги и подати, главнымъ образомъ, распредѣляютъ они же, а имъ, конечно, выгодно самую большую и тяжелую часть налагать на бѣдныхъ. Эти же, до поры до времени, молчатъ, и молчаніемъ ихъ пользуются для того, чтобы такъ задавить ихъ, чтобы отъ усталости у нихъ отнялся языкъ, которымъ они могли бы высказать свои жалобы. Простой народъ, бѣдныхъ не допускаютъ до управленія, лишаютъ ихъ голоса подъ тѣмъ предлогомъ, что «люди, которымъ нечего терять, не могутъ искренно интересоваться общимъ благосостояніемъ государства, каждый интриганъ можетъ выманить или купить у нихъ голосъ». Отжившая теорія, въ которой никогда не было слова правды. «Именно потому, заступается Бёрне за простой народъ, что между бѣдными людьми больше честныхъ, чѣмъ между богатыми, что они рѣже этихъ послѣднихъ поддаются подкупу, — именно потому министры не хотятъ допустить ихъ въ среду представителей народа. Пусть они откроютъ намъ свои тайные списки, пусть прочтутъ намъ имена своихъ приверженцевъ, доносчиковъ, политическихъ сводниковъ, шпіоновъ, и тогда окажется, кто чаще продавалъ свою совѣсть: богатые ли для удовлетворенія своего честолюбія и гнусныхъ наклонностей, или бѣдные для уничтоженія своего голода».

Притѣснители народа, говоритъ Бёрне, полагаютъ, что народъ обыкновенно не сознаетъ того, что дѣлаютъ съ нимъ, они обольщаютъ себя надеждою, что народъ не думаетъ и не умѣетъ думать. Горе правительствамъ, когда народъ вдумается въ свое положеніе, «когда народъ начнетъ думать, тогда прошло, восклицаетъ Бёрне, для васъ время спасенія». Возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ указывало на то, что народъ умѣетъ думать, если онъ хочетъ думать, и Бёрне кричалъ изо всей силы: «дайте ему голосъ, дайте ему политическую свободу»! думая разрѣшить этимъ соціальный вопросъ.

Направляя свой взглядъ исключительно на политическую сферу и въ каждомъ предметѣ отыскивая по преимуществу политическую сторону, Бёрне пришелъ къ тому, что всѣ свои надежды относительно народнаго благополучія возлагалъ на политическую свободу. Отсюда неминуемо вытекала нѣкоторая односторонность въ его воззрѣніяхъ, и благодаря именно этой односторонности, онъ не обращалъ достаточнаго вниманія на такія явленія, которыя заслуживали того, чтобы надъ ними задумался такой писатель, какъ Бёрне. Вслѣдствіе этой односторонности Бёрне не постарался вникнуть въ тѣ соціальныя теоріи, которыя имѣли своею задачею преобразовать общественное устройство, дать обществу новыя основанія — теорія, которая именно въ это время, т.-е. послѣ ліонскаго возстанія рабочаго населенія, стала больше и больше занимать собою общество. Сколько бы ни было въ этихъ теоріяхъ фантастическаго, сколько бы ни было въ нихъ неосуществимаго, тѣмъ не менѣе онѣ заключали въ себѣ и такія начала, которыя должны были пустить въ общество глубокіе корни и повліять существеннымъ образомъ на измѣненіе отношенія между трудомъ и капиталомъ. То ассоціаціонное движеніе рабочаго населенія, выражающееся въ организаціи производства, потребленія и кредита, которое охватило въ настоящее время всю Европу, безспорно, обязано своимъ существованіемъ тѣмъ сѣменамъ, которыя брошены были въ почву съ одной стороны Фурье, съ другой Сенъ-Симономъ. Къ этому соціалистическому движенію 30-хъ годовъ Бёрне отнесся чрезвычайно поверхностно, и въ этомъ сознается онъ самъ, когда въ одномъ изъ «Парижскихъ Писемъ» говоритъ: «на вашъ вопросъ о симонистахъ я хотѣлъ бы отвѣчать отчетливо и подробно; но мои свѣдѣнія о нихъ весьма незначительны. Такъ какъ я не стыжусь моего невѣжества въ этомъ отношеніи, то не буду стыдиться и сознанія въ немъ. Оно тѣмъ менѣе извинительно, что симонизмъ извѣстенъ мнѣ какъ одно изъ важнѣйшихъ современныхъ явленій, мало того, какъ содержаніе многихъ важныхъ явленій нашего времени. Но дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ этого предмета я не занимался». Хотя Бёрне и признавалъ это движеніе однимъ «изъ важнѣйшихъ современныхъ явленій», но онъ до такой степени мало интересовался имъ, что не хотѣлъ сначала даже отправиться на собраніе сенъ-симонистовъ, говоря, что тамъ сбирается такая масса народа, что нужно придти за два часа до начала, чтобы отыскать себѣ мѣсто, а «тратить на это столько времени, прибавлялъ Бёрне, я не желаю».

Бёрне не старался вникнуть въ сущность новыхъ теорій, а останавливался на одной внѣшности, которая отталкивала его.

Для него достаточно было знать, что школа сенъ-симонистовъ избираетъ изъ своей среды высшее лицо, пользующееся всѣми почестями, рѣшающее всѣ вопросы, установляетъ у себя родъ папства, чтобы окончательно отвернуться отъ нея. Такъ впрочемъ всегда бываетъ съ людьми, ограничивающимися поверхностнымъ знакомствомъ съ какимъ-нибудь новымъ ученіемъ, новою теоріею или извѣстною попыткою съ преобразованію общества. Изъ-за дѣйствительно смѣшныхъ сторонъ, бросающихся въ глаза, люди не видятъ, что̀ есть въ нихъ глубокаго и по истинѣ серьезнаго. Если что прощается массѣ людей, то не прощается «избраннымъ», къ которымъ принадлежитъ Бёрне, и тѣмъ болѣе ему можно поставить это въ укоръ, что стремленія его и стремленія соціалистовъ были, въ сущности, одинаковы, хотя они и добивались осуществленія ихъ различными средствами. Впрочемъ, Бёрне нужно отдать ту справедливость, что если въ первую минуту онъ и отнесся скептически и даже съ легкою насмѣшкою къ собраніямъ сенъ-симонистовъ, то онъ поспѣшилъ произнести mea culpa, какъ только побывалъ на одномъ изъ такихъ собраній. «Не могу выразить вамъ, писалъ онъ, какое благодѣтельное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ вечеръ.... а между тѣмъ я шелъ туда не только безъ удовольствія, но даже съ враждебными мыслями и чувствами. Я говорилъ себѣ: безъ всякаго сомнѣнія, ты встрѣтишь тамъ людей или ушедшихъ впередъ на цѣлое столѣтіе, или отодвинувшихся назадъ на тысячелѣтія, съ цѣлью отыскать дѣтскій рай человѣчества; они явятся тебѣ съ новѣйшими лицами 9-го февраля 1832 г., съ мнѣніями, словами, понятіями, остротами, вопросами и отвѣтами и всѣмъ вѣчнымъ календаремъ всѣхъ французовъ и парижанъ. Но я обманулся въ моемъ предположеніи».

Какъ родственны были стремленія Бёрне съ стремленіями тѣхъ, кого обыкновенно называютъ утопистами, можно видѣть по одному письму, которое написалъ Бёрне, когда узналъ о смутахъ, происшедшихъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ государствъ по поводу сбора пошлинъ. Онъ жалуется, что правительства только и знаютъ, что «насилія да кровопролитія», и совершенно не способны дѣйствовать инымъ путемъ. Народъ не любитъ пошлинъ, объясните ему ихъ значеніе, ихъ необходимость, и если вы съумѣете доказать, что пошлины сбираютъ для его истинныхъ выгодъ, то онъ не будетъ сопротивляться, будетъ охотно платить. Бёрне говоритъ, что онъ, еслибы только былъ пасторомъ, непремѣнно бы обратился къ своимъ прихожанамъ съ рѣчью, въ которой подробно развилъ бы этотъ предметъ. Онъ приводитъ примѣрную рѣчь, съ которой онъ обратился бы къ

прихожанамъ, и еслибы только она не была такъ длинна, то мы привели бы ее цѣликомъ — столько въ ней ироніи, злобы, остроумія и вмѣстѣ глубокаго смысла. Разсказывая исторію возникновенія пошлинъ, Бёрне со всею яркостью изображаетъ испорченность общественнаго строя и не съ меньшею, чѣмъ соціалисты, силою требуетъ измѣненія существующаго порядка. Сущность его рѣчи такова: глупые, недогадливые люди! если въ васъ стрѣляютъ, когда вы не хотите платить пошлинъ, то въ этомъ виноваты вы одни; вдумайтесь въ то, за что вы платите и кому вы платите; вникните въ то, какъ вами управляютъ и кто вами управляетъ; взвѣсьте ваши интересы и интересы вашихъ управителей; спросите себя: можете ли вы жить иначе, устроить ваше существованіе на другихъ началахъ, и тогда, если только вы не совсѣмъ «ослы» и не «бычачьи головы», то вы поймете, какъ вамъ нужно жить и съумѣете получше устроить вашу жизнь! Бёрне выставляетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые должны быть ему сдѣланы народомъ и на которые онъ торопится отвѣчать. Такъ на вопросъ, зачѣмъ правители собираютъ такъ много денегъ, Бёрне говоритъ, что если они этого не понимаютъ, то они доказываютъ только еще разъ, что они «бычачьи головы». Не для себя, конечно, объяснилъ бы онъ простымъ людямъ, правители собираютъ такъ много съ васъ денегъ, а для цѣлой арміи чиновниковъ, придворныхъ и всѣхъ тѣхъ, которые ему помогаютъ управлять вами. Правителямъ нужно содержать также много солдатъ и для этого также нужны деньги, которыя вы и должны платить. «Ну, продолжаетъ онъ свою рѣчь, не будьте же ослами и спросите: зачѣмъ нужно такъ много солдатъ? Вы это сами видѣли въ пятницу, зачѣмъ нужны солдаты! Еслибы не было солдатъ, какъ бы васъ усмирили, когда вы не хотѣли платить пошлинъ. Но вы, можетъ быть, скажете: но еслибы не было пошлинъ, мы бы не волновались; если же бы мы не волновались, не нужно было бы и солдатъ; еслибы не было солдатъ, не нужно было бы нашихъ денегъ; а если бы не нужно было бы нашихъ денегъ, не нужно было бы и пошлинъ». Въ томъ, что вы говорите, можно было бы отвѣтить, есть уже нѣсколько болѣе смысла, и я вижу, долженъ былъ бы сказать простымъ людямъ пасторъ, что вы не такъ глупы, какъ казалось. Если вамъ скажутъ, что солдаты нужны для внѣшнихъ враговъ, и вы спросите, кто же враги, и вамъ отвѣтятъ, что какой-нибудь народъ, то знайте тогда, что во всемъ, что вамъ скажутъ, нѣтъ ни одного слова правды, что врагами вамъ представляютъ тотъ или другой народъ съ умысломъ ваши правители, которые обманываютъ васъ, потому

что всѣ народы братья, между ними нѣтъ враговъ, и еслибы не ваши правители, то вы всегда бы жили въ мирѣ и согласіи. «Если бы въ народахъ было поменьше «бычачьихъ головъ», то они давно бы уже поняли это, перестали бы рѣзаться между собою и зажили дружно и счастливо.

Отдаваясь подобнымъ грезамъ, Бёрне весьма близко подходилъ къ такъ-называемымъ утопистамъ, и потому тѣмъ болѣе удивительно, что онъ отнесся такъ холодно къ тѣмъ, которые стали проповѣдывать соціальныя теоріи. Кто долго занимается политическими вопросами, кто долго наблюдаетъ политическую жизнь народовъ, тотъ противъ воли становится часто недовѣрчивъ ко всякаго рода попыткамъ. Скептицизмъ самаго горькаго свойства можетъ закрасться въ человѣка, когда онъ видитъ, какъ много тяжелыхъ историческихъ уроковъ пропадаетъ и пропало даромъ для народовъ и какъ, не умѣя пользоваться опытомъ прошедшаго, они не могутъ вырваться изъ заколдованнаго круга личнаго произвола. Но подобнымъ скептицизмомъ не страдалъ Бёрне. Напротивъ, онъ никогда не соглашался съ тѣмъ, чтобы люди всегда могли остаться тѣмъ, что они есть. Еще ничего, говорилъ онъ, не было сдѣлано въ крупныхъ размѣрахъ для того, чтобы сдѣлать людей лучшими, чѣмъ они есть. Ничего не было сдѣлано, потому что ничего не дѣлалось для народа, который только съ конца прошлаго столѣтія объявленъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на исторической сценѣ. Безъ всякаго скептицизма онъ твердо вѣрилъ, что для человѣчества должна наступить лучшая пора, что люди сдѣлаются умнѣе, и когда ему возражали, что масса груба. онъ отвѣчалъ: такъ цивилизуйте ее, человѣчество не создано для того, чтобы оставаться грубымъ. Иначе, впрочемъ, и не могъ разсуждать человѣкъ, взявшій своимъ девизомъ любовь къ человѣчеству и крѣпко державшій въ своихъ рукахъ знамя свободы народовъ.

Если мы указали на отношеніе Бёрне къ соціальному движенію, то только потому, что движеніе это получило большую силу во Франціи 30-хъ годовъ, и потому читатель, знакомый съ этимъ движеніемъ, естественно могъ спросить: какъ же относился къ нему человѣкъ, слѣдившій за событіями этого времени? На упрекъ, что онъ не захотѣлъ достаточно вникнуть и оцѣнить все значеніе, всю важность поднятаго соціальнаго вопроса, Бёрне могъ бы конечно, отвѣтить: двумъ богамъ не служатъ; я весь принадлежу политикѣ, пусть другіе дѣйствуютъ въ области соціальнаго движенія, такъ какъ дѣйствую я въ области политической, и тогда человѣчество шибко пойдетъ впередъ.

V.

Любовь Бёрне къ Франціи была далеко не сантиментальнаго свойства. Читатель видѣлъ уже, что Бёрне былъ вовсе не слѣпъ въ своихъ сужденіяхъ объ этой странѣ, онъ отлично понималъ всѣ ея недостатки, всѣ ея пороки. Преслѣдуя насмѣшкой, ненавистью французское правительство, все пятившееся назадъ и съ какою-то необъяснимою глупостью тѣснившее ту свободу, которой оно обязано было своимъ существованіемъ, онъ не снималъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтственности съ народа, допускавшаго, чтобы, послѣ стольких принесенныхъ имъ жертвъ, имъ снова распоряжались какъ куклою. Но, понимая его недостатки, его легкомысліе, отсутствіе нравственной выдержки, имѣвшее своимъ результатомъ печальное для націи паденіе, повторявшееся уже не одинъ разъ, съ самыхъ крайнихъ высотъ политической свободы стремглавъ внизъ въ мрачную, бездну, выкарабкаться откуда стоило опять новыхъ гигантскихъ усилій, Бёрне точно также отчетливо сознавалъ всѣ прекрасныя свойства этой націи, ея роль, ея значеніе въ судьбахъ остальной Европы. Услуги, которыя Франція оказывала человѣчеству, начинаются вовсе не съ конца XVIII-го столѣтія, когда она бросила въ міръ новыя начала народнаго строя. Гораздо прежде она сослужила службу человѣчеству, когда своими коммунами, своими états généraux, научила Европу, какъ нужно дѣлать, чтобы поразить феодализмъ въ самое сердце. Люди, дѣйствовавшіе въ XVIII-мъ вѣкѣ, продолжали только дѣло, съ которымъ связано имя одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей Франціи, имя Этьенъ Марселя — этого героя XIV-го вѣка. Съ этого времени Франція была страною, на которую были обращены всѣ взоры, ей подражали какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ. Когда, какая литература имѣла бо́льшее вліяніе, бо́льшее значеніе для цѣлаго материка Европы, какъ литература французская? Кто разносилъ по Европѣ новыя идеи, кто разбрасывалъ новыя сѣмена жизни, какъ не Франція? Съ чѣмъ можно сравнить значеніе цѣлой плеяды энциклопедистовъ, чьи имена, по ихъ обширному вліянію, можно поставить рядомъ съ именемъ Вольтера, или Дидро? Въ другихъ странахъ были люди, конечно, одинаково геніальные, одинаково много сдѣлавшіе, но развѣ ихъ вліяніе, ихъ кругъ могутъ быть сравнены съ вліяніемъ, съ кругомъ французскихъ мыслителей, ученыхъ, литераторовъ. Начиная съ Рабле, и Монтаня, Декарта и Паскаля, Мольера и Лафонтена и доходя до Кондорсе и Кондильяка, Бюффона и Кювье,

Руссо и Даламбера и т. д. до нашихъ дней, всѣ эти люди тотчасъ получали вліяніе и значеніе внѣ Франціи, ихъ читали, по нимъ учились, такъ что можно смѣло сказать, что французскій духъ проникалъ во всѣ поры Европы. Если могущественно было всегда вліяніе Франціи въ нравственномъ отношеніи, то вліяніе ея на политическое развитіе Европы было еще больше и едва ли кѣмъ-нибудь можетъ быть оспариваемо*). Вліяніе самое благодѣтельное для народовъ, которое оказалъ переворотъ конца XVIII-го столѣтія на весь цивилизующійся міръ, можетъ быть оспариваемо одними слѣпыми или умышленно непонимающими значенія этого переворота. Съ этого времени Франція для однихъ сдѣлалась предметомъ ненависти, озлобленія, для другихъ страною, на которую возлагались самыя пламенныя надежды, къ которой обращались съ вѣрой и упованіемъ въ ея помощь. Правительства, державшіеся абсолютнаго порядка, ненавидѣли ее и всегда стремились унизить ее общими силами; народы угнетенные, загнанные любили ее и обращали на нее молящіе взоры. Каждый переворотъ во Франціи тотчасъ отзывался въ другихъ странахъ, народы, точно воодушевляемые воодушевленіемъ французовъ, старались и у себя произвести переворотъ. Одного того, что каждый народъ, стремящійся къ тому, чтобы освободить себя, ищетъ симпатіи во Франціи, и всегда находитъ ее, одного этого, думаетъ Бёрне, было бы совершенно достаточно, чтобы оцѣнить, какъ велико то значеніе, которое принадлежитъ Франціи среди остальныхъ всѣхъ народовъ. Когда освобождалась Америка, къ кому она обратилась прежде всего? Она обратилась къ Франціи, которая тотчасъ послала туда на помощь своихъ сыновъ. Освобождалась Испанія—она смотрѣла на Францію. Стремились къ независимости Италія, Польша, Голландія—всѣ простирали свои руки къ французскому народу. Въ бóльшей части случаевъ, онъ былъ, правда, безсиленъ помочь, но всегда съ трепетомъ слѣдилъ за дѣломъ свободы, гдѣ бы она ни начинала борьбу.

Іюльская революція отозвалась немедленно почти среди другихъ народовъ. За волненіями въ Германіи, Италіи, слѣдовали волненія въ Польшѣ, Голландіи. Нигдѣ съ такимъ напряжен-

*) Впрочемъ, не всѣ даже французскіе писатели раздѣляютъ мнѣніе нашего почтеннаго автора, и мы недавно имѣли случай указать на Ренана, который ставитъ во главѣ новѣйшей европейской цивилизаціи протестантизмъ — произведеніе германскаго, а не французскаго духа. Самъ Бёрне едва ли бы восхищался политическимъ смысломъ французовъ въ 30-хъ годахъ, если бы могъ предвидѣть, что этотъ политическій ихъ смыслъ приведетъ Францію отъ орлеанской монархіи къ наполеоновской имперіи, считавшей за собою даже наканунѣ своего паденія семь съ половиною милліоновъ партизанскихъ голосовъ. — *Ред.*

нымъ вниманіемъ не слѣдили за ходомъ народныхъ движеній, и не слѣдили съ такимъ сочувствіемъ, съ такою симпатіею какъ во Франціи, и преимущественно въ Парижѣ. Бёрне, живя здѣсь и отмѣчая въ «Парижскихъ Письмахъ» все, что занимало общественное мнѣніе, главнымъ образомъ въ области политики, не могъ, конечно, оставить безъ вниманія событія другихъ странъ, находившія здѣсь такое сочувственное эхо. Вотъ отчего мы и находимъ въ «Парижскихъ Письмахъ» мнѣнія Бёрне по поводу бельгійскихъ, итальянскихъ, польскихъ и испанскихъ дѣлъ, — мнѣнія, съ которыми мы должны познакомить нашихъ читателей, хотя бы то было въ нѣсколькихъ словахъ.

Бёрне отъ всей души ненавидѣлъ Вѣнскій конгрессъ съ его трактатами 1815-го года, на которомъ народами торговали, по его выраженію, какъ скотами, и потому онъ съ радостью привѣтствовалъ смуты, революціи, вспыхнувшія въ различныхъ государствахъ въ 30-мъ году. Трактатами 1815-го года народы дѣйствительно были порабощены, они были растасованы, распредѣлены между сильными міра безъ ихъ согласія, съ насиліемъ ихъ воли, совершенно произвольно. О правахъ народа никто въ то злополучное время не хотѣлъ и думать, всѣ управлявшіе судьбами націи считали какъ нельзя болѣе естественнымъ, съ ножницами въ рукахъ, округлять дружелюбно, по взаимному соглашенію, свои владѣнія. «Ты возьмешь вотъ это, а я возьму вотъ это», таково было правило высшей политической мудрости, которымъ съ такимъ неподражаемымъ цинизмомъ руководились на знаменитомъ конгрессѣ. Всѣ почти народы были до такой степени изнурены, истощены, забиты чуть не двадцатилѣтними войнами, во время которыхъ, по обыкновенію, они такъ много потеряли и ровно ничего не выиграли, что у нихъ не осталось даже энергіи возвысить свой слабый и немощный голосъ противъ такого недостойнаго торга цѣлыми народами. Съ проклятіемъ, глубоко коренившимся въ ихъ груди, они склонили свои выи и подчинились насилію, не смѣя даже громко роптать.

Они хранили только одну надежду, свято таили одно упованіе, что придетъ часъ ихъ избавленія, что голосъ освобожденія ударитъ въ набатъ, и тогда, собравшись съ силами, они съумѣютъ свергнуть ненавистное иго, наложенное трактатами 1815-го года и съумѣютъ отстоять свою независимость и свободу. Жалкая иллюзія, несбывшаяся мечта! Прошло пятнадцать тяжелыхъ годовъ, на поверхности Европы, за исключеніемъ нѣсколькихъ вспышекъ, кончившихся только усиленіемъ реакціи, вездѣ «царствовалъ порядокъ», дорогой плодъ «отеческаго управленія» народами. На поверхности Европы стояла зима, все было по-

крыто льдомъ, остыли, казалось, всѣ страсти, остыла народная кровь. Наружность обманываетъ иногда. Подъ ногами правителей ледъ таялъ, изъ внутренностей Западной Европы подымался паръ, давно прекратившій свои изверженія вулканъ снова начиналъ дымиться. Наступила, наконецъ, давно желанная минута. Голосъ освобожденія ударилъ въ набатъ, всѣ угнетенныя національности затаили свое дыханіе, и съ напряженіемъ, со страстью стали впиваться въ звуки того голоса, который, казалось, призывалъ ихъ къ освобожденію. Этимъ голосомъ была іюльская революція, такъ много обѣщавшая и такъ мало выполнившая.

На Францію обратились взоры всѣхъ заполоненныхъ національностей, и смотря на то, какъ легко досталась французскому народу побѣда надъ порядкомъ, установленнымъ чужеземцами, онѣ думали, что также легко отдѣлаются отъ ярма, въ которое онѣ силою были впряжены волею нѣсколькихъ личностей. Примѣръ Франціи, ея помощь, на которую такъ естественно было разсчитывать, служили, казалось, гарантіею побѣды. Угнетенныя національности, собравшись со всѣми силами, приподнялись на ноги и начали упорную, но безплодную борьбу. Еслибы во главѣ Франціи стало правительство, которое не столько заботилось бы о томъ, какъ попрочнѣе установить орлеанскую династію, сколько о дѣйствительныхъ интересахъ народа, еслибы оно не столько угодничало передъ европейскими дворами, стараясь заслужить ихъ барскую милость, сколько старалось бы доставить торжество тому началу, которому оно обязано было своимъ происхожденіемъ, тогда, разумѣется, надежда забитыхъ національностей на помощь Франціи не оказалась бы тщетна. Но правительство Лудовика-Филиппа слишкомъ скоро забыло свое «плебейское» происхожденіе, слишкомъ скоро забыло, что оно существуетъ вовсе не во имя божественнаго права, а во имя воли народа, бурно выраженной въ іюльскіе дни, и стало заигрывать, жертвуя своимъ достоинствомъ, самымъ неприличнымъ образомъ съ тѣми абсолютными правительствами, которыя вовсе не скрывали своего презрѣнія къ буржуазной коронѣ Луи-Филиппа. Никакіе уроки не способны были пробудить чувство собственнаго достоинства въ правительствѣ Луи-Филиппа. Оно унижалось передъ Англіей, посылая туда Талейрана, который былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Абердина и Веллингтона, оно унижалось передъ Пруссіею, унижалось передъ Австріею, унижалось передъ Россіею, посылая къ императору Николаю угодливыя письма, на которыя онъ отвѣчалъ въ презрительномъ тонѣ, не употребляя по отношенію къ Луи-Филиппу даже обычныхъ словъ «monsieur mon frère», несмотря

на то, что Луи-Филиппъ называлъ его этимъ дружескимъ именемъ съ лестью и покорностью. Правительство Луи-Филиппа унижало Францію, унижало тѣ демократическія начала, во имя которыхъ была совершена іюльская революція, несмотря на то, что оно имѣло всю возможность поднять ея значеніе выше, чѣмъ когда-нибудь прежде.

Рѣдко когда внѣшняя политика Франціи была болѣе недостойна и такъ мало способна пользоваться благопріятными обстоятельствами, какъ именно въ 30-хъ годахъ. Англія волновалась въ это время вопросами соціальнаго свойства, хлѣбная лига привлекала собою все общественное вниманіе, парламентская реформа волновала умы, однимъ словомъ, сильное внутреннее броженіе въ это время было слишкомъ достаточною причиною, чтобы удерживать Англію отъ вмѣшательства въ дѣла континентальной Европы. Съ этой стороны Франціи нечего было опасаться, руки ея были развязаны. Пруссія еще не успѣла достаточно оправиться отъ ударовъ, нанесенныхъ ей Наполеономъ, да и одна она была слишкомъ слаба, чтобы выступить крестовымъ походомъ противъ революціи. Россію удерживала въ это время возставшая Польша, Италія поглощала всѣ силы Австріи, Испанія находилась въ лихорадочномъ состояніи, и искала поддержки Франціи, чтобы сбросить существовавшее правительство Фердинанда VII. Франція имѣла полную возможность, всѣ средства возвратить себѣ то вліяніе, которое она утратила послѣ 1815-го года. Для того, чтобы возвратить себѣ это вліяніе, ей стоило только болѣе рѣшительно стать на сторону угнетенныхъ національностей, которыя, воодушевленныя ея примѣромъ, поднялись на защиту своей независимости.

Бельгія находилась ближе всѣхъ къ Франціи, потому, быть-можетъ, и іюльская революція отразилась здѣсь прежде, нежели среди другихъ народовъ. Четыре милліона бельгійцевъ были привязаны къ двумъ милліонамъ голландцамъ и играли роль покореннаго народа. Естественно, что Бельгія не могла не задать себѣ вопроса, по какому праву Голландія съ двухмилліоннымъ населеніемъ сдѣлалась повелительницею бельгійскаго народа. До тѣхъ поръ, что у Бельгіи не было надежды сбросить съ себя власть Голландіи, она покорялась; но какъ только надежда эта въ образѣ іюльской революціи осуществилась, бельгійцы поднялись. Голландское правительство думало мѣрами строгости установить порядокъ, разсчетъ оказался невѣренъ, бо́льшая строгость вызывала только бо́льшее ожесточеніе. Пруссія желала явиться на помощь усмирителямъ, но правительство Луи-Филиппа имѣло въ это время еще настолько

мужества, чтобы рѣшительно воспрепятствовать вмѣшательству Пруссіи. Голландское правительство двинуло свою армію на Брюссель, который скоро представилъ собою самое грустное зрѣлище. «Это отвратительно, слишкомъ отвратительно то, чтó дѣлается въ Брюсселѣ, восклицаетъ Бёрне. То, чтò Парижъ видѣлъ въ іюлѣ, это шутка по сравненію съ Брюсселемъ. Кажется, можно быть совершенно пресыщеннымъ низостями правителей. А король голландскій еще одинъ изъ лучшихъ. Душить людей за то, что они не хотятъ больше, чтобы съ ними обращались какъ со школьниками, зажигать ядовитыми огнями, конгревовскими ракетами крыши надъ головами ихъ беззащитныхъ женщинъ и дѣтей—въ этомъ проявляется отеческая любовь отцовъ народа. Одинъ изъ брюссельскихъ журналистовъ спрашиваетъ: «сколько же наконецъ труповъ нужно королю, чтобы онъ съ удобствомъ могъ совершить свой въѣздъ въ столицу». «Несчастный насмѣшникъ, прибавляетъ Бёрне. Спросите-ка прежде самихъ себя, сколько *вамъ* нужно труповъ, чтобы вамъ сдѣлалось не по себѣ и чтобы вы, наконецъ, потеряли терпѣніе съ вашими притѣснителями. Они все еще дѣйствуютъ не съ достаточною злобою». Опасеніе, что бельгійцы смирятся передъ первымъ серьезнымъ натискомъ голландскихъ штыковъ и пушекъ, до такой степени овладѣваетъ Бёрне, что онъ становится почти несправедливъ къ возставшему народу и съ раздраженіемъ, съ озлобленіемъ говоритъ: «Я не чувствую состраданія къ Бельгіи, я не чувствую состраданія ни къ какому народу. Tu l'as voulu, tu l'as voulu, George Dandin!»

Совершенно понятно, что политическій писатель, который пишетъ подъ давленіемъ быстро проходящихъ событій, очень часто въ жару увлеченія высказываетъ предположенія, дѣлаетъ такія пророчества, отъ которыхъ онъ первый же отступается, какъ только событія эти болѣе обрисовываются и выясняются. Бёрне, подобно другимъ, былъ тоже склоненъ иногда дѣлать самые смѣлые выводы изъ событій и потому, если бы кто-нибудь захотѣлъ упрекать его въ отсутствіи «политической дальновидности», тотъ нашелъ бы, конечно, обильный матеріалъ для всевозможныхъ нападковъ на его недальновидность. То, чтó нѣкоторые могутъ назвать «политическою недальновидностью», то гораздо справедливѣе можетъ быть названо «политическимъ увлеченіемъ». Когда бельгійскія событія развертывались передъ глазами Европы, когда на сѣверѣ и на югѣ поднимались угнетенныя національности, Бёрне видѣлъ уже на политическомъ горизонтѣ близкую и рѣшительную борьбу двухъ началъ: деспотіи и свободы. Борьба эта казалась ему неизбѣжною и онъ содро-

гался уже впередъ тѣмъ ужасамъ, которые она повлечетъ за собою. «Я жду, писалъ онъ въ 1830-мъ году, что міръ погибнетъ, и что всѣ мы потеряемъ разсудокъ. Я не сомнѣваюсь, что къ слѣдующей веснѣ вся Европа будетъ въ пламени, и что не только государства превратятся въ развалины, но въ корнѣ также будетъ разрушено благосостояніе безчисленныхъ семействъ. Къ ихъ празднествамъ,—со злобою прибавляетъ Бёрне, приписывая однимъ правителямъ неизбѣжность войнъ между государствами,—правители приглашаютъ только избранныхъ; но когда ихъ постигаютъ несчастія, они зовутъ къ себѣ въ гости и гражданъ. *Объ этомъ* они впередъ озабочиваются, для этой благородной цѣли они дѣлаютъ государственные долги. Мы можемъ гордиться, это большая честь страдать въ такомъ избранномъ обществѣ». Бёрне, впрочемъ, очень скоро увидѣлъ, что изъ-за Бельгіи Европа не будетъ объята пламенемъ, и черезъ нѣсколько дней послѣ своихъ грозныхъ предсказаній, уже самъ говорилъ, что все дѣло кончится какъ нельзя болѣе мирно.

Европа рѣшилась уважить требованіе бельгійцевъ, предоставить ей независимость отъ Голландіи, и даже согласилась не навязывать ей въ короли голландскаго принца. Бельгія, или по крайней мѣрѣ самая развитая часть населенія, желала одного изъ двухъ—или сдѣлать изъ нея республику, или чтобы она присоединилась къ Франціи, съ которою была у нея самая родственная связь. Что касалось присоединенія Бельгіи къ Франціи, чего такъ желало большинство бельгійцевъ, то, разумѣется, держись Франція только болѣе твердой, болѣе достойной политики, вырази она рѣшительно свою волю, Бельгія слилась бы съ Франціею. Республика же возбуждала противъ себя всю Европу, и бельгійцы,—Бёрне впередъ это предсказывалъ,—должны были уступить. Будучи самъ рѣшительнымъ республиканцемъ, Бёрне до такой степени высоко ставилъ такую форму правленія, что ему казалось даже иногда, что примѣнять ее къ Бельгіи или какой-нибудь другой странѣ «нашей разслабленной части свѣта», это значитъ только профанировать ее. Онъ понималъ всю трудность существованія республики, когда ее со всѣхъ сторонъ окружаютъ монархіи, которыя относятся къ ней съ негодованіемъ, со страхомъ, со злобою, вызываемою боязнью, чтобы республиканскія учрежденія не заражали собою подданныхъ монархій. Дѣйствительно, прочность республиканской формы въ Америкѣ, быть можетъ, объясняется въ значительной степени тѣмъ, что у американской республики нѣтъ подъ бокомъ ограниченныхъ и неограниченныхъ монархій, строящихъ всевозможныя козни, чтобы ее уничтожить; точно также, какъ шаткость французскихъ рес-

публикъ непремѣнно обусловливается, помимо внутреннихъ причинъ, лежащихъ въ народѣ, внѣшними причинами — политическимъ состояніемъ сосѣднихъ странъ, существованіемъ въ нихъ ревнивыхъ до своихъ прерогативъ монархій, тѣмъ заговоромъ, который составленъ нѣсколькими противъ свободы всѣхъ. Государства континентальной Европы слишкомъ тѣсно перевязаны между собою, чтобы одно изъ нихъ не имѣло и въ свою очередь не испытывало на себѣ вліянія другихъ. Этою связью, этимъ вліяніемъ одного государства на всѣ другія и всѣхъ другихъ на одно и объясняется, съ одной стороны, тотъ страхъ, тотъ ужасъ, который порождаютъ установленныя гдѣ-нибудь республики, и съ другой—забота, рвеніе, всевозможныя усилія, чтобы подобную форму правленія подкосить и замѣнить ее иною формою.

Бёрне, приходя къ заключенію, что республика по сосѣдству расшатываетъ монархію, выражаетъ желаніе, чтобы, несмотря на всю трудность упрочить республику въ такой разслабленной части свѣта какъ Европа, въ Бельгіи все-таки была бы она установлена. «Все-таки, говоритъ онъ, на нѣмецкой границѣ она была бы чрезвычайно выгодна; она сдѣлала бы нашъ абсолютизмъ нѣсколько помягче. Боязнь, это лучшая надзирательница для правителей, единственная, которой они слушаются. Боязнь должна служить границею Германіи, или иначе нужно покинуть всякую надежду». Если съ одной стороны онъ желалъ установленія въ Бельгіи республики ради Германіи, чтобы она имѣла предъ собою постоянное пугало, то съ другой онъ желалъ ея установленія ради того принципа, что народъ можетъ распоряжаться своею судьбою по своему усмотрѣнію. Бельгія, говорилъ онъ, хочетъ быть республикой, пусть она ею и будетъ. «Нужно всегда спрашивать: кому принадлежитъ Бельгія или всякая другая страна? Принадлежитъ она народу или принадлежитъ она правителю»? На этотъ вопросъ, который ставилъ Бёрне, отвѣтъ можно было впередъ предсказать. Пусть народъ, по его мнѣнію, будетъ даже не правъ по отношенію къ своему королю, но такъ какъ онъ господинъ въ своемъ домѣ, то онъ имѣетъ полное право «выпроводить его за двери», хотя бы то было только потому, что народу не нравится «форма его носа». Надежда Бёрне не осуществилась, остальныя монархическія государства не допустили, чтобы въ Бельгіи установилась республика, и ей пришлось избирать себѣ короля. И тутъ даже она была не свободна, и тутъ «мудрая» европейская дипломатія заставляла выдѣлывать ее всевозможныя дипломатическія упражненія, пока въ конецъ не уморила ее и не посадила на вновь воздвигнутый престолъ кого ей было угодно. Бёрне былъ въ негодованіи и на дипло-

матію и на бельгійцевъ. «На этихъ дняхъ, писалъ онъ, рѣшится судьба Бельгіи. Такой смѣшной аукціонной продажи трона мнѣ никогда еще не приходилось видѣть. И нашлись же принцы, которые выпрашиваютъ эту корону! Я скорѣе бы протянулъ руку за грошевою милостынею. Выпрашивать корону! Громъ Юпитера принимать какъ милостыню! Корону нужно похитить или принять изъ милосердія». Бёрне впередъ протестовалъ противъ одной кандидатуры «маленькаго Богарне», находя, что ничего не можетъ быть ненавистнѣе, какъ смѣшеніе «бонапартовской и нѣмецкой крови». Ничего не можетъ быть ненавистнѣе такого зла, потому что такой государь въ одно и тоже время наноситъ раны народу и отравляетъ его, дѣлаетъ его рабомъ и вмѣстѣ лакеемъ. «Соединеніе подобныхъ двухъ золъ никогда еще не видано было ни въ одномъ государствѣ. Испанцы, итальянцы, русскіе и другіе— рабы; народы нѣмецкаго нарѣчія — лакеи». А мы уже знаемъ, что Бёрне предпочиталъ рабство лакейству, говоря, что первое только дѣлаетъ несчастнымъ, а второе унижаетъ. Когда выбранъ былъ, наконецъ, король, и когда жребій упалъ на герцога Немурскаго, второго сына Луи-Филиппа, Бёрне только со злобою воскликнулъ: «Народъ снова сдѣлалъ себѣ короля.... Нюрнбергскій товаръ! Впрочемъ отчего же и нѣтъ, покамѣстъ народы остаются дѣтьми и любятъ дѣтскія игры»! Но и «нюрнбергскій товаръ» европейскія державы давали въ руки съ осторожностью, и не одну «игрушку» долженъ былъ выпустить изъ рукъ бельгійскій народъ, или вѣрнѣе, не одну «игрушку» вырывали у него, прежде чѣмъ рѣшились, наконецъ, выбрать для него кобургскаго принца Леопольда. Если народу не позволяютъ посадить къ себѣ на престолъ такого короля, какого имъ хочется, то что́ же, наконецъ, остается за нимъ, какое право, кромѣ права повиноваться? Если бы народъ былъ болѣе уменъ,—все возвращается къ своей основной мысли Бёрне,—за нимъ осталось бы не только право имѣть любого короля, но даже право вовсе не имѣть никакого.

Какъ сочувственно Бёрне относился къ возстанію Бельгіи, такъ точно привѣтствовалъ онъ и движеніе въ Италіи, Испаніи, Польшѣ. Еслибы какимъ-нибудь чудомъ могла быть приподнята завѣса, скрывающая будущее и Бёрне хотя бы на одинъ мигъ могъ увидѣть, что̀ станется съ тѣмъ бурнымъ движеніемъ, которое охватило Европу въ 30-хъ годахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ не предавался бы такъ цѣльно безпечной радости, сладостному увлеченію и восторгу при каждомъ новомъ извѣстіи о возстаніи въ той или другой странѣ. Остановитесь, быть можетъ, крикнулъ бы онъ народамъ, зачѣмъ столько жертвъ, зачѣмъ столько про-

литой крови, если у васъ нѣтъ достаточно силъ для побѣды! Но Бёрне, который въ спокойномъ состояніи обладалъ такимъ громаднымъ запасомъ скептицизма, въ минуты увлеченія дѣлался довѣрчивъ какъ ребенокъ, и ему не приходилъ даже въ голову вопросъ: къ чему приведетъ возстаніе? Онъ вѣрилъ въ успѣхъ всякой революціи, несмотря на то, что событія, которыхъ онъ самъ былъ очевидцемъ, не говоря уже объ исторіи, только и дѣлали, что опровергали его надежды. Вѣрить такъ сладко, надѣяться такъ отрадно, такъ заманчиво, когда желаешь, чтобы надежда осуществилась. Онъ отгонялъ отъ себя всѣ мрачныя опасенія, онъ не хотѣлъ задумываться надъ бросавшеюся въ глаза несоразмѣрностью силъ, съ одной стороны реакціи, съ другой революціи, и какъ только гдѣ-нибудь видѣлъ искру, онъ уже и вѣрилъ, что эта искра превратится въ грозное пламя. Искра эта была ничѣмъ инымъ, какъ тою относительно ничтожною кучкою людей въ каждой странѣ, рѣшавшихся жертвовать собою для общественнаго благополучія. Напрасныя жертвы! Эта искра могла бы только тогда яркимъ свѣтомъ озарить горизонтъ, еслибы въ ту массу, во имя которой всегда дѣйствуетъ эта горсть передовыхъ людей, проникло прочное политическое развитіе. Безъ такого развитія всѣ усилія всегда останутся тщетны, и лучше бы дѣлала эта горсть людей, еслибы, вмѣсто того, чтобы великодушно обрекать себя на смерть, она обрекала себя на болѣе скромную роль проповѣдниковъ тѣхъ здоровыхъ началъ, которыя выработаны всею человѣческою исторіею. Какъ ни грустно все сѣять, да сѣять, и самому никогда не жать, но дѣлать нечего, пока поле какъ слѣдуетъ не засѣяно, оно не дастъ сочныхъ колосьевъ. Винить ли Бёрне, что ему хотѣлось поскорѣе жать, что ему надоѣдала роль сѣятеля, которую выполнялъ съ такимъ совершенствомъ. Онъ усталъ отъ «настоящаго», онъ изстрадался отъ «дѣйствительности», его умъ, его сердце требовало себѣ отдыха, не естественно ли, что свои грёзы онъ принималъ иногда за дѣйствительность. Бѣда при этомъ одна — когда наступаетъ протрезвленіе отъ опіума своего собственнаго воображенія, тогда мрачная дѣйствительность кажется еще болѣе мрачною и старое озлобленіе получаетъ только новую силу.

Такъ оно было и съ Бёрне. Вспыхиваетъ іюльская революція —ему грезится, что для Франціи навсегда наступило торжество свободы; возстаніе въ Бельгіи—ему грезится, что отнынѣ нѣтъ больше рабства народа; революція въ Италіи — ему снова грезится и грезы убаюкиваютъ его какъ дитя въ колыбели. «Италія! Италія! восклицаетъ онъ въ волненіи, слышите ли вы тамъ мое ликованіе? О, еслибы у меня была труба, звуки которой достигли

бы вашихъ ушей! Да, одна весна вознаграждаетъ за сто зимъ. Свобода, этотъ соловей съ голосомъ исполина, заставляетъ очнуться изъ самаго глубокаго сна. Въ моемъ тѣсномъ сердцѣ, какъ ни горячо оно, набралась такая высокая гора желаній, что вѣчный снѣгъ лежалъ на нихъ, и я думалъ, что онъ никогда не растаетъ. Но теперь эти желанія таютъ и стекаютъ съ своихъ высотъ въ видѣ надеждъ. Возможно ли въ настоящее время думать о чемъ-нибудь, кромѣ борьбы за свободу или противъ нея»? Надежда быстро смѣняется у Бёрне увѣренностью, и онъ, говоря о свободѣ Италіи, Польши, Испаніи и Португаліи, уже какъ о совершившемся фактѣ, вздыхаетъ только о томъ, что его родина, его Германія по прежнему остается въ оковахъ. Смотря, какъ революція вспыхнула во Франціи, Бельгіи, въ Испаніи, въ Польшѣ, въ Италіи, онъ видитъ уже весь міръ свободнымъ и только одна Германія, ему кажется, «будетъ продолжать томиться въ темницѣ». Мысль эта для него невыносима и у него вырываются горькія фразы: «каково будетъ намъ, спрашиваетъ онъ съ отчаяніемъ, когда свобода печати, этотъ корень и цвѣтъ всякой свободы, зазеленѣетъ въ странахъ Лойолы и папы, а рукою народа Лютера по прежнему будутъ водить, какъ рукою мальчишки, обучающагося чистописанію? Гдѣ скроемъ мы нашъ позоръ? Птицы будутъ насмѣшливо пѣть вокругъ насъ, рисуетъ ему его воображеніе, собаки будутъ лаять на насъ, рыбы въ водѣ получатъ человѣческій голосъ и станутъ издѣваться надъ нами. Ахъ Лютеръ! восклицаетъ Бёрне, несправедливо конечно обрушивая на него свою злобу, какими несчастными сдѣлалъ онъ насъ! Онъ отнялъ у насъ сердце и далъ намъ логику; онъ лишилъ насъ вѣрованія и снабдилъ знаніемъ; онъ снабдилъ насъ ариѳметическимъ соображеніемъ и взялъ у насъ отважную энергію, не умѣющую разсчитывать и вычислять. Онъ выплатилъ намъ свободу за три столѣтія до истеченія срока платежа, и мошенническій учетъ поглотилъ весь капиталъ. И то немногое, что получили мы отъ него, заплатилъ онъ, какъ истый нѣмецкій книгопродавецъ, не деньгами, а книгами, — и когда теперь, видя, какъ уплачиваютъ другимъ народамъ, мы спрашиваемъ: гдѣ наша свобода? намъ отвѣчаютъ: вы уже давно ее имѣете —это библія». Всю эту тираду противъ Лютера, знанія, области размышленій, свободы изслѣдованія, добытой въ ущербъ свободы дѣйствительной жизни, Бёрне замыкаетъ злобно-шутливыми словами: «все это слишкомъ грустно! нѣтъ надежды, чтобы Германія сдѣлалась свободною прежде чѣмъ не перевѣшаютъ ея лучшихъ философовъ, богослововъ, историковъ, и не сожгутъ сочиненій тѣхъ, которые уже умерли....»

Напрасно впрочемъ авторъ «Парижскихъ Писемъ» торопился завидовать «свободной» Италіи; еслибы онъ подождалъ нѣсколько мѣсяцевъ, даже не мѣсяцевъ, а недѣль, то онъ увидѣлъ бы туже грустную картину, которая не разъ уже вырывала у него перо изъ рукъ и на глаза его вызывала слезы. Онъ увидѣлъ бы какъ цѣлая вереница однихъ итальянскихъ патріотовъ, скованныхъ по рукамъ и по ногамъ, отправлялась въ австрійскую неволю испивать горькую чашу бѣдствій, и другихъ, правда болѣе счастливыхъ, съ мужествомъ вступавшихъ на плаху, чтобы никогда болѣе не увидѣть позора Италіи и вмѣстѣ своею мученическою смертью запечатлѣть святое дѣло свободы своего народа. Правые гибнуть, неправые торжествуютъ — таковъ долженъ быть девизъ исторіи всѣхъ народовъ. Европейское движеніе 30-хъ годовъ должно только служить подтвержденіемъ этого печальнаго девиза. Франція, имѣвшая настолько силы, чтобы вызвать это движеніе и у себя и у другихъ, была недостаточно сильна, чтобы доставить ему торжество не только у другихъ народовъ, но даже у себя. Она сама слишкомъ тяжело поплатилась за этотъ недостатокъ силы, чтобы его можно было ставить еще ей въ укоръ. Зачѣмъ,—обращались къ ней съ упрекомъ послѣ неудавшагося движенія 30-го года,—зачѣмъ ты вызвала возстаніе почти въ цѣлой Европѣ, зачѣмъ ты обагрила кровью Бельгію, Испанію, Италію, Польшу, если ты была неспособна доставить побѣду всѣмъ тѣмъ, которые воодушевились твоимъ примѣромъ и твоими идеями? Я сдѣлала больше, смѣло могла отвѣчать Франція на эти попреки, для другихъ, нежели для себя — и этимъ правдивымъ отвѣтомъ опредѣлялось бы дѣйствительно великое значеніе исторической роли Франціи. Она желала, она стремилась дѣлать добро человѣчеству, она его дѣлала, и если добро это не полно, то тѣмъ не менѣе неполное добро остается все-таки добромъ.

VI.

Едва ли не больше всего попрековъ вынесла Франція изъ Польши. Послѣ каждаго подавленнаго возстанія, къ ней обращались со словами: смотри! это дѣло твоихъ рукъ! Это же обвиненіе упало на Францію и послѣ польской революціи 30-го года. Слѣдя вообще за движеніемъ, вызваннымъ іюльскимъ переворотомъ, Бёрне не могъ уже не слѣдить и за драмой, разыгрывавшейся и на берегахъ Вислы. Онъ слишкомъ часто возвращался въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ» къ Польшѣ, къ ея возстанію, чтобы мы могли пройти молчаніемъ всѣ разсужденія Бёрне по поводу польскихъ дѣлъ, хотя конечно всякій понимаетъ, что было бы слишкомъ поздно въ 1870-мъ году аргументировать дово-

дами 30-хъ годовъ, и слишкомъ наивно было бы думать, что можно выдавать за безусловную истину то, чтó говорилось по поводу польскаго вопроса политическимъ писателемъ Западной Европы и говорилось еще сорокъ лѣтъ тому назадъ. И польская революція 30-го года, и мнѣніе о ней Бёрне — все это дѣла давно минувшихъ дней и въ настоящую минуту имѣютъ интересъ только историческій. Мнѣніе Бёрне о Польшѣ въ 30-мъ году тѣмъ болѣе интересно, что оно можетъ служить образчикомъ того, какъ вообще смотрѣли въ 1830-мъ году на это дѣло люди радикальной партіи Западной Европы; не вдаваясь въ оцѣнку внутреннихъ отношеній между Россіею и Польшею, они видѣли только одну внѣшнюю сторону, т.-е. возстаніе, борьбу, проявленіе геройства. Нужно ли прибавлять, что когда люди оцѣниваютъ событія съ одной внѣшней стороны, и не проникаютъ во внутреннія его причины, то они не могутъ претендовать на безошибочныя мнѣнія.

Бёрне, живя въ Парижѣ во время польской революціи 1830-го года, выражаетъ своими мнѣніями не только мнѣнія либеральной партіи Западной Европы, но на немъ отражается также, на его языкѣ такъ-сказать лежитъ печать того страстнаго увлеченія и горячаго сочувствія, съ которымъ Франція относилась къ Польшѣ. Связь, существовавшая между этими двумя странами, симпатія, установившаяся издавна между двумя народами, закрѣпились во время наполеоновскихъ войнъ, когда поляки съ такимъ восторгомъ проливали свою кровь, надѣясь увидѣть во Франціи свою спасительницу. Великое герцогство Варшавское, имѣвшее эфемерную жизнь, было жалкимъ вознагражденіемъ за всѣ понесенныя жертвы. Казалось, симпатіи должны были сдѣлаться менѣе горячими послѣ того, что Франція оказалась такою плохою спасительницею поляковъ, но эти послѣдніе, какъ будто въ опроверженіе тѣмъ, которые думаютъ, что только однимъ интересомъ поддерживаются близкія отношенія двухъ націй, не только не охладѣли въ своей привязанности къ Франціи, но можетъ быть болѣе прежняго сосредоточили на ней всѣ свои надежды, всю свою любовь. Что касается до сочувствія къ Польшѣ, то во Франціи въ немъ не было недостатка; французское правительство было только скупо на матеріальную поддержку, на которую такъ разсчитывали поляки во время революціи 1830-го года. Революція эта ближайшею своею причиною имѣла тотъ же іюльскій переворотъ во Франціи, который вызвалъ волненіе почти во всей Западной Европѣ. О коренныхъ же причинахъ нечего говорить: съ одной стороны онѣ слишкомъ хорошо извѣстны читателю, съ другой онѣ потребовали бы слишкомъ длинныхъ объясненій, которыя не шли бы къ содержанію нашихъ статей. Поэтому, послѣдуемъ за Бёрне, который во всемъ

польскомъ движеніи, не вдаваясь въ частности, видитъ одну основательную причину: желаніе польскаго народа возвратить себѣ независимость. Ему нѣтъ дѣла до стариннаго спора между Россіею и Польшею, ему нѣтъ дѣла, кто правъ, кто виноватъ, онъ знаетъ только одно, что Польша побѣждена, что она лишена независимаго политическаго существованія, онъ думаетъ, что въ этомъ народѣ есть достаточно силъ для борьбы, и онъ не вѣритъ Костюшкѣ, воскликнувшему съ отчаяніемъ: finis Poloniae!

Сочувствіе Бёрне къ Польшѣ понятно, именно въ силу того принципа, который лежалъ въ основѣ всѣхъ его политическихъ убѣжденій, что каждый народъ имѣетъ право располагать своею судьбою, и располагать независимо отъ всякихъ постороннихъ вліяній. Кто мѣшаетъ народу пользоваться независимостью, свободою, противъ того онъ и возстаетъ, будь то Австрія, Пруссія или Россія; онъ возстаетъ собственно не противъ той или другой страны, у него нѣтъ узкой ограниченной ненависти къ извѣстному народу, онъ возстаетъ противъ угнетающаго начала, кѣмъ бы оно ни представлялось. Это не практично, конечно, но вѣдь Бёрне и не выдаетъ себя за практическаго государственнаго человѣка, ему нѣтъ вовсе дѣла до политическаго равновѣсія, до того, что́ нужно или не нужно для первостепенной державы, онъ не хочетъ вовсе знать всевозможныхъ политическихъ условій, всяческихъ дипломатическихъ необходимостей. Онъ, какъ и многіе другіе писатели, нѣсколько теоретикъ, онъ нѣсколько паритъ надъ землею, да собственно говоря, иначе и быть не можетъ; если человѣкъ хочетъ сохранить во всей чистотѣ, во всей силѣ свои нерядовыя убѣжденія, если онъ хочетъ дѣйствовать на свое общество, то ему необходимо стоять нѣсколько выше интересовъ, потребностей этого общества, онъ долженъ до извѣстной степени пренебрегать требованіями такъ-называемой «необходимости», хотя бы благодаря такому пренебреженію его и назвали утопистомъ. Принципы передового политическаго писателя до сихъ поръ всегда и вездѣ находились въ разладѣ съ дѣйствительностью. Бёрне не принадлежалъ къ той категоріи писателей, которые, видя вражду своихъ принциповъ съ дѣйствительностью и утомленные подъ конецъ борьбою, начинаютъ дѣлать уступки въ своихъ принципахъ до тѣхъ поръ, пока окончательно не примирятся съ этою дѣйствительностью и пока, такимъ образомъ, не исчезнетъ вовсе противорѣчіе между теоріею и практикою. Выставляя на своемъ знамени свободу и независимость народовъ, Бёрне не могъ не относиться сочувственно къ возставшей Польшѣ, и вся разница въ его отношеніи къ польской революціи и къ революціямъ

другихъ народовъ заключается въ томъ, что онъ съ самаго начала не особенно вѣрилъ въ ея успѣхъ, это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что во всѣхъ другихъ случаяхъ Бёрне всегда былъ гораздо болѣе склоненъ вѣрить въ успѣхъ, нежели предвидѣть неудачу.

Когда дошло до Парижа первое извѣстіе о возмущеніи въ Варшавѣ, о вечерѣ или скорѣе ночи 29-го ноября 1830 г., Бёрне не приходитъ, по обыкновенію, въ восторгъ при видѣ возставшаго народа; нѣтъ, мрачныя мысли скользятъ въ головѣ автора «Парижскихъ Писемъ», и онъ тотчасъ же пишетъ: «Поляки!... Театръ французской комедіи можетъ принести жалобу на Бога, что онъ на своемъ міровомъ театрѣ даетъ такія зрѣлища, привилегія на которыя принадлежитъ ему одному — высокія трагедіи. Я не понимаю, зачѣмъ люди ходятъ въ театръ. Газета для меня теперь все равно что Шекспиръ, что Корнель. Судьба говоритъ стихами, и также патетически, какъ трагикъ. Ночь мести въ Варшавѣ должна быть ужасна! А между тѣмъ, когда совершались событія въ Брюсселѣ и Антверпенѣ, мы думали, что всѣ ужасы были истощены. Да, наступилъ день господень и онъ творитъ свой страшный судъ... Чтó будетъ съ бѣдными поляками? Выйдутъ ли они побѣдителями? Я сомнѣваюсь, говоритъ Бёрне, но все равно. Ихъ кровь не будетъ потеряна». И тутъ же онъ не можетъ удержаться, чтобы не послать укора нѣмцамъ, точно мысль о томъ, что нѣмцы «лакеи» и неспособны энергически заявить свою волю быть свободными, постоянно точитъ его какъ червь. «А наши бѣдняки нѣмцы! восклицаетъ онъ. Они только ламповщики на міровомъ театрѣ, они не зрители и не актеры, они снимаютъ только со свѣчей и отъ нихъ несетъ масломъ». Конечно, еслибы кто-нибудь спросилъ Бёрне, должна ли разразиться въ Польшѣ революція или нѣтъ, то, конечно, предчувствуя неудачу, онъ не посовѣтовалъ бы начинать ее. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы желать безплоднаго пролитія крови, чтобы спокойно смотрѣть какъ падаютъ тысячи жертвъ, не принося другого результата своею смертью какъ только подтвержденіе того, что въ странѣ есть люди способные жертвовать своею жизнью за свободу своей родины. Но революція началась, сожалѣнія о томъ казались ему безцѣльны, и онъ старался отыскивать уже тѣ плоды, которые она принесетъ. Среди самыхъ печальныхъ событій онъ подмѣчалъ такія, которыя веселили его умъ и позволяли смѣяться надъ тѣмъ, что онъ всегда любилъ преслѣдовать своимъ смѣхомъ — шпіоновъ. «Что мнѣ больше всего нравится въ польской революціи, разсуждаетъ Бёрне, имѣя

въ головѣ нѣмецкихъ шпіоновъ, это то, что въ Варшавѣ повѣсили шефа тайной полиціи и напечатали списокъ всѣхъ полицейскихъ шпіоновъ. Я надѣюсь, что это послужитъ предостереженіемъ для шпіоновъ всѣхъ другихъ странъ. Эта тайная полиція, которую такъ не любилъ авторъ, помня свои личныя къ ней отношенія, доставляетъ деспотическому правительству бо́льшую безопасность, чѣмъ его солдаты, и не будь ея, вздыхаетъ Бёрне, свобода прочно установилась бы уже въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ».

Что́ больше всего привлекало Бёрне въ польскомъ возстаніи, это готовность жертвъ, на которыя обрекла себя страна, и ему кажется невозможнымъ, чтобы спра̀ведливо было мнѣніе тѣхъ, которые утверждали, что польская революція была ничѣмъ инымъ какъ дѣломъ польскаго дворянства. «Если и основательно, говорилъ онъ, что польская революція вышла изъ дворянства, то я тѣмъ не менѣе не думаю, чтобы народъ оставался къ ней равнодушнымъ. Армія, выказывающая такой высокій энтузіазмъ, все-таки состоитъ изъ крестьянъ, и помимо этого граждане въ городахъ вовсе не крѣпостные, а между тѣмъ на нихъ падаетъ главная тягость». Разсужденіе это показываетъ только одно, что Бёрне не былъ глухъ къ тѣмъ доводамъ, которые приводились противниками польской революціи, и что не зная близко положенія страны и народа, онъ все-таки довольно вѣрно судилъ о немъ. Еще болѣе вѣрно судилъ онъ, когда предсказывалъ, что польская революція будетъ подавлена, несмотря на всѣ принесенныя жертвы. Правда, на карту было поставлено все, Польша играла, казалось ему, va banque, а онъ былъ того мнѣнія, что дѣло на половину выиграно, «когда нѣтъ другого выбора, какъ между побѣдой и смертью»; но сила русскаго правительства была слишкомъ велика, чтобы не справиться съ какимъ угодно возстаніемъ, если только оно оставляется безпомощнымъ со стороны другихъ европейскихъ державъ. Бёрне съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣлъ на рѣшимость народа добыть себѣ независимость, но картина бѣдствій, лишеній, страшныхъ пожертвованій не ослѣпляла его и онъ сохранялъ всю свою зоркость. «Развѣ, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ «Писемъ», воодушевленіе поляковъ не въ высшей степени благородно, не въ высшей степени трогательно. Было ли когда-нибудь великое вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ прекрасно? Среди грубыхъ листовъ исторіи это листъ, написанный на веленевой бумагѣ... Поляки теперь всѣ, кажется, одного пола, одного возраста. Женщины, дѣти, старики—все вооружается; многіе отдали все свое состояніе, и даже не назвали себя, и не

оставили никакого слѣда, по которому можно было бы узнать ихъ имена. Имѣть въ домѣ серебряную ложку — это позоръ, достаточно деревянной. Женщины отдаютъ свои обручальныя кольца и взамѣнъ ихъ получаютъ маленькія серебряныя медали съ надписью: la patrie en échange. Не прекрасно ли все это» *)! Вотъ картина, которая соблазняла Бёрне, которая заставляла трепетно биться его свободное сердце, но преклоненіе передъ величіемъ жертвъ не изглаживало печали въ его сердцѣ и онъ съ грустью и вмѣстѣ съ твердостью говорилъ: «Но увы! суровая судьба не любитъ искусства. Поляки могутъ погибнуть, несмотря на ихъ прекрасное воодушевленіе. Но если это случится, прибавляетъ Бёрне какъ бы въ свое утѣшеніе, если будетъ пролита вся эта благородная кровь, тогда почва свободы на цѣлое столѣтіе станетъ болѣе влажною и принесетъ тысячекратные плоды».

Время шло, извѣстія приходившія изъ Польши говорили о суровой борьбѣ, и если другіе обманывали себя относительно ея исхода, то Бёрне не предавался обольщенію. Онъ самъ говоритъ, что онъ дрожитъ, думая о Польшѣ, несмотря на то, что онъ приготовленъ былъ ко всему дурному для нея. «Но будетъ ли выгодна, спрашивалъ Берне, гибель поляковъ для Россіи»? На этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ отрицательно: «побѣда русскихъ будетъ для нихъ болѣе вредна, чѣмъ было бы пораженіе». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не радовался отдѣльнымъ побѣдамъ поляковъ, говоря, что «каждая побѣда приближаетъ ихъ къ гибели». Онъ удивлялся, онъ восхищался храбростью, съ которою они дрались; «поляки, говорилъ онъ, сражаются не какъ люди, а какъ боги войны»; онъ пораженъ былъ всею выказанною отвагою, которая употреблена была въ дѣло противъ русскихъ женщинами, старцами и дѣтьми. Но къ чему, вертѣлось у него въ головѣ, вся эта отвага, всѣ эти жертвы, когда Польша слишкомъ слаба, слишкомъ малочисленна, чтобы бороться съ успѣхомъ. Съ одной стороны, разсуждалъ Бёрне, люди не жалѣютъ себя для родины, съ другой не жалѣютъ людей, чтобы побѣдить возстаніе. Божественная мудрость, восклицалъ Бёрне, ничего не сдѣлаетъ. Польшу можетъ спасти только глупость дьявола! Раз-

*) Изъ этихъ строкъ, какъ справедливо замѣтилъ нашъ авторъ выше, видно, что Бёрне въ польскомъ вопросѣ раздѣлялъ судьбу всѣхъ западныхъ политиковъ и оцѣнивалъ событія съ одной внѣшней стороны. Тогдашніе паны и панни охотно отказывались отъ серебряныхъ ложекъ и обручальныхъ колецъ, но не отъ крѣпостного права; въ глазахъ ихъ простой народъ оставался «быдломъ», т. е. скотомъ, и соотвѣтственно тому, съ нимъ обращались. На эту сторону дѣла Бёрне не могъ обратить вниманія, не подозрѣвая, что угнетаемые сами были угнетателями у себя. — *Ред.*

суждая о судьбѣ двухъ народовъ, Бёрне доходитъ до отчаянія, онъ колеблется въ разрѣшеніи вопроса: будетъ наконецъ или нѣтъ удовлетворена когда-нибудь справедливость? Думая о совершающихся событіяхъ, онъ въ ожесточеніи спрашиваетъ себя: «Да есть ли, наконецъ, Богъ? Мое сердце еще не сомнѣвается, но голова, развѣ не можетъ она ослабѣть? Но если есть—что пользы скоропроходящимъ людямъ отъ вѣчнаго Бога? Еслибы Богъ былъ смертенъ, какъ человѣкъ, тогда день былъ бы для него днемъ, годъ—годомъ, и смерть концомъ всѣхъ вещей. Тогда считался бы онъ и съ временемъ и съ жизнію, и не удовлетворялъ бы справедливости такъ поздно и не уплачивалъ бы самымъ отдаленнымъ потомкамъ того, что требовали еще ихъ предки. Свобода можетъ, должна побѣдить, рано или поздно, зачѣмъ же не побѣждаетъ она теперь».

Бёрне твердо вѣритъ, что въ концѣ концовъ свобода восторжествуетъ всюду, и онъ оплакиваетъ только судьбу тѣхъ народовъ, которые принесли ей столько жертвъ, которые столько боролись, чтобы доставить ей побѣду, и тѣмъ не менѣе падутъ прежде, чѣмъ наступитъ давно желанная минута. Поляковъ Бёрне относитъ именно къ тѣмъ народамъ, которые умѣютъ бороться за свою независимость; но онъ задаетъ себѣ вопросъ, доживутъ ли они до тѣхъ поръ, когда наступитъ, наконецъ, царство законнаго властителя міра—свободы, и въ этомъ отношеніи сердце его не чуетъ ничего добраго. Что это царство придетъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но какое оно доставитъ утѣшеніе, какая радость отъ него будетъ тѣмъ, которые давно уже покоятся въ могилахъ. Надежда на хорошее будущее, полагаетъ Бёрне, не вознаграждаетъ тѣхъ, которые испытываютъ дурное настоящее—можетъ быть, онъ отчасти и правъ, высказывая подобное положеніе, можетъ быть, въ настоящемъ не живется легче только оттого, что есть надежда на лучшее будущее; но несомнѣнно то, что эта надежда даетъ возможность, даетъ силу бороться съ настоящимъ, заставляетъ такъ-сказать предвкушать радость за будущее и месть за прошедшее. Бёрне не примиряется съ хорошимъ будущимъ, ему нужно хорошее настоящее, онъ не удовлетворяется тѣмъ, что наступитъ часъ мести за все то зло, которое дѣлаютъ людямъ, онъ хочетъ мщенія немедленнаго, онъ хочетъ быть свидѣтелемъ этой мести. «Тираннія погибнетъ, говоритъ онъ, дѣти этой тиранніи будутъ наказаны за преступленія ихъ отцовъ; но развѣ кости погребенныхъ королей почувствуютъ отъ этого боль? Да гдѣ же Богъ, гдѣ же его справедливость», восклицаетъ съ отчаяніемъ Бёрне. Онъ открываетъ въ людяхъ, въ обществѣ, въ народахъ страшную непо-

слѣдовательность, которую онъ ставитъ имъ въ преступленіе; люди, разсуждаетъ онъ, чувствуютъ отвращеніе «къ людоѣдамъ, къ безсмысленнымъ дикарямъ, которые пожираютъ мясо ихъ враговъ; но когда цѣлая страна, съ душею и тѣломъ, съ счастьемъ и радостью, со всѣми ея желаніями и надеждами, подвергается пыткѣ, истязанію, мученіямъ, чтобы откормить этимъ будущее, то это людоѣдство мы переносимъ спокойно! Что значитъ при этомъ надежда, что значитъ вѣра? Глазами не успокоишь голода, нарисованные фрукты никогда еще никого не дѣлали сытымъ...»

Бёрне съ трепетомъ ожидалъ постоянно новыхъ извѣстій изъ Польши, и когда дѣло уже клонилось къ концу, онъ прибавлялъ въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Воль: «Ваше письмо доставитъ мнѣ позднѣйшія извѣстія, чѣмъ тѣ, которыя мы имѣемъ здѣсь; если онѣ опять дурны, то печать на письмѣ должна сдѣлаться черною. О! восклицаетъ онъ съ горечью, я не въ силахъ больше, я не могу удержать моихъ слезъ». Мало писателей умѣли такъ глубоко чувствовать боль чуждаго народа, мало писателей такъ искренно страдали страданіемъ другихъ какъ Бёрне, и эта любовь къ человѣчеству, это горячее отношеніе къ людямъ составляетъ, безъ сомнѣнія, то достоинство, которое не пріобрѣтается ни умомъ, ни талантомъ. Чтобы сильно дѣйствовать на людей, чтобы вліять на общество мало еще ума, мало таланта, генія, нужно еще такое теплое, сочувствующее сердце, каково оно было у Бёрне. Но если горячо было сердце автора «Парижскихъ Писемъ», то вмѣстѣ съ тѣмъ оно не допускало его падать духомъ. Онъ болѣе страдалъ до нанесенія тяжелаго удара всему тому, во что онъ вѣрилъ и что онъ любилъ, нежели послѣ удара. Онъ оплакивалъ участь Польши, пока участь эта не была еще рѣшена, но когда въ Парижъ пришло извѣстіе о томъ, что революція подавлена, что возмущеніе усмирено, когда французскій министръ произнесъ въ палатѣ знаменитыя слова: «l'ordre règne à Varsovie»—Бёрне выпрямился во весь ростъ и говорилъ: «мы не должны отчаяваться, свобода ничего не потеряла. Если стало менѣе наслѣдниковъ, за то наслѣдство самое сдѣлалось больше... Пролитая кровь кричитъ такъ громко, что ее услышитъ даже глухое небо и Богъ явится на помощь, если слишкомъ поздно, чтобы побѣдить, то не слишкомъ поздно, чтобы отмстить». Когда пришли извѣстія объ окончательномъ подавленіи революціи, то Бёрне не утѣшалъ себя напрасно, какъ утѣшались еще французы тщетными надеждами на возможность успѣха. «Я не могу, говорилъ онъ, радоваться тому, что поляки еще не окон-

чательно сложили оружіе; еслибы они могли еще нѣсколько дней метаться между жизнью и смертью, то все-таки они должны умереть». Онъ описываетъ яркими красками, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на французовъ извѣстіе о подавленіи польской революціи; правда, буржуазія не очень печалилась, напротивъ она радовалась, что свобода побѣждена; но когда они начинали обсуждать вопросъ и приходили къ заключенію, «что побѣда русскихъ дѣлаетъ вѣроятною войну съ Франціею и съ русскими, тогда они начинали бросаться во всѣ стороны, и одна щека ихъ становилась красною въ то время, когда другая блѣднѣла». Правительству было тоже не по себѣ; Луи-Филиппъ чувствовалъ смущеніе. Но масса населенія, главнымъ образомъ, конечно, въ Парижѣ, была глубоко потрясена извѣстіями о развязкѣ драмы. «Невозможно описать, говорилъ онъ, печаль Парижа; я никогда не думалъ, чтобы народъ могъ испытывать такія глубокія ощущенія. Вчера пятнадцать тысячъ молодежи прошли по городу съ траурными знаменами». Въ окна русскаго посольства бросали камни, но Бёрне не одобрялъ этого: къ чему это, спрашивалъ онъ, какъ можетъ это помочь, какая польза, какой прокъ, тутъ нѣтъ ничего, кромѣ одного вреда.

Бёрне всегда и всего болѣе раздражался отношеніями литературы къ политическимъ событіямъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ обрушился всею силою своего слова на оффиціальныя органы прессы, гдѣ появились статьи, съ цѣлью объяснить самыя причины возстанія. «Одна изъ такихъ статей, разсказываетъ Бёрне, толковала на этихъ дняхъ о причинахъ польской революціи и доискивалась, какія основательныя жалобы могли имѣть поляки противъ русскаго правительства? Правительство—говорится тамъ—забросало ихъ благодѣяніями, и если бы даже у нихъ были нѣкоторыя затрудненія, то гдѣ же на землѣ можетъ быть идеальное счастье? Стóитъ только обсудить мнимыя жалобы поляковъ на нарушенія конституціи, чтобы ясно показать, какъ онѣ были неосновательны... Подавленіе свободы печати? Но съ которыхъ это поръ мы не можемъ обойтись безъ такой свободы?... Недостатокъ конституціоннаго бюджета! Но министры только потому не предлагали его собранію, что они впередъ знали, что онъ будетъ отброшенъ... Тайная полиція! Но какъ снисходительна должна она была быть, если она не могла даже помѣшать взрыву революціи... Уничтоженіе гласности въ преніяхъ собранія! Ну, что же дальше? Отъ этого публика только лишилась дарового спектакля. И изъ-за этого дѣлать революцію?» «Даже Англія, приводитъ Бёрне отрывокъ изъ статьи, охотно бы согласилась (слушайте, слушайте!) чтобы двери ея

парламента были закрыты для публики, и чтобы свобода ея печати была ограничена, еслибы она за такую ничтожную жертву могла избавиться отъ извѣстной части своего національнаго долга и могла открыть своимъ фабрикантамъ рынокъ всего Сѣвера!» «О! восклицаетъ Бёрне, это слишкомъ небесно! Если австрійскій наблюдатель прочтетъ это, онъ воскликнетъ: Pends-toi, Figaro, tu n'as pas deviné celui-la!»

Когда драма была съиграна, когда занавѣсъ упалъ и замерла Польша послѣ возстанія 30-го года, Бёрне произноситъ надъ нею свое послѣднее слово, въ которомъ слышится столько же истинной скорби, сколько и неподдѣльной злобы. «Видѣть умирающій народъ, произноситъ Бёрне какъ бы въ заключеніе всего, что онъ говорилъ объ этой странѣ, слишкомъ ужасно; Богъ не далъ человѣку такихъ нервовъ, чтобы переносить подобное состраданіе. Года, столѣтія лежать въ предсмертныхъ конвульсіяхъ и все-таки не умереть! Терять членъ за членомъ и наслѣдовать всю кровь, всѣ нервы умерщвленныхъ нервовъ, бѣдное, несчастное туловище заставлять переносить боль цѣлаго существа—о Боже! это слишкомъ много! Когда страдаетъ народъ, у него не слабѣютъ, какъ у больного человѣка, духъ и чувство; онъ не теряетъ сознанія; будь онъ обремененъ годами, въ несчастіи онъ становится юношей, ребенкомъ, и юность, со всею ея силою, дѣтство съ его радостью и всѣми играми возвращаются къ нему назадъ. Когда Богъ создалъ тираннію, по крайней мѣрѣ онъ долженъ былъ бы народы сдѣлать смертными».

Этими послѣдними строками, которыя относилъ Бёрне къ цѣлой Европѣ, потому что всю Европу видѣлъ въ сѣтяхъ деспотизма, онъ какъ бы завершаетъ всѣ тѣ разсужденія, всѣ тѣ «Парижскія Письма», которыя посвящены были изображенію политическаго состоянія народовъ. Въ этихъ строкахъ какъ бы чувствуется вся квинтъ-эссенція его злобы, его протеста противъ насилія и угнетенія націй. Онъ не винитъ больше «глупость» народовъ, онъ не коритъ ихъ больше ихъ собственнымъ несчастьемъ, у него осталось только одно—глубокая скорбь, глубокое соболѣзнованіе къ страданіямъ всѣхъ народовъ и самое страстное желаніе пробудить стремленіе къ свободѣ у всѣхъ тѣхъ, у кого до сихъ поръ оно еще дремало.

Таково главное содержаніе «Парижскихъ Писемъ», получившихъ въ цѣлой Европѣ громкую извѣстность. Если враги Бёрне,

если нѣмецкіе патріоты менцелевскаго закала громили ихъ автора, за то всѣ честные люди Германіи, все образованное общество Франціи, Англіи, слѣдили за ними съ величайшимъ вниманіемъ и интересомъ, и оцѣнивали ихъ по достоинству. Тотчасъ почти послѣ ихъ появленія на нѣмецкомъ языкѣ, письма эти были переведены на англійскій, а французскіе журналы постоянно знакомили съ ними французское общество. Говоря о «Парижскихъ Письмахъ», мы съ умысломъ не упомянули о томъ, чтó писалъ въ нихъ Бёрне по поводу различныхъ литературныхъ явленій, по поводу того или другого писателя, того или другого поэта. Отношеніе Бёрне къ литературѣ составляетъ совершенно особый отдѣлъ, и можетъ быть разсматриваемо независимо отъ той роли политическаго писателя, съ которою мы, главнымъ образомъ, хотѣли познакомить нашихъ читателей.

Конечно, и въ отношеніи къ чисто-литературнымъ явленіямъ Бёрне остается все-таки Бёрне, и тутъ просачиваются вездѣ его политическія убѣжденія и политическія стремленія, и тутъ, въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, онъ вездѣ руководится политическимъ масштабомъ. Къ каждому писателю, къ каждому поэту онъ неизмѣнно обращается съ однимъ вопросомъ: служилъ ли онъ политической свободѣ твоей родины? Отрицательнымъ или положительнымъ отвѣтомъ опредѣлялась и его любовь или ненависть, или, вѣрнѣе будетъ сказать, не ненависть, а озлобленіе. Политическая свобода—это была богиня, которой онъ постоянно былъ вѣренъ, постоянно молился, которою онъ жилъ и дышалъ, говоря: «чтò согрѣвало бы мое старое сердце въ холодные зимніе дни, еслибы на свѣтѣ не было свободы»!

Евг. Утинъ.

ФРАНЦІЯ и ЕВРОПА
ПРИ ВОЦАРЕНІИ НАПОЛЕОНА III.

1848 — 1851 г.

Мы имѣли недавно случай подробно изслѣдовать [1]) вопросъ о мнимой связи задачъ второй имперіи съ «великими принципами» 1789-го года. Традиція войны и разореній унаслѣдована второю имперіею у первой имперіи, и она развилась съ прежнею силою, только благодаря печальному состоянію общественнаго мнѣнія и прессы во Франціи. Но справедливость требуетъ однако сказать, что ни Наполеонъ III, ни весь его легіонъ мамелюковъ, *сами по себѣ*, не могли бы царить столь долго и безнаказанно во Франціи, а еще менѣе они имѣли бы силы постоянно выдавать себя за опекуновъ и распорядителей въ цѣлой Европѣ. Внутри страны, Наполеонъ III, при своемъ воцареніи, вовлекъ въ свою спекуляцію интересы средняго и высшаго общества во Франціи и тѣмъ расположилъ его послужить имперіи. Но какъ могло это случиться? какимъ образомъ люди этой среды, хотя и не проникнутой сочувствіемъ къ народной массѣ, но тѣмъ не менѣе понимающей всю опасность отъ войны для своихъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ, какимъ образомъ, спрашиваемъ мы, средніе и высшіе слои общества попались въ раскинутыя имъ сѣти имперіи? Это одинъ вопросъ. Внѣ Франціи, Наполеонъ III уловилъ въ подобныя же сѣти дипломатію и волею-неволею устроилъ изъ нея другого пособника для своихъ цѣлей. Какъ

---

[1]) См. выше: окт. 830; нояб. 254 стр.

могло случиться подобное дѣло? Это второй вопросъ. Займемся сначала первымъ, и кончимъ вторымъ. Если исторія когда-нибудь можетъ служить урокомъ, то мы полагаемъ, что роль, которую съиграла Франція и Европа при воцареніи Наполеона III, можетъ дать блистательный урокъ всякому, кто захотѣлъ бы запастись опытностью на будущее время, какъ въ дѣлахъ внутренней, такъ и въ дѣлахъ внѣшней политики.

I.

Все несчастье Франціи, начиная съ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, всегда заключалось въ томъ, что привилегированные классы, съ одной стороны, и пролетаріатъ, съ другой—относились совершенно различно къ цивилизаціи и требовали отъ ея развитія, отъ ея прогресса совершенно разныхъ плодовъ. Достигнувъ господства и благосостоянія революціей 89-го года, средніе классы Франціи провозглашаютъ statu quo высшимъ выраженіемъ цивилизаціи; между тѣмъ какъ низшіе классы, не получившіе себѣ полнаго удовлетворенія за свое участіе въ первой революціи, не хотятъ ее считать законченною, не хотятъ мириться съ statu quo и требуютъ отъ цивилизаціи,—во имя закона о ея вѣчномъ прогрессѣ,—измѣненій, сообразныхъ съ ихъ потребностями лучшаго быта. Замѣчательно, что люди, служащіе наивѣрнѣйшимъ выраженіемъ консерватизма средняго сословія, — люди, какъ Тьеръ, которые на политической аренѣ отрицаютъ per fas et nefas—всякія требованія низшихъ классовъ,—эти же самые люди, тотъ же Тьеръ, становясь историкомъ, несмотря на всю свою односторонность, признаютъ справедливость и историческую законность вѣчнаго стремленія низшихъ классовъ къ улучшенію своей судьбы. Такъ, въ предисловіи къ своей «Исторіи революціи», Тьеръ изображаетъ историческій прогрессъ въ видѣ именно такого постояннаго стремленія одного общественнаго слоя за другимъ къ возвышенію, къ пріобрѣтенію бо́льшаго благосостоянія, бо́льшей независимости.

Но политика — не исторія; даже напротивъ — она часто идетъ совершенно наперекоръ всѣмъ выводамъ, извлекаемымъ изъ исторіи. Никто не станетъ оспаривать несомнѣннаго факта, что вторая республика явилась вслѣдствіе развившихся экономическихъ запутанностей, которыя готовы были искать себѣ мирнаго разрѣшенія путемъ законодательства. Отсюда вышла предвѣстница февральскаго переворота—агитація электоральной реформы. Встрѣтившая сопротивленіе въ палатѣ, агитація перешла

изъ нея на улицу и выросла въ революцію. Suffrage universel знаменовалъ собою за-разъ и побѣду народа надъ оппозиціей политическаго ценза, и рѣшимость народа идти мирнымъ, легальнымъ путемъ къ улучшенію своей жизни,—орудуя suffrage universel'емъ, какъ выраженіемъ своей мысли и своей воли. Но представители политическаго, финансоваго ценза думали иначе: стоя за сохраненіе statu quo, они готовы были пренебречь *формою*, но не *сущностью:* они готовы были принять на время *внѣшность* республики, ея имя и формулы ея языка, ея фразеологію, но они оспаривали у нея право на утвержденіе ея внутренняго, ея существеннаго значенія, какъ его понималъ народъ. Поэтому они спокойно приняли *форму* suffrage universel'я: они, приверженцы бурбонской или орлеанской монархіи, рядомъ съ прозелитами бонапартистской реставраціи,—они явились представителями, избранниками народа въ республиканскія учредительное и законодательное собранія; но они явились въ нихъ не для того, чтобъ удовлетворить требованіямъ, заявленнымъ suffrage universel'емъ, а напротивъ, для того, чтобъ поставить законодательные тормазы устрашившимъ ихъ народнымъ стремленіямъ.

Они предпринимали, такимъ образомъ, работу Сизифа, столько уже разъ нарушенную, если не вполнѣ разрушенную, національною энергіею. Но бѣда въ томъ, что Сизифова работа никогда не приводитъ ни къ какому плодоносному результату, а камень, вырываясь изъ рукъ Сизифа и катясь внизъ, только напрасно несетъ съ собою гибель встрѣчнымъ жертвамъ. Бѣда въ томъ, что то, чтó не разрѣшается въ жизни народовъ путемъ мирнымъ, путемъ, за который ратуетъ истинная цивилизація, — то все же не можетъ быть совершенно подавлено никакими средствами и неотступно будетъ искать себѣ разрѣшенія путемъ насильственныхъ мѣръ съ той или другой стороны, путемъ, сопровождаемымъ всѣми ужасами *войны*, не менѣе злополучной въ своемъ внутреннемъ гражданскомъ видѣ, какъ и въ своей внѣшней формѣ.

Какъ и при Орлеанахъ, старый споръ при второй республикѣ перенесенъ былъ изъ національнаго собранія, изъ городской думы на улицу, на площадь. Іюньскіе дни 48-го года носили въ себѣ зародышъ декабрьскаго переворота. «Инсургенты» успокоились, кто на окровавленныхъ баррикадахъ, кто на галерахъ и въ африканскихъ могилахъ. Но не успокоились «побѣдители». Съ перваго взгляда, можетъ даже казаться непонятнымъ ихъ изступленное упорство въ преслѣдованіи неимущаго класса согражданъ. Казалось бы, іюньскія баррикады могли убѣдить ихъ, что для этихъ согражданъ дѣло шло не о всеразрушительныхъ мечтаніяхъ, будто внушенныхъ имъ апостолами анархіи, а просто

объ удовлетвореніи самымъ настоятельнымъ потребностямъ человѣческаго существа: масса въ 300 тысячъ человѣкъ не идетъ, шутя и по чьему либо стороннему внушенію, умирать подъ градъ кавеньяковской картечи! «Республика покрыла свой ликъ траурной вуалью, обрызганной кровью, и зарыдала надъ гибелью своихъ дѣтей»! Къ подобнымъ стонамъ уцѣлѣвшихъ республиканцевъ побѣдители оставались глухи: напротивъ, громадное число инсургентовъ, ихъ протесты, надоѣдавшіе національному собранію, убѣждали побѣдителей — не въ томъ, что въ народѣ жила органическая потребность лучшаго быта, а въ томъ, что надо принять мѣры для искорененія наноснаго, крамольнаго зла. При такихъ обстоятельствахъ, гдѣ же развиваться, гдѣ же торжествовать цивилизаціи?... Какъ послѣ всякой войны, побѣдители обрекли противниковъ на самую жестокую капитуляцію...

20-го декабря 48-го года президентомъ республики сталъ Луи Бонапартъ. Народъ вотировалъ за него, потому что хотѣлъ избавиться отъ диктатуры Кавеньяка, хотѣлъ отплатить по-своему кавеньяковскому генеральному штабу, т.-е. всей коалиціи рукоплескавшихъ и содѣйствовавшихъ Кавеньяку членовъ національнаго собранія. Запутанное положеніе усложнялось еще болѣе. Среди двухъ враждующихъ сторонъ являлась еще третья, стремленіе которой было покорить и ту и другую. Бонапартъ хорошо зналъ, что ему нечего стоять за народъ, потому что народъ, при торжествѣ надъ своими іюньскими врагами, потребуетъ выполненія такихъ экономическихъ реформъ, которыя несовмѣстны съ военною диктатурою бонапартовскаго режима. Онъ не менѣе хорошо зналъ, что монархическая бурбоно-орлеанская коалиція готова имъ воспользоваться, но не для того, чтобъ помочь ему войти на дядинъ престолъ, а для того, чтобъ при помощи его возвратить престолъ одному изъ претендентовъ бурбонской или орлеанской линіи.

И вотъ, Бонапартъ началъ свою конспираторскую игру. Орлеанская партія держалась преданностью средняго сословія, буржуазіи; буржуазіи надобенъ порядокъ, спокойствіе, огражденіе ея финансовой монополіи; онъ явится охранителемъ ея, и она отречется отъ орлеанизма. Бурбоны опирались на клерикализмъ; онъ дастъ клерикальной партіи залогъ своего благочестія и привлечетъ ее на свою сторону. Въ такомъ случаѣ борьба съ монархической коалиціей національнаго собранія сведется на споръ изъ-за министерскихъ личностей: ôte-toi de là que je m'y mette! и онъ съумѣетъ сбить позицію старыхъ министровъ и парламентаристовъ. Непріязненныя его владычеству чувства и идеи бушуютъ въ городскомъ пролетаріатѣ, но сельское населеніе еще

суевѣрно чтитъ бонапартовскую легенду, оно ждетъ и отъ новаго Бонапарта новыхъ благъ, оно слышало, что какіе-то анархисты хотятъ отнять «собственность»: красный призракъ пугаетъ село не менѣе, чѣмъ лавку; Бонапартъ обопрется на него... А позже, когда борьба неожиданно для него разыграется между законодательною и исполнительною властью, онъ *проведетъ* законодательную власть, онъ сдѣлаетъ ей всѣ уступки, онъ даже предупредитъ ее въ предложеніи реакціонныхъ мѣръ—для того, чтобъ при случаѣ ее же дискредитировать въ глазахъ народа, ее же обвинить въ нарушеніи конституціи,—и явится возстановителемъ главной основы конституціи—suffrage universel'я. Игра смѣлая и отчаянная, игра, которая увѣнчалась видимымъ успѣхомъ, но которая въ сущности сорвалась, обагренная кровопролитіемъ, никогда не забываемымъ въ исторіи, т.-е. въ памяти народа. Во всѣхъ вспышкахъ, во всѣхъ смутахъ второй имперіи вы услышите вѣчный протестъ цивилизаціи противъ подавленія ея развитія самыми жестокими орудіями войны!

Но то, чтó мы видимъ ясно теперь, на разстояніи 20-ти лѣтъ, то сознавали опредѣленно, во время самыхъ событій, только немногіе, за которыми въ исторіи осталась заслуга Кассандры, пророчившей въ этомъ случаѣ гибель цивилизаціи. Въ то время, средніе классы французской націи шли слѣпо за своими парламентскими представителями монархической коалиціи, и мы увидимъ сейчасъ, до какой степени испугъ, ловко поддержанный витіями монархической реставраціи,—заставлялъ буржуазію приписывать тенденціямъ пролетаріата даже тѣ бѣдствія, которыя она сама наносила себѣ. Бросимте бѣглый взглядъ на событія того времени, на политику и Луи-Наполеона, и коалиціи, — въ нихъ лежитъ узелъ всѣхъ дальнѣйшихъ запутанностей, узелъ, не менѣе замысловатый, чѣмъ Гордіевъ, и который, подобно Гордіеву, можно было только разсѣчь мечемъ при Седанѣ, да и то разсѣчь только на половину, — другая половина узла далеко еще не развязана, и вовсе неизвѣстно еще, съумѣетъ ли Франція ее распутать или нѣтъ?

31-го октября 1849-го г., президентъ Луи-Наполеонъ смѣнилъ парламентское министерство и положилъ начало своей личной политики, которая, по его собственному объявленію,—состояла въ слѣдованіи началамъ великаго дяди,—«мое имя—говорилъ президентъ, представляетъ собою цѣлую программу». Не прошло и двухъ недѣль, какъ стали ходить слухи о готовившемся переворотѣ и «Мониторъ», въ годовщину 18-го брюмера,—9-го ноября 49-го года объявляетъ, что «въ слухахъ о вымышленномъ переворотѣ кроется только вѣроломное намѣреніе нарушить общест-

венное спокойствіе, кроется гнусная клевета и оскорбленіе, наносимое *честности того, который никогда не нарушалъ своего слова*, который провозгласилъ уже, что хочетъ быть достойнымъ довѣрія *націи* за свое охраненіе конституціи, которой онъ клялся».

Но дѣло вышло иначе: въ виду враждебности парламентской коалиціи, въ виду все болѣе усиливавшейся тревоги среднихъ классовъ за сохранность своихъ имущественныхъ привилегій, — Луи-Наполеонъ сталъ искать, какъ мы указывали выше, союза съ этими элементами посредствомъ—не огражденія, а полнѣйшаго систематическаго разрушенія конституціи.

Реакціонныя мѣры слѣдовали одна за другой. 13-го декабря, министръ народнаго просвѣщенія, отчаянный клерикалъ Парьё, внесъ въ законодательное собраніе *законъ о свободѣ обученія*, сообразный съ требованіемъ заявленнымъ ранѣе господиномъ де-Фаллу: новый законъ отдавалъ все обученіе въ руки полиціи и іезуитовъ. «Бездна преподавателей составили, повидимому, союзъ для того, чтобъ образовать въ обществѣ цѣлое сословіе недовольныхъ и враговъ общественнаго порядка». Такимъ увѣреніемъ тревожилъ общество де-Фаллу, и Парьё повторялъ то же самое, объявляя преподавателей пропагандистами анархіи и апостолами разрушенія и требуя противъ нихъ цѣлаго арсенала карательныхъ мѣръ. Оппозиціонные, республиканскіе ораторы напрасно старались обличить реакціонную систему устрашенія: «Вы обманываете общественное мнѣніе, пряча настоящій предметъ вашихъ преслѣдованій подъ такими названіями, которыя, конечно, вызываютъ протестъ общественной совѣсти; но, въ сущности, вы преслѣдуете вовсе не призракъ, нисколько не пугающій васъ и только пугающій общество, — вы преслѣдуете самый духъ свободы и братства, который вѣетъ теперь надъ всѣмъ міромъ».

Напрасно вставала на протестъ противъ обскурантизма историческая, ставшая въ послѣднее время имперіи знаменитою, личность Бодена; — напрасно, позже, при пополненіи закона Парьё закономъ де-Фаллу (14 января 1850 г.) В. Гюго бичевалъ реакцію своимъ краснорѣчіемъ: «Это законъ клерикальной партіи, и какъ всякій законъ, исходящій отъ нея, онъ носитъ на себѣ лицемѣрную маску; онъ проповѣдуетъ одно, а дѣлаетъ другое! Заботясь объ уничтоженіи просвѣщенія, онъ принимаетъ видъ заботы о свободѣ. Ваша привычка извѣстна: вы зовете даромъ и благомъ всякую конфискацію, и всякій разъ какъ вы куете цѣпь противъ разума, вы оповѣщаете: вотъ вамъ еще свобода! Всякій разъ, какъ вы декретируете гоненіе, вы увѣряете, что это новая амнистія! Берегитесь, клерикальная партія идетъ изъ

Рима. Ея черное дѣло увѣнчалось тамъ успѣхомъ: она только-что задушила римскій народъ! Люди клерикальной партіи! вы теперь хотите задушить и французскій народъ».

Такъ указывалъ В. Гюго на солидарность тогдашней внутренней и внѣшней политики; такъ предостерегалъ онъ Францію отъ начала той внутренней римской экспедиціи, которую съ такимъ жаромъ призывалъ Монталамберъ. Предостереженіе было напрасно: законъ де-Фаллу былъ принятъ и начался походъ противъ просвѣщенія и его приверженцевъ и слугъ. Учителей и профессоровъ, начиная отъ Collège de France и кончая деревенскою школою изгоняли безъ всякаго предлога и лишали всѣхъ средствъ и къ обученію и къ существованію! Вотъ когда, такимъ образомъ, въ первый разъ Франція лишала себя того орудія побѣды, которое такъ много содѣйствовало позднѣйшему торжеству Германіи надъ Франціей: *«учитель»* былъ изгнанъ изъ республиканской Франціи и не вернулся еще до сихъ поръ! въ удѣлъ Франціи было оставлено невѣжество, подъ сѣнью союза клерикализма съ бонапартизмомъ. Послѣдній далъ первому залогъ своего благочестія, въ ожиданіи оглашенія клиросомъ: Domine, salvum fac imperatorem!

Другимъ закономъ, принцъ-президентъ старался еще болѣе привлечь къ себѣ запуганные классы общества, напоминая имъ о крамолахъ іюньскихъ инсургентовъ, и желая въ то же время оградить свой грядущій императорскій тронъ отъ покушеній демократіи. Въ народѣ давно уже носился слухъ объ амнистіи осужденнымъ и ссыльнымъ іюньскихъ дней. Голосъ народа въ этомъ случаѣ возвышался столько же вслѣдствіе гуманнаго побужденія, сколько и въ силу здравой политической логики: политическое преступленіе, точно также какъ и политическая кара большей частью бываютъ плодомъ недоразумѣній; но врядъ ли въ обществѣ политическое преступленіе оставляетъ бо́льшій слѣдъ, чѣмъ самая кара преступленія: кара напоминаетъ постоянно о бывшемъ недоразумѣніи и упрочиваетъ только разладъ въ обществѣ, который можетъ быть значительно сглаженъ амнистіей: такое размышленіе тогдашнихъ демократическихъ журналовъ было тѣмъ болѣе справедливо, что оно относилось къ исключительной катастрофѣ іюньскихъ дней. Народъ призывалъ амнистію, какъ забвеніе гражданской распри, а представители среднихъ классовъ вмѣстѣ съ президентскимъ министерствомъ мечтали не о забвеніи, а объ уничтоженіи въ корнѣ гражданской распри путемъ террора и казней. Министерство предложило продлить время изгнанія на африканскій берегъ съ 5-ти до 10-ти лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовало, чтобъ из-

гнаніе—депортація, сопровождалось заточеніемъ въ крѣпостяхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ политическаго осужденія, въ которыхъ прежде примѣнялась смертная казнь, отмѣненная однимъ изъ первыхъ декретовъ временного правительства второй республики. «Смертная казнь возстановляется, повидимому, менѣе ужасная, но въ дѣйствительности гораздо болѣе жестокая»—произнесъ В. Гюго.

Страшныя признанія раздались со стороны защитниковъ и охранителей общественной безопасности, со стороны людей, считавшихъ за честь принадлежать къ «великой партіи порядка». Министерство откровенно сознавалось, что «партія порядка», по отношенію къ пролетаріату, попирала ногами установленныя начала юриспруденціи и руководилась только произволомъ, возбужденнымъ ненавистью касты: «если среди этого возмущенія и его быстраго подавленія сдѣланы ошибки, т.-е. осуждены невинные, то отвѣтственность за это падетъ не на насъ, а на зачинщиковъ этихъ гражданскихъ битвъ, на распространителей ученій, порождающихъ бѣдствія». Выведенный изъ терпѣнія — въ отвѣтъ на настоятельное требованіе, лѣвой стороною, суда надъ изгнанниками, Барошъ воскликнулъ памятныя слова: «Было бы невозможно произвести судъ надъ ссыльными Бель-Иля (les transportés de Belle-Isle), потому что противъ многихъ изъ нихъ не существуетъ *никакихъ* матеріальныхъ доказательствъ». Такимъ образомъ, въ высокой нравственности воцарявшагося во Франціи режима всѣ юридическія начала замѣнялись судомъ совѣсти, — совѣсти Барошей и Руэровъ!

Да, уже въ то время бонапартовскій Руэръ являлся великимъ адвокатомъ цивилизаціи!

— «Будемте искать вмѣстѣ и дружно—умолялъ В. Гюго—*мирнаго разрѣшенія тяжелой задачи цивилизаціи, стоящей предъ нами* и заключающей въ себѣ, смотря по тому, какъ мы обратимся съ нею, или самыя роковыя катастрофы, или самое свѣтлое будущее....»

— «*На насъ лежитъ*—отвѣчалъ Руэръ—*громадная отвѣтственность за охраненіе цивилизаціи* и за огражденіе общественной безопасности; таковы чувство и сознаніе, которыя диктовали намъ предложенный вамъ законъ.... Развѣ ссылка въ Нукагиву можетъ быть слишкомъ жестокимъ наказаніемъ для этихъ вождей баррикадъ, для этихъ *ремесленниковъ заговоровъ?*»

(Увы, теперешній бѣдный изгнанникъ-Руэръ не зналъ, что злополучная намъ современность обличитъ по документамъ, найденнымъ въ Тюльери, что однимъ изъ главныхъ *ремеслен-*

никовъ заговоровъ въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ былъ именно онъ самъ, со своими бонапартистскими сподвижниками).

— «Пусть, по крайней мѣрѣ, женамъ и дѣтямъ будетъ дозволено дѣлить участь своихъ мужей и отцовъ и слѣдовать за ними въ ссылку»,—просилъ Пьеръ Леру, видя, что законъ пройдетъ чрезъ неумолимое большинство реакціи.

— «Привязанности (т.-е. у жены къ мужу, у дочери къ отцу) могутъ быть неосторожныя — отвѣчалъ Руэръ — желанія могутъ являться необдуманныя. Молодая женщина, мужъ которой осужденъ на изгнаніе, можетъ имѣть другія обязанности на этомъ континентѣ: у нея можетъ быть мать, требующая ея попеченій и не осужденная, какъ мужъ ея дочери... Во всемъ этомъ необходимо благосклонное вліяніе, отеческое вмѣшательство правительства....»

Законъ о депортаціи не только прошелъ, но ему была даже придана ретроактивная сила, обратное дѣйствіе на ранѣе осужденныхъ изгнанниковъ. «Большинство Законодательнаго Собранія—говоритъ Верморель (Les hommes de 1851)—выказало въ дебатахъ по этимъ законамъ изступленіе самое возмутительное и можно сказать дикое. На разстояніи 18-ти мѣсяцевъ (съ іюня 1848 до января 1850 г.), страсти и ненависть были точно такъ возбуждены, какъ и на другой день іюньскихъ возстаній».

Какой результатъ должны были дать общественному спокойствію подобныя мѣры, декретированныя союзомъ исполнительной и законодательной властей, союзомъ новаго президента съ приверженцами старыхъ претендентовъ, согнанныхъ съ трона Франціи?

Все, чтó не ведетъ къ умиротворенію противуположныхъ интересовъ, къ разрѣшенію враждебныхъ недоразумѣній — все то остается безплоднымъ, если совершается въ границахъ дозволенныхъ человѣческой совѣстью и установленною справедливостью, и вреднымъ, если совершается путемъ насилія и давленія. Общество было встревожено, массы были неудовлетворены,—могли ли указанныя выше мѣры помочь Франціи выйти изъ ея запутаннаго внутренняго положенія, или, наоборотъ, должны онѣ были только еще болѣе вести къ агоніи, къ новымъ катастрофамъ?

Неужели обществу той эпохи было такъ трудно отвѣтить себѣ основательно на этотъ вопросъ?... неужели оно не видѣло, что и оно само, и вся Франція становились съ каждымъ днемъ все болѣе добычей честолюбивой корыстной игры нѣсколькихъ претендентовъ?—Нѣтъ, оно не видѣло и не понимало этого, и все болѣе и болѣе шло къ пропасти, не успѣвъ отречься отъ довѣрія къ

своимъ представителямъ, не успѣвъ отрѣшиться отъ паническаго страха, вскормленнаго бонапартистскою и реакціонною пропагандою — страха предъ требованіями неимущихъ слоевъ націи, какъ будто удовлетвореніе тѣмъ требованіямъ могло обойтись обществу дороже, чѣмъ шедшій къ торжеству бонапартистскій режимъ! Пусть Франція теперь подведетъ итоги убытка отъ удовлетворенія тѣмъ требованіямъ, и убытка, который она переноситъ въ настоящую минуту, и пусть она сравнитъ эти итоги!

Съ своей стороны, народъ представлялъ замѣчательное явленіе въ своемъ поведеніи. Въ то время, какъ среднесословные слои рукоплескали началу внутренней войны, узаконявшейся всѣми приведенными мѣрами, народъ отстаивалъ то, чтó онъ считалъ пріобрѣтеніемъ цивилизаціи, — свой suffrage universel, и на него возлагалъ всю свою надежду. Потерявъ слишкомъ много своихъ борцовъ на іюньскихъ баррикадахъ, въ судныхъ коммиссіяхъ, военныхъ трибуналахъ, въ изгнаніи, — народъ менѣе, чѣмъ когда-либо помышлялъ о насиліи, болѣе чѣмъ когда-либо хотѣлъ держаться за легальный путь, за достиженіе экономическихъ улучшеній, потребность которыхъ вызвала февральскую революцію—путемъ законодательнаго собранія, путемъ suffrage universel'я. Народъ свидѣтельствовалъ такимъ образомъ, что, въ сущности, онъ гораздо болѣе консервативенъ, чѣмъ тѣ партіи, которыя носятъ названіе консерваторовъ, партіи порядка и безопасности.

10-е марта 1850-го года было страшнымъ днемъ для всѣхъ партій. Оказывалось, что никакія реакціонныя мѣры, ни гоненіе на просвѣщеніе, ни терроръ противъ іюньскихъ партизановъ, — не повели ни къ чему: тѣ идеи, которыя были окрещены партіей порядка «идеями анархіи и соціализма», проникали все болѣе и болѣе въ массы народа. 10-го марта происходили дополнительные выборы для замѣщенія трехъ депутатовъ, выбывшихъ изъ строя и осужденныхъ заочно на депортацію за участіе въ манифестаціи противъ римской экспедиціи, 13-го іюня 49-го г. Это были Консидеранъ, Буато и Ратье. Радикальная республиканская партія выставила тогда своими кандидатами Карно, Видаля, де-Флотта. Каждый изъ нихъ являлся символомъ протеста противъ реакціонныхъ мѣръ: Карно—представлялъ собою протестъ противъ законовъ о просвѣщеніи; де-Флоттъ, одинъ изъ ссыльныхъ въ Африку за іюньскіе дни—былъ живымъ укоромъ народа за всѣ транспортаціи и депортаціи; Видаль, одинъ изъ люксамбургскихъ соціалистовъ — являлся крайнимъ протестомъ избирателей противъ воззванія префекта Карлье, призывавшаго отцовъ семействъ, промышленниковъ и

торговцевъ, національную гвардію и работниковъ къ взаимной оборонѣ, къ составленію общественной лиги противъ соціалистовъ [1]). Радикальная партія одержала верхъ на выборахъ.

Судорожный страхъ и неистовая злоба овладѣли реакціей. Она ударила во всѣ колокола своихъ журналовъ, и журналы подняли трезвонъ противъ «гнусной черни» (la vile multitude), какъ честилъ «верховный народъ» (le peuple souverain) доблестный Тьеръ. Очевидно, что средніе классы Франціи, привыкшіе слѣпо вѣрить своимъ оракуламъ, должны были внушиться журнальнымъ и трибуннымъ трезвономъ — «гнусная чернь» не давала имъ спать! А журналы трезвонили: у насъ есть еще последняя надежда, посмотримъ, чтó скажутъ департаменты, чтó скажетъ «Франція» на такое поведеніе Парижа! Онъ опять хочетъ заставить своихъ провинціальныхъ братьевъ идти на спасеніе его отъ него же самого, какъ въ іюнѣ 48-го года!...

Франція отвѣтила громовымъ ударомъ. Одновременно съ парижскими шли мѣстные выборы въ департаментахъ Нижняго Рейна, Соны-и-Луары, въ департаментѣ Ньеврскомъ и Верхняго Рейна; повсюду торжествовала крайняя партія. Какъ утопающій хватается за соломенку, коалиція реакціи ухватилась за послѣднюю надежду: Видаль былъ выбранъ за-разъ въ двухъ департаментахъ и предпочелъ быть представителемъ отъ департамента Верхняго Рейна. Въ парижскомъ представительствѣ снова являлось вакантное мѣсто. Самъ «Journal des Débats» поставилъ все на карту, поставилъ на этомъ перевыборѣ вопросъ о пораженіи или побѣдѣ: «Вопросъ, рѣшенный противъ насъ 10-го марта, снова поставленъ передъ избирателями и теперь будетъ рѣшенъ безаппелляціонно, въ высшей инстанціи. Выборъ 28-го апрѣля покажетъ, что неудача *умѣренной* партіи была только *случайностью*, непріятнымъ, но еще поправимымъ недоразумѣніемъ, или же, въ противномъ случаѣ, что *партія порядка* окончательно потеряла въ столицѣ большинство».

Вмѣстѣ съ «Journal des Débats» и его сателлитами, все финансовое и торговое населеніе Парижа ждало съ трепетомъ поправленія случайности. Большинство девяти тысячъ голосовъ оказалось противъ реакціи за извѣстнаго романиста Эжена Сю...

Чтó теперь будетъ съ Парижемъ, съ Франціей? Если и Парижъ и департаменты уже теперь вотируютъ за крайнихъ соціалистскихъ кандидатовъ, если радикаламъ мало было іюньской

---

[1]) Le Coup d'État du 2 Décembre 1851, par les auteurs du Dictionnaire de la Révolution francaise. Décembre-Alonier.— *Vermorel*, Les hommes de 1851.—*T. Debord*. Histoire du Second Empire.

картечи и всей внутренней римской экспедиціи, со всѣми ея террористическими мѣрами; если, несмотря на господство клерикаловъ въ селахъ, на режимъ депортацій въ городахъ—избиратели все же посылаютъ въ законодательное собраніе представителей, на знамени которыхъ написаны экономическія реформы, и это теперь же, въ 50-мъ году, то что же будетъ въ 1852 году: радикалы наводнятъ собою законодательное собраніе, долженствующее выйти изъ выборовъ 52-го г. — и декретируютъ разореніе всѣхъ плодовъ цивилизаціи, имущества и привилегій! Положеніе, думали, по-истинѣ критическое.

А тутъ еще, какъ нарочно, суется Прудонъ—это пугало порядочныхъ людей, и гласитъ: «Выборъ 10-го марта представляетъ собою profession de foi народа... Римская экспедиція, осадное положеніе, распущеніе національной гвардіи, законы *противъ* печати, собраній, ассоціацій, законъ *противъ* преподавателей, *противъ* коммунальныхъ вольностей,—все это одинаково поругано и отвергнуто голосованіемъ 10-го марта. Все, что творилось въ теченіи пятнадцати мѣсяцевъ противъ республики, противъ февральской революціи — теперь провозглашено въ этотъ день за несуществующее и неимѣющее силы. Власть, поэтому, должна теперь,—подъ страхомъ обвиненія въ возмущеніи противъ народа и въ насиліи, — не только измѣнить свою систему, но и уничтожить всѣ тѣ реакціонные законы, и тотчасъ же приняться, отложа въ сторону всякое другое дѣло, за поправленіе зла, *нанесеннаго и Франціи и всей Европѣ* ея ненавистной политикой».

Такъ говорилъ Прудонъ въ «La Voix du Peuple» 14-го марта 1850 г., и въ этотъ же самый день открывалось, въ первый разъ, послѣ всѣхъ парламентскихъ распрей,—тайное совѣщаніе вождей коалиціи съ принцемъ-президентомъ; они предлагали, а онъ соглашался на *заговоръ* противъ основныхъ законовъ республики, противъ конституціи, противъ спокойствія Франціи. Въ виду выборовъ 1852-го года, на которыхъ они боялись встрѣтить свое полное пораженіе и торжество радикальной партіи,—корифеи старыхъ режимовъ и искалѣченнаго ими парламентаризма наносили ударъ въ самое сердце республики, ея suffrage universel'ю! Они, однимъ словомъ, не болѣе ни менѣе, какъ уничтожали suffrage universel и на его мѣсто ставили новый *косвенный цензъ*.

Законъ 31-го мая 1850-го г. требовалъ отъ тѣхъ, кто хотѣлъ пользоваться правомъ избирательнаго голоса, удостовѣренія въ постоянномъ мѣстожительствѣ, что зависѣло отъ внесенія имени въ списки постоянныхъ налоговъ, а внесеніе требовало пред-

варительнаго двухгодового постояннаго пребыванія въ одной и той же мѣстности: такимъ образомъ, только граждане, жительствовавшіе на одномъ мѣстѣ три года, удерживали за собою избирательное право, пріобрѣтенное февральской революціей для всего народа безъ исключенія. Теперь же исключеніе било прямо весь рабочій классъ и всѣхъ мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ. «Рабочій классъ, въ современномъ состояніи промышленности, конечно, не можетъ имѣть иного мѣстожительства, какъ мастерской, куда его зоветъ заработокъ — жительства, столь же измѣнчиваго, какъ и самый спросъ на трудъ». Мелкіе же торговцы и промышленники исключались потому, что они, вмѣсто личныхъ податей или натуральныхъ повинностей, платили въ казну косвенный налогъ муниципальною оплатою своихъ товаровъ (octroi).

Законъ 31-го мая выбрасывалъ, такимъ способомъ, за бортъ, въ виду спасенія строившагося корабля имперіи, среди разыгравшихся бурь, не менѣе, какъ около *трехъ милліоновъ избирателей*. Въ парламентскіе анналы второй республики было занесено еще одно бурное засѣданіе, въ которомъ лѣвая сторона сыпала градъ брани и упрековъ на реакцію, а реакція поражала оппозицію небывалыми искренними признаніями.

— «Вы хотите наказать народъ—говорилъ Викторъ Гюго,— потому что народъ посмѣлъ замѣтить, что между вашими программой обѣщаній и итогомъ дѣйствій лежитъ цѣлая кровавая бездна; онъ далъ вамъ урокъ посредствомъ мирнаго выраженія своего верховнаго права—посредствомъ избирательной урны, а вы негодуете и лицемѣрно провозглашаете общество въ опасности»!

— «Вы совершаете мошенничество своимъ новымъ закономъ, воскликнулъ Лагранжъ — вы крадете у народа его право! вы, которые добыли власть въ крови народной, вы пользуетесь ею теперь для умерщвленія республики»!

— «За насъ право и фактъ, законъ и сила! отвѣчалъ имъ въ упоръ Монталамберъ (онъ ошибался только *на половину*: за коалицію былъ фактъ и сила, но не право и законъ!) Я полагаю, что за нами и число (число штыковъ въ союзѣ съ Бонапартомъ), и я не хочу ни минуты сомнѣваться въ томъ, что за насъ наша смѣлость (сомнѣніе однако было бы простительно, и пародія на дантоновскій призывъ къ смѣлости была осмѣяна позже поведеніемъ коалиціи при декабрьскомъ переворотѣ)! *Надо* отбить у врага (т.-е. у народа) тѣ позиціи, которыя онъ завоевалъ (т.-е. февральскую республику). Надо *измѣнить* suffrage universel.... Надо предпринять противъ зла *войну* самую

энергическую, надо произвести римскую экспедицію внутри страны»...

— «Гнусная чернь—поучалъ Тьеръ—всегда, во всѣ вѣка губила республики. Я считаю законъ благодѣтельнымъ, потому что онъ исключаетъ изъ выборовъ три милліона *черни*, которую могутъ защищать только *ложные*, только *худые* республиканцы».

— «Я готовъ уважать *истинное* мнѣніе — исповѣдывался Беррье; но у людей, исключенныхъ изъ списковъ, вовсе нѣтъ никакихъ убѣжденій, и поэтому ихъ нечего щадить»!

— «Законъ—отвѣчалъ имъ всѣмъ Ламартинъ — законъ направленъ вовсе не противъ соціализма, а просто противъ республиканской оппозиціи, противъ самой республики»!

И не только Ламартинъ, но и Жюль-Фавръ, и даже самъ Кавеньякъ протестовали противъ новаго закона, понявъ, наконецъ, что коалиція задумала идти прямымъ путемъ къ гибели республики, и открывала ворота имперіи. Монталамберъ не выдержалъ оппозиціи Кавеньяка и бросилъ ему въ лицо упрекъ за *предательство*, за то, что генералъ вздумалъ ратовать противъ смиренія черни: «Провозглашая нашъ законъ, и приводя въ исполненіе наши мѣры, мы не предпринимаемъ ничего новаго, мы только продолжаемъ битву іюньскихъ дней 48-го года, на улицахъ Парижа,—битву, которую почтенный генералъ Кавеньякъ велъ такъ благородно и такъ счастливо, мы боремся противъ тѣхъ же враговъ, не ошибайтесь!»...

Законъ, конечно, былъ принятъ, и въ исторіи не осталось болѣе вѣрнаго опредѣленія его значенія, какъ то, которымъ заклеймилъ его извѣстный ораторъ Мишель (изъ Буржа):

— «Этимъ закономъ—говорилъ онъ—хотятъ наказать народъ за то, что онъ, наконецъ, обратился къ *легальному* пути для заявленія своихъ требованій, точно также, какъ прежде карали и казнили его за революціонныя попытки. Народъ захотѣлъ теперь пользоваться *правильно* и *спокойно* своимъ добытымъ правомъ, и именно за такое желаніе, его опять лишаютъ всякаго права и опять дѣлаютъ покушеніе на его совѣсть, за то, что онъ, сообразно съ нею, хотѣлъ назначать своихъ представителей!»...

Законъ былъ вотированъ, но всѣ партіи обочлись въ разсчетѣ, хотя менѣе всѣхъ партія бонапартистская. Бурбоно-орлеанская коалиція думала этимъ закономъ, какъ водою, затушить мерещившійся ей скрытый пожаръ, а между тѣмъ она только подлила масла въ огонь, и придетъ день — день 2-го декабря, когда Бонапартъ обрушитъ этотъ законъ на ея голову и ее же обвинитъ въ нарушеніи конституціи. Въ свою очередь, Бона-

партъ воображалъ, что ему достаточно будетъ провозгласить себя защитникомъ, возстановителемъ конституціи для того, чтобъ весь народъ сталъ сразу на его сторону; но онъ обчелся, и ему пришлось вводить suffrage universel на безчисленныхъ трупахъ декабрьскихъ баррикадъ въ Парижѣ и въ департаментахъ. И наконецъ, республиканская партія разсчитывала, что время до выборовъ 52-го года пройдетъ въ борьбѣ законодательной и исполнительной власти, а въ 52-мъ г. она, какъ и весь народъ, *фактомъ* отвергнетъ законъ 31-го мая, т.-е. тѣмъ, что непремѣнно и въ цѣломъ своемъ составѣ приметъ участіе въ вòтѣ. Эта мысль была внесена въ пропаганду крайней партіи, и пропаганда дѣлала широкіе успѣхи...

Понятно, въ какомъ состояніи находилась буржуазія; она радовалась закону 31-го мая, но она ужасалась разсказамъ о пропагандѣ соціалистовъ, она со страхомъ смотрѣла на борьбу президента съ коалиціей, снова завязавшуюся въ законодательномъ собраніи, то подозрѣвая президента въ сдѣлкѣ съ республиканцами, то упрекая коалицію за ея строптивость относительно президента...

А между тѣмъ,—и здѣсь кроется одно изъ важныхъ объясненій преданности буржуазіи президенту-императору, — финансовыя дѣла ея шли плохо и она приписывала свои бѣдствія крамоламъ республики, хотя причинность ихъ была совершенно иная и лежала въ собственной же умственной немощи буржуазіи. Дѣло въ томъ, что уже съ конца февраля 50-го года началось уменьшеніе вывоза; въ мартѣ промышленность страдала и фабрики закрывались; въ апрѣлѣ положеніе промышленныхъ департаментовъ представлялось столь же критическимъ, какъ и тотчасъ послѣ февральскихъ дней; общій застой въ дѣлахъ ясно отражался до конца іюня на отчетахъ банка Франціи, и только въ половинѣ октября промышленность начала оживляться.

«Французская буржуазія—говоритъ одинъ нѣмецкій авторъ, писавшій исторію переворота во время самыхъ событій 1851-го года [1])—объясняла себѣ этотъ торговый застой чисто политическими причинами, борьбою между парламентомъ и исполнительною властью, непрочностью, невѣрностью *временной* государственной формы (т.-е. республики), опасеніями и ужасами предъ предстоящими выборами 2-го мая 1852.

«Я не стану отрицать, что всѣ тѣ обстоятельства имѣли извѣстное вліяніе на нѣкоторыя вѣтви промышленности въ Парижѣ и департаментахъ; но, во всякомъ случаѣ, то дѣйствіе политическихъ

---

1) Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte, von K. *Marx*. II. Ausgabe 1869.

обстоятельствъ было только мѣстное и незначительное, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ фактъ, что улучшеніе въ торговлѣ произошло какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда политическое состояніе ухудшилось, политическій горизонтъ еще болѣе подернулся тучами и каждую минуту можно было ожидать разраженія грозы и удара молніи, — въ половинѣ октября 50-го г. Очевидно, что причина промышленнаго кризиса лежала не въ тѣхъ обстоятельствахъ, на которыя ссылалась буржуазія. Еслибъ она была проницательнѣе, то ей не трудно было бы усмотрѣть настоящую причину своихъ недуговъ, когда ей случилось попасть на первую всемірную выставку въ Лондонѣ въ 1851 г. Она легко могла бы увидѣть, что въ то время, какъ во Франціи закрывались фабрики, въ Англіи разразились коммерческія банкрутства. Въ то время, какъ во Франціи, въ апрѣлѣ и маѣ, промышленная *паника* достигала высшаго пункта своего развитія, въ апрѣлѣ же и маѣ, того же пункта достигла въ Англіи паника торговая. Какъ страдала французская шерстяная промышленность, такъ страдала и англійская; какъ терпѣла французская шелковая мануфактура, такъ терпѣла и англійская. И если англійскія хлопчато-бумажныя фабрики продолжали еще работать,—то уже далеко не такъ прибыльно, какъ въ 1849 и 1850 годахъ. Разница была только въ томъ, что во Франціи совершался кризисъ промышленный, а въ Англіи торговый; что въ то время, какъ во Франціи станки фабрикъ замолкали, въ Англіи фабрики расширялись, но при гораздо болѣе невыгодныхъ условіяхъ, чѣмъ въ предыдущіе годы; во Франціи главный ударъ наносился *вывозу*, въ Англіи — *ввозу*. Общая причина, которую, при такомъ сопоставленіи и сравненіи, конечно, нечего было искать въ предѣлахъ только французскаго политическаго горизонта, общая причина была очевидна: 1849 и 50 годы были годами небывалаго матеріальнаго процвѣтанія и чрезмѣрнаго избытка производства (Ueberproduction), которое оказало свои печальные плоды только въ 1851-мъ году. Кризисъ усложнялся еще обманутыми разсчетами и надеждами на урожай хлопка и шелковичнаго червя, а между тѣмъ шерстяная мануфактура приняла такіе размѣры съ 1848 года, что производство хлопка не могло поспѣвать за ней вслѣдъ, и цѣна сырого матеріала возвысилась въ пропорціи значительно невыгодной для цѣнъ шерстяныхъ фабрикъ. Взвѣшивая всѣ эти особыя обстоятельства, кажущійся кризисъ 1851 года является не болѣе, какъ *естественною остановкою*, производимою чрезмѣрнымъ производствомъ и чрезмѣрною спекуляціею каждый разъ, какъ совершается обычное промышленное круговращеніе, въ послѣднемъ періодѣ котораго ли

хорадочно напрягаются всѣ силы и средства промышленности, и который неизбѣжно заключается всеобщимъ торговымъ кризисомъ...

«Можно представить себѣ при такомъ положеніи французскаго буржуа, который рѣшительно не понималъ и не сознавалъ выставленныхъ здѣсь истинныхъ причинъ тогдашняго кризиса, и больная голова котораго мучилась, туманилась и мѣшалась отъ всѣхъ слуховъ и говоровъ о переворотѣ, о возстановленіи suffrage universel'я, о борьбѣ палаты съ президентомъ, о фрондёрской войнѣ орлеанистовъ и легитимистовъ, о коммунистическихъ конспираціяхъ на югѣ Франціи, о вымышленной жакеріи въ департаментахъ Ніёвръ и Шеръ; отъ всѣхъ рекламъ различныхъ претендентовъ, отъ всѣхъ базарно-крикливыхъ журнальныхъ оракуловъ, отъ всѣхъ угрозъ республиканцевъ возстановить 2-го мая 1852 г. конституцію и suffrage universel, съ оружіемъ въ рукахъ;... можно представить себѣ положеніе буржуа въ этомъ хаосѣ всякихъ запутанностей, и глядя на него можно понять, почему онъ, какъ помѣшанный, завопилъ: «лучше конецъ безъ террора, чѣмъ терроръ безъ конца».

Бонапартъ понялъ этотъ крикъ отчаянія, и декабрьскій переворотъ явился въ отвѣтъ на призывъ буржуазіи. Буржуазія привѣтствовала его, надѣясь, что онъ оградитъ ея мирное развитіе, ея мирную цивилизацію. «На всѣхъ европейскихъ *биржахъ* принца-президента признаютъ и провозглашаютъ *единымъ вѣрнымъ стражемъ порядка*»—такъ писалъ «Экономистъ» за три дня до переворота, 29-го ноября 1851 г.

И буржуа и *биржи* должны были жестоко сорваться: не цивилизацію, а войну, напрасную, 20-тилѣтнюю — внутреннюю и внѣшнюю войну несъ за собою декабрьскій переворотъ.

Странныя противорѣчія встрѣчаются въ показаніяхъ историковъ и современниковъ. «Это окончательное и полное торжество соціализма!» такъ опредѣлялъ Гизо значеніе декабрьскаго переворота. Совершенно обратно этому мнѣнію и гораздо болѣе согласно съ истиною, Кинглэкъ говоритъ, что переворотъ произошелъ оттого, «что демократія была ненавистна людямъ». Французскій переводчикъ Кинглэка, Т. Кармеръ оспариваетъ это мнѣніе, указывая на то, что 20 департаментовъ возстали противъ переворота и 30 тысячъ семей было сказнено декабрьскими заговорщиками; это свидѣтельствуетъ, въ его глазахъ, о томъ, что по крайней мѣрѣ для цѣлой трети Франціи «демократія не имѣла ничего ненавистнаго». Такъ или иначе, но переворотъ былъ совершенъ и свободное развитіе національныхъ стремленій подавлено желѣзной рукою.

Логика говоритъ, что всѣ тѣ, которые участвовали въ переворотѣ, должны были бы теперь содѣйствовать установленію спокойствія и порядка. А участвовали въ переворотѣ всѣ высшіе и средніе классы; посмотрите же теперь, о какомъ странномъ противорѣчіи и непослѣдовательности въ поступкахъ людей свидѣтельствуетъ историкъ: «Во Франціи, люди *хорошо воспитанные*, рѣшились почти повсюду держаться въ отдаленіи отъ Луи-Бонапарта; они не только отказывались посѣщать новаго владѣльца Тюльери, но они отвернулись даже отъ ренегатовъ изъ своихъ, которыхъ золото привлекло къ Бонапарту, и они рѣшились *выжидать удобнаго момента для аттаки новаго императора и его соучастниковъ*» (Кинглэкъ). Это показаніе чрезвычайно важно: въ немъ обвиняются образованные классы въ смутахъ и вѣчномъ покушеніи на нарушеніе спокойствія страны; нѣсколько ниже мы увидимъ, наоборотъ, что подобныя обвиненія взводились на народъ, на чернь, и мы, безъ дальнѣйшихъ комментарій, предоставимъ судить самому читателю основательность того или другого взгляда. Остановимся пока на подтвержденіи факта, что внутренняго спокойствія Франціи декабрьскій переворотъ не далъ и не могъ дать.

Но, кромѣ Франціи, существовала еще *Европа*. Франція была подавлена въ своемъ протестѣ противъ уничтоженія ея конституціи Бонапартомъ. Но, кромѣ французской конституціи, по отношенію къ Бонапарту, существовала еще другая конституція— международная, выражавшаяся въ трактатахъ 1815 года [1]). Прудонъ дѣйствительно былъ правъ, когда придавалъ такое международно-конституціонное значеніе вѣнскимъ трактатамъ: оставляя въ сторонѣ всякую критику ихъ внутренней стоимости, ихъ тенденцій, отжившихъ и неблагопріятныхъ для общественнаго развитія, — они все же представляли собою попытку положить конецъ военнымъ распрямъ государствъ. Признавъ въ Наполеонѣ I, въ самыхъ его идеяхъ — главную причину безконечныхъ войнъ, и страшась возобновленія ихъ, трактаты ставили взаимнымъ для всѣхъ державъ и для самой Франціи обязательствомъ никогда не допускать на ея престолъ Наполеонидовъ. Какимъ же образомъ Европа оказалась или безсильна, или близорука, или даже благосклонна относительно появленія новаго Бонапарта во главѣ Франціи? Неужели же и вся Европа была объята тѣмъ же паническимъ страхомъ, который заставилъ *капитулировать* французскую буржуазію предъ напоромъ Бонапартовскаго честолюбія? Неужели Луи-Наполеонъ Бонапартъ могъ

---

[1]) См. Прудонъ: Si les Traités de 1815 ont cessé d'exister? 1863.

также нагло обмануть всю Европу, какъ обманулъ Францію? Или, можетъ быть, въ промежутокъ 37-ми лѣтъ, отъ 1814 до 1851 г., исторія и здравый смыслъ совсѣмъ заглушили наполеоновскую идею, даже въ его наслѣдникѣ? Можетъ быть, этотъ наслѣдникъ доказалъ всѣмъ своимъ поведеніемъ, что по крайней мѣрѣ разъ добившись своей цѣли, и ставъ главою скованной Франціи—онъ намѣренъ быть представителемъ прогресса и цивилизаціи, а не войны и всеевропейскаго разоренія? Врядъ ли его поступки могли вести къ такому оптимистскому заключенію! Страсбургская и Булоньская попытки выказывали его слѣпымъ фанатическимъ послѣдователемъ наполеоновской идеи предъ судомъ перовъ Франціи. Послѣ Булоньской траги-комедіи—принцъ Наполеонъ провозглашалъ свою profession de foi: «я представляю предъ вами извѣстное начало, дѣло и пораженіе. Начало — это верховное право народа; дѣло—имперія; пораженіе — *Ватерло;* начало это вы признали; дѣлу этому вы служили; пораженіе — ему вы хотите отмстить!»

Позже, въ 1849-мъ году, онъ прямо объявлялъ, что его имя заключаетъ въ себѣ цѣлую программу, и внѣшняя сторона этой программы — поддержаніе, возвышеніе *національнаго достоинства.* Вѣрный памяти своего дяди, съ главною идеей его, съ войною онъ велъ рядомъ риторику о «великихъ принципахъ». Было бы слишкомъ долго и скучно слѣдить за прямымъ или скрытымъ выраженіемъ одной и той же программы во всѣхъ его рѣчахъ, во всѣхъ его актахъ въ эпоху президентства. Здѣсь достаточно упомянуть о двухъ главныхъ актахъ воцаренія Бонапарта.

Въ воззваніи къ народу, 2-го декабря 1851-го г., онъ говорилъ, *предлагая свою* систему правленія: «Эта система, *созданная первымъ консуломъ* въ началѣ нынѣшняго вѣка, *дала* уже Франціи *спокойствіе* и *благоденствіе*; она и теперь надѣлитъ ими Францію. Если вы думаете, что дѣло, символомъ котораго является *мое имя,* т.-е. Франція, *возрожденная революціей 89-го года* и *организованная императоромъ,*—что это дѣло всегда остается и вашимъ, то провозгласите это, утверждая власть, которую я прошу у васъ».

Кровавый спектакль 2-го декабря 1851 года заканчивался балаганною сценой—вечеромъ 1-го декабря 1852 г., въ С. Клу, куда спѣшили всѣ высшіе, вновь испеченные, государственные чины и сановники грядущей имперіи. Представленіе происходило въ «галереѣ Аполлона»; актеры—сенатъ, законодательный корпусъ, государственный совѣтъ и пр. и пр. — были разсажены по мѣстамъ; когда занавѣсъ взвилась, когда началась церемонія, т.-е. когда принцъ-президентъ возсѣлъ на тронъ, галерея огла-

силась рукоплесканіями. Первымъ актеромъ, выступившимъ на сцену, былъ президентъ законодательнаго корпуса, Билльо.

«Сиръ! Ввѣряя *громадному* воспоминанію славы то, что у нея есть наиболѣе драгоцѣннаго, ея *честь внѣ*, ея безопасность внутри, и ея *безсмертные принципы 89-го года*, — эти основы, отнынѣ непоколебимыя, новаго французскаго общества, столь могущественно организованнаго вашимъ *Дядей*, *наша* нація возстановляетъ съ гордой любовью эту династію Бонапартовъ, вышедшую изъ ея среды (?) и *которая отнюдь не была свергнута французскими руками*».

За Бильо выступилъ, отъ имени сената, Менаръ: «Возстановляя императорское достоинство фамиліи вашего величества, давая вамъ корону, которую Франція возложила, полвѣка тому назадъ, на главу побѣдителя при Маренго, она говоритъ достаточно громко, *каковы* ея желанія, и какъ, связывая настоящее съ прошлымъ, она соединяетъ воедино свои надежды съ своими воспоминаніями».

Поднялся, наконецъ, съ дядина трона, новорожденный императоръ и вѣщалъ:

— «Когда, 48 лѣтъ тому назадъ, въ этомъ самомъ дворцѣ, въ этой самой залѣ и при подобныхъ же обстоятельствахъ, сенатъ явился предложить корону главѣ моей фамиліи, императоръ отвѣчалъ: «Мой духъ не будетъ съ моимъ потомствомъ въ тотъ день, когда оно перестанетъ быть достойнымъ любви великой націи». Сегодня, что наиболѣе всего трогаетъ мое сердце —это мысль, что духъ императора теперь со мною (Наполеонъ Бонапартъ предвосхищалъ такимъ образомъ у покойнаго Аланъ-Кардека ученіе спиритизма!), что *его* мысль руководитъ мною, что *его* тѣнь мнѣ покровительствуетъ, ибо, своимъ торжественнымъ актомъ, вы теперь доказываете мнѣ, отъ имени французскаго народа, что я заслужилъ довѣріе страны. Мнѣ не нужно говорить вамъ, что моя главная, постоянная забота будетъ заключаться въ томъ, чтобъ трудиться съ вами надъ *величіемъ* и процвѣтаніемъ Франціи».

«Да здравствуетъ императоръ»! подхватилъ дружный хоръ. Кортежъ тронулся; факелы освѣтили дворъ дворца, кареты повезли обратно въ Парижъ золотые галуны; занавѣсъ опустилась поздно ночью, а на другое утро—въ годовщину 2-го декабря— другое представленіе привѣтствовало имперію: окрестные крестьяне, молодыя дѣвушки С.-Клу, въ бѣлыхъ платьяхъ, и съ посинѣлыми отъ зимняго холода лицами, ждали императора у рѣшетки парка, чтобъ поднести ему — цвѣты и... прошенія; это должно быть и былъ трогательный союзъ «великихъ принци-

повъ» и «наполеоновской славы»: вечеромъ—золотые галуны, утромъ — прошенія блузъ, — имперія будетъ блестящею и демократическою!

Всякому ясно, чтó за мораль слѣдовало вывести изъ комедіи въ С.-Клу — и куда жаръ-птица направляла свой полетъ. Были современники, которые понимали, чтó означаетъ и къ чему должна идти во внѣшней политикѣ императорская реставрація 2-го декабря 51-го года:

«Если есть что-нибудь—писалъ Прудонъ—чтó 2-ое декабря должно имѣть на сердцѣ, то это безъ сомнѣнія отмщеніе за пораженія 1814 и 1815 года; возстановленіе въ европейскомъ строѣ вліянія нашей націи; возвышеніе ея въ рядъ державъ перваго класса,—поддерживая въ случаѣ надобности это *законное* притязаніе оружіемъ» [1]). Но тутъ же Прудонъ указывалъ и на Вѣнскіе трактаты, которые должны были остановить честолюбивые замыслы Бонапарта. Вмѣстѣ съ тѣмъ Прудонъ задавалъ себѣ вопросъ, какъ отнесутся къ Луи-Бонапарту иностранныя державы, примутъ ли онѣ его за представителя революціи, устрашатся ли онѣ новыхъ воинственныхъ замысловъ или встрѣтятъ его съ распростертыми объятіями, какъ человѣка будто-бы оказавшаго имъ великую услугу побіеніемъ демократіи и революціи?

Но этотъ вопросъ касается внѣшней политики и сводится на разъясненіе роли дипломатіи въ декабрьскомъ переворотѣ.

II.

Роль дипломатіи при первой французской революціи довольно извѣстна: создавъ феодальную коалицію противъ первой республики, дипломатія того времени обрушила на голову Европы всѣ бѣдствія долголѣтнихъ войнъ, и дала возможность появленію Наполеона I-го. Интересно и поучительно видѣть, къ чему пришла дипломатія чрезъ 37 лѣтъ послѣ варварскаго урока, даннаго ей и народамъ? Интересно взглянуть, чтò она сдѣлала нынѣшній разъ для огражденія цивилизаціи, для отраженія войны?

Если мы приведемъ одни подлинные документы по этому второму вопросу, занимающему насъ, то послѣ всего сказаннаго выше— намъ можно будетъ воздержаться отъ подробныхъ комментарій и предоставить самому читателю судить такъ или иначе о дѣйствіяхъ дипломатіи того времени. Предъ нами лежитъ недавно вышедшая въ Лейпцигѣ книга, содержащая въ себѣ цѣлый

---

[1]) Прудонъ: La Révolution sociale, démontrée par le coup d'Etat du 2 Décembre.

рядъ именно дипломатическихъ актовъ, относящихся къ декабрьскому перевороту и остававшихся до сихъ поръ неизданными [1]). Намъ достаточно, такимъ образомъ, только подѣлиться съ читателемъ въ высшей степени любопытнымъ матеріаломъ; мы, конечно, сочтемъ должнымъ ограничиться только нѣкоторыми извлеченіями, и отсылаемъ читателя къ самой книгѣ, для болѣе полнаго знакомства.

Многое перемѣнилось съ 1851-го года. Много воды или вѣрнѣе крови утекло съ того времени; измѣнились и взаимныя отношенія державъ. Для того, чтобъ судить правильно о тогдашнихъ дипломатическихъ дѣлахъ, надо припомнить, что съ одной стороны тогда стоялъ австрійско-русскій союзъ; Пруссія шла за этимъ союзомъ, и далеко не представляла собою еще первоклассной державы; Италія была на откупу у кучи маленькихъ герцоговъ, и только Пьемонтъ выражалъ собою нѣчто самобытное, итальянское; Испанія и Португалія считались какъ бы выдѣленными изъ европейскаго, дипломатическаго ареопага; двѣ мелкія нейтральныя страны—Бельгія и Швейцарія—опирались на покровительство великихъ державъ и не имѣли никакого права голоса, дрожа за свою безопасность; Швейцарія занималась своими внутренними дѣлами, вслѣдъ за введеніемъ федеральной конституціи 48-го года; Бельгія, слѣдя съ трепетомъ за перемѣнами во Франціи, смущалась недовольствомъ русскаго двора, изъ-за польскихъ эмигрантовъ. Англія стояла особнякомъ и тоже съ смущеніемъ озиралась на могущество сѣвернаго союза: «Если Наполеонъ успѣетъ въ своемъ плебисцитѣ — писалъ лордъ Нормэнби Пальмерстону изъ Парижа, 3-го декабря—то Англіи предстоитъ плохая перспектива. Его поступокъ очевидно будетъ одобренъ Россіей и Австріей, и поведетъ къ какому-либо тѣсному союзу съ тѣми державами. Наполеонъ скоро рѣшитъ, что онъ долженъ занимать свою все растущую армію, для того, чтобъ она была спокойна, и что Франція должна искать какого-либо предлога къ ссорѣ съ Англіей, которая теперь такъ нелюбима всѣми другими державами на континентѣ».

Соображая изолированное положеніе Англіи, Пальмерстонъ рѣшилъ предупредить континентальныя державы и потому поспѣшилъ поздравить принца-президента съ успѣхомъ и выразить ему полное сочувствіе Англіи.

На свою бѣду Пальмерстонъ забылъ, среди общей горячки, что онъ министръ конституціонной страны, что онъ обязанъ

---

[1]) Der Staatsstreich vom 2 December 1851 und seine Rückwirkung auf Europa. Leipzig. Duncker et Humboldt. 1870.

прежде всего отчетомъ королевѣ и общностью дѣйствій со всѣми членами кабинета. Лордъ Джонъ Россель подкараулилъ, наконецъ, своего врага и подстрѣлилъ его. 24-го декабря, «Times» объявила, что Пальмерстонъ не состоитъ больше членомъ министерства. Вся политическая Англія заговорила о скандалѣ, который произошелъ при *изгнаніи* Пальмерстона Росселемъ. Оказалось, что сама королева считала нужнымъ уже заранѣе предупредить Пальмерстона, чтобъ онъ обращался съ нею болѣе сообразно съ ея прерогативами, и требовала отъ него, чтобъ онъ не измѣнялъ рѣшеній, разъ принятыхъ кабинетомъ и получившихъ санкцію короны; чтобъ онъ увѣдомлялъ ее обстоятельно о сношеніяхъ съ представителями иностранныхъ державъ, прежде чѣмъ предпринять важныя рѣшенія, и чтобъ онъ во-время сообщалъ ей документы, подлежащіе ея санкціи. Въ противномъ случаѣ, королева грозила ему воспользоваться своимъ правомъ смѣны министра. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ, что не преминетъ согласоваться съ полученными инструкціями. Уже 3-го ноября 51-го г. въ министерскомъ совѣтѣ шелъ вопросъ о дѣлахъ Франціи, и было рѣшено держаться самаго строгаго нейтралитета, несмотря ни на какія перемѣны. Вслѣдъ за переворотомъ, въ отвѣтъ лорду Нормэнби, министерство снова подтвердило свое рѣшеніе и предписало Нормэнби «воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ событія». Пальмерстонъ дѣйствительно написалъ такъ, какъ было рѣшено, но вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшилъ лично заявить Валевскому, что «вполнѣ одобряетъ поступокъ президента и что, по его убѣжденію, президентъ не могъ поступить иначе». Нормэнби узналъ это отъ французскаго министра Тюрго, который, не стѣсняясь, показывалъ увѣдомленіе Валевскаго другимъ посланникамъ для увѣренія ихъ въ полномъ сочувствіи Англіи перевороту. Нормэнби просилъ у Пальмерстона объясненія такого двуличнаго поведенія. Россель требовалъ отчета за такой анти-конституціонный поступокъ, и бомбардировалъ Пальмерстона письмами, а Пальмерстонъ отмалчивался и только 17-го декабря препроводилъ къ неугомонному лорду Джону свою депешу отъ 16-го декабря къ Нормэнби, въ которой давалъ объясненіе своего поведенія:

«Что касается — писалъ онъ — до одобренія или осужденія акта, которымъ президентъ *распустилъ* законодательное собраніе, я полагаю, что право произнести о томъ сужденіе не принадлежитъ ни министру, ни посланнику Англіи, а только самой и одной Франціи. Но если вы желаете знать мое частное мнѣніе о перемѣнѣ, происшедшей во Франціи, то я скажу вамъ, что антагонизмъ между президентомъ и собраніемъ дошелъ до такой степени, что съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что

они не могутъ существовать вмѣстѣ. При такомъ положеніи, мнѣ кажется *предпочтительнѣе*, для интересовъ Франціи, а *чрезъ то и для интересовъ всей остальной Европы*, чтобъ власть президента взяла верхъ. *Установленіе его власти есть залогъ для установленія общественнаго порядка.* При раздѣленіи партій и мнѣній, которыя царили въ собраніи, побѣда надъ президентомъ была бы началомъ гражданской войны, самой бѣдственной. Вѣрно мое мнѣніе или нѣтъ, но оно подтверждается многими лицами, интересы коихъ связаны съ Франціей, подтверждается во всякомъ случаѣ настолько, *насколько сильное повышеніе въ общественныхъ фондахъ и во всѣхъ другихъ цѣнностяхъ можетъ быть принято за симптомъ увѣренности, въ возстановленіи и въ преуспѣяніи внутренняго спокойствія*».

Неисправимый министръ и эту депешу отправилъ ранѣе, чѣмъ сообщилъ копію съ нея Росселю. Россель не вынесъ такого обращенія, созвалъ министерскій совѣтъ, объявилъ, что Пальмерстонъ за свое поведеніе заслуживаетъ быть вышвырнутымъ за дверь, и, съ согласія своихъ товарищей, отправился къ королевѣ, которая подписала отставку Пальмерстона. Въ отвѣтъ на всѣ оправданія послѣдняго, Россель отвѣтилъ коротко и ясно: «вопросъ не въ томъ, можетъ ли быть оправданъ президентъ въ распущеніи собранія и уничтоженіи конституціи, а въ томъ, имѣли ли вы право, какъ государственный секретарь королевы, выражать свое мнѣніе объ этомъ событіи».

Отставка Пальмерстона была однако дѣломъ чисто-личнымъ и нисколько не измѣняла дружелюбнаго, сочувственнаго отношенія англійскаго министерства къ перевороту. Напротивъ, лордъ Россель даже поспѣшилъ смѣнить Нормэнби, который относился не совсѣмъ пріязненно къ французскому правительству, и назначить на его мѣсто лорда Коулей. Вслѣдъ затѣмъ, Пальмерстонъ отмстилъ лорду Джону и помогъ торійской партіи свергнуть вигское министерство. Въ новомъ кабинетѣ, мѣсто иностраннаго министра занялъ личный другъ Наполеона, лордъ Мальмсбюри.

Побѣду торійскаго министерства спѣшили привѣтствовать всѣ европейскіе дворы, и прежде всѣхъ, преемникъ Меттерниха, князь Шварценбергъ. Онъ видѣлъ теперь въ англійскомъ кабинетѣ возможность поддержки его стратегическимъ видамъ. По извѣщеніи о переворотѣ, сѣверныя державы заявили, почти въ одинаковой формѣ, чрезъ своихъ представителей французскому министру иностранныхъ дѣлъ, что *декреты 2-го декабря касаются внутреннихъ дѣлъ Франціи, въ которыя иностранные кабинеты не имѣютъ основанія вмѣшиваться*, и что, по-мимо этого, имъ

можетъ представляться побѣда правительства надъ крайнею демократіей только какъ весьма желанное и радостное событіе».

Не такъ скроменъ однако и не такъ воздержанъ на языкѣ былъ князь Шварценбергъ въ своемъ меморандумѣ, адресованномъ иностраннымъ дворамъ 29-го декабря 52-го года. Этотъ меморандумъ дѣйствительно достоинъ памяти; въ немъ разбирались всѣ великія выгоды переворота, и побѣда Наполеона казалась Шварценбергу столь прелестною для всей Европы, что онъ всѣми силами старался доказать иностраннымъ державамъ, чтобъ они смѣло махнули рукой на трактаты 1815 года и впередъ рѣшили бы немедля признать за Бонапартомъ титулъ императора, какъ только онъ захочетъ того, а онъ-де навѣрное тотчасъ же захочетъ! Князь Шварценбергъ до того увлекся, что забывъ о началахъ австрійской монархіи, забывъ объ обязательствахъ всѣхъ монархій относительно бурбонской легитимности,—вздумалъ поносить даже Бурбоновъ не менѣе, чѣмъ всѣхъ прочихъ «крамольниковъ», за ихъ конституціонные помыслы.

«Такъ какъ Луи-Наполеонъ — писалъ Шварценбергъ—взялъ примѣръ своего дяди въ руководство всѣхъ своихъ дѣйствій, то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ концѣ его желаній и его честолюбія явится имперія... Половина Франціи находится въ осадномъ положеніи; пресса въ цѣпяхъ; люди, наиболѣе видные, оппозиція которыхъ была опасна для президента—находятся по бóльшей части въ тюрьмѣ или изгнаніи; соціалистская партія раздавлена; легитимистская партія устранена. Это положеніе слишкомъ полно искушенія, чтобъ не побуждать Луи-Наполеона на скорѣйшее исполненіе его плановъ...

«2-й пунктъ союзнаго договора, заключеннаго въ Парижѣ 20-го ноября 1815 г. Австріей, Англіей, Пруссіей и Россіей, налагаетъ на эти державы обязательство—поддерживать въ полной силѣ, и, еслибъ требовалось, всѣми ихъ средствами, исключеніе на-вѣчно Наполеона Бонапарта и его фамиліи изъ права верховной власти во Франціи. Безъ сомнѣнія, если союзныя державы считаютъ тотъ договоръ *буквально* обязательнымъ еще и теперь, то онѣ никогда не будутъ имѣть возможности признать Луи-Наполеона императоромъ. Съ другой стороны, трактаты 1815-го года составляли до сихъ поръ основу ихъ политики и представлялись имъ лучшею гарантіей мира... Но, разсмотримъ *безпристрастно* истинную цѣль и главную тенденцію трактатовъ и посмотримъ, нельзя ли, отдаляясь отъ буквы, все же сохранить духъ трактата...

«Въ то время, когда составлялись тѣ трактаты, союзныя державы основательно *смотрѣли на Наполеонидовъ, какъ на са-*

мыхъ безпощадныхъ нарушителей и на самыхъ опасныхъ враговъ спокойствія Европы.

«Теперь, роли распредѣлены иначе. Мы не будемъ предаваться иллюзіи и разсчитывать на долгую продолжительность и на установленіе спокойствія въ странѣ, въ которой революція находится постоянно на очереди (où la révolution est en permanence), и въ средѣ націи, которой главная характеристическая черта—*подвижность, движеніе.* Но для настоящаго времени и для близкаго будущаго мы считаемъ основательнымъ смотрѣть на Луи-Наполеона, какъ на лучшую, какъ на единую опору порядка во Франціи.

«Напротивъ того, Бурбоны, еслибъ они вздумали возвратить себѣ правленіе Франціей, должны были бы начать съ того, чтобъ все перевернуть. Ихъ *склонность къ конституціонной системѣ* внушила бы намъ опасенія за будущность, между тѣмъ, какъ монархическія тенденціи Луи-Наполеона внушаютъ намъ довѣріе, какое бы ни было при этомъ происхожденіе его власти и произвольное употребленіе ею, какимъ онъ пользуется...

«Впрочемъ, мы сомнѣваемся, чтобъ для вѣнскаго, петербургскаго и берлинскаго кабинета было теперь еще время заявлять о своихъ обязательствахъ 1815 года. Президентъ Луи-Наполеонъ, особенно съ событій 2-го декабря, обладаетъ уже верховною властью во Франціи, отъ которой его отлучалъ вышеприведенный договоръ. Еслибъ державы, подписавшія тотъ договоръ, имѣли намѣреніе привести его въ буквальное исполненіе, то онѣ должны бы ранѣе протестовать противъ узурпаціи Луи-Наполеона и не признавать его какъ президента. Перемѣна этого титула на титулъ императора будетъ только замѣною одного слова другимъ... Но развѣ этого вопроса о титулѣ было бы достаточно для того, чтобъ подвергать опасности изъ-за него общественное спокойствіе? Прежде, когда Россія и Австрія порвали сношенія съ Наполеономъ I за принятіе имъ императорскаго титула, положеніе было другое: его честолюбіе и его покушенія обличали воинственную политику...

«Теперь нѣтъ этихъ поводовъ къ войнѣ. Луи-Наполеонъ увѣряетъ въ своей любви къ миру, и отрицаетъ всякій помыселъ о нападеніи. *Мы вѣримъ въ искренность его увѣреній, ибо они согласуются съ его интересомъ. Неудачная война привела бы къ его паденію,* а удачная война создала бы только опасныхъ для него соперниковъ—отличившихся на полѣ битвы...

«Нисколько не оспаривая, мы признаемъ, какъ уже другіе то сдѣлали раньше насъ, что вступленіе Луи-Наполеона на престолъ можетъ даже быть обращено къ выгодѣ Бурбоновъ и къ

ихъ будущему возстановленію; что вообще надо смотрѣть на это событіе не какъ на конецъ французской революціи, но какъ на промежуточную, посредствующую фазу между революціей и прочнымъ порядкомъ... *Бурбоновъ погубила парламентская система, введенная ими во Франціи*; Луи-Наполеонъ *раздѣлался* по справедливости съ этой системой, и если ему удастся *покончить* еще съ свободой прессы, то онъ сдѣлаетъ Францію гораздо болѣе *удобною для управленія* (gouvernable), чѣмъ она была прежде... Еслибъ позже его тронъ рушился, и еслибъ Бурбоны тогда снова успѣли занять его, ихъ царство возобновилось бы при гораздо болѣе благопріятной обстановкѣ, чѣмъ при ихъ реставраціи въ 1815-мъ году...

«Разсмотримъ также вопросъ о признаніи Луи-Наполеона императоромъ съ другой точки зрѣнія, касающейся отношеній Англіи и Франціи. Сходство учрежденій правительственной системы въ Англіи и Франціи было основою ихъ союза. По мѣрѣ того, какъ Франція возвратится къ учрежденіямъ *монархическимъ*, ея правительство *пріобрѣтетъ силу*, бывъ парализовано до сихъ поръ *парламентскими* формами, сообразно желанію и интересу своей естественной соперницы.

«Вотъ гдѣ лежатъ причины, которыя побудятъ Англію отнестись непріязненно къ перемѣнамъ во Франціи, и которыя должны побудить союзныя державы къ *изолированію* Англіи, посредствомъ сближенія съ Наполеономъ... Въ противномъ случаѣ, сама Англія сблизится съ Наполеономъ и въ его благодарности за ея поспѣшность найдетъ себѣ вѣрный союзъ для борьбы, которая рано или поздно можетъ разразиться между нею и союзными державами. Такое положеніе было бы существенно противно интересамъ Австріи, Россіи и Пруссіи, *замедляя снова возвратъ старой политической системы Европы*, при которой Франція, спокойная внутри, управляемая монархическими учрежденіями, представляла собою самую могучую плотину противъ вторженій и преобладанія Англіи.

«....Конечно, новая имперія должна будетъ дать намъ самое положительное удостовѣреніе въ томъ, что перемѣна титула Наполеона будетъ касаться только внутренняго управленія Франціи, и сохранитъ неприкосновенными внѣшнія отношенія страны къ иностраннымъ дворамъ, въ томъ видѣ, какъ ихъ установили трактаты, особенно касательно разграниченія государствъ. Луи-Наполеонъ долженъ будетъ дать державамъ формальное удостовѣреніе, что, вмѣстѣ съ титуломъ своего дяди, онъ не предприметъ снова воинственной политики вторженій первой имперіи.

«Союзные государи предупредятъ императора французовъ,

въ противномъ случаѣ онъ встрѣтилъ бы ихъ болѣе чѣмъ когда-либо соединенными рѣшимостью отразить всякое нападеніе и всякое нарушеніе status quo, установленнаго трактатами.... Дипломатическіе агенты не оставятъ ни на минуту Парижа при перемѣнѣ правленія: ихъ отъѣздъ могъ бы быть истолкованъ, какъ начало разрыва и *подвергъ бы опасности Австрію и Пруссію, которыя занимаютъ аванпостъ и наиболѣе подвержены вторженію*».

Таково было содержаніе памятнаго посланія Шварценберга къ прусскому и русскому дворамъ. Несмотря на солидарность тогдашней политики, оно не произвело выгоднаго впечатлѣнія на читавшихъ его, и если мы всмотримся ближе, то увидимъ, что оно дѣйствительно было полно противорѣчій и отличалось іезуитизмомъ и легкомысліемъ, непростительнымъ для государственнаго человѣка, мечтавшаго занять первенствующее мѣсто Меттерниха. Онъ силился увѣрить, что признаніе Луи-Наполеона императоромъ не будетъ нарушеніемъ трактатовъ 1815-го года, и въ то же время, какъ будто самъ не замѣчалъ, что всѣми своими доводами проповѣдуетъ политику, въ прахъ уничтожающую тѣ трактаты, но не въ благопріятномъ, а во враждебномъ для цивилизаціи смыслѣ! Бурбоны — говоритъ онъ, погибли изъ-за своихъ *конституціонныхъ* тенденцій, а Луи-Наполеонъ сотретъ съ лица континента всякіе помыслы о конституціонной системѣ; а между тѣмъ, въ силу же самыхъ трактатовъ, Людовикъ XVIII обязывался быть вѣренъ конституціонной хартіи, которую французы получили почти изъ рукъ Александра I, и нарушеніе Людовикомъ XVIII конституціи равнялось бы нарушенію международныхъ трактатовъ. Шварценбергъ шелъ далѣе и прямо выражалъ свое стремленіе — вернуть Европу къ феодальнымъ временамъ, къ *старой* политической системѣ, и оградить ее отъ *либерализма* Англіи цѣлою кордонною линіей союза континентальныхъ державъ; онъ забывалъ, что *изолированіе* Англіи было точно также цѣлью *континентальной* системы Наполеона I-го! Надо дать силу и могущество Франціи — проповѣдывалъ Шварценбергъ—для того, чтобъ она была плотиною противъ Англіи, и онъ воображалъ, что сила и могущество Франціи могутъ быть направлены только противъ Англіи, а отнюдь не противъ ближайшихъ сосѣдей! Позднѣйшія событія, начиная съ крымской войны, и даже ранѣе, обличили всю близорукость и несостоятельность государственнаго мужа Австріи, который уговаривалъ сѣверные дворы довѣриться на-слово Луи-Наполеону и удовольствоваться тѣмъ, что пригрозить ему гнѣвомъ, въ случаѣ возоб-

новленія воинственной политики дяди! И затѣвая такую опасную игру, довѣряя спокойствіе Европы на-слово Бонапарту, самъ Шварценбергъ объявлялъ, что, конечно, нечего разсчитывать па долгое продолженіе спокойствія во Франціи!

Проповѣдуя сѣвернымъ кабинетамъ необходимость изолированія Англіи, Шварценбергъ пѣлъ совсѣмъ другую пѣсню, обращаясь къ англійскому кабинету. Чрезвычайно курьезно, послѣ прочтенія перваго документа объ антагонизмѣ двухъ принциповъ — абсолютнаго на континентѣ и конституціоннаго на островѣ, — о враждѣ, которая должна будетъ возникнуть между Англіей и Франціей, при различіи политической системы — читать вдругъ, въ другомъ документѣ, увѣреніе того же Шварценберга въ вѣчной и несокрушимой дружбѣ Австріи къ Англіи во имя однѣхъ и тѣхъ же началъ!

«Еще съ конца прошлаго вѣка, въ эпоху общихъ опасностей и тріумфовъ, австрійское правительство привыкло разсчитывать на Англію, какъ па вѣрнаго друга, внѣ всякаго искушенія. Ничего не было въ Австріи популярнѣе англійскаго союза. Да и какъ же могло быть иначе, когда этотъ союзъ былъ основанъ на взаимныхъ политическихъ интересахъ — *вполнѣ тождественныхъ*.

Вслѣдъ затѣмъ, Шварценбергъ дѣйствительно жаловался на англійскія симпатіи къ движенію 1848-го года въ Австріи и Италіи, но тотчасъ же спѣшилъ увѣрить, что онъ надѣется на прочный союзъ съ Англіей предъ опасностью, потому что «хотя новая власть во Франціи и поставила себѣ задачей подавленіе всѣхъ смѣлыхъ партій, но *крайняя подвижность французскаго характера* и *врожденный* духъ буйства въ той націи не представляютъ собою прочныхъ гарантій для будущаго; поэтому-то, для огражденія отъ такой грозы общему состоянію, надо совершенное согласіе и искреннее единодушіе всѣхъ великихъ державъ. Съ нашей стороны, мы готовы сдѣлать все зависящее отъ насъ для достиженія такого согласія».

Чтó именно готовъ былъ Шварценбергъ сдѣлать для *согласія* съ Англіей,—это мы видѣли по предыдущему документу!

Другой характеръ представляютъ собою дипломатическія депеши графа Нессельроде. Нельзя не отдать ему справедливости въ томъ, что онъ предвидѣлъ, какія послѣдствія могутъ выйти изъ провозглашенія имперіи. Уже самъ императоръ Николай I предупреждалъ португальскаго посланника при русскомъ дворѣ, барона Паива, о томъ, чтобъ Луи-Наполеонъ не мечталъ объ императорскомъ тронѣ: «Пусть онъ будетъ президентомъ — я

даже согласенъ на 10 лѣтъ, пожизненно, но ради Бога, пусть не мечтаетъ онъ о провозглашеніи себя императоромъ. При существующихъ трактатахъ, при принятыхъ обязательствахъ, это могло бы подать поводъ къ важнымъ затрудненіямъ. Что касается до орлеанистовъ, то о нихъ нечего думать, пусть они только держатся спокойно».

Въ этомъ же духѣ высказался императоръ Николай французскому посланнику, генералу Кастельбажаку (Castelbajac). Посланникъ, будучи легитимистомъ, весьма радъ былъ услышать императорское мнѣніе, надѣясь, что Наполеонъ не захочетъ ссориться съ Россіей, не посмѣетъ провозгласить себя императоромъ и такимъ образомъ оставитъ возможность возвращенію Бурбоновъ.

Англійская политика рѣшилась противодѣйствовать мнѣнію русскаго двора: съ ея мелочной, узкой точки зрѣнія того времени, ей представлялось выгоднымъ, чтобъ Наполеонъ принялъ императорскій титулъ, потому что, въ такомъ случаѣ, она могла разсчитывать на ссору или, по крайней мѣрѣ, на охлажденіе между Россіей и Франціей, и извлечь изъ того свои выгоды. Руководясь этимъ, англійскій кабинетъ отклонилъ предложеніе русскаго—какъ о совокупномъ представленіи Наполеону о неудобствѣ принятія имъ императорскаго титула, такъ и о совокупномъ рѣшеніи о признаніи или непризнаніи Наполеона императоромъ. Такимъ образомъ, державы принуждены были дѣйствовать отдѣльно, и графъ Нессельроде писалъ Киселеву въ конфиденціальной депешѣ, въ ноябрѣ 1852:

«Г. де Кастельбажакъ далъ мнѣ на этихъ дняхъ офиціозныя объясненія о возстановленіи имперіи во Франціи, о взглядахъ на то иностранныхъ дворовъ и преимущественно о томъ, что слѣдовало заключить изъ цифры *Третій*, которую сенатъ преподнесъ будущему императору...

«Онъ очень много распространялся о залогѣ прочности и порядка, которыя заключаются для Франціи, а слѣдовательно и для Европы, въ *императорской* наслѣдственной монархіи... Что касается до «Наполеона III-го», то, по его увѣренію, эта цифра не означаетъ никакого притязанія на императорскую легитимность (légitimité impériale), и что она сообразна съ исторіей, такъ какъ Наполеонъ II царствовалъ нѣсколько дней во Франціи, на фактѣ и по праву, въ силу отреченія его отца и признанія его палатами...

«Я долженъ признаться, что всѣ объясненія г. Кастельбажака представляются мнѣ малоосновательными...

«Будущее рѣшитъ, насколько можетъ быть жизненности въ монархическомъ режимѣ, опирающемся за-разъ на наслѣдствен-

ность и на избраніе, на эти два начала, кои, по моему мнѣнію, исключаютъ и убиваютъ другъ друга. Въ данную минуту это не касается насъ.

«*Мы не имѣемъ ни права, ни претензіи указывать французской націи, какого рода и какой формы правительство должна она избрать въ своемъ интересѣ. Это, какъ вѣрно говоритъ г. Кастельбажакъ, только вопросъ предпочтенія, вопросъ чисто-французскій, до котораго намъ не должно быть дѣла.*

«Но не совсѣмъ таково наше положеніе относительно вопроса о династіи и цифрѣ, свидѣтельствующей *о реставраціи* династіи во Франціи.

«Это уже касается фактовъ, актовъ, обязательствъ, всей цѣлости международныхъ отношеній, къ которымъ Европа никогда не оставалась и не можетъ оставаться чуждою или равнодушною. Европа имѣетъ право заниматься этимъ вопросомъ, ибо общая исторія послѣднихъ 38-ми лѣтъ не состоитъ только изъ того или другого особаго факта, который въ тотъ или другой день могъ произойти во Франціи. Европа имѣетъ свою долю въ этой исторіи и не можетъ отречься отъ нея.....

«Цифра *III* совершенно достаточна для того, чтобъ возобновить всю династическую традицію.... Намъ говорятъ, что на фактѣ и по праву Наполеонъ II царствовалъ, что его провозгласили палаты, что отъ его имени были изданы акты. Это можетъ быть годится для Франціи, но для Европы дѣло представляется иначе. Для Европы, начиная съ 1814-го года, самъ Наполеонъ I перестал царствовать во Франціи; онъ не могъ, слѣдовательно, отречься въ 1815-мъ году въ пользу своего отсутствовавшаго сына, который, поэтому, въ глазахъ всего остальнаго міра, не царствовалъ ни на фактѣ, ни въ правѣ.

«И вотъ, чрезъ 38-мь лѣтъ, въ продолженіи которыхъ нашъ взглядъ былъ установленъ и фактами и обязательствами, подписанными самой Франціей, вдругъ Франція и Европа оказываются стоящими на совершенно противоположной почвѣ. Вдругъ являются, намѣренно-поставленныя лицомъ къ лицу, *двѣ* исторіи и *два* общественныя права. Франція можетъ желать этого, и ея правительство можетъ намъ объявлять это. Но пусть оно не говоритъ, что это новое положеніе не представляетъ ничего такого, что было бы способно возбудить безпокойство Европы, ничего такого, что заключало бы въ себѣ публичное отрицаніе, данное нашимъ словамъ и нашимъ дѣйствіямъ.

«Посланіе президента Сенату было болѣе откровенно, въ этомъ нужно отдать ему справедливость; безъ увертокъ, безъ софизмовъ, безъ искусственной рѣчи, онъ говоритъ намъ прямо и ясно, что возстановляя императорскую династію, Франція под-

нимаетъ съ сознаніемъ то, что Европа свергнула, и что она намѣрена, такимъ образомъ, отплатить за 1815-й годъ.

«Развѣ это дѣло чисто-французское? Намъ кажется, что мы имѣемъ право нѣсколько озабочиваться о послѣдствіяхъ подобной отплаты.

«Мы не можемъ не жалѣть, что французское правительство—бросая вызовъ прошлому, поднимая вопросы права и принципа, тамъ, гдѣ слѣдовало бы оставаться въ области фактовъ,—захотѣло сознательно и напрасно усложнять положеніе и свое, и наше.

«...Оно говоритъ, что оно одушевлено желаніемъ мира, и оно первое спѣшитъ взывать къ воспоминаніямъ, и воскрешать страсти, которыя насъ возвращаютъ къ эпохѣ войны....

«Всѣ были хорошо расположены къ *нему*...

«Всѣ вѣрили въ его умѣренность и осторожность; ему были благодарны за возстановленіе во Франціи силы власти и за содѣйствіе чрезъ то упроченію повсюду уже одержанныхъ, правительствами и арміями, побѣдъ надъ революціонною анархіей... всѣ были готовы пожертвовать, въ пользу личности президента, буквальнымъ смысломъ обязательствъ, которыя другія времена и иныя обстоятельства заставили принять относительно его фамиліи. Но что же сказать теперь, когда онъ самъ оживляетъ воспоминаніе о тѣхъ временахъ и заставляетъ насъ, помимо нашего желанія, или обратиться къ строгому разсмотрѣнію всѣхъ *горячихъ* вопросовъ, относящихся до дѣла, или же, если мы сохранимъ молчаніе, подчиняться добровольно, видя уничтоженіе всѣхъ нашихъ дѣйствій и политическихъ антецедентовъ...

«Если, при такомъ положеніи, французское правительство останется изолированнымъ, то оно добивалось этого; и если, для выхода изъ своего изолированія, оно захочетъ обратиться къ смѣлымъ комбинаціямъ, то, еще разъ, только оно само, будетъ отвѣтствовать за послѣдствія въ глазахъ Европы и Франціи».

Вторая часть депеши графа Нессельроде входитъ въ разбирательство другого вопроса, весьма важнаго для исторіи. Вопросъ шелъ о томъ, на какомъ основаніи Луи-Наполеонъ могъ такъ самоувѣренно разсчитывать на симпатіи всѣхъ кабинетовъ Европы?... Франція, какъ мы видѣли, привѣтствовала его какъ спасителя порядка и охранителя ея покоя. Изъ дальнѣйшихъ словъ графа Нессельроде болѣе чѣмъ изъ чего-либо видно, что Луи-Наполеонъ требовалъ, чтобъ на него также смотрѣла и вся Европа и помогала его планамъ, въ знакъ благодарности. Изъ записки Шварценберга очевидно, что австрійскій дипломатъ вполнѣ раздѣлялъ воззрѣніе Луи-Наполеона, хотя и ограничивалъ свое довѣріе извѣстнымъ временемъ и въ сущности не вѣрилъ въ прочность Бонапартовскаго режима, гадая о новыхъ смутахъ,

которыми могли бы воспользоваться Бурбоны. Графъ Нессельроде смотрѣлъ на заслуги Луи-Наполеона нѣсколько иначе:

«Если я хорошо понялъ — писалъ онъ Киселеву — смыслъ данныхъ намъ объясненій, французское правительство руководится той мыслью, что такъ какъ будущій императоръ охранилъ міръ отъ анархіи, то нѣтъ ничего такого, чего бы онъ, въ интересѣ блага всѣхъ, не могъ ожидать отъ содѣйствія благодарной Европы для упроченія его власти.

«Такъ какъ эта тема весьма часто повторяется и преувеличивается во всемъ, что говорится и пишется во Франціи, и такъ какъ, если послушать извѣстныхъ лицъ, можетъ показаться, что безъ принца-президента, провозглашаемаго спасителемъ міра, вся Европа погибла бы въ кризисѣ 1852-го года, то полезно возстановить разъ навсегда *мѣру* нашихъ истинныхъ чувствъ и того, что отъ нихъ въ правѣ ожидать (la *mésure* de nos véritables sentiments et de ce que l'on est en droit d'en attendre).

«Не мы конечно станемъ уменьшать цѣну, напротивъ, мы всегда признавали, какъ и теперь громко признаемъ большую долю, которую принялъ на себя принцъ Луи-Наполеонъ въ общемъ возстановленіи порядка. Это справедливость, которую императору самому было угодно отдать себѣ съ перваго же момента. Но не нужно, чтобъ французское правительство увеличивало слишкомъ много значеніе этой добросовѣстной и откровенной оцѣнки, и чтобъ оно желало слишкомъ много требовать въ отплату за услугу, которую оно оказало дѣлу другихъ государствъ, служа своему собственному дѣлу.

«Какъ бы ни было велико вліяніе Франціи на ея сосѣдей,— въ отношеніи зла какъ и въ отношеніи добра,—намъ вовсе еще не доказано, что, еслибъ анархія, которой положило конецъ 2-ое декабря, восторжествовала во Франціи въ 1852-го г., то вся Европа была бы неизбѣжно осуждена погибнуть съ своей цивилизаціей въ общей пропасти.

«Пусть постараются не забывать, что послѣ смутъ, порожденныхъ повсюду въ 1848-мъ г., вся Европа успѣла спасти себя отъ нихъ своими собственными силами, и въ то время какъ одна Франція продолжала мучиться съ своей невозможною конституціей, другія правительства одолѣли окончательно демократическую факцію.

«Въ Сициліи, въ Неаполѣ, во Флоренціи, возстаніе было задушено военной силою. Оно также было подавлено въ Прагѣ и Вѣнѣ. Въ Венеціанской области и Ломбардіи оно бѣжало предъ побѣдоносными знаменами Австріи. Въ Германіи парламентъ былъ разогнанъ, революціонные клубы закрыты, демаго-

гическія собранія разсѣяны. Вѣрная прусская армія, возстановивъ порядокъ въ Познани и Берлинѣ, помогла возстановленію его въ Баденѣ, Палатинатѣ и Саксоніи. Въ Венгріи, наконецъ, вооруженное возмущеніе видѣло снесенною свою послѣднюю голову, и повсюду, *исключая Франціи*, государи и правительства снова утвердились, опираясь на свою власть и на уваженіе ихъ военной силы.

«Безъ сомнѣнія, пока Франція находилась въ броженіи, внутреннее состояніе другихъ странъ оставалось постоянно не удовлетворительнымъ, и представляло, если не перспективу неизбѣжнаго разложенія, то все же поводъ къ постоянной бдительности.

«Но кризисъ, которымъ соціализмъ угрожалъ Франціи въ 1852-мъ г., не могъ насъ застать врасплохъ; мы были достаточно предупреждены; *арміи* вынесли изъ услугъ, оказанныхъ ими, внутреннее сознаніе *своей силы* и глубокое чувство вѣрности своимъ знаменамъ. И еслибъ соціализмъ, оправдывая паническій страхъ, и ободренный своимъ взрывомъ во Франціи, захотѣлъ бы попробовать осуществить внѣ Франціи свои *угрозы*, — то *солдаты* Австріи и Пруссіи, *наши* солдаты въ случаѣ нужды, охранили бы спасеніе общества съ тою же горячностью, съ тою же преданностью, какія выказала въ Парижѣ и въ департаментахъ храбрая французская армія.

«Мы были избавлены отъ этого испытанія, и, еще разъ, мы цѣнимъ вліяніе, которое актъ 2-го декабря имѣлъ на установленіе общаго спокойствія. Но то, чего мы требуемъ въ свою очередь—это, чтобъ французское правительство не превышало чрезмѣрно нашихъ опасностей и нашихъ обязательствъ предъ нимъ, до того, чтобъ хотѣть заставить насъ видѣть долгъ благодарности въ уступкахъ, мало согласныхъ съ нашимъ достоинствомъ».

Весьма поучительно сопоставить рядомъ съ этимъ сужденіемъ, мнѣніе патріарха старой дипломатіи—князя Меттерниха.

Въ мартѣ 1852-го года онъ писалъ въ родѣ своей оффиціальной исповѣди лорду Эбердину, прося лорда поправить его мнѣніе, если онъ ошибается! Поспѣшная прогулка въ неурочный часъ изъ Вѣны, повидимому, не оставила тяжкихъ слѣдовъ на человѣкѣ, видавшемъ на своемъ вѣку всякіе виды; несмотря на мартовскіе крики о введеніи конституціоннаго порядка, крики, неудовлетвореніе которымъ привело къ грозному возстанію, заставившему бѣжать Меттерниха,—онъ по прежнему злобствуетъ на конституціонализмъ и всю бѣду видитъ въ немъ, а вовсе не въ соціализмѣ. Онъ прежде всего жестоко порицаетъ либеральныя козни Пальмерстона, «поведеніе котораго встрѣчало симпатіи въ Австріи только въ презрѣнномъ и *слабомъ*, по числу, классѣ— умовъ, потерянныхъ въ области соціальнаго и политическаго радикализма... «Нынѣшнее состояніе Европы есть плодъ увле-

ченій и ошибокъ, въ которыя ввергли Европу въ послѣдніе 62 года коварные люди. Ничего уже не удивляетъ меня изъ всего, что происходитъ теперь въ самомъ центрѣ, откуда распространилось зло (Франція); все представляется мнѣ плодомъ тѣхъ фазъ, которыми шла Франція въ продолженіи этого долгаго промежутка времени, и особенно плодомъ тѣхъ фазъ, которыя были порождены самими же правительствами этой несчастной страны со времени общаго политическаго мира, правительствами, самими же ставшими жертвами своихъ начинаній.... Такъ, 1814 и 15-й годы породили 1830; 1830-й породилъ 1848-й г.; и переворотъ 1851-го г. отвѣчаетъ дѣлу 1848-го г. *Каковы будутъ плоды 1851-го года* — мы ничего не можемъ предсказать такого, что могло бы имѣть значеніе предусмотрѣнности, основанной на раціональныхъ выводахъ»...

Плоды 1851-го года не замедлили явиться! Протесты русскаго двора остались безъ послѣдствій и вызвали только дерзости со стороны Бонапарта и его министровъ. Въ отвѣтъ на первое представленіе Киселевымъ воззрѣній русскаго правительства объ опасности возстановленія имперіи, о томъ, что подобное возстановленіе пробудитъ во французской арміи энтузіазмъ вслѣдствіе традиціи о «ея великихъ временахъ», что этотъ энтузіазмъ, потребующій великихъ подвиговъ, трудно будетъ обуздать, и что если Наполеонъ будетъ вслѣдствіе того принужденъ вести войну, то встрѣтитъ противъ себя соединенною всю Европу,—Бонапартъ отвѣчалъ, что *подобныя опасенія неосновательны*, и что *онъ всегда съумѣетъ отразить всякое покушеніе на достоинство и независимость Франціи, представленныя въ его лицѣ*...

Въ отвѣтъ на приведенную нами депешу графа Нессельроде, Друэнъ-де-Люи еще грубѣе замѣтилъ Киселеву, что онъ не можетъ допустить разсужденія о совершившемся фактѣ, и что поэтому ему нечего сказать на депешу Нессельроде, кромѣ выраженія своего удивленія предъ *изяществомъ стиля!*

Киселевъ возразилъ, что «дѣло идетъ не объ изяществѣ стиля, на который въ Петербургѣ не имѣютъ особаго притязанія, а о томъ, что удивляться слѣдуетъ не стилю, а выраженію графомъ Нессельроде желанія избѣжать, посредствомъ обмѣна прямыхъ заявленій, всякаго повода къ недоразумѣніямъ между двумя правительствами», и на этомъ дипломатическія увѣщанія покончились.

Имперія Бонапарта воцарилась во Франціи и начала дѣйствовать по-своему. Прежде всего ея вмѣшательство постигло мелкія державы, изъ-за предлога объ изгнанникахъ и политическихъ эмигрантахъ. Вторая имперія дебютировала тѣмъ, что хотѣла сдѣлать изъ Швейцаріи и Бельгіи свои покорныя префектуры, въ

ожиданіи благопріятнаго случая для присоединенія того или другого клочка чужой земли. Забывъ, что онъ самъ когда-то былъ эмигрантомъ въ Швейцаріи, которая защищала его съ смѣлостью и достоинствомъ противъ требованій Луи-Филиппа, Бонапартъ потребовалъ отъ швейцарскаго федеральнаго правительства, чтобъ оно дало власть французскому посланнику въ Bернѣ безусловно распоряжаться судьбою и мѣстопребываніемъ французскихъ эмигрантовъ въ Швейцаріи и требовать безъ всякихъ мотивовъ и объясненій изгнанія изъ Швейцаріи тѣхъ, кого ему вздумается. Положеніе Швейцаріи становилось критическое. Австрія, одна изъ державъ гарантировавшихъ нейтралитетъ Швейцаріи, участвовала самымъ позорнымъ образомъ въ покушеніи Бонапарта на швейцарскую независимость: она просто предложила ему совокупное вооруженное занятіе Швейцаріи! Къ счастію послѣдней, за нее стояла *Англія*, объявившая французскому кабинету, что дѣло идетъ о нарушеніи трактатовъ, подписанныхъ ею и гарантирующихъ независимость республики, и несмотря на рѣзкіе отвѣты Англіи, что ей дѣла нѣтъ до *внутренней* политики, до отношеній Франціи къ другой странѣ, Бонапартъ немного смутился и военная гроза разсѣялась надъ Швейцаріей.

Гораздо болѣе встревожило Европу вмѣшательство Бонапарта въ бельгійскія дѣла изъ-за того же самого повода, объ эмигрантахъ. Застрѣльщикъ и запѣвало императорскихъ мамелюковъ, другъ и совѣтникъ Наполеона III-го, Гранье (де-Кассаньякъ) выступилъ на сцену во всеоружіи своего чернильнаго величія противъ враждебнаго отношенія Бельгіи къ декабрьскому перевороту, и требовалъ, чтобъ она вступила съ Франціей въ таможенный союзъ вмѣстѣ съ Голландіей, Испаніей и Сардиніей, въ противувѣсъ германскому таможенному союзу: «Это будетъ осуществленіемъ *гигантской* идеи императора (Наполеона I-го) безъ уничиженія династій и безъ уничтоженія національностей», и грозилъ въ противномъ случаѣ прекращеніемъ всѣхъ «коммерческихъ сношеній».

Мамелюкъ надѣлалъ скандалъ и произвелъ бурю преждевременно; онъ хотѣлъ быть plus impérialiste que l'empereur, и императоръ Наполеонъ III принужденъ былъ дать ему выговоръ въ «Монитерѣ», отрицая солидарность правительства съ «Constitutionnel'емъ»; но «Constitutionnel» настаивалъ на своемъ, объясняя, что «человѣкъ, имѣющій честь быть другомъ императора, конечно не могъ написать такой вещи, не зная впередъ намѣреній главы государства». Буря могла превратиться въ окончательную грозу; «Constitutionnel» получилъ предостереженія, даже былъ прекращенъ на время, и наконецъ при торжественномъ пріемѣ въ Елисейскомъ дворцѣ, при которомъ присут-

ствовалъ, какъ членъ законодательнаго корпуса, Гранье-де-Кассаньякъ, императоръ «повернулъ ему спину».

Дипломатическій корпусъ на время, повидимому, успокоился, забывъ, что «милые ссорятся, только тѣшатся».

Столкновеніе съ Бельгіей важно было тѣмъ, что здѣсь должна была выступить на сцену Пруссія. Лордъ Блумфильдъ обратился къ барону Мантейфелю для того, чтобъ узнать его мнѣніе о возможности общей вооруженной защиты Бельгіи. Мантейфель отвѣчалъ, что прусскій король, конечно, не питаетъ никакихъ иллюзій на счетъ бонапартовскихъ тенденцій, и твердо рѣшился считать покушеніе на Бельгію за объявленіе войны, и двинуть на Рейнъ 100 тысячъ войска въ теченіи 3-хъ недѣль, и 300 тысячъ въ теченіи шести. На вопросъ Блумфильда о поведеніи Австріи, Мантейфель отвѣчалъ, что врядъ-ли она сразу возьмется за оружіе противъ Франціи, но что позже, во всякомъ случаѣ, будетъ вынуждена выйти изъ нейтралитета, ибо разъ, что Франція начнетъ свою военную политику, то она, конечно, не остановится на Бельгіи, но одновременно нападетъ и на южную Германію, и на Италію.

Объясненія эти подали поводъ Пруссіи искать особаго союза съ Англіей для огражденія и Бельгіи и Рейна отъ наполеоновскихъ покушеній. 1-го января 1853-го г. Бунзенъ увѣдомлялъ Мантейфеля о своихъ переговорахъ съ лордомъ Эбердиномъ и Росселемъ: англійскіе министры объявляли, что они будутъ защищать то, что гарантировано трактатами, т.-е. Бельгію, Прусскую Саксонію и Португалію.

«Все остальное—говорилъ Бунзенъ—должно быть предоставлено политикѣ, а политика Англіи, конечно, не будетъ Наполеоновская (werde sicherlich keine Napoleonische sein!)... Ничего не было бы желательнѣе, какъ еслибъ Пруссія могла быть въ состояніи обладать руководящимъ вліяніемъ на средне- и верхнерейнскія государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть соглашенія съ Голландіей: но насколько возможно Пруссіи стать во главѣ политики, независимой отъ обоихъ императорскихъ дворовъ — объ этомъ теперь здѣсь не могутъ судить....

«Результатомъ всѣхъ переговоровъ является вполнѣ опредѣленное подтвержденіе того, что я уже докладывалъ о невозможности добиться отъ Англіи болѣе широкихъ обѣщаній и о *возможности самостоятельной политики Пруссіи для защиты Германіи, Голландіи и Бельгіи.* Я болѣе, чѣмъ когда-либо, убѣжденъ, что теперь возможно приступить къ такой *самостоятельной политикѣ,* и я не менѣе убѣжденъ въ томъ, что только тогда, когда это произойдетъ, мы пріобрѣтемъ здѣсь серьезное довѣріе».

Въ этомъ письмѣ Бунзена заключалась, 20 лѣтъ тому назадъ, программа, выполненная въ 1870-мъ году Бисмаркомъ.

1852-й годъ заключился *тайнымъ договоромъ* между представителями дворовъ австрійскаго, русскаго и прусскаго, по которому они единодушно признавали:

«Что перемѣна, происшедшая въ формѣ правленія во Франціи, касается только ея внутренняго устройства (режима); «что вѣрные принципу полнаго невмѣшательства въ домашнія (domestiques) дѣла этой страны, другія державы не считаютъ себя призванными произнести свое мнѣніе о перемѣнѣ.... Что дворы Австріи, Великобританіи, Пруссіи и Россіи, уважая полную независимость Франціи, принявшей нынѣшнюю форму правленія, установленную желаніемъ націи, — рѣшили признать принца-президента императоромъ французовъ....

«Они надѣются на *добросовѣстность* (la loyauté) императора французовъ въ исполненіи обѣщаній, данныхъ имъ по отношенію къ ненарушимости общаго спокойствія.

«Принимая эти обѣщанія, державы считаютъ ихъ за полное подтвержденіе актовъ предшествовавшихъ правительствъ касательно *территоріальныхъ границъ державъ, основанныхъ на трактатахъ*, въ которыхъ участвовала сама Франція; и наконецъ, — въ полномъ согласіи между собою, дворы австрійскій, великобританскій, прусскій и русскій будутъ продолжать блюсти за охраненіемъ statu quo, освященнаго договорами, служащими гарантіею безопасности ихъ народовъ, точно также, какъ и независимости, цѣлостности и спокойствію всѣхъ государствъ».

Такъ заключился 1852-й годъ, оставляя въ наслѣдство шедшему на смѣну 53-му году кровавую насмѣшку надъ своими идилліями и надъ торжественными договорами и клятвенными обѣщаніями миролюбивыхъ державъ. Принципъ войны долженъ былъ породить войну! На берегахъ Чернаго моря историкъ можетъ искать слѣдовъ войны или цивилизаціи въ памятныхъ 50-хъ годахъ. Измѣнила Англія; измѣнила Австрія, не рѣшилась Пруссія, обманулась Россія—она думала спасать порядокъ Европы, водворять миръ: она *спасла* австрійскую монархію, она *признала* въ Луи-Бонапартѣ защитника порядка противъ анархіи; и Австрія оставляла ее бороться противъ цѣлой коалиціи, сама же стояла на сторонѣ коалиціи, а Луи-Бонапартъ, конечно, внесъ болѣе анархіи въ европейскій міръ, чѣмъ могла бы внести та анархія, которой напрасно страшилась дипломатія.

Дѣлать выводы изъ всего сказаннаго мы не считаемъ нужнымъ: удовлетворимся простымъ повтореніемъ того, чтó уже

не разъ говорили: исторія вовсе не интересна съ архивной точки зрѣнія, но добросовѣстное знакомство съ нею чрезвычайно важно для общества, для того, чтобъ оно не вертѣлось вѣчно въ бѣличьемъ колесѣ, для того, чтобъ заплативъ 20-ти-лѣтнимъ разореніемъ и тревогою, не вздумать повторить новаго подобнаго круговорота, не вздумать видѣть миръ и благоденствіе тамъ, гдѣ только возможны война и бѣдствія.

Въ данномъ случаѣ, взвѣшивая всѣ приведенныя свидѣтельства самой *дипломатіи*, которая протестуетъ противъ Бурбоновъ за ихъ *парламентаризмъ* (мы съ своей стороны полагали, что вѣрнѣе было бы протестовать за *искаженіе* ими парламентаризма!), противъ Бонапартовъ за ихъ милитаризмъ, и которая сама указываетъ на *подвижность* французскаго народа,—можно придти къ заключенію, что для самой Франціи, и еще болѣе для всей Европы,—установленіе во Франціи республики, при искреннемъ, добросовѣстномъ отношеніи къ ней Европы—явилось бы свѣтлымъ началомъ мира, призваннымъ вытѣснить, наконецъ, начало войны. Франція прошла чрезъ всѣ другія формы и не ея вина, что ея правительства, стремясь къ абсолютизму, не съумѣли внушить ей довѣрія къ конституціонной формѣ народнаго представительства.

Что же касается до тѣхъ призраковъ, которые пугали австрійскую дипломатію, и противъ которыхъ она держала на готовѣ арміи,—то, мы полагаемъ, читатель достаточно убѣдился, что напрасны были воинственныя стремленія дипломатіи: то, чтò только призракъ, то исчезаетъ само собою, и не можетъ внести въ среду народовъ никакихъ зловредныхъ сѣмянъ; то-же, чтò составляетъ дѣйствительно жизненную прогрессивную идею—то не можетъ быть вытѣснено никакими арміями, и всякая борьба противъ того ведетъ только къ гибельнымъ катастрофамъ. Надо понять, что существенное свойство цивилизаціи — движеніе впередъ, и что человѣчество также не можетъ остановиться въ своемъ ростѣ, въ своемъ стремленіи къ болѣе обширному пользованію всѣми дарами цивилизаціи, какъ и земля не можетъ остановиться въ своемъ вѣчномъ движеніи, безъ того, чтобъ не произошелъ катаклизмъ. Средневѣковые патеры могли мечтать остановить круговращеніе земли, съ цѣлью подтвердить ея неподвижностью свой вѣковой авторитетъ; но они напрасно жгли людей, которые и у костра поучали: e pur se muove!

И. Н.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е декабря, 1870.

Общая военная повинность и наше реальное образованіе. — Черноморскій торговый флотъ тщетно ищетъ у насъ для своей службы воспитанниковъ реальныхъ гимназій. — Значеніе Высочайше утвержденнаго принципа военной повинности и ожидаемая на основаніи того реформа. — Разборъ мнѣнія диллетантовъ по этому же предмету и ихъ оригинальное отношеніе къ прусской военной организаціи. — Общій результатъ. — Балтійская дорога и балтійскій край. — Размышленія въ «Балтійскихъ письмахъ» и въ англійской Синей книгѣ о балтійскихъ дѣлахъ.

Мѣсяцъ тому назадъ мы посвятили бо́льшую часть ноябрьской хроники разбору мнѣній о всеобщей военной повинности. Высочайшее повелѣніе 4-го ноября ввело у насъ теперь принципъ всеобщей военной повинности въ область совершившихся фактовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, положило начало глубокому, коренному перевороту во всемъ общественномъ строѣ, справедливо указавъ на то, что военная служба должна имѣть «одинъ общій источникъ, заключающійся въ понятіи о *всеобщей* и священной обязанности защиты отечества». Мы уже назвали этотъ принципъ всеобщей военной повинности гуманнымъ; какъ принципъ высокой справедливости, онъ вызываетъ къ себѣ полное сочувствіе, и такъ отнеслись къ нему всѣ органы общественнаго мнѣнія у насъ, въ отвѣтъ на Высочайшее повелѣніе 4-го ноября. Какъ бы ни были однако велики наши симпатіи къ тому или другому принципу справедливости и гуманности, область практическаго примѣненія всегда требуетъ обсужденій и размышленій. Начнемъ съ послѣднихъ и кончимъ первыми.

Главнымъ предметомъ размышленій является, конечно, вопросъ о томъ уровнѣ, котораго достигло у насъ общественное развитіе въ моментъ провозглашенія и утвержденія принципа военной повинности. Спѣшимъ при этомъ прежде всего оговориться, что мы вовсе не поклонники извѣстнаго припѣва: «мы не дозрѣли»,—а слѣдовательно-молъ и то, и другое, хотя и къ лицу просвѣщеннымъ народомъ, но намъ куда еще!!! Съ этой пѣсней, пожалуй, и до-сихъ-поръ наши вольно-

практикующіе «садовники» не дали бы намъ диплома на зрѣлость ни при освобожденіи крестьянъ, ни при введеніи гласныхъ судовъ, ни при отмѣнѣ откуповъ и предварительной цензуры. Итакъ, мы приступаемъ къ размышленію о поставленномъ выше вопросѣ вовсе не съ цѣлью — и что такъ легко — доказать сначала, что всеобщая военная повинность требуетъ -молъ для себя высокаго общественнаго уровня, какъ матеріальнаго, такъ умственнаго и нравственнаго; за тѣмъ, не нужно и доказывать, а достаточно просто выдти на улицу, чтобъ убѣдиться, что таковаго уровня у насъ не имѣется; значитъ, мы не дозрѣли до общей военной повинности, — и выводъ изъ всего разсужденія является самъ собою. По этой самой системѣ, доказывалось недавно, что при нашей незрѣлости освобожденіе крестьянъ приведетъ къ жакеріи: введеніе гласнаго суда съ присяжными — къ полному безправію, а уничтоженіе цензуры породитъ невиданныя безобразія. Мы далеки отъ этой системы, и полагаемъ, что нѣтъ такого народа, который былъ бы незрѣлъ для правильной организаціи государственной или общественной, и въ тоже время оказывался бы зрѣлымъ для организаціи плохой и истощающей притомъ народныя силы. Это было бы прежде всего non-sens!

Такъ называемые «незрѣлые» народы отличаются отъ «зрѣлыхъ» только тѣмъ, что для первыхъ чрезвычайно опасны одни *формальныя* заимствованія, и въ этомъ смыслѣ наша послѣдняя хроника, говоря о введеніи у насъ военной повинности на прусскій манеръ, утверждала, что «прежде всего мы должны заимствовать у Германіи ея общественные успѣхи». Дѣйствительно, что̀ такое нѣмецкій ландверъ (въ буквальномъ переводѣ: земское вооруженіе = Land + Wehr)? Наши французоманы, желая унизить успѣхи нѣмецкаго оружія, постоянно твердили о «численномъ превосходствѣ» нѣмцевъ. Но всмотритесь ближе въ суть самаго дѣла, и вы увидите, что сила нѣмцевъ была не въ численномъ превосходствѣ. Дѣйствительно, въ данную минуту, къ сраженію, нѣмцы успѣвали стягивать въ одинъ пунктъ огромное количество войскъ; но такое численное превосходство оказывается качественнымъ, а не количественнымъ, такъ такъ оно зависитъ отъ качества военнаго штаба. Положимъ, что въ какомъ-нибудь сраженіи 40,000 нѣмцевъ разбили 20,000 французовъ; но все же французы проиграли сраженіе не только потому, что непріятелей было вдвое больше, а еще болѣе вслѣдствіе того, что они не успѣли или не могли стянуть 40 тысячъ въ данную минуту и въ данное мѣсто. Передвигать войска — это не все; нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, также хорошо передвигать провіантъ и военные матеріалы; и въ этомъ отношеніи пруссаки обнаружили превосходство, и опять превосходство качественное. Наконецъ, и это самое важное — прусскій ландверъ, прусское земское вооруженіе, какъ вооруженіе «земли», отразило на себѣ всѣ качества этой «земли»,

и качества оказались отличныя. Прусская «земля» поставила изъ себя массу людей образованныхъ: тутъ оказались механики, инженеры, слесаря (это вовсе не то, что нашъ слесарь), рабочіе съ фабрикъ (это не то, что наши рабочіе)—и все это народъ вполнѣ развитый, начитанный и образованный. Государство въ такомъ ландверѣ нашло цѣлую массу готовыхъ техниковъ и мастеровъ. Итакъ, въ этомъ отношеніи прусскій ландверъ послужилъ правительству не своимъ *количествомъ*, не одною своею военною выправкою, а именно *качествомъ*. Представьте себѣ, что по примѣру Пруссіи всѣ государства устроятъ у себя ландверъ; этимъ, конечно, войны на будущее время не устранятся, и мы можемъ современемъ сдѣлаться зрителями борьбы двухъ ландверовъ. За кѣмъ же будетъ тогда побѣда? При земскомъ вооруженіи, участь борьбы рѣшатъ качества «земли», которую представляетъ «ландверъ»: изъ лучшей «земли» будетъ и лучшій «ландверъ». Однимъ словомъ, введеніе ландвера не имѣетъ въ себѣ никакого магическаго свойства; вся сила по прежнему, или даже больше прежняго, заключается въ «землѣ», въ ея сокахъ, въ ея нравственныхъ и умственныхъ силахъ. Доказательствомъ справедливости того служитъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что ландверъ, всеобщая военная повинность, вовсе не есть прусское изобрѣтеніе: мы находимъ эту повинность давно и у такого народа, какъ монголы, у которыхъ каждый былъ обязанъ нести военную повинность и притомъ лично. Но монгольскій ландверъ имѣлъ въ виду одну численность, одно количество, которымъ онъ и могъ давить въ XIII-мъ столѣтіи. У насъ мы привѣтствуемъ введеніе принципа общей военной повинности именно потому, что въ введеніи такого принципа нельзя не усматривать другого твердаго намѣренія правительства — поднять во что бы то ни стало нравственный и умственный уровень народной и общественной массы.

Намъ остается теперь только задать себѣ вопросъ: соотвѣтствуютъ ли у насъ введенію ландвера настоящія усилія поднять реальное образованіе? Читатели знаютъ, какой приходится дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, который, до введенія у насъ принципа общей военной повинности, казался пустымъ споромъ между нашими «классиками» и ихъ противниками. Съ настоящей минуты, это — вопросъ самый жизненный и животрепещущій. Что́ сдѣлано въ послѣднія пять-шесть лѣтъ для развитія реальнаго образованія, отсутствіе котораго можетъ парализовать всѣ благіе результаты общей военной повинности? Увеличилось ли въ послѣднее время число нашихъ реальныхъ гимназій, или, быть можетъ, даже уменьшилось? Даны ли права реальнымъ гимназіямъ для привлеченія туда учащихся, или наоборотъ, онѣ поставлены въ такія условія, что должны закрываться сами собою? Все это вопросы слишкомъ важные въ настоящую минуту, чтобъ ограничиться однимъ литературнымъ изслѣдованіемъ ихъ; для изслѣдованія такого рода вопросовъ,

нуженъ теперь авторитетъ высшій того, какимъ пользуется печать, чтобъ результаты такого изслѣдованія принесли практическую пользу. Намъ можно было до сихъ поръ на страницахъ журнала собирать однѣ данныя, и мы не разъ видѣли, съ какимъ непреодолимымъ трудомъ было сопряжено для земскихъ собраній устройство реальныхъ гимназій. Ко всему уже сказанному нами, мы можемъ теперь присоединить еще одинъ небольшой, но краснорѣчивый фактъ. Не за долго до нашего отреченія охранять собственными силами нейтрализацію Чернаго моря противъ самихъ себя, выраженнаго въ депешѣ канцлера, отъ $^{19}/_{31}$ октября, «Русское Общество пароходства и торговли» на Черномъ морѣ публиковало приглашеніе молодымъ людямъ поступать къ нему на службу, и въ число условій программы, былъ поставленъ курсъ въ *реальныхъ* гимназіяхъ. Но гдѣ эти реальныя гимназіи? Существуютъ ли хоть тѣ, которымъ было положено начало въ министерство А. В. Головнина? Кто не понимаетъ теперь, что въ ближайшемъ прошедшемъ ничто не могло такъ парализировать намѣреній нашего правительства, уничтожившаго теперь нейтрализацію Чернаго моря и принявшаго принципъ общей повинности, какъ именно подавленіе реальнаго образованія и превращеніе послѣднихъ реальныхъ гимназій въ классичесскія? Наше правительство, какъ то выражено и въ депешѣ, отреклось отъ нейтрализаціи Чернаго моря только «по зрѣломъ размышленіи», т. е. этотъ актъ не былъ дѣломъ вчерашняго дня, и правительство думало объ избавленіи своего народа отъ тягостей Парижскаго трактата пять лѣтъ тому назадъ также какъ и сегодня; но изъ хода реальнаго образованія у насъ, дѣйствительно, нельзя было догадываться о томъ. Между тѣмъ, редакція «Московскихъ Вѣдомостей», можно подумать, имѣла постоянно въ виду не столько «Русское Общество Пароходства и Торговли» на Черномъ морѣ и что нибудь ему подобное, сколько свой собственный лицей. Она постоянно твердила, что мы, въ своихъ заботахъ о развитіи реальнаго образованія въ Россіи, совершали измѣну и старались въ союзѣ съ гр. Бисмаркомъ объ униженіи Россіи предъ цивилизованною Европою; еще недавно, эта редакція, не обинуясь, утверждала, что побѣды пруссаковъ надъ французами объясняются тѣмъ, что въ Пруссіи учили латинскимъ и греческимъ склоненіямъ лучше, нежели во Франціи. «Московскимъ Вѣдомостямъ» теперь ничего не остается сказать, какъ только то, что, вѣроятно, «интрига» графа Бисмарка виновна въ томъ, что у насъ нѣтъ теперь реальныхъ гимназій; онѣ привыкли во всемъ винить нѣмецкаго канцлера; но едва ли кто имъ повѣритъ на этотъ разъ: почтенная редакція можетъ винить въ этомъ отношеніи какого угодно ей графа, но только не графа Бисмарка *).

*) Въ нашихъ газетахъ почти ежедневно можно читать исторію превращенія реаль-

Итакъ, для насъ нѣтъ вопроса: «дозрѣла ли» Россія до ландвера, или нѣтъ?—для насъ важенъ другой вопросъ: если русская земля не можетъ поставить на ноги такого же по качеству ландвера, какъ нѣмецкій Land, то кто въ этомъ виноватъ, и не нужно ли, не теряя ни одной минуты и не жалѣя послѣдняго гроша, приступить къ распространенію истинно народнаго просвѣщенія? Мы уже имѣли случай сказать, что по странному стеченію обстоятельствъ наше военное министерство оказываетъ своими военными гимназіями большую услугу народному просвѣщенію, что сама наша армія можетъ быть названа настоящею народною школою,—но нельзя требовать всего отъ военнаго министерства, такъ какъ народное просвѣщеніе не его спеціальность.

Между тѣмъ, чтó говорятъ въ нашей прессѣ о ходѣ у насъ народнаго образованія тамъ, гдѣ оно составляетъ спеціальность? Въ одной изъ петербургскихъ газетъ, мы читали еще 10 ноября: «Къ сожалѣнію, до насъ доходятъ весьма печальные слухи о ходѣ дѣла народнаго образованія, по скольку въ этомъ дѣлѣ участвуетъ администрація. Насъ увѣряютъ, что, несмотря на расточаемыя всѣми жалобы о недостаточности средствъ, ассигнуемыхъ по бюджету на это дѣло, *администрація считаетъ возможнымъ не расходовать даже и тѣхъ недостаточныхъ средствъ*, *какія на него ассигнуются*. Во всякомъ случаѣ желательно было бы имѣть разъясненіе по этому вопросу. Еслибъ слухи эти не были вполнѣ серьезны, мы не стали бы о нихъ упоминать въ этомъ мѣстѣ. Но они, къ несчастію, носятъ на себѣ печать полной достовѣрности. Говорятъ — и при этомъ указываютъ цифры — что съ 1866 года отъ суммъ, ассигнуемыхъ ежегодно на устройство и содержаніе народныхъ училищъ, не считая приходскихъ и начальныхъ, постоянно оставались большіе остатки, обращенные въ доходъ казны, какъ будто не представлялось ни надобности, ни возможности употребить ихъ съ пользою для народнаго образованія. Остатки эти, какъ мы слышали, превышаютъ съ 1866 г. 300,000 руб.! Трудно повѣрить возможности такого явленія въ государствѣ, которое

ныхъ гимназій въ классическія. Въ сегодняшнемъ нумерѣ Спб. Вѣдомостей (№ 313) мы читаемъ опять слѣдующую корреспонденцію изъ Кѣлецъ, отъ 2 ноября: «Къ *общему сожалѣнію*, реальная школа была преобразована въ семиклассную классическую гимназію... Воспитанники прежней кѣлецкой реальной школы не тратили времени и усердно занимались дѣломъ... Всѣ бывшіе воспитанники реальной кѣлецкой школы, какъ служащіе въ горномъ вѣдомствѣ, такъ и занявшіе мѣста уѣздныхъ архитекторовъ и инженеровъ, несмотря на происходившія въ недавное время преобразованія, удержались на своихъ мѣстахъ. Это обстоятельство всего болѣе говоритъ въ пользу кѣлецкой реальной школы, и о замѣнѣ ея классическою гимназіею нельзя не пожалѣть». Намъ только кажется, что это обстоятельство достойно болѣе чѣмъ одного сожалѣнія.

принимаетъ столь крупное и серьезное преобразованіе, какъ учрежденіе ландвера». Но до сихъ поръ мы не встрѣчали никакого оффиціальнаго опроверженія такому небывалому факту, какъ доходъ съ народнаго образованія; мы понимаемъ всю выгоду казны отъ сокращенія расходовъ по администраціи министерства народнаго просвѣщенія, но мы не могли бы исчислить колоссальнаго убытка государства отъ его дохода съ народнаго образованія, которое нужно считать первою и главною обороною страны, особенно тамъ, гдѣ, какъ теперь у насъ, вводится принципъ всеобщей военной повинности, и гдѣ на стражу земли призываются ея же собственныя силы; а силы земли измѣряются не числомъ головъ, а содержаніемъ этихъ головъ.

Коснувшись вопроса объ увеличеніи состава вооруженныхъ силъ Россіи въ прошломъ обозрѣніи, мы тогда же отказались высказать свое мнѣніе по *практическому* вопросу: нужно ли Россіи или не нужно какое-нибудь экстренное увеличеніе боевой силы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ? Рѣшеніе этого, главнаго и существеннаго во всей военной реформѣ вопроса, можно ожидать только отъ государственныхъ людей. Наша роль ограничивалась тогда предостереженіемъ отъ увлеченій одними голыми принципами краткосрочности и общеобязательности, такъ какъ въ дѣйствительности всякіе принципы существенно зависятъ отъ степени, и главное — отъ способа ихъ примѣненія къ даннымъ условіямъ.

Слова высочайшаго повелѣнія 4 ноября, а именно что для полнаго обезпеченія военной защиты государства необходимо образованіе резервныхъ или запасныхъ войскъ — рѣшаютъ вопросъ для насъ не только обязательно, но и убѣдительно. Гдѣ дѣло идетъ о защитѣ государства, мы, какъ и все общество, принимаемъ съ полнымъ сочувствіемъ всякій призывъ къ жертвамъ, и спѣшимъ соединиться съ мыслью объ усиленіи средствъ защиты Россіи. То, что мы можемъ, затѣмъ, сказать въ обсужденіе средствъ обороны, будетъ сказано нами безъ всякаго притязанія на какой-либо авторитетъ; мы не можемъ даже расчитывать на авторитетъ спеціальности. Но мы твердо знаемъ, что пособниками въ побѣдахъ Пруссіи были и образованный школьный учитель и свободная печать. Ружья у французовъ были даже лучше, но учитель и печать были въ худшемъ положеніи: оба были *загнаны*. Вотъ почему коснуться еще разъ вопроса о военномъ преобразованіи мы почитаемъ и обязанностью нашею, и правомъ, какое даетъ печати интересъ—не самой печати, а опять той-же Россіи.

Обнародованное повелѣніе о составленіи проекта военнаго преобразованія весьма мудро ограничивается самыми общими основаніями. *Предписываетъ* оно—только составить «предположеніе объ устройствѣ запасныхъ частей арміи и о распространеніи прямого участія въ во-

енной повинности на всѣ вообще сословія въ государствѣ»; и то не безусловно, а именно: «съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ особыхъ условій»; при чемъ, нельзя не замѣтить, что въ приведенномъ сейчасъ текстѣ сказано именно только о *прямомъ* участіи и о повинности вообще, то-есть, постановлено понятіе болѣе общее, чѣмъ понятіе о непремѣнномъ, безусловномъ *личномъ* участіи въ отбываніи военной повинности *натурою*.

Вотъ все, что предписываетъ упомянутое повелѣніе. Соображеніямъ, которыми оно мотивируется, не придано безусловно-обязательнаго характера, по крайней мѣрѣ въ буквальномъ ихъ изложеніи. Мудрость законодателя, очевидно, не хотѣла впередъ стѣснить разработку вопроса, военнаго только по формѣ, а по сущности вопроса государственнаго, и притомъ первостепенной важности, вопроса крайне сложнаго, касающагося не только всѣхъ сословій и всѣхъ вѣдомствъ въ государствѣ, но и самыхъ существенныхъ экономическихъ условій жизни всего народа. Самымъ изложеніемъ настоящаго повелѣнія, очевидно, руководила таже мысль, которая постановила, чтобы предположенія, составленныя по этому дѣлу, были за тѣмъ внесены на утвержденіе въ порядкѣ *законодательномъ*. Очень также возможно, по крайней мѣрѣ желательно, чтобы, по примѣру судебной реформы, основоположенія проекта реформы военной были также предварительно публикованы для гласнаго ихъ обсужденія.

На мудрую сдержанность и осторожность обнародованнаго повелѣнія мы указываемъ, здѣсь собственно потому, что намъ случилось слышать отзывы о немъ нѣсколько поверхностные и не совсѣмъ правильные. Люди, прочитавшіе его бѣгло, не взвѣсившіе, какъ бы то слѣдовало, каждаго его слова, смотрятъ теперь на все дѣло военнаго преобразованія, какъ на вполнѣ и окончательно уже опредѣленное, такъ что предстоящіе еще труды сперва военнаго министерства, а потомъ комитета министровъ и государственнаго совѣта не представляютъ для нихъ болѣе интереса, какъ будто эти труды будутъ уже посвящены только мелочамъ, а вся суть проекта уже готова. Поверхностные чтецы этого повелѣнія разсуждаютъ, что уже повелѣно, чтобы всѣ и каждый проходили чрезъ службу въ рядахъ дѣйствующей арміи, что срокъ «установленъ» краткій (при чемъ одни говорятъ три года, а другіе шесть), что отъ натуральной повинности не будетъ уволенъ никто, ни по какому соображенію, ни по профессіи, ни по образованію, ни по семейному положенію, что все это рѣшено окончательно, согласно съ представленіемъ будто бы военнаго вѣдомства. Теперь же, говорятъ они, когда основанія этого представленія уже одобрены предварительно, послѣдующее разсмотрѣніе проекта въ порядкѣ законодательномъ уже не можетъ всесторонне касаться всего вопроса, во всей его государственной многосложности, а должно ограничиться только про-

вѣркою полнаго готоваго текста съ предварительно одобренными, по представленію военнаго же вѣдомства, опредѣлительными указаніями.

Если бы это было такъ, то тогда нѐчего было бы и говорить о томъ, какую громадную совокупность народныхъ интересовъ этотъ вопросъ затрогиваетъ. Но мы ничего подобнаго не видимъ въ текстѣ повелѣнія, ничего такого, что поспѣшно предрѣшало бы соображенія, какія должны возникнуть при обсужденіи проекта со стороны всѣхъ вѣдомствъ, путемъ законодательныхъ совѣщаній, въ порядкѣ установленномъ законами. И мы затруднились бы согласить подобное воззрѣніе съ примѣрами, которые у всѣхъ въ памяти. Сошлемся хоть на ходъ вопроса о начатой административной реформѣ. Какому старательному, всестороннему разсмотрѣнію подвергнутъ этотъ вопросъ. Судьба первоначальнаго общаго проекта его не была предрѣшена предварительнымъ одобреніемъ до разсмотрѣнія въ общемъ порядкѣ. Первый проектъ потребовалъ исправленія, и тѣмъ болѣе совершенно будетъ обсуждено со времеменемъ рѣшеніе этого важнаго вопроса, но все же уступающаго по своей важности вопросу о военной реформѣ.

Чтó значитъ проектъ измѣненій въ устройствѣ провинціальной администраціи въ сравненіи съ проектомъ реформы нынѣ предполагаемой? Главный расходъ нашъ—военный расходъ, главная повинность наша—воинская, и коренное военное преобразованіе коснется потому всѣхъ вопросовъ народной жизни: вопроса о государственныхъ податяхъ, о выкупныхъ платежахъ, о сельской общинѣ и круговой порукѣ, о судьбѣ народнаго образованія, о рабочихъ силахъ страны, о состояніи народной нравственности, о финансовыхъ средствахъ государства и т. д. Возможно ли скорое и одностороннее предрѣшеніе подобнаго вопроса? Очевидно нѣтъ, и вотъ почему мы съ искреннимъ сочувствіемъ указываемъ на высокое благоразуміе, которое очевидно хотѣло устранить въ такомъ дѣлѣ всякое торопливое предрѣшеніе и предоставить полный просторъ законодательному обсужденію, въ собраніи государственныхъ людей, проекта, который будетъ *только выработанъ* спеціальнымъ военнымъ вѣдомствомъ.

Итакъ, вопросъ еще далеко не рѣшенъ даже по самой сущности, потому, что его сущность именно и должна опредѣлиться тѣми условіями, которыя еще не установлены. Въ настоящее время, мы можемъ только сказать, что повелѣно выработать проектъ военнаго преобразованія *въ смыслѣ* общеобязательности и сокращенія срока воинской службы,—вотъ и все. Но что значитъ краткосрочность: 2 года, или 3, или 6, или 8? И 9 лѣтъ узаконенной дѣйствительной службы у насъ представляли бы сокращеніе уже существующаго 10-лѣтняго срока. Чтó значитъ общеобязательность? То ли, что всѣ до единаго должны будутъ прослужить по нѣскольку лѣтъ солдатами въ дѣйствующей арміи? Или то, что каждый будетъ подлежать военной службѣ, но не

всѣ будутъ призываемы, не всѣ будутъ служить на равныхъ правахъ, наконецъ, что для нѣкоторыхъ профессій будетъ допущено изъятіе; что и составитъ оговоренныя «особыя условія?» Между тѣмъ, у нѣкоторыхъ уже впередъ составился въ умѣ полный, готовый проектъ военнаго преобразованія, и вотъ они-то толкуютъ нынѣшнее повелѣніе въ такомъ смыслѣ, что оно просто и безповоротно утвердило *тотъ видъ* преобразованія, о которомъ они, правильно или нѣтъ, сами составили себѣ понятіе, когда еще никакой *видъ* не принятъ, и еще не сдѣлано и предположеній; да притомъ, когда такія положенія и будутъ сдѣланы, имъ еще предстоитъ серьезный законодательный путь.

Само собою разумѣется, что какъ только взглянули на дѣло военнаго преобразованія съ точки зрѣнія исключительно *усиленія* военной обороны государства, то увлеченіе собственно либеральною стороной краткосрочности и общеобязательности тотчасъ отступило въ умѣ нашихъ диллетантовъ на второй планъ, такъ что они уже заговорили о *шестилѣтнемъ* срокѣ службы въ дѣйствующихъ войскахъ и затѣмъ въ добавокъ о *девятилѣтнемъ* въ резервныхъ или запасныхъ войскахъ. Они заговорили о необходимости усилить ежегодный контингентъ такимъ образомъ, чтобы у насъ содержалось на постоянной службѣ около 800 тысячъ солдатъ, да еще было милліонъ съ четвертью въ резервѣ.

Эти предположенія уже сами по себѣ легли бы тяжелымъ бременемъ на страну. Впрочемъ, мы не станемъ говорить о бремени, когда поставленъ вопросъ о защитѣ. Всякія пожертвованія законны и возможны, когда идетъ дѣло о защитѣ. Но дѣло это необходимо повести такъ, чтобы оно не истощало не только средства наличныя въ казнѣ, но и тѣ источники, изъ которыхъ эти наличныя силы происходятъ, то-есть экономическія, рабочія силы страны и ея состоятельность въ уплатѣ податей. Мы искренно уважаемъ порывы къ тому, чтобы поскорѣе и путемъ какихъ бы то ни было жертвъ создать для Россіи возможно-грозную защиту. Но цѣль будетъ достигнута вѣрнѣе, если смотрѣть на дѣло трезвымъ и осторожнымъ образомъ.

Люди, способные увлекаться, теперь желаютъ не только, чтобы у насъ была введена прусская военная система, но еще, чтобы у насъ она была *усугублена*; не исключайте, говорятъ они, изъ прусской системы ничего такого, чтó требуетъ отъ страны бóльшихъ пожертвованій, не уменьшайте ни подъ какимъ видомъ всей ея строгости и безусловной обязательности,—но сверхъ того, введите въ нее еще такія условія, которыя бы усугубили ея строгость и необходимыя на нее пожертвованія, дабы усугубить ея силу, дабы создать за насъ такія силы, съ которыми мы могли бы противостать всей Европѣ, чтó при нашемъ населеніи, возможно.

Разсуждая такимъ образомъ, въ пылу увлеченія, они требуютъ, чтобы изъ обязательности воинской повинности не было *никакихъ* исключеній, чтобы всѣ граждане поголовно призывались къ вынутію жребія, который и рѣшитъ кому идти на службу, чтобы всѣ новобранцы поступали въ дѣйствующія войска, чтобы сверхъ того, всетаки существовали отдѣльно и войска резервныя, только въ меньшемъ противъ дѣйствующихъ составѣ, чтобы всѣ проходили чрезъ дѣйствующія войска, какъ въ Пруссіи, и чтобы ни подъ какимъ видомъ не допускалось выкупа, какъ и въ Пруссіи, а между тѣмъ тѣже люди находятъ желательнымъ, чтобы срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ былъ не *три* года, какъ въ Пруссіи, а *шесть* лѣтъ.

При отсутствіи у насъ точныхъ статистическихъ данныхъ, нельзя достовѣрно опредѣлить, какъ велико у насъ ежегодное число молодыхъ людей, достигающихъ 20-лѣтняго возраста. Но если въ Пруссіи, при населеніи въ 18 милліоновъ, число это доходило до 170 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ около половины поступало въ военную службу, то при нашемъ населеніи, превосходящемъ прусское почти въ $4^1/_2$ раза, цифра ежегоднаго контингента составила бы у насъ около половины громаднаго числа 750 тысячъ чел.! То есть, что при безусловномъ введеніи прусской системы у насъ поступало бы на службу ежегодно около 350 тысячъ человѣкъ! Какую же это составило бы армію? Армію, конечно, баснословную, такую армію, которой Россія никогда не могла бы ни вооружить, ни содержать.

Диллетанты слишкомъ всетаки практичны, чтобы не требовать баснословнаго, и по ихъ мнѣнію, можно введя прусскую систему неослабно, призывать въ дѣйствительности меньше людей на службу, чѣмъ то дѣлалось въ Пруссіи, и цифра, которая *имъ* желательна и *имъ* не кажется баснословною, составляетъ всего *два съ половиною* милліона народу, въ войскахъ дѣйствующихъ и запасныхъ.

Мы предсказывали эту цифру въ прошломъ мѣсяцѣ, когда еще не было рѣшено преобразованіе. Мы догадывались, что меньшею цифрою не удовольствуются наши уважаемые, но слишкомъ увлекающіеся патріоты. О бремени, какое эта цифра положила бы на страну, мы уже говорили, и въ настоящую минуту объ этомъ говорить не будемъ, потому именно, что уже произнесено слово: «необходимость защиты».

Но чтобы защита была защитою прочною, она должна быть согласована со средствами страны; объ этомъ только и предстоитъ говорить теперь. Вѣдь рѣчь идетъ не о томъ, чтобы всѣмъ способнымъ носить оружіе нужно было немедленно взяться за оружіе и идти отражать врага. У насъ вѣдь рѣчь во все не о томъ, о чемъ идетъ теперь рѣчь во Франціи. Мы предпринимаемъ прочное, *постоянное* на будущія времена устройство, а не временное, крайнее напряженіе. Вотъ почему на первомъ планѣ вопросъ о томъ, чтобы не преувеличить формы защиты на счетъ

средствъ къ дѣйствительному ея осуществленію и постоянному обезпеченію. Безспорно, по цифрѣ населенія—Россія возможно зачислить въ составъ арміи $2^1/_2$ милліона людей. Но рядомъ съ такой произвольной цифрою слѣдуетъ поставить, для памяти, цифру до 30 милліоновъ рублей податныхъ недоимокъ, цифру реальную, выведенную изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ. Податныя силы страны давно уже напряжены до крайности. Возвышенію подушной подати съ 1862 по 1868 годъ, слишкомъ на $26^3/_4$ милл. рублей, въ 1868 году соотвѣтствовалъ тотъ результатъ, что сумма податныхъ недоимокъ въ томъ году *почти* вполнѣ сравнилась именно съ тою суммою, на какую подушная подать была возвышена, то-есть составила въ 1868 году туже самую цифру $26^3/_4$ милл. недоимокъ. Другими словами, что не *воля*, конечно, а *силы* страны *отказались внесть* наложенное на нихъ возвышеніе. Вотъ на эти-то физическіе предѣлы и необходимо обратить прежде всего вниманіе, предпринимая организацію постоянную. За патріотизмомъ дѣло не станетъ, были бы только силы,—а на нѣтъ, по пословицѣ, и суда нѣтъ.

Слушая, какъ наши диллетанты хотятъ сохранить у насъ всю строгость прусской военной организаціи, да притомъ усугубить ее, напримѣръ, удвоивъ срокъ, невольно закрадывается въ умъ опасеніе, какъ бы у насъ вообще, и во всѣхъ отношеніяхъ, не вошло въ обычай перенимать у Пруссіи только то, что *строго*, да то, что́ строго по-нѣмецки, по-русски сдѣлать еще вдвое строже. Не допускать выкупа, говорятъ намъ, недопускать исключеній ни для какихъ профессій,—потому что это совершенно исказило бы характеръ прусской системы. Да помилуйте, вы сами хотите исказить ее, въ самомъ существенномъ пунктѣ — удвоивъ срокъ службы подъ знаменами. Въ Пруссіи шла между военнымъ министерствомъ и палатою борьба о томъ, будетъ ли этотъ *срокъ* трехъ — или двухлѣтній. Очень можетъ быть, что чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда объединеніе Германіи укрѣпится вполнѣ, правительство и уступитъ требованіямъ либеральной партіи и согласится на возвращеніе къ двухлѣтнему сроку. А вы въ Россіи хотите ввести срокъ шестилѣтній, подъ предлогомъ введенія прусской системы?

Что въ Пруссіи не допущено ни выкупа, ни изъятій отъ воинской повинности для молодыхъ людей высшаго образованія и для народныхъ учителей — это намъ вовсе не указъ. Но какой выкупъ можно было допустить въ томъ государствѣ, которое, имѣя $10^1/_2$ милл. населенія, какъ Пруссія въ 1817 году, хотѣло имѣть войско равное съ войсками великихъ державъ? Но, говорятъ намъ—выкупъ унижаетъ армію, наполняя ее наемниками. Это—громкая фраза, неимѣющая серьёзнаго смысла, и предполагаетъ какой-то особенный кадетскій взглядъ. Развѣ наемъ вообще унизителенъ? Да и кто нанимаетъ охотниковъ — не частныя лица, а правительство. Развѣ въ самой Пруссіи офицеры не-

наемники? Развѣ человѣкъ, принявшій на себя трудъ за плату, то есть наемникъ, есть непремѣнно существо низшаго рода, недостойное чести воинскаго званія?

Все ли равно: допустить изъятія по образованію *въ Россіи* или *въ Пруссіи*, гдѣ почти весь народъ грамотный, и изъ однихъ людей вполнѣ образованныхъ можно составить цѣлую армію? То ли въ Россіи? Говорятъ, и у насъ можно принять во вниманіе степень образованія, но не для допущенія изъятій, а только для соотвѣтственнаго сокращенія сроковъ службы — *въ нижнихъ чинахъ*. Арміи, говорятъ, нужны именно образованные люди, потому что офицеровъ и такъ мало, а потребуется ихъ теперь очень много.

Эта потребность, дѣйствительно, очень важная, и ее удовлетворить необходимо. Но при этомъ возникаетъ новый вопросъ. Если оставлены будутъ краткіе сроки выслуги для лицъ средняго и высшаго образованія (отъ 3 мѣсяцовъ до 1 года), то затѣмъ придется для удержанія въ арміи такихъ офицеровъ сдѣлать *обязательною службу въ офицерскихъ чинахъ*. Иначе цѣль не будетъ достигнута. Такъ, кандидатъ университета, произведенный въ офицеры черезъ три мѣсяца, *обязанъ* будетъ служить остальныя 5 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ въ офицерскомъ званіи. Это будетъ нѣчто такое, чего не существуетъ нигдѣ въ дѣйствующей арміи и никогда еще несуществовало. Какіе офицеры составляютъ силу арміи? Офицеры спеціальныхъ оружій, генеральнаго штаба, а въ пѣхотѣ — ротные и эскадронные командиры. Но студентъ и въ въ пять лѣтъ все-равно не сдѣлается ни ротнымъ командиромъ, ни артиллеристомъ, ни инженеромъ, если только не рѣшится окончательно посвятить себя военной профессіи, а будетъ смотрѣть на нее только какъ на принудительную временную службу въ офицерскихъ чинахъ. И что за странное было бы учрежденіе—офицеръ по повинности? Это напоминало бы прежній выпускъ изъ корпусовъ въ гарнизонъ, съ обязательствомъ отслужить деньги, потраченныя казною на корпусное образованіе.

Если же этого не сдѣлать, то кандидатъ университета, произведенный чрезъ три мѣсяца въ офицеры, чрезъ годъ и выйдетъ въ отставку, примѣняясь къ нынѣшнему закону. Какая же отъ него польза? И какая будетъ вообще польза для строевой службы и для хозяйства войскъ отъ офицеровъ безпрестанно смѣняющихся?

А между тѣмъ, для самихъ молодыхъ людей, посвятившихъ уже нѣсколько лѣтъ высшему научному образованію, жертва эта будетъ такъ тяжела, что въ виду ея приливъ людей въ высшія учебныя заведенія можетъ уменьшиться. При шестилѣтнемъ срокѣ, такъ или иначе, вѣдь это значило бы начинать карьеру, приступать къ жизни —лѣтъ подъ тридцать! Съ другой стороны, сама Россія нуждается въ образованныхъ людяхъ никакъ не менѣе, какъ и армія. Отовсюду слышны

жалобы, что у насъ мало техниковъ, профессоровъ, учителей, адвокатовъ, образованныхъ чиновниковъ въ провинціи. Полагаемъ, что для всѣхъ этихъ профессій высшее образованіе по меньшей мѣрѣ столь же полезно, какъ для службы въ рядахъ, въ званіи унтеръ или субалтернъ-офицера. Возьмите у немногихъ образованныхъ людей въ Россіи еще по шести лѣтъ жизни на упражненія въ воинскомъ строю— навѣрно принесете гораздо болѣе вреда странѣ, чѣмъ пользы службѣ.

Составить путемъ принудительнымъ сословіе образованныхъ офицеровъ, занимающихся своимъ дѣломъ съ любовью, и притомъ сословіе не однихъ младшихъ, но старшихъ офицеровъ, способныхъ быть ротными командирами—нельзя. Отчего офицеровъ сдѣлалось мало, отчего люди съ высшимъ образованіемъ рѣдко идутъ въ офицеры, если не предназначены къ тому съ дѣтства и не поведены чрезъ военныя училища? Отвѣтъ несомнѣненъ—содержаніе слишкомъ скудно, и карьера эта рѣдко даетъ обезпеченіе въ жизни. Не естественнѣе ли было бы въ такомъ случаѣ хоть *временно* допустить выкупъ, и на средства выкупа увеличить содержаніе офицеровъ, допустивъ при этомъ разсрочку взноса выкупа на число лѣтъ обязательной службы? Тогда тотъ, кто надѣется заработать больше въ иной дѣятельности, охотно внесъ бы, положимъ хоть въ 4 или въ 6 лѣтъ, значительный выкупъ, а тотъ, кто не надѣется заработать столько или больше въ иной дѣятельности, пошолъ бы въ военную службу. На сумму же всѣхъ выкуповъ можно бы значительно увеличить содержаніе офицеровъ. Съ десяти тысячъ человѣкъ это вѣдь составило бы (нынѣшняя цифра выкупа могла бы быть утроена, при увеличеніи ежегоднаго контингента), по 1500 р., *пятнадцать милліоновъ!* Для народныхъ же учителей слѣдуетъ просто сдѣлать изъятіе, потому что брать ихъ въ солдаты значило бы поддерживать невѣжество въ народѣ, а стало быть и въ исходящей изъ него арміи.

Нѣтъ, говорятъ намъ, ни выкупа, ни изъятій; въ Пруссіи ничего этого нѣтъ, а намъ нужно тоже, что́ въ Пруссіи, только еще построже; нужна, напримѣръ, необходимо общеобязательность, а краткосрочность нужна тоже, но уже не такъ. Но въ который разъ ссылаться намъ на все капитальное, громадное различіе всего склада, состава и средствъ нашего государства съ Пруссіею? Общеобязательность въ Пруссіи есть сѣть, которая, принося въ армію людей всякаго рода, дѣлаетъ то, что благодаря обилію людей образованныхъ и техниковъ, въ каждой ротѣ оказывается и машинистъ, и рисовальщикъ, и литераторъ, и врачъ, и все это — безъ ущерба для страны. Закиньте такую сѣть у насъ, и если даже она унесетъ на шесть лѣтъ все молодое поколѣніе ученыхъ и техниковъ, то ихъ окажется по два на каждую *дивизію*, да и то едва ли, благодаря усердію, съ которымъ у насъ обращаютъ реальныя гимназіи въ классическія.

Говорятъ, общеобязательность нужна, чтобы окончательно уничтожить сословность. Пусть военная реформа и уничтожаетъ сословность, но не уничтожаетъ образованія.

Оставляя теперь этотъ вопросъ о выкупѣ и изъятіяхъ, мы должны еще разъ обратить вниманіе на необходимость разсчитать наши военныя силы не въ пропорціи населенія Россіи къ населенію Пруссіи, но въ пропорціи нашихъ дѣйствительныхъ средствъ. Одинъ процентъ населенія въ Пруссіи значитъ 230 тысячъ, а у насъ 800 тысячъ! Между тѣмъ, таково ли отношеніе нашихъ средствъ къ средствамъ Пруссіи и одинаково ли устройство средствъ у насъ какъ у Пруссіи? Мы говорили уже въ прошлый разъ о недостаткѣ у насъ рабочихъ силъ, которыхъ въ Германіи избытокъ. У насъ, изъ 375 милліоновъ чистаго обыкновеннаго дохода, государству даютъ 86 милліоновъ р. въ годъ подушныя подати. Ихъ тягость несутъ не всѣ сословія, а тѣ сословія, которыя несутъ ихъ, закрѣплены для внесенія ихъ круговою порукою, и отчасти подлежатъ еще выкупнымъ платежамъ. Въ Пруссіи мы видимъ совсѣмъ не то. Тамъ подушной подати нѣтъ, а есть подать подоходная, то есть равная для всѣхъ сословій (Klassensteuer, съ доходовъ ниже 1000 тал.), и сверхъ того на богатые классы ложится «подраздѣленная подоходная пошлина» (klassifizirte Einkommensteur, на доходы свыше 1000 тал.), которая въ высшей своей степени доходитъ *до 600 талеровъ съ одного лица*!

Общеобязательность воинской повинности, говорятъ, облегчитъ наши податныя сословія. Но что ихъ навѣрно облегчило бы, такъ это, еслибы предварительно были измѣнены подушныя подати и замѣнены такою системою прямыхъ податей, которая, въ самомъ дѣлѣ, возложила бы часть народнаго бремени на классы достаточные, какъ въ Пруссіи. Вотъ это бы было такое привлеченіе *всѣхъ* гражданъ къ защитѣ государства, которое облегчило бы народъ много больше, чѣмъ замѣна одного крестьянина изъ пяти тысячъ крестьянъ—однимъ ученымъ.

Впрочемъ, все это дѣло, очевидно, такое, что подлежитъ еще полному, необходимому обсужденію со стороны всѣхъ вѣдомствъ и въ порядкѣ законодательномъ. Быть можетъ, еще остановятся и на той простой мысли, что пока гораздо удобнѣе и гораздо скорѣе можно развивать существующую уже систему, чѣмъ вводить новую. Вѣдь резервныя войска существуютъ у насъ и въ настоящее время. Полевыя войска наши теперь состоятъ изъ 47 пѣхотныхъ, 10 кавалерійскихъ дивизій, 47 артиллерійскихъ (трехбатарейныхъ) бригадъ, 11 саперныхъ баталіоновъ и 6 понтонныхъ полубаталіоновъ. Все это вмѣстѣ даетъ однихъ полевыхъ войскъ, по военному составу, около 650 т. чел. пѣхоты, 30 тысячъ кавалеріи, 12 т. инженерныхъ войскъ и 1200 орудій. Но сверхъ того, у насъ есть еще войска мѣстныя, т. е. боевыя—

неподвижныя, резервныя, внутренней службы, учебныя, вспомогательныя и иррегулярныя. Мы уже говорили, что общность нашихъ военныхъ силъ и теперь по военному положенію можетъ составить гораздо болѣе милліона человѣкъ.

При настоящемъ устройствѣ нашей арміи руководящею мыслью было именно имѣть какъ можно больше военныхъ силъ, не отягощая финансовъ. Съ этой цѣлью у насъ, какъ извѣстно, существуютъ два состава: мирнаго и военнаго времени. Переходъ отъ мирнаго состава къ военному и теперь у насъ можетъ совершиться быстро и безъ всякаго замѣшательства, потому, что для военнаго состава намъ не придется формировать новыхъ частей. Всѣ части содержатся у насъ и въ мирное время съ уменьшеннымъ числомъ людей, а въ военное время предстоитъ только укомплектовать ихъ до военнаго комплекта, призвавъ для этого вполнѣ обученныхъ старо-служилыхъ людей изъ военно-отпускнаго запаса: при этомъ не придется формировать и новыхъ управленій. Всѣ части механизма постоянно готовы, и при нынѣшней организаціи переходъ къ военному составу долженъ совершаться въ *шесть недѣль*, лишь бы только вещевые и оружейные запасы содержались въ готовности и обиліи; но это уже не зависитъ отъ способа отбыванія воинской повинности.

Полный срокъ военной службы у насъ, въ настоящее время, 15 лѣтъ, а именно: 10 лѣтъ службы и 5 лѣтъ въ безсрочномъ отпускѣ. Тѣ, кто нынѣ говоритъ о срокахъ въ 6 лѣтъ службы въ рядахъ и 9 лѣтъ въ резервныхъ войскахъ, не считаютъ стало быть нужнымъ измѣнить полнаго срока состоянія на службѣ, т.-е. 15 лѣтъ. Все дѣло, стало быть, сводится къ тому, чтобы срокъ присутствія подъ знаменами былъ сокращенъ съ 10 до 6 лѣтъ. Но онъ у насъ въ дѣйствительности и теперь не составляетъ 10 лѣтъ, благодаря временнымъ отпускамъ. При уменьшеніи срока присутствія подъ знаменами, можно бы, и сохранивъ нынѣшнюю систему наборовъ, но увеличивъ цифру ежегоднаго набора напр. до 6 съ 1000 (вмѣсто 4) съ обѣихъ полосъ имперіи, увеличить въ полтора раза число отпускныхъ, т.-е., такъ, чтобы имѣть готоваго резерва не 550, а 800 тысячъ человѣкъ. Вотъ и армія въ полтора мильона!

Но, если и этого недостаточно, то стоитъ только увеличить составъ резервныхъ частей и придать имъ организацію параллельную съ организаціею войскъ полевыхъ. Резервныя войска существуютъ у насъ и теперь, какъ кадры для пріема и обученія рекрутъ, и это назначеніе они сохранятъ и всегда, потому что нельзя же резервныя войска содержать собранными, подъ ружьемъ, въ мирное время, хотя бы и въ уменьшенномъ составѣ. Это было прямо противъ всей идеи современныхъ военныхъ преобразованій, основанныхъ именно на наи-

большей разницѣ цифръ военнаго и мирнаго составовъ, для подготовленія большой силы безъ отягощенія финансовъ.

Резервныя войска теперь состоятъ изъ 72 резервныхъ пѣхотныхъ и 10 стрѣлковыхъ баталіоновъ, съ постоянными кадрами, при которыхъ каждый баталіонъ обучаетъ и одѣваетъ ежегодно до 1000 рекрутъ. Для кавалеріи есть резервные эскадроны, по числу полковъ, раздѣленные на особыя резервныя кавалерійскія бригады; для артиллерій пѣшей 4 резервныя, трехбатарейныя бригады; для конной артиллеріи 2 резервныя двухбатарейныя бригады; наконецъ, для инженерныхъ войскъ 4 резервныхъ баталіона.

При новомъ сокращеніи срока присутствія подъ знаменами, можно бы, въ исполненіе повелѣнія, организовать резервныя войска за ново, увеличивъ число ихъ частей и давъ имъ усиленные кадры, такъ, чтобы напримѣръ половина резервныхъ войскъ могла, въ случаѣ войны, быть укомплектована вполнѣ наравнѣ съ полевыми войсками и составить резервъ подвижной, назначенный для подкрѣпленія дѣйствующей арміи, или идти на замѣну крѣпостныхъ войскъ и войскъ внутренней службы, а другая половина оставалась бы для исполненія своего постояннаго назначенія, то-есть, для пріема, обученія и одѣванія людей.

Затѣмъ, наконецъ, можно организовать, но только въ самыхъ несложныхъ формахъ, и поголовное ополченіе народа. Для ополченія всего важнѣе, конечно, запасы оружія, обуви и аммуниціонныхъ вещей. Затѣмъ могутъ быть установлены правила сбора ополченія и инструкція первоначальнаго обученья, которое весьма легко было бы преподавать еще въ народныхъ школахъ *); для этого учителей солдатъ довольно. Пріучившись къ первымъ строевымъ движеніямъ и сигналамъ еще въ школѣ, какъ это дѣлается въ Пруссіи, и имѣя готовые огромные склады оружія и вещей, русскіе люди, въ случаѣ нужды, возстали бы на защиту своей земли и не въ размѣрѣ процентномъ, а поголовно, и составили бы дѣльныя дружины и безъ шестилѣтняго присутствія подъ знаменами, которое можетъ лечь страшнымъ бременемъ на нашу истощенную почву—кормилицу всего государства, и привесть круговую поруку къ полному банкротству. Что касается ознакомленія съ оружіемъ, то едва ли не было бы болѣе практической пользы отъ организаціи, подъ надзоромъ воинскихъ начальниковъ, и въ мѣстахъ расположенія пѣхотныхъ ротъ, по деревнямъ добровольныхъ сборовъ крестьянъ въ праздничные дни для стрѣльбы изъ запасныхъ ружей, которыя могли бы быть въ каждой ротѣ. Устройство такихъ народныхъ стрѣльбищъ при ротахъ въ великорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ едва ли не образовало бы для Россіи болѣе надежныхъ

*) На бѣду только, народныхъ школъ очень мало.

ополченцовъ, чѣмъ введеніе ландвера въ царствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ финляндскомъ. Въ Финляндіи общеобязательность произвела бы огромное впечатлѣніе, ибо тамъ теперь вовсе нѣтъ набора.

Отмѣтимъ еще одинъ аргументъ защитниковъ безусловной общеобязательности натуральной военной повинности. Если допустить изъятія хотя бы для высшаго образованія, говорятъ они, то это всетаки будетъ привилегія, то-есть нѣчто унизительное для арміи. Ну, а лишенныхъ правъ состоянія и сосланныхъ на поселеніе, спросимъ мы, зачислите ли вы въ резервъ? Конечно нѣтъ. Странно подумать, что тогда въ Россіи единственное привилегированное сословіе будетъ сословіе лишенныхъ правъ состоянія. И это не только шутка; повѣрьте, что ссылка на поселеніе тогда утратитъ въ народѣ послѣднюю тѣнь грозности, какой она уже и теперь представляетъ не особенно много, при страшномъ обремененіи народа податями.

Общій результатъ всего сказаннаго опять таки тотъ, что аналогія мѣръ немыслима тамъ, гдѣ нѣтъ аналогіи обстоятельствъ. Что прусская система возможна для Пруссіи—изъ этого еще не слѣдуетъ, что она оказалась бы такою и въ Россіи. Повторимъ еще разъ, что прусская система требуетъ для себя и такого образованнаго народа, какъ Германія. А что у насъ до сихъ поръ сдѣлано для народнаго образованія, и постарались ли обезпечить въ народѣ тѣ нравственные элементы, которые одни ручались бы, что вся громадная масса, оторванная отъ дѣла на 6 лѣтъ, возвращаясь домой, примется опять за работу, а не займется чѣмъ либо другимъ? Но объ этомъ до другого раза.

Высочайшее повелѣніе 4 ноября связывали также съ актомъ уничтоженія нейтрализаціи Чернаго моря, и заключали изъ того, что вопросъ о нашемъ ландверѣ долженъ рѣшиться чуть не завтра. Заграницею видѣли въ этомъ повелѣніи даже угрозу, съ цѣлью поддержать измѣненіе Парижскаго трактата. Изъ сказаннаго нами очевидно, какъ такія ожиданія и опасенія не основательны. Для нашей немедленной обороны на Черномъ морѣ сдѣлали бы гораздо больше севастопольская желѣзная дорога, нежели одни зачатки преобразованія всего нашего военнаго устройства. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ дѣлать коренную военную реформу за минуту до опасности. Въ началѣ нынѣшней войны въ Пруссіи только-что хотѣли сдѣлать небольшую передѣлку въ ружьяхъ, и были очень рады, что Франція не дождалась начала этой передѣлки. Между тѣмъ, предпринимаемая у насъ военная реформа несравненно болѣе крупная, нежели простая передѣлка ружей. Вотъ почему иностранные политики лучше всего могутъ быть успокоены насчетъ приписываемыхъ Россіи воинственныхъ замысловъ

тѣмъ фактомъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ ни въ Крымъ, ни на Кавказъ.

Эти дороги до сихъ поръ и не строются, хотя желѣзнодорожная сѣть наша растетъ съ такой быстротою, которая безпримѣрна въ другихъ сферахъ русской жизни. Изъ свода свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ, въ «Ежемѣсячномъ Календарѣ» оказывается, что по 20 минувшаго сентября открыто было для движенія желѣзнодорожныхъ линій на 9,933 версты, а съ прибавленіемъ къ этому количеству 386 верстъ открытой въ концѣ октября балтійской дороги—10,319 верстъ! Сверхъ того, по тѣмъ же свѣдѣніямъ находятся въ постройкѣ 3,840 верстъ, да еще 320 верстъ узкоколейныхъ, а всего 4,160 верстъ. Въ числѣ этихъ готовыхъ и строющихся $14^1/_2$ тысячъ верстъ желѣзныхъ путей, дороги на Севастополь нѣтъ; — лучшее доказательство, что не только наступательныхъ замысловъ мы не питали, но и нынѣшнихъ обстоятельствъ и необходимости приступить вновь къ оборонѣ черноморскихъ береговъ мы не предвидѣли, хотя съумѣли — скажемъ себѣ въ утѣшеніе—воспользоваться тѣмъ, чего не предвидѣли. Либавская дорога также еще не готова.

Зато въ числѣ дорогъ готовыхъ есть у насъ дорога балтійская. Постройка этой дороги была замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что будучи предпринята на акціяхъ, сперва безъ всякой гарантіи правительства, она все таки осуществилась очень скоро, именно въ два года. При самой выдачѣ концессіи на эту дорогу мы оцѣнивали то экономическое значеніе, какое она можетъ пріобрѣсть, давая товарамъ, идущимъ изъ внутреннихъ губерній по николаевской дорогѣ исходъ въ море чрезъ Балтійскій-портъ, который закрывается для навигаціи на болѣе короткое время, чѣмъ петербургскій. Но въ настоящее время мысли невольно отклоняются собственно отъ коммерческихъ выгодъ Балтійскаго порта, и обращаются къ общему положенію балтійскаго прибрежья, которое нынѣ приближено желѣзнымъ путемъ къ Петербургу.

Что балтійская дорога имѣетъ не малое значеніе и въ стратегическомъ отношеніи—это очевидно хотя бы изъ того факта, что вслѣдъ за открытіемъ ея упраздненъ отдѣльный рижскій военный округъ, такъ какъ распредѣленіемъ и снабженіемъ войскъ въ балтійскихъ губерніяхъ отнынѣ удобно можно управлять изъ Вильны и Петербурга. Сѣверъ Эстляндіи съ Ревелемъ примкнутъ теперь балтійскою дорогою къ Петербургу, а Лифляндія и Курляндія соединены съ Вильною рижско-динабургскою и рижско-митавскою линіями. Но примкнетъ ли къ Россіи этотъ край и въ иномъ отношеніи, кромѣ стратегическаго, въ отношеніи условій гражданственности, коренныхъ условій народной жизни? Съ чѣмъ сближаетъ балтійская дорога остзейское прибрежье, соединивъ его съ Петербургомъ: съ биржею ли только и шта-

бомъ войскъ петербургскаго военнаго округа, или и съ тѣми реформами, какія изъ Петербурга даны русскому народу? Передъ тѣмъ же зданіемъ гвардейскаго штаба увидимъ ли мы когда нибудь эстляндскихъ крестьянъ съ благодареніемъ за освобожденіе отъ вотчинной опеки и за надѣлъ землею, какъ мы видѣли тамъ крестьянъ великорусскихъ, девять лѣтъ тому назадъ?

Здѣсь мы опять становимся лицомъ къ лицу съ такимъ вопросомъ, въ которомъ всего важнѣе и настоятельнѣе не стратегическія соображенія, быть можетъ отдаленныя, а именно произнесеніе одного живительнаго, великаго слова. Еще въ октябрьской «Хроникѣ» мы сопоставили два рѣшенія, одинаково нетерпящія отлагательства: отмѣну трактата 1856 года и надѣлъ землею прибалтійскихъ крестьянъ. «Московскія Вѣдомости» недоумѣваютъ, почему избранъ именно настоящій моментъ, чтобы провозгласить отмѣну статьи Парижскаго трактата. Мы объясняемъ, въ другомъ мѣстѣ, почему такого недоумѣнія намъ не встрѣчается и теперь. Столь же несомнѣнною кажется намъ необходимость безотлагательнаго провозглашенія крестьянской реформы въ остзейскомъ краѣ. Вотъ гдѣ принесло бы истинную, практическую пользу немедленное обнародованіе общихъ основаній, на которыхъ затѣмъ безповоротно осуществилась бы эта реформа. Одинъ изъ главныхъ факторовъ политики есть именно своевременность, и все искусство политики, въ сущности, не что иное, какъ умѣнье оцѣнять, насколько пригоденъ каждый моментъ къ осуществленію въ той или другой отрасли основной государственной мысли о благосостояніи большинства.

Можетъ случиться, что наши записные нѣмце-ненавистники и порицатели Пруссіи станутъ теперь въ забавное противорѣчіе съ нами. Вообще любопытно будетъ видѣть, какъ такіе органы, какъ «Голосъ», а за нимъ «Мосьовсковскія Вѣдомости», почтутъ теперь своей обязанностью «менажировать» Пруссію, въ томъ предположеніи, что отмѣна статьи Парижскаго трактата послѣдовала по соглашенію съ Пруссіей, и на основаніи союза съ нею. Быть можетъ, они теперь возьмутся усиленно защищать всѣ безъ исключенія нѣмецкіе интересы, столь же нелогично и вмѣстѣ непрошенно, какъ прежде нападали на стремленія Германіи. Быть можетъ, и остзейскихъ феодаловъ они теперь примутъ подъ покровительство если не активное, то пассивное, постановятъ себѣ замять ихъ дѣло на время, прикрыть ихъ молчаніемъ, дабы не смущать нашей союзницы Пруссіи. Очень можетъ случиться, что органы эти, въ глубинѣ своей государственной мудрости и со всѣмъ величіемъ своего дипломатическаго значенія, постановятъ на время «прекратить нападки на нѣмцевъ», и насъ же упрекнутъ въ противународной интригѣ за то, что мы, въ десятый разъ, неуклонно возвращаемся къ крестьянскому вопросу въ остзейскомъ краѣ. Но

намъ нѣтъ надобности служить обществу поворотомъ фронта и измѣненіемъ убѣжденій, а потому намъ остается только служить ему настойчивостью въ томъ же убѣжденіи.

Наше убѣжденіе было и всегда будетъ то, что дѣла въ остзейскомъ краѣ составляютъ вопросъ чисто *внутренній*. Никто, какъ Пруссія, въ *настоящее* время, не можетъ такъ оцѣнить высказанной нами истины. Пруссія противится теперь чужому вмѣшательству даже въ такое международное дѣло, какъ борьба ея съ Франціею и имѣющее произойти между ними къ выгодѣ Пруссіи новое разграниченіе. При такомъ положеніи, нѣтъ сомнѣнія, она не нашла бы и слова для «дружелюбнаго» совѣта по отношенію къ чистовнутреннимъ вопросамъ другихъ государствъ.

Вотъ потому, еслибы въ настоящую минуту были обнародованы общія основанія для дѣйствій коммиссіи изъ государственныхъ людей, которымъ былъ бы порученъ пересмотръ поземельныхъ отношеній въ балтійскомъ краѣ, то, мы увѣрены, такой шагъ, давно предвидимый самими нѣмцами, не удивилъ бы никого, а затѣмъ, когда въ самой балтійской окраинѣ былъ бы уже предоставленъ голосъ крестьянскому землевладѣнію, никто и не удивлялся бы, что порядки тамъ согласны съ волею всего народа, а не группы людей. Услыхавъ голосъ латышей и эстовъ на мірскихъ сходахъ, никто не могъ бы подвергать сомнѣнію, что́ именно было лучше для этого народа, и никто бы не могъ удивляться, что то, что лучше — и было сдѣлано; развѣ только мы сами стали бы удивляться одни, какъ такая реформа, общая государству, могла десятокъ лѣтъ не коснуться наиболѣе цивилизованной его окраины.

Но можетъ быть, по отношенію къ самимъ туземнымъ помѣщикамъ, неудобно рѣшать этотъ вопросъ теперь и лучше отложить его на будущее время, такъ, на «когда нибудь», какъ нерѣдко откладывается у насъ удовлетвореніе весьма существенныхъ потребностей? Вотъ это-то и есть самое вредное предположеніе, самое способное затормозить дѣло навсегда и поддержать застой до той поры, когда этотъ застой выльется въ такую каменную форму, изъ которой уже трудно будетъ найти исходъ. Вотъ почему всего нужнѣе усвоить себѣ истину, что безотлагательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ балтійскомъ краѣ не создастъ намъ никакого новаго затрудненія, и каждая отсрочка такого рѣшенія придастъ новое затрудненіе къ возможности надѣла.

Мы уже доказали эту истину по отношенію къ обстоятельствамъ внѣшнимъ: эти обстоятельства положительно говорятъ, что отсрочка не облегчитъ, а напротивъ, затруднитъ рѣшеніе. Тоже самое свидѣтельствуютъ и обстоятельства мѣстныя, внутреннія. Изъ нихъ здѣсь приходится принимать во вниманіе настроеніе среды нѣмецкаго земле-

владѣнія и положеніе нынѣшнихъ отношеній крестьянъ къ этому землевладѣнію. И то и другое, какъ мы сейчасъ увидимъ, свидѣтельствуетъ о вредѣ всякой нерѣшительности и отсрочки. И такъ, сперва о настроеніи мѣстныхъ помѣщиковъ.

Въ аугсбургской «Всеобщей газетѣ» по временамъ помѣщаются весьма обстоятельно написанныя «Балтійскія письма», которыхъ преимущество передъ обсужденіями того же предмета въ нѣкоторыхъ газетахъ прусскихъ состоитъ въ умѣренности ихъ автора, претендующаго даже на безпристрастіе. По поводу недавнихъ перемѣнъ въ личномъ составѣ высшаго управленія остзейскихъ губерній появилось одно такое письмо. Авторъ, разумѣется, смотритъ на все съ чисто-германской точки зрѣнія, и вотъ съ этой точки онъ видитъ въ дѣятельности бывшаго генералъ-губернатора ту «хорошую сторону», что онъ «сдѣлалъ менѣе вреда (германскому дѣлу, конечно), чѣмъ бы могъ». Таково именно, по отзыву автора, общественное мнѣніе о бывшемъ начальникѣ остзейскаго края. Самое увольненіе генерала Альбединскаго отъ должности генералъ-губернатора авторъ объясняетъ мнимымъ нерасположеніемъ его къ регулированію казенныхъ имѣній, въ томъ видѣ, какъ его ведетъ министерство государственныхъ имуществъ.

Къ этому регулированію мы сейчасъ возвратимся, но сперва кончимъ замѣтку о курьезныхъ свойствахъ настроенія мѣстной помѣщичьей среды: казалось бы, въ смѣнѣ начальника края, если онъ былъ таковъ, какимъ, повидимому, считало его мѣстное общественное мнѣніе, съ германской точки зрѣнія слѣдовало бы видѣть побѣду мнимой «ультрарусской партіи» (каковой *партіи* вовсе нѣтъ, ибо двѣ *газеты*, одна у другой перепечатывающія, и часто одна другой противорѣчащія, не составляютъ же въ самомъ дѣлѣ партію) и опасность для германскаго дѣла. Между тѣмъ, это вовсе не такъ, и въ замѣнѣ генерала Альбединскаго другимъ начальникомъ, принадлежавшимъ къ главному виленскому управленію, авторъ видитъ, напротивъ, неуспѣхъ для дѣла объединенія. Какимъ же образомъ объясняется такое противорѣчіе? Очень просто: оно объясняется тѣмъ, что перемѣна начальника, какъ всякая отсрочка, неблагопріятна для дѣла объединенія. Но авторъ объясняетъ дѣло иначе; онъ видитъ неуспѣхъ для «ультрарусской партіи» въ томъ собственно, что новый генералъ-губернаторъ и новый эстляндскій губернаторъ *не принадлежатъ* къ этой партіи. Авторъ не такъ простъ, чтобы выражать радость по поводу отсрочки реформъ; напротивъ, онъ изъявляетъ по этому поводу сожалѣніе. Но такъ какъ самъ же онъ призналъ сперва генерала Альбединскаго противникомъ того, что̀ онъ называетъ руссификаціею, т. е. собственно рѣшеніе поземельнаго вопроса, и даже желаніе его удалиться приписалъ тому, что ему будто бы сверху портили все управленіе (въ

смыслѣ руссификаціонномъ), то ясно, что и генерала Альбединскаго онъ не можетъ считать принадлежащимъ къ «ультрарусской партіи». Да и вообще, развѣ государственные люди въ Россіи *принадлежатъ* къ партіямъ? Охарактеризовать ихъ, конечно, можно бы весьма различно, замѣтивъ въ томъ и другомъ склонность къ такой или другой мысли. Но если, при всѣхъ такихъ, отчасти случайныхъ, отчасти даже только разговорныхъ различіяхъ, въ характеристикѣ ихъ будетъ хоть одна общая черта, такъ именно будетъ та черта, всѣмъ имъ общая, что ни къ какимъ партіямъ они не принадлежатъ.

Гораздо понятнѣе было бы, еслибы авторъ радовался не назначенію новаго лица изъ той или иной мнимой партіи, а просто тому, что новое лицо означаетъ неизбѣжную отсрочку: «Новому генералъ-губернатору—говоритъ авторъ—потребуется еще время, чтобы оріентироваться здѣсь, уяснить себѣ положеніе дѣлъ. Если онъ смотритъ на свою задачу серьезно, то онъ неиначе, какъ медленно, будетъ выступать съ преобразованіями—и это печальная необходимость. Вотъ уже четыре раза начальникамъ приходилось освоиваться съ матеріалами, собранными ихъ предшественниками, четыре раза за-ново начиналось изученіе балтійскихъ обстоятельствъ, и четыре раза безплодно, ибо каждый разъ прерывалось отозваніемъ генералъ-губернатора». Между тѣмъ, реформы городская и судебная, по отзыву самого автора, крайне нужны, но только не въ томъ видѣ, какъ ихъ хотятъ дать остзейскому краю «министры». Въ этомъ же видѣ «онѣ могутъ сдѣлаться худшимъ зломъ, чѣмъ нынѣшнее положеніе дѣлъ». Вотъ въ этомъ-то и сила. Нужны, говорятъ, реформы выработанныя тѣми мѣстными интересами, которымъ уже присвоенъ голосъ; если же это реформы общія имперіи, тогда—лучше ихъ совсѣмъ не надо.

Интересно бы однако знать искреннее мнѣніе самого автора, къ чему же, наконецъ, можетъ привести такое положеніе дѣлъ, при которомъ мѣстное законодательное отправленіе невозможно, а примѣненіе общаго — нежелательно, и чѣмъ далѣе отсрочивается, тѣмъ лучше; то положеніе дѣлъ, при которомъ, противъ примѣненія къ этому краю реформъ общихъ имперіи возражаютъ тѣмъ, что «этотъ вопросъ въ настоящее время разсматривается на мѣстѣ», а мѣстное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ начнется теперь въ пятый разъ?

Спрашивается, кто выигрываетъ отъ нерѣшительности, отъ медлительности? Ужъ никакъ не крестьяне, конечно. Но и само-то меньшинство, которому всего дороже особность края и собственное въ немъ преобладаніе, одною нерѣшительностью мы, конечно, удовлетворить не можемъ. Оно будетъ, разумѣется, радоваться каждой отсрочкѣ, но оно никогда не удовлетворится отсрочками. Здѣсь надо или сдѣлать главное — рѣшить крестьянскій вопросъ, или не дѣлать ничего, сознательно рѣшиться впередъ—ничего не дѣлать.

Но возможно ли принять такое рѣшеніе, осуждающее все балтійское крестьянство? Правда, тотъ же авторъ въ настоящее время утѣшаетъ себя мыслью, что «дни Вёрта, Гравелотта и Седана возвратили русскому правительству то самосознаніе (?!), которое можетъ противопоставить требованіямъ ультраславянской партіи западноевропейскіе (?) государственные принципы». Но эту фразу мы относимъ просто къ горячности, навѣянной на автора не западноевропейскими принципами, а одними военными событіями. Вёртъ лежитъ во Франціи, а балтійскіе крестьяне живутъ въ Россіи.

Въ этомъ дѣлѣ слишкомъ громко говоритъ справедливость, слишкомъ громко говоритъ и несомнѣнная политическая необходимость. Необходимо, чтобы въ балтійскомъ краѣ крестьяне не были лишены того, что̀ получили ихъ братья во всей имперіи; необходимо, чтобы въ этомъ краѣ имѣло голосъ не одно недовольное меньшинство, но большинство, которое *можно* сдѣлать *довольнымъ*, не только не отрекаясь отъ справедливости, но именно удовлетворивъ его требованія.

Что въ остзейскомъ краѣ есть меньшинство недовольное, и что недовольства этого мы устранить не могли бы иначе, какъ совершенно отрекшись и отъ требованій справедливости, и отъ здравыхъ политическихъ принциповъ,—не подлежитъ никакому сомнѣнію. *Каждое* извѣстіе изъ остзейскаго края, какимъ бы путемъ оно ни дошло до насъ, или до кого бы то ни было, свидѣтельствуетъ объ этомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ русскія корреспонденціи, это удостовѣряютъ всѣ корреспонденціи въ газетахъ нѣмецкихъ. И та статья, на которую мы ссылались, говоритъ объ «угрожающемъ надѣлѣ крестьянъ землею изъ казенныхъ имѣній». Если обратимся къ другимъ источникамъ, найдемъ тоже самое.

Въ числѣ представленныхъ въ нынѣшнемъ году англійской палатѣ общинъ такъ-называемыхъ «синихъ книгъ», есть одна, содержащая въ себѣ донесенія англійскихъ посланниковъ и консуловъ по вопросу объ устройствѣ поземельныхъ отношеній въ разныхъ странахъ Европы, и въ ней мы находимъ донесеніе великобританскаго консула въ Ригѣ, отъ 3-го января текущаго года, съ приложеніями, въ которыхъ нѣсколько разъ высказывается, что остзейскіе «помѣщики весьма недовольны *настоящимъ положеніемъ дѣлъ*, а еще болѣе предвидѣніемъ новыхъ перемѣнъ, до тѣхъ поръ, *пока крестьяне сохранятъ* неопредѣленную мысль, что когда-нибудь, въ будущемъ, русское правительство *дастъ имъ землю*. Многіе изъ нихъ вслѣдствіе того воздерживаются отъ покупки земли».

Великобританскій посолъ въ Петербургѣ, сэръ Андрью Бокананъ, пересылая записку рижскаго консула, при депешѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ, отъ 6-го января 1870 года, доноситъ своему прави-

тельству, «что частыя ссылки г. Гриньйона (консула) на опасеніе помѣщиковъ и на надежду крестьянъ, что *собственность* первыхъ можетъ быть передана (transferred) послѣднимъ посредствомъ императорскаго декрета, относятся къ желанію *ультра-русской* или національной партіи ввесть въ балтійскія провинціи поземельный законъ, подобный тому, который дѣйствуетъ въ Россіи и былъ описанъ (сэромъ Андрью) прежде».

Если бы мы могли предполагать, что почтенный баронетъ получаетъ свѣдѣнія о заявленіяхъ русской печати, то мы постарались бы разувѣрить его въ такомъ предубѣжденіи. Рѣчь идетъ не объ отнятіи собственности у балтійскихъ помѣщиковъ. И не «ультра-русская партія», которая серьезно вовсе не существуетъ, а *все общественное мнѣніе Россіи* желаетъ сравненія остзейскихъ крестьянъ съ ихъ братьями во всей имперіи. Это—желаніе той самой «партіи», которая желала освобожденія крестьянъ въ Россіи и съ восторгомъ приняла державное рѣшеніе о надѣлѣ ихъ землею. Ультра-русская партія въ то время еще и не сочинила самоё себя.

«*Пока*—крестьяне сохраняютъ мысль о надѣлѣ», говоритъ англійскій консулъ въ Ригѣ. И въ самомъ дѣлѣ, долго ли они еще сохранятъ мысль о своемъ равномъ правѣ съ русскими крестьянами, когда вотъ прошло девять лѣтъ и для нихъ еще ничего не сдѣлано, не слышно даже, чтобы что-нибудь предпринималось. А между тѣмъ помѣщики все-таки крайне недовольны своимъ положеніемъ, пока самая мысль о чемъ-либо иномъ не будетъ истреблена въ ихъ крестьянахъ. И на что же они жалуются? На регулированіе казенныхъ имѣній, то-есть на мѣру, ничтожную въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано въ имперіи. На то, что указъ 10-го марта 1868 года утвердилъ за *казенными* крестьянами наслѣдственное владѣніе участками, опредѣлилъ общую сумму оброка казенныхъ крестьянъ по каждой губерніи, и что при происходящемъ нынѣ разграниченіи крестьянскихъ земель отъ казенныхъ экономическихъ, изъ послѣднихъ отдѣляется нѣкоторый участокъ на обезпеченіе православнаго сельскаго духовенства тамъ, гдѣ такой участокъ отдѣлить можно, и небольшіе участки для безземельныхъ православныхъ крестьянъ, чтобы дать имъ возможность жить ближе къ своему приходу, къ своей церкви. Вотъ и все!

Кажется, казна не нарушаетъ уже ни чьихъ интересовъ, распоряжаясь такъ или иначе своими собственными мелкими участками. Но и это производитъ неудовольствіе: примѣръ, говорятъ, нехорошій, вредный и соблазнительный для крестьянъ, принадлежащихъ остзейскимъ баронамъ.

«Многіе крестьяне, вслѣдствіе своей надежды, воздерживаются отъ покупки земель», говоритъ англійскій консулъ, повторяя то, что ему наговорено мѣстными помѣщиками, и удостовѣряя при этомъ, что онъ

самъ не могъ составить себѣ собственно мнѣнія, ибо лично незнакомъ съ этимъ дѣломъ. Но еслибы уважаемый консулъ имѣлъ время поѣздить по крестьянскимъ усадьбамъ, то онъ понялъ бы, откуда происходятъ слышанныя имъ жалобы помѣщиковъ на то, что крестьяне не хотятъ покупать земли. Дѣло въ томъ, что именно подъ вліяніемъ много разъ помянутаго опасенія надѣла, остзейскіе помѣщики торопятся въ настоящее время продать крестьянамъ какъ можно больше земли. Что разъ продано, тѣмъ уже надѣлять-молъ нельзя! И продаютъ они по высокой цѣнѣ, привлекая крестьянъ къ покупкѣ тѣмъ, что требуютъ незначительныхъ взносовъ впередъ. И затѣмъ, когда крестьянинъ, купивъ землю, почувствуетъ на себѣ всю невыносимую тягость уплаты податей, процентовъ и погашенія, тогда онъ оказывается неисправнымъ и входитъ въ настоящую и уже безповоротную кабалу у помѣщика. А мы спокойно смотримъ на то, какъ не только не приготовляется надѣла, но и принимаются продажей имѣній дѣятельныя мѣры къ предупрежденію самой его *возможности* въ будущее время.

И что же мы отъ этого выигрываемъ? Благодарность за наше бездѣйствіе? Нисколько; недовольство все-таки существуетъ, какъ то единогласно свидѣтельствуется показаніями изъ всѣхъ источниковъ, и даже удостовѣрено въ настоящее время оффиціальною перепиской представителей иностраннаго государства.

И тотъ же нѣмецкій авторъ, котораго мы цитировали выше, хотя и объясняетъ и перемѣну мѣстныхъ властей, и даже назначеніе новаго начальника главнаго управленія по дѣламъ русской печати «возвращеніемъ самосознанія въ виду дней при Вёртѣ и Седанѣ», но нисколько не опровергаетъ недовольства; говоря же о томъ, что будто бы рѣшено усилить строгость надзора за печатью, онъ самъ не одобряетъ такого предположенія, но утѣшаетъ себя мыслью, что для нѣмецкой прессы въ Россіи хуже ужъ не будетъ, а если будетъ хуже, то только для печати русской или «ультра-патріотической».

Предположеніе, что дни при Вёртѣ и Седанѣ могли оказать какое-либо вліяніе на наше правительство по отношенію къ участи крестьянъ въ Россіи и къ положенію русской печати, мы отвергли бы съ негодованіемъ, еслибы оно не было смѣшно и нелѣпо по самой своей нелогичности. Но каковы тѣ отношенія, при которыхъ въ одной мѣстности государства кто-либо можетъ утѣшать себя, что для насъ-молъ теперь хуже не будетъ, а если будетъ хуже, такъ для васъ! Такія истинно ненормальныя отношенія создаетъ и поддерживаетъ *привилегія*, потому что только безъ *привилегіи* на чьей-либо сторонѣ, интересы всѣхъ гражданъ во всемъ государствѣ солидарны.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го декабря, 1870 г.

Парижскій трактатъ и его саморазложеніе.

Съ той самой поры, какъ Петръ Великій ввелъ Россію въ кругъ западныхъ державъ, далъ ей роль въ международномъ европейскомъ обществѣ, внѣшняя сторона ея роли въ этомъ обществѣ всегда была блестящая. Это былъ почти непрерывный рядъ внѣшнихъ побѣдъ и завоеваній, которымъ, къ сожалѣнію—должно сознаться, далеко не соотвѣтствовали въ то время наши успѣхи на поприщѣ умственной и гражданской жизни. Но тѣмъ не менѣе, даже внутреннія потрясенія, какимъ подвергалась Россія, не ослабляли ея внѣшняго дѣйствія, какъ то доказывали побѣды Миниха при Аннѣ Іоанновнѣ. Россія цѣлыхъ полтора столѣтія постоянно расширяла свои предѣлы, принимала постоянное и весьма вліятельное участіе во всѣхъ европейскихъ международныхъ вопросахъ. Она участвовала въ войнѣ за польское престолонаслѣдіе, участвовала въ Семилѣтней войнѣ, являлась посредницею между германскою имперіею и Пруссіею; войска ея ходили на защиту Нидерландовъ и Италіи противъ войскъ первой французской республики, а затѣмъ она вела колоссальную борьбу съ первымъ французскимъ императоромъ за независимость всей Европы, оказывала главное вліяніе на заключеніе трактатовъ, положившихъ начало новому территоріальному распредѣленію въ Европѣ; наконецъ, ставъ на высоту авторитета, даннаго ей этими великими событіями, она еще недавно почти тридцать лѣтъ держала подъ своимъ преобладаніемъ сперва Пруссію и часть Германіи, а потомъ и Австрію. Такова была карьера Россіи, введенной въ европейское общество; и такъ какъ во все продолженіе этой карьеры она, несмотря на участіе свое въ большей части войнъ, не была побѣждена окончательно ни разу, не была лишена возможности продолжать войну, еслибъ захотѣла, то въ Европѣ возникло убѣжденіе въ великой устойчивости Россіи, между

тѣмъ, какъ огромныя наши завоеванія свидѣтельствовали объ устойчивости не только физической, но и о дальновидности и настойчивости государственной мысли въ Петербургѣ.

Озабоченные и такимъ возрастаніемъ и такой непоколебимостью Россіи въ установленіи и укрѣпленіи ея могущества, даже преобладанія въ Европѣ, политическіе люди Запада ознаменовали начало второй половины текущаго вѣка военнымъ союзомъ, который имѣлъ цѣлью положить навсегда преграду такому угрожающему росту Россіи. Но цѣль эта не была достигнута Парижскимъ трактатомъ (18) 30 марта 1856 года: Россія, правда, не дѣлала съ этого времени внѣшнихъ завоеваній, но за то одержала значительныя внутреннія побѣды надъ врагомъ нашихъ успѣховъ на поприщѣ умственной и общественной жизни.

Объяснимъ нашу мысль. Всякій трактатъ есть не что иное, какъ видоизмѣненіе или отмѣна прежняго трактата; стало быть, въ самомъ происхожденіи его заключается зерно его непрочности, какъ только онъ перестанетъ соотвѣтствовать фактамъ, реальному положенію дѣлъ, изъ котораго онъ нѣкогда вышелъ. Но трактатъ 1856 года носилъ на себѣ еще спеціальный характеръ непрочности, потому что самъ возникъ изъ такихъ факторовъ, которые были и случайны и неполны, а потому и недоказательны. Случайными факторами въ томъ положеніи дѣлъ, изъ котораго онъ возникъ, и на которомъ онъ основался, были слѣдующіе.

Франція, которой силы составили рѣшающій моментъ въ этомъ положеніи, *не сама* въ то время распоряжалась своими силами. Ставъ за два года передъ тѣмъ жертвою человѣка, который закабалилъ ея силы на служеніе личнымъ своимъ цѣлямъ, она вела эту войну не по своей волѣ; никогда восточная война не считалась во Франціи національною, хотя побѣды льстили самолюбію этой тщеславнѣйшей изъ націй; и въ свое время всѣ во Франціи были убѣждены, что не будь Наполеона III, съ его личною заботою объ отмѣнѣ трактатовъ 1815 года, Франція не несла бы огромныхъ жертвъ крымской войны на пользу Англіи. Такъ именно понимали это дѣло тогда во Франціи, да и въ самой Англіи преобладало въ обществѣ мнѣніе, что третій Наполеонъ былъ нѣчто въ родѣ агента, посаженнаго въ Тюлльери Пальмерстономъ. Нѣтъ рѣшительно никакого основанія думать, что Франція, при иныхъ обстоятельствахъ, не ставъ сама жертвою наглаго захвата, стала бы вести ту войну, которой результатомъ былъ трактатъ 1856 года; да и независимо отъ того факта, что въ настоящее время Франція не въ состояніи поддержать этотъ трактатъ, нѣтъ никакого основанія полагать, что она впослѣдствіи, ставъ снова самостоятельною великою державой, рѣшилась бы на войну для поддержанія Парижскаго трактата.

Участіе въ войнѣ и въ трактатѣ Сардиніи было случайно до такой степени, что мысль, руководившая имъ, не имѣла даже ничего общаго съ цѣлью другихъ государствъ, ничего общаго съ какимъ либо ограниченіемъ Россіи. Сардинскія войска въ Крыму сражались за будущность Италіи и хотя они бились на дѣлѣ съ русскими солдатами, но по намѣренію—сражались съ нейтральными и даже благопріятствовавшими союзникамъ, австрійцами. Сардинія въ то время выслуживалась, для того, чтобы Кавуръ и Вилламарина могли войти въ конгрессъ 1856 года и заговорить на немъ объ Италіи. Голосъ Сардиніи перешелъ къ Италіи, и вотъ членъ прежней коалиціи противъ Россіи совершенно естественно представилъ теперь первое затрудненіе къ коалиціи въ томъ же родѣ: Италіи, получившей Римъ, не безъ нарушенія сентябрьской конвенціи, и также самовольнаго, вовсе не нужна вторая крымская война.

Участіе Пруссіи въ томъ положеніи, изъ котораго истекъ трактатъ 1856 года, также было случайное, а не основанное на прочномъ ея интересѣ. Правда, она въ то время не стала на сторону Россіи и даже участвовала съ Австріею въ посредничествѣ, которое повело къ принятію русскимъ правительствомъ предварительныхъ условій будущаго трактата. Но тогдашнее положеніе Пруссіи было ненормальное. Послѣ своихъ неудачныхъ попытокъ къ освобожденію эльбскихъ герцогствъ и полнаго пораженія своихъ видовъ къ преобразованію германскаго союза, берлинскій кабинетъ, «загнанный» съ двухъ сторонъ за свой конституціонализмъ, униженный Австріею, съ согласія Россіи, до того, что его же войска, вступившія-было для защиты Кургессена, выступали оттуда въ самомъ виду австрійцевъ, пришедшихъ для экзекуціи, принужденный отрекаться отъ задушевныхъ своихъ идей и очевиднаго своего призванія, задавленный въ мнѣніи германскаго народа тѣмъ униженіемъ, какое наложило на него Австрія въ Ольмюцѣ,— прусскій кабинетъ *не былъ воленъ* дѣйствовать такъ или иначе. Ему предстоялъ только тотъ выборъ, какой имѣютъ слабые, неувѣренные въ себѣ — идти за тѣмъ или за другимъ, послушаться или Австріи или Россіи. Не легокъ былъ и этотъ выборъ для того кабинета, который Австрія и Россія въ теченіи трехъ лѣтъ предъ тѣмъ такъ дружно и усиленно учили слушаться ихъ обѣихъ вмѣстѣ.

Находясь въ такомъ положеніи, прусское правительство остановилось на томъ, что требовало менѣе энергіи, представляло меньшее усиліе, то-есть предпочло ничего не сдѣлать. Стать на сторону Россіи значило — война; стать на сторону Австріи значило—только нейтральность, то-есть бездѣйствіе. Выборъ не могъ быть сомнителенъ для правительства слабаго и униженнаго обѣими сторонами. Униженіе, ограниченіе Россіи на Черномъ морѣ вовсе не представляло интереса Пруссіи; но, спрашивается,—была ли серьезная возможность ожи-

дать, чтобы Пруссія, при *тогдашнихъ* обстоятельствахъ, пошла на войну за Россію? Никогда Россія не была такъ непопулярна въ прусскомъ обществѣ, какъ именно тогда, и это по причинамъ, которыя легко припомнить по любому памятнику того времени, хотя бы напр. по запискамъ Фарнгагена.

Впослѣдствіи, когда палъ Севастополь, Пруссія, въ началѣ 1856 года, правда, поддерживала представленія, сдѣланныя въ Петербургѣ Австріею. Но надо вспомнить, какая это была пора, чтобы убѣдиться, что Пруссія могла въ то время серьезно склонять Россію къ заключенію мира, и не переставая быть ея союзницею. Въ самомъ дѣлѣ, та пора была кризисомъ, который могъ или закрыться миромъ, или перенесть войну, въ которой приняла бы участіе Австрія, на другія окраины Россіи. Первый эпизодъ огромной войны Запада противъ Россіи въ то время кончился паденіемъ Севастополя. Представлялась возможность заключить миръ на основаніи простой локализаціи военныхъ успѣховъ союзниковъ на берегу Чернаго моря и на Аландскихъ островахъ. Но еслибы Россія, въ то время, мира не заключила, то дальнѣйшіе эпизоды войны, съ участіемъ Австріи, придали бы этой войнѣ совсѣмъ новое значеніе, и повели бы союзниковъ къ новымъ цѣлямъ, неотносящимся уже прямо къ восточному вопросу. Средства Россіи и въ то время не были истощены, это правда; но ей предстояло или покориться потерѣ, хотя и чувствительной, но не уменьшавшей силъ Россіи по отношенію къ Западу; или же рѣшиться на ставку quitte ou double, въ надеждѣ взять назадъ прежній проигрышъ, но въ тоже время рискуя подвергнуть опасности уже не южную только, а именно западную свою границу, рискуя видѣть вступленіе австрійскихъ войскъ въ юго-западныя провинціи и англо-французскую высадку въ Либавѣ. Кто могъ предсказать, какъ разрослись бы виды союзниковъ при такомъ перенесеніи театра войны и расширеніи военныхъ дѣйствій? какое вознагражденіе могла бы имѣть въ виду Австрія, и насколько ослабъ бы въ совѣтѣ союзниковъ голосъ Англіи, когда кабинеты тюльерійскій и вѣнскій возымѣли бы мысль о территоріальныхъ вознагражденіяхъ, и быть можетъ о рѣшеніи въ то уже время итальянскаго вопроса, но не на счетъ Австріи, а съ вознагражденіемъ Австріи на счетъ Россіи?

Такой рискъ не могъ не пугать и Пруссію, для которой подобная перспектива должна была представляться весьма нежелательною. Что же было дѣлать ей въ виду такихъ весьма близкихъ возможностей. Стать съ оружіемъ въ рукахъ на сторону Россіи? — но это еще болѣе расширило бы поле войны, и требовало употребленія всѣхъ силъ Пруссіи къ дѣлу, по началу своему совершенно ей чуждому, и при тогдашнихъ обстоятельствахъ далеко не популярному въ прусскомъ обществѣ. Можно ли удивляться, что она предпочла совѣтовать Россіи

прекратить войну на основаніи факта мѣстнаго, частнаго пораженія, чѣмъ соединиться съ нею въ новой, громадной войнѣ, совершенно чуждой интересамъ Германіи и предѣловъ которой нельзя было бы и предвидѣть? Тѣ, кто въ настоящее время винить Пруссію за то, что она рѣшила этотъ вопросъ въ пользу мира, хотя и невыгоднаго Россіи, должны быть готовы утверждать, что самой Россіи не слѣдовало въ то время желать мира, хотя бы и съ тѣми пожертвованіями, которыхъ отъ нея требовали.

Пожертвованія эти были тяжки, нѣтъ спору. Но мы утверждаемъ, что даже тогдашнее общественное мнѣніе Россіи, еще болѣе склонное судить о положеніи дѣлъ исключительно по чувству, чѣмъ нынѣшнее, и оно было относительно удовлетворено Парижскимъ миромъ, при всей его тягости. А въ настоящее время, оглядываясь на четырнадцать лѣтъ, истекшихъ съ той поры, мы не можемъ не оцѣнить вполнѣ, какъ благодѣтельно было для Россіи рѣшеніе прекратить войну, хотя и цѣною тяжелыхъ жертвъ.

Люди, привыкшіе эксплуатировать всякое преувеличеніе именно чувства, редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» могутъ теперь винить въ «неблагодарности» за ея тогдашній образъ дѣйствій Пруссію, «обязанную намъ самымъ своимъ существованіемъ». Но отсюда, во-первыхъ, все-таки не выходитъ практическаго примѣненія къ настоящимъ нашимъ отношеніямъ къ Пруссіи; а во-вторыхъ, если ужъ допускать наивныя разсужденія о благодарности и неблагодарности въ международныхъ отношеніяхъ, то окажется, что и повода-то къ благодарности намъ Пруссія въ то время особеннаго не имѣла. Не мы ли, вмѣстѣ съ Австріею, тяготѣли надъ берлинскимъ кабинетомъ и уронили его значеніе въ Германіи и Европѣ? Всѣ начинанія Пруссіи, какъ въ пользу внутренняго ея развитія, такъ и для осуществленія унитарнаго стремленія Германіи, не мы ли, вмѣстѣ съ Австріею, осуждали и помогали заглушить? При первой попыткѣ Пруссіи къ освобожденію голштинцевъ, на Балтійскомъ морѣ явилась наша военная эскадра. Послѣ этого, должно ли было сохранять увѣренность, что, при появленіи на томъ же морѣ флота англо-французскаго, Пруссія непремѣнно пошлетъ всѣ свои силы для поддержки нашего завоевательнаго, весьма и для нея самой въ то время чувствительнаго величія?

Да и возможно ли было ожидать не только такого, но и всякаго рѣшительнаго шага отъ кабинета, запуганнаго, пріученнаго къ робости передъ союзниками? Пруссія оставалась нейтральною, пока Австрія не заставила ее пойти далѣе и заключить трактатъ съ собою, насчетъ общихъ понудительныхъ противъ Россіи дѣйствій. Соглашаясь на это, Пруссія опять предпочитала то, что было дальше, что требовало менѣе энергіи. Этотъ трактатъ еще только могъ повести

къ демонстраціямъ. Стать же на сторону Россіи значило немедленно вступить въ войну съ Европою. Пруссія этого не могла сдѣлать, потому что это было противно интересамъ Германіи, и странно было ожидать отъ нея этого. Но не надо забывать, что въ дѣйствительности нейтралитетъ ея былъ нейтралитетъ намъ *благопріятный*. Когда вспоминаютъ о поддержкѣ Пруссіею представленій Австріи послѣ паденія Севастополя и разсчитываютъ, что̀ бы мы еще могли сдѣлать въ то время, если бы Пруссія воспротивилась коалиціи, то пусть вспомнятъ также, что всѣ ружья, сѣру и порохъ, которыхъ у насъ не было заготовлено своевременно, мы получали втеченіи войны черезъ Пруссію съ явнаго допущенія ея правительства, и пусть сообразятъ, что̀ могли бы мы сдѣлать съ самаго начала, если бы она такой помощи намъ не предоставила? Эта помощь Пруссіи была для насъ такъ важна, что нельзя даже сказать, что Пруссія оставалась дѣйствительно нейтральною. Упрекать же ее за то, что она тогда оказала намъ помощь только пассивнымъ образомъ, хотя весьма дѣйствительную по сущности, особенно нелогично со стороны тѣхъ, кто въ тоже время убѣжденъ, что Россія оказала теперь громадную помощь Пруссіи тѣмъ только, что не нанесла ей удара въ тылъ.

Никто, конечно, не скажетъ, что причины, обусловившія тогдашній образъ дѣйствій Пруссіи, не были именно случайныя и временныя. Въ настоящее время берлинскій кабинетъ не ощущаетъ робости ни передъ Австріею, ни передъ Россіею. Онъ можетъ открыто стать на сторону своего союзника, не опасаясь ни враговъ, ни самого этого союзника, какъ было прежде. Наконецъ, объединеніе Германіи уже почти достигнуто.

Этимъ мы не хотимъ сказать, что между Пруссіею и Россіею не можетъ быть никогда никакихъ разногласій. Мы уясняемъ только всю временность и случайность тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ истекъ и на которыхъ основался трактатъ 1856 года. Мы уже указали на нѣкоторые изъ этихъ случайныхъ и неполныхъ, а потому бездоказательныхъ фактовъ, которые и внесли въ основавшійся на нихъ трактатъ 1856 года зерно будущаго его саморазложенія.

Но и самый главный, основной фактъ этого трактата—фактъ пораженія Россіи, былъ въ сущности точно также случаенъ, временен и бездоказателенъ, какъ прочіе.

Извѣстно, что Россія была вовсе не приготовлена къ той войнѣ. У нея не было сдѣлано никакихъ запасовъ; не было ни пороха, ни сѣры. Ружья были ударныя, но не нарѣзныя. Въ кавказскихъ войскахъ и въ ополченіи частью служили даже ружья *кремневыя*. Запасы продовольствія приходилось образовывать вездѣ наново. Не было сдѣлано своевременно иностраннаго займа, а потому средства на войну пришлось добывать, главнымъ образомъ, изъ наличныхъ запасовъ своего

же народа, истощая ихъ путемъ огромнаго выпуска ассигнацій. Мало того—самъ Севастополь не былъ укрѣпленъ для защиты отъ дессанта, и если бы не геній Тотлебена, то война, по всей вѣроятности, и не сосредоточилась бы на Севастополѣ, который повторилъ въ нашей исторіи геройскій примѣръ Пскова, а потомъ Смоленска.

Напоминать ли о томъ временномъ фактѣ нашего пораженія, который представлялся тогдашними нравственными условіями въ Россіи, тогдашними отношеніями между административнымъ авторитетомъ и тайною, запуганною мыслью общества? Вспомнимъ, что тогдашнее общество не имѣло передъ собою отрадной перспективы ни въ какую сторону: оно могло ожидать только или горести пораженія, или побѣдоноснаго отраженія враговъ, но вмѣстѣ и усугубленія своего нравственнаго бремени. Никто, конечно, не могъ желать пораженія Россіи, но не было въ обществѣ той силы, которая одна дѣлаетъ правителей почти непобѣдимыми.

Наша неприготовленность въ матеріальномъ отношеніи и отсутствіе у насъ въ то время нравственной общественной силы могли дать Европѣ ту мысль, что средства Россіи были издавна преувеличены, что Россія вовсе не могущественный колоссъ, а скорѣе призракъ, преувеличенный преданіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, нѣчто въ родѣ этого мнѣнія было главнымъ результатомъ восточной войны для Европы. Фактъ такого европейскаго убѣжденія о Россіи и вошелъ въ трактатъ 1856 года: въ него включили одно только *униженіе* Россіи, запретивъ ей свободу дѣйствія на ея собственныхъ берегахъ и на морѣ, омывающемъ эти берега, а болѣе серьезныхъ гарантій отъ нея, какъ отъ призрака, и не потребовали.

Но та Россія, которой такое униженіе соотвѣтствовало, та Россія неприготовленная матеріально, безсильная въ общественной мысли, Россія не только безъ пороха и свинца, и безъ желѣзныхъ дорогъ, но и безъ воли для трети своего населенія, безъ свободы мысли для всего населенія, безъ права сказать хоть одно независимое слово въ печати — та Россія была Россія случайная. Той Россіи, угрожавшей Европѣ, нѣтъ! и трактатъ 1856 года въ томъ именно пунктѣ, гдѣ было записано наше горькое *униженіе*, лишился всей основы и самъ въ свою очередь сталъ призракомъ.

Оспариваетъ ли это кто либо? Никто, ни графъ Гренвилль, ни баронъ Бейстъ не оспариваютъ, что Парижскій трактатъ въ самомъ дѣлѣ подлежалъ бы пересмотру.

Была ли у насъ нравственная обязанность уважать униженіе, которое мы переросли? Нѣтъ, мы скорѣе нравственно обязаны были не просить позволенія о снятіи съ насъ униженія, а протестовать противъ него простымъ его отрицаніемъ. Просроченные векселя рвутъ. Объявивъ сами ту пресловутую статью трактата уничтоженною, мы

не только *отмѣтим* униженіе, которое не соотвѣтствуетъ фактамъ, нѣтъ, именно, поступивъ такимъ образомъ, мы его *изгладим*.

Говоря такимъ образомъ, не исходимъ ли мы изъ той точки зрѣнія, на которой выше всѣхъ соображеній кажется народное тщеславіе, и стоя на которой, надо безпрестанно касаться рукою эфеса шпаги, а о патріотизмѣ нельзя и говорить иначе, какъ указывая на оную? Вовсе нѣтъ. Мы собственно держимся фактовъ, а не чувствъ. Мы говоримъ: политическіе люди Запада трактатомъ 1856 года хотѣли положить преграду угрожающему возрастанію Россіи; такая цѣль однимъ трактатомъ достигнута быть не могла, потому что трактатъ этотъ основался на фактахъ въ значительной степени случайныхъ, стало быть не вѣрныхъ и къ повторенію въ будущемъ ненадежныхъ. Случайность и временность фактовъ, на которыхъ основался трактатъ 1856 г., мы уже видѣли. Но, самая цѣль трактата—то-есть, прекращеніе угрожающаго возрастанія завоевательной Россіи, была достигнута инымъ, болѣе вѣрнымъ путемъ, съ болѣе прочными залогами, и не только безъ униженія для Россіи, но къ ея истинному добру.

Наши реформы, наше внутреннее развитіе, вся наша работа, предпринятая втеченіи двѣнадцати лѣтъ и все еще возрастающая предъ нами, положила конецъ завоевательному періоду нашей исторіи. Такія двѣ работы рядомъ идти не могутъ. Вотъ гдѣ политическіе люди Запада могутъ найти залогъ болѣе прочный, чѣмъ въ 13 и 14 статьяхъ Парижскаго трактата, котораго статьи 11 и 22 нарушены ими же.

Именно потому, что нынѣшняя Россія не есть Россія прежняя, завоевательная, противъ которой сдѣланы были 13 и 14 статьи, Европа и не можетъ видѣть въ отмѣнѣ ихъ угрозы себѣ, а въ поддержаніи ихъ — необходимость. Съ другой стороны, видя передъ собой Россію не прежнюю, а новую,—политическіе люди Запада едва ли найдутъ въ поддержаніи ихъ не только необходимость, но и возможность. Если мы и не «free Russia», какъ назвалъ насъ извѣстный англійскій писатель, то во всякомъ случаѣ всѣ знаютъ, что правительство и общество одинаково желаютъ, чтобы Россія сдѣлалась страною общеевропейскихъ учрежденій; правительство ведетъ ее къ тому, общество сознательно идетъ къ тому же. Этотъ фактъ единодушія, и въ такой мысли—вотъ капитальный фактъ различія Россіи 1870 года съ Россіею, предпринявшею восточную войну.

Въ октябрьской нашей хроникѣ было уже говорено о своевременности отмѣны тѣхъ условій трактата, которыя мы сами противопоставляли втеченіи четырнадцати лѣтъ удовлетворенію своей существенной потребности. Необходимо было обезпечить наши берега и нашу торговлю на Черномъ морѣ. Этого требовало и достоинство Россіи, и этого не можетъ отрицать никто. Никто этого и не отрицаетъ, даже лордъ Гренвилль и г. Бейстъ. Весь вопросъ, стало быть, сводится къ *формѣ*. Но, если

наша форма отмѣны кому либо показалась *безцеремонною* относительно уваженія къ трактатамъ, то тѣ пусть пеняютъ на то, что они включили въ трактатъ, подлежащій уваженію, условіе *оскорбительное* для Россіи. Трактатъ 1856 года имѣлъ цѣлью не только ограничить Россію, но именно *унизить* ее, и на необходимости такого униженія особенно настаивали политическіе люди той же Великобританіи. Не вполнѣ ли естественно, что то униженіе, которому ее сочли необходимымъ подвергнуть, когда она чувствовала себя слабою, она теперь сбрасываетъ его безцеремонно, когда сознаетъ себя сильною? Кто виноватъ въ безцеремонности отвѣта на обиду—не тотъ ли, кто обиду нанесъ безцеремонно и думалъ ее еще увѣковѣчить?

Для прочности мира надо избѣгать напраснаго униженія противника—вотъ смыслъ рѣчи, недавно произнесенной самимъ графомъ Гренвиллемъ за обѣдомъ лорда-мэра. Правда, мысль эту онъ примѣнилъ не къ нашимъ, а къ нынѣшнимъ французскимъ дѣламъ; къ намъ онъ, вѣроятно, и не догадался бы примѣнить ее по собственной иниціативѣ. Тѣмъ болѣе благоразумно было съ нашей стороны взять иниціативу на себя, и снявъ съ себя напрасное униженіе, тѣмъ самымъ, согласно и съ мыслью самого британскаго министра, создать новый залогъ прочности мира.

Униженіе, наложенное на Россію насиліемъ, она перестала признавать, когда собрала и сознала свою силу. La Russie s'est recueillie—вотъ и все.

Бросимъ бѣглый взглядъ на документальную сторону дѣла. Обязательства трактата 1856 года, ограничивающія права Россіи на Черномъ морѣ, содержались въ пунктахъ, изъ которыхъ одинъ развитъ въ особой, приложенной къ трактату конвенціи между Россіею и Турціею. Вотъ текстъ этихъ пунктовъ. *Пунктъ 11*: «Черное море нейтрализируется: открытые для коммерческихъ судовъ всѣхъ націй, воды его и порты формально и навсегда закрываются для военнаго флага державъ какъ прибрежныхъ, такъ и другихъ, за исключеніями, поименованными въ ст. 14 и 19 сего трактата». *Пунктъ 13*: «Такъ какъ, по силѣ 11 статьи, Черное море нейтрализуется, то сохраненіе или возведеніе на прибрежьи его военно-морскихъ арсеналовъ становится не нужно и безцѣльно. Вслѣдствіе того, Его Величество Императоръ Всероссійскій и Его Императорское Величество Султанъ обязываются не возводить и не удерживать на семъ прибрежьи никакого военно-морскаго арсенала». *Пунктъ 14*: «Такъ какъ Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій и Султанъ заключили между собою конвенцію, опредѣляющую силу и численность легкихъ судовъ, которыя нужны для прибрежной службы, и содержать которыя на Черномъ морѣ они

сохраняютъ за собой право, то эта конвенція прилагается къ настоящему трактату и будетъ имѣть такую же силу и значеніе, какъ еслибы она была составною его частью. Она не будетъ подлежать ни отмѣнѣ, ни видоизмѣненію безъ согласія державъ, подписавшихъ настоящій трактатъ».

Эта конвенція составляетъ второе приложеніе къ трактату. Подписана она только уполномоченными Россіи и Турціи, подъ тѣмъ же числомъ, какъ и трактатъ. *1-я ст.* этой конвенціи: «Высокія договаривающіяся стороны взаимно обязываются не имѣть на Черномъ морѣ иныхъ военныхъ судовъ, какъ тѣ, коихъ число, сила и размѣры опредѣляются здѣсь же, ниже». *2-я ст.*: «Высокія договаривающіяся стороны оставляютъ за собой право каждая содержать на этомъ морѣ шесть паровыхъ судовъ длиною въ пятьдесятъ метровъ по ватерлиніи, наибольшей вмѣстимостью въ 800 тоннъ, и четыре легкихъ судна, паровые или парусные, вмѣстимостью не свыше 200 тоннъ каждое».

Рядомъ съ такими постановленіями, трактатъ 1856 года статьею 10-ю подтвердилъ вновь принципъ замкнутости *проливовъ* Босфора и Дарданеллъ, для военныхъ судовъ въ мирное время, и первое приложеніе къ трактату составляетъ особая конвенція за общимъ подписомъ всѣхъ державъ, извѣстнаго подъ именемъ «конвенціи о проливахъ», въ которой постановлено, что султанъ неизмѣнно поддержитъ и въ будущемъ давно принятый въ его имперіи принципъ, въ силу котораго военнымъ судамъ иностранныхъ государствъ входъ въ Босфоръ и Дарданеллы воспрещается, и что «пока Порта находится въ мирномъ положеніи, Его Величество недопуститъ въ означенные проливы никакого иностраннаго военнаго судна». Прочія же стороны обязались при этомъ уважать такой принципъ и такое рѣшеніе. Впрочемъ конвенціею допущено было исключеніе для легкихъ военныхъ судовъ, служащихъ для посольствъ, которымъ султанъ удержалъ за собою право выдавать пропускные фирманы.

Циркуляромъ 19-го октября, нашъ канцлеръ указавъ на беззащитность нашихъ береговъ на Черномъ морѣ, на совершенно измѣнившіяся съ 1856 года обстоятельства, между прочимъ на непредвидѣнное при заключеніи трактата изобрѣтеніе броненосныхъ судовъ, а также на примѣры нарушенія трактата 1856 года, допущенные державами его подписавшими, объявилъ волю Государя недопускать долѣе, «чтобы безопасность Россіи была поставлена въ зависимость отъ теоріи, не устоявшей передъ опытомъ времени, и чтобы эта безопасность могла подвергаться нарушенію вслѣдствіе уваженія къ обязательствамъ, которыя не были соблюдены во всей ихъ цѣлости». По этимъ соображеніямъ, князь Горчаковъ, по волѣ Государя, объявилъ: «что Его Императорское Величество не можетъ долѣе считать себя связаннымъ обязательствами трактата 18-го (30-го) марта 1856 года,—насколько

онѣ ограничиваютъ его верховныя права въ Черномъ морѣ, и считаемъ своимъ правомъ и своею обязанностью заявить его величеству султану о прекращеніи силы отдѣльной и дополнительной къ помянутому трактату конвенціи»; что «Его Императорское Величество возвращаетъ въ этомъ отношеніи его величеству султану права его во всей полнотѣ, точно такъ же, какъ возстановляетъ свои собственныя»; что «нашъ Августѣйшій монархъ имѣетъ единственно въ виду безопасность и достоинство своей Имперіи». «Въ мысли Его Императорскаго Величества вовсе не входитъ», сказано въ циркулярѣ далѣе, «возбужденіе восточнаго вопроса. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ только желаетъ сохраненія и упроченія мира. Онъ не перестаетъ, по прежнему, вполнѣ признавать главныя начала трактата 1856 года, опредѣлившія положеніе Турціи въ ряду государствъ Европы. Онъ готовъ вступить въ соглашеніе съ державами, подписавшими этотъ договоръ: или для подтвержденія его общихъ постановленій, или для ихъ возобновленія, или для замѣны ихъ какимъ-либо другимъ справедливымъ уговоромъ, который былъ бы признанъ способнымъ обезпечить спокойствіе Востока и европейское равновѣсіе».

Главные, документальные пункты, какъ самыхъ постановленій трактата, такъ и объявленіе канцлера, мы сочли необходимымъ привести въ текстѣ, какъ историческія данныя высокой важности. Цитаты эти представляютъ полную справку о томъ, что̀ именно слагаетъ съ себя Россія нынѣшнимъ объявленіемъ. Объявленіе это не называетъ прямо тѣхъ статей, которыя Россія считаетъ невозможнымъ для себя признавать долѣе, но смыслъ его, оставаясь общимъ въ принципѣ, весьма опредѣлителенъ въ практическомъ его примѣненіи, и нѣтъ сомнѣнія, что имъ объявляются немогущими долѣе связывать Россіи въ особенности тѣ именно статьи, которыя приведены нами въ подлинникѣ. Стало быть, мы оговариваемъ себѣ вновь право строить на Черномъ морѣ военный флотъ, какой бы то ни было численности и размѣровъ, и возводить вновь на прибрежьи его военно-морскіе арсеналы.

Россія, затѣмъ, «признаетъ главныя начала этого трактата, опредѣлившія положеніе Турціи въ ряду государствъ Европы». Французскій текстъ этого заявленія можетъ быть понятъ, впрочемъ, въ томъ смыслѣ, что Россія продолжаетъ признавать только *тѣ* общіе принципы этого трактата, *которые* опредѣлили положеніе Турціи. Но какъ бы то ни было, всего неправильнѣе было бы толковать циркуляръ нашего канцлера въ томъ смыслѣ, что Россія, признавая обязательность для себя всѣхъ остальныхъ статей трактата 1856 года, тѣмъ неменѣе отмѣняетъ сама тѣ, которые ограничивали ее на Черномъ морѣ.

Объявленіе нашего правительства поставило Россію вовсе не на ту теоретическую почву, на которой интересы ея могли бы встрѣтиться съ болѣе или менѣе убѣдительными юридическими доводами иностран-

ныхъ министровъ. Наше правительство, напротивъ, стало на почву чисто-практическую, на почву совершившихся фактовъ. Вся сущность его аргументаціи именно въ томъ, что абстрактное право, теорія установленная въ трактатѣ, нарушены совершившимися фактами; вся суть его заявленія именно въ томъ, что къ фактамъ, его нарушившимъ, оно прибавляетъ еще одинъ фактъ нарушенія, фактъ продиктованный ему важными интересами собственной защиты.

Русское правительство не утверждаетъ, что, отмѣнивъ однѣ статьи трактата, оно всѣ остальныя статьи его признаетъ неприкосновенными. Наоборотъ, оно весь трактатъ не можетъ никакъ считать неприкосновеннымъ, а только изъявляетъ свою готовность пересмотрѣть ихъ по соглашенію съ державами, замѣнить ихъ совсѣмъ новыми постановленіями или оставить въ силѣ общіе принципы трактата. Вотъ почему оно, твердо ставъ на практическую почву, сочло себя обязаннымъ объявить при этомъ, что продолжаетъ признавать общіе принципы трактата, опредѣлившіе положеніе Турціи въ ряду европейскихъ державъ. Продолжаетъ оно признавать ихъ вовсе не потому, что считаетъ весь трактатъ неприкосновеннымъ и обязательнымъ для себя, за исключеніемъ двухъ пунктовъ, а потому, что таково фактическое его *намѣреніе*.

Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ вѣрно опредѣлилъ это положеніе. Въ своей депешѣ къ сэру Андрью Боканану отъ 10 ноября лордъ Гренвиллъ, сказавъ, что «князь Горчаковъ, объявляетъ о намѣреніи Россіи продолжать соблюденіе нѣкоторыхъ изъ условій трактата»,—смыслъ этого заявленія самъ опредѣляетъ совершенно вѣрно: «очевидно, это есть выраженіе свободной воли этой державы». Но затѣмъ, вмѣсто того, чтобы разобрать съ практической точки зрѣнія, насколько воля, выраженная русскимъ правительствомъ, сходится или не сходится съ видами и намѣреніями Англіи, лордъ Гренвиллъ читаетъ намъ лекцію о теоріи права, о значеніи взаимнообязательности и т. д. Что же касается существеннаго пункта, то онъ положительно устраняетъ этотъ пунктъ отъ обсужденія. Онъ возражаетъ на такое объявленіе, которое по себѣ есть *дѣйствіе*, протестомъ противъ общаго *принципа*, какой можно вывесть изъ этого дѣйствія, независимо отъ основательности или неосновательности (reasonableness or unreasonableness) желанія Россіи освободиться отъ соблюденія постановленій трактата, относившихся собственно къ Черному морю.

Такой же смыслъ имѣетъ и заявленіе австрійскаго канцлера въ его депешѣ отъ 16 ноября къ графу Хотеку: «Мы не можемъ допустить сомнѣнія о безусловной силѣ этого взаимнаго обязательства, даже и въ томъ случаѣ, когда одна изъ подписавшихъ его сторонъ считала бы возможнымъ предъявить самыя основательныя (les mieux fondées) соображенія противъ сохраненія въ силѣ того или другого изъ поста-

новленій трактата, который объявленъ былъ впередъ неподлежащимъ отмѣнѣ или измѣненію безъ согласія всѣхъ подписавшихъ его державъ». Засимъ, однако, графъ Бейстъ «единственно, дабы не нарушить уваженія (égards), приличнаго петербургскому кабинету» — входитъ въ разсмотрѣніе собственно только аргументаціи нашего циркуляра о бывшихъ нарушеніяхъ трактата, не касаясь все-таки практическаго его значенія.

Такимъ образомъ, на фактическое заявленіе нашего канцлера, на поставленіе, въ виду буквы трактата устарѣвшаго, новыхъ условій жизни, новыхъ серьезныхъ необходимостей и полнаго измѣненія обстоятельствъ, лишающаго его всякой реальной силы, отвѣчали буквою трактата, и уроками о взаимнообязательности международныхъ буквъ. Какое давать значеніе такимъ ссылкамъ на теоретическую невозможность въ виду безусловной буквы? Есть ли это вопросъ объ уничтоженіи значенія всякихъ международныхъ обязательствъ на будущее время, вопросъ о томъ, — какъ выразился остроумно, но немножко легко баронъ Бейстъ—что смыслъ заявленія Росссіи «компрометтируетъ не только всѣ трактаты существующіе, но и трактаты будущіе; можетъ облегчить ихъ заключеніе, но не можетъ способствовать къ ихъ прочности?»

Такъ ли это въ самомъ дѣлѣ и возбуждаетъ ли заявленіе Россіи такой общій вопросъ? Чтобы доказать это, слѣдовало бы доказать, что доселѣ всѣ трактаты, какъ бы они ни противорѣчили новымъ условіямъ жизни, всегда соблюдались свято, никѣмъ никогда не провозглашались фактически отмѣненными, и не отмѣнялись фактически прежде, чѣмъ по общему соглашенію они были предварительно замѣнены новыми трактатами, которые были подписаны тѣми же договаривающимися сторонами. Только въ такомъ случаѣ можно бы доказывать, что заявленіе русскаго канцлера впервые теоретически, по принципу, подвергаетъ сомнѣнію обязательность трактатовъ вообще. На дѣлѣ этого вовсе не было, и очень хорошо извѣстно, что наоборотъ весьма немного въ исторіи примѣровъ, чтобы трактаты отмѣнялись на практикѣ не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи о новомъ трактатѣ, и не прежде, какъ по обмѣнѣ ратификацій такого новаго трактата всѣми сторонами, участвовавшими въ прежнемъ.

Если же это такъ, то, когда говорятъ, что такая-то буква, нѣкогда соотвѣтствовавшая реальнымъ условіямъ, нынѣ пришла въ полное несоотвѣтствіе съ жизнью, съ тѣми фактами, которыхъ трактатъ можетъ быть только выраженіемъ,—какой смыслъ получаютъ тѣ возраженія, которыя ссылаются на безусловность мертвой буквы? Слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ увѣщаніе къ соблюденію международной нравственности, или же одно безусловное, но мертвое и безсильное: Non possumus?

Папа провозглашаетъ проклятіе на всѣхъ вступившихъ въ Римъ, нарушившихъ права церкви, ихъ совѣтчиковъ и одномышленниковъ. Лордъ Гренвилль и баронъ Бейстъ проклятія на насъ не изрекаютъ, но отказываются «допустить нашъ принципъ» и вмѣстѣ съ папою твердятъ: non possumus!

Несоблюденіе той формы, о которой сожалѣетъ графъ Гренвилль, оправдывается не только трудностью соблюсти ее въ настоящее время, но и самымъ существомъ того стѣсненія, которое Россія сбросила теперь собственнымъ своимъ словомъ. Россія впередъ, въ то самое время, когда впервые зашла рѣчь объ ограниченіи ея правъ на Черномъ морѣ, всѣми силами протестовала противъ этого условія, видя въ немъ преднамѣренное униженіе себя. «Это условіе— писалъ графъ Нессельроде въ циркулярѣ 16-го и 28-го апрѣля 1855 года,—чувствительно касается (touchait de près) чести и достоинства Россіи. Такъ взглянулъ на это нашъ августѣйшій монархъ и народное чувство всей нашей страны подтвердитъ это рѣшеніе».

Со стороны нынѣшняго русскаго канцлера всего менѣе можетъ удивлять кабинеты, что онъ съ такимъ убѣжденіемъ исполнилъ настоящую волю своего государя. Обращаясь къ протоколамъ вѣнской конференціи, мы видимъ, что князь Горчаковъ, въ то время нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, съ самаго начала объявлялъ, что Россія не можетъ принять условія, «которое нарушало бы права ея на ея собственной территоріи», что «Россія несогласится на ограниченіе своего флота трактатомъ или иначе», что «великая держава не можетъ принять такого условія» (засѣданіе 17-го апрѣля 1855 г.). Онъ рѣшительно отрицалъ примѣръ Дюнкирхена, на который сослался лордъ Джонъ Россель. Самъ австрійскій министръ, графъ Буоль, предсѣдатель конференціи, высказалъ (засѣданіе 19-го апрѣля), что «въ общей теоріи, притязаніе ограничить сухопутныя или морскія силы иностраннаго государства есть покушеніе (empiétement) на ея верховныя права». Когда же кн. Горчаковъ спросилъ его: «полагаетъ ли графъ Буоль, что Австрія обязана будетъ поддерживать принудительными мѣрами, вслучаѣ несогласія Россіи, такое условіе, которое онъ самъ призналъ исключеніемъ изъ имъ же поставленнаго общаго принципа? «На это австрійскій министръ возразилъ, что, онъ все-таки совѣтуетъ Россіи принять это условіе, *оговаривая за своимъ государемъ полную свободу дѣйствій въ будущемъ*». Это *будущее* теперь наступило совсѣмъ.

Князь Горчаковъ тогда представилъ (въ засѣданіи 21-го апрѣля 1855 г.) подробную записку объ этомъ предметѣ, составляющую первое приложеніе къ 12-му протоколу конференціи. Въ запискѣ этой онъ доказывалъ, что преобладаніе Россіи на Черномъ морѣ явилось не столько по ея волѣ, сколько вслѣдствіе обстоятельствъ отъ нея независѣвшихъ: освобожденіе Греціи, битва при Наваринѣ, завоеваніе Франціею

Алжира, стремленія паши египетскаго, тунисскаго и триполійскаго беевъ къ независимости, лишили Порту достаточнаго значенія на морѣ, и сдѣлали ея силы на морѣ меньшими противъ русскихъ. Но отъ Порты зависѣло, продолжалъ кн. Горчаковъ, увеличить ихъ. Затѣмъ, онъ доказываетъ примѣрами, какъ затруднительно оказывалось транспортированіе русскихъ войскъ на черноморскихъ судахъ и видѣлъ въ этихъ примѣрахъ достаточное доказательство того, что русскій флотъ не составляетъ большой опасности для Турціи. Онъ указывалъ на то, что въ близкомъ Средиземномъ морѣ находятся такія морскія силы западныхъ державъ, съ которыми Россія не можетъ мѣряться, и что всѣ эти силы могутъ быть собраны вмѣстѣ, между тѣмъ, какъ балтійскій и черноморскій флоты Россіи соединиться не могутъ. Напоминая случай въ 1833 году, когда русскій флотъ явился въ Босфорѣ съ согласія султана, онъ спрашивалъ, не можетъ ли повториться опасность для Турціи съ иной стороны, и не можетъ ли ей пригодиться тогда русскій флотъ на Черномъ морѣ. Вмѣсто нейтрализаціи Чернаго моря князь Горчаковъ предложилъ проектъ измѣненія конвенціи 1841 года о проливахъ, а именно открытіе ихъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй, такъ, чтобы всякое преобладаніе Россіи на Черномъ морѣ было отстранено доступностью его для флотовъ западныхъ державъ. Мѣра эта была отвергнута уполномоченными этихъ державъ, но нѣкоторые изъ тогдашнихъ аргументовъ князя Горчакова примѣнимы и къ настоящему времени.

На этомъ вопросѣ и разбились старанія вѣнской конференціи. Доказательствомъ того, что державы даже и въ то время не признавали полную беззащитность русскихъ береговъ условіемъ sine qua non безопасности Турціи, служитъ то обстоятельство, что первоначально предполагалось ограничить морскія силы Россіи на Черномъ морѣ *четырьмя линейными кораблями, четырьмя фрегатами* и соотвѣтствующимъ числомъ невооруженныхъ транспортныхъ судовъ. Въ послѣднемъ же засѣданіи конференціи (4-го іюня 1855 г.) графъ Буоль предложилъ ограничить численность морскихъ силъ Россіи на Черномъ морѣ *тогдашнимъ наличнымъ ихъ составомъ* (l'état actuel des bâtimens russes à flot dans cette mer).

Итакъ, если въ конечномъ результатѣ на Россію возложили условіе полной беззащитности ея береговъ, то это было не слѣдствіемъ предварительнаго убѣжденія кабинетовъ въ необходимости такой нашей беззащитности для безопасности Турціи, а именно только слѣдствіемъ нашего пораженія, и преднамѣреннымъ *униженіемъ* Россіи.

Отвѣтъ нашего канцлера на депешу графа Гренвилля принятъ былъ въ Англіи благопріятно. «Хотя документъ этотъ» — говоритъ Daily News—«и не заключаетъ (does not conclude) этого дѣла самымъ удовлетворительнымъ образомъ; никакое безусловное non possumus не

ставитъ въ немъ автора и его государя внѣ предѣловъ дальнѣйшаго обсужденія и дальнѣйшихъ переговоровъ».

Но съ этимъ нельзя согласиться въ принципѣ. Отвѣтъ кн. Горчакова написанъ въ весьма дружелюбномъ тонѣ и никакъ не отклоняетъ переговоровъ, но въ немъ подтвержденъ еще разъ фактъ, что обязательство Россіи уже перестало существовать. Согласиться на переговоры Россія можетъ, но неиначе, какъ удерживая именно эту точку зрѣнія: трактатъ 1856 года нарушенъ событіями послѣднихъ 14-ти лѣтъ, измѣнившими всѣ международныя отношенія въ Европѣ; обязательность статей его для Россіи перестала существовать, какъ перестали существовать, напр., постановленія 1815-го года о германскомъ союзѣ.

Прусскій король навѣрно не согласился бы испрашивать въ настоящее время у европейской конференціи позволенія на измѣненіе постановленій 1815 года. Точно такъ и Россія не можетъ испрашивать позволенія считать пункты 11, 13 и 14-й трактата 1856 года необязательными для себя. Европа можетъ подтвердить факты новымъ соглашеніемъ, которое состоялось бы на ихъ основаніи. Но Россія не можетъ согласиться на отрицаніе самыхъ этихъ фактовъ, подающихъ поводъ къ созванію конференціи.

Циркуляръ нашего канцлера былъ дополненъ особыми депешами отъ 20-го ноября къ представителямъ Россіи въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Флоренціи, Турѣ и Константинополѣ. Эти депеши дополняютъ миролюбивыя заявленія циркуляра и содержатъ въ себѣ ссылки на прежнія сношенія касательно этого вопроса. Въ объяснительной депешѣ къ бар. Бруннову есть ссылка на бывшій уже обмѣнъ мнѣній, въ депешѣ къ г. Новикову—на заявленія барона Вернера въ 1859 году, предложеніе самого графа Бейста въ 1867 году и разговоръ его съ нашимъ канцлеромъ въ прошломъ году въ Уши. Въ объяснительной депешѣ къ посланнику нашему во Флоренціи вмѣсто особыхъ убѣжденій сказано слѣдующее: «Скажите ему (министру иностр. дѣлъ Висконти-Веностѣ), что мы ни на минуту не сомнѣваемся въ пріемѣ, какой окажетъ итальянское правительство указанному вамъ сообщенію. Это правительство настолько сознаетъ свое собственное достоинство, что пойметъ тѣ обязанности, которыя наше достоинство возлагаетъ на насъ».

Очень важно сообщеніе сдѣланное чрезъ г. Окунева, русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Турѣ. Оно начинается такимъ образомъ: «Хотя правительство, завѣдывающее нынѣ дѣлами Франціи, имѣетъ цѣлью единственно народную оборону, но держава эта занимаетъ въ Европѣ столь важное мѣсто, что императорскій кабинетъ не можетъ замедлить сообщеніемъ ей такого измѣненія въ трактатѣ ею подписанномъ». Итакъ, наше сообщеніе сдѣлано Франціи. Но вотъ то мѣсто этого сообщенія, которое въ виду возрастающихъ слуховъ о заключеніи прусскимъ королемъ трактата съ седанскимъ героемъ о возстановленіи его

на французскомъ престолѣ, представляетъ особую важность: «Война 1854 года и трактатъ 1856 года были первыми шагами на пути политическихъ потрясеній, которыя поколебали Европу и привели къ столь бѣдственнымъ послѣдствіямъ. Какое бы окончательно ни установилось во Франціи правительство, его задачею будетъ уврачеваніе бѣдствій, *причиненныхъ политическою системою, вліяніе которой было такъ пагубно*».

Общественное мнѣніе должно воздержаться отъ преждевременныхъ приговоровъ; но единогласное мнѣніе всей Европы, безъ всякаго исключенія, протестовало бы противъ возстановленія Наполеона Третьяго во Франціи. Установивъ весь миръ Европы на такомъ не только по необходимости шаткомъ, но и нравственно-нестерпимомъ основаніи, король Вильгельмъ подготовилъ бы неминуемость той войны, отъ которой ему хотѣлось бы охранить Пруссію въ будущемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ бы свое дѣло всякой нравственной силы.

ШВЕЙЦАРСКІЯ ПИСЬМА.

15 (27) ноября 1870.

ЮЖНАЯ ЛИГА.

Наше предъидущее письмо*) было прервано только-что появившимся тогда слухомъ о взятіи Метца....

«Метцъ дѣвственный — Metz-la-Pucelle — въ первый разъ въ своей жизни увидитъ непріятеля въ своихъ стѣнахъ!

«О нѣтъ! мы хотимъ остаться достойными васъ, о, наши отцы 1792 года, которые шли въ деревянныхъ башмакахъ (sabots) защищать поруганную отчизну и проливать свою кровь за свободу и за права человѣка.

«Не мы пойдемъ на капитуляцію! Пусть врагъ, прежде чѣмъ войдетъ въ наши стѣны, встрѣтитъ плотину изъ нашихъ труповъ, пусть онъ пройдетъ чрезъ кровавую баррикаду нашихъ тѣлъ прежде, чѣмъ огласитъ наши площади неслыханная ими вражья пѣснь побѣды.....»

Это была лебединая, окаймленная трауромъ пѣснь-прокламація гордыхъ гражданъ Метца, когда предъ ними упала завѣса интригъ Базена, когда они узнали, что они проданы и преданы! И этой пѣснѣ суждено было облетѣть всю Францію и вызвать изъ ея народа, раненаго въ самое сердце, тысячи откликовъ, тысячи криковъ отчаянія и злобы.

*) См. выше: ноябрь, 446 стр.

Не удивляйтесь ни патетическому тону этой прокламаціи и всѣхъ республиканскихъ газетъ, ни негодующимъ обвиненіямъ всѣхъ народныхъ собраній, ни смутамъ, разразившимся по всей Франціи отъ Парижа до Марсели—вслѣдствіе паденія Метца. Это паденіе дѣйствительно представляетъ собою небывалое въ исторіи событіе, и оно дѣйствительно слишкомъ было полно самыхъ важныхъ послѣдствій, чтобъ не поразить собою всего міра, и прежде всего, конечно, саму Францію.

До Метца мнѣ приходилось говорить о крайнемъ парализованіи энергіи народа его недовѣріемъ къ временному правительству и о пищѣ, которую это правительство давало такому недовѣрію своими распоряженіями, своимъ систематическимъ осужденіемъ всякой народной инииціативы, на ряду съ своимъ упорнымъ сохраненіемъ вѣры въ республиканскую добродѣтель бонапартовскихъ сподвижниковъ, не исключая отсюда и Базена. Предательство Базена сразило одинаково и партизановъ народной инииціативы, и защитниковъ правительственной (въ сущности единоличной) диктатуры.—Первые, предсказывая новыя несчастія для Франціи, сами не могли вѣрить въ возможность столь жестокаго подтвержденія ихъ предсказаній; вторые, чувствуя возможность грозы народнаго негодованія, были почти готовы отказаться, въ первую минуту сюрприза, отъ своей авторитетной системы.

Дѣйствительно, ни въ одну изъ революціонныхъ эпохъ Франціи диктатура не предъявляла такихъ притязаній, какъ въ настоящую минуту. Историки великой французской революціи и до сихъ поръ ведутъ споръ—какъ мы могли видѣть всего два года тому назадъ между Мишле и Луи-Бланомъ—о диктатурѣ якобинцевъ, и апологеты Робеспьера защищаютъ его отъ обвиненія въ диктаторствѣ, какъ отъ преступленія. Но вѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что ни Робеспьеръ, ни кто другой изъ его товарищей не стремились къ такой диктатурѣ, какую теперь захватилъ Гамбетта въ *провинціи*, т.-е. во всей Франціи, за исключеніемъ Парижа. Въ 1793-мъ году былъ комитетъ общественнаго спасенія (de Salut Public), въ которомъ каждый изъ членовъ «умѣлъ носить голову на плечахъ,» т.-е. каждый обладалъ самостоятельнымъ характеромъ и независимымъ убѣжденіемъ, и этотъ комитетъ вовсе не одинъ заправлялъ судьбою Франціи,—рядомъ съ нимъ стоялъ комитетъ Общей Безопасности (de Sureté générale), и выше ихъ обоихъ царилъ Конвентъ. Ни одна военная мѣра не была принята самолично «организаторомъ побѣдъ» Карно, и самому Карно, послѣ долгихъ споровъ, случалось уступать предъ убѣдительностью юнаго С. Жюста; комиссары республики не отправлялись въ департаменты безъ назначенія или вѣдома Конвента, и Конвентъ судилъ ихъ по рапортамъ, а они знали, что отвѣтствуютъ головой за свои проступки и даже ошибки. Да, то было страшное время!—неудача считалась преступленіемъ и казнилась гильотиной; измѣна одного Дюмурье со-

дѣйствовала кровавымъ образомъ гибели цѣлой великой партіи жирондистовъ за то только, что они не предвидѣли его измѣны, хотя врядъ-ли кто серьезно сомнѣвался въ искренней преданности жирондистовъ республикѣ. Французы жестоко ошиблись тогда, воображая, что гильотина есть панацея; но дѣло было не въ гильотинѣ, а въ томъ обстоятельствѣ, что тогда каждый сознавалъ свою отвѣтственность, и если революціонныя власти были строги къ измѣнамъ и неудачамъ, то онѣ достигли тѣмъ хоть того, что нація вѣрила въ ихъ серьезность и неподкупность, вѣрила, что для нихъ нѣтъ сдѣлки съ старымъ и прошлымъ,—и эта *вѣра* вызвала во всей Франціи громадное, полное энтузіазма движеніе, котораго ни комитеты, ни Конвентъ никогда не думали давить и которое, въ концѣ концовъ, одолѣло вторженіе феодальной коалиціи съ ея Брунсвикомъ и Питтомъ!..

Современная Франція инстинктивно сознаетъ, что ей нужно воскресить древнюю вѣру въ себя, которую до глубины потрясло 20-лѣтнее правленіе Наполеона, и вотъ чѣмъ можно объяснить постоянное обращеніе французской мысли при нынѣшнихъ обстоятельствахъ къ воспоминаніямъ 90-хъ годовъ. Франція еще недавно вела войны; при началѣ крымской кампаніи, положеніе французовъ представлялось вовсе не блистательнымъ; извѣстія о бѣдственномъ состояніи французской арміи подъ Севастополемъ смущали весьма сильно французовъ, но тогда никому не приходило въ голову никакое обращеніе къ 90-мъ годамъ, именно потому, что всѣ войны второй имперіи были войнами Наполеона III-го и только: народъ, нація были въ нихъ ни при чемъ. Послѣ Седана, самою силою вещей, т.-е. уничтоженіемъ императорской арміи, Франція должна была обратиться или къ заключенію мира, или къ вызову на поле битвы народныхъ силъ. Между тѣмъ, новое временное правительство захотѣло идти по пути *внѣ* этой альтернативы, по *среднему* пути,—и не мира, и не народной войны. Но народъ никогда не бываетъ ни политикомъ, ни дипломатомъ, а потому нельзя требовать отъ него такихъ качествъ, которыя не сродны его темпераменту; народъ не понимаетъ среднихъ путей; онъ или обрекаетъ себя на неподвижность, или приходитъ въ движеніе, и тогда трудно объяснить ему, что двигаться нужно въ опредѣленной мѣрѣ, и ровно столько, ни больше, ни меньше. При народной войнѣ, въ томъ положеніи, въ какое теперь поставлена Франція, правительству слѣдовало какъ можно меньше декретировать, и какъ можно болѣе организовать народныя силы. Временное правительство начало съ декретовъ, и тѣмъ съ одной стороны парализовало народный энтузіазмъ, съ другой—содѣйствовало успѣху такъ-называемой «красной партіи».

Первое явленіе, т.-е. парализованіе народнаго энтузіазма породило то мрачное состояніе Франціи, которое пришлось намъ описывать въ

послѣдній разъ, и отвѣтственность за которое должна пасть, конечно, не на насъ, корреспондентовъ, какъ то пожалуй думаютъ усматривающіе въ мрачности описанія современнаго положенія Франціи какія-нибудь антипатіи описывающаго къ самой Франціи. Новѣйшіе «друзья Франціи» оказали бы ей плохую услугу, еслибы, наприм., въ 1849-мъ г. они рисовали розовыми красками тогдашнее положеніе французской «республики». Теперь они понимаютъ сами, почему такая ихъ услуга была бы невелика. А кто поручится, что французская республика 1870-го года не окажется опять *императорскою республикою*, какъ оказалась республика 1849-го года ступенью къ имперіи и къ ея пагубному режиму?

Я даже полагаю, что трезвое отношеніе къ современному положенію Франціи, безъ всякаго увлеченія тою или другою терминологіею, было бы гораздо полезнѣе даже для самихъ французскихъ республиканцевъ: они знали бы тогда, а черезъ нихъ и французскій народъ, что если и при республиканскомъ режимѣ Франція гибнетъ подъ тяжестью непріятельскаго вторженія, какъ она гибла при наполеоновскомъ режимѣ, то это не потому, что республиканскій режимъ также мало состоятеленъ, какъ и наполеоновскій, но именно потому, что правительствующіе республиканцы или боятся, или не знаютъ французской націи, какъ не знало и вмѣстѣ боялось ее наполеоновское правительство.

При такомъ характерѣ дѣйствія членовъ временного правительства, провинціи, и особенно южныя, могли легко сдѣлаться поприщемъ для оппозиціи и представляютъ потому въ настоящую минуту много любопытнаго для наблюденія.

Сдача Метца имѣла совершенно не то вліяніе на провинціи, какого ожидали предатели. Эта сдача должна была повліять хорошо и на само временное правительство, которое до того времени считало возможнымъ сдѣлку съ бонапартистами, и конечно не изъ глубокаго убѣжденія называло Базена «notre glorieux Bazaine». Послѣ этого опыта едва ли оно рѣшится строить народную оборону не на силахъ народа, а на своемъ искусствѣ плѣнить бонапартистовъ въ пользу республики лестью и угодничествомъ предъ ними. Не отрицая «добрыхъ намѣреній» Турскаго правительства, не терявшаго надежды сдѣлать годное орудіе для обороны изъ бонапартовскихъ генераловъ, мы должны отказать ему въ политической проницательности, отсутствіе которой, если бы не Метцъ, довело бы Францію до послѣдней степени деморализаціи.

Я никогда не повѣрилъ бы только слухамъ и газетамъ до чего доводилось временнымъ правительствомъ еще недавно парализованіе народнаго вооруженія, еслибъ не видѣлъ собственными глазами печальныхъ примѣровъ удивительной распущенности и деморализаціи страны.

Въ тотъ день, когда явились въ газетахъ иностранныхъ (не французскихъ) депеши о сдачѣ Метца, я сидѣлъ въ café въ небольшомъ городкѣ Савойи, среди *annexés*, какъ зовутъ себя савояры. Въ café, конечно, шли патріотическіе толки, которые вдругъ прервались вошедшимъ сконфуженнымъ господиномъ, объявившимъ, что Метцъ сдался.— «Ложь—возразили ему въ одинъ голосъ всѣ сидѣвшіе въ café—быть не можетъ! — Я прочелъ это въ «Добавленіи» къ Женевскому журналу.—Женевскій журналъ реакціонерный и продался пруссакамъ.— Конечно вздоръ, въ депешѣ изъ Тура ничего нѣтъ. — А что̀ въ депешѣ изъ Тура? пойдемъ же смотрѣть».—Депеши изъ Тура вывѣшиваются каждый день на стѣнѣ городской думы, но эти депеши старѣе газетныхъ по крайней мѣрѣ на два дня. — «Да нѐчего ходить— остановилъ патріотовъ одинъ собесѣдникъ,—въ турской депешѣ только и сказано, что мы убили трехъ улановъ и двухъ лошадей.—Ну да и изъ Метца была депеша, что Базенъ захватилъ 400 овецъ и 500 быковъ! онъ бьетъ нѣмцевъ, а вы выдумали, что онъ сдался. — То-то, еслибъ онъ нѣмцевъ билъ, а не ихъ быковъ»!—замѣтилъ одинъ шутникъ, едва не оскорбившій патріотическаго собранія такимъ размышленіемъ.

Пошелъ и я къ городской думѣ; — цѣлая толпа стояла у афиши, несмотря на проливной дождь; небольшой мальчикъ читалъ громко афишу при свѣтѣ зажженной спички, фонаря не полагалось.—«Убито три улана, двѣ лошади, три лошади захвачено. Трое пруссаковъ бѣжало отъ фран-тирёровъ». О Метцѣ ни слова, и въ толпѣ никто или не могъ, или не смѣлъ заговорить. Толпа расходилась, по улицамъ бродили мобили въ гражданскихъ шапкахъ и шляпахъ за неимѣніемъ кэпи; изрѣдка раздавался сиплый голосъ: Aux armes, citoyens! marchons! marchons! и пѣвецъ маршировалъ—по направленію къ казармѣ....

На другой день, въ 6 часовъ утра, я отправился далѣе по пути къ Греноблю, чтобъ посмотрѣть, какое впечатлѣніе производитъ паденіе Метца; цѣлый день пропалъ напрасно, потому что никто еще не зналъ о роковомъ событіи. Мобили ѣхали по желѣзной дорогѣ и разсказывали мнѣ, какъ имъ не даютъ ни одежды, ни оружія; какъ они скучаютъ въ бездѣйствіи, переходя съ одного мѣста на другое и даже не получая ни малѣйшаго обученія; «вчера изъ насъ отправили 250 человѣкъ къ Орлеану, завтра и мы отправимся безъ всякой дирекціи, а теперь насъ отпустили проститься съ знакомыми; вернемся ли мы когда-нибудь? задалъ одинъ изъ нихъ себѣ вопросъ. — Должно быть вернемся, отвѣтилъ другой иронически, — послѣ плѣна, когда насъ заберутъ пруссаки.» Поздно вечеромъ, ѣхавъ въ шарабанѣ подъ проливнымъ дождемъ, отъ одной деревни къ другой, я опять встрѣтилъ десятокъ мобилей и окликнулъ ихъ: куда вы идете?—Насъ отпустили на ночь въ деревню къ знакомымъ.—Я остановился и зашелъ

съ ними въ трактиръ, чтобъ согрѣться виномъ: «Вотъ это насъ такъ мочатъ безъ толку, и больше ничего; сегодня въ городѣ, завтра отпускъ; вотъ ужъ три недѣли, какъ *они* обѣщаютъ вести насъ въ дѣйствіе, а мы даже не видѣли шаспо; офицеры смѣются надъ нами, они любятъ только солдатъ. — Еслибъ ихъ послать въ Седанъ, они не смѣялись бы такъ»—проговорилъ, вздохнувъ, юноша-clairon.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно.—Онъ вѣдь былъ въ Седанѣ, пояснилъ мнѣ его товарищъ.—Какъ же вы сюда попали?—«О, я бѣжалъ изъ нѣмецкаго плѣна, я попалъ въ Базель, а потомъ, не знаю зачѣмъ, я попалъ въ Тессино и оттуда въ Бернъ, а оттуда меня прислали сюда, и я теперь въ мобиляхъ, но я хочу идти драться, они разорили всю мою страну; вокругъ Седана ѣсть нечего.... я родомъ изъ Седана—это хорошій край... я не знаю, гдѣ моя мать, гдѣ сестра, и онѣ ничего не знаютъ... ихъ вѣрно убили». — Юноша помолчалъ и потомъ вдругъ вспыхнулъ: «Отчего насъ не пускаютъ идти куда мы хотимъ, отчего насъ держатъ здѣсь, какъ лѣнтяевъ? я повелъ бы моихъ товарищей въ битву; если насъ еще будутъ держать, мы убѣжимъ къ Гарибальди; dites donc, и онъ наклонился къ моему уху: мы поклялись убить Бонапарта, мы найдемъ его!...» А у дверей стояла красивая савоярка съ черными большими глазами, съ растрепанными черными косами: «*le mien*, *мой* теперь живетъ въ Парижѣ, онъ ушелъ ужъ давно туда, тамъ хорошо, въ Парижѣ, это столица, тамъ не убьютъ».... «Глупая, — сказалъ мнѣ одинъ изъ мобилей, выходя на улицу, — онѣ здѣсь всѣ воображаютъ, что ихъ милые въ Парижѣ и что тамъ не убьютъ—онѣ и могилъ-то ихъ не сыщутъ!—cela se fait promptement! en route!...»

Эти сцены, конечно, могутъ быть приняты вами за одиночныя, но вся бѣда въ томъ, что онѣ повторяются на всѣхъ углахъ Франціи. Вотъ въ Б—лѣ образовался отрядъ вольныхъ стрѣлковъ—«nous sommes les francs-tireurs de la mort — говоритъ мнѣ ихъ лейтенантъ, мы идемъ, чтобъ не возвращаться». — «Къ сожалѣнію не идемъ, а стоимъ—замѣчаетъ капитанъ, къ которому мнѣ дана рекомендація;—шесть недѣль я добиваюсь отъ префекта ружей, а онъ ждетъ приказа изъ Тура; я его просилъ дать мнѣ хоть 5 или 6 шаспо для обученія моихъ 150 человѣкъ, а онъ говоритъ что нѣту, когда въ Ан.... стоятъ неизвѣстно зачѣмъ линейныя войска и у нихъ у всѣхъ шаспо; они право хотятъ, чтобъ Гарибальди пропалъ (волонтеры сбирались къ Гарибальди). — Отчего же вы сами не пойдете къ Гарибальди—пробраться не трудно, а онъ дастъ вамъ оружіе?—Какъ пробраться? насъ остановятъ и арестуютъ и засудятъ за дезертирство—мы должны ждать здѣсь приказа».

Они быть можетъ ждутъ этого приказа и до сихъ поръ!

Чрезъ два дня я возвращался чрезъ Эксъ, гдѣ тоже случилась

хорошая исторія. Въ Эксѣ знаменитыя ванны и военная школа. Ванны теперь пусты. Юноши рѣшили, что и школа должна быть пуста, что они будутъ полезнѣе на войнѣ. Явились генералъ и префектъ и пригрозили юношамъ, объясняя, что не ихъ дѣло соваться куда ихъ не спрашиваютъ; юноши взбунтовались противъ генерала-бонапартиста и школа дѣйствительно опустѣла,—ученики разбѣжались, желая биться съ пруссаками...

Уѣзжая изъ Ан..., я сказалъ хозяйкѣ о томъ, что вернусь чрезъ два дня и оставилъ у нея мои книги и плэдъ. Я дѣйствительно вернулся черезъ два дня... и не узналъ тихаго городка. Все было въ волненіи.

Ого, подумалъ я, вотъ оно, что значитъ плѣнъ Базена. Я отправился къ своему отелю и со мной отправилась вся толпа, полиція, жандармы. Мнѣ вдругъ показалось какъ-то страннымъ такое шествіе, и я посмотрѣлъ на моего пріятеля француза, съ которымъ путешествовалъ; онъ мнѣ моргнулъ глазомъ и проговорилъ: nous sommes pincés, cela sera curieux à voir.—Pardon! вдругъ сказалъ мнѣ высокій статскій господинъ, фигуру котораго я замѣтилъ уже при отъѣздѣ изъ Ан...—господинъ-коммиссаръ желаетъ съ вами поговорить.—Гражданинъ-коммиссаръ можетъ со мною поговорить (отвѣтилъ я, понявъ наконецъ, что дѣло идетъ не о плѣнѣ Базена, а о моемъ собственномъ); гдѣ вашъ коммиссаръ?

Изъ café, противъ моего отеля, вышелъ небольшой человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, и, не взглянувъ на меня, произнесъ: «потрудитесь слѣдовать за мною».—«Куда? Въ отель. Пойдемте».—«Милостивые государи, обратился онъ къ намъ, когда мы вышли въ залу—предъ вами стоитъ комисаръ и чтобъ вы знали, что имѣете дѣло съ офиціальной властью, вотъ мой шарфъ»! И онъ выгащилъ изъ кармана своего новый трехцвѣтный шарфъ и хотѣлъ было украсить себя имъ. «Gardez, gardez cela pour vous—воскликнулъ усмѣхаясь мой пріятель, мы вамъ на слово вѣримъ». Коммиссаръ грозно посмотрѣлъ на насъ, переглянулся съ своими двумя полицейскими аргусами и еще грознѣе произнесъ: «вы подозрѣваетесь въ шпіонствѣ, вы прусскіе агенты, я долженъ васъ задержать».—Я вамъ рекомендую не дѣлать вздора, сказалъ я ему—мы такіе же прусскіе агенты, какъ и вы.—«Кто-жъ вы такіе»? спросилъ онъ сурово.—Съ этого слѣдовало начать, отвѣтилъ я—мы корреспонденты журналовъ. «Корреспонденты!—неправда, вы записались въ книгѣ «негоціанты», а въ нашемъ городѣ негоціантамъ нечего дѣлать; теперь вы говорите, что вы корреспонденты, вы, значитъ, совершили подлогъ? я представлю дѣло прокурору»!—Постойте—остановилъ я моего инквизитора—я желаю объясниться съ префектомъ, ведите насъ къ нему въ такомъ случаѣ.—«Развѣ вы знаете префекта»?—Знаю. (Я вовсе не зналъ префекта, но я слышалъ о немъ, и все дѣло для меня было

въ томъ, чтобъ вывернуться изъ рукъ прокурора: прокуроръ имперіи, прокуроръ республики — это все одно и тоже — это уже такой санъ, который считаетъ нужнымъ обвинять всякаго, и потому я всегда предпочиталъ, въ мою бытность во Франціи, находиться на благородной дистанціи отъ нихъ; еслибъ я теперь попалъ къ прокурору, дѣло затянулось бы въ долгую). «Идите впередъ,— сказалъ намъ коммиссаръ— я не желаю васъ компрометтировать передъ народомъ, онъ можетъ съиграть съ вами худую шутку, если увидитъ васъ со мной и убѣдится, что вы шпіоны».— Сдѣлайте милость не стѣсняйтесь, отвѣчали мы смѣясь, мы вовсе не боимся гнѣва народа, мы съумѣемъ объясниться съ нимъ.

Эти слова, повидимому, еще болѣе убѣдили коммиссара въ томъ, что мы самые злостные шпіоны, ибо ищемъ такъ нагло бесѣды съ народомъ. Мы вышли изъ отеля и за нами снова хлынула вся толпа, но я не встрѣтилъ ни одного взгляда, который грозилъ бы намъ растерзаніемъ. «А вы думаете, что въ нашей Франціи можно безнаказанно распоряжаться»?— Гражданинъ-коммисаръ— я васъ увѣряю, что я распоряжался только кускомъ бифштекса въ отелѣ и стаканомъ вина, да и какъ вы не поймете, что въ вашемъ захолустьѣ шпіонамъ нечего дѣлать?— «О, о, Метцъ взятъ, прусская армія идетъ на Ліонъ, они хотятъ занять всю Францію, они всюду посылаютъ своихъ éclaireurs».— Такъ вамъ уже дали знать, что Метцъ взятъ? — «Не кричите, народъ еще не знаетъ»! — Однако, если мы шпіоны, заговорилъ нарочно громко мой пріятель, то разстрѣляйте насъ. Коммиссаръ даже испугался: «мы увидимъ чтó съ вами надо дѣлать».

Мы прождали четверть часа у префекта и предстали наконецъ предъ его не то грознымъ, не то сконфуженнымъ ликомъ. Мы пожаловались ему на безцеремонный арестъ нашъ и спросили его о причинѣ такого обхожденія съ нами. «Мы *подозрѣваемъ* васъ, вы понимаете, какія теперь времена, мы не можемъ допускать путешествовать людей безъ всякой цѣли».— Помилуйте, да корреспондентовъ даже въ главныя квартиры армій допускаютъ, вѣдь безъ корреспондентовъ міръ провалился бы во тьмѣ, мы, конечно, должны будемъ разсказать въ журналахъ про господина коммиссара, поносящаго насъ гнуснымъ именемъ шпіоновъ. «Я не сдѣлалъ вамъ ничего оскорбительнаго, воскликнулъ коммиссаръ, но помните, что я знаю, кто вы такіе»!— Кто же мы такіе?— «Вы— вы секретари тайнаго прусскаго комитета въ Женевѣ, ага! вы теперь не будете отнѣкиваться». Коммисссаръ вперилъ въ меня свои испытующіе взоры, префектъ принялъ величественную позу.— Да, отвѣчалъ я, это правда (лица обоихъ властей передернулись), только вы ошиблись въ чинѣ: я— самъ Бисмаркъ, а это— самъ Мольтке!— Мой пріятель громко расхохотался. Коммиссаръ совершенно сконфузился; префектъ увидѣлъ, что коммиссаръ зашелъ

слишкомъ далеко въ своей стратегической погонѣ за шпіонами и позвалъ меня въ свой кабинетъ: «Намъ дѣйствительно дано знать, что сюда явятся прусскіе шпіоны, и поэтому я долженъ задержать васъ, пока не выяснится ваша личность». Будьте въ такомъ случаѣ такъ добры, телеграфировать въ Женеву къ такимъ-то лицамъ, они тамъ извѣстны своимъ политическимъ положеніемъ. «Да зачѣмъ же вы ѣздите и не представляетесь прямо властямъ»?—Я рѣшительно не предполагалъ, чтобъ у властей было время принимать визиты всѣхъ проѣзжихъ.—«Мы переживаемъ тяжелое время, мы окружены шпіонами, пруссаки, бонапартисты!» — Raison de plus, чтобъ не представляться властямъ—у васъ, къ сожалѣнію, дѣйствительно на высшихъ мѣстахъ удержались бонапартисты съ своими старыми замашками, замѣтилъ я, видя, что новый префектъ дѣйствительно республиканецъ.

Онъ послалъ двѣ телеграммы въ Женеву и объявилъ насъ арестованными. Семь человѣкъ полицейскихъ составили нашъ почетный караулъ; цѣлые два часа тянулось натянутое положеніе между плѣнными шпіонами и стражами республики, даже курить не позволили; но чрезъ два часа, стражамъ надоѣли церемоніи и мы стали болтать—болтать конечно о политикѣ. «Ну, произнесъ одинъ аргусъ, если вы шпіоны, то вы хорошо знаете Францію, чортъ возьми этихъ пруссаковъ!»—А вотъ вы, замѣтилъ я, такъ не хорошіе стражи; ну, представьте себѣ, что мы éclaireur'ы прусскіе, какъ говоритъ коммиссаръ, вотъ вся ваша полиція сбѣжалась караулить насъ, а въ это время пруссаки могутъ войти и занять городъ!—«Э, да что коммиссаръ—произнесъ въ досадѣ одинъ изъ нихъ—вѣдь онъ *гасконецъ*! выдумалъ въ праздникъ арестовывать и держать насъ здѣсь!»

По случаю праздника, мы предложили выпить, что было принято, и на столѣ нашей тюрьмы явились стаканы, бутылки и даже сигары.... Мы провели въ пріятной бесѣдѣ время до 8 часовъ вечера, когда снова явился коммиссаръ, чтобъ получить приказаніе отъ префекта о нашемъ затворничествѣ на ночь; но въ 8¼ часовъ принесли изъ Женевы депешу, и фантазія коммиссара должна была уступить факту: насъ освободили, требуя только, чтобъ мы не медля удалились изъ города. Мы вышли изъ префектуры и, подходя къ своему отелю, увидѣли, какъ тѣ же полицейскіе слѣдили за нами въ разсыпную:—«это мы оберегали васъ отъ *народнаго* нападенія», объяснилъ коммиссаръ, провожая насъ изъ отеля. Мы еще разъ посмѣялись и выбрались изъ стѣнъ града, скандализированнаго мнимыми шпіонами....

Но обратимся къ югу Франціи, гдѣ, какъ мы сказали, тоже политика временного правительства вызвала совсѣмъ другія послѣдствія, и послужила къ основанію особаго союза и особаго правительства подъ названіемъ «Южной Лиги».

Еще за нѣсколько дней до сдачи Метца, «Южная Лига» послала

за Клюзере въ Женеву одного изъ своихъ депутатовъ съ порученіемъ отъ Фрэнсисъ Трена. Тотъ американецъ, о которомъ я говорилъ еще въ прошломъ письмѣ — оказался самъ знаменитый Фрэнсисъ Тренъ; онъ зналъ Клюзере лично, потому что оба они участвовали въ феніанскихъ предпріятіяхъ, оба сидѣли въ тюрьмѣ и оба послѣ встрѣтились въ Америкѣ.

Тренъ замѣчательная личность! онъ вездѣ поспѣваетъ—одни считаютъ его весьма умнымъ, другіе—просто тѣмъ, что зовется въ Америкѣ great *humbug*, великимъ шарлатаномъ, но во всякомъ случаѣ ему нельзя отказать въ смѣлости и предпріимчивости. Онъ нажилъ себѣ огромное состояніе своими публичными чтеніями, до которыхъ такъ падки американцы; онъ сталъ знаменитъ своими чтеніями, изъ-за которыхъ никогда нигдѣ не живетъ, вѣчно путешествуетъ съ мѣста на мѣсто: утромъ лекціи въ такомъ-то городѣ, послѣ обѣда въ другомъ, вечеромъ въ третьемъ; вчера онъ бушевалъ противъ плантаторовъ, завтра онъ становится партизаномъ женскаго вопроса и хлопочетъ о женскомъ журналѣ «The Revolution»; послѣ завтра онъ на Соляномъ озерѣ просвѣщаетъ самого Бригэма Юнга съ его мормонами; слово и печать — его вѣрныя орудія, — они никогда не покидаютъ его. Если онъ остановился на нѣсколько дней въ городѣ, то знайте впередъ, что онъ создастъ новый журналъ и поведетъ пропаганду—и своихъ идей и... своего президентства, ибо вы должны знать, что Ф. Тренъ уже прочелъ болѣе 700 спичей въ пользу своего президентства въ 1872 г.; и онъ такъ убѣжденъ въ своемъ выборѣ—который конечно не состоится—что даже въ Марсели онъ явился на народныя собранія въ своемъ свѣтло-синемъ костюмѣ съ золотыми пуговицами, съ украшеніями феніанскаго главы и съ знаками будущаго американскаго президента. Ему совершенно все равно, что про него пишутъ и какъ его ругаютъ газеты: онъ не останется у нихъ въ долгу—онъ, читая хотя бы въ New-York—Tribune какъ смѣются надъ его ломанымъ французскимъ языкомъ, прочтетъ въ то же время и признаніе репортера, что этотъ ломаный языкъ не помѣшалъ ему вызвать энтузіазмъ 70-ти-тысячной толпы, въ одинъ голосъ клявшейся идти за Треномъ въ битву противъ «вандаловъ и дикарей». И это дѣйствительно такъ было въ Марсели: онъ явился въ Марсель съ своимъ секретаремъ и со своимъ банкиромъ; ему понадобился журналъ, и онъ создалъ маленькій — совершенно въ американскомъ духѣ журнальчикъ la Révolution; надо было большую залу для народныхъ собраній, онъ нанялъ громадную залу цирка; марсельцы обѣщали ему идти за нимъ въ бой, ему понадобился генералъ-меча, ибо онъ самъ только генералъ слова,—онъ узналъ, что Клюзере въ Женевѣ, въ изгнаніи, преслѣдуемый ліонскимъ трибуналомъ, и онъ написалъ Клюзере письмо, чтобъ тотъ немедленно пріѣзжалъ, что онъ его беретъ подъ покровительство своего американскаго знамени...

Клюзере отправился на зовъ Южной-Лиги, и на свою бѣду попалъ въ Марсель въ роковую минуту: борьба между Туромъ и Марселемъ, между Гамбеттою и Эскиросомъ, дошла до окончательнаго кризиса. Турское правительство до такой степени парализовало всѣ стремленія Юга къ вооруженію и походу, что Эскиросу оставалось или дѣйствительно создать особое правительство, или покориться диктаторской прихоти Гамбетты: Эскиросъ рѣшился на второе, надѣясь, что Гамбетта образумится предъ общимъ выраженіемъ воли того марсельскаго народа, который его-же, Гамбетту, послалъ въ законодательный корпусъ въ 69-мъ году. Но Гамбетта поднялся отъ простого депутата Марсели до великаго диктатора всей Франціи и забылъ про souveraineté populaire — его оскорбила *непокорность* Юга, о которой гудѣли въ набатъ, какъ о великомъ скандалѣ, всѣ журналы реакціи,— Гамбетта послалъ Жента (Gent) усмирить Югъ. Между Эскиросомъ и Жентомъ только одно сходство—это ихъ имя—Альфонсъ, все остальное и розно и противоположно. Эскиросъ провелъ долгіе годы въ Англіи и съумѣлъ перевоспитать себя, съумѣлъ воспользоваться великими уроками практической свободы, проникнуться истиннымъ англійскимъ демократизмомъ новыхъ реформистскихъ партій — выражающимся въ искреннемъ уваженіи народнаго мнѣнія, въ добросовѣстномъ сообразованіи своихъ дѣйствій съ заявленными интересами и стремленіями народа; власть для Эскироса представлялась не болѣе, какъ регуляторомъ, а не капризнымъ распорядителемъ народа, сведеннаго на автоматство, и въ этомъ отношеніи — изъ всѣхъ лицъ ставшихъ во главѣ общаго или мѣстнаго правленія страною — Эскиросъ является единственною личностью; изгнаніе, вскормленное чужеземною опытностью, оказалось не безплоднымъ для его родной страны.

Совершенно иною представляется личность Жента; старый революціонеръ и конспираторъ, членъ «Молодой Горы» въ 49 году въ Ліонѣ, онъ мало чему или, проще, ничему не могъ научиться въ ссылкѣ на африканскомъ берегу; онъ остался вѣренъ своей формалистикѣ, своему поклоненію, диктаторскимъ формамъ извѣстной школы революціонеровъ; онъ рѣшилъ что Гамбетта—великій гражданинъ, и что онъ будетъ его пророкомъ. И вотъ онъ явился въ Марсель съ своимъ грознымъ привѣтомъ: «Я снабженъ полновластіемъ, и не подчиняюсь здѣсь никому, никому не обязанъ отчетомъ и ни у кого не намѣренъ спрашивать совѣта».—Слухи объ отъѣздѣ Эскироса изъ Марсели уже болѣе недѣли приводили городъ въ смятеніе: «Эскиросъ останется среди насъ и во главѣ насъ—успокоивала народъ марсельская Egalité,—назначеніе Эскироса подписано было въ Парижѣ, всѣми членами временного правительства, и Гамбетта не можетъ диктаторски распоряжаться Франціей». А между тѣмъ Гамбетта не только захотѣхъ смѣнить и Эскироса и префекта Дельгема, но даже назначилъ на ихъ

мѣсто ненавистнаго городу генерала національной гвардіи Мари, поручилъ ему объявить городъ въ осадномъ положеніи и распоряжаться полновластно.

Марсель, вѣчно бушующій революціонный маякъ Франціи, легіоны котораго увѣковѣчили Марсельезу по пути къ Парижу для сверженія трона, 10-го августа 92 г., и къ границѣ для побѣды надъ Брунсвикомъ,—Марсель, всѣ 18 лѣтъ имперіи не перестававшій протестовать противъ 2-го декабря, — Марсель снова всталъ на ноги: «Какъ! насъ хотятъ подвергнуть осадному положенію вмѣсто того, чтобы дать намъ средства идти осадить пруссаковъ подъ Парижемъ! l'état de siége ce n'est plus la république, c'est l'empire dans les plus mauvais jours—(при осадномъ положеніи нѣтъ болѣе республики, это имперія въ ея худшіе дни)! Мы не подчинимся самоубійству! le peuple décide de se rendre justice lui-même: народъ самъ распорядится своею судьбою».

Денежная аристократія Марсели смутилась волненіями; чтобы утѣшить ее, самъ citoyen Тренъ отправился «avec son banquier, le citoyen Rabaud», въ ихъ клубъ, въ cercle des Phocéens: «Я обращаюсь ко всѣмъ классамъ, я радъ сегодня сказать вамъ: надо, чтобъ аристократія шла съ народомъ, иначе народъ задавитъ аристократію въ въ своемъ шествіи (*sensation*, помѣтилъ секретарь Трена при отчетѣ объ этой рѣчи). Говорятъ, что вы бонапартисты, бурбоны, орлеаны, друзья имперіи и монархіи (*нѣтъ, нѣтъ! мы всѣ за республику*,—закричали граждане-аристократы). A la bonne heure! обрадовался Тренъ, впередъ-же, пойдемте въ Пруссію съ нашей Южной арміей, и провозгласимте въ Берлинѣ германскую республику! Между вами есть люди, которые боятся гражданской войны, гоните этотъ ложный страхъ; въ аристократическихъ кругахъ есть люди, которые кричатъ о гражданской войнѣ только для того, чтобы лучше укрыть свое предательство; тѣ, которые толкаютъ народъ на гражданскую войну—презрѣнные монархисты, да, они хуже чѣмъ предатели *(Sensation!)*; я убилъ бы такихъ людей какъ собаку; знайте, что тѣ, которыхъ вы зовете демагогами, болѣе стоютъ чѣмъ вашъ императоръ, который четверть вѣка водилъ васъ за носъ, какъ водятъ малаго ребенка! Извините за правду *(говорите, говорите!)*. Франція ужасно деморализована! развращенное правительство могло только развращать народъ. Оно сдѣлало изъ васъ лавочниковъ; въ вашемъ Марсели можно насчитать тысячами людей, болѣе предпочитающихъ продавать волонтерамъ дрянные башмаки, которые не продержутся и 6-ти недѣль, чѣмъ идти на спасеніе отечества *(шумъ, волненіе)*... Банкиры, негоціанты, капиталисты, не будьте ни бонапартистами, ни легитимистами, ни орлеанистами, будьте французами республики. Пусть всѣ, богатые и нищіе, народъ и члены аристократіи соединятся, и Франція восторжествуетъ, я ручаюсь вамъ. Поднимайтесь же всѣ. Къ оружію! Да здравствуетъ

Франція»!—Восторженныя рукоплесканія потрясли аристократическій клубъ при неслыханной дотолѣ въ его стѣнахъ *американской* рѣчи: Намъ надо ружей, пуль! заголосили члены аристократіи, въ унисонъ съ требованіемъ народныхъ клубовъ... Ружья и пули явились на сцену, но въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ надѣялся гражданинъ Тренъ.

— «Метцъ преданъ, 150 тысячъ арміи проданы Базеномъ! Пруссакъ идетъ на Ліонъ!» прогудѣло по всему Марселю. Газеты явились съ черною каймою, знамена Лиги Юга, Интернаціональной Ассоціаціи покрылись крепомъ. Манифестація двинулась къ городской думѣ и узнала, что муниципальный совѣтъ, цѣлые два мѣсяца ежедневно парализовавшій всѣ военныя мѣры и рѣшенія департаментскаго Совѣта защиты — этотъ муниципалитетъ рѣшился испробовать свои военныя мѣры на самомъ марсельскомъ народѣ.

— Коммюну! раздалось въ многотысячныхъ народныхъ собраніяхъ. Коммюну! рѣшили всѣ комитеты.

Городская дума была занята народомъ; генералъ Мари, которому турское правительство дало полновластіе, исчезъ неизвѣстно куда. Департаментскій совѣтъ и префектъ декретировали распущеніе муниципальнаго совѣта за его незаконный призывъ къ военной силѣ и утвердили новую муниципальную коммиссію изъ 36 человѣкъ, т.-е. коммюну. Клюзере былъ провозглашенъ генераломъ всѣхъ войскъ Юга; народъ отправился за нимъ въ Hôtel du Louvre; и послѣ энергической рѣчи съ балкона, Клюзере, въ сопровожденіи Трена и безчисленной толпы, окруженный gardes civiques, отправился въ городскую думу и занялъ генеральный штабъ, подчиняясь вполнѣ Эскиросу: «Мое назначеніе—организовать южную армію и идти биться. При первой возможности избранія Марселемъ генерала для своей національной гвардіи, я передамъ ему мое временное начальство надъ національной гвардіей; я принялъ пока это начальство только для того, чтобы поддержать порядокъ: я поддержу его, потому что надо, чтобъ порядокъ царствовалъ на улицѣ для того, чтобы онъ царствовалъ въ умахъ».

Такъ устроилъ свои дѣла Марсель, и теперь было интересно, т.-е., поучительно, посмотрѣть, какія мѣры защиты, какую энергію борьбы выкажетъ самобытное народоправленіе!...

Но посланничество изъ Тура Жента снова перевернуло все вверхъ дномъ, и вмѣсто того, чтобы думать о защитѣ республики, марсельцы услышали выстрѣлъ—сигналъ гражданской войны. Громадная толпа встрѣтила Жента у дебаркадера желѣзной дороги,—но на счетъ причины присутствія этой толпы было легко ошибиться: одни батальоны національной гвардіи шли за тѣмъ, чтобы привѣтствовать его; другіе,— и въ большемъ числѣ—за тѣмъ, чтобъ Жентъ сразу понялъ, что ему не слѣдъ оставаться въ Марсели, десятками тысячъ голосовъ тре-

бующемъ Эскироса! Странное зрѣлище представляло путешествіе Жента отъ дебаркадера до городской думы. Впереди шла garde civique— небольшая группа; и казалось, будто она ведетъ за собою въ плѣнъ и батальоны національной гвардіи и самого Жента, оглушеннаго со всѣхъ сторонъ криками: vive Esquiros! Но Жентъ—человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ: онъ даже не поморщился, и когда вошелъ въ Hôtel de Ville вмѣстѣ съ garde civique и цѣлой толпой друзей и недруговъ, то въ свою очередь ошеломилъ присутствующихъ словами, которые я привелъ выше.

Въ отвѣтъ на эти слова раздался выстрѣлъ, и Жентъ опустился на кресло. Но я васъ увѣряю, что даже самъ онъ менѣе поблѣднѣлъ и испугался, чѣмъ бывшіе вокругъ него делегаты Южной Лиги, Революціоннаго Комитета и Коммюны: «Мы пропали! глухо сказалъ одинъ изъ нихъ сосѣду, мы проданы какимъ-нибудь реакціонеромъ!»

— Къ оружію! раздалось по городу, въ думѣ убиваютъ людей! Лавки быстро закрылись, ихъ хозяева поспѣшно вооружились и хлынули въ бѣшенствѣ къ думѣ. По пути они встрѣтили въ allées de Meillan карету съ gardes civiques, возвращавшихся изъ тюрьмы de St. Pierre, куда они свезли Николá, полковника національной гвардіи, за его намѣреніе противодѣйствовать мѣрамъ Эскироса и Клюзере. Снова раздались выстрѣлы, и почти всѣ сидѣвшіе въ каретѣ были переранены—это граждане «буржуазныхъ» батальоновъ расправлялись съ gardes civiques. Gardes civiques отправились разыскивать убійцъ своихъ собратьевъ — снова ружейный огонь, снова двѣ жертвы, на этотъ разъ въ ряду «буржуазныхъ» батальоновъ. Враги gardes civiques отвѣчали выстрѣлами даже изъ оконъ домовъ въ толпу.

Молва о покушеніи на жизнь Жента облетѣла весь городъ: злоба всѣхъ элементовъ, оппозиціонныхъ республикѣ, нашла теперь удобный случай обрушить всю вину на gardes civiques, — даже тѣ батальоны національной гвардіи, которые дружились съ garde civique отвернулись отъ нея и ей пришлось идти на капитуляцію: національная гвардія потребовала, чтобъ gardes civiques оставили городскую думу, которою они владѣли съ начала республики, обѣщая въ знакъ примиренія, что и она (національная гвардія) предоставитъ огражденіе порядка законнымъ властямъ. Капитуляція была заключена: gardes civiques уступили, вполнѣ увѣренные, что выборы, назначенные Коммюною на слѣдующее воскресенье, утвердятъ верховную власть Эскироса, Клюзере и Коммюны. Но вслѣдъ за капитуляціей, Жентъ, который, по провозглашенію Гамбетты, преобразился «изъ героя въ мученика» — Жентъ вступилъ въ абсолютное управленіе Марселемъ и прежде всего отмѣнилъ выборы, оставляя ихъ до болѣе *благопріятнаго* времени.

Гражданскія смуты этимъ однако не кончились сразу: національная гвардія не хотѣла успокоиться, многочисленныя группы офицеровъ

отправились къ Hôtel du Louvre демонстрировать противъ Клюзере, угрожая ему самовольной расправой: вмѣсто Клюзере явился Тренъ и когда офицеры стали размахивать въ воздухѣ саблями и грозить Трену револьверами, Тренъ окуталъ себя французскимъ и американскимъ знаменами: «попробуйте осквернить эти знамена; совершите низкое убійство надъ человѣкомъ, приносящимъ свою кровь Франціи, но не думайте, что вы заставите меня замолчать ранѣе, чѣмъ шесть пуль моего револьвера не вылетятъ изъ него. Vive la République, vive la France et l'Amérique»!

Офицеры опомнились, но ихъ поведеніе произвело бурю въ клубахъ, куда явился Тренъ съ обличеніемъ и реакціонеровъ и имперіалистовъ; ораторы клубовъ указывали на поведеніе Клюзере: «Клюзере назначилъ слѣдствіе надъ убійствами, онъ обѣщалъ намъ prompte et sevère justice, реакціонерамъ это не нравится, они опять лишаютъ насъ единственнаго человѣка, способнаго вести въ огонь...» Обвиненія такимъ образомъ были взаимныя, національная гвардія, торговые люди, обвиняли — gardes civiques, Лигу и Коммюну. Рабочіе люди обвиняли реакцію. Вслѣдъ за выстрѣломъ общее собраніе Коммюны, Лиги и Департаментскаго Совѣта обнародовали прокламацію: «Граждане! васъ обманываютъ для того, чтобъ разъединить васъ! Пуля, поразившая гражданина Жента могла выйти только изъ рукъ реакціи; мы употребимъ всѣ усилія, чтобъ отыскать мерзавца, совершившаго это преступленіе».

— Граждане! говорилъ съ своей стороны Эскиросъ—я обращаюсь къ вамъ со смертью и отчаяніемъ въ душѣ. Самое страшное бѣдствіе, которое мы хотѣли предотвратить всѣми средствами убѣжденія—гражданская война грозитъ разразиться въ Марсели. Я умоляю васъ во имя республики, во имя вашихъ матерей, вашихъ дѣтей, остановите какою бы то ни было цѣною пролитіе крови.... Соединитесь всѣ, дорогіе граждане и друзья; избѣгнемъ во что бы то ни стало сраженій на улицахъ, мы скоро должны встрѣтиться на иномъ полѣ битвы!»

Читая такіе призывы со стороны людей, которыхъ реакціонные журналы обвиняютъ чуть не въ разбоѣ и служеніи пруссакамъ, видя въ то же время, что народъ готовъ съ полною вѣрою идти противъ внѣшняго врага именно за этими людьми, проповѣдующими внутренній миръ и единодушіе, жертвующими, какъ Эскиросъ, всѣмъ — своимъ именемъ, своей властью, своей популярностью, своимъ сыномъ, и уступающими Гамбеттѣ, лишь бы не служить поводомъ для смутъ;—слыша самыя жестокія обвиненія этихъ же людей чуть ли не въ самыхъ гнусныхъ преступленіяхъ—можно невольно спросить себя: да кто же тутъ правъ, кто виноватъ? Лгутъ ли обвиняющіе этихъ людей? лицемѣрятъ ли эти люди? Мое дѣло воздержаться отъ приговора, предоставляя его людямъ болѣе компетентнымъ, мое дѣло только изображать

факты въ ихъ наивозможно большей достовѣрности. Въ данномъ случаѣ, всякій невольно остановится предъ фактомъ самоотверженнаго, искренняго патріотизма, и я думаю, что, еслибъ такихъ фактовъ повторялось во Франціи болѣе, то они имѣли бы болѣе *вѣсу* въ глазахъ и Пруссіи и Европы, чѣмъ всѣ циркуляры, рѣчи и прокламаціи Гамбетты и К°. Судите жъ о фактѣ. «Граждане — писалъ префектъ Марсели Дельпешъ по взятіи Метца,—когда французы были еще достойны этого имени, слово *капитуляція* было чуждо ихъ языку. Съ тѣхъ поръ, какъ темный авторъ 51-го года одолѣлъ націю своимъ зачумленнымъ духомъ, это слово, свойственное презрѣннымъ опорамъ второй имперіи, раздается во всѣхъ депешахъ... Франція знаетъ теперь, что̀ такое предательство... Но негодяи и предатели никогда не знаютъ, какой мужественной стойкостью можетъ обладать народъ; отнюдь не падая подъ ударомъ, великій народъ найдетъ въ себѣ непобѣдимую рѣшимость, низвергающую всѣ препятствія.... я подаю отставку отъ званія префекта и беру ружье. Вы пойдете всѣ со мною, и когда наши старики и жены встрѣтятъ гдѣ-нибудь здороваго человѣка не въ войскѣ, они воскликнутъ съ законнымъ негодованіемъ: вотъ презрѣнный негодяй!»

И Дельпешъ сдержалъ свое слово: среди всѣхъ смутъ [1]), въ понедѣльникъ вечеромъ, 7-го ноября, многочисленная группа стариковъ, женщинъ и дѣтей провожала на желѣзную дорогу волонтеровъ, «вольныхъ стрѣлковъ Равенства». Впереди всѣхъ шелъ, съ ружьемъ на плечѣ, Дельпешъ рядомъ съ провожавшими его женою и дѣтьми; за нимъ и его товарищами слѣдовали «вольные республиканскіе стрѣлки», ex-gardes civiques, съ своимъ предводителемъ Pillard'омъ.

Они направлялись къ Гарибальди. Гарибальди сдѣлался лучемъ надежды и вѣры для горячихъ защитниковъ Франціи, благодаря общему мраку разладицы и недовѣрія...

Но легко было предвидѣть, что система война гарибальдійцевъ не найдетъ себѣ искренней поддержки въ политикѣ временного правительства. Видя постоянные тормазы, Гарибальди въ первое время даже отчаявался въ возможности какой-нибудь пользы и даже не хотѣлъ призывать къ себѣ своихъ старыхъ сподвижниковъ: «Я знаю, что умру здѣсь за идею, не принеся пользы». Потомъ, когда смѣстили Камбріеля, дѣла пошли лучше: братья Меноти и Ричіоти, ге-

---

[1]) Смуты пока закончились выборами, съ разрѣшенія Жента, новаго муниципалитета. Газеты указывали на эти выборы, какъ на торжество анти-коммюнной партіи, но этотъ выводъ ошибоченъ: дѣло въ томъ, что приверженцы Коммюны вовсе *воздерживались* отъ выборовъ, вслѣдствіе краткаго срока, даннаго имъ для составленія листа кандидатовъ. Такимъ образомъ, партія недовольныхъ современнымъ положеніемъ Марсели нисколько не уменьшилась, и мы можемъ ежедневно ждать новой вспышки, тлѣющаго огня, новой грозы гражданской борьбы.

нералъ Боссакъ стали собирать вокругъ себя тысячи храбрыхъ бойцевъ и организовали силы, несмотря на то, что турское правительство выдало Гарибальди *смѣшную* сумму въ 50 т. фр. и приглашало его быть *экономнымъ!* Въ эту минуту газеты объявляютъ, что вмѣсто генерала Мишеля назначенъ въ сподвижники Гарибальди—Полиньякъ, благородный феодалъ, сражавшійся въ Америкѣ — за плантаторовъ. Это онъ теперь будетъ помогать Гарибальди сражаться за «всемірную республику»! А между тѣмъ, Гарибальди приходится воевать не только съ пруссаками, но и съ ксендзами, которые ведутъ противъ него истинную войну гверильясовъ. Они публично проповѣдуютъ въ церквахъ, что лучше сдаться пруссакамъ, чѣмъ впустить въ села и города—антихристовъ-гарибальдійцевъ, и такимъ образомъ сѣютъ своими проповѣдями страхъ и ужасъ между невѣжественнымъ населеніемъ; гарибальдійцы вошли въ Отёнъ и предали суду одного изъ такихъ *патріотическихъ* проповѣдниковъ: клерикалы завопили о покушеніи на священный санъ; судъ приговорилъ попа къ казни, но телеграмма Гамбетты велѣла остановить приговоръ!...

Можно только сожалѣть, что сердце Гамбетты не всегда такъ великодушно: вотъ какъ-то ночью разбудили въ ліонскихъ казармахъ мобилей и велѣли имъ идти скорымъ маршемъ въ Вильфраншъ (около льё отъ Ліона); они думали, что наконецъ-то ихъ ведутъ на пруссаковъ; но когда пришли на мѣсто назначенія, то увидѣли, что ихъ вели только присутствовать, для примѣра и устрашенія, при казни одного изъ товарищей. Непривычные мобили выстрѣлили въ сторону, приговоренный стащилъ повязку съ глазъ и произнесъ гробовымъ голосомъ: «Я не раненъ!—Grâce! grâce! пощада»! вырвалось невольно у всѣхъ изъ груди: начальникъ велѣлъ надвинуть повязку на глаза и сурово скомандовалъ: *пли!* простреленный трупъ упалъ на землю. «Они мужественно исполнили долгъ, повелѣваемый дисциплиной»! Это пишутъ республиканцы, перепечатавшіе стихи В. Гюго объ Obéissance passive, воззванія Ф. Піа и пр. и пр. Можетъ быть, идеалъ милитаризма—нѣмое, внѣ всякой мысли и размышленія, obéissance passive, но, во-первыхъ, зачѣмъ же республиканцы ратовали противъ этой obéissance, а во 2-хъ, требовать, чтобы простые смертные, обыкновенные граждане прониклись въ одинъ мѣсяцъ той дисциплинарной премудростью, которая пріобрѣтается цѣлыми казарменными годами—врядъ ли основательно. Поэтому, я могу понять ропотъ и негодованіе, вызываемые въ народѣ и мобиляхъ этими *разстрѣливаніями*, съ нѣкоторыхъ поръ, совершаемыми по всей Франціи за малѣйшее дисциплинарное отступленіе, за грубость къ начальству, когда самъ же Гамбетта допускалъ выборный принципъ для назначенія офицеровъ. Но я знаю также, что не меньшее негодованіе возбудилъ и графъ де-Кератри, главнокомандующій бретанской арміей, своей амнистіей: одного мобиля пригово-

рили къ разстрѣлянію тоже за проступокъ противъ дисциплины: началась церемонія разстрѣливанья — офицеры и солдаты просили о помилованіи; Кератри оставался неумолимъ, осужденнаго привязали къ столбу эшафота, вырыли яму; всѣ напрасно продолжали просить Кератри; забилъ барабанъ и тогда Кератри выступилъ впередъ. Я прощаю преступника! вы будете помнить мое великодушіе!...» Осуждённый упалъ на колѣни: «встаньте — французъ никогда не долженъ преклоняться»!

— Кто далъ ему власть? говорятъ республиканцы; почему Кератри смѣетъ такъ распоряжаться нами? мало развѣ насъ пруссаки разстрѣливаютъ!...

Не меньшій ропотъ вызываютъ и *гражданскія* распоряженія турскаго правительства. Паденіе Метца было сигналомъ для волненія не въ одномъ Марсели, но почти во всѣхъ городахъ Франціи, незанятой нѣмцами. Ненависть противъ бонапартистскихъ генераловъ, судей и слугъ разразилась энергичнымъ требованіемъ немедленной смѣны всѣхъ бонапартистовъ. Нѣсколько генераловъ было арестовано самимъ народомъ; нѣсколько префектовъ уволили президентовъ трибуналовъ за ихъ участіе въ смѣшанныхъ судныхъ коммиссіяхъ декабрьскаго переворота;—легитимистскіе и бонапартистскіе органы завопили объ анархіи; Гамбетта приказалъ немедленно освободить всѣхъ бонапартистовъ изъ-подъ ареста; Кремьё приказалъ немедленно возстановить въ ихъ санахъ и должностяхъ отставленныхъ президентовъ трибуналовъ. Я могъ бы представить цѣлый списокъ подобныхъ мѣръ, раздражающихъ французскую націю и важныхъ по тѣмъ смутнымъ послѣдствіямъ, которыя скажутся *послѣ* войны; если я указывалъ и въ прошломъ и въ нынѣшнемъ письмѣ на мрачное состояніе Франціи, то, я думаю, теперь понятно, что эта мрачность состоитъ въ возможности легко предвидѣть смѣну внѣшней войны—войною внутреннею.

Я ничего не говорю въ этотъ разъ о Парижѣ, имѣя въ виду удѣлить болѣе мѣста Марсели, положеніе котораго знакомо мнѣ обстоятельно. Притомъ о Парижѣ по газетамъ нельзя теперь судить.

Въ Парижѣ однако повторился тотъ фактъ, который я предсказывалъ въ прошломъ письмѣ. Вопросъ о коммюнѣ уляжется и тамъ еще не скоро, и сколько извѣстно, партизаны коммюны продолжаютъ въ Парижѣ настаивать на своихъ требованіяхъ; много еще стачекъ впереди и не одна еще личность погибнетъ: «Революція, какъ Сатурнъ, поглощаетъ своихъ дѣтей», говорилъ ораторъ Верньо... Роковое созвучіе имени *коммюны* съ *коммунизмомъ* сбиваетъ многихъ и здѣсь. Но на дняхъ само турское правительство своею оппозиціею *коммюнѣ* невольно растолковало ея настоящее значеніе и вмѣстѣ доказало, что противники его имѣютъ для себя основаніе. Ліонскій муниципальный совѣтъ, вотировалъ налогъ на движимую собственность въ своей *коммюнѣ*

не ожидая согласія турскаго правительства или кого-нибудь другого. Турское правительство кассировало этотъ коммюнный приговоръ, ссылаясь на законы 1855 и 1867 гг., отказывающіе муниципалитетамъ въ правѣ распредѣлять налоги, такъ какъ эта власть принадлежитъ *только* законодательному корпусу. Но законодательнаго корпуса теперь не хочетъ ни само турское правительство, ни республиканская партія. Созваніе законодательнаго корпуса всей Франціи—является теперь дѣйствительно и неудобнымъ и опаснымъ. Республиканская партія не можетъ теперь думать о пропагандѣ въ селахъ противъ бонапартизма, 20 лѣтъ вбивавшагося въ темныя головы населенія. Законодательное или учредительное собраніе въ данную минуту могло бы оказаться вполнѣ бонапартистскимъ или орлеанскимъ, и что вышло бы, если такое собраніе вотировало реставрацію Бонапарта или Орлеановъ, или миръ во что бы то ни стало? вышла бы неминуемо страшная гражданская война. Эта война грозила бы и въ томъ случаѣ, еслибъ собраніе оказалось республиканскимъ: несмотря на заявленія Трошю и Тьера, что теперь только республика можетъ спасти Францію, неизвѣстно, какъ отнеслись бы старыя партіи, въ рукахъ у которыхъ теперь и оружіе и не одинъ изъ военныхъ начальниковъ? И если суждено быть гражданской войнѣ, то понятно желаніе патріотовъ отдалить ее по крайней мѣрѣ на то время, когда пруссаки будутъ изгнаны или удалены изъ Франціи. Вотъ почему республиканцы, ратуя противъ диктатуры Гамбетты, ищутъ противовѣса ей не въ созваніи законодательнаго корпуса, а въ учрежденіи коммюнъ—т.-е. мѣстныхъ верховныхъ представительствъ, связанныхъ федеративнымъ единствомъ.

Въ Швейцаріи существуетъ давно уже коммюна; потому что въ сущности каждый большой, т.-е. законодательный совѣтъ, и исполнительный, кантональный, совѣтъ каждаго кантона, представляютъ собою полную верховную власть народа извѣстной мѣстности, т.-е. кантона. Двѣ недѣли тому назадъ, здѣсь на моихъ глазахъ,—произошла революція въ Женевѣ — консервативное правительство пало, консервативный законодательный корпусъ смѣненъ радикальнымъ. Сколько же побито при этомъ? можетъ быть нѣсколько бутылокъ, но конечно не людей! Народное голосованіе дало большинство въ законодательный корпусъ радикаламъ; государственный исполнительный совѣтъ, видя перемѣну общественнаго мнѣнія, самъ подалъ въ отставку ранѣе срока своей власти, и только! Порядокъ не былъ нарушенъ. Правда, въ тотъ день я видѣлъ, какъ шелъ цѣлый батальонъ съ своими ружьями, съ музыкою и знаменами, но этотъ батальонъ шелъ не *на* городъ, а *изъ* города,—къ границѣ, для огражденія швейцарскаго нейтралитета.

— Вотъ что значитъ, сказалъ я одному швейцарцу — милиція, а не французское военное устройство, совсѣмъ духъ иной, солдаты не вмѣшиваются въ политику...

— «Вы очень ошибаетесь, отвѣтилъ мнѣ собесѣдникъ, солдаты у насъ также вмѣшиваются въ политику, они вотируютъ, какъ и я; они только не станутъ бить насъ, какъ били во Франціи гражданъ, но это вовсе не потому, что у насъ милиція — въ милиціи самой по себѣ нѣтъ никакого демократизма, а потому, что у насъ всѣ государственныя учрежденія демократическія, наши нравы демократическіе, и нами правитъ духъ свободы, а не милитаризма... Вотъ нѣмцы, прибавилъ онъ съ нѣкоторою досадою, хвалятся, что у нихъ такое же военное устройство, но я увѣренъ, что прусская милиція съ готовностью пойдетъ умиротворять гражданъ! Впрочемъ, у нѣмцевъ совершенно иное устройство: у насъ каждый солдатъ—гражданинъ, а у нихъ каждый гражданинъ — солдатъ»!...

Возвращаясь, въ заключеніе, къ критикѣ современнаго положенія Франціи, мы должны впрочемъ сказать, что при всѣхъ ошибкахъ временного правительства, оно успѣло однако показать все удобство для Франціи избавиться отъ прежняго жестокаго режима: Наполеонъ III употребилъ почти 20 лѣтъ на то, чтобы сдѣлать страну беззащитною, а такія лица, какъ наприм., Трошю и Доріанъ успѣли въ 20 дней сдѣлать все, чтобы Парижъ выдерживалъ осаду мѣсяцами. На Франціи мы увидѣли такимъ образомъ примѣръ того, что болѣе свободный режимъ и правительство, сколько-нибудь опирающееся на народъ, внушаютъ несравненно болѣе любви къ отечеству и даютъ болѣе огражденія странѣ, чѣмъ двадцать лѣтъ бонапартовскаго гнета и разоренія.

Ав. Свмъ.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Факты изъ исторіи современной русской цивилизаціи.

Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи. Выпускъ 2-й. На Юго-западѣ Россіи. 1869 годъ. *Кн. В. П. Мещерскаго.* Спб. 1870, стр. IV и 450.

Съ незапамятныхъ временъ извѣстно, что мы Россію не знаемъ, да еслибъ и захотѣли узнать ее, то не нашли бы для того всѣхъ нужныхъ матеріаловъ въ нашихъ книгохранилищахъ. Этимъ незнаніемъ отчасти объясняются нескончаемые споры о линіяхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, о преимуществахъ одной мѣстности передъ другою, и дороговизна постройки ихъ, пришедшая такъ на руку многимъ ловкимъ предпринимателямъ. Нужно было нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ мы убѣдились, что, наприм., поверстная стоимость нашихъ желѣзныхъ дорогъ ни съ чѣмъ не сообразна, что страна, входящая въ составъ

русской державы и имѣющая автономію, строитъ ихъ дешевле и даже лучше. Этимъ незнаніемъ объясняется нескончаемый вопросъ о сибирской желѣзной дорогѣ,—точно дѣло идетъ о плаваніи по Восточному океану во времена великихъ открытій на моряхъ португальцевъ, голландцевъ и англичанъ. Но и Восточный океанъ изслѣдованъ теперь едва ли не лучше, чѣмъ Россія. Въ виду такого недостатка свѣдѣній о Россіи, мы обязаны благосклонно принимать всякую мало-мальски дѣльную книгу и рекомендовать ее для руководства всѣмъ соотечественникамъ, которые не пожелаютъ оставаться при свѣдѣніяхъ о Россіи, сообщаемыхъ Несторомъ: «земля наша велика и обильна».

Книга князя Мещерскаго безспорно дѣльная книга, хотя она не удовлетворяетъ вполнѣ человѣка, который захотѣлъ бы по ней изучить нашъ югозападъ. И это произошло не столько потому, что князь Мещерскій не особенно серьёзно изучаетъ мѣстности, которыя удалось ему видѣть, сколько потому, что на первомъ планѣ стоялъ для него вопросъ «политическій», а не экономическій. Политическому вопросу онъ посвящаетъ слишкомъ много страницъ въ своей книгѣ, не говоря ничего особенно новаго, чего бы ужъ не было сказано въ нашей журналистикѣ. При этомъ, авторъ не возвышается надъ уровнемъ обыкновенныхъ требованій, полагая всю надежду на талантливыхъ и энергическихъ администраторовъ, на единичныя усилія людей, посвящающихъ себя крестьянскому дѣлу; между тѣмъ въ русской жизни, на западѣ и на востокѣ, на сѣверѣ и на югѣ, одинаково важны были бы такія сословія, которыя не давали бы засыпать администраціи и вызывали бы общественныя силы на народное дѣло, на самоуправленіе, на вниманіе ко всему тому, что̀ ихъ окружаетъ. Необходимо развитіе общественной жизни, необходимо вызвать дремлющія силы изъ того полусознанія, въ которомъ они находятся, а вызвать ихъ нельзя такими мѣрами, какъ учрежденія клубовъ, какъ балы и вечера, какъ воззванія къ обществу, чтобъ оно «интересовалось общественною жизнію», какъ приглашеніе русскихъ людей къ тому, чтобъ они бросили сплетни и карты и предались бы «дѣйствительнымъ интересамъ мѣстной жизни».

Оставаясь въ своемъ кругѣ воззрѣній, князь Мещерскій сообщаетъ, однакожъ, довольно фактовъ, чтобъ по нимъ судить о положеніи нашего юго-запада. «Политическій» вопросъ тамъ все еще существуетъ, все еще тревожитъ и администрацію и жителей; отсутствіе твердой системы въ управленіи краемъ, постоянные пересмотры однимъ администраторомъ того, что̀ сдѣлалъ его предшественникъ, существенно мѣшаютъ окончанію крестьянскаго вопроса и поддерживаютъ иллюзію въ полякахъ. Естественно, что крестьянскій вопросъ та сила, на которой зиждется все зданіе политическихъ мечтаній поляковъ; его разрѣшеніе въ пользу крестьянъ обезсилитъ политическое значеніе поль-

свихъ помѣщиковъ, и наоборотъ, разрѣшеніе его въ пользу помѣщиковъ усилитъ политическое значеніе послѣднихъ. Поляки сильны тамъ и числомъ, и интеллигенціею, и постоянствомъ своей политики, которая хорошо резюмируется словами одного тамошняго поляка: «надо все брать двумя средствами: или заставляя терять терпѣніе, или возбуждая къ себѣ жалость, и мало-по-малу, безъ шуму и скандаловъ разрушать камень за камнемъ въ зданіи только-что воздвигнутомъ. Русскіе кончатъ тѣмъ, что оставятъ насъ въ покоѣ». Значеніе польской интеллигенціи отвергать невозможно, а о численной силѣ этой интеллигенціи можно судить по слѣдующимъ даннымъ о числѣ польскихъ и не-польскихъ землевладѣльцевъ въ трехъ югозападныхъ губерніяхъ, Кіевской, Волынской и Подольской: владѣльцевъ не-польскихъ въ Кіевской—389, въ Волынской—375 и въ Подольской—321, всего 1,085; польскихъ же владѣльцевъ 4,376, именно въ Кіевской губерніи 1,035, въ Волынской 2,056 и въ Подольской 1,295. Распредѣленіе между ними земель, разумѣется, также говоритъ въ пользу польской силы: у нея, т.-е. у поляковъ, въ распоряженіи 5,674,098 десятинъ, у силы не-польской—1.199,132. И эта пропорція мѣняется самымъ незначительнымъ образомъ отъ продажи имѣній поляками, преимущественно потому, что продажа эта обставлена значительными затрудненіями, зависящими частію отъ порядка оффиціальнаго, частію отъ мѣстныхъ условій жизни, гдѣ еврейство такъ сильно все эксплуатируетъ въ свою пользу. (См. стр. 154 — 167). Поднятіе уровня русской интеллигенціи, разумѣется, все зависитъ отъ школъ, и характеристическая особенность юго-западнаго края заключается въ томъ, что въ гимназіяхъ множество крестьянскихъ дѣтей; разумѣется, эти дѣти не кончаютъ по большей части курса и выходятъ изъ гимназіи съ незначительнымъ запасомъ практическихъ свѣдѣній, столь нужныхъ крестьянину: система классическихъ гимназій тутъ оказываетъ все свое вредное вліяніе самымъ блестящимъ образомъ. За то нѣкоторыя частныя школы, обязанныя своимъ существованіемъ частной иниціативѣ, производятъ весьма пріятное впечатлѣніе. На Волыни, напр. по брестскому шоссе, есть село Пищево, въ немъ священникъ, у священника братъ, г. Чечётъ, учитель уѣзднаго училища въ Одессѣ. Оба брата, проникнутые любовью къ своимъ односельчанамъ, завели школу, для устройства которой г. Чечётъ пожертвовалъ 4 т. руб., собранныхъ имъ своимъ трудомъ; школа стоила тысячу рублей, остальныя деньги крестьяне разобрали по рукамъ съ обязательствомъ платить 10%, и на эти-то десять процентовъ положено было содержать учителя и поддерживать школу. Помѣщица, графиня Потоцкая, подарила для нея землю и лѣсъ. Не думайте, однако, что это — обыкновенная школа, гдѣ, кромѣ грамотности, закона божія и кое-какой ариѳметики ничему не учатъ. Нѣтъ, эта школа вмѣщаетъ въ себѣ 80 учениковъ,

имѣетъ плацъ съ гимнастикою, библіотеку и мастерскія для плотницкаго дѣла, столярнаго, бондарнаго и сапожнаго. Разумѣется, крестьяне посылаютъ въ эту школу дѣтей своихъ съ величайшею охотою, а когда первые опыты мастерства удались, когда по окрестностямъ разнеслась молва о хорошихъ товарахъ, выдѣлываемыхъ въ Пищевской школѣ, то явилось множество заказовъ; теперь заказы эти превышаютъ рабочія средства, и на вырученныя деньги окупаются расходы ремесленныхъ отдѣленій при школѣ. «Какъ видите—замѣчаетъ князь Мещерскій—дѣло сдѣлалось просто и скромно; не было ни торжества открытія школы, ни шумнаго и роскошнаго пира, ни краснорѣчивыхъ рѣчей; не было также ни орденовъ, ни наградъ въ возмездіе устроившимъ школу». Но истинно полезныя дѣла только и дѣлаются просто; за то память объ основателяхъ школы никогда не умретъ въ томъ краѣ, и неоффиціальный историкъ народнаго просвѣщенія не забудетъ этихъ именъ. Но рядомъ съ этимъ отраднымъ фактомъ мы должны поставить другой, доказывающій, какъ трудно основать школу въ Кіевской губерніи, гдѣ все, что́ не церковно-приходская школа, все, что́ не прямо въ зависимости отъ священника, все то признано еще съ 1861 г. неблагонадежнымъ. Крестьяне одной волости собрали 3,000 руб. для устройства школы и найма хорошаго учителя; посредникъ принялся хлопотать; прошло три мѣсяца и ходатайство не только не было уважено, но мировому посреднику поставлено на видъ его будто бы противодѣйствіе церковно-приходскому обученію. (Стр. 197). Этотъ фактъ далеко не одиночный и весьма прискорбный!

Въ числѣ любопытныхъ вопросовъ, которые ставитъ князь Мещерскій, безспорно, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ слѣдующій: правда ли, что помѣщики въ юго-западномъ краѣ разорены съ той минуты, какъ совершены въ ихъ имѣніяхъ обязательные выкупы и повѣрки оцѣнки крестьянскихъ надѣловъ?—Неправда, отвѣчаетъ князь Мещерскій; отсылая читателей къ основательнымъ соображеніямъ автора (стр. 89—112) на этотъ счетъ, приводимъ цифры, добытыя особыми коммисіями въ 1868 году, на основаніи отвѣтовъ самихъ помѣщиковъ на вопросы: улучшилось ли имѣніе съ 1864 года, ухудшилось ли оно, или осталось безъ измѣненія относительно общаго своего состоянія? Во всемъ краѣ улучшилось имѣній 995, ухудшилось 1,474, не измѣнилось 2,560. Наибольшее число имѣній, ухудшившихъ свое хозяйство или неизмѣнившихся въ своемъ положеніи, принадлежитъ Кіевской губерніи; наименьшее — Волынской; фактъ этотъ совпадаетъ съ другими двумя положительными фактами: наибольшее количество имѣній русскихъ владѣльцевъ находится въ Кіевской губ., наименьшее — въ Волынской; наибольшее количество владѣльцевъ и имѣній участвовавшихъ въ возстаніи 1863 года принадлежало Волынской губ.; князь Мещерскій не безъ основанія утверждаетъ, что ухудшеніе нѣ-

которыхъ имѣній зависѣло не столько отъ прирѣзки къ крестьянскому надѣлу, сколько отъ тѣхъ контрибуцій, которыя платили помѣщики на польскую справу.

Къ числу лучшихъ главъ разбираемый нами книги принадлежатъ тѣ, въ которыхъ авторъ говоритъ о Бердичевѣ, этомъ оригинальномъ еврейскомъ городѣ, составляющемъ что-то въ родѣ отдѣльнаго государства въ юго-западномъ краѣ. Еврейскій вопросъ вообще много занимаетъ автора, и онъ склоняется въ пользу позволенія евреямъ селиться во всѣхъ городахъ россійской имперіи: только одно это можетъ отвлечь ихъ изъ западнаго края, гдѣ они захватили въ свои руки все населеніе до такой степени, что безъ еврея почти ничего нельзя сдѣлать. Намъ кажется, что пора дать еврейству полныя права гражданства, которыми обладаютъ остальные русскіе подданные, и тогда однимъ вопросомъ въ нашей внутренней политикѣ, столь обильной всевозможными вопросами, будетъ меньше.

Не можемъ въ заключеніе не упомянуть о такихъ курьёзахъ русской жизни въ югозападномъ краѣ: за послѣднія 35 верстъ по дорогѣ, ведущей въ Почаевскую лавру, путешественникамъ приходится платить 40 рублей—такъ цѣлесообразно и остроумно устроено здѣсь почтовое сообщеніе (стр. 330—332); въ Житомірѣ существуетъ римско-католическая семинарія, въ которой 13 учителей и 12 учениковъ; православная же семинарія находится въ несчастномъ городишкѣ въ 300 верстахъ отъ Житоміра. Въ Каменцѣ, на главной улицѣ, противъ губернаторскаго дома, стоитъ огромный каменный домъ, доведенный почти до конца внѣшнею постройкой; передъ домомъ лѣса̀, и въ такомъ видѣ домъ этотъ стоитъ съ.... 1861 года, угрожая своими подгнившими лѣса̀ми задавить когда-нибудь прохожихъ. Домъ этотъ подольскаго дворянства, которое разсчитывало праздновать въ немъ свое присоединеніе къ Царству Польскому; но потомъ.... потомъ домъ остался недостроеннымъ и о немъ идетъ переписка почти десять лѣтъ. Гдѣ вы найдете подобные курьезы? Воистину, наша обширная родина — страна чудесъ.

Архивъ князя Воронцова. Книга первая. Москва. 1870. стр. II и 656.

Въ послѣднее время обнаружилось ясно, сколько важныхъ документовъ хранится въ частныхъ архивахъ; наши изслѣдователи старины постоянно прибѣгаютъ къ нимъ и ими наверстываютъ то, что скрыто и не всѣмъ доступно въ государственныхъ архивахъ и публичной библіотекѣ; конечно, эти архивы и библіотеки—надежные хранители для потомства важныхъ документовъ, но печать еще надежнѣе и, главное, дѣлаетъ ихъ для всѣхъ доступными. Съ этой точки зрѣнія всѣ наши архивныя изданія приносятъ существенную пользу наукѣ. «Архивъ князя Воронцова» обѣщаетъ быть многотомнымъ; изданная теперь

первая книга заключаетъ въ себѣ письма и документы, относящіеся къ первымъ годамъ елизаветинскаго царствованія; конечно, въ числѣ напечатанныхъ документовъ есть и хламъ, не имѣющій ни частнаго, ни историческаго значенія, но это неизбѣжно въ изданіяхъ подобнаго рода, особенно если издатели не особенную строгость выказываютъ въ выборѣ, руководствуясь отчасти многообразными научными интересами, отчасти любовью публики къ чтенію подобнаго рода. Одно соображеніе приходитъ намъ на умъ, глядя на хорошую бумагу, обширныя поля и крупный шрифтъ, которымъ напечатанъ «Архивъ князя Воронцова» и которымъ обыкновенно печатаются дѣтскія книги для перваго возраста: отчего бы не выбрать болѣе убористаго шрифта, не съузить поля, не уничтожить бѣлыя страницы передъ разными отдѣлами «Архива» и широкіе пробѣлы между письмами одного и тоже лица, равняющіеся пробѣламъ, оставляемымъ обыкновенно для главъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ? Еслибъ г. Бартеневъ, издатель «Архива князя Воронцова», это сдѣлалъ, то, ни мало не повредивъ ни внутреннему содержанію сборника, ни ухудшивъ его внѣшній видъ, онъ могъ бы значительно уменьшить объемъ «Архива» и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣну за него. Предположите, что «Архивъ князя Воронцова» будетъ состоять только изъ десяти книгъ; полагая, что и остальнымъ книгамъ цѣна будетъ такая же высокая, т. е. 2 р. 50 к., изслѣдователи нашей старины, люди вообще небогатые, но для которыхъ подобныя изданія существенно необходимы, должны будутъ заплатить 25 рублей. Допустивъ же ту экономію въ бумагѣ и шрифтѣ, на которую мы указали, изъ десяти книгъ могло бы составиться только пять: это можно доказать самымъ обстоятельнымъ образомъ. Да и вообще, независимо отъ этой экономіи, всѣ изданія г. Бартенева, всѣ, не исключая и этого новаго «Архива», прежде всего носятъ на себѣ печать дороговизны.

Въ числѣ документовъ, помѣщенныхъ въ этомъ первомъ томѣ «Архива», самое видное мѣсто принадлежитъ дѣлу о французскомъ посланникѣ маркизѣ Шетарди. Не лишены бытового значенія подробности о хозяйствѣ цесаревны Елисаветы Петровны. Вотъ, напр., сколько расходовалось разныхъ питій въ мѣсяцъ, подаваемыхъ къ столу цесаревны и ея гостей: Водокъ 27 ведръ и 1 кружка, служителямъ 17 ведръ и 7 кружекъ съ половиною и $^1/_8$ кружекъ. Итого 44 ведра съ полукружкою и $^1/_8$ крушки. Вина 26 ведръ и 7 кружекъ, служителямъ 41 ведро 3 кружки съ $^1/_4$. Итого 68 ведеръ 2 кружки съ $^1/_4$. Пива 263 ведра съ половиною, служителямъ 274 ведра 5 кружекъ съ $^1/_2$. Итого 538 ведръ и полторы кружки. Всего же водокъ, вина и пива въ теченіе мѣсяца выпивалось 650 ведеръ. Надо, однакожъ, помнить, что огромное потребленіе питій не было исключительною принадлежностью русскаго общества, и находило широкое примѣненіе во всей Европѣ.

Въ концѣ книги приложены снимки съ писемъ и акростихи Елисаветы Петровны и князя Кантемира. Вотъ акристихъ неоконченный:

Сія удивлейны нынѣ учинилась
А что любовь сама во глупость вселилась
Мыслила тую болѣй въ умъ вселити,
А анъ! стала тая еще глупѣе быти.
Ревность пресильна въ ней пребываетъ
И сама не знаетъ, кто ее умерщвляетъ;
На то уповаетъ, что сама не знаетъ.
Сом
О
Б
Л
Е

Начальныя буквы, повидимому, даютъ двѣ фамиліи, одну русскую—Самаринъ, другую иностранную—Сабле. По всей вѣроятности, библіографы не потеряютъ случая пустить въ оборотъ свои свѣдѣнія для рѣшенія вопроса, кто такіе были эти Самаринъ и Сабле?

О самоуправленіи. Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій. *Кн. А. Васильчикова.* Томъ II. Спб. 1870. Стр. 477.

Добросовѣстный трудъ князя Васильчикова нашелъ въ русскомъ читающемъ обществѣ чрезвычайно благосклонный пріемъ: первый томъ его, посвященный организаціи земства въ разныхъ цивилизованныхъ государствахъ, разошелся весь въ нѣсколько мѣсяцевъ, и авторъ успѣлъ уже выпустить второе его изданіе почти вмѣстѣ со вторымъ томомъ, въ которомъ, съ тою же добросовѣстностью, разсматриваются три вопроса: школьный, общественнаго призрѣнія, попечительства о бѣдныхъ, дорожный и народнаго здравія. Такой успѣхъ, главнымъ образомъ, объясняется самымъ характеромъ книги, гдѣ личный взглядъ автора на упомянутые вопросы стоитъ на послѣднемъ планѣ, а на первомъ—факты, тщательная группировка ихъ, придающая книгѣ справочное, практическое значеніе. Самые взгляды автора, будучи достаточно либеральными, носятъ на себѣ практическій характеръ, не стремящійся въ область умозрѣнія.

Считая школу однимъ изъ главныхъ органовъ самоуправленія, авторъ разсматриваетъ школьныя системы въ Пруссіи, Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ. Пруссія занимаетъ первое мѣсто въ томъ хронологическомъ порядкѣ, который указываетъ время, когда просвѣщенныя государства Европы стали обращать вниманіе на образованіе собственно народное. Несмотря на свою великую революцію, Франція только въ тридцатыхъ годахъ, въ министерство Гизо, серьезно занялась дѣломъ народнаго образованія, Англія еще позже, тогда какъ Пруссія уже въ самомъ началѣ этого столѣтія имѣла цѣлую

организацію народныхъ школъ и учительскихъ семинарій. Не задаваясь многимъ, не расходуясь на показную часть народнаго просвѣщенія и даже мало жертвуя на него изъ бюджета, Пруссія достигла блестящихъ результатовъ, благодаря тому постоянству, съ которымъ она преслѣдовала свою цѣль. Никакія событія ее не останавливали на этомъ пути, даже 1848-й годъ не остановилъ ее. А казалось бы, предлогъ былъ превосходный съ точки зрѣнія реакціонеровъ: многія народныя школы и учительскія семинаріи пристали къ революціонному движенію, учительскіе съѣзды и учительскія конференціи превратились въ настоящіе политическіе клубы. «Пруссія, говоритъ авторъ, мгновенно смущенная революціоннымъ духомъ учителей народныхъ школъ, вскорѣ опомнилась отъ малодушнаго страха и принялась съ новымъ рвеніемъ за усовершенствованіе ихъ спеціальнаго образованія, въ то время какъ Франція ссылала своихъ maitres d'écoles въ Кайенну, а Россія (гдѣ революціи не было) закрывала университеты». Такое постоянное преслѣдованіе благородной цѣли, въ концѣ концовъ, разумѣется, вознаграждается, и тѣ, которые указываютъ на Пруссію, какъ на образецъ, разумѣютъ именно тѣ хорошія стороны ея правительства, которыя ведутъ народъ къ медленному, но вѣрному прогрессу. Напрасно авторъ говоритъ, что «прусское элементарное обученіе можетъ дѣйствительно служить аргументомъ противъ пользы грамотности и оправдать обвиненія нѣкоторыхъ реакціонеровъ, что начальное образованіе мало способствуетъ развитію простого народа, когда оно останавливается на чтеніи, писаніи и ариѳметикѣ», прибавляя къ этому, что и онъ того же мнѣнія, хотя считаетъ и грамотность полезною въ томъ отношеніи, что она подготовляетъ народъ къ среднему и высшему образованію; «на развитіе народа, поясняетъ онъ свою мысль, дѣйствуетъ не столько грамотность, сколько примѣненіе этой грамотности въ свободной средѣ мірскаго, общественнаго и земскаго самоуправленія». Въ этомъ есть своя доля правды, но грамотность, по нашему мнѣнію, служитъ очень хорошимъ подготовительнымъ средствомъ именно къ самоуправленію, особенно въ настоящее время, при развитіи желѣзныхъ дорогъ, типографскаго дѣла, журналистики и проч. Поэтому князь Васильчиковъ едва ли будетъ правъ, произнося такую мысль, что гдѣ «обученіе обязательно, а самоуправленіе недоступно народнымъ массамъ — тамъ грамотность есть дѣйствительно излишняя и дорогая прихоть». Начальная школа уже по одному тому чрезвычайно важна, что она открыта для всѣхъ, что она даетъ средство дѣйствительному таланту не заглохнуть въ совершенномъ невѣжествѣ, и если этотъ талантъ не будетъ имѣть средствъ для образованія въ среднемъ и высшемъ училищѣ, то онъ найдетъ ихъ для самообразованія при одной грамотности. Можно бы привесть этому многіе примѣры весьма извѣстные, не говоря о тысячѣ неизвѣстныхъ.

Напомнимъ также почтенному автору, что одна грамотность, безъ всякаго самоуправленія, дастъ народу очень пригодное орудіе противъ многихъ злоупотребленій администраціи. Впрочемъ, страницъ сто спустя (169 стр.), самъ авторъ отчасти полемизируетъ противъ своей собственной мысли.

Разсмотрѣвъ школьныя системы въ указанныхъ государствахъ и справедливо заключивъ, что самая худшая изъ нихъ французская, авторъ обращается къ Россіи. Онъ не поклонникъ обязательнаго образованія и думаетъ, что «наши мѣстныя условія, территоріальныя и климатическія, ставятъ насъ въ отношеніи народныхъ школъ гораздо ближе къ Америкѣ, чѣмъ къ Германіи». Автора соблазняетъ успѣхъ американскихъ «вольныхъ» школъ, безъ обязательнаго обученія, достигшихъ въ 30 лѣтъ такого же результата, какого Германія достигла только усиліями нѣсколькихъ поколѣній. Хотя въ подробномъ развитіи авторомъ тѣхъ неудобствъ, которыя представляются въ Россіи для обязательнаго обученія, есть много справедливаго, но ссылка на Америку заключаетъ въ себѣ мало утѣшенія. Самъ же авторъ говоритъ нѣсколько страницъ прежде, что американская «организація (школы) должна еще оставаться на долго для народовъ Стараго Свѣта несбыточной, хотя идеальной мечтой—Американскіе Соединенные Штаты не держатъ постояннаго войска, и вся тайна ихъ изумительнаго преуспѣянія заключается въ томъ простомъ соображеніи, что они затрачиваютъ на народное образованіе и хозяйственныя улучшенія тѣ милліоны, которыя мы безвозвратно теряемъ на содержаніе регулярныхъ войскъ». Одного этого соображенія совершенно достаточно, чтобы придти къ заключенію, что если, безъ обязательнаго обученія, Америка въ 30 лѣтъ достигла блестящихъ результатовъ, то мы, безъ обязательнаго обученія, достичь тѣхъ же результатовъ можемъ развѣ въ 300 лѣтъ. Срокъ немножко долгій! Мы того мнѣнія, что въ государствѣ, гдѣ являлся такой реформаторъ, какъ Петръ Великій, гдѣ крестьяне освобождены съ землей, потребны «радикальныя лекарства» для того, чтобы вывесть народъ изъ его колоссальнаго невѣжества, и такимъ радикальнымъ лекарствомъ можно считать только обязательное обученіе; безъ сомнѣнія, система его должна быть выработана тщательно, сообразно мѣстнымъ условіямъ и притомъ не чиновниками министерства народнаго просвѣщенія, очень часто цѣлый вѣкъ свой не выѣзжавшими изъ Петербурга, а силами мѣстныхъ земствъ и такими педагогами, которые заявили себя съ хорошей стороны въ дѣлѣ организаціи народныхъ школъ. Принципъ обязательнаго обученія важенъ особенно потому, что онъ немедленно заставитъ отыскать источники для народнаго образованія, заняться имъ серьезно, а не витать въ области придумыванія разныхъ пальятивовъ. И какимъ образомъ князь Васильчиковъ думаетъ, что мы можемъ разрѣшить,

«самую многосложную и тяжелую задачу народнаго образованія, именно систему вольнаго и безплатнаго обученія», когда у насъ никакъ не разрѣшатъ гораздо менѣе сложную систему средняго образованія!

Мы должны, однако, сказать, что развивая свою систему обученія, князь Васильчиковъ рисуетъ блестящіе результаты, противъ которыхъ невозможно спорить... въ теоріи. Полагая, что въ Россіи изъ 7 милліоновъ дѣтей будутъ посѣщать школы только 4.200,000, онъ, изъ сравнительной стоимости обученія одного ученика въ разныхъ государствахъ, выводитъ цифру въ 3 р.: «мы считаемъ въ Россіи на 1 ученика всѣхъ расходовъ около 3 р.», говоритъ онъ. По этому разсчету выходитъ, что ежегодное обученіе 4.200,000 дѣтей будетъ стоить ежегодно только 12.600,000, и весь вопросъ, по мнѣнію нашего автора, сводится на то, чтобъ достать эти 12 милліоновъ. Цифра это, однако, составлена довольно гадательно: напр., князь Васильчиковъ очень быстро рѣшилъ, что если въ Пруссіи среднее жалованье сельскаго учителя 185 тал., то у насъ оно можетъ быть 120 руб., потому что въ Пруссіи цѣны 7—8 р. за четверть ржи, а у насъ 4—5 р.; затѣмъ 80 р. авторъ полагаетъ достаточнымъ для найма, отопленія и ремонта школы. Въ примѣчаніи къ этому рѣшительному выводу, князь Васильчиковъ оговаривается, что онъ напередъ предвидитъ возраженія, «какъ со стороны оффиціальныхъ людей, привыкшихъ считать расходы по казеннымъ справочнымъ цѣнамъ, такъ и со стороны педагоговъ, требованія коихъ часто такъ преувеличены, что превышаютъ средства мѣстнаго населенія». Начать съ того, что требовать отъ учителя, чтобъ онъ сообразовался со средствами сельскаго населенія, все равно что отъ столяра, напр., требовать, чтобъ онъ бралъ 5 руб. за столъ съ помѣщика и 5 коп. за тотъ же столъ съ крестьянина. Баронъ Корфъ доказываетъ въ книгѣ, «Русская начальная школа» и въ своемъ извѣстномъ «Руководствѣ», что среднее жалованье сельскому учителю нельзя назначить менѣе 250 р. въ годъ, и тѣ основанія, которыя онъ приводитъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ убѣдительны. Если допустить такое вознагражденіе за учительскій трудъ, то 12 мил. князя Васильчикова обратятся въ 20 милліоновъ. Содержаніе школы 80-ю рублями тоже довольно мудрено, такъ какъ кромѣ дровъ, отопленія и проч., потребуются еще учебные матеріалы, пополненіе училищной библіотеки и т. д. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, мы отъ всей души желаемъ, чтобъ на народное образованіе отыскалось хотя бы и 12 милліоновъ.

Мы не останавливаемся на дальнѣйшихъ главахъ книги князя Васильчикова, которой вѣроятно суждено сдѣлаться настольною справочною книгою по земскимъ вопросамъ; въ заключеніе замѣтимъ, что онъ весьма основательно доказываетъ необходимость учрежденія у насъ рабочихъ союзовъ или ассоціацій для взаимнаго кредита и взаимнаго страхованія. У насъ еще не мало людей, которые видятъ въ

ассоціаціяхъ какое-то пугало, которое они окрещиваютъ названіемъ соціализма, не подозрѣвая того, что никакія ихъ усилія, никакіе крики ихъ не могутъ остановить извѣстныхъ явленій народной жизни; ихъ можно затормозить, но рано или поздно они все-таки пробьются, и чѣмъ позднѣе пробьются они, тѣмъ будетъ хуже. Люди, видящіе въ ассоціаціяхъ что-то пагубное, очевидно ровно ничего не понимаютъ въ политической экономіи вообще и въ развитіи русской экономической жизни въ особенности. Повидимому, они думаютъ, что раціональное хозяйство состоитъ въ томъ, чтобъ разорить его окончательно, а потомъ исправлять постепенно; такъ какъ разорять гораздо легче, то естественно, что охотниковъ всегда является много.

Мы возвратимся еще разъ къ труду кн. Васильчикова и ближе познакомимъ читателей съ его значеніемъ для людей, интерессующихся особенно судьбою нашего земства, а на этотъ разъ ограничимся только общимъ анализомъ его содержанія.

Сѣверъ Россіи. *М. Сидоровъ*. Спб. 1870. Стр. 556.

Предъ нами—странная книга, заслуживающая, однако, вниманія въ силу самой своей странности. Начать съ того, что г. Сидоровъ — извѣстный золотопромышленникъ, большой радѣтель о промышленности сѣвера России, лично извѣстный покойному цесаревичу Николаю Александровичу, которому онъ поднесъ глыбу графита въ 16 пуд. вѣсомъ изъ открытаго имъ графитнаго мѣсторожденія въ Туруханскомъ округѣ; покойный цесаревичъ распрашивалъ его о нуждахъ Сѣвера и просилъ составить о немъ записку въ этомъ смыслѣ; г. Сидоровъ исполнилъ это желаніе, но, вслѣдствіе преждевременной кончины великаго князя, записка попала въ Вольное экономическое общество. Всѣ эти подробности мы узнаемъ изъ предисловія, которое называется «Памяти Петра Великаго» и въ которомъ г. Сидоровъ прямо къ Петру обращается, разсказывая ему въ краткихъ словахъ исторію торговли нашего Сѣвера. «Въ 1872 году минетъ, начинаетъ г. Сидоровъ свое предисловіе, 200 лѣтъ со дня рожденія Великаго Преобразователя нашего отечества. Ты, геніальный труженикъ, показалъ примѣръ своему народу по всѣмъ отраслямъ промышленности. Ты понималъ какое значеніе», и проч. Предисловіе занимаетъ 23 страницы и посвящено промышленнымъ дѣйствіямъ г. Сидорова на сѣверѣ, въ которыхъ Петръ Великій увидѣлъ бы осуществленіе своихъ плановъ и оправданіе русскаго купечества. «Не русское купечество виновато, говоритъ г. Сидоровъ, что не исполняется воля государя императора, выраженная въ Архангельскѣ въ 1858 г.,—а нѣкоторые *администраторы*. Они не только не заботились объ улучшеніи быта народа, но употребляли мѣры, чтобъ и остальное населеніе выселить изъ сѣвернаго края,

какъ изъ такой страны, въ которой не могутъ жить люди. Бѣдный народъ Сѣвера питался большею частію вмѣсто зернового хлѣба — хлѣбомъ изъ коры, листьевъ деревъ, мховъ и т. п. На просьбы у нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальниковъ лучшаго хлѣба — вмѣсто слова утѣшенія, народъ получалъ отвѣтъ на мірскихъ сходкахъ: «ѣшьте снѣгъ», «чтобъ холера васъ душила», «если и умрете съ голоду, то у государя и безъ васъ довольно народу». Наконецъ, народъ бросился бѣжать изъ края, оставляя престарѣлыхъ и малолѣтныхъ на произволъ судьбы».

Все это докладывается Петру Великому, и все это совершалось послѣ 1858 года, когда «Государь Императоръ, указывая въ Архангельскѣ губернатору на упадокъ благосостоянія Сѣвера, приказалъ объ улучшеніи быта его имѣть попеченіе». Въ самомъ концѣ предисловія мы узнаемъ, что книга эта—«Записки Сидорова». Переходимъ къ «Запискамъ» и видимъ, что онѣ состоятъ изъ разныхъ статей, отчасти написанныхъ самимъ г. Сидоровымъ о Сѣверѣ, отчасти извлеченныхъ изъ разныхъ газетъ и журналовъ. Тутъ есть и пространныя «замѣчанія на мнѣнія коммиссіи», которая была отправлена правительствомъ для изслѣдованія Сѣвера, подъ начальствомъ г. С. Данилевскаго, и «мнѣнія о Варангерскомъ поморьѣ», и о «богатствахъ Сѣвера», и о двинской желѣзной дорогѣ, и о положеніи жителей Архангельской губерніи, и «проектъ о заселеніи сѣвера имперіи, и проч. и проч. Все это въ какомъ-то черновомъ, наскоро набросанномъ видѣ, но все пригнано къ той господствующей идеѣ, что богатства Сѣвера неисчислимы, что онъ умышленно разоренъ администраціей въ пользу иностранцевъ, которые захватываютъ въ немъ всѣ отрасли промышленности, и что отъ промышленнаго и всякаго другого поднятія Сѣвера зависитъ могущество и богатство Россіи. Этого мало: такъ какъ г. Сидоровъ является борцомъ за процвѣтаніе Сѣвера, при чемъ онъ не жалѣетъ красокъ для того, чтобъ нарисовать яркія картины своей полезной дѣятельности, то весь гнѣвъ и громы администраціи обрушиваются на него. Выходитъ цѣлая эпопея страданій г. Сидорова, исполненная мрачнаго колорита. Передаемъ здѣсь только краткія черты изъ этой эпопеи, по возможности словами самого г. Сидорова, который любитъ говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Г. Сидоровъ принялся «съ горячимъ усердіемъ» за отыскиваніе золото содержащихъ розсыпей въ Енисейской губерніи и началъ ихъ находить; вмѣсто поощренія, графъ Муравьевъ-Амурскій сталъ умѣрять его рвеніе «сначала словеснымъ выговоромъ, что онъ заявками своими безпокоитъ начальство, а потомъ и оффиціальною бумагою управляющему Енисейскою губерніею Родюкову—сдѣлать Сидорову *нравственное внушеніе*»; затѣмъ тотъ же гр. Муравьевъ-Амурскій въ 1851 году «обратился съ отношеніемъ къ г. министру финансовъ Броку, прося

его в.-пр. *убрать Сидорова изъ Сибири*, какъ безпокойнаго и вредящаго развитію золотопромышленности человѣка». Г. Сидоровъ, однако, не убрался, и черезъ десять лѣтъ горный ревизоръ засвидѣтельствовалъ, что отъ пріисковъ Сидорова казна получила болѣе 3 милліоновъ рублей. Еще прежде этого Сидоровъ пожертвовалъ на открытіе университета въ Сибири 25 тыс. руб. сер. и 25 пріисковъ. Вмѣсто благодарности, графъ Муравьевъ-Амурскій возбудилъ вопросъ, не принадлежитъ-ли Сидоровъ къ скопческой сектѣ? Когда оказалось, что онъ не принадлежитъ, то возбужденъ былъ другой вопросъ: имѣетъ-ли право Сидоровъ, хотя записанный въ гильдію, но имѣющій дипломъ домашняго учителя, стало быть чиновникъ (?), заниматься золотопромышленностью? Такъ какъ служащимъ чиновникамъ въ Сибири запрещено заниматься золотопромышленностью, то Сидорова «велѣно было судить и отобрать отъ него въ казну всѣ найденные имъ золотые пріиски». Слѣдствіе тянулось четыре года и окончилось полнымъ оправданіемъ Сидорова въ 1862 г., «но не представляется уже 8-й годъ на ревизію въ высшее мѣсто, чтобы только держать Сидорова въ подсудности для лишенія всѣхъ почетныхъ должностей въ обществѣ и наградъ». Сидоровъ открылъ въ Сибири графитъ, но «начальникомъ Енисейской губерніи, генералъ-маіоромъ Замятнинымъ и чиновниками поляками не только разоренъ въ корень этотъ первый въ Россіи промыселъ, но и былъ затопленъ лучшаго качества графитъ, добытый для выполненія контракта съ златоустовскимъ заводомъ (16 т. пуд.)». «Сидоровъ представилъ право тобольскому губернатору получить слѣдующія ему изъ казны деньги за золото въ 1864 г., въ количествѣ 34 т. р. золотомъ, составлявшихъ тогда съ лажемъ по курсу 50 т. р., на устройство народныхъ и ремесленныхъ школъ въ Тобольской губ. Деньги эти изъ казны были енисейскимъ губернаторомъ отданы другому лицу, такъ какъ они пожертвованы Сидоровымъ для школъ Тобольской, а не Енисейской губерніи. Черезъ четыре года правительствующій сенатъ призналъ этотъ захватъ неправильнымъ и опредѣлилъ взыскать деньги съ виновныхъ». Въ другой разъ тотъ же енисейской губернаторъ наложилъ арестъ на 36 т. р., которые долженъ былъ получить Сидоровъ изъ казны; Сенатъ опять призналъ арестъ неправильнымъ. Сидоровъ пожелалъ на сѣверѣ разработывать нефть, но архангельская палата государственныхъ имуществъ отвѣчала ему, что «въ министерствѣ финансовъ не издано еще законовъ для разработки нефти». Сидоровъ.... Но не довольно ли? Желающіе могутъ сами прочесть эту эпопею; мы же ограничимся нѣсколькими словами по поводу ея.

Насколько справедливы факты, разсказанные г. Сидоровымъ, мы не знаемъ, но не можемъ не замѣтить, что г. Сидоровъ можетъ поколебать къ себѣ довѣріе тѣмъ, что слишкомъ уже старается вы-

ставить себя жертвою и гонимымъ, тогда какъ это, повидимому, не помѣшало ему выработать милліоны; онъ, кромѣ того, претендуетъ на награды, на полученіе милліоновъ, должно полагать, только, «для приведенія въ исполненіе его плановъ»; независимо отъ всего этого, въ его многострадальной эпопеѣ есть факты, очень темно изложенные, напр. дѣло его съ Рязановыми, будто бы стоившее г. Сидорову 630 тысячъ руб. штрафа. Но если въ показаніяхъ г. Сидорова есть только доля правды, то и тогда книга его можетъ быть разсматриваема, какъ матеріалъ для характеристики успѣховъ нашей промышленности, но матеріалъ, требующій провѣрки. Намъ особенно интересенъ фактъ пожертвованія г. Сидоровымъ 25 т. р. на университетъ въ Сибири; въ 1803 г. для этой же цѣли пожертвовано 50 т. р. Демидовымъ; нынѣ капиталъ этотъ увеличился до 75 тыс. руб.; «но, говоритъ г. Сидоровъ, ничего не дѣлается и капиталъ употребляется на другое». Говоря о провѣркѣ фактовъ, лично касающихся г. Сидорова, мы должны упомянуть, что въ книгѣ его собрано значительное количество свидѣтельствъ другихъ лицъ, отчасти оффиціальныхъ, которыя, впрочемъ выставляютъ положеніе дѣлъ въ Сибири дѣйствительно въ самомъ безотрадномъ видѣ.

КАРТИНА Г. ЯКОБИ,

«Арестъ Бирона», на выставкѣ въ академіи художествъ.

Въ обзорѣ произведеній послѣдней академической выставки [1]), у насъ остался замѣтный пробѣлъ, не по нашей винѣ однако: пробѣлъ этотъ былъ и на самой выставкѣ въ то время, когда статья о ней писалась. «Арестъ Бирона, — Якоби; картина взята художникомъ для окончанія»:—вотъ что́ представлялъ тогда голый мольбертъ, на которомъ теперь стоитъ работа одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ живописцевъ.

Сколько намъ извѣстно, картина не была взята для окончанія, но просто не была окончена, а для нея было взято только мѣсто. Художникъ не поспѣлъ «къ сроку» и *спѣшилъ* кончить своего «Бирона».

Этотъ одиночный случай невольно приводитъ къ размышленіямъ объ общемъ неудобствѣ *спѣшить* къ сроку, назначаемому для годичной выставки. Срокъ, конечно, долженъ быть; но мы считаемъ его гораздо удобнѣе не середи осени, когда художнику, проведшему свѣт-

[1]) См. выше: нояб. 356 стр.

лые дни лѣта за этюдами, эскизами и подготовкой своей работы, приходится оканчивать ее какъ можно скорѣе, чтобы только попасть съ нею въ залы академіи, уже порядочно залитыя октябрьскимъ мракомъ. Картина является (если только поспѣетъ) не просмотрѣнная достаточно художникомъ, не высохшая и пожухлая — въ ущербъ ясности тоновъ, или покрытая слишкомъ рано лакомъ — въ ущербъ прочности живописи. Между тѣмъ, еслибъ она была дописана не второпяхъ, да успѣла выстояться за зиму и настолько сдѣлаться чужою нѣжному сердцу и близкою строгому разсудку автора, чтобъ онъ былъ въ состояніи отнестись къ ней критически, что нужно передѣлать, исправить, дополнить, усовершенствовать, привести въ тонъ и наконецъ въ полномъ свѣтѣ представить на судъ публики къ марту мѣсяцу,—еслибъ было такъ, но тогда не было бы пустыхъ мольбертовъ, ни пестрыхъ или несвоевременно потрескавшихся картинъ, и не надо было бы отыскивать ихъ въ кромешной октябрьской тьмѣ, какъ нынче. Съ марта, даже Петербургъ получаетъ частичку общаго свѣта, разлитого во вселенной; закрытыя же постомъ двери всякихъ храмовъ, кромѣ божіихъ, много помогали бы отпертымъ вратамъ храма художествъ.

Картина г. Якоби тоже, повидимому, не проиграла бы, еслибъ осталась въ мастерской художника на зиму. Теперь же большія достоинства ея не въ состояніи скрыть нѣкоторыхъ недостатковъ. Прежде всего, сюжетъ, интересный въ историческомъ отношеніи, мало интересенъ въ художественномъ. Что всемогущій Биронъ былъ арестованъ самымъ грубымъ образомъ нѣсколькими преображенскими солдатами, ночью, у себя въ спальнѣ — это въ исторіи, конечно, фактъ поразительный; но что тучный, лысый и полунагой старикъ поваленъ на полъ и схваченъ за воротъ рубашки солдатомъ — въ этомъ нѣтъ ничего такого, что могло бы поражать картинностью. Значитъ, противъ художества картина грѣшитъ выборомъ сюжета; противъ исторіи она грѣшитъ невѣрностью: извѣстно, что въ спальнѣ, была и жена Бирона; она боролась съ солдатами и не давала имъ мужа. Можетъ быть, видъ старухи въ ночномъ одѣяніи смущалъ художника? Но чѣмъ же лучше старикъ безъ парика ночью? Грубоватая по сюжету, картина грубовата и по выполненію — это уже слѣдуетъ приписать спѣшности работы. Нѣкоторая декоративность живописи особенно бросается въ глаза при сравненіи съ тонкою кистью г. Гуна, картина котораго стоитъ рядомъ. Но все же и въ «Арестѣ Бирона», г. Якоби является тѣмъ же талантливымъ художникомъ, какимъ мы его знали прежде, и его послѣдняя работа можетъ быть названа въ своемъ родѣ лучшею на выставкѣ, послѣ работы г. Гуна. Фонъ картины — постель, фестоны полога и вся орнаментація комнаты, кое гдѣ слабо тронутая свѣтомъ ночной лампы; фигуры багрово озаренныя этою лампой и бѣлая зимняя ночь, глядящая въ окна на роковую сцену; тупо, зло и

безпомощно вперенный глазъ Бирона на солдата, который придавилъ ботфортою ему колѣно,—все это очень эфектно и мастерски выражено....

Кстати, оба названные художника признаны Академіею достойными званія профессора; но такъ какъ не прошло трехъ лѣтъ съ производства ихъ въ академики, то, на основаніи какой-то статьи, они произведутся въ слѣдующій чинъ только черезъ годъ. Такіе профессоры на срокъ напоминаютъ извѣстнаго профессора въ кредитъ, получившаго давнымъ-давно свое званіе за картину, которую онъ *долженъ* былъ написать и не написалъ никогда. Такимъ образомъ, первые, въ уплаченныхъ ими деньгахъ, получатъ росписку годъ спустя, а второй имѣетъ ее, вовсе не уплативши денегъ.

Случились—замѣтимъ мимоходомъ—и другія странности въ присужденіяхъ наградъ: такъ премія въ 1,000 рублей сохранена Академіею, а не выдана ни г. Гуну, ни Якоби, хотя едвали каждый годъ можетъ представиться случай такъ удачно помѣстить сумму академическаго поощренія; премія въ 500 р. присуждена не барону Клодту, и не г. Дюккеру, за *лучшіе* безспорно пейзажи выставки, а г. Лагоріо, за работу, уступающую двумъ первымъ. Но особенно странно то, что ни одинъ изъ картоновъ для Исаакія не принятъ. Уже это до того странно, что приходится простить Академіи за столь небывалый подвигъ всѣ предыдущія странности. Наконецъ-то, наконецъ!!

П. К.

ПОПРАВКА.

По недосмотру меттерампажа, въ ноябрьской книгѣ допущена искажающая смыслъ ошибка при исправленіи послѣдней корректуры, и на стр. 449, строч. 4 св. напечатано: *Февургъ*, вмѣсто: *фобургъ*.

М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

въ 1870 году.

Въ 1870-мъ году, экземпляры Вѣстника Европы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Абобьернеборгская губ. (310.111 жит.)

	экз.
Або	1
	1

Акмолинская обл. (? жит.)

Акмолинскъ	3
Петропавловскъ	1
Курганъ	4
Атбасарская	1
Кокчетовъ	1
Омскъ	18
	28

Амурская обл. (22.297 жит.)

Благовѣщенскъ	6
Албазинъ	2
	8

Архангельская губ. (284.244 жит.)

Архангельскъ	13
Сороцкая	1
Онега	3
Кемь	1
Соловецкій монаст.	1
Пинега	1
Холмогоры	1
	21

Астраханская губ. (377.239 жит.)

	экз.
Астрахань	19
Енотаевскъ	1
Черный-Яръ	4
	24

Бакинская губ. (529.519 жит.)

Баку	14
Шуша	7
Ленкоранъ	2
Куба	3
Сальяны	1
Шемаха	2
	29

Бессарабская обл. (1.026.346 ж.)

	экз.
Кишиневъ	50
Сороки	3
Атаки	1
Бричаны	3
Секурянская	1
Банежская	3
Оргѣевъ	2
Скуляны	3
Бѣльцы	7
Новоселица	2
Липканы	2
Купчинская	1
Хотинъ	7
Аккерманъ	2
Бендеры	4
Кубей	1
Гура-Гальбинская	1
Камратъ	1
	94

Варшавская губ. (641.449 жит.)

Варшава	31
Гура-Кальварія	1
Ново-Дворъ	2
Минскъ	3
Скерневицы	3
Кутно	1
Александровъ	1
Влоцлавскъ	3
Ловичъ	3
Гостынинъ	1
Гомбинъ	1
Новогеоргіевская	2
	52

Виленская губ. (983.849 ж.)

Вильна	32
Дисна	2
Троки	1
Рудзишки	1

	экз.
Вилейка	1
Лида	3
Сморгоны	1
Ошмяны	3
Молодечно	1
	45

Витебская губ.
776.739 ж.

Витебскъ	12
Городокъ	1
Невель	1
Зарѣчье	1
Рѣжица	2
Динабургъ	8
Креславль	1
Лепель	2
Полоцкъ	6
Придруйсъ	1
Велижъ	3
	38

Владимирская губ.
(1.216.619 жит.)

Владимиръ	17
Сима	1
Меленки	4
Суздаль	4
Юрьевъ-польскій	4
Вознесенскій посадъ	7
Борисоглѣбская	1
Муромъ	6
Вязники	4
Воронинская	1
Ковровъ	2
Нехайковская	1
Киржачъ	1
Покровъ	1
Александровъ	3
Гороховецъ	2
Кохна	1
Орѣховская	1
Шуя	3
	64

Вологодская губ.
(986.895 жит.)

Вологда	21
Григорьевская	1
Грязовецъ	1
Сольвычегодскъ	1
Яренскъ	1
Усть-Сысольскъ	1
Великій Устюгъ	1
Кадниковъ	3
Тотьма	1
	31

Волынская губ.
(1.602.715 жит.)

	экз.
Житомиръ	23
Владиміръ	1
Ковель	4
Дубно	2
Кременецъ	3
Радзивиловъ	3
Луцкъ	3
Новоградъ-Волынскъ	3
Старо-Константиновъ	3
Заславъ	3
Острогъ	4
Ровно	2
Райгородокъ	1
Любарская	3
Овручъ	1
	59

Воронежская губ.
(2.084.671).

Воронежъ	42
Бестужевская	2
Задонскъ	6
Нижнедѣвицкъ	2
Бутурлиновка	5
Песковская	2
Новохоперскъ	8
Павловскъ	9
Бирючъ	4
Богучаръ	4
Валуйки	6
Землянскъ	8
Коротоякъ	2
Острогожскъ	13
Шестаковская	9
Бобровъ	1
	123

Выборгская губ.
(262.577 жит.)

Выборгъ	4
Сальмисъ	1
	5

Вятская губ.
(2.359.561 жит.)

Вятка	14
Орловъ	2
Яранскъ	4
Котельничъ	1
Слободской	2
Глазовъ	2
Елабуга	4
Воткинскій заводъ	4
Ижевскій заводъ	2
Сарапуль	6
Нолинскъ	1
Сюмсиможгинская	1
Уржумъ	1
Малмыжъ	3
	47

Гродненская губ.
(931.353 жит).

	экз.
Гродно	15
Ружаны	1
Волковыскъ	3
Чемелы	2
Слонимъ	3
Пружаны	1
Бѣльскъ	4
Бѣлостокъ	5
Дрогичинъ	1
Кобринъ	3
Брестъ-Литовскъ	11
	49

Дагестанская губ.
(566.594 жит.)

Темиръ-Ханъ-Шура	13
Дербентъ	3
Гунибъ	5
Дашлагаръ	1
Петровское	6
	28

Екатеринославская.
(1.204.751 жит.)

Екатеринославъ	31
Никополь	6
Александровскъ	12
Верхнеднѣпровскъ	15
Концерополь	2
Топильная	3
Петропавловка	3
Павлоградъ	15
Новомосковскъ	9
Перещепино	3
Азовъ м.	1
Нахичевань	2
Ростовъ на Дону	25
Таганрогъ	31
Благодатная	4
Ивановская	5
Луганскій заводъ	8
Маріуполь	2
Марченская	3
Михайловская	2
Славяносербскъ	3
Чернухинская	2
Бахмутъ	9
Гавриловка	3
Константиновка	1
Никитовка	1
	201

Енисейская.
(323,014 жит.).

Красноярскъ	8
Канскъ	2
Енисейскъ	2
Рыбинская	1
Абаканская	1
Минусинскъ	5
Ачинскъ	1
	20

Забайкальская обл.
(420.000 жит.).

Нерчинскъ	6
Нерчинскій зав.	2
Городищенская	1

	экз.
Кайдаловская	1
Стрѣтинскъ	8
Чита	4
Укырская	1
Верхнеудинскъ	3
Петровскій зав.	1
Селенгинскъ	1
	23

Земля войска Донскаго.

(1.062,377 жит.)

Новочеркаскъ	40
Новониколаевка	1
Есауловская	1
Хорцыская	2
Пятіизбянская	1
Усть-Медвѣдицкая	3
Урюпинская	6
Аксайская	2
Константиновская	3
Боковская	2
Цымлянская	2
Шалаевская	1
Ольховый-Рогъ	3
Русская	4
Грушевская	2
Каменская	7
	80

Иркутская.

(352,534 жит.).

Иркутскъ	35
Киренскъ	1
Кяхта	12
Нохтуйская	1
Усть-Кутская	1
Хоготская	1
Тельминская	1
Тулуновская	1
Нижнеудинскъ	2
	55

Казанская.

(1.690,467 жит.).

Казань	64
Аккозино	1
Воробьевка	1
Чебоксары	1
Свіяжскъ	2
Цивильскъ	1
Алексѣевская	1
Лаишевъ	2
Чистополь	7
Мамадышъ	2
Метески	1
Спасскъ	6
Тетюши	1
	90

Калишская.

(579,356 жит.).

Калишъ	4
Конинъ	1
Слупца	2
Коло	1
Серадзь	2
Ленчица	1
Домбѣ	1
	12

Калужская.

(964,796 жит.).

Калуга	19
Александровскій хуторъ	5
Перемышль	2
Жиздра	4
Зубово	1
Козельскъ	2
Лихвинъ	2
Мещевскъ	2
Мосальскъ	3
Роговичская	1
Михѣевская	2
Мало-Ярославецъ	1
Медынь	3
Боровскъ	1
Таруса	3
	51

Кіевская.

(2.094,222 жит.).

Кіевъ	131
Бердичевъ	4
Самгородокъ	1
Махновка	1
Умань	11
Черкасы	4
Смѣла	6
Тальное	3
Чигиринъ	5
Шпола	4
Звенигородка	6
Богуславъ	6
Лысянская	1
Таруса	2
Бѣлая-церковь	6
Липовецъ	5
Ружинъ	1
Сквира	6
Васильковъ	1
Каневъ	2
Коростышевская	2
Радомысль	5
	213

Ковенская.

(1.052,163 жит.).

Ковно	21
Тельши	1
Кейданы	3
Россіяны	1
Юрбургъ	1
Таурогенъ	5
Шавли	4
Вилкоміръ	1
Ново-Александровскъ	2
	39

Костромская.

(1,073,971 жит.).

Кострома	24
Галичъ	4
Вичуга	4
Лухъ	1
Плесъ	1
Кинешма	7
Александровское	1
Малоугорская	1
Унжа	1
Макарьевъ	1
Судиславль	1
Буй	1
Кологривъ	2
Парфентьевъ	1
Солигаличъ	1
Чухлома	2
Нерехта	4
Писцова	1
Ветлуга	3
Юрьевъ-Повольскій	1
	62

Кубанская область.

(628,287 жит.).

Екатеринодаръ	13
Щербиновка	1
Ейскъ	7
Уманская	4
Крымское	1
Новороссійскъ	5
Славянская	2
Темрюкъ	1
Челбашская	1
Кавказская	1
Усть-Лабинская	4
	40

Куопійская.

(215,019 жит.).

Куопіо	1
	1

Курляндская.

(573,856 жит.).

Митава	2
Либава	1
	3

Курская.

(1.827,068 жит.).

Курскъ	33
Короча	5
Обоянь	4
Грайворонъ	2
Мирополье	1
Новый Осколъ	4
Старый Осколъ	6
Тимъ	2
Фатежъ	6
Щигры	8
Борисовка	3
Бѣлгородъ	8

	экз.
Поныри	1
Никольская	2
Дмитріевъ	9
Дьяконово	1
Льговъ	9
Путивль	5
Рыльскъ	8
Суджа	6
	123

Кутаисская.
(504.581 жит.).

Кутаисъ	19
Бѣлогорская	1
Поти	1
Ахалцыхъ	2
	23

Кѣлецкая.
(469.619 жит.).

Кѣльцы	5
Пилица	1
Мѣховъ	2
Андреевъ	1
Пинчевъ	1
Стопница	2
	12

Лифляндская.
(925.275 жит.).

Рига	14
Дерптъ	3
Перновъ	1
Веневъ	1
Иксвиль	1
	20

Ломжинская.
(435.031 жит.).

Ломжа	8
Остроленка	2
Граевъ	1
Щучинъ	1
Пултускъ	3
	15

Люблинская.
(677.240 жит.).

Люблинъ	11
Ивангородъ	3
Грубешовъ	2
Томашевъ-Замосцкій	1
Замосць	2
Красноставъ	1
Ново-Александрія	1
Ополе	1
Хелмъ	5
Яновъ	2
	29

Минская.
(1.001.385 жит.).

Минскъ	14
Лоевъ	2
Борисовъ	3
Игуменъ	1
Мозырь	1
Слуцкъ	2
Паричи	1
Якимовичи	1
Бобруйскъ	5
Пинскъ	1
Несвижъ	2
Новогрудокъ	3
	36

Могилевская.
(924.080 жит.).

Могилевъ	22
Климовичи	1
Кричевъ	1
Гомель	6
Рогачевъ	5
Пропойскъ	3
Чаусы	1
Чериковъ	3
Чечерскъ	2
Горы-горки	1
Копысь	1
Мстиславль	3
Сѣнно	1
Орша	4
	54

Московская.
(1.564.240 жит.).

Москва:
a) по почтѣ . . 70
b) чрезъ кн. маг. Соловьева . 419
489

Волоколамскъ	4
Клинъ	4
Воскресенскъ	2
Звенигородъ	3
Руза	3
Сергіевъ посадъ	8
Валуевская	1
Можайскъ	4
Верея	2
Дмитровъ	2
Каменка	1
Лукашинская	1
Подольскъ	2
Серпуховъ	10
Лопасня	1
Бронницы г.	1
Коломна	5
Богородскъ	4
	547

Нижегородская.
(1.268.492 жит.).

Нижній Новгородъ	42
Горбатовъ	4
Павлово	3
Починки	5
Абрамово	2
Лукояновъ	1
Арзамасъ	4
Мѣдниково	1
Балахна	3
Василь	3
Воскресенское	1
Семеновъ	1
Ардатовъ	1
Княгининъ	2
Лысково	4
	77

Новгородская.
(1.006.293 жит.).

Новгородъ	26
Бѣлозерскъ	4
Череповецъ	8
Кириловъ	4
Устюжна	9
Бахмаровская	1
Еремино	1
Боровичи	11
Валдай	1
Валдайская ст.	1
Крестцы	1
Бронницы ст.	2
Буреги	1
Медвѣдь	3
Старая Русса	4
Избоищенская	2
Сомино	1
Тихвинъ	4
Подберезье	1
Спасская Полисть	2
Бологое	3
Боровенская	1
Мало-Вишерская	1
Окуловская	1
Торбино	1
	94

Нюландская.
(172.504 жит.).

Гельсингфорсъ	6
Свеаборгъ	2
	8

Олонецкая.
(298,932 жит.).

Петрозаводскъ	12
Повенѣцъ	1
Каргополь	1
Вытегра	4
Олонецъ	1
Гоморовичи	1
Пудожъ	1
	21

Оренбургская.
(894.498 жит.).

Оренбургъ	37
Коельская	1
Троицкъ	1
Челябинскъ	5
Кизильская	1

	экз.
Тунгатарово	1
Верхнеуральскъ	1
Орская	6
Илецкая	1
Шарлакскій Ямъ	2
Гурьевъ	1
Нижнеуральскъ	6
	63

Орловская.

(1.547,975 жит.).

Орелъ	41
Трубчевскъ	3
Брянскъ	6
Корачевъ	8
Хотынецъ	2
Елецкъ	18
Упоройская	1
Дмитровскъ	7
Кромы	4
Сѣвскъ	5
Ливны	15
Болховъ	7
Мценскъ	13
Дросково	2
Мало-Архангельскъ	9
Александровка	1
Змѣевка	1
	143

Пензенская.

(1.179,080 жит.).

Пенза	26
Керенскъ	2
Новорчатъ	1
Нижній-Ломовъ	6
Чембаръ	5
Садовская	2
Городище	3
Инсаръ	2
Нечаевскій Уметъ	1
Исса	3
Царевщинская	2
Саранскъ	6
Краснослободскъ	2
Мокшаны	1
	62

Пермская.

(2.198,493 жит.).

Пермь	24
Оса	3
Оханскъ	1
Богословскій зав.	1
Верхотурье	1
Долматовъ	1
Ирбитъ	1
Каменскій зав.	1
Кушвинскій зав.	7
Невьянскій	2
Нижнетагильскій	4
Шадринскъ	2
Екатеринбургъ	28
Сугатская	1

	экз.
Камышловъ	2
Ачитская	1
Кунгуръ	4
Билимбаевскій зав.	2
Веретія	2
Красноуфимскъ	1
Солнкамскъ	1
Чердынь	2
	92

Петроковская.

(620,550 жит.).

Петроковъ	3
Згержъ	1
Пабіанице	1
Радомскъ	1
Рава	1
Ченстохова	3
Сосновицы	2
	12

Плоцкая.

(465,977 жит.).

Плоцкъ	5
Цѣхановъ	1
Праснышъ	1
Млава	1
Любичъ	1
Серпецъ	1
	10

Подольская.

(1.903,896 жит.).

Каменецъ - Подольскъ	16
Ямполь	5
Могилевъ	4
Гусятинъ	1
Ушица	1
Баръ	3
Нѣгинская	1
Ярмолинцы	1
Летичевъ	3
Литинъ	3
Меджибожъ	3
Проскуровъ	5
Немировъ	3
Винница	4
Гайсинъ	5
Дружинская	2
Ольгополь	1
Тульчинъ	10
Брацлавъ	2
Попелюхи	1
Балта	9
Кривое-озеро	1
	84

Полтавская.

(1.911,442 жит.).

Полтава	40
Борисполь	2
Переяславъ	4
Золотоноша	7

	экз.
Опошня	1
Зеньковъ	3
Градискъ	4
Семеновская	4
Хороль	7
Гадячь	8
Лохвица	3
Миргородъ	6
Ромны	9
Яготинская	3
Пирятинъ	11
Лубны	8
Прилуки	19
Кременчугъ	19
Бѣлоцерковка	1
Кобеляки	12
Буняковская	5
Рѣшетиловская	1
Ѳедоровка	1
Карловка	2
Константиноградъ	7
	187

Приморская обл.

(35,683 жит.).

Николаевскъ	5
Хабарово	1
	6

Псковская.

(764,478 жит.).

Псковъ	28
Боровичи	1
Порховъ	4
Бѣжаницы	1
Великія Луки	3
Опочка	4
Межуево	1
Торопецъ	8
Михайловъ погостъ	2
Новоржевъ	6
Святыя-горы	1
Холмъ	3
Островъ	8
	70

Радомская.

(515,257 жит.).

Радомъ	8
Сандомиръ	1
Опатовъ	1
Козеницы	2
Илжа	1
Опочно	1
Конскіе	1
	15

Рязанская.

(1.418,293 жит.).

Рязань	33
Зарайскъ	6
Сапожокъ	7
Ряжскъ	2
Ижевское	3

	экз.
Касимовъ	5
Михайловъ	3
Спасскъ	2
Пронскъ	2
Скопинъ	3
Данковъ	9
Егорьевскъ	1
Злобино	1
Кораблинская	1
Акулово	3
Раненбургъ	5
Ухолово	2
	88

С.-Петербургская.
(1.174.174 жит.).

	экз.
С.-Петербургъ:	
a) по городской почтѣ	689
b) чрезъ книж. маг. Базунова	721
c) чрезъ кн. маг. Исакова	74
d) изъ редакціи	35
	1519
Гдовъ	3
Нарва	6
Черковицы	1
Ямбургъ	2
Тупичино	1
Гатчино	4
Луга	5
Тосна	3
Павловскъ	1
Царское Село	16
Петергофъ	3
Ораніенбаумъ	2
Кронштадтъ	21
Новая Ладога	3
Шлиссельбургъ	1
	1591

Самарская.
(1.690.779 жит.).

	экз.
Самара	25
Балаково	3
Кичуй	3
Зимникова	1
Сорочинская	1
Бузулукъ	4
Бугурусланъ	1
Марьевская	2
Николаевскъ	1
Новый-Узень	3
Красноярская	1
Мелекесъ	2
Ставрополь	2
Чердоклинская	3
	52

Саратовская.
(1.704.051 жит.).

	экз.
Саратовъ	40
Царицынъ	5
Копенская	2
Балашевъ	7
Аткарскъ	3
Камышинъ	7
Дубовскій посадъ	7
Таловка	1
Каменка	3
Камишкеръ	3
Петровскъ	8
Кондалъ	6
Кузнецкъ	5
Сердобскъ	7
Вольскъ	8
Хвалынскъ	4
	116

Семипалатинская обл.
(97.348 жит.).

	экз.
Семипалатинскъ	4
Бухтарма	1
Усть-Каменогорскъ	1
	6

Семирѣченская обл.
(340.000 жит.).

	экз.
Копалъ	1
Исыкуль	1
Вѣрное	6
	8

Симбирская.
(1.183.312 жит.).

	экз.
Симбирскъ	30
Красносенская	2
Пиловальные заводы	2
Алатырь	2
Андреевская	1
Ардатовъ	8
Тагай	1
Корсунь	6
Курмышъ	1
Промзино-городище	1
Буинскъ	4
Сингилей	1
Сызрань	8
Теренгульская	2
Шумовская	2
	71

Смоленская.
(1.161.692 жит.).

	экз.
Смоленскъ	28
Коски	1
Знаменское	2
Юхновъ	1
Рославль	4
Ельня	3
Зарубѣжская	1
Еченстово	1
Соловьево	1
Дорогобужъ	6
Духовщина	6
Порѣчье	1
Бѣлой	6
Красный	8
Куприно	1
Починокъ	4
Вязьма	7
Сычовка	1
Гжатскъ	5
Жульевская	1
	83

Ставропольская.
(393.161 жит.).

	экз.
Ставрополь	21
Медвѣжье	1
Средне-Егорлыкская	2
Хасавъ-Юртъ	4
Шелкозаводская	1
Моздокъ	2
Кизляръ	2
Нальчикъ	3
Прасковея село	2
Пятигорскъ	12
Георгіевскъ	3
Александровская	1
Лабинская	2
Майкопъ	3
Прочный-Окопъ	6
Тифлиская	1
Чунаки	1
	67

Сувалкская.
(478.437 жит.).

	экз.
Сувалки	6
Вейверы	1
Вержболовъ	1
Владиславовъ	1
Маріамполь	1
Кибарты	1
Августово	1
Сейны	1
	13

Сыръ-Дарьинская обл.
(1.064.416 жит.).

	экз.
Ташкентъ	19
Казалинскъ	1
Туркестанъ	2
Чимкентъ	1
Ходжентъ	1
Самаркандъ	5
	29

Сѣдлецкая.
(522.887 жит.).

	экз.
Сѣдлецъ	7
Бяло	3
Мендзерзецъ	1
	11

Тавастгустская.
(161.175 жит.).

	экз.
Тавастгусъ	2
	2

Таврическая.
(666.027 жит.).

	экз.
Симферополь	22
Карасубазаръ	2
Ялта	5
Керчь	16
Θеодосія	6
Севастополь	8
Алушта	1
Евпаторія	4
Судакъ	1
Перекопъ	1
Каховка	2
Геническъ	1
Елань-Загачь	1
Сирогозская	1
Мелитополь	4
Орѣховъ	11
Бердянскъ	9
	95

Тамбовская.
(2.024.234 жит.).

Тамбовъ	49
Толстиковская	1
Елатьма	2
Куликовская	1
Темниковъ	1
Козловъ	12
Спасскъ	3
Шацкъ	3
Моршанскъ	12
Грязи	2
Каргашино	4
Лебедянь	5
Липецкъ	6
Муравьевская	2
Усмань	8
Чириково (Сенцовка)	1
Токаревка	1
Кирсановъ	14
Борисоглѣбскъ	24
Вязовая	1
Окры	1
Разсказово	4
Сампуръ	2
	159

Тверская.
(1.521.577 жит.).

Тверь	17
Селижарово	1
Осташковъ	8
Вышній Волочекъ	7
Осташковская ст.	3
Спирово	1
Торжекъ	7
Неганово	1
Весьегонскъ	2
Кашинъ	8
Кесьма	1
Красный Холмъ	2
Старица	5
Бѣжецкъ	7
Зубцовъ	3
Калязинъ	6
Кимры	1
Корчево	4
Ржевъ	15
	94

Терская область.
(335.633 жит.).

Владикавказъ	16
Веденъ	1
Грозная	8
Слѣпцовская	1
	26

Тифлисская.
(542.578 жит.).

Тифлисъ	81
Джульфы	1
Сурамская	1
Гори	1
Елизаветполь	2
Орпирская	1
Сухумъ-Кале	6
Делижанъ	2
Закаталы	3
Караклинская	2
Теловъ	2
Царскіе-Колодцы	4
Душетъ	1
	107

Тобольская.
(1.105.647 жит.).

Тобольскъ	6
Тюкалинскъ	1
Ишимъ	1
Тара	2
Ялуторовскъ	8
Туринъ	1
Тюмень	8
	22

Томская.
(716.576 жит.).

Томскъ	14
Змѣиногорскій руд.	2
Бійскъ	1
Барнаулъ	11
Каинскъ	1
Берское село	1
	30

Тульская.
(1.152.470 жит.).

Тула	40
Бѣлевъ	8
Веневъ	9
Ефремовъ	8
Кошира	4
Лопатково	1
Епифань	8
Богородицкъ	5
Лукьяновская	2
Алексинъ	3
Доробино	3
Одоевъ	8
Сергіевское	1
Новосиль	3
Чернь	10
Ивановская	1
Крапивна	4
Ненашево	1
Ясенки	3
	122

Уфимская губ.
(1.291.018 жит.)

Уфа	17
Мензелинскъ	2
Бирскъ	3
Набережные челны	1
Златоустовскій зав.	5
Міасскій зав.	1
Стерлитомакъ	7
Поддубовская	1
Саткинскій зав.	2
Тастубинская	1
Белебей	2
Кашкалашинская	1
	43

Харьковская.
(1.599.992 жит.)

Харьковъ	79
Лебединъ	9
Ахтырка	8
Боромля	2
Сумы	18
Бѣлополье	3
Ворожба	1
Коломакъ	4
Валки	8
Бѣловодская	4
Старобѣльскъ	8
Ново-Екатеринославъ	3
Славянскъ	9
Изюмъ	8
Волохоярская	3
Чугуевъ	5
Купянскъ	4
Рогань	1
Богодуховъ	6
Волчанскъ	9
Зміевъ	3
Краснопавловка	1
Барвенково	2
Ставраково	2
	195

Херсонская.
(1.830.138 жит.)

Херсонъ	25
Одесса	101
Новомиргородъ	10
Очаковъ	1
Николаевъ	13

	экз.
Дубоссары	1
Липецкая	1
Яновская	1
Марьяновская	2
Ананьевъ	7
Максимовская	3
Бобринецъ	6
Сусловская	1
Елизаветградъ	21
Кодинцова	2
Вознесенскъ	3
Константиновская	2
Ольвіополь	4
Тирасполь	4
Новая Прага	3
Березовка	2
Песчаный Бродъ	4
Новогеоргіевскъ	1
Александрія	13
Бирзула ст.	1
Ново-Украинка	1
Помошная	1
Ново-Воронцовская	5
	239

Черниговская.

(1.487.372 жит.)

Черниговъ	24
Городня	1
Клинцы посадъ	2
Почепъ	4
Суражъ	3
Мглинъ	5
Понуровская	1
Новгородъ-Сѣверскъ	6
Климовъ	2
Новозыбковъ	3

	экз.
Погаръ	3
Стародубъ	3
Сосница	4
Остеръ	2
Козелецъ	8
Березна	2
Менская	3
Рѣпки	4
Глуховъ	3
Алтыновская	1
Кролевецъ	8
Шостенская	2
Батуринъ	4
Конотопъ	10
Нѣжинъ	12
Бобрикъ	1
Борзна	4
Бровары	1
Красное	1
Плиски	1
	128

Эриванская.

(421.228 жит.)

Эривань	4
Нахичевань	2
Ордубатъ	1
Александрополь	2
	9

Эстляндская.

(318.000 жит.)

Ревель	5
Гапсаль	1
Везенбергъ	5
	11

Якутская область.

(228.060 жит.)

	экз.
Якутскъ	3
	3

Ярославская.

(969.642 жит.)

Ярославль	27
Даниловъ	8
Молога	2
Рыбинскъ	9
Любимъ	3
Мышкинъ	1
Пошехонье	5
Романовъ-Борисоглѣбскъ	2
Угличъ	4
Макарово	1
Ростовъ	7
	64

За границею:

Германія	31
Франція	13
Италія	6
Швейцарія	6
Греція	5
Турція	3
Англія	2
Бельгія	2
Нидерланды	1
Придунайскія Кн.	1
Данія	1
Китай	2
Персія	1
	74

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонская . .	239	29. Владимирская. .	64	57. Астраханская . .	24
2. Кіевская. . . .	213	30. Ярославская . .	64	58. Забайкальск. об.	23
3. Екатеринослав.	201	31. Оренбургская. .	63	59. Кутаиская. . . .	23
4. Харьковская. .	195	32. Костромская . .	62	60. Тобольская . . .	22
5. Полтавская . .	187	33. Пензенская . . .	62	61. Архангельская .	21
6. Тамбовская . .	159	34. Волынская . . .	59	62. Олонецкая . . .	21
7. Орловская . . .	143	35. Московская. . .	58	63. Енисейская . . .	20
8. Черниговская .	128	36. Иркутская . . .	55	64. Лифляндская . .	20
9. Воронежская .	123	37. Могилевская . .	54	65. Ломжинская. . .	15
10. Курская	123	38. Варшавская. . .	52	66. Радомская. . . .	15
11. Тульская. . . .	122	39. Самарская. . . .	52	67. Сувалкская . . .	13
12. Саратовская. .	116	40. Калужская . . .	51	68. Калишская . . .	12
13. Тифлисская . .	107	41. Гродненская . .	49	69. Кѣлецкая	12
14. Таврическая. .	95	42. Вятская.	47	70. Петровская . . .	12
15. Бессарабск. обл.	94	43. Виленская . . .	45	71. Сѣдлецкая . . .	11
16. Новгородская .	94	44. Уфимская. . . .	43	72. Эстляндская. . .	11
17. Тверская. . . .	94	45. Кубанская обл. .	40	73. Плоцкая.	10
18. Пермская . . .	92	46. Ковенская. . . .	39	74. Эриванская . . .	9
19. Казанская . . .	90	47. Витебская. . . .	38	75. Амурская обл. .	8
20. Рязанская . . .	88	48. Минская	36	76. Нюландская. . .	8
21. Подольская . .	84	49. Вологодская. . .	31	77. Семирѣчен. обл.	8
22. Смоленская . .	83	50. Томская.	30	78. Приморская обл.	6
23. Земля Войска		51. Бакинская. . . .	29	79. Семипалат. обл.	6
Донского. . .	80	52. Люблинская. . .	29	80. Выборгская. . .	5
24. Нижегородская	77	53. Сыръ-Дарьинск.		81. Курляндская . .	3
25. С.-Петербургск.	72	область	29	82. Якутская обл. .	3
26. Симбирская . .	71	54. Акмолинская . .	28	83. Тавастгустск. .	2
27. Псковская . . .	70	55. Дагестанская . .	28	84. Абобьернеборгск.	1
28. Ставропольская.	67	56. Терская	26	85. Куопійская . . .	1
					4915

II. Въ С.-Петербургѣ 1519

III. Въ Москвѣ 489

IV. За границею 74

Всего: экз. 6997

Экспедиторъ редакціи: *А. Хомиховскій.*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»,

ЗА 1870 ГОДЪ.

Обозрѣнія.

ности и для реальнаго образованія. — Реальное знаніе—сила.—Новый силлогизмъ классицизма и вѣсти изъ Кіева. (стр. 899). — Ноябрь: Мнѣнія о военномъ преобразованіи. — Различіе цѣлей.—Вопросъ объ увеличеніи военныхъ силъ.—Происхожденіе прусскаго военнаго устройства.—Значеніе его въ общихъ успѣхахъ Пруссіи.—Наши обстоятельства.—Трудное положеніе нѣкоторыхъ патріотовъ. Что такое патріотизмъ? — Новый съѣздъ петербургскаго духовенства.—Ревизія присутственныхъ мѣстъ въ Перми. — Утѣшительный фактъ для нашей печати (стр. 372). — Декабрь: Общая военная повинность и наше реальное образованіе. — Черноморскій торговый флотъ тщетно ищетъ у насъ для своей службы воспитанниковъ реальныхъ гимназій. — Значеніе Высочайше утвержденнаго принципа военной повинности и ожидаемая на основаніи того реформа.—Разборъ мнѣнія диллетантовъ по этому же предмету и ихъ оригинальное отношеніе къ прусской военной организаціи.—Общій результатъ.—Балтійская дорога и балтійскій край. — Размышленія въ «Балтійскихъ письмахъ» и въ англійской Синей книгѣ о балтійскихъ дѣлахъ (стр. 886).

II. Иностранное Обозрѣніе.—Январь: Министерскіе кризисы въ западныхъ государствахъ.—Парламентскія партіи и новое министерство во Франціи. — Вѣнскій рейхстагъ и петиція рабочихъ.—Министерскій кризисъ въ Баваріи и его отношеніе къ германскому единству:—ультрамонтаны и націоналисты (стр. 434). — Февраль: Настоящее положеніе дѣлъ во Франціи. — Наполеонъ III, Рошфоръ и Олливье. — Слова и дѣла новаго министерства.—Свобода печати и парламентаризмъ.—Стачка въ Крёзо.—Недовѣріе къ рабочимъ.—Программы англійскаго и австрійскаго министерствъ.—Новое министерство въ Италіи.—Кандидатура на испанскій престолъ (стр. 861).—Мартъ: Ожиданія Европы отъ конституціоннаго переворота во Франціи. — Поземельный вопросъ въ Ирландіи.—Гладстона проектъ поземельной реформы въ Ирландіи. — Проектъ новаго закона о народномъ образованіи въ Англіи. — Вопросъ о смертной казни въ сѣверогерманскомъ парламентѣ (стр. 422).—Апрѣль: Папство и католическій міръ.—Причина паденія папства въ его разладѣ съ европейскою цивилизаціею. — Слабость литературной пропаганды папства. — Отношеніе народныхъ массъ къ папству и кобленцское заявленіе.—Равнодушіе правительствъ къ папскому вопросу.—Внутренній разладъ въ средѣ духовенства.—Дюпанлу, Маре и Гратри. — Іезуиты и курія. — Процедура собора и 12 апрѣля (стр. 848). — Май: Разбойничество въ Греціи и его причины. — Статья Адама Бэдью. — Бюджетная рѣчь Лоу.—Предположеніе объ осмотрѣ монастырей въ Англіи.—Положеніе дѣлъ въ Ирландіи.—Министерскій кризисъ въ Австріи. — Испанскія дѣла на полуостровѣ и въ Америкѣ. Смерть Лопеца (стр. 394). — Іюнь: Прямое значеніе послѣдняго плебисцита во Франціи.—Что такое плебисцитъ вообще?—Числовые результаты нынѣшняго плебисцита. — Голоса солдатъ, крестьянъ, городскихъ рабочихъ.—Дилемма, представляющаяся непримиримымъ противникамъ имперіи. — Хаосъ среди политическихъ партій. — Что думаютъ о плебисцитѣ республиканцы, буржуазные либералы, бонапартисты?—Задача министерства Олливье.—Республиканцы (стр. 835).—Іюль: Революціонное движеніе въ Италіи. — Полиція и бандиты. — Значеніе итальянской конституціи.—Положеніе финансовъ и сельскаго хозяйства.—Налоги. — Причины революціи и недовольства.—Сокращеніе военныхъ расходовъ. — Разбойничество въ Греціи и Испаніи.—Смѣна министровъ въ Португаліи.—Законъ объ избраніи короля въ Испаніи. — Отмѣна невольничества и движеніе на островѣ Кубѣ. — Смертная казнь въ сѣверо-германскомъ, баварскомъ и нидерландскомъ парламентахъ. — Выборы въ Бельгіи и Австріи (стр. 341). Августъ: Война на Рейнѣ. — Дипломатическіе переговоры.—Газетная полемика.—Южно-германскія государства и Пруссія. Патріотическое воодушевленіе нѣмцевъ. Воззванія прусскаго короля и императора французовъ. Что говорятъ о войнѣ либеральные французы.—Тьеръ.—Продолжительность войны. — Предположенія объ ея возможныхъ результатахъ.—Идея германскаго единства и ея осуществленіе.—Характеръ прусскихъ войскъ (стр. 792).—Сентябрь: Ложныя предположенія о войнѣ между Германіей и Франціей.—Ошибки второй имперіи и ея несостоятельность въ военномъ дѣлѣ. — Театръ войны и военныя дѣйствія.—Что представляетъ побѣжденная Франція и чего можно ожидать? Министерство, законодательный корпусъ, комитетъ столичной обороны.—Генералъ Трошю.—Республиканцы.—Національное воодушевленіе французовъ. — Дѣятельность духовенства и надежды бонапартизма.—Вліяніе успѣховъ нѣмецкаго оружія на Германію и другія государства Европы. — Паденіе второй имперіи (стр. 382). — Октябрь: Взглядъ Ре-

нана на современное положеніе дѣлъ.—Составъ правительства народной обороны во Франціи и его заслуги.—Средства Франціи къ продолженію борьбы.—Настроеніе провинцій.—Происки бонапартистовъ. — Вліяніе побѣдъ на будущее Пруссіи.—Взятіе Рима и австрійскія дѣла (стр. 916).— Ноябрь: Вопросъ о мирѣ.—Общій характеръ дѣятельности турскаго и парижскаго временного правительства во Франціи.—Республиканскій régime personnel. — Метцское правительство и его катастрофа. — Вопросъ о будущемъ Германіи.— Повтореніе извѣстной басни въ московской публицистикѣ по поводу современной войны (стр. 424). — Декабрь: Парижскій миръ и его саморазложеніе (911 стр.).

III. Новѣйшая литература. Январь: Судьбы русскихъ писателей. *Портретная галерея русскихъ дѣятелей А. Мюнстера, томъ II.* *А. С — на* (стр. 488). — Февраль: Русскіе верховники прошлаго вѣка. *Исторія Россіи С. Соловьева, т. XIX.* — Французская литература. *Nos fils par J. Michelet* (стр. 945). — Мартъ: Аракчеевскія военныя поселенія. *Матеріалы для новѣйшей русской исторіи* (стр. 465). — Апрѣль: Русская церковь XV и XVI вѣковъ. *Исторія русской церкви Макарія, архіепископа Литовскаго и Виленскаго. Томъ шестой* (стр. 892). — Май: Русская женщина въ XVI и XVII вѣкѣ. *Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст. Соч. И. Забѣлина* (стр. 426). — Іюнь: Историческія судьбы нашихъ инородцевъ. *Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 года и колонизація Закамскихъ земель въ это время. Н. Ѳирсова* (стр. 862).—Іюль: Общественное воспитаніе въ Англіи. *Среднія учебныя заведенія въ Англіи и Шотландіи. — Отчетъ Деможо и Монтуччи* (стр. 391). — Сентябрь: Исторія лондонскаго Тоуэра. *Her Majesty's Tower, by William Hepworth Dixon. Л. П.* (стр. 410).—Ноябрь: Первые опыты исторіи русскаго дворянства. *Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права, А. Романовичъ-Славатинскаго* (стр. 478). — Декабрь: Факты изъ исторіи современной русской цивилизаціи. *Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи. Вып. 2-й. Кн. В. П. Мещерскаго.* (стр. 946).

IV. Новыя книги: Осьмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ. Кн. IV. — О самоуправленіи. кн. Васильчикова. Т. I. (Янв. 500 стр.). — Юность знаменитыхъ людей, соч. Евг. Миллера.—Исторія черезчуръ доброй собаки. Переводъ Марка Вовчка.—Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. Сост. П. Надеждинъ (Февр. 964 стр.).—Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ, И. Л. Горемыкина (Мар. 477 стр.), — Медикотопографическій сборникъ, подъ ред. С. Е. Ловцова.—О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ, Л. Владимірова (Апр. 908 стр.).—Опытъ улучшенія быта крестьянъ. Соч. Г. А. Теплова. — Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ и до нашего времени, В. Любке, изд. К. Т. Солдатенкова (Май, 441 стр.).—Полный французско - русскій словарь, составленный К. Макаровымъ. Выпускъ первый (Іюнь, 866 стр.).— Сборникъ Русскаго историческаго общества. Томъ пятый (Іюль, 417 стр.)—Русская Старина, В. Семевскаго. — Библія и наука, Г. Вл. (Авг. 848 стр.). — Изслѣдованіе о городахъ въ югозападной Руси, составилъ Влад. Антоновичъ. *И. Р.* — Послѣднее слово о польскомъ вопросѣ въ Россіи.—Взглядъ на значеніе женщины въ исторической жизни народовъ. I. Китай. А. Зыбиной. — Изъ недавней старины.—Воспоминанія и разсказы П. Г. Кичеева.—Видимый міръ. Изданіе А. И. Мамонтова (Сент. 424 стр.).—Архивъ князя Воронцова. Кн. первая. — О самоуправленіи. Кн. А. Васильчикова. Т. II.—Сѣверъ Россіи. М. Сидорова Дек. 950 стр).

V. Библіографическій Листокъ. — Январь: 1) Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла до начала судебнаго слѣдствія. К. К. Арсеньева.—2) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ Т. XIX. Сергѣя Соловьева.—3) Война и миръ. Гр. Л. Н. Толстаго.—4) Причины вырожденія человѣка по Ед. Рейху. Окт. Мильчевскаго.—5) Исторія національной литературы въ Италіи М. Пинто. — Февраль: 1) Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. А. Скребицкаго. — 2) Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст., И. Забѣлина. — 3) Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской Исторіи и Тацитъ. М. П. Драгоманова. — 4) Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холя. Д-ра Бока. Перев. подъ редакц. Паульсона. — Мартъ: 1) Обрывъ. Ивана Гончарова. 2 тома.—2) Государство, общество и право съ точки зрѣнія законовъ народнаго хозяйства. Томъ I. Гр. Симоненко.— 3) Политическая система Петра III. П. Щебальскаго. — 4) Путеводитель по Россіи и за границею. — Апрѣль: 1) Богданъ Хмѣльницкій. Н.

Костомарова, въ 3 томахъ.—2) О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву. Н. С. Таганцева.—3) Полное собраніе законовъ въ извлеченіи къ законамъ о безмездномъ пріобрѣтеніи имуществъ и о наслѣдствѣ. Изд. Грибовскаго и Островскаго. — 4) Овцеводство въ Россіи. С. П. Щепкина. — 5) Историческое призваніе остзейскаго края. Б. И. — 6) Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Н. И. Костомарова. — Май: 1) Старинный театръ въ Европѣ. Алексѣя Веселовскаго. — 2) Живые вопросы. А. П. Пятковскаго.—3) Неронъ. Н. П. Жандра. — 4) О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни. Маріи Манассеиной.— 5) Воспитаніе и начальное обученіе. I. Шарловскаго.— 6) Страховыя артели и долевая рабочая плата Э. Вредена. — Іюнь: 1) Русская начальная школа. Бар. Н. А. Корфа. — 2) Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ V.—3) Наука о человѣческомъ обществѣ. Д. Глинки. — 4) Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 г. до основанія Академіи художествъ. Д. Ровинскаго. — 5) Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ ред. Гербеля. Томъ VII. — Іюль: 1) Переписка митрополита кіевскаго Евгенія. Выпускъ второй.—2) Изъ жизни природы и людей. А. Бекетова. — 3) Селитряный промыселъ на Волгѣ. Кретовича —4) Дѣтская библіотека. П.— 5) Исторія Вятскаго края съ древнихъ временъ до начала XIX столѣтія. С. Васильева и Н. Бехтерева. — Августъ: 1) Историческія письма П. Л. Миртова.—2) Путеводитель по Волгѣ между Нижнимъ и Астраханью. Я. П. Кучина. — 3) Къ мировому! Комедія, Виктора Крылова (Александрова) — 4) Герои труда. По Смайльсу. Изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной. — Сентябрь: 1) Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени. Часть 2-я. Священника Михаила Морошкина. — 2) Исторія русской словесности. Часть I. И. Порфирьева. — 3) Сельскія ссудныя товарищества. В. Ф. Лушина и А. В. Яковлева. — Октябрь: 1) Собраніе сочиненій Е. П. Ковалевскаго. Томъ I. Изд. И. И. Глазунова. — 2) Объ уничтоженіи привилегій на изобрѣтенія. — 3) Политическія движенія русскаго народа. Д. Мордовцева.—4) Живописная Японія. Эме Гюмбера.—5) Выборъ и содержаніе комнатныхъ растеній. А. Лухманова. — Ноябрь: 1) Современная Пруссія въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Эмиля де Лавелэ. Перев. съ франц. — 2) Война 1870 года. Книга I. Изд. М. Устинова. — 3) Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой.—4) Что такое талмудъ? Этюдъ Эм. Дейтша. Перев. А. Э. Ландау.—5) Дѣятели сорокъ восьмаго года и ихъ роль въ событіяхъ, какъ 1848, такъ и послѣдующихъ годовъ. А. Верморелля. — Декабрь: 1) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева. Томъ двадцатый. — 2) Первая Всероссійская Выставка рогатаго скота 1869 года. —3) Записки М. И. Глинки.—4) Исторія французской революціи, Л. Гейссера. Пер. А. Трачевскаго.

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1870.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

Конецъ пятаго года.

...сторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *Сергѣя Соловьева.* Томъ двадцатый. М. 1870. Стр. 484. Ц. 2 р.

Продолженіе труда С. М. Соловьева за ...шній годъ подвинуло нашу исторію прошедшаго ...олѣтія на восемь лѣтъ впередъ, отъ 1733 г. ... 1740 г. Самое вступленіе на престолъ Анны ...анновны и событія, сопровождавшія его, были ...ложены въ концѣ предъидущаго тома; новый, ...адцатый томъ, въ своихъ четырехъ главахъ, ...держитъ самое царствованіе Анны Іоанновны, ... пресловутое время, съ котораго, можно ска...ать, началось раздвоеніе между нашею внѣшнею ... внутреннею жизнью: блескъ внѣшней стороны ...ой жизни начинаетъ заслонять собою всѣ недо...татки и мракъ внутренняго развитія. Дѣйстви...льно, правленіе Анны Іоанновны во внѣшней ...олитикѣ было тою эпохой, когда мы сажали ко...олей на престолы, были грозою Турціи, и это же ...амое время осталось въ памяти народа временемъ ...бироновщины»; тогда можно было въ стихахъ вос...ѣвать торжественно Очаковскихъ героевъ, а въ ...розѣ современникамъ приходилось съ отчаяніемъ ...осклицать: «пропащёе наше государство»! Обѣ эти ...тороны правленія Анны Іоанновны весьма рель...фно выступаютъ въ трудѣ нашего почтеннаго ис...орика, который, пользуясь массою вновь издан...ыхъ документовъ, освѣтилъ это время вполнѣ. ...Еще одинъ или два года, и «Исторія Россіи» всту...питъ въ эпоху Екатерины Великой.

...ервая Всероссійская Выставка рогатаго скота 1869 года. Отчетъ, составленный съ соизволенія Е. И. В. Государя Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго коммиссіею по устройству выставки. Спб. 1870. Стр. 295, in-4°. Ц. 4 р. 50 к.

Цѣлью этой первой выставки было «озна...комить съ различными породами рогатаго скота, ...равнить ихъ относительно достоинства, а равно ...осязательно убѣдиться въ настоящемъ положеніи ...скотоводства въ Россіи, съ тѣмъ, чтобы изыскать ...мѣры къ улучшенію этой важной отрасли сель...скаго хозяйства», и даже болѣе, чѣмъ отрасли: ...главнаго его условія. Вышедшее нынѣ и велико...лѣпно иллюстрированное изданіе этой первой у ...насъ выставки дѣлаетъ ея результаты доступными ...для всякаго, кто и не имѣлъ случая посѣтить въ ...то время Михайловскаго манежа—мѣста выставки. Сельскіе хозяева найдутъ здѣсь весьма любопыт...ныя для нихъ засѣданія самой Коммиссіи во время ...выставки, чтенія спеціалистовъ, которыя происхо...дили тогда же, и большое собраніе чертежей об...разцовыхъ сельско-хозяйственныхъ построекъ ...для предмета выставки. Относительно туземнаго скота, коммиссія пришла къ убѣжденію, что «если состояніе этого скота въ Россіи находится большею частью въ самомъ жалкомъ положеніи, то это рѣшительно зависитъ отъ худого корма и небрежнаго ухода; отсюда происходитъ и ничтожная продуктивность русской коровы». Въ самомъ дѣлѣ, русская корова напоминаетъ собою «тощихъ кравъ» Фараона и не рѣдко вѣситъ около 7 пуд., между тѣмъ какъ ольденбургскій скотъ достигаетъ до 70 пуд. Но «худой кормъ и небрежный уходъ»—виновники такого положенія русской коровы, говорятъ только о крайней бѣдности и нищенствѣ ея хозяевъ, нашихъ крестьянъ, и потому у насъ для улучшенія рогатаго скота болѣе важны косвенныя, нежели прямыя мѣры, т. е. улучшеніе быта земледѣльца, курная изба котораго представляетъ плохое условіе для раціональнаго помѣщенія даже низшихъ породъ.

Записки Михаила Ивановича Глинки. 1804—1854. Въ пользу фонда на сооруженіе памятника М. И. Глинкѣ. Спб. 1871. Стр. 190. Ц. 2 р.

Записки М. И. Глинки носятъ на себѣ весь интимный характеръ случая, которому они обязаны своимъ происхожденіемъ. Онѣ были писаны по просьбѣ сестры нашего знаменитаго композитора и для нея. Тѣмъ не менѣе, записки Глинки и въ своей наивности носятъ на себѣ отпечатокъ его геніальной натуры. Издатель посвятилъ сборъ съ продажи этой книги, за покрытіемъ расходовъ по изданію, на сооруженіе памятника творцу нашей народной музыки въ дополненіе открытой уже подписки по инціативѣ смольнянъ—земляковъ покойнаго.

Исторія французской революціи. 1789 — 1799 гг. *Людвига Гейссера.* Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Трачевскаго. М. 1870. Стр. 459. Ц. 2 р. 75 к.

Имя Гейссера (Häusser) принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые соединяли усидчивый и уединенный кабинетный трудъ профессора съ самою лихорадочною дѣятельностью на политической сценѣ, въ качествѣ депутата и иногда публициста. Если Баденъ, преимущественно предъ всѣми южными государствами, обнаружилъ склонность къ объединенію Германіи, то въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть между прочимъ большого вліянія на молодежь гейдельбергскаго профессора исторіи. Вышедшій нынѣ русскій переводъ лекцій Гейссера о революціи, изданныхъ послѣ его смерти (1866), съ обстоятельнымъ предисловіемъ г. Трачевскаго, можетъ служить превосходнымъ и весьма оживленнымъ комментаріемъ къ извѣстному многотомному труду Зибеля о томъ же предметѣ.

ПОДПИСКА на „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1871 году.

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**;—2) *съ* *ставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьев* **15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ — **16 р. 50** въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получать журналъ съ достав или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ биле вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять с адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая биле для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Жела щіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакц и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, ф миліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не губернскомъ и не уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ свои коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и и городные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для г родскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія* 18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества* — 19 руб.; *Франція Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція* — 21 ру *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльны книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страниц шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, кни сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ тр товъ. Журналъ доставляется на почту въ бандероляхъ; экземпляры иногородные, имѣя себѣ адрессъ подписчика, отправляются при особой *именной картѣ* для росписки получ телей, съ обозначеніемъ дня сдачи книгъ въ Газетную Экспедицію.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе мог поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣсти редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой нов адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адрес для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто пре няго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногор ные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается пря въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Г зетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельст Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись с Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдне

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго н мера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчи

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редактор

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

Второе изданіе «Вѣстника Европы» въ 1870 г. разошлось все по подпискѣ